

**70-летию
битвы под Москвой
и героической обороны
Тулы посвящается...**

ПРАВИТЕЛЬСТВО ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ЦЕНТР ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ТУЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ

МЫ ПОМНИМ...

**Книга воспоминаний
и размышлений
поколений**

1941

Часть 1

**Авторы проекта,
редакторы-составители
Ю.М. Осипов, Л.И. Ростовцева**

Тула 2012

ББК 63.3(2)6
УДК 316.3+94(47)
М 94

М 94 **Мы помним... 1941. Часть 1.** Книга воспоминаний и размышлений поколений / под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. — Тула: Гриф и К, 2012. — 476 с.: ил.

Книга является продолжением издания 2010 года, посвященного 65-летию Великой Победы.

Перед читателем возникает панорама тех далеких, ушедших в историю дней битвы под Москвой и героической обороны Тулы в суровом 1941 году, когда решалась судьба Отечества.

Авторы четырех поколений делятся своими воспоминаниями и размышлениями, рассказывают о подвигах своих отцов, дедов и прадедов в годы Великой Отечественной войны, публикуются материалы из семейных архивов.

Предназначена для историков, социологов, философов, экономистов и преподавателей, учащихся, для всех, кому дорого прошлое и будущее нашей страны.

ISBN 978-5-8125-1718-2

© Коллектив авторов, 2012
© Тульский филиал РГТЭУ, 2012
© ЦОН при МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012

Дорогой читатель!

Вы открыли вторую книгу «Мы помним...», родившуюся на тульской земле. Посвящена она 70-летию битвы под Москвой и героической обороны Тулы и подготовлена, как и первая, созданная в честь 65-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., благодаря многолетнему сотрудничеству ученых Тульского филиала Российского государственного торгово-экономического университета и Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Это дань памяти ныне живущих поколений великому прошлому нашей страны.

1941 год — драматическое, но вместе с тем и героическое время. Обрушившиеся на нашу страну жестокие испытания невероятно обострили чувства национальной гордости, преданности Отчизне, любви к земле отцов и дедов, ответственности за ее судьбу. Массовый патриотизм советских людей, который явился одним из решающих факторов победы — феномен, привлечший внимание не только серьезных исследователей, писателей, политиков, но и молодежи. Авторы четырех поколений рассказывают о подвигах родных и близких, земляков и соотечественников, восхищаются мужеством и стойкостью на фронтах, в тылу, делятся воспоминаниями, осмысливают прошлое и настоящее. Это весьма важно сегодня, когда предпринимаются многочисленные попытки пересмотра истории, роли СССР во Второй мировой войне.

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой явился началом коренного поворота в ходе войны. Был развенчан миф о непобедимости гитлеровской армии. Итоги битвы под Москвой стали вдохновляющими для нашего народа и удручающими для противника, укрепили моральный дух воинов Красной армии.

Героическая оборона Тулы — яркая страница в летописи войны. Фашисты хотели захватить город оружейников и с юга двинуться на столицу. Цель им казалась легко достижимой — перед танковыми дивизиями Гудериана не было в тот момент крупных группировок советских войск. Но на защиту города

вместе с армейскими частями встало все население Тулы и ее окрестностей. Люди стояли насмерть. Доблестный Тульский рабочий полк с огненных рубежей сорок первого вошел в бессмертие. Большой вклад в борьбу с врагом внесли партизаны. Рабочие и инженеры тульских заводов ремонтировали танки, артиллерийские орудия, изготавливали минометы, пулеметы, винтовки.

Вспоминая о героических защитниках Москвы и Тулы, мы помним о подвиге Брестской крепости, участников Смоленского сражения, боев за Днепровский рубеж и Ленинград, партизанского движения на Брянщине, в Белоруссии, северных районах Украины... Мы помним о подвиге наших отцов, дедов и прадедов, хотим больше знать об их военном детстве и юности. А значит есть преемственность национального сознания, которая необходима для утверждения Великой России.

В.С. Груздев,
губернатор Тульской области

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

1941-Й — ГОД ЛИХОЛЕТЬЯ

Слово «война» в отечественном сознании ныне сопрягается только с одним явлением — с Войной — Великой Отечественной, которая предстанет не столько собственно военной битвой, сколько невероятно трудным, но в то же время и невероятно вдохновенным испытанием человека-народа на жизнь, на само бытие в одухотворенном пространстве мироздания.

Быть или не быть!

Никто толком не осознавал всей глубины случившегося, даже ее прямые инициаторы, причем они-то, наверное, менее всего, а на самом-то деле Война была не только войной в обыденно-привычном понимании — людской, а и чем-то другим, далеко выходящим за пределы человеческого понимания — событием внеземного, космического, какого-то даже потустороннего порядка, явно сверхчеловеческого. Кому и зачем потребовалось это великое напряжение, кому и зачем потребовались многомиллионные жертвы, кому и зачем потребовалась необъяснимая загадка войны? Все это еще лишь предстоит осмыслить, разумеется, не в количестве дивизий и танков, территорий и потерь, хотя без этого и не обойтись, а в терминах потаенных смыслов.

1941 год. Июнь. 22-е. Начало, а точнее — всполох войны. Знали, ждали, готовились... и все равно внезапно, колко, оцепеняюще! А в душах готовность, хладность, решимость. Волнение лишь в головах: как?.. Как ее совершить, эту войну — уже почему-то разгаданную — народную, отечественную, священную. Последнюю? Но не вообще последнюю, а последнюю для живущих, еще живущих, уже и обреченных, но все равно живущих. И действующих. Да, первые поражения — внезапные, как и сам всполох войны, необъяснимые, жуткие, страшные. Но нет почему-то страха, паники, бегства, хотя все это и было, а есть работа — военная работа, войной обусловленная работа, всеобщая работа. Армия, люди, скот, машины, составы — все в работе, хоть и в немалом разброде, почти в безнадежье, но почему-то с победной верой — еще не в победу в войне, а в саму эту несчастную войну, в ход войны, ради жизни! И ничего иного!

И наступил час — час первой победы, уже в войне, на поле битвы, в прямом сражении. Наступление наших под Москвой и их (гадов!) первое поражение. Эйфория от летних побед сменилась для них шоком зимних поражений!

Нет, враг не побежал вовсе, как и вообще он не бегал, этот сильный и упорный враг, но предательская каверна уже открылась в безрассудочном бессознании врага — и хотя их скорбное дело еще долго продолжалось на земле, но уже было ясно, что Победа наша непременно, как и то, что будет она оплачена дорого, слишком дорого!

Блистательность Победы, как и великая цена за нее, вся прошедшая по родной земле война, это грозная война-жизнь и мужественная жизнь-война, перетекли в память не одних только участников грандиозного военного действия, но и всех потомков сакрального исторического события. Война вовсе не там — где-то в глухомани истории, а прямо здесь — на ярком свету современности.

Память о Войне, как никак не исчезающее и никуда не уходящее переживание поколений, вовсе в войне как таковой не участвовавших, но зато к ней — величественной, страшной и почему-то упорно манящей — причастных. Вроде бы для того, чтобы не повторилось ничего подобного — это для всех ясно, но и, надо полагать, — уже для немногих, остро чувствующих и мужественно мыслящих, чтобы не оказаться в дурном «расплохе» перед третьим мировым Армагеддоном.

Ю.М. Осипов,
*директор Центра общественных наук
при МГУ имени М.В. Ломоносова,
Президент Академии философии хозяйства*

О ТОМ, КАК СОЗДАВАЛАСЬ НАША КНИГА

В книге — память о начале войны. Она не дает покоя ее участникам, воевавшим на фронтах и в тылу, пережившим плен и подполье. «Врезалась навсегда», как пишут многие дети войны в своих воспоминаниях. Это память о наших отцах и дедах, их рассказах, сохранившихся в нашем сознании, о ратном и трудовом подвиге народа. Наконец, самое главное — память современной молодежи о тех далеких годах, сконцентрированная в их семейных преданиях. Именно молодежи предстоит строить будущее нашей страны, поэтому книга предназначена в первую очередь для нее.

Четыре поколения делятся своими воспоминаниями и размышлениями по поводу 70-летия гитлеровского нападения на Советский Союз. Тяжелые поражения Красной армии в первые месяцы Великой Отечественной войны и ростки победы осенью 1941 года под Москвой снова и снова возвращают к вопросам, на которые нет однозначных ответов.

Многочисленные отклики на книгу «Мы помним...», посвященную 65-летию Великой Победы, вызвали желание продолжить проект «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов». В Международном конкурсе эссе, посвященном 70-летию битвы под Москвой и героической обороны Тулы, который был объявлен правительством Тульской области, Центром общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова и Тульским филиалом Российского государственного торгово-экономического университета, приняли участие 487 человек из 46 городов и населенных пунктов шести стран: России, Украины, Беларуси, США, Израиля, Германии.

В книгу вошли 165 работ. Среди авторов — известные писатели, ученые, изобретатели оружия и их потомки, профессорско-преподавательский состав вузов, учителя, медицинские работники, общественные деятели, инженеры, артисты и космонавт. Уникальность издания в том, что во 2-й части публикуются работы школьников, студентов, учащихся средних специальных учебных заведений, работающей молодежи.

Приняли участие и оказали содействие в подготовке книги музеи городов Тулы, Москвы, Юхнова, Бреста, Могилева, многие общественные организации, среди которых Международный общественный фонд имени полководца Г.К. Жукова, Межгосударственный союз городов-героев и городов воинской славы, объединения ветеранов войны и труда.

Мы попытались создать поистине «народную» книгу, чтобы способствовать сохранению исторической правды и связи поколений. Были бы весьма рады всем откликам на нее, замечаниям и уточнениям.

Н.В. Калинин,
*директор Тульского филиала
Российского государственного
торгово-экономического университета*

О ПОДВИГЕ И СВЯЗИ ПОКОЛЕНИЙ, ИЛИ ПРАВДА О ВОЙНЕ

О Великой Отечественной войне написано очень много. Кажется, что добавить что-либо еще новое к тому, что известно, уже невозможно. Существует множество специальных исследований, военно-исторических и мемуарных произведений о героических победах и печальных поражениях Красной армии, подвигах и предательстве, крупных сражениях и локальных боях. Однако толкования различных военных операций, событий и роли личностей даются разные.

Раньше, в советское время, превозносились наши победы и замалчивались неудачи из-за требований цензуры и боязни сказать правду, чтобы не вызвать недовольство в высоких инстанциях. Сегодня, наоборот, в погоне за сенсациями из коммерческих или политических интересов, вследствие обид, часто выпячиваются мрачные стороны войны, ошибки и просчеты И.В. Сталина и военного руководства, искажаются факты, смещаются акценты. Особенно настойчиво ставится под сомнение массовый героизм советского народа, «разоблачается» его подвиг.

Это касается в первую очередь СМИ и научно-популярной литературы. В «переписывании истории» заинтересованы и правящие элиты многих стран, подгоняющие оценки военных событий уже 70-летней давности под свои нынешние политические интересы. В то же время в учебных планах и программах читаемых курсов в наших образовательных учреждениях истории Великой Отечественной войны отводится незначительное место. В итоге — современная российская молодежь зачастую затрудняется назвать дату гитлеровского вторжения в СССР, главные сражения, фамилии выдающихся полководцев, героев, не знает союзников и противников. Из сознания вычеркиваются героические страницы отечественной истории, разрывается связь поколений.

Чтобы побудить молодых людей в начале нового XXI века задуматься над прошлым своей страны, мы реализовали проект «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов» и подготовили правдивую книгу «Мы помним...», отражающую реальность 1941-го.

В ней говорится о том, как почувствовали начало войны люди в западной приграничной полосе, что ощущали в окружении и аду плена, как жили на оккупированных территориях. Все это не получило еще должного освещения в литературе. Предлагаемые читателю эссе позволяют судить о восприятии войны и рядовыми соотечественниками, и представителями элит, руководителями и организаторами героического противостояния гитлеровской машине (сегодня как-то забывается,

что 22 июня 1941 года против СССР выступила не только 70-миллионная Германия, а и 300-миллионная континентальная Европа, вольно или невольно усилившая германскую военную мощь).

В книге собран опыт пережитого и опыт интерпретации Великой Отечественной войны, ценный для народа, для правителей и законодателей. В ней две части: «О войне из первых уст» и «Великая Отечественная война в ценностном сознании современной молодежи». За первой главой «Чтобы живые помнили» научно-мемуарного характера следуют воспоминания и размышления очевидцев, представителей старших поколений в главах «В первые дни и месяцы войны», «По дорогам войны», «Мое военное детство», «Наши отцы воевали и деды», «Солдатская правда. Из дневников, писем, воспоминаний». Глава «Герои рядом» составлена из работ авторов разного возраста, в отличие от глав второй части, где в эссе молодежи (аспирантов, студентов, школьников, учащихся средних специальных учебных заведений и работающих молодежи) рассказывается о мужестве и подвигах дедов и прадедов, бабушек и прабабушек, их биографиях и жизненных историях, сохранившихся в семьях.

Книга «Мы помним...» — источник для дальнейших научных исследований историков, социологов, философов, политологов, экономистов. Она необычна уже по оформлению: кроме фамилии, имени, отчества автора сразу же бросается в глаза дополнительная информация о возрасте, социальном статусе, научных руководителях и учителях. Это дает возможность судить о мнениях наших современников разных поколений относительно сегодняшнего дня и военного прошлого, об их ценностных ориентациях, ожиданиях, настроениях. Информация «из первых уст» знающих людей, непосредственных участников и свидетелей тех событий, а также семейные предания — ценнейший ресурс, как и уникальные документы: дневниковые записи, письма, воспоминания и фотографии из семейных архивов и музеев, обладающие большой научной ценностью. Так, весьма интересны переведенные с немецкого языка студентами материалы из дневников швейцарского представителя Международного Красного Креста, немецкого солдата, а также впервые публикуемые отрывки из дневников и писем военной поры наших соотечественников.

Кроме того, выход в свет этой книги важен еще по нескольким причинам. Она может использоваться в учебном процессе и внеучебной воспитательной работе школ, колледжей, вузов. Она расширяет наши знания о Великой Отечественной войне, учит думать, стимулирует интерес к генеалогии своей семьи и рода, а также воспиты-

вает чувства, вызывая то восхищение подвигом и гордость за героев, то досаду за поражения и просчеты, то скорбь по погибшим, то удивление... Без знания, без памяти о таких событиях эпохального значения, как Великая Отечественная война, теряется преемственность поколений, а, значит, жизненная сила народа, его воля, нравственность, вера в свое будущее.

Осенью сорок первого наша армия и наш народ выиграли битву под Москвой, героически отстояли Тулу. План молниеносного разгрома Советского Союза был сорван.

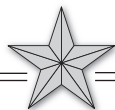
Низкий поклон всем защитникам Отечества, совершившим Великий Подвиг!

Л.И. Ростовцева,
*доктор социологических наук, профессор
Тульского филиала Российского государственного
торгово-экономического университета,
действительный член Академии
философии хозяйства*

Часть I

О войне из первых уст

Глава 1. Чтобы живые помнили

ФЕНОМЕН МАССОВОГО ГЕРОИЗМА

*Мединский Владимир Ростиславович, 41 год,
профессор МГИМО МИД РФ, доктор политических наук
депутат Государственной Думы РФ,
член Союза писателей России,
г. Москва*

*Да, враг был храбр.
Тем больше наша слава.
Константин Симонов*

Подвиг и символ

Особенность Великой Отечественной — это массовый героизм. Само выражение «массовый героизм» звучит как-то странно, ведь героизм просто по определению — это то, что должно быть исключительным, уникальным. Но что тут поделаешь, если он действительно был массовым? То, что всегда, во всей мировой военной истории, было исключением из правила, у нас стало правилом, нормой.

Массовый подвиг советских людей во время войны дал колоссальный пропагандистский материал. Когда победа куплена кровью миллионов и скреплена десятками тысяч примеров того, как люди сознательно жертвовали жизнью, — это чрезвычайно укрепляет любой политический режим.

Во время и после «идеологической перестройки» этот массовый подвиг особенно настойчиво ставился под сомнение. Официальный советский миф разоблачали, тужась доказать, что «все было не так».

К сожалению, разоблачать пропаганду сталинского времени трудно. Шла война, и все делалось топорно, в спешке, с пренебрежением к деталям. Сталинские пропагандисты всегда описывали истории, как говорят киношники, «базирующиеся на реальных событиях». Но, как и положено в Голливуде, лакировали, отбрасывали лишнее, временами нещадно перевирали детали: имена, места, обстоятельства дела.

Понять их можно. Во-первых, под артобстрелом не до подробностей. А во-вторых — ведь писали не документально-исторические хроники, не жизнеописания конкретных личностей. Широкими мазками

создавали панораму войны, где каждый герой был как бы символом, собирательным образом.

Александр Матросов — солдат-пехотинец 2-го отдельного стрелкового батальона 91-й отдельной Сибирской добровольческой бригады имени И.В. Сталина. Одной из причин его посмертной славы было то, что в названии его части каждое слово было в цель, укладывалось в мифологию. Сибиряк в советской мифологии — практически сверхчеловек. Доброволец. И главное, имени Сталина! Правда, после развенчания культа личности название бригады куда-то незаметно исчезло.

28 героев-панфиловцев олицетворяли собой всех защитников Москвы.

Сержант Павлов и снайпер Зайцев — защитников Сталинграда.

Летчик Гастелло — это русский камикадзе.

Маресьев — символ нестигаемого духа русского солдата.

Этим «символизмом» порой пользуются для того, чтобы «разоблачить» не только сталинскую пропаганду, но и сам подвиг. Не по злому умыслу, а скорее по недомыслию, или попросту по глупости. Что вполне подобно классическому: «выплеснули вместе с грязной водой и ребенка». Впрочем, всякое бывает.

Наш камикадзе? Нет, наш герой

Приведу несколько примеров с наиболее известными «характерными» именами героев войны, ставших в те годы своего рода военными иконами.

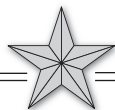
Н.Ф. Гастелло. По официальной версии, 26 июня 1941 года на направлении Молодечно—Радосшковичи Николай Гастелло вместо того, чтобы выпрыгнуть с парашютом и остаться в живых, направил свой подбитый самолет на колонну танков и автомобилей вермахта, наступавших на Минск.

Посмертно награжден Звездой Героя, о летчике написаны книги, именем Гастелло были названы колхозы, пионерские дружины, корабли и заводы.

Сегодня есть много всяческих альтернативных версий. Якобы корреспонденты военных газет просто перепутали: Гастелло вообще не было в этом месте, он погиб намного раньше, а на таран танковой колонны пошел другой летчик, Александр Маслов¹.

Есть версия, что сам Гастелло не дотянул до танковой колонны — его самолет рухнул где-то на опушке, а врезался в фашистов другой самолет.

¹ Молодцы казахи. Стрелком-радистом у Маслова был казах Бейсекбаев. Власти Казахстана сделали все, чтобы о подвиге экипажа стало известно. И в 1996 году А. Маслову, Г. Реутову и Б. Бейсекбаеву было присвоено звание «Герой России».

Все в СССР были убеждены в том, что Гастелло совершил подвиг в одиночку и притом на истребителе. Ведь при рассказе о подвиге Н.Ф. Гастелло члены его экипажа, как правило, не упоминались. Вообще. Словно их там и не было. А в послевоенной художественной литературе главными героями авиации были летчики-истребители. Как одиночку, pilota-истребителя, Гастелло и рисовала пропаганда. И в пьесе «Гастелло» подвиг совершался одним Гастелло, на истребителе, и на мозаичных панно, и на картинах, на иллюстрациях к книгам — везде он изображался один.

На самом деле это был бомбардировщик, и вместе с командиром Гастелло погибли члены экипажа: лейтенант А.А. Бурденюк, лейтенант Г.Н. Скоробогатый, старший сержант А.А. Калинин.

Экипаж погиб весь, просто летчики остались в тени подвига командира. Только в 1958 году они были награждены орденами Отечественной войны I степени (посмертно).

Широко ходят и другие мифы: что Гастелло совершил первый таран в истории авиации; или что Гастелло совершил первый в истории таран наземной цели.

Это, конечно, не так.

На самом деле первый в истории воздушный таран применил русский летчик Петр Николаевич Нестеров. Тот самый, которого «петля Нестерова». Произошло это еще в 1914 году в ходе Первой мировой войны.

Первый таран самолетом наземной цели совершил советский летчик Михаил Ююкин 5 августа 1939 года на реке Халхин-Гол.

Первый таран в истории Великой Отечественной совершили практически одновременно советские летчики Д.В. Кокорев, Л.Г. Бутелин и И.И. Иванов.

Время их подвига различается буквально на минуты: Кокорев был первым тараном, сбив самолет противника 22 июня 1941 года приблизительно в 4 часа 15 минут, а Иванов — в 4 часа 25 минут.

Первый в истории Великой Отечественной войны таран наземной цели совершил советский летчик П.С. Чиркин — и тоже в первые часы войны — 22 июня 1941 года.

Стоп, стоп... Вот типичнейшее явление, возникающее при любом «разоблачении» героев войны: как только начинают их «разоблачать», тут же оказывается — у «официальных» героев есть предшественники! Много предшественников и еще больше последователей.

В СССР часто говорили о летчиках, «повторивших подвиг Гастелло». На самом деле их было сотни. Генерал-майор авиации А.Д. Зайцев в своей книге «Оружие сильных духом» оценивает количество воздушных таранов в более чем 620.

Не все тараны были самоубийственными, очень часто наш летчик спасался, выбрасываясь с парашютом, иногда даже умудрялся спасти свой самолет.

При этом вражеский экипаж и его самолет никогда после тарана не выживали, да и от колонны танков, бронетехники, мостов, кораблей — куда только ни направляли свои самолеты наши герои — мало что оставалось.

Гастелло — наш камикадзе? Нет. Камикадзе — человек, который изначально, в одиночку, в самурайском духе готовится к смерти. Его таран — практически религиозный поступок, к которому он идет всю жизнь.

В случае с Гастелло все по-другому. Прежде всего, члены экипажа его бомбардировщика — люди неверующие, они не верят ни в перерождение, реинкарнацию, ни в вечную жизнь. Это сознательный гражданский поступок. Эти люди готовились не к смерти, а к долгой счастливой жизни вместе с детьми и внуками. А главное, решение принимает не один человек — это коллективное решение о самопожертвовании. Подобные вещи тысячекратно сильнее, чем поступок любого камикадзе.

Пропаганда военной поры выделяла кого-то одного, чаще всего случайно. Стремительно «лепилась» нужная биография, придумывались назидательные детали. Создавалась легенда, нужная пропагандистской машине, и часто сам герой рисковал не узнать самого себя в этом образе.

По законам жанра герой всегда один, потому что запоминается один человек. Летчик Гастелло. Летчик Талалихин. Летчик Маресьев. Красноармеец Матросов. Комсомолка Космодемьянская. Пионер-герой Ленья Голиков.

Одни лица возвеличивались, другие могли практически игнорироваться. Забыли даже тех, кто сидел в одном самолете с Гастелло. Но давайте отметим главное: героев было много, много больше, чем мы можем себе даже представить.

Гастелло сто раз заслужил свою посмертную славу. Но рядом с ним стоит *несколько авиаполков* его предшественников и последователей, абсолютных, стопроцентных героев. Настоящих, истинных «сверхчеловеков».

Таня

Не так давно в прессе решили помусолить «правду» о Зое Космодемьянской. Мол, поджигала она не немцев, а крестьянские избы, да и сдали ее сами крестьяне. Мол, отец ее был «враг народа», и дочь пошла на задание только ради его реабилитации. Некоторые журналисты, потирая потные ладошки, дошли чуть не до живописания сексуальных игр роты эсэсовцев с русской девочкой.

Противно все это, но все же придется рассказать, что было на самом деле.

Действительно, Зоя Космодемьянская был внучкой убитого большевиками священника. Осенью 1941 года она в числе тысяч и тысяч московских комсомольцев добровольно ушла на фронт. После окончания диверсионной школы стала бойцом разведывательно-диверсионной «партизанской части 9903 штаба Западного фронта» [1].

Было ей 18 лет.

Поджигала ли она крестьянские избы? Да. Только те избы, где не было никаких крестьян, а в которых останавливались оккупанты. Это было жестоко? Да. Война — вообще жестокое дело, а уж тем более тотальная война на уничтожение.

Группе, в которую входила Зоя Космодемьянская, дали задание: в течение 5—7 дней сжечь 10 населенных пунктов, в их числе деревню Петрищево Рузского (тогда — Верейского) района Московской области. Группа понесла тяжелые потери. Из 10 вышедших на задание только трое дошли до цели и подожгли несколько домов в Петрищево. Нацисты успели выскочить, но 20 немецких лошадей погибли.

После этого один из диверсантов-поджигателей решил, что дело сделано, и благополучно вернулся к своим. Другой был схвачен немцами. Зоя, пересидев день в лесу, на следующую ночь вновь пошла в село. Именно этот поступок отважной партизанки лежит в основе позднейшей «мифоразоблачительной» версии, будто бы «она самовольно, без разрешения командира направилась в деревню Петрищево». Пошла она в лютый мороз — не «самовольно», а для того, чтобы до конца выполнить данный ее группе приказ — «сжечь населенный пункт Петрищево» [1].

Посмотрите: девчонка осталась зимой в лесу одна. Никто не осудил бы ее, попытайся она вернуться к своим. Но как только стемнело, она вновь пошла в деревню. Потому что этого требовало ее чувство долга. Немцы были настороже. Зоя направилась к дому, где «на квартире стояли 4 офицера и переводчик». Когда партизанка стала поджигать дом, ее заметил местный полицей и побежал за немцами. Зою схватили. Полицая благодарные оккупанты подарили бутылку водки. Сребреники немцы сэкономили. Позднее, в 1990-х гг., была сконструирована сенсационная версия о том, что в Петрищеве-де вообще не было немцев, а партизанку схватили сами местные жители, дома которых она собиралась поджечь.

И это несмотря на то, что в Петрищеве до самого недавнего времени жили очевидцы тех драматических событий. «Теперь пишут, — говорила в беседе с корреспонденткой «Комсомольской правды» Н.Н. Седова (в 1941 году ей было 9 лет), — что и немцев-то в Петрищеве не было. Но ведь можно людей спросить. Немцы нас из домов прикладами выгоняли. В каждой избе было их набито. Мама и четверо детей — мы ютились в кухне на соломе» [2].

На допросе она назвалась Таней. Больше не сказала ничего. Раздев до гола, ее несколько часов пороли солдатскими ремнями с пряжками. Затем на протяжении четырех часов водили босой, в одном белье, по улице: по снегу, на морозе. Наутро Космодемьянскую вывели на улицу, где была сооружена виселица; на грудь ей повесили табличку с надписью «Поджигатель». Саму казнь одна из свидетельниц описывает следующим образом:

«До самой виселицы вели ее под руки. Шла ровно, с поднятой головой, молча, гордо. Подвели к виселице, скомандовали расширить круг вокруг виселицы и стали ее фотографировать... Подошел немец и стал надевать петлю. Она крикнула: «Сколько нас ни вешайте, всех не перевешаете, нас 170 миллионов. Но за меня вам наши товарищи отомстят». Она хотела еще что-то сказать, но в этот момент ящик убрали из-под ног, и она повисла» [2].

Тело Космодемьянской провисело около месяца, неоднократно подвергаясь надругательствам со стороны проходивших через деревню немецких солдат. Под Новый, 1942 год пьяные немцы сорвали с повешенной остатки одежды и в очередной раз надругались над оледеневшим трупом, исколов его ножами и отрезав грудь.

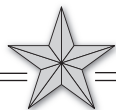
27 января 1942 года в газете «Правда» был опубликован очерк Петра Лидова «Таня». Вечером того же дня его передали по Всесоюзному радио. Диктор, с трудом сдерживая слезы, рассказала потрясенной стране о юной девушке, во время выполнения боевого задания попавшей в руки немцев, вынесшей нечеловеческие пытки, но не предавшей своих товарищей. Казненной, но несломленной.

Специально созданная комиссия установила подлинное имя героини. Ею оказалась 18-летняя московская *школьница* Зоя Космодемьянская. 16 февраля 1942 года ей посмертно было присвоено звание Героя.

С тех пор имя Зои Космодемьянской стало частью официального советского мифа о войне.

Официальный миф сопровождало множество неофициальных самого разного рода. Говорили, например, что Сталин, узнав о подвиге Зои, приказал не брать в плен солдат и офицеров 332-го пехотного полка вермахта. Если это и не так... то жаль, идея неплохая.

«С тех пор имя Зои Космодемьянской на десятилетия стало символом героизма, мужества, патриотизма советской молодежи. Однако в начале 1990-х гг. в печати появились материалы, ставившие под сомнение подвиг юной героини и бросавшие тень на ее личность. В них утверждалось: Зоя Космодемьянская, подозреваемая в заболевании шизофренией, пошла в деревню Петрищево, где не было немцев, самовольно, без приказа командира отряда; диверсантка пыталась сжечь дома местных жителей, но те ее схватили и выдали немцам. Еще один вариант — Зою выдал фашистам ее товарищ по оружию Василий Клубков. Есть версия, что под псевдонимом «Таня» на самом деле скрыва-

лась не Зоя Космодемьянская, а другая девушка. В этих публикациях отразились некоторые факты биографии Зои Космодемьянской, замалчивавшиеся в советское время, но отразились, как в кривом зеркале, в чудовищно искаженном виде» [1].

Сталинская машина действовала предельно жестоко. Члена группы, который сумел вернуться, нашли, обвинили в предательстве и расстреляли.

Но давайте повторим главный вопрос: что же нам следует осудить? Какую часть нашей истории откинуть? Отметим, и тоже не в первый раз: не одна Зоя Космодемьянская приняла мученическую смерть и вела себя подобно величайшим из христианских героев-мучеников. Сразу после публикации очерка «Таня» в «Правде» «Таню» опознали несколько женщин как своих дочерей.

Личность Зои установила специальная комиссия МГК ВЛКСМ в феврале 1942 года, труп ее опознали мама, брат, ближайшая подруга. Но стоило копнуть глубже — и нашлись буквально десятки новых имен!

Назовем лишь одно из них: Веры Волошиной, члена такой же точно группы. Она попала в плен в те же самые дни, в конце ноября 1941 года. Тяжело раненную партизанку немцы привезли в деревню Головково. Начался допрос: где партизаны, сколько их, каковы их планы? Вера молчала. Ее зверски пытали, истязали, но так ничего и не добились. Истерзанную девушку бросили в машину и повезли на казнь. Когда солдаты опустили борта машины, жители увидели лежавшую в кузове в одном белье Веру. Палачи хотели поднять ее, чтобы набросить на шею петлю, но она оттолкнула их и, цепляясь рукой за кабину грузовика, медленно встала. В наступившей тишине раздался звонкий голос: «Вы пришли в нашу страну и найдете здесь свою смерть! Москву вам не взять...». Когда машина медленно тронулась с места, Вера последний раз громко крикнула: «Прощай, Родина! Смерть фашизму!»

Массовый детский героизм

Официальная пропаганда создала для участников войны, подростков в возрасте от 11 до 15 лет, такой штамп — «пионер-герой». Звучит невероятно. Потомкам сегодня непросто в это поверить, но немцы столкнулись в России с массовым детским и подростковым героизмом.

Четверо ребят были удостоены звания Героя Советского Союза: Леня Голиков, Марат Казей, Валя Котик, Зина Портнова. Число представленных к более скромным наградам исчисляется тысячами.

Вот вроде совсем недавно мы учились в школе, когда учительница рассказывала про их подвиги. И казалось, на этот раз все-таки вырвется из окружения разведчик Марат Казей и не надо будет ему взрывать себя вместе с немцами гранатой...

Не будет смертельно ранен в 1944 году Валя Котик — с его-то боевым опытом как-нибудь уберется... Он же еще с 1941-го в партизанах.

Не будет растерзана немцами подпольщица Зина Портнова...

Но надежды не сбывались и, как Чапаев в кино, они все погибали. У этих совсем не сказок всегда был несчастливый конец. Но была хотя бы благодарная память потомков, всеобщее уважение и поклонение. Помнят ли современные школьники хотя бы одно «каноническое» имя своих сверстников — героев Войны? Хотя бы имя Голикова? Это риторический вопрос. Ответ вы сами прекрасно знаете...

Леонид Александрович Голиков (1926—1943) по малолетству вошел в историю как «Леня Голиков». Он погиб в неравном бою в возрасте 16 лет, отчества ему как-то и не полагалось. Но до своей героической гибели бригадный разведчик 67-го отряда 4-й ленинградской партизанской бригады Л.А. Голиков участвовал в 27 боевых операциях, уничтожил 78 немцев, два железнодорожных и 12 шоссейных мостов, два продовольственно-фуражных склада и 10 автомашин с боеприпасами. Он сопровождал обоз с продовольствием (250 подвод) в блокадный Ленинград. Это просто невозможно нам сегодня представить.

Ведь кто он такой — по сегодняшним представлениям социологов из Гэллапа? Прыщавый подросток, целевая аудитория Дома-2. То есть какое-то бессмысленное существо, озабоченное только пивом, тряпками и пока отсутствующим сексом. А Леня Голиков за доблесть и отвагу был награжден орденом Ленина, орденом Боевого Красного Знамени и медалью «За отвагу».

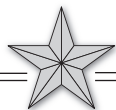
13 августа 1942 года, возвращаясь из разведки от шоссе Луга—Псков, он гранатой подорвал легковую машину, в которой находился немецкий генерал-майор Рихард фон Виртц. В перестрелке Леня застрелил из автомата генерала, сопровождавшего его офицера и шофера. В штаб бригады разведчик доставил портфель с документами. В их числе были чертежи и описание новых образцов немецких мин, инспекционные донесения вышестоящему командованию и другие важные бумаги военного характера. За этот подвиг Леня Голиков был представлен к званию Героя Советского Союза.

В советское время Леня Голиков был почти канонизирован. Официоз можно и отбросить. Но как можно нам сегодня не чтить память 16-летнего героя? И других героев, для которых солнце погасло, когда им было 12—14 лет?

Не 28, а «целая рота»

«Разоблачили» даже героев-панфиловцев.

Согласно официальной версии, 16 ноября 1941 года бойцы 4-й роты 2-го батальона 1075-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии во

главе с политруком В.Г. Ключковым у разъезда Дубосеково около Волоколамска четыре часа сдерживали натиск многократно превосходящих сил немцев, наступавших на Москву, уничтожив 18 вражеских танков. Все 28 героев погибли.

Начиная с 1966 года все «уточняют», сколько именно было панфиловцев и насколько официальная версия правдива. В конце концов, военная прокуратура пришла к выводу, что именно этот бой 16 ноября — плод вымысла газеты «Красная Звезда».

Много лет после войны находили живых и здоровых бойцов 4-й роты. Доходило до трагедий: когда в 1947 году демобилизовавшийся герой приходит домой, а оказывается, он 6 лет как «погиб». Жена живет с другим. Что же было в действительности?

Из рассказа командира 1075-го стрелкового полка И. В. Капрова:

«...Никакого боя 28 панфиловцев с немецкими танками у разъезда Дубосеково 16 ноября 1941 года не было — это сплошной вымысел. В этот день у разъезда Дубосеково в составе 2-го батальона с немецкими танками дралась вся 4-я рота, и действительно дралась героически. Из роты погибло *свыше 100 человек*, а не 28, как об этом писали в газетах» [3].

Вот так. Того, что расписали в газете, не было, но другой бой, еще более жестокий, и «панфиловцев», погибших у Дубосеково, — больше 100. Заметьте, что в роте того времени — вряд ли больше 120—130 человек. Из них в этом одном (!) кровавом бою 16 ноября погибло больше 100... Страшно? Кстати, спартанцев, вставших против полчищ Ксеркса, тоже было отнюдь не 300 — читайте «Мифы о России».

Это очень типично для почти всех историй с «разоблачениями» героев Великой Отечественной. «Разоблачители» легко находят несуразности в официальной трактовке подвига. Это нетрудно. Но тут же выясняется — настоящие герои намного *круче* — я сознательно использую это современное словечко, чтобы быть понятым каждому пацану, — намного круче придуманных.

Реальная десятиклассница Зоя Космодемьянская мало похожа на официальную комсомольскую икону. Но она — абсолютная героиня, и ничего тут не поделаешь. Да еще оказывается, таких как она были десятки, если не сотни...

Так и судьба реальных панфиловцев еще трагичнее и ярче того, что о них сочинили. Хотя бы уже тем, что они, неся смерть врагу, оказались умелы, по-военному профессиональны, и, понеся страшные потери, не отступили, и все же погибли не все.

Или вот еще один эпизод с кремлевскими курсантами в «Утомленных солнцем-2». Он основан на рассказе замечательного писателя Константина Воробьева — участника тех боев. Никита Михалков решал свои художественные задачи и отступил от буквальной исторической правды.

Действительно, юную «элиту Красной армии, рост от 185 см», полк кремлевских курсантов, бросили в бой под Москвой. Меньше чем за сутки они совершили 85-километровый марш к Волоколамску из летних лагерей в Солнечногорске. В десяти курсантских ротах было почти полторы тысячи бойцов и больше ста офицеров — кстати, с боевым опытом Финляндии и Халхин-Гола. Оборона курсантского полка растянулась на 30 километров. Эти отважные юноши ценой чудовищных потерь удержали свой участок фронта. Они даже контратаковали! Еще в самом начале боя — а он продолжался не двадцать минут, как в кино, а *почти два месяца* — была ночная атака во фланг прорвавшимся немцам. Редчайший случай: находясь в окопной обороне, эти 18–19-летние мальчишки сумели в неожиданной штыковой контратаке взять 500 пленных!

Под Москвой погиб каждый второй из славной когорты — 811 человек. Но задача командования была выполнена. 400 оставшихся в живых курсантов после этих боев досрочно получили погоны и отправившись в армию командовать взводами и ротами. А 158 с самых младших курсов вернулись заканчивать учебу.

И еще немного о странностях, которые происходят иногда с художественным вымыслом.

Напомню ключевой момент сцены с кремлевскими курсантами в фильме «Утомленные солнцем-2» — атака их позиции немецкими танками с тыла.

Когда-то давно мне попали в руки воспоминания старого профессора МГИМО, прошедшего всю войну. Рассказывал ветеран, как он только-только взял в руки винтовку в ополчении, и их поставили в окопы у Москвы... И тут идут танки. Идут с тыла — и ополченцы ликуют, думают, что это *наши танки*, подмога... А когда танки подходят на несколько десятков метров, вдруг понимают: это немцы.

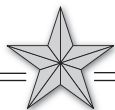
С тыла. От Москвы. И это — ощущение абсолютного ужаса.

Ветеран вспоминал: конечно, командиры не растерялись, танки пропустили, даже кого-то подбили, но с той поры ничего страшнее в жизни никогда не было. Много лет в кошмарных снах профессор видел, как из тумана, со спины ползут на него немецкие танки...

Михалков про эти воспоминания ничего, разумеется, не знал, но вот как удивительно оборачивается правдой жизни художественный вымысел.

Матросов

Александр Матросов. По официальной версии, первым закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. Правда, разнятся сведения — где и когда точно.

На самом деле, как и Гастелло, Матросов, конечно, не был первым.

В 1941-м подвиг «повторили» пять бойцов Красной армии, в 1942-м — 31, а в 1943-м (до Матросова) восемь. Таким образом, у Матросова было как минимум 44 предшественника. Чем именно Матросов так очаровал пропагандистов того времени, не знаю, разве что фамилия боевая... Но что никто из 44 не стал широко известен — это факт. А вообще, за все время войны бросок Матросова на амбразуру совершили по разным данным от 200 до 400 солдат и офицеров Красной армии.

Теперь о самом Матросове.

Почему-то многим кажется, что если советская пропаганда что-то перепутала или приукрасила, так уже и самого подвига не существует.

Вот сообщается, что «Александр Матросов родился вовсе не в городе Екатеринославе (ныне Днепропетровск), а в Башкирии, в деревне Кунакбаево, и настоящее его имя — Шакирьян Мухаметьянов. Отец его вовсе не погиб от пуль кулаков, а мать не умерла с горя, как это утверждалось в официальной биографии, выпущенной миллионными тиражами. Мать Шакирьяна умерла в 1932-м, а отец сильно пил и не работал, поэтому мальчика отвезли в детский дом» [4].

Так это или не так, спорить не буду. Во-первых, потому, что биография каждого героя всегда известна в нескольких версиях. Во-вторых, потому, что это не имеет никакого значения. Разве что-то меняется от того, что подвиг совершил башкир, узбек, грузин или еврей? На мой взгляд, совершенно ничего не меняется. А от того, что его отец не был убит врагами советской власти, а просто сгинул от пьянства? И от этого совершенно ничего не меняется.

Самое главное — подвиг был. А остальное, уж простите, ни для чего неважные детали.

«Свой подвиг Александр совершил не 23, а 27 февраля. Число «23» было придумано политуправлением РККА из идеологических соображений — День Красной армии. Обстоятельства гибели Шакирьяна М. тоже отличаются от вымышленных». Более чем вероятно. Ну и что? Подвиг сам был или нет? Читаем «борцов за историческую правду» дальше: «О боевых товарищах Александра, сделавших не меньше него, но оставшихся в живых вследствие большего военного опыта, не было сказано ни слова» [4].

Так были и боевые товарищи? Как у Гастелло?! Так, развенчивая миф, коллектив под руководством А. Зубова вынужденно признает: массовый героизм вовсе не выдуман сталинской пропагандой. Сталинские идеологические «соколы» выдергивали отдельные примеры, приукрашивали их, добавляли идеологически правильных подробностей (вроде отца, убитого кулаками).

Поразительно, но даже самые «неприятные», самые постыдные моменты той войны все равно перекрываются личным бесстрашием, го-

товностью к самопожертвованию тысяч и тысяч навеки, увы, забытых простых людей, простых героев.

1941-й. Советское руководство бежит из Севастополя — это с явным удовольствием описывает тот же самый коллектив авторов:

«В ночь на 1 июля 1942 г. из Севастополя бежала группа представителей командования Севастопольского оборонительного района во главе с командующим Черноморским флотом и СОР вице-адмиралом Ф.С. Октябрьским. На Херсонесском аэродроме изможденные защитники города, ожидавшие эвакуации по ранению, подняли шум, раздавались возмущенные крики и несколько автоматных очередей. От командования отделился военный комиссар 3-й особой авиагруппы главной базы полковой комиссар Борис Евгеньевич Михайлов. Он заявил, что остается с защитниками города...».

Михайлов лично водил в контратаки бойцов и был убит возле того самого аэродрома 3 июля при разрыве немецкого снаряда. «Добровольно остался в городе и начальник Севастопольского горотдела милиции Н.Н. Исаев, погибший в бою 2 июля».

Так, оказывается, не все комиссары и энкаведешники драпали?

Боже, о чем вы! В одной только книге «Золотые звезды политработников» приведено около 30 биографий политработников авиации, удостоенных Золотой Звезды Героя Советского Союза.

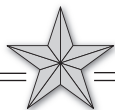
Например, вот такие:

Гвардии капитан П.П. Кожанов, комиссар эскадрильи, погиб в воздушном бою 22 апреля 1943 года. К тому времени он совершил более 500 боевых вылетов, сбил 9 самолетов лично и 4 — в группе с товарищами. Награжден орденами Ленина и Красного Знамени. «Бесстрашный истребитель. Любимец всех летчиков. Где бой достигает наивысшего напряжения, там всегда впереди комиссар. Он своим примером вливает новые силы в воздушных бойцов...».

Герой Советского Союза Анатолий Петрович Чулков (1908–1942) — комиссар, заместитель командира эскадрильи по политической части 751-го авиационного полка дальнего действия 17-й авиационной дивизии дальнего действия, майор. Им произведено 114 боевых самолетовых вылетов, из них ночью — 111, и все с отличным выполнением боевого задания.

И оказавшись в окружении, в самой безнадежной ситуации, не все торопились сдаваться, как тот же вытасченный «либеральными» историками с пыльного чердака генерал Власов.

Весной 1942 года немцы нашли труп командующего 33-й армией Михаила Ефремова. Попавшая в окружение армия не смогла выйти к своим, 13 апреля 1942 года всякая связь с ее штабом теряется. Отдельные части разбитой, истекающей кровью армии разрозненными группами пробиваются на восток.

19 апреля 1942 года командарм М.Г. Ефремов получил три ранения и, не желая попасть в плен, застрелился.

Немцы похоронили тело Ефремова с воинскими почестями и салютом. Один из немецких генералов обратился к построенным немецким солдатам: «Сражайтесь за Германию так, как сражался Ефремов за Россию».

В СССР подвиг Ефремова оставался почти неизвестным. Только 31 декабря 1996 года Указом Президента Российской Федерации «За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» генерал-лейтенанту Ефремову Михаилу Григорьевичу посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации.

Эта тема бесконечна и неисчерпаема.

Число наших героев действительно измеряется десятками тысяч, а может, сотнями. И даже миллионами. Но как мы этот героизм воспринимаем, как он живет в нашем коллективном сознании сегодня?

Трагедия 33-й армии давно обсуждалась в нашей публицистике. Вспомним пронзительное стихотворение Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом».

*Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?*

Документальный фильм «Ржев. Неизвестная битва Жукова» (НТВ, 2009) вызвал необычайно острую реакцию в обществе. Фильм, конечно, небесталанный, но какой-то... странный. Странное ощущение, будто главная его идея: доказать, что маршал Жуков — крайне жестокий человек и неумелый полководец.

Добрые 70% киновремени посвящены трагедии 33-й армии. Утверждается, в частности, что Жуков не давал разрешения генералу Ефремову пойти на прорыв и воссоединиться с основными частями, чем и погубил его армию.

Полное впечатление, что сценарий писал Резун-Суворов.

«Вдогонку противнику, который никуда не бежал, Жуков смело двинул 33-ю армию генерал-лейтенанта Ефремова и 1-й гвардейский кавалерийский корпус, не обеспечив их тылов и флангов. 33-я армия и 1-й гвардейский кавалерийский корпус тоже попали в окружение и несколько месяцев героически сражалась в тылу противника без эвакуации раненых, без подвоза горючего, боеприпасов и продовольствия. 33-я армия и ее командующий генерал-лейтенант Ефремов погибли под Вязьмой» [5].

Так было или не совсем так? Судить не берусь — пусть спорят военные историки. Скажу одно: с точки зрения национального духа (или «моднее» — национального пиара) фильм плохой. Ибо будит ощущение безнадежности, люди гибнут ни за что, бесцельно...

Нет! Если народ собирается и дальше существовать, о таких трагедиях надо писать и снимать совершенно иначе. Мне доводилось рассказывать в «Мифах о России» о случае, когда во время Крымской войны 1853–1856 годов дурак командир бросил британскую конницу в атаку на русские части по крутому склону. Лев Толстой сам видел эту бессмысленную атаку и писал, что русские чуть не плакали, стреляя в британских кавалеристов, которые все медленнее скакали на верную смерть.

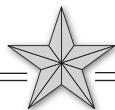
И что же? В Британии эта атака воспринималась абсолютно позитивно: как символ доблести британского военного, который в любых условиях безупречно выполняет приказ. Даже самый идиотский. Даже ценой собственной жизни. Лондонский бар, который так и называется: «Атака красной конницы», увешан красивыми картинами, в самом героическом духе изображающими это бестолковое мероприятие. Вот так — даже не самую лучшую страничку своей военной истории англичане умудрились превратить в нравоучительную и духоподъемную.

А мы оплевываем абсолютных, стопроцентных героев. Героев, которых даже наши враги брали за образец для своих солдат.

Надо не рассуждать о том, какой жестокий / не жестокий был известный всем Жуков, а рассказывать, каким отважным человеком был забытый, к нашему стыду, Ефремов. Русский офицер, перед которым даже фашисты склоняли головы.

Литература

1. *Горин М.М.* Зоя Космодемьянская (1923—1941) // Отечественная история. 2003. № 1.
2. *Овчинникова Л.* Свеча на ветру // Комсомольская правда. 1991. 29 ноября.
3. *Кардин В.* Легенды и факты. Годы спустя // Вопросы литературы, № 6, 2000.
4. История России. 1939—2007 / Под ред. А.Б. Зубова. М., 2009.
5. *Суворов В.* Тень победы. М., 2008.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Родович Юрий Владиславович, 63 года,
доктор исторических наук, профессор Тульского государственного
педагогического университета им. Л.Н. Толстого,
г. Тула*

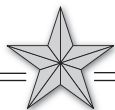
70 лет назад войска нацистской Германии и ее союзников вероломно напали на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война. Эта война стала составной частью Второй мировой войны. В нашей стране вышло огромное число добротных научных работ по истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны [1]. В то же время в некоторых из этих трудов отдельные фрагменты писались в угоду тем или иным находившимся у власти политикам и военачальникам. Заслуживают внимания фундаментальный труд ИВИ РАН «Мировые войны XX века» (М., 2002), а также «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки», в 4 книгах (М., 1998–1999). По поручению президента РФ готовится издание в 2011–2015 гг. многотомного фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.». Следует отметить также сборник статей отечественных и зарубежных ученых «Союзники в войне 1941–1945» (М., 1995) и 10-томную работу военных историков ФРГ «Германский рейх и Вторая мировая война» (Штутгарт, 1979–2008).

В последние годы в освещении истории минувшей войны обнаружились две крайности. Как отметил доктор исторических и военных наук М.А. Гареев, некоторые российские авторы, иногда вроде бы из патриотических побуждений, не признают критического рассмотрения событий и действий отдельных личностей. При таком подходе нам просто не будут верить, а главное — без объективного критического анализа прошлых событий невозможно извлечь должных уроков.

Однако наибольшую угрозу представляет ультралиберальный исторический нигилизм, когда опошляется и дискредитируется история Великой Отечественной войны [2, с. 28–30]. К 60-летию Победы вышли в свет такие оскорбляющие чувства ветеранов произведения, как «Беру свои слова обратно» В. Суворова (Резуна), «Отцы-командиры. Звезды на погонах — звезды на могилах» А.З. Лебединцева и Ю.И. Мухина, «Десять сталинских ударов» В.В. Бешанова, «Разгром Советского Союза» Б.Н. Красильникова и некоторые другие. В этой связи необходимо дать хотя бы краткий анализ основных направлений и точек зрения на проблемы прошедшей войны. Во взаимодействии с Комиссией при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России МГИМО(у) МИД России

опубликовал 6-томный труд «65 лет Победы» (под общ. ред. С.Е. Нарышкина, акад. А.В. Торкунова. М.: МГИМО, 2010), готовятся к изданию еще 2 тома. Тогда же издан сборник статей «Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход: документальные очерки» (сост. А.А. Ахтамзян. М.: МГИМО(У), 2010). В этих работах обстоятельно, на основе новых архивных документов России и зарубежных стран повествуется о перипетиях политических, дипломатических и военных столкновений, затронувших интересы половины населения нашей планеты. В издательстве «Книга и бизнес» была опубликована коллективная монография «Смысл Великой Победы» (под общ. ред. чл.-корр. РАН В.Н. Кузнецова). Здесь представлены итоги исследований важнейших теоретических и методологических проблем истории величайшей из всех войн.

Когда началась Вторая мировая война? Традиционная точка зрения — 1 сентября 1939 г. — нападение гитлеровской Германии на Польшу. Однако в 1998 г. в изданном Е.Ф. Языковым курсе лекций по истории стран Европы и Америки в новейшее время автор подчеркивает: в предвоенные годы, «как правило, считалось, что Вторая мировая война фактически началась уже в 1936–1938 гг. после первых агрессивных актов держав реакционно-фашистского блока» [3, с. 332–333]. Ю.Н. Бандура в статье «Вторая мировая: о какой войне идет речь?» приводит четыре концепции начала Второй мировой войны. В соответствии с первой из них, война началась в 1931 г. с нападения Японии на Маньчжурию, и ее изложил в качестве официальной позиции правительства Великобритании в 1946 г. глава британской делегации на последней сессии Лиги наций Ф. Ноэль Бэйкер. Эту точку зрения разделяет и американский исследователь А. Ириэ [4, с. 172]. По второй концепции, война началась в декабре 1941 г., когда Япония напала на США. По третьей, вообще была одна мировая война, которая продолжалась с 1914 по 1945 г., а по четвертой, было две войны, но не Первая и Вторая мировые, а Европейская и Азиатско-Тихоокеанская. Сам Ю.Н. Бандура не согласен с признанием 1 сентября 1939 г. началом Второй мировой войны. Это несогласие выражает и ряд других современных авторов: Ю.А. Никифоров [5, с. 14], Л.И. Олыштынский [6, с. 386–389], Н.А. Нарочницкая, В.М. Фалин, И.В. Можейко [7, с. 54–55, 8, с. 12]. Н.А. Нарочницкая не без оснований утверждает: «Западные великие державы считают мировой войной только те действия, в которых они сами участвовали, между тем к моменту нападения Гитлера на Польшу полным ходом война шла в Азии. Начиная с 1937 года, Китай жертвенно боролся против японской агрессии, и уже к 1939 году его потери составляли почти 20 миллионов человек. В Европе тоже уже полным ходом шел масштабный передел мира. Италия захватила Албанию, применила отравляющие вещества, в Абиссинии

от этого погибли 200 тысяч населения. Поэтому мы вправе ставить вопрос правомерности той даты начала Второй мировой войны, к которой все привыкли» [9, с. 23].

Причины Второй мировой войны также по-разному рассматриваются в историографии. В 3-й книге четырехтомника «Мировые войны XX века» они связываются с насильственным переделом государственных границ и геоэкономического пространства после Первой мировой войны, что неизбежно вызывало международные конфликты, вело к нарастающему вмешательству великих держав в дела других государств [10, с. 16–31], а в статье А.Г. Дульяна в сборнике «Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?» (М.: Вече, 2009) — с порочностью созданной по итогам Первой мировой войны Версальской системы [11, с. 103]. «Советско-германский пакт 1939 г. не был и ни в коей мере не может рассматриваться как причина или некий «сигнал» к началу Второй мировой войны, — пишет А.Г. Дульян. — Скорее это относится к политике «умиротворения» ряда европейских держав, прежде всего Англии и Франции, которые вместо отпора готовящейся гитлеровской агрессии стремились лишь повернуть ее на восток [11, с. 118].

Н.А. Нарочницкая обращает внимание на связь мировых войн XX века с цивилизационными противоречиями, в том числе вековым противостоянием западноевропейской и православной славянской цивилизаций [12].

Американский историк Т. Тейлор, анализируя предпосылки войны, утверждал, что Версальский договор «воспрепятствовал здоровой эволюции франко-английской политики в отношении Германии и оказался неспособным противостоять силовому давлению Третьего рейха» [13, с. 48]. В книге «Вторая мировая война» Г.П. Вильмонта, Ч. Мэсинджера, Р. Кросса (2006) говорится, что война была продуктом глубокого нарушения равновесия в международных делах. Семена конфликта были заложены Версальским мирным договором [14, с. 6–9].

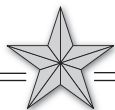
Многие западные историки исходят из решающей роли Гитлера в развязывании Второй мировой войны. Версия о виновности в развязывании войны одного лишь Гитлера исходит от нацистских военных преступников, представших перед Международным трибуналом в Нюрнберге и пытавшихся таким образом оправдать свои преступления. Позже тезис о роли Гитлера в развязывании войны повторяют в своих мемуарах генералы вермахта: немецкий ученый И. Фест в книге «Адольф Гитлер. Биография» (Пер. с нем. Смоленск, 1993), французский историк А. Мишель. Последний в 1980 г. писал, что Гитлер — это «глубокий психопат и преступник». В то же время он делает существенное пояснение: «Крупные собственники и промышленники оказали поддержку Гитлеру, благодаря которой он сумел захватить и удержать власть. Нацисты в полной мере использовали тенденции

господствующих кругов: их социальный и религиозный консерватизм, страх и ненависть по отношению к социализму и даже либерализму, пангерманский шовинизм».

На Западе пропагандируется тезис о том, будто бы в возникновении войны наряду с Германией виноват СССР. Этот тезис, содержащийся в изданном в США в 1948 г. сборнике «Советско-германские отношения в 1939–1945 годах» и подвергшийся обоснованной критике еще в советской историографии [15], был и остается основным в фальсификации истории. Его цель — запутать вопрос о причинах Второй мировой и Великой Отечественной войн, оправдать правительства и финансовую олигархию ведущих мировых держав того времени — главных виновников трагедии человечества, принизить роль нашей страны в достижении Победы и оттеснить нынешнюю Россию на обочину мировой политики. 3 июля 2009 г. Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла резолюцию, содержащую обвинение СССР как соучастника развязывания Второй мировой войны, с пространным рассуждением о равнозначности нацизма и сталинизма. Н.А. Нарочницкая выступает против «антинаучной трактовки тождества нацизма и коммунизма» [9, с. 30]. 9 сентября 2009 г. в британской газете «Гардиан» С. Милайн в статье «Это переписывание истории отравляет атмосферу в Европе» отметил: «Обвинение СССР во Второй мировой войне не только бессмысленно, но и воодушевляет сторонников нацистского наследия времен войны» [16, с. 54–55].

К. Юбенк (США), выпустивший на стыке 60-х и 70-х гг. книгу, посвященную причинам возникновения войны, утверждал, что следует пересмотреть взгляды ортодоксальных историков, которые все валили на «умиротворителей» [17, с. 88, 90]. Между тем деятельность британского премьер-министра Чемберлена и его окружения, по его словам, не лишена заслуг. Пассивность Запада по отношению к фашистской агрессии автор объясняет тем, что ни Англия, ни Франция не обладали в тот период времени военным превосходством.

По-прежнему яростным атакам подвергается советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г., известный как пакт Молотова–Риббентропа. Немецкий историк Э. Нольте назвал этот пакт европейской прелюдией ко Второй мировой войне «пактом войны». В последнее время эта тема снова раздувается на Западе, и особенно в странах Восточной Европы, в республиках Прибалтики, некоторых других государствах ближнего зарубежья, да и у нас, в России. «Сталин, — безапелляционно утверждал доктор исторических наук Н.Г. Павленко, — сорвал возможность заключения союзного договора с западными державами перед войной» [18, с. 355]. Доктор исторических наук М.И. Семиряга назвал одну из своих статей «Сговор двух диктаторов». «Сталинский режим, — говорится в статье, — в политическом, да и в моральном пла-

не был больше подготовлен к сговору именно с Гитлером» [19, с. 201]. А как же оценивать Мюнхенское соглашение 1938 г. (для автора он не сговор)? И как оценивать тот факт, что Англия и Франция раньше Советского Союза заключили с Германией декларации о ненападении? М.И. Семиряга очень деликатно отметил, что «англо-французские партнеры не проявляли активной и должной заинтересованности в заключении военного соглашения с Советским Союзом» [19, с. 208]. Авторы сборника «Другая война» (под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева, 1995) утверждали: договор от 23 августа 1939 г. был продиктован не стремлением советского руководства избежать вовлечения в начинающуюся в Европе войну, а, напротив, представлял собой хорошо продуманный шаг с целью создания условий для территориальной экспансии, «провокацию Второй мировой войны»; Советский Союз в 1939–1941 гг. вел агрессивную политику, подготавливая нападение на Германию, и лишь случайное стечение обстоятельств привело к тому, что этого не произошло [20, с. 29]. При этом забывают о том, что до заключения пакта Германия в марте 1938 г. захватила Австрию, а в конце сентября того же года в результате политики западных демократий по подталкиванию Гитлера на Восток, против СССР, состоялся Мюнхенский сговор. Гитлеру была отдана Судетская область Чехословакии. Нельзя не пройти мимо того факта, что еще Великобритания еще в сентябре, а Франция в декабре 1938 г. подписали с Германией декларации о ненападении. Но их в этом ведь никто не обвиняет.

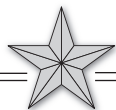
Усилия же СССР по созданию системы коллективной безопасности в Европе, предпринятые с конца 1933 г., торпедировались главами западных держав, прежде всего, Великобританией. Почему? Ведь мировая война стояла у порога. Британский премьер-министр Н. Чемберлен на заседании кабинета министров 26 августа 1939 г. прямо заявил о своих намерениях: «Если Великобритания оставит г-на Гитлера в покое в его сфере (Восточная Европа), то он оставит в покое нас». А еще раньше, 22 августа, Чемберлен направил послание Гитлеру, пытаясь убедить его отказаться от планов нападения на Польшу и предложив вернуться к переговорам и обсудить «широкие проблемы, влияющие на будущее международных отношений, включая вопросы, представляющие взаимный интерес». Это дало основания Гитлеру 22 августа заявить своим генералам: «В действительности Англия поддерживать Польшу не собирается». Так оно и произошло: Польшу бросили на произвол судьбы.

Итак, считать советско-германский пакт о ненападении первопричиной Второй мировой войны нет оснований. А вот для национальной безопасности СССР заключение советско-германского пакта о ненападении и секретного дополнительного протокола имело большое значение. Нападение гитлеровской Германии на СССР было отодвинуто

почти на два года. Заключение договора от 23 августа 1939 г. и секретного дополнительного протокола к нему, как отмечал в конце 90-х гг. XX века российский ученый В.Я. Сиполс в книге «Тайны дипломатические», имело для Советского Союза стратегическое значение, так как границы СССР отодвинулись в сентябре 1939 г. далеко на запад к немецким границам. СССР смог избежать войны на два фронта. У Японии была подорвана вера в своего стратегического союзника. Пакт был заключен в дни боев на Халхин-Голе, а Германия, вопреки Антикоминтерновскому пакту 1936 г., даже не посоветовалась с японской стороной о заключении договора с СССР. В знак протеста правительство Хиранумы даже подало в отставку. СССР смог начать приобретать необходимые ему материалы, оборудование и технологии, недоступные в то время на других рынках. Советский Союз показал всем, что он не намерен играть роль второразрядного государства в игре, затеянной западными державами. Пакт Риббентропа—Молотова, — отмечает российский историк Н.А. Нарочницкая, — является крупнейшим провалом британской стратегии за весь XX век. Ведь он поменял расписание, начертанное английскими политиками: Гитлер начал войну сначала с Польшей, а затем против западных держав, а не против СССР [21, с. 53].

Вместе с тем договор не способствовал отведению угрозы войны от Советского Союза. Стремление правительства СССР к неукоснительному выполнению его положений, боязнь их нарушить и тем самым спровоцировать нападение, вера И.В.Сталина в силу договора обусловили недостаточную готовность нашей страны к вероломному нападению. Отсюда и указания по определенным направлениям идеологической пропаганды, и сообщение ТАСС от 14 июня 1941 г. о том, что де Германия не имеет намерений напасть на СССР. Все это способствовало дезориентации населения СССР и его армии, позволив германским войскам достичь внезапности в начале войны. Хотя с политической и военно-стратегической точек зрения эта война вовсе не была неожиданной.

Еще одна из фальсификаций — версия о превентивном характере войны Германии против СССР. Суть этого тезиса в том, что в 1941 г. якобы готовилось вторжение Красной армии в Европу, что представляло «смертельную угрозу» Германии, которая в целях «защиты себя и других западных стран» вынуждена была начать войну против СССР. Эта версия была сфабрикована нацистской пропагандой и отражена 22 июня 1941 г. в переданном советскому правительству заявлении германского посла Шуленбурга, и в меморандуме, врученном Риббентропом в этот же день советскому послу В.Г. Деканозову в Берлине уже после вторжения. Миф о «превентивном нападении» был разоблачен еще на Нюрнбергском процессе. Бывший руководитель германской прессы и радиовещания Фриче признал, что он организовал широкую

кампанию антисоветской пропаганды, пытаясь убедить общественность в том, что в этой войне повинен СССР. Однако в приговоре Международного трибунала отмечалось: «22 июня 1941 г. без объявления войны Германия вторглась на советскую территорию в соответствии с заранее подготовленным планом. Доказательства, представленные трибуналу, подтверждают, что Германия имела тщательно разработанные планы сокрушить СССР как политическую и военную силу, чтобы расчистить путь для экспансии Германии на Восток в соответствии с ее стремлениями... Планы экономической эксплуатации СССР, массового угона населения, убийства комиссаров и политических руководителей были частью тщательно разработанного плана, выполнение которого началось 22 июня без какого-либо предупреждения и без тени законного оправдания. Это была явная агрессия».

Однако тезис о превентивной войне был в наше время подхвачен бежавшим на Запад В. Суворовым (В.Б. Резуном), утверждавшим в книгах «Ледокол» и «День М»: СССР якобы чуть ли не первым готовился напасть на Германию; указывался даже конкретный срок — 6 июля 1941 г., но Гитлер, мол, просто опередил Сталина. Эту версию подхватили некоторые российские исследователи. Убогость методологии Резуна–Суворова на большом фактическом материале показали не только многие отечественные авторы — ученые М.А. Гареев, В.А. Анфилов, А.Н. Мерцалов, А.С. Орлов, М.Ю. Мягков, публицисты А. Помогайбо, В. Суоров, А. Исаев и др., но и израильский историк Габриэль Городецкий, подчеркнувший, что «вопреки тому, что утверждает Суворов, к июню 1941 г. ни механизированные войска Красной армии, ни ее ВВС не находились в состоянии готовности». А ведь для подготовки превентивной войны необходимы были: решение политического руководства страны; отмобилизованная армия, укомплектованная по штатам военного времени; план проведения кампании, подобный плану «Барбаросса», который был бы доведен до войск. Германией все эти условия были выполнены. В СССР в 1941 г. ничего этого не было.

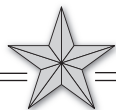
Анализ содержания нацистских документов, исследования отечественных и немецких ученых, в которых рассматриваются проекты ведения войны против СССР (проекты Э. Маркса, Б. Лоссберга, ставшие основой плана «Барбаросса») [22, с. 28–46; 23], план «Ост» по колонизации Восточной Европы, в частности восточных земель СССР, впервые выставленный для всеобщего обозрения в сети Интернета на сайте Берлинского университета им. Гумбольта в декабре 2009 г. и обстоятельно исследованный в сборнике «65 лет Великой Победы» [24, с. 172–184], свидетельствуют об агрессивной сущности планов фашизма против СССР. С мифом о превентивной войне, как утверждал видный ученый из ФРГ Г.-А. Якобсен, «должно быть покончено: нападение Германии не было превентивной войной... Решение Гитлера о

наступлении стало выражением его агрессивной политики, которая с 1938 г. проявлялась во все более неприкрытой форме».

В то же время ни один из более 3 тысяч приказов наркомов обороны с 1937 г. по 21 июня 1941 г. и ни один из оперативных планов западных приграничных военных округов 1941 г. не содержат и намека на подготовку к нападению на Германию. Нарращивание группировки войск в западных округах носило ответный характер, диктовалось интересами укрепления безопасности страны. В документе Генштаба «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил на Западе и Востоке на 1940–1941 годы», составленному в середине 1940 г., ставилась задача упорной обороной на рубежах госграницы не допустить вторжения противника, обеспечить время для отмотилизования и затем мощным контрударом перенести боевые действия на его территорию. Опираясь на материалы ЦАМО РФ и другие источники, В.А. Анфилов утверждает: 11 марта 1941 г. А.М. Василевским по указанию наркома обороны для И.В. Сталина был подготовлен совершенно секретный документ, где содержался уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке. План исходил из нанесения Германией удара на юго-востоке с целью захвата Украины со вспомогательным ударом на севере из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу или концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск и Барановичи. Главные силы Красной армии предлагалось сосредоточить на юго-западном направлении. Эта ошибка не была исправлена до начала войны.

Понимая, какое важное значение имеет овладение стратегической инициативой в начале войны, по свидетельствам В.А. Анфилова, Н.А. Светлишина и И.С. Стаднюка, Г.К. Жуков и С.К. Тимошенко решили разработать директиву, предусматривавшую упредительный удар [25, с. 167; 26, с. 188; 27, с. 57–58; 28, с. 423–424]. На взгляд кандидата исторических наук Ю.А. Никифорова, такого рода свидетельства не могут играть роль решающего доказательства разработки превентивной войны. Он цитирует непосредственного свидетеля событий П.А. Судоплатова: «...плана так называемой превентивной войны с Германией не существовало. Жуков и Тимошенко предлагали упредить немцев в стратегическом развертывании войск в случае начала Германией военных действий» [29, с. 163–171]. Ю.А. Никифоров приходит к выводу: если не путать нанесение упреждающего агрессора удара, совершаемого в целях обороны, с наступлением в целях завоевания, то в «Соображениях...» Генштаба невозможно увидеть план, который бы соответствовал так называемым «экспансионистским устремлениям» советского руководства.

Перенесение Гитлером, в силу ряда причин, в том числе из-за похода на Балканы, сроков нападения на СССР, как утверждает В.А. Ан-

филов, ссылаясь на Ф.И. Голикова, возглавлявшего Разведывательное управление Генштаба, привело к тому, что Сталин окончательно уверовал в то, что Германия не нападет на СССР в 1941 г., если ее не спровоцируют, а к информации о готовящейся агрессии стал относиться с еще большим недоверием и подозрительностью. Это наложило печать на все мероприятия по подготовке народа и армии к отражению агрессии. Документы показывают некую «раздвоенность» в действиях советского политического и военного руководства в последние мирные месяцы. С одной стороны, признавалась неизбежность войны, с другой — стремление отодвинуть сроки вторжения тормозило ход подготовки к отражению агрессии. Допущенный И.В. Сталиным просчет в оценке времени возможного нападения на СССР, отмечает В.А. Анфилов, пагубно отразился на действиях наших войск в начале войны [30, с. 198–199].

Что касается хода военных действий в первые месяцы Второй мировой войны, то их анализ дан в уже упомянутых обобщающих трудах, как изданных в советское время, так и в конце XX — начале XXI вв., и в отдельных работах [31, с. 210–244]. Однако нельзя спекулировать на неудачах первых месяцев войны, как это делают некоторые историки [32].

Роль Советского Союза и его союзников в достижении Победы показана в обобщающих и специальных трудах по истории Второй мировой войны, в целом ряде статей, в частности, статье молодого исследователя Н.П. Пархитко «Вклад СССР в Победу над германским фашизмом» [33, с. 467–489].

С 22 июня 1941 г. советско-германский фронт по всем показателям не имел себе равных во Второй мировой войне. Из 1418 дней Великой Отечественной войны на активные оборонительные и наступательные действия приходилось 93% времени [34, с. 270]. В то же время Англия и Франция, объявив Германии войну 3 сентября 1939 г., не вели активных боевых действий до апреля 1940 г. Это был период «странной войны».

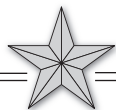
Германскому вермахту удалось в 1939–1941 гг. покорить почти всю Европу. Однако цели, определенные руководством Германии перед вторжением в СССР — уничтожить в 1941 г. основные силы Красной армии в приграничном сражении, выйти на линию Архангельск–Астрахань и завершить разгром советских вооруженных сил до наступления зимы — не были решены. Только в июне–ноябре 1941 г. вермахт потерял в 3 раза больше личного состава, чем в предшествующих кампаниях в Польше и Западной Европе — более 1,3 млн чел. [35, с. 143, 144], не говоря уже о боевой технике. По словам британского историка Д. Ливена, Гитлера «подвела высокомерная недооценка советского потенциала, что обернулось для Германии катастрофой» [36, с. 633]. В ходе битвы под Москвой вермахту было нанесено первое крупное поражение за всю Вторую мировую войну, сорваны планы Гитлера завершить военные действия в

Европе в 1941 г. Япония была вынуждена пересмотреть свои планы нападения на СССР. Движение Сопротивления в оккупированных странах получило мощный импульс. В 1942 г. не сбылись надежды руководства Третьего рейха овладеть кавказской нефтью, выйти к Волге, захватить Сталинград. Германия и ее союзники потеряли под Сталинградом около 1,5 млн человек — четвертую часть сил, находившихся в тот период на советско-германском фронте. По признанию немецкого историка Г.-А. Якобсена, Сталинград был «одной из крупнейших катастроф германской стратегии войны» [37, с. 56]. Победа под Сталинградом внесла решающий вклад в достижение коренного перелома не только в Великой Отечественной, но и во всей Второй мировой войне. Это признал и президент США Ф. Рузвельт [38, с. 317].

В ходе Курской битвы потерпела окончательное крушение наступательная стратегия вермахта. Летне-осенняя кампания советских войск 1943 г. завершила коренной перелом во Второй мировой войне. Начался развал фашистского блока. События на советско-германском фронте оказали влияние на решения Тегеранской конференции глав союзных держав, в особенности об определении срока и места открытия второго фронта в Европе. В течение 1944–1945 гг. вся территория СССР была очищена от захватчиков, освобождены страны Центральной и Юго-Восточной Европы, часть Норвегии и датский о. Борнхольм. Советские войска заняли восточную часть Германии и штурмом взяли столицу Третьего рейха Берлин. Всего ими было освобождено (полностью или частично) 11 стран Европы.

Вооруженные силы СССР разгромили почти 507 немецких дивизий и 100 дивизий сателлитов Германии. Его союзники нанесли поражение 176 дивизиям противника [39, с. 284]. Что касается определения вклада в разгром вооруженных сил противника по отдельным родам, то М.И. Мельтюхов отметил: сухопутные войска Германии и ее восточноевропейских союзников в основном разгромили войска советской армии, ВВС противника — авиация СССР и западных союзников в равной степени, а ВМС — в основном англо-американский флот. Вооруженные силы Италии были в основном разгромлены англо-американцами [40, с. 154–155].

В то же время в странах Запада обычно утверждается, что основной вклад в разгром держав «оси» внесли Соединенные Штаты, в меньшей степени Великобритания. В исторических трудах о сражениях на советско-германском фронте упоминается всего об одной–трех битвах. При этом в работе Ф. Прэтта (США) «Битвы, изменившие историю» отмечается, что ныне невозможно точно оценить значение Сталинградской битвы. О других битвах, как правило, вообще не упоминается. Исключение составляет книга американских историков Криса Бишоп и Криса Макноста «Вторая мировая война. День за днем. 1939–1945» [41]. В то

же время в исследованиях западных авторов особо подчеркивается значение военно-морских сражений в Коралловом море, у атолла Мидуэ, боев в Северной Африке, операций в Нормандии при открытии в 1944 г. второго фронта. Можно ли утверждать, что эти сражения определили весь последующий ход военных действий на всех фронтах? Сравним масштабы сражений. У стен Сталинграда противник потерял более 1 млн человек, а под Эль-Аламейном — всего 50 тыс. «Масштабы этих операций (в Северной Африке. — Ю.Р.), — писал Черчилль И.В. Сталину 11 марта 1943 года, — невелики по сравнению с громадными операциями, которыми Вы руководите» [42, с. 118].

Даже после открытия союзниками СССР второго фронта на советско-германском театре военных действий оставалось почти две трети вражеских дивизий. Ю. Торвальд подчеркивает: в течение 1944–1945 гг. Германия терпела поражение за поражением, но самое масштабное отступление немецких войск произошло на востоке [43]. В работе британского автора М. Шульмана «Поражение на Западе» приводятся данные об итогах операций на Западе и на Востоке за 8 месяцев: к концу января 1945 г. вермахт потерял 1,5 млн чел. убитыми, ранеными, пленными. Столько же составили его потери и на восточном фронте [44, с. 329]. Что касается массированных действий англо-американской авиации в 1944 г., значение которых нередко преувеличивается в западных публикациях, то отечественный историк В.А. Золотарев отметил: они не привели к распаду военного хозяйства Германии и подрыву морального духа населения, хотя способствовали ослаблению стран «оси» и внесли определенный вклад в достижение победы [45, с. 80].

Российский ученый А.И. Уткин в монографии «Русские во Второй мировой войне» подчеркнул, что бои западных союзных держав «не идут ни в какое сравнение с битвами на Курской дуге, с операцией «Багратион», с Берлинской битвой... Мировая война обрела свой итог в Восточной Европе до того, как наши доблестные союзники вышли к побережью Нормандии» [46, с. 8].

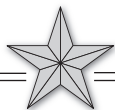
По мнению американского историка Д. Рейнольдса, США были «арсеналом демократии», производя в 1944 г. около 60% от общего объема выпускаемой союзниками боевой техники и снаряжения [47, с. 29]. Утверждается и о значительной помощи Советскому Союзу со стороны США и Великобритании. В современной отечественной историографии дается более объективная, чем прежде, оценка этой помощи. В 1941–1942 гг. помощь была небольшой, и в самое тяжелое для СССР время с поставками возникали перебои. В 1943–1944 гг. она стала более весомой. В целом поставки по ленд-лизу со стороны США дали СССР 12% танков, 15% самолетов, 70% автомобилей [39, с. 214]. Была оказана значительная помощь сырьем и продовольствием [48, с. 105–116].

На заключительном этапе военная экономика СССР в меньшей степени зависела от ленд-лиза. Кроме того, по признанию британского историка Р. Дж. Овери, помощь США по ленд-лизу Великобритании была более значительной, чем Советскому Союзу (почти в 3 раза больше — Ю.Р.). Помощь СССР Соединенным Штатам, по американским данным, составила около 2 млн долл. [47, с. 234]. В то же время Советский Союз принес максимум жертв на алтарь общей победы. В общей сложности погибло до 27 млн советских людей. Великобритания потеряла 370 тыс., США — около 300 тыс. Общие безвозвратные потери советских войск (включая пропавших без вести и военнопленных) в 1941–1945 гг. составили более 11,4 млн чел., немецкой армии и ее союзников — более 8,6 млн, почти на треть меньше. Безвозвратные потери вооруженных сил Германии составили в 1939–1945 гг. 11,273 млн чел., в том числе на советско-германском фронте — 7,181 млн чел. [49, с. 51, 361, 366, 371].

Таким образом, решающий вклад в разгром противника был внесен Советским Союзом, хотя победа досталась высокой ценой. Признавая это, как и возросшую военную мощь СССР, лидеры США и Великобритании должны были учитывать интересы своего союзника и после войны, что было отражено в рассмотренных А.Ю. Борисовым и В.П. Тереховым решениях Ялтинской и Потсдамской конференций 1945 г. [50, с. 490–526; 51, с. 527–540], более 45 лет определявших послевоенное устройство мира.

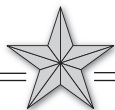
Литература

1. История Второй мировой войны. 1939–1945 гг.: В 12 т. (М., 1973–1982); История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945; В 6 т. (М., 1960–1965); Вторая мировая война. Краткая история (М., 1984); Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история (М., 1984) и др.
2. Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход: документальные очерки / Сост. А.А. Ахтамзян. М.: МГИМО(У), 2010.
3. Язьков Е.Ф. История стран Европы и Америки в новейшее время (1918–1945): Курс лекций. М., 1998.
4. Бандура Ю.Н. Вторая мировая: о какой войне идет речь? // Вопросы истории. 2003. № 8.
5. Никифоров Ю.А. Война и миф // Поиск. 2006.22.09.
6. Курс отечественной истории IX–XX веков. Основные этапы и особенности развития российского общества в мировом историческом процессе / Под. ред. проф. Л.И. Олыштынского. Учебник для вузов. М., 2005.

7. *Фалин В.М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000.
8. *Можейко И.В.* Западный ветер — ясная погода. М., 2001.
9. *Нарочницкая Н.А.* «Концерт великих держав» накануне решающих событий // *Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну?* М., 2009.
10. *Мировые войны XX века. Кн. 3.* М., 2002.
11. *Дульян А.Г.* От Мюнхена до пакта Молотова–Риббентропа: некоторые аспекты ситуации в Европе накануне Второй мировой войны // *Партитура Второй мировой войны.*
12. *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М., 2004.
13. *Тейлор А.* Происхождение Второй мировой войны. М., 1973.
14. *Willmott H., Messenger C., Cross R.* World War II. 2006.
15. *Жилин П.А., Якушевский А.С., Кульков Е.Н.* Критика основных концепций буржуазной историографии Второй мировой войны. М., 1983.
16. 65 лет Победы / Под общ. ред. С.Е. Нарышкина, акад. А.В. Торкунова. М: МГИМО, 2010. Т. 2. Вставай, страна огромная.
17. *Орлов А.С., Рогалев А.П.* Американская и английская историография Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // *Великая Отечественная война: (Историография): Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Отд. ст. наук / Ред.: Н.Н. Месяцев, В.М. Шевырин.* М., 1995.
18. *Павленко Н.Г.* Сталинистские концепции военной истории // *История и сталинизм (Сб. статей / Сост. А.Н. Мерцалов).* М., 1991.
19. *Семиряга М.И.* Сговор двух диктаторов // *История и сталинизм.*
20. *Афанасьев Ю.Н., Дорошенко В.Л., Мельтюхов М.И., Данилов В.Д., Невежин В.А.* Другая война. 1939–1945. М., 1996.
21. *Нарочницкая Н.А.* За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005.
22. *Кульков Е.Н.* Подготовка Германии и ее союзников к нападению на СССР // 65 лет Великой Победы: в 6 т. М.: МГИМО-Университет, 2010. Т. 2. Вставай, страна огромная.
23. *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Der Angriff auf die Sowjetunion. Bd. 4.* Stuttgart, 1983.
24. *Ахтамзян И.А.* Генеральный план «Ост» // 65 лет Великой Победы: в 6 т. Т. 2.
25. *Анфилов В.А.* Дорога к трагедии 41-го года. М., 1997.
26. *Роковой просчет* // 65 лет Великой Победы: в 6 т. Т. 2.
27. *Светлишин Н.А.* Крытые ступени судьбы. Хабаровск, 1992.
28. *Стаднюк И.С.* Нечто о сталинизме // *О них ходят легенды. Серия «О них ходили легенды»:* в 15 т. Сборник. М., 1994.
29. *Никифоров Ю.А.* План Г.К. Жукова от 15 мая 1941 года: проблемы интерпретации // 65 лет Великой Победы: в 6 т. Т. 2.
30. *Анфилов В.А.* Роковой просчет // 65 лет Великой Победы: в 6 т. Т. 2.

31. *Мягков М.Ю.* Роковой 1941-й: трагедия начала войны // 65 лет Великой Победы: В 6 т. Т. 2.
32. 1941. Великая Отечественная катастрофа. Итоги дискуссии / А. Исаев, М. Солонин, В. Суворов и др. М.: Эксмо, 2009.
33. *Пархитко Н.П.* Вклад СССР в Победу над германским фашизмом // Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход: документальные очерки / Сост. А.А. Ахтамзян. М.: МГИМО(У), 2010.
34. Стратегические решения и Вооруженные Силы. М., 1995. С. 270.
35. Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). М., 1995.
36. *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007.
37. Почему Гитлер проиграл войну. Немецкий взгляд. М., 2009.
38. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М. 1976. Т. 2
39. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. М., 1999.
40. *Мельтюхов М.И.* Проблемы периодизации истории Второй мировой войны // Вопросы истории. 2003. № 1.
41. *Бишоп К., Макност К.* Вторая мировая война. День за днем. 1939–1945 / Пер. с англ. М., 2007.
42. Переписка... М., 1989. Т. 1.
43. *Торвальд Ю.* Разгром на Востоке. Поражение фашистской Германии. 1944–1945 / Пер. с англ. М., 2006.
44. *Шульман М.* Поражение на Западе. Разгром гитлеровских войск на Западном фронте / Пер. с англ. М., 2004.
45. *Золотарев В.А.* Второй фронт против Третьего рейха. М., 2005.
46. *Уткин А.И.* Русские во Второй мировой войне. М., 2007.
47. Союзники в войне. 1941–1945. М., 1995.
48. Война. Народ. Победа. Материалы международной научной конференции, 15–16 марта 2005 г. / Отв. ред. М.Ю. Мягков, Ю.А. Никифоров. М., 2008.
49. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009.
50. *Борисов А.Ю.* Тегеран–Ялта–Потсдам // Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход / Сост. А.А. Ахтамзян. М.: МГИМО(У), 2010.
51. *Терехов В.П.* Потсдамский финиш // Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход / Сост. А.А. Ахтамзян. М.: МГИМО(У), 2010.

«ЛЕГКИХ ПУТЕЙ В ЖИЗНИ НЕТ...»

*Жукова Эра Георгиевна, 83 года,
юрист-международник, кандидат юридических наук,
г. Москва*

В 2011 году отмечается 70-летие битвы под Москвой и героической обороны Тулы. 1 декабря также и 115 лет со дня рождения Георгия Константиновича Жукова, маршала Советского Союза, человека, без которого исход войны мог бы быть совсем другим. Он был военным, главнокомандующим, а для меня — прекрасным отцом. Для детей все родители хороши независимо от их профессии. Ласка, доброта в доме, понимание их радостей и печалей — вот, что нужно детям. Отец всегда

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков

понимал нас, своих дочерей, проявлял интерес к нашим занятиям, а мы, со своей стороны, старались доставить родителям радость, учились хорошо, старались ничем их не огорчать.

С отцом общаться было всегда интересно, он умел находить общий язык со всеми, не подавляя собеседника своей значительностью. А как он умел шутить!

Георгий Константинович часто любил повторять: «Легких путей в жизни нет. Дорогу надо пробивать своим лбом». И мы все воспринимали эти слова как догму. Так, было, например, когда мы с моей покойной сестрой Эллой стояли перед выбором своего жизненного пути. Нам предоставлялось право самостоятельно выбрать путь к высшему

образованию. Обязательным было только получение настоящих, прочных знаний, которые, как убеждал отец, «позволят тебе стать самостоятельным, не зависящим ни от кого человеком». Я очень благодарна ему за все его добрые советы, хотя в то время, по молодости, мне казалось, что все вопросы я решаю сама.

Оборона Москвы.

Доклад Западного фронта Сталину. Сентябрь 1941 г.

Жизненный путь отца был весьма непростым, можно сказать тернистым.

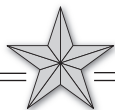
В его жизни я бы выделила три периода:

1. До войны. Не получив высшего образования, он постоянно занимался самообразованием. Много читал. И вообще, он всю жизнь учился. При этом доходил всегда до самой сути и любой прочитанный материал знал досконально.

2. Война. Отца видели очень редко. Радовались этим встречам безумно. Однако больше «общались» посредством писем и телефонных разговоров. Чутко улавливали его настроение. Когда он был задумчивым, даже суровым, что зависело от положения на фронте, мы не докучали вопросами.

3. После войны. Вскоре после победы наступили тяжкие времена. Явным становилось недоброжелательство со стороны отдельных кругов, собирающих лживые слухи и сведения с тем, чтобы умалить его военные заслуги и унижить человеческое достоинство. На здоровье сказывалось напряжение военных лет. Однако отец никогда не жаловался, не озлобился, старался, как он говорил, философски относиться к своим проблемам. В чем секрет этого? Думаю, это видно из биографии.

Родился отец 19 ноября по старому стилю (1 декабря — по новому) 1896 года в семье крестьянина-бедняка. Дом в деревне Стрелковке Калужской губернии стоял посредине деревни. Был он очень старый и одним углом крепко врос в землю. Была в доме всего одна комната в два окна.

Заработки родителей отца уходили на хлеб, соль и уплату долгов. Иногда выручали то щами, то кашей соседи. Такая взаимопомощь в деревнях была не исключением, а скорее традицией дружбы и солидарности русских людей, живущих в тяжелой нужде.

В 1906 году отец окончил церковноприходскую школу. Учился во всех трех классах на отлично и получил похвальный лист. По случаю успешного окончания школы родители подарили ему новую рубаху и сапоги.

Трудовую деятельность отец начал в 1907 году учеником, затем мастером-скорняком в Москве. Мальчики-ученики всегда вставали в шесть часов утра. Рабочий день длился одиннадцать часов, а иногда доходил до пятнадцати часов в сутки. Скорняжное дело давалось ему не без труда. За малейшую оплошность хозяин (хотя это и был его дядя Михаил Аремьевич Пилихин, разбогатевший брат его матери) бил немилосердно, как и других подмастерьев. Били и мастера, и мастерицы, не отставала от них и хозяйка.

В тринадцать лет отец уже многое знал, многому научился в мастерской. Несмотря на большую загруженность, он все же находил возможность читать. С благодарностью вспоминал он своего школьного учителя Сергея Николаевича Ремизова, привившего ему страсть к книгам. Отец хотел учиться серьезно. Но как? Овладевать знаниями ему помогал старший сын хозяина, Александр. Так, больше года отец довольно успешно занимался русским языком, математикой, географией, чтением книг и поступил на вечерние общеобразовательные курсы, которые давали знания в объеме городского училища.

Всю жизнь, с раннего детства он страстно тянулся к знаниям. Любую сэкономленную копейку стремился потратить на книжку. Он вспоминал:

«Хозяин даст пятак на конку, чтобы отвезти шубу заказчику, а я взвалю мешок на спину и пешком через всю Москву из Камергерского переулка в Сокольники, а пятак сберегу и книжку куплю».

И впоследствии, где бы отец ни был, всегда покупал, прежде всего, книги. Его личная библиотека к концу войны составляла не менее двух десятков тысяч экземпляров.

Особое место в ней занимали, конечно же, книги о войне. Они были с закладками, испещрены его пометками на полях и замечаниями. Прежде всего это труды теоретиков военного искусства: Карла Клаузевица; маршала Франца Фердинанда Фоша, последователя философии Гегеля и Канта; германского генерал-фельдмаршала Альфреда фон Шлифена, создателя теории молниеносной войны; отечественных военных классиков А.Г. Елчанинова, В.А. Черемисова, Н.П. Михневича; советских военных теоретиков 30-х годов В.К. Триандафиллова, Г.С. Иссерсона и др.

Помню, что огромный интерес отец проявлял к вышедшему в 50-х годах четырехтомнику о великом русском полководце А.В. Суворов-

ве, а в период работы над своими «Воспоминаниями и размышлениями» — к военно-историческим трудам о М.Н. Тухачевском, М.В. Фрунзе, А.И. Егорове и др., мемуарам боевых соратников — маршалов А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского, И.Х. Баграмяна, генерала армии С.М. Штеменко.

Отец любил и философскую литературу, творения мыслителей прошлого. Кажется, он находился в постоянном поиске философского осмысления жизни. Когда однажды Анна Давыдовна Миркина, редактор его «Воспоминаний и размышлений, застала его за чтением Сенеки, представителя стоицизма, проповедовавшего презрение к смерти, отец заметил, лукаво прищурившись:

«Интересно, как он сам закончил жизнь? Удалось ли на практике подтвердить теорию?»

Потом серьезно добавил:

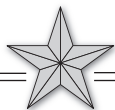
«Вот приходится наверстывать на склоне лет упущенное — многое не успел прочесть. Знаете, о чем глубоко сожалею? О том, что не удалось получить систематизированного образования. Приходилось учиться урывками, на ходу» [1, с. 44–45].

Папа заботился о молодых родственниках и помогал получить им образование. Как мудрый и опытный человек, он понимал огромную силу знаний. Поднявшись до полководческих высот, Георгий Константинович и сам продолжал жадно и талантливо учиться и всех нас — своих детей и родственников — настраивал на постоянную учебу. Не помню его праздно проводящим свободное время — всегда он был с книжкой, газетой, журналом. Как правило, делал заметки на полях. Частенько обсуждал прочитанное, иногда письменно высказывал автору свою оценку — положительную либо негативную.

Отец очень любил делать подарки, особенно книги, был гостеприимным хозяином. Постоянно помогал материально своей матери, сестре, ее четверым детям. Виктор Фокин, его племянник, вспоминал, как однажды Георгий Константинович его спросил: «Мать не обижаешь? Деньги ей посылаешь? Не забывай».

Воспитывал он не только словами, но и собственным примером, так как сам был заботливым сыном. Общеизвестен факт — когда немцы в 1941-м рвались к Москве, он, командуя военной операцией, не забыл и сумел вывезти из деревни мать и сестру, эвакуировать их в Куйбышев, так как понимал, что ждало родных такого командира.

И даже в трудные минуты Жуков не расставался с книгой. В 1941 году, в период подготовки битвы под Москвой, попросил привезти ему в Перхушково «Войну и мир». По его признанию, в великом подвиге сынов России в Отечественной войне 1812 года он черпал духовные силы в дни грандиозных битв. Отец очень любил Л.Н. Толстого.

Хорошо знал он А.С. Пушкина и С.А. Есенина, ценил М.А. Шолохова, А.Т. Твардовского, Константина Симонова, публицистику Ильи Эринбурга.

Отец не раз говорил об огромной роли во время войны «Василия Теркина» и с уважением относился к Твардовскому, досконально знавшему фронтовую жизнь, солдата, его самоотверженную храбрость, любовь к Родине и презрение к смерти. Книга заражала оптимизмом, давала пример мужества и бесстрашия, звала на подвиг.

Хочу добавить, что несмотря на огромную занятость после войны, отец любил театр, особенно МХАТ, Государственный академический театр имени Е. Вахтангова. Предпочитал драму. Конечно же, посещал и, довольно часто, Большой театр, особенно оперу. Артисты оркестра Большого театра бывали его гостями. Во время застолья слушали музыку, танцевали, непременно пели хором русские народные песни и любимые фронтовые: «Землянку», «Синенький скромный платочек», «Давай закурим!», «Эх, дороги» и многое другое. Очень любил исполнение русских и военных песен Л.А. Руслановой, с которой наша семья дружила многие годы.

Г.К. Жуков прошел две мировых войны. А на вопрос, испытывал ли когда-нибудь чувство страха перед смертью, отвечал:

«Просто никогда об этом не думал. Волю надо закалять с малолетства».

И он закалял — в 9 лет на спор с ребятами не побоялся провести ночь на кладбище, в 14 лет, во время пожара в деревне, вошел в горящую избу, двух детей вынес. Трусов терпеть не мог.

Не буду судить о роли отца в битве под Москвой — пусть оценку этому дают профессиональные военные. Приведу отрывок из «Воспоминаний и размышлений» о Туле:

«Город Тула до 10 ноября 1941 года входил в полосу Брянского фронта. Захватив Орел, немецкие войска двинулись на Тулу. В это время здесь, кроме формируемых тыловых учреждений 50-й армии способных оборонять город, войск не было. Во второй половине октября в район Тулы отходили три сильно пострадавшие стрелковые дивизии. В этих соединениях насчитывалось от пятисот до полутора тысяч бойцов, а в артиллерийском полку осталось всего лишь четыре орудия. Отошедшие части были крайне переутомлены.

Жители Тулы оказали нашим войскам большую помощь в срочном пошиве обмундирования, ремонте оружия и боевой техники. Под руководством партийных организаций города дни и ночи трудились они над тем, чтобы привести наши части в боеспособное состояние.

Комитет обороны города, во главе которого стоял секретарь обкома партии Василий Гаврилович Жаворонков, сумел в короткий срок сформировать и вооружить рабочие отряды. Вместе с частями 50-й

армии Брянского фронта они мужественно дрались на ближних подступах к Туле и не пропустили противника в город.

Особое упорство и мужество здесь проявил Тульский рабочий полк во главе с капитаном А.П. Горшковым и комиссаром Г.А. Агеевым. Этот полк занял вместе с отошедшими частями войск рубеж обороны в районе Косой Горы. Против немецких танков на подступах к Туле командующим обороной генералом В.С. Поповым был использован зенитный полк. Все части, оборонявшие город, дрались с противником исключительно мужественно.

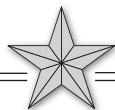
Наступление частей армии Гудериана, осуществленное 30 ноября, было отбито защитниками Тульского боевого участка с большими для противника потерями. Гудериан рассчитывал захватить Тулу с ходу (так же, как был взят Орел), а затем двинуться на Москву с юга. Но это ему не удалось.

Как ни пытался враг в течение ноября 1941 года взять Тулу и этим открыть себе дорогу к столице, успеха он не добился. Город стоял, как неприступная крепость! Тула связала по рукам и ногам всю правифланговую группировку немецких войск. Тогда противник решил обойти город, но из-за этого он вынужден был растянуть свою группировку. В результате оперативно-тактическая плотность войск армии Гудериана была ослаблена.

В разгроме немецких войск под Москвой Туле и ее жителям принадлежит выдающаяся роль» [2, с. 348–350].

Иногда говорят о суровой требовательности, жесткости к подчиненным, даже жестокости маршала Жукова во время войны. Нет, он не был безрассудно жестоким человеком, тираном, поддающимся беспричинному, необоснованному гневу. Он был справедлив и разумен. Это был человек долга и дисциплины, большой ответственности за порученное дело, и прежде всего всегда предъявлял требования (без скидок и снисхождения!) к самому себе. Он просто не понимал, как можно нарушить слово, не выполнить приказ вышестоящего начальника, допустить расхлябанность, опоздать. Он говорил: «Человек, который опаздывает более чем на 5 минут, не соответствует занимаемой должности».

Отец был человеком строгой логики мышления, высокого интеллекта, превосходной памяти и дисциплины ума. Он обладал принципиальностью и в высшей степени — способностью к анализу и систематизации. Многие отмечают его высокий профессионализм. Никогда он не принимал решений, основываясь на эмоциях, поверхностных суждениях. Всегда все просчитывал, принимал в расчет все факторы. Глубокие военные знания, колоссальный опыт помогали ему находить решение, которое в данной ситуации оказывалось единственно верным. Это качество наряду с многими другими помогло ему стать крупным военачальником, а также создать одно из самых значитель-

ных мемуарных произведений о Великой Отечественной войне — «Воспоминания и размышления», посвященные советскому солдату.

Даже будучи тяжело больным, отец писал увлеченно, страстно, азартно, обычно вечерами, далеко за полночь, а в последний период перед сдачей рукописи в издательство — по 15–16 часов в сутки. Не любил диктовать, писал от руки: «Так лучше формулируется мысль, уходит все лишнее». Как и все, что он делал в жизни, работал над мемуарами фундаментально. В мемуарах использовал свыше полутора тысяч документов. К введению их в текст относился бережно, об этом свидетельствует записка в издательство к редактору: «Анна Давыдовна! Посмотрите мои вставки и поправки. Архивные документы поместите обязательно без сокращений и правки...».

По заведенному порядку издательство направляло замечания в письменном виде, ответы и авторские дополнения поступали в точно обусловленное время — опозданий он не терпел. Сам автор был во всем предельно точен. И страшно сердился, когда происходили задержки даже по независящим от издательства причинам.

Он оставался до конца своих дней таким, каким был всегда: чувство долга, огромная воля, самодисциплина, бескомпромиссность. О людях самого высокого ранга судил объективно, невзирая на лица, был в суждениях прямолинеен и никогда не менял свою точку зрения в зависимости от обстоятельств.

Сегодня общеизвестен факт — когда при работе над «Воспоминаниями и размышлениями» кто-то из военных консультантов настойчиво предлагал заменить название «Сталинградская битва» «Битвой на Волге», Жуков твердо ответил:

«Я такого города во время войны не знал».

В то время во всех работах, посвященных этой величайшей операции в истории Второй мировой войны г. Сталинград именовался г. Волгоградом или абстрактно — «Городом на Волге».

Отец четыре раза удостоен звания Героя Советского Союза, награжден двумя высшими орденами «Победа», шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, 20 орденами иностранных государств и многими медалями, почетным именовым оружием (шашка). Он — Герой Монгольской Народной Республики. За время войны Верховный Главнокомандующий в своих приказах 41 раз объявлял ему благодарность.

Тяжелейшее напряжение четырех лет войны, когда от одного принятого им решения подчас зависели успех или провал операции и жизни многих тысяч людей... Несправедливая, жестокая опала, которой Жуков подвергался долгие годы и самое тяжелое для него — отлучение от армии... Десять лет работы над мемуарами, изнурительная

трехлетняя борьба с оппонентами и как завершающий удар — внезапная болезнь жены — все это не могло не сказаться на здоровье, и могучий организм его не выдержал. В январе 1968 года отец перенес тяжелейший инсульт. Ходить без посторонней помощи он долго не мог. По общему мнению специалистов, только благодаря исключительной воле и упорству, он смог вернуться к жизни и работе.

Первый тираж «Воспоминаний и размышлений» в 100 000 экземпляров печатался в типографии газеты «Правда». Верстка была подписана к печати 24 декабря 1968 года. В конце апреля 1969 года книга впервые поступила в книжные магазины Москвы. К Дому книги на Новом Арбате огромная очередь стояла вдоль проспекта (тогда Калининского) до кинотеатра «Октябрь», а в здании «Книжный мир», где сегодня «Библио Глобус», очередь разбила витрины. Ажиотаж был такой, что пришлось вызывать конную милицию.

Несколько тысяч писем получили автор и издательство от читателей. Георгию Константиновичу письма привозили в больших мешках. Вся семья разбирала их, читала, обсуждала. Немало дельных замечаний, уточнений, дополнений по фактологическому материалу, изложенному в книге, принял с благодарностью маршал Г.К. Жуков от своих читателей. Разумеется, все они тщательно проверялись и только подтвержденные надежными источниками, вводились автором во 2-е издание мемуаров.

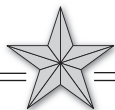
Современная молодежь удивится, узнав, что только замечания рецензентов составили 50 страниц машинописного текста. Из книги было выброшено около ста страниц текста — не только отдельные фразы, но и целые страницы, где речь шла о политических оценках, репрессиях 1937 года в армии, решениях Верховного Главнокомандования. В 1989 году увидело свет 10-е издание «Воспоминаний и размышлений» без купюр, где спорные в свое время места воспроизведены курсивом.

И еще. Многие участники Великой Отечественной войны обращались к маршалу с личными просьбами, с жалобами на несправедливое отношение к ним местных властей, наконец, просто с просьбами инвалидов войны о необходимой помощи: кому-то в лечении, кому-то — в улучшении жилищных условий и так далее. Такое внимательное, заботливое отношение к людям, соратникам, в особенности, к молодым бойцам, было характерно для него всегда. Хорошо помню это еще по нашей жизни в гарнизонах.

Имя маршала Г.К. Жукова служило надежным гарантом в торжестве справедливости!

Приведу некоторые цитаты из этих писем.

«...Ваша замечательная книга «Воспоминания и размышления» помогает изучить наше героическое прошлое, сделать выводы для настоящего и будущего. Ваша книга — это удар по фальсификаторам

Второй мировой войны, разоблачение которых особенно сейчас необходимо...» (Селиверстов Н.А., военнослужащий).

«...это очень умная и ценная книга для нашего народа, где рассказана правда о жестокой войне советского народа с фашизмом» (Худзик М.Я., с. Вильха Житомирской обл.).

«...Вы правдиво и глубоко показали подвиг советского народа, деятельность Генерального штаба и правительства во время Великой Отечественной войны...» (Шабанов И.В., бывший начальник штаба 107-й ст. дивизии, г. Барнаул).

«...Книга маршала Жукова принесла громадную пользу в деле воспитания советских воинов, она помогает изучать наше героическое прошлое, учит мужеству и героизму, дает ряд практических советов для молодого воина, воспитывает любовь к Родине и ненависть к ее врагам» (кандидат военных наук, доцент, полковник Бегилев И.А., полковник Л.Н. Чепенко, майор Н.М. Сова, полковник-инженер запаса К.С. Жигалевский, депутат Верховного Совета СССР 1941–1945 гг. Ковалев А.Ф.).

«...Полководец, не знавший поражений, своим дарованием прославивший советское оружие в битвах с врагами, он доказал, что и в мирное время, как и на поле брани, может принести пользу Отечеству — с непревзойденным талантом рассказать правду о войне, о героизме Советских Вооруженных Сил и советского народа» (семья Ворониных, г. Ленинград).

По высказываниям многочисленных читателей и зарубежной прессы, мемуары Жукова были признаны бестселлером как «один из величайших документов нашей эпохи».

...Эти отзывы на его книгу были очень ценны для отца. Папа был очень доволен. Он снова помолодел, стал гораздо бодрее. Очевидный успех книги — завершение его долга перед историей — придавал ему новые жизненные силы, окрылял.

Заканчивая свою книгу «Воспоминания и размышления» отец задумывался о будущем молодом поколении. Ему очень хотелось, чтобы те, кто придут после нас, учились на наших просчетах и успехах.

*Старшая дочь полководца
Э.Г. Жукова*

«Кто учится... кто борется за дело, в правоту которого верит, всегда победит. Я убедился в этом на собственном примере». И еще Георгий Константинович призывал бережно относиться ко всему, что связано с прошедшей войной. Изучать военный опыт, собирать документы, создавать музеи, не забывать памятные даты и славные имена.

Я хорошо сознаю, что моя жизнь прошла рядом с яркой, талантливой, незаурядной личностью. Он дал мне множество добрых, полезных советов, которым я всегда старалась следовать.

За все ему большая благодарность.

Отца не стало 18 июня 1974 года. По решению руководства страны, он был похоронен на Красной площади у Кремлевской стены со всеми положенными почестями, как выдающийся военный и государственный деятель.

Литература

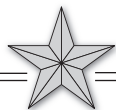
1. *Миркина А.Д.* Вторая победа маршала Жукова. Обнинск: ВНИИГМИ-МЦД, 2001.
2. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М.: Издательство АПН, 1969.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КНИГИ «РАЗГРОМ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК ПОД МОСКВОЙ»

*Жаворонков Александр Васильевич, 70 лет,
доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник Института социологии РАН,
г. Москва*

Книга «Разгром немецких войск под Москвой» под редакцией маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова вышла в свет в 1943 г. Она охватывает период с 16 ноября 1941 г. до 31 января 1942 г., с момента начала второго генерального наступления немецко-фашистских войск на Москву и до выхода советских войск в направлении Вязьмы. Книга охватывает только часть Московской битвы в ее современном понимании, границами которой в настоящее время принято считать события с 30 сентября 1941 г. по 20 апреля 1942 г.

До 1961 г. на монографии стоял гриф «секретно», до 1965 г. гриф «для служебного пользования». В 1966 г. после снятия грифа один экземпляр был передан в Государственную библиотеку им. Ленина.

Структуру книги составляют три тома монографии «Разгром немецких войск под Москвой» и приданный ей оперативный очерк «Оборона Тулы», написанный офицерами из того же авторского коллектива и дополняющий описание некоторых фактов, изложенных в трехтомнике. По объему книга является самым подробным и профессионально беспристрастным описанием обороны Москвы и наступления войск Западного фронта Красной Армии. Можно с полным основанием говорить, что история Великой Отечественной войны не может быть представлена полно без этого фундаментального труда, созданного «по горячим следам» событий группой их непосредственных участников. «Разгром немецких войск под Москвой» — пример поразительной добросовестности в выполнении своего гражданского долга старшими офицерами Генерального штаба, всем коллективом ее создателей под руководством профессора, генерал-лейтенанта Е.А. Шиловского и под главной редакцией маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова.

Работая с архивом моего отца, Героя Советского Союза В.Г. Жаворонкова, я обнаружил ксерокопии ряда книг. Среди них оказалась и большая часть трехтомника, а также оперативный очерк по истории обороны Тулы. В 1968–1979 гг. Василий Гаврилович периодически, а ряд лет ежедневно, работал в Подольском архиве и Архиве Октябрьской революции. Товарищи по боевой работе из руководства Генштаба во время войны сделали для него после снятия секретности копии ряда книг (в том числе и редкостных в то время) для создания хроники Тульской обороны. Ряд схем и страниц «Разгрома немецких войск под Москвой» отсутствовал, но при подготовке статьи-публикации изданных записей В.Г. Жаворонкова в журнале «Отечественная история» в 2002 г. мне удалось восполнить этот пробел в Российской Государственной библиотеке. Так у меня в рабочем порядке оказалась копия всех четырех представленных томов. Учитывая, что некоторые схемы единственного общедоступного экземпляра в Российской государственной библиотеке по ветхости были почти нечитаемы, одной из главных задач, которые ставились при переиздании этой книги, стала задача спасения ее от уничтожения. При подготовке статьи отца в журнале «Отечественная история»¹ я поделился своими мыслями с доктором исторических наук А.К. Соколовым, который сразу же принял энергичные шаги в помощи к переизданию этого труда.

Первой книгой, посвященной обороне Москвы, должна была стать написанная в 1942 г. «История Московской зоны обороны». Однако рукопись осталась неизданной и была опубликована лишь в 2001 г. авторским коллективом под руководством С.С. Илизарова и С.В. Ко-

¹ Речь идет о публикации: Оборона Тулы. Из личного архива Героя Советского Союза В.Г. Жаворонкова в журнале «Отечественная история» за 2002 г. № 3. — *Прим. ред.*

стиной. Можно утверждать, что материалы этих двух книг органично дополняют друг друга и вместе с анализом изданных военных мемуаров, а также рассекреченных в настоящий момент документов могут составить базовую основу для создания полной почасовой хроники Московского сражения, которое ряд историков не без оснований считают переломным моментом Второй мировой войны.

В переиздание «Разгрома немецких войск под Москвой» оперативный очерк «Оборона Тулы» включен по двум причинам:

Во-первых, в разделе «выводы по тульской обороне» главы 5 части 1 монографии авторы подчеркивают, что «значение Тулы в рассматриваемый период перерастало рамки оборонительной операции 50-й армии и являлось, по существу, фактором фронтового значения. Прорыв немцев на тульском направлении мог бы грозить не только оперативными, но и стратегическими последствиями» [1, с. 111]. Это говорит о том, что приданный книге очерк полковника К.Н. Вахтерова и майора Д.Е. Семичаевского призван был заполнить важные пробелы в деталях, которые опускались в связи с общей архитектурой изложения.

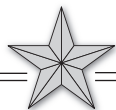
Во-вторых, тульская оборона, что широко известно, вышла по объективным обстоятельствам жизни за рамки армейских операций сначала Брянского, а затем и Западного фронтов. Она постоянно была тесно взаимосвязана не только с фронтовыми операциями, но и с теми действиями Ставки ГКО, Генштаба, командования Московским Военным Округом и МЗО и ПВО Москвы, которые не могли быть и не были в зоне непосредственной ответственности командований указанных фронтов. На это указывает как ряд директив Ставки и первые два дня боев за Тулу, так и постоянная, порой ежедневная взаимосвязь действий тульского Городского комитета обороны со Ставкой, Генштабом, командованием МЗО [2, с. 135–147]. Об этом говорит и книга «История Московской зоны обороны», написанная в 1942 г. и изданная в 2001 г.:

«Уже 2 октября 1941 г. немецкие передовые бронетанковые части находились в 20 километрах юго-западнее Орла.

Выдвижение немецких войск к Орлу создавало реальную угрозу левому флангу Можайской линии обороны.

Для укрепления дальних подступов к Москве и организации обороны г. Тулы Военный совет Московского военного округа принимает 2-го октября 1941 г. решение приступить к строительству Тульского оборонительного обвода.

Для организации строительства Тульского оборонительного обвода на непосредственных подступах к городу приказом командующего войсками МВО генерал-лейтенанта Артемьева 02.10.41 г. создается оперативная группа в составе майора Ермолова и военинженера 2 ранга Ходоровича. 2.10.41 опергруппа выехала в Тулу и к исходу дня представила план строительства оборонительных сооружений на подступах

к городу члену ЦК ВКП(б), секретарю тульского обкома ВКП(б) тов. Жаворонкову. Тов. Жаворонков с первого дня с большим энтузиазмом и энергией взялся за дело обороны Тулы.

Продвижение противника к Орлу вынудило уже в ночь со 2 на 3 октября внести в план строительства оборонительных сооружений некоторые коррективы, выразившиеся в немедленном минировании дороги Мценск–Тула, что и сделано было к 4.00 3 октября 1941 г.

План оборонительных сооружений, исходя из наиболее целесообразной организации круговой обороны города и обеспечения политического руководства, предусматривал организацию по числу городских райкомов ВКП(б) четырех оборонительных секторов.

4 октября для руководства обороной Тулы приказом командующего войсками МВО генерал-лейтенанта Артемьева был создан Тульский боевой участок в составе: начальник — генерал-майор Кудряшов, начальник штаба майор Ермолов, начальник оперативного отдела подполковник Мурашов, пом. начальника оперативного отдела подполковник Карасевич.

В состав Тульского боевого участка вошли: Тульское военнотехническое училище (выброшенное в качестве передового отряда в район Мценска), 330-я сд и 14-я зап. стр. бригада.

К исходу 4 октября по приказу начальника Тульского боевого участка части заняли оборону на непосредственных подступах к городу и приступили к форсированному строительству оборонительных сооружений.

Дальние подступы к Туле занимались частями 30 сд, 14 зап. стр. бр. и Тульским техническим училищем не на сплошном фронте. Полки и отдельные отряды выдвигались только для прикрытия важных операционных направлений: Белев, Мценск, Ефремов.

330-я сд одним полком, усиленным 76 мм батареей дивизионной артиллерии, к 24.00 3 октября заняла оборону на рубеже: Павшино, Слобода, Кураково. Остальные части дивизии к этому времени заняли оборону на рубеже: Михалково, Ново-Тульский, Криволучье, опираясь обоими флангами на р. Упа, с задачей не допустить прорыва танков противника на Тулу. Боевое охранение было выслано на рубеж Дубно, Шатово. Разведка велась в направлениях: Петровский, Ханино, Одоево. Штаб дивизии расположился в Туле.

Военнотехническое училище с двумя приданными саперными ротами (санбат 330-сд) к 20.00 3 октября заняло оборону на рубеже: по сев. вост. берегу р. Зуша в районе Мценска, с задачей прикрыть шоссе на Тулу.

На участке Мценск–Самозванка начались работы по подготовке к минированию дороги.

Командиры секторов обороны Тулы были назначены приказом начальника боевого участка, военкома были секретари РК ВКП(б).

Боевой состав секторов (части) должен был быть сформирован из местных рабочих организаций, с оставлением на производстве минимального количества необходимых людей.

Тульский оборонительный рубеж быстро превращался в мощную крепость на подступах к Москве, о которую впоследствии разбились хваленые гудериановские войска. Тульский рубеж стал барьером, которого врагу сломить не удалось.

В деле обороны Тулы, представлявшей собой один из подступов к Москве, выдающуюся роль сыграли рабочие города оружейников...» [3, с. 87–89, 107].

Гитлер лично еще 4 октября 1941 г. поставил задачу наступления на Москву через Тулу¹. Но когда Гудериан через 11 дней, исполняя директивы Гитлера, Гальдера и фон Бока, готовился непосредственно овладеть Тулой (приказ № 21 от 15 октября по 2 танковой армии), его уже ждали загода.

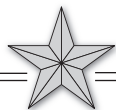
Здесь нет возможности комментировать все сходства и расхождения в описаниях событий авторами «Разгрома немецких войск под Москвой» и в военных мемуарах, опубликованных позднее. С одной стороны, обращение к мемуарной литературе сразу же потребует ее систематизации, а это отдельная работа, где аннотированный библиографический перечень займет не один десяток страниц. С другой стороны, давать оценки книге, написанной старшими офицерами Генштаба под редакцией маршала Советского Союза, мягко говоря, некорректно. Однако на некоторые детали обратить внимание читателей здесь можно и нужно.

Во-первых, этот труд написан очевидцами и участниками событий, которые находились в самом центре управления операциями и как никто другой могли оценивать ситуацию.

Во-вторых, он не имеет себе равных по широте охвата фактического материала. Книга под редакцией В.Д. Соколовского «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» (М., 1963) значительно уступает представляемой и по общему объему, и по количеству, и под-

¹ Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер пишет: «4 октября 1941 года. *105 день войны* [...]. Во второй половине дня — визит к фюреру. Чай. Во время посещения фюрера обсуждалось положение на фронте. Результаты: а. Направить наступающую на Москву танковую группу Гудериана через Тулу [...]. 22.00–23.00 — два разговора с фельдмаршалом фон Боком. Были затронуты следующие вопросы: а. Вопрос о наступлении танковой группы Гудериана на Тулу и порядок снабжения войск в этом случае [...]. По пункту «а»: фон Бок отдаст Гудериану приказ оседлать шоссе Орел–Брянск, которое необходимо для снабжения танковой группы, занять Мценск и обеспечить переправу через Оку в районе Белева. В остальном Гудериан должен подготовиться к наступлению как восточнее, так и западнее Оки» [4, с. 15].

Фон Бок пишет в этот же день 4/10/41 после телефонных разговоров с Гальдером: «Интересно, что когда я в начале наступления (курсив мой. — А.Ж.) высказался в пользу продвижения Гудериана в направлении Тулы и Калуги, Верховное командование сухопутных сил отвергло эту идею!» [5, с. 182].

робности карт-схем. Некоторые детали Московской битвы, конечно, описаны у В.Д. Соколовского более подробно и полно, но его видение ограничено контурами выполненной им в то время роли начальника штаба Западного фронта. Влияние книги офицеров Генштаба ощущается на мемуарах всех крупнейших военачальников. Но если каждый из них видел только свой «кусок» мозаики событий, то эта книга описывает Московское сражение в целом.

В-третьих, написанная в фактографическом стиле с очень корректными комментариями и оценками книга отличается ясностью, простотой и высоким интеллектуализмом оценок событий и фактов, ошибок и промахов обеих сторон. Авторы прежде всего стремились обобщить ценный опыт боевых действий и выработать практические рекомендации для сражающихся войск. В этом деле пренебрежению к врагу не было места. Читатель обратит внимание на оценки, контрастирующие с клишированными образцами позднейших лет.

В-четвертых, огромно политико-воспитательное значение этого документа эпохи, точно передающего социально-психологические и идеологические образы военного времени. Правдивостью отображения реальности книга 1943 г. выпуска выгодно отличается от некоторых послевоенных трудов, в которых в разные периоды преувеличивалось значение тех или иных фигур.

В то же время книге не присуща ложная героизация событий. Она показывает, что такое Война, с сухостью штабной статистики, но масштабы явления от этого только видятся в своем истинном размере. Авторы раскрывают содержание и размах той работы, которая давала твердую убежденность, что немцы никогда и ни при каких условиях не возьмут Москвы. Изложенная деловым стилем оперативных документов история формирования, сосредоточения и перевозки мощной резервной группировки с востока в тылы Западного фронта, анализ выбора момента принятия решений Ставкой Верховного Главнокомандования, Генштабом и Государственным Комитетом Обороны по вводу стратегических резервов, — все это говорит о реальной правде событий. Она показывает то настоящее, что было, лишая возможности мистифицировать и мифологизировать реальность.

Конечно, не все события освещены в книге с одинаковой подробностью, некоторые пропущены. Это результат достаточно сложных отношений, существовавших во время войны между социальными слоями: как между властным и военным сообществами, так и внутри каждого из них. Не говорится (а это известно со слов командующего МЗО П.А. Артемьева) о факте ликвидации в ночь с 30 ноября на 1 декабря 1941 г. сводным офицерским полком курсантов Военно-политической академии им. В.И. Ленина, отвечавшим за второй сектор МЗО, прорыва колонны немецких мотоциклистов в Химки через канал Москва —

Волга. В штыковой атаке, снося немцев с этого берега и моста, пали до единого 1500 офицеров в звании от капитана и выше. Об этом факте есть лишь косвенные свидетельства [6]. Обстоятельства сдачи немцам Сталиногорска-2 (Новомосковск) и ст. Узловая, вызвавшие глубокий прорыв танков Гудериана к Кашире, не изложены. Как следствие, не упомянут факт, что 25–26 ноября 1941 г. сотню немецких танков и пехоту держали под Каширой, дав развернуться корпусу П.А. Белова, зенитчики 352-го отдельного дивизиона Тульского района ПВО, полк 173 стрелковой дивизии, слушатели школы лейтенантов и курсов сержантов, истребительный батальон города и летчики 445-го полка ПВО.

Эти и некоторые другие случаи не оговариваются в примечаниях при переиздании. Несмотря на них, книга обозначением последовательности времени и мест боев дает возможность свести все разрозненные факты воедино в рамках военно-исторического повествования. Она, как никакая другая, очерчивает границы событий и дел и позволяет воссоздать точную картину. Разберем один эпизод.

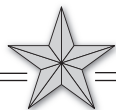
На схеме 20 первой части (Рис. 1) достаточно общо показана обстановка под Каширой в конце ноября 1941 г., а на схеме 9 (Рис. 2) к «Обороне Тулы» некоторые детали этой картины конкретизированы по часам, местам и действующим воинским частям Красной армии и противника. Здесь выходит, что к 21.00 25.11.1941 г. 17 тд немцев была в нескольких километрах от Каширы в селе Пятница (до полка пехоты и 100 танков в 6 км от города). В Кашире в это время была только конница и части 173 сд 112 тд полковника А.Л. Гетмана в 13.00 следующего дня находилась лишь в Аладьино за 30 км от этого места и контратаковать группу немцев не могла. Корпус П.А. Белова начал первую атаку этого пункта 27.11.1941 г. в 9.00. Этому тяжелейшему моменту предшествовала сдача Сталиногорска—2 и Узловой 22.11.1941 г., которая повлекла снятие командующего 50 армии А.Н. Ермакова с поста распоряжением Ставки ВГК и назначение командармом И.В. Болдина.

Описанная в донесениях того времени обстановка в целом совпадает по времени с данными схемы № 9 четвертой части тома «Обороны Тулы» и с комментарием событий офицерами генштаба.

Однако не названа еще одна сила, «разделение труда» с которой привело к общему успеху. Это делает в своих мемуарах «Непокоренная Тула», вышедших в 2004 году, артиллерист Т.Д. Дубинин:

«Заняв Венев, передовой отряд 17-й танковой дивизии (группа Эбербаха) во второй половине 25 ноября подошел к Кашире. Но здесь на противотанковую оборону был выставлен 352-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион Тульского бригадного района ПВО (командир дивизиона майор А.П. Смирнов¹), боевую службу нес 445-й

¹ 12 пушек трех батарей 85-мм орудий и одна батарея МЗА (прим. Т.Д. Дубинина в беседе).

истребительный полк противовоздушной обороны (командир — майор В.П. Круглов).

Еще ночью 24 ноября, как только стало известно о прорыве танков и мотопехоты противника у Венева, штаб войск ПВО страны строго потребовал от командира зенитного дивизиона и командира авиационного полка во что бы то ни стало удержать город Каширу и мосты через Оку, защитить Каширскую электростанцию, паровозное депо.

Боевую задачу зенитная артиллерия и истребительная авиация противовоздушной обороны выполнили успешно. Враг был остановлен. Подошедшие в район Каширы 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала П.А. Белова и 112-я танковая дивизия полковника А.Л. Гетмана 27 ноября нанесли удар по врагу, отбросили его в район Мордвеса.

В приказе командующего войсками ПВО страны генерала М.С. Громадина от 30 ноября 1941 г. отмечалось: «352 ОЗАД (командир дивизиона майор Смирнов) 25–26 ноября 1941 года один отбил от Каширы прорвавшиеся танки противника, уничтожил более 20 германских танков, обеспечивая тем самым успешное развертывание и наступление наших войск» [7].

Каширский горком ВКП(б) и исполком районного совета вручили 352-му отдельному зенитному артиллерийскому дивизиону и 445-му истребительному авиационному полку ПВО Красные Знамена. Отличившиеся в бою зенитчики и летчики были удостоены правительственных наград» [8, с. 170].

Здесь надо отметить, что зенитная артиллерия легендарно действовала под Москвой по танкам немцев в условиях, когда выходящие из окружения армии имели порой десятую часть артиллерии, личного состава и стрелкового вооружения. Факт потерь также нашел отражение в книге под редакцией Б.М. Шапошникова. Внимательный читатель обратит внимание и на долю выстрелов нашими боеприпасами, которые мы брали с трофейных складов немцев.

Но вернемся к «каширскому» эпизоду. Мы затронули его, не претендуя на полноту описания. Цель здесь значительно проще — показать, что давая общее представление о ходе боев под Москвой, книга при рассмотрении деталей очень подробна. Именно в качестве особого ее достоинства надо отметить детальное отражение всей информации на картах-схемах. Оно является неоценимым подспорьем для создания хроники Московской победы. Сопоставив приведенные в ней сведения со свидетельствами позднее опубликованных документов, оценками мемуаристов и исследователей, читатель, помимо всего прочего, оценит и ту простоту, с которой старшие офицеры Генштаба описывают эти же факты. Они не пытаются в стихии войны приписать задним числом мудрость решений и предвидение действий противника самим себе или командованию того или иного участка. Они не назидают за ошибки, исходя из текущей идеологии.

В качестве главной характеристики общего представления заметим: книга описывает операции таким образом, что опыт их проведения раскрывается как учебное пособие, в целом. Видно, как идеи проведения крупнейших стратегических операций Великой Отечественной войны, Сталинградской, Курской, буквально выкристаллизовываются из отдельных сражений Московской битвы.

Офицеры, чьи имена стоят на титулах и субтитулах всех частей книги, выполнили не только свой служебный долг. Они с честью выполнили и свой общественный долг, создав пока что самое точное, самое трагичное по своей простоте и ясности описание переломного момента хода немецкой военной машины. Они передали железную уверенность в победе боровшихся советских людей. Ни одно общество, кроме нашего, из существовавших в то время и ни одно из существующих теперь не смогло бы выдержать удара, подобного немецкому, и явить миру ту мощь и волю к Победе, какую показали советские люди. Эта книга дышит судьбами и войной, трагическими и героическими жизнями, с высотой пламени которых не могут до сих пор сравниться никакие образы искусства. Каждодневная обыденная правда смотрит с ее страниц.

Издаваемый сегодня труд ждал широкого читателя более шестидесяти двух лет. Для российского общества случай обычный. Достаточно вспомнить «Заветные мысли» Д.И. Менделеева, изданные почти через девяносто лет после написания, произведения А.С. Пушкина, увидевшие свет впервые через сорок лет после смерти поэта, классические военные труды А.А. Свечина. Это типичный цикл российского духовного производства. Гений народа, сломавшего одну из самых страшных черных сил в истории, смотрится из зеркала этой книги, и нужно горько сожалеть, что в живых остались очень немногие из тех людей, которые по достоинству могут оценить описываемые в ней свои героические дела. Привести документальное свидетельство подвигов этих людей — священная обязанность.

Книга «Разгром немецких войск под Москвой» — уникальный памятник сложной и героической эпохи. Переиздание сохраняет его неповторимый колорит. Текст книги публикуется практически без изменений. Исправлены только явные ошибки в названии месяцев, опечатки и описки, некоторые подписи в схемах. Географические названия даются по состоянию на 1941 год.

Переиздать этот труд помогали М.М. Горинов, Р.А. Григорьев, С.М. Завьялов, М.Ю. Моруков, Н.В. Романовский, Л.Н. Селиверстова, А.К. Соколов. С кратким словом к читателю обращается в книге участник Московской битвы, член Академии военных наук генерал-полковник Б.П. Уткин. Глубокая благодарность всем им за помощь в возможности хоть в небольшой степени возратить свой долг людям, которые мыслью и делом в самые тяжелые и сложные часы, дни и годы жизни служили Родине!

Литература

1. Разгром немецких войск под Москвой. М.: Главархив Москвы, ОАО Московские учебники, 2006.
2. Жаворонков В.Г. Оборона Тулы // Отечественная история. 2002. № 3.
3. Битва за Москву. История Московской зоны обороны / Сост. С.С. Илизаров и С.В. Костина. М., 2001.
4. Гальдер Ф. Военный дневник. Т.3. М., 1971.
5. Фон Бок. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941–1945. М., 2006.
6. Битва за Москву. М., 1966. С. 120–121, а также: Лобачев А.А. Трудными дорогами. М., 1960. С. 258; Битва за Москву. История Московской

Схема 20. Оборона Тулы. Ход боевых действий с 30 октября по 8–12 декабря 1941 г.

Рис. 1. Копия схемы 20 из книги
«Разгром немецких войск под Москвой». Ч. 1. [1, с. 100]

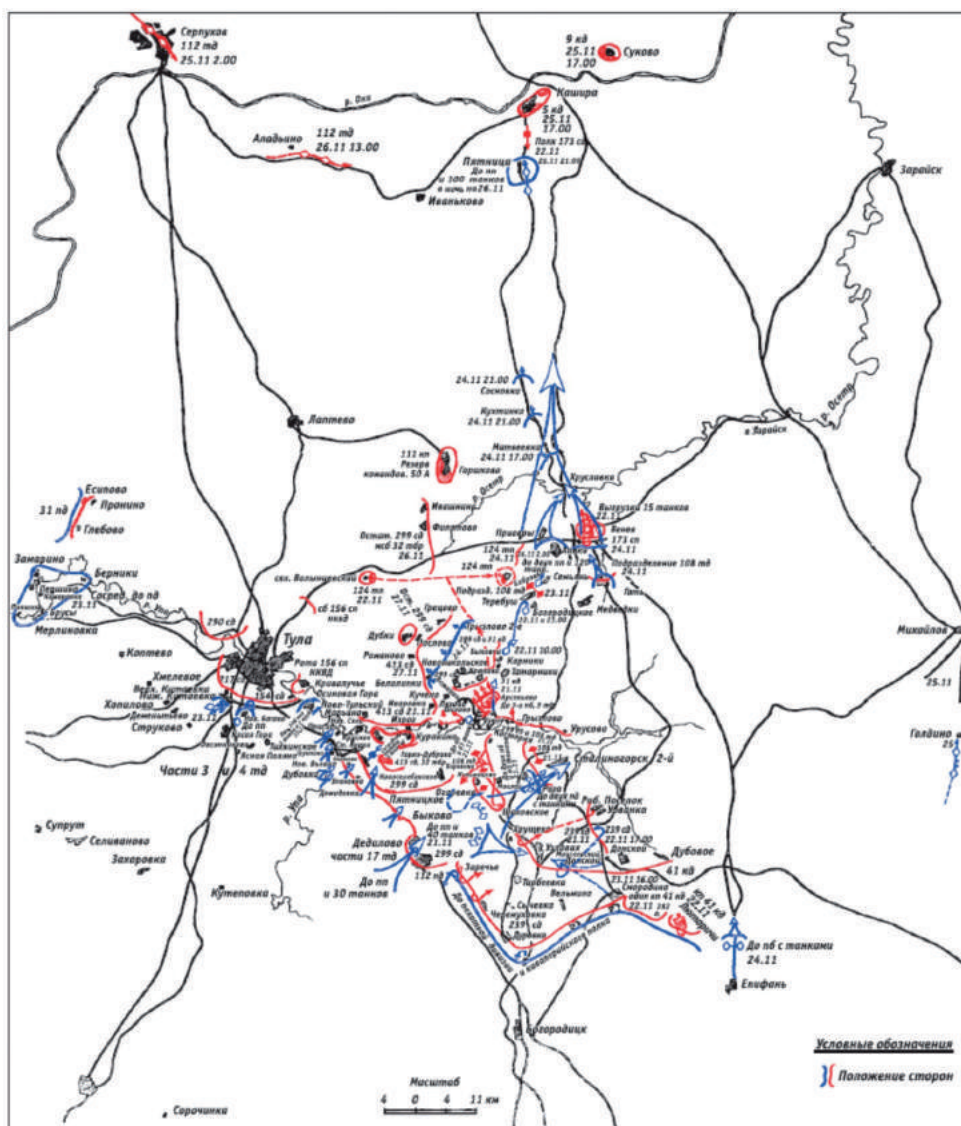

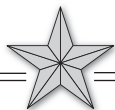
Схема 9. Прорыв немцев по Веневскому шоссе
с 18 по 26 ноября 1941 г.

Рис. 2. Копия схемы 9 из книги «Разгром немецких войск под Москвой». Оперативный очерк «Оборона Тулы». [1, с. 474]

зоны обороны. М., 2001. С. 172–174. Необходимо отметить, что анализ боевой обстановки с 24.11 по 08.12.1941 г. в р-не Красная Поляна–Горки–Катюшки–Химки требует отдельной работы, хорошо документированной, по еще не открытым архивам.

7. ЦАМО. Ф. 283 ИАП. ОП. 107343. Д. 1. Л. 34.

8. Дубинин Т.Д. Непокоренная Тула. Тула, 2004.

ОБОРОНА ТУЛЫ¹

(Из личного архива В.Г. Жаворонкова)

*Жаворонков Василий Гаврилович (1906—1987),
советский партийный и государственный деятель,
председатель Комитета обороны Тулы
во время Великой Отечественной войны,
Герой Советского Союза (1977)*

3 октября 1941 г. немцы без единого выстрела взяли Орел.

От Орла до Тулы 180 км. Если танки Гудериана за один день смогли расколоть фронт на глубину до 60 км и занять областной центр, где находился штаб Орловского военного округа, то через день-два они устремятся прямо на Тулу. В Туле все оборонные заводы работают на полную мощность, а между Орлом и Тулой (по нашему тогдашнему представлению) никаких войсковых частей нет. И в Туле самой, кроме полка НКВД, охраняющего оборонные заводы, истребительных батальонов по районам из рабочих и служащих, 732-го зенитно-артиллерийского полка, который прикрывал Тулу от воздушного противника, — ничего нет. Так что, туляки, готовьтесь к бою!

Спокойно обмениваясь мнениями по сложившейся обстановке, мы в Обкоме решили: просить у ЦК разрешение все оружие, имеющееся в данный момент на заводах, взять для вооружения рабочих отрядов. Сейчас же мобилизацию буквально по боевой тревоге проводим на заводах. По цехам отбираем командиров, начальников штабов. Ставим их во главе отрядов. И прямо из заводов, взяв с собой винтовки, патроны и лопаты, выходим на окраину города рыть окопы. Чтобы к утру быть в какой-то степени готовыми к бою. Зенитную артиллерию предлагаем поставить как противотанковую.

Ставка Верховного главнокомандования, ночью на 4 октября 1941 г., направила в район между Орлом и Мценском 1-й Гвардейский стрелковый корпус под командованием генерала Д.Д. Лелюшенко в составе 4-й и 11 танковых бригад, 6 гвардейской стрелковой дивизии и 5-го авиадесантного корпуса, подчинив его Ставке. В ночь на 4 октября под Мценск прибыла танковая бригада. Из ЦК нас предупредили: «Следите за тем, чтобы танки не задерживались по дороге, а как можно скорее шли к фронту».

Мы проверили у железнодорожников, они сказали: «Да, танки эшелон за эшелон идут туда».

¹ Записано со слов и на основе документов В.Г. Жаворонкова его сыном А.В. Жаворонковым. Тексты впервые публикуются без сокращений. Часть материалов об обороне Тулы была опубликована. См.: Оборона Тулы. Из личного архива Героя Советского Союза В.Г. Жаворонкова (Публикация А. В. Жаворонкова) // Отечественная история. 2002. № 3, с. 135—147.

Но танки идут, а пехоты-то нет. Без пехоты тяжело драться танкам. Тульские Обком и Горком ВКП(б), вместе с командующим Московским военным округом П.А. Артемьевым, который оказался в эту ночь в Туле, приняли самые крутые меры: по боевой тревоге поднимали всех курсантов Оружейно-технического училища, 400 бойцов НКВД, несших охрану заводов, истребительные батальоны, а всего 5500 человек и к 9 часам утра отправили по железной дороге эшелонами

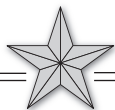
В.Г. Жаворонков

в распоряжение Лелюшенко под Мценск, так как знали — сил у него не так много. Курсанты, бойцы НКВД и истребительных батальонов были вооружены винтовками, гранатами, бутылками с горючей жидкостью и имели небольшое количество пулеметов.

С этого дня (4 октября) и надо исчислять начало обороны Тулы — с дней первых боев на дальних подступах под Мценском, где 5500 туляков, поддерживая бригаду Катукова, пятый воздушно-десантный и 34-й пограничный полк, который нес охрану тыла Брянского фронта, вступили в бой с гитлеровцами, нацеленными на Тулу. Днем позже, когда противник вышел к Лихвину, туда были выдвинуты сводный батальон Тульского полка НКВД, сводный истребительный отряд под

командованием капитана А.П. Горшкова, там же сражался и сводный отряд истребительных батальонов шахтеров и шахтостроителей под командованием Г.А. Агеева.

Исторически справедливо будет сказать, что туляки вели бои против немцев вместе с войсками Красной армии уже с первой недели октября. Многие из них в этих боях погибли. И, таким образом, битва за Тулу и за то, чтобы не пропустить врага на Москву с Юга, продолжалась 75–80 дней. Будет совсем неверным считать сроки битвы со дня начала артиллерийского обстрела города и до дня, когда окончился этот обстрел (т.е. с 29 октября по 14 декабря 1941 г.). День же создания городского Комитета обороны 22 октября и день отражения первого штурмового удара противника по Туле — 29 октября 1941 г. следует отнести к эпизодам обороны города, продолжению оборонительного периода.

В этот период, весьма сложный и напряженный необыкновенно, необходимо было знать, что происходит на фронте, в непосредственной близости к нашей области. Без этих знаний нельзя было руководить деятельностью всех предприятий и организаций фронтовой области. Нельзя было в сжатые сроки вывести из-под огня стратегическую базу — эвакуировать десятки тысяч рабочих, инженеров, служащих с семьями, огромное количество оборудования заводов, электростанции, шахты, десятки тысяч тонн металла, сотни тысяч тонн хлеба, продовольствия и многое другое вглубь страны. Поэтому во всех районах, граничащих со Смоленской и Орловской областями, и на территории этих областей, обкомом была организована разведка (группы по 2–3 человека). В ее задачу входило наблюдение за продвижением противника и ежедневные — раз в день, а если потребуется, и 2–3 раза в день — доклады обкому партии о том, где противник, где наши части, где проходит линия боевых действий. Сведения получали очень важные.

Эти сведения представляли большой интерес и для Генерального штаба, и мы в октябре каждодневно их сообщали чаще всего А.М. Василевскому. Он был очень благодарен, так как многие армейские соединения Брянского фронта, пробиваясь с тяжелыми боями из окружения (командованием фронта управление войсками было потеряно), находясь часто в очень трудном положении, не могли вовремя сообщать в Генштаб о своем местонахождении. А.М. Василевский всегда внимательно выслушивал меня и, несмотря на тяжелую обстановку на всех фронтах, особенно на подступах к Москве, удивительно спокойным и уверенным голосом внушал мне веру в наши силы, подсказывал разумные решения, ни одной моей просьбы не оставлял без внимания.

22 октября 1941 года решением Государственного Комитета обороны в Туле был создан Городской Комитет обороны в составе 4-х человек — Жаворонков В.Г. — секретарь обкома партии — председатель, Чмутов Н.И. — председатель Облисполкома, Суходольский В.Н. — начальник областного управления НКВД и Мельников А.К. — комендант города. На городской комитет обороны была возложена вся полнота ответственности за оборону города.

К кругу моих обязанностей добавилась весьма ответственная обязанность — вникать в ход боевых действий и отвечать за устойчивость оборонительных позиций города. Для этого следовало знать военное дело и принимать осмысленные решения.

Как я справился с этими новыми в ту пору обязанностями — не мне судить. Скажу только, что эти обязанности не застали меня врасплох. В Горном институте на военной кафедре, учитывая мою артиллерийскую комплекцию, меня обучали умению работать в орудийном расчете. Затем, уже будучи на партийной работе, куда меня направили из аспирантуры Горной академии, я по разнорядке ЦК, дважды проходил

сборы в военных лагерях, знакомился с новинками боевой техники, изучал тактику и оперативное искусство, стажировался командиром батареи тяжелых орудий, умел вести прицельный огонь с закрытых позиций. Поэтому в решении отдельных военных задач по обороне города я мог сказать свое слово.

Хочется при этом рассказать о таком разговоре 24 октября 1941 г. с генералом Куркиным А.В., командующим 26-й армией. Он ехал в Москву и временно задержался в Туле, ожидая выхода из окружения командования и штаба 50-й армии. Он стал рассказывать о сложностях обстановки на подступах к Туле. Настроение у него было подавленное. Я прервал его вопросом:

— Товарищ Куркин, скажите, сколько у противника танков?

Он промолчал.

Я повторил свой вопрос:

— Сколько у противника танков?

И он ответил, потрясая поднятыми к голове руками:

— Что танки, танки... САМ Гудериан сюда идет!

— Ну и черт с ним, что он идет. Сколько у него здесь танков?

— Тебе для чего? — вопросом на вопрос ответил генерал.

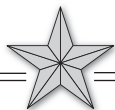
— Я артиллерист.

— 400! — Выпалил мой собеседник.

— Вот это другой разговор.

— Как?

— А так... 400 танков Гудериан бросать сразу на Тулу не будет. Он грамотный вояка и рассчитывает прорваться к Москве. Значит треть или половину оставит в резерве. На прикрытие флангов и возле своего штаба тоже оставит не один батальон... Таким образом на Тулу будет брошено максимально полторы сотни. Авангард составит, скажем, полсотни. С этой полсотней мы справимся: зенитный полк — 85 мм орудия поставим на танкоопасных направлениях. У этих орудий настильный огонь значительно сильнее любых пушек на немецких танках. Кроме того, есть у нас полк артиллерии резерва главного командования (АРГК) — десять 152 мм пушек. Это тоже сила могучая и не подведет. Люди в этом полку с большим боевым стажем и драться умеют. Шли от Бреста, сохранили орудия. Бог войны за город Тулу. Вот мы этого бога настроим против танков. Есть у нас еще другие средства, плюс заминированные поля. Запалим первый десяток танков перед глазами самого Гудериана и он поймет — «тульский пряник» не такой уж сладкий для него, может оставить его без зубов, придется маневрировать. К тому же немецкие танкисты, как мне известно, боятся огня нашей артиллерии и умеют драпать. Мы еще будем свидетелями, как они драпанут.

Такой оборот разговора вразумил моего собеседника. Он ушел от меня с другим настроением — Тула будет сражаться!

23 октября городской комитет обороны принял решение о формировании из истребительных батальонов Тульского рабочего полка в составе 1500 человек. Командиром полка был утвержден капитан А.П. Горшков, комиссаром Г.А. Агеев. Постановлением городского комитета обороны от 25 октября в Туле было введено осадное положение с установлением соответствующего режима.

В процессе подготовки плана обороны и строительства оборонительных рубежей мы думали, как лучше нам организовать оборону нашего города и, не колеблясь, твердо решили, что оборону необходимо организовать ближнюю. Противник пока многократно превосходит нас и в живой силе, и в технике. У стен города надо построить рубежи обороны, так как мы не имеем такого количества войск, чтобы вести бой в 3–4 км от города, в полевых условиях. Удаление обороны от города позволило бы противнику окружить нас и разбить, а самому ворваться в город. Весь последующий ход боев подтвердил правильность наших «задумок». Г.К. Жуков, беседуя со мной в 1966 году, подчеркнул, что это было единственно верное решение. Минные поля и противотанковые рвы и эскарпы вдоль дорог и вокруг города затягивали атакующие танки в пристрелянные горла узких воронок, где они попадали под убийственно уплотненный огонь зенитной и тяжелой артиллерии и противотанковых ружей.

Оборона подступов к Туле была возложена на войска 50-й армии, командовал которой генерал А.Н. Ермаков. Я пытался установить с ним связь, но он проскочил мимо Тулы, не заглянув в комитет обороны. Беседы в нужное время не состоялось.

По решению комитета обороны 27 октября в район Орловского шоссе при выходе его из города по левую сторону был поставлен Тульский рабочий полк, а по правую — 156 полк НКВД (командир С.Ф. Зубков, комиссар С.М. Старостин). Левее рабочего полка на Воронежском шоссе занимала городской рубеж обороны 260СД (200 человек). Одоевское шоссе охранял батальон милиции.

В боевых порядках этих частей была поставлена зенитная артиллерия 732 полка ПВО, оборонявшего Тулу (командир полка М.Т. Бондаренко, комиссар Г.И. Морозкин). Зенитная артиллерия как противотанковая стояла на Орловском, Воронежском, Одоевском, Калужском, Алексинском шоссе и была эшелонирована в глубину города. На северной окраине города были боевые позиции 447 полка АРГК — десять 152 мм пушек (командир Маврин А.А.). На железнодорожных путях оружейного завода маневрировал бронепоезд № 16 (командир Коржевский, комиссар Кирилюк). На южной окраине города в районе парка культуры был 702 противотанковый полк, имевший семь 37 мм

пушек. 108 танковая дивизия имела три неисправных танка Т-26, которые были поставлены на ремонт на патронном заводе, а танкистов без танков в бой не вводили.

Немцы 29 октября заняли Щекино и начали наступать на наш рубеж обороны в районе Ясной Поляны. Командованием 50 армии, прибывшим в район Тулы в ночь на 26 октября, было приказано этот рубеж защищать силами 290-й стрелковой дивизии (командир Н.В. Рякин, комиссар Ф.А. Лаврентьев), в которой было 1500 человек бойцов, но не было ни одного артиллерийского орудия. В момент наступления немецких танков эта дивизия без приказа оставила боевой рубеж и в ночь на 30 октября оказалась на станции Нижние Присады в 18 километрах северо-восточнее Тулы. 31-я кавалерийская дивизия 29 октября в то же время, что и 290-я стрелковая дивизия, ушла с Косой Горы от завода и из поселка и ночью 30 октября была в районе штаба 50 армии, расположенного восточнее Медвенского совхоза: в 12 километрах северо-восточнее Тулы.

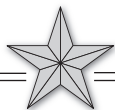
Ясная Поляна, металлургический завод и поселок Косая Гора, Ивановские дачи, деревня Ново-Басово, станция Подземгаз были в 16–18 часов 29 октября заняты немцами. Противник стал непосредственно у стен города, всю ночь на 30 октября готовился к штурму. Вражеская авиация, 27 пикирующих бомбардировщиков, в 16–17 часов 29 октября бомбила позиции рабочего полка, полка НКВД, позиции зенитной артиллерии, но войска стояли на занимаемом рубеже.

30 октября с 7 часов утра немецко-фашистская артиллерия и минометы открыли интенсивный огонь по переднему краю нашей обороны и по городу. Затем пошли в атаку танки и мотопехота.

В этот час я находился в траншеях рабочего полка. Сквозь сумерки и мглу взрывов мне удалось разглядеть, как накапливается вражеская мотопехота в районе мыловаренного завода. Одна за другой разгружались автомашины с гитлеровскими автоматчиками. Связался с артиллеристами. Тяжелые орудия ответили двумя пристрельными выстрелами. Хорошо. Есть вилка! Затем залп, второй... И размолотили место высадки автоматчиков. Их атака на этом участке была сорвана. Мои знания ведения огня артиллерии с закрытых позиций здесь оченьгодились.

Главные удары фашисты наносили в этот день по Орловскому шоссе, Рогожинскому поселку и Воронежскому шоссе. Все атаки, повторявшиеся в течение дня 4 раза, несмотря на бешеный натиск, особенно по Орловскому шоссе, где одновременно атаковало до 50 танков, были отбиты.

Бой начался жестокий и кровопролитный. Несмотря на большие потери, противник пытался сломить и подавить нашу стойкую мужественную оборону. В Рогожинском поселке дело доходило до рукопашных схваток, но прорваться в город ему нигде не удалось. Наша зе-

нитная артиллерия прямой наводкой расстреливала вражеские танки, бронетранспортеры. Снаряды тяжелой артиллерии уничтожали танки и мотопехоту, а бойцы рабочего полка, полка НКВД пулеметным и ружейным огнем, противотанковыми ружьями, гранатами сокрушали броневики и пехоту атакующего противника. Враг понес большие потери в живой силе и технике.

Оборона Тулы. Зенитное орудие Г.М. Волнянского

На всем участке обороны за день боев был подбит 31 танк и уничтожено много пехоты. Фашистам за день удалось занять лишь часть Рогожинского поселка, сделать вмятину 300–400 метров в линии обороны рабочего полка, но дальше их ни на шаг не пропустили. Да, не только взять город с ходу, но и прорваться в город, сломить оборону, ни на одном участке не удалось. Геройски погибли в первый день боя комиссар рабочего полка Г.А. Агеев, командиры взводов — П.К. Комаров, В.И. Гудков, зам. командира зенитной батареи лейтенант Г.М. Волнянский, чекисты В.Г. Малышев, М.П. Брагин, Т.И. Колокольников и многие другие. Всего в первый день погибло более 150 человек и много было раненых.

Вся тяжесть боя 30 октября 1941 г. выпала на Тульский рабочий полк, на 156 полк НКВД и 200 бойцов 260-й сд, 732 полк зенитной артиллерии ПВО и 447 полк тяжелой артиллерии РГК. Так было на самом деле, вопреки изображаемому в некоторых сводках и книгах.

Вечером 30 октября по приказу Ставки Верховного Главнокомандования в Тулу прибыла 32-я танковая бригада (командир полковник И.И. Ющук). В ее составе было 5 танков кв, 7 — Т-34, 22 — Т-60 и батальон мотопехоты (960 человек). Мы были очень рады такому подкреплению. За ночь танки вышли на передний край обороны, и часть из них утром 31 октября вступила в бой. 31 октября фашистские войска за день предприняли еще 6 яростных атак. Все они были отбиты огнем артиллерии, танков и гранатами. Самоотверженно сражались в этот день все войска, в том числе 32-я танковая бригада, правда, она потеряла за день 4 тяжелых танка (1 КВ и 3 Т-34) из 12, имевшихся в

ее составе. И в те дни в первом же бою потерять 4 таких танка — это была большая потеря.

За день было подбито 34 вражеских танка. Противнику нигде не удалось продвинуться ни на шаг.

31 октября по приказу Ставки в Тулу прибыл 34-й отдельный гвардейский минометный дивизион «Катюш» (командир П.И. Франченко, комиссар В.В. Ковалев). В ночь на 1 ноября он дал залп по противнику и сжег этим залпом сразу 13 танков, несколько бензозаправщиков и грузовых машин, уничтожил много гитлеровцев. Залп был дан по скоплению танков во время заправки. От взрыва бензозаправщиков в небо взвились голубые огненные фонтаны.

За два дня боев 30 и 31 октября защитниками Тулы было уничтожено 78 танков противника. Если бы Гудериан имел по всему фронту своей группировки и 500 танков, то и тогда потери за два дня составили у него на одном узком участке около 16% ударной матчасти. Мы могли продолжать. Гудериан не стал. Началась осада города.

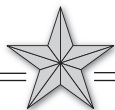
Из дневника В.Г. Жаворонкова за 1941 г.

29 октября. Танки противника проскочили на Щекино, на Косую Гору, обстреляли завод Косая Гора. Завод был взорван. Ночью танки вышли на Ново-Басово и начали накапливаться, ведя одновременно разведку в направлении на НТМЗ (Новотульский металлургический завод). Обком и Горком ВКП(б) переехал в школу № 9 Пролетарского района.

30 октября. Рано утром противник на Орловском направлении начал атаку и был отбит. Днем еще предпринимал две атаки. Обе атаки в районе кирпичного завода были отбиты. Подбито 19 танков противника. Два танка заскакивали в сад за переезд, но были выбиты.

31 октября. Противник снова атаковал Тулу до 6 раз в лоб с Орловского направления и активизировал свои действия на Воронежском шоссе южнее Тулы. Вел пулеметный огонь и обстреливал из минометов. Наша зенитная артиллерия и полевая тяжелая мотают противника и днем и ночью и особенно крепко работает «Мария Ивановна» (после войны рукой В.Г. Жаворонкова поставлено — «Катюша» — прим. А.Ж.). В городе имеют место пожары, горел завод № 66, магазин на вокзале, бараки на 314-м заводе. Нашей артиллерией, частями НКВД подбито до 34 танков. Начинают подходить части РККА, к вечеру возвращаемые командованием. Артиллерийская канонада наших батарей все время и днем и ночью.

1 ноября. Снова противник атакует г. Тулу танками, меняя несколько направления (справа от дороги на Орел) по железной дороге. Наша артиллерия непрерывно громит противника днем и ночью. Была атака нашими танками танков противника. 2 КВ, 3 Т-34. Подбито вражеских танков 5.

2 ноября. Противник попытался снова атаковать город, но был отбит. Особенно сильно была наша артиллерия по Косой Горе, так как там в гараже и на дворе расположились немецкие танки. Накрыли их здорово. Очевидцы говорят, что много было визгу немецкого.

3 ноября. Противник усилил активность со стороны Воронежского шоссе и со стороны Нижней Китаевки. По Воронежскому шоссе — автоматчики и минометы, со стороны Нижней Китаевки — танки до 15 штук и мотопехота. Атаки противника отбиты.

4 ноября. Атаки танков противника со стороны Воронежского шоссе повторяются. Со стороны Нижней Китаевки тоже. Была и лобовая атака. Все атаки отбиты. Хорошо работает «Мария Ивановна». В городе строятся баррикады.

5 ноября. Было совещание секретарей РК ВКП(б) города в связи с приближением противника. Атаки противника с флангов отбиты. Сожжено до 15 штук танков противника.

Из подготовленного В.Г. Жаворонковым к публикациям

31 октября подошли в Тулу 154-я и 217-я стрелковые дивизии 50-й армии, вышедшие из окружения.

30 октября в 6.00 штаб 50-й армии, ее командующий генерал А.Н. Ермаков и член Военного Совета К.Л. Сорокин, находясь в Медвенке — в двенадцати километрах восточнее Тулы, издали приказ о создании Тульского Боевого Участка (ТБУ). Его начальником был назначен заместитель командующего генерал-майор В.С. Попов, боевой, решительный генерал, который и командовал ТБУ до 12 ноября, проявляя при этом выдержку, мужество и умение быстро решать сложные вопросы в обстановке непрерывных тяжелых боев при наличии малочисленных и слабо оснащенных боевой техникой войск. Он тотчас же прибыл в Тулу и сразу включился в руководство боевыми действиями частей, прибывающих на усиление обороны города. После В.С. Попова ТБУ командовал генерал-майор Я.С. Фоканов, командир 154 стрелковой дивизии, опытный военный, смелый и решительный человек, достойно заменивший Попова.

Командование Брянского фронта принимало меры по оказанию помощи 50-й армии, оборонявшей Тулу.

В ночь на 31 октября прибыл начальник штаба Брянского фронта полковник Л.М. Сандалов с группой офицеров штаба. В.С. Попов, Л.М. Сандалов и городской Комитет обороны разработали ряд мероприятий оперативного порядка, в том числе и наступательную операцию, проводившуюся 6–7–8 ноября.

3 ноября в Туле при Военном совете 50-й армии состоялось совещание комполитсостава боевых частей, входивших в армию и уже находившихся на обороне города. На совещании выступили член Военно-

го совета 50-й армии бригадный комиссар К.Л. Сорокин, заместитель командующего, начальник ТБУ генерал-майор В.С. Попов и еще ряд других военных. От Комитета обороны выступил я, напомнил, что оборона Тулы есть оборона Москвы. Высказал товарищам ряд критических замечаний.

Из дневника В.Г. Жаворонкова за 1941 г.

2-го ноября и 3 ноября проведены совещания командиров и комиссаров дивизий по вопросам обороны Тулы. Задачи о которых говорил:

1. Сбросить с себя дух подавленности и «мокрокурья», стать боевыми командирами и комиссарами.

2. Собрать войска и продолжать их собирать для того, чтобы их здесь обрабатывать в бане, одевать в теплую одежду. Укрепить дисциплину среди командиров и политработников, вселить в них боевой дух для борьбы, для защиты Тулы, для разгрома врага. Командование армии Ермаков, Сорокин мало и через день бывают в городе. Им об этом мы говорили.

Из подготовленного В.Г. Жаворонковым к публикациям

Хочу привести, на мой взгляд, интересный факт, имевший место в той суровой обстановке. За порядок в городе отвечал военный комендант А.К. Мельников — член городского Комитета обороны.

В один из дней 3-го или 4-го ноября он приходит в Комитет и докладывает мне:

— Комендатурой задержано 250 дезертиров.

— С оружием? — спрашиваю.

— С оружием.

— Хорошо, — сказал я.

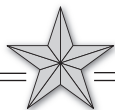
— Как хорошо?! — удивился Мельников. — Их надо судить, их в трибунал.

— Не надо, — говорю. — Их нельзя считать дезертирами. Командиры у них погибли, но бегут они куда — ведь не к противнику, а к нам, к Советской власти. Ты сам с ними беседовал? Нет. Ну так вот сделай так: пойди к ним, сам побеседуй с ними. Назначьте командиров, сводите в баню, у кого нет белья, дайте белье. Обувь износилась совсем у кого, замените. Постригите их, накормите, пусть как следует выспятся, и направьте в одну из воинских частей на рубеж обороны и пусть немцев бьют. Тулу защищают, а убегать не думают.

Мельников так и сделал, а через неделю проверил и доложил, что эти солдаты замечательно дерутся:

— Бывшие дезертиры сражаются отлично, стойко...

— А ты хотел их в трибунал, — заметил я. — Больше значит помочь людям обрести веру в свою силу.

Помнятся мне и другие эпизоды из этого разряда. Вот один из них. Подкатывает на грузовике один командир с бойцами к проходной оборонного завода. Его останавливают рабочие.

— В чем дело?! — возмущается он. — Я командир части, мне нужны патроны, пулеметы! — Отступая через города и села, он уже привык к такому порядку — приехал, взял и уехал. А здесь ему ответили:

— Получите и патроны, и нужное оружие, только принесите разрешения. У нас в Туле советская власть, есть обком, горком, городской Комитет обороны...

И незадачливый командир вынужден был обратиться в городской Комитет обороны.

Должная помощь была оказана раненым в размещении по госпиталям, лечении, уходе за ними и эвакуации в тыл. Все это в высшей степени положительно сказывалось на состоянии бойцов и командиров. Настроение вышедших из окружения, отступавших с боями сотни километров и несших большие потери, становилось совсем другое, их боевой дух возрастал изо дня в день и становился крепче, так как они видели и убеждались каждый день в том, что со стойкой, мужественной обороной враг не может ничего сделать. Как ни атакует танками, артиллерией, авиацией и мотопехотой, а ни на шаг продвинуться не может. В Туле им была оказана помощь, и они видели на боевых позициях рабочих — мужчин и женщин, и убеждались, что враг не может одолеть оборону. Так что же обученным солдатам оставалось делать, если даже гражданское население, женщины так стойко и упорно обороняют свой город.

К 5 ноября по приказу Верховного Главнокомандования в район Болоховка–Узловая–Дедилово прибыла 413-я стрелковая дивизия сибиряков. Командир дивизии А.Д. Терешков, комиссар Д.А. Карпенков побывали у меня, сказали, что дивизия хорошо подготовленная и в должной мере вооруженная, полнокровная, готова оборонять город оружейников по-сибирски.

10 ноября Ставкой Верховного главнокомандования 50-я армия была подчинена командующему Западного фронта. Брянский фронт был расформирован (однако первая наступательная операция была разработана в его рамках).

Проводившаяся 6–7–8 ноября наступательная операция силами 413, 154, 217, 290, 258-й стрелковых дивизий, 32-й танковой бригады, рабочего полка и 156-ого полка НКВД, 34-го отдельного гвардейского минометного дивизиона, 16-го бронепоезда имела очень важное значение. Враг на отдельных участках отступил, из ряда населенных пунктов его выбили. В ночь на 9 ноября 154-я дивизия и Тульский рабочий полк выбили немцев из Рогожинского поселка.

Конечно, наступательная операция, проведенная 6–7–8 ноября, очень большого успеха не достигла, но на поле боя врагу было доказа-

но, что наши войска могут наступать. Это особенно ясно дала почувствовать на своем участке 413-я стрелковая дивизия, гнавшая немцев 12 км, пока они не ввели в бой большую группу танков. Поле боя перед сибиряками было усыпано захватчиками. Только под натиском танков сибиряки отошли на исходные позиции и более ни на шаг в те дни не отступали. Характерно, что после этих боев немцы прислали разведку, чтобы выяснить, сколько пришло в Тулу сибирских корпусов, а у нас была на левом фланге армии одна сибирская дивизия, которая своим мужеством и самоотверженностью при атаке на врага нагнала страху на германских головорезов. Мы с командованием ТБУ делали из этого надлежащие выводы.

Выясняли немцы и сколько в Туле «стодульных» пушек, имея в виду гвардейский дивизион «Катюш» («Марию Ивановну». — *Ред.*). С этим вопросом они послали к нам «диверсантом» нашего же разведчика-партизана, сумевшего «завоевать» их доверие. В начале ноября разведчики же доложили, что на Ивановских дачах засел на «дежурство» в ожидании танкового прорыва в город отборный батальон эсэсовской мотопехоты из полка «Великая Германия». Я позвонил в Москву командующему МВО генералу П.А. Артемьеву и попросил его сжечь это осиное гнездо.

— Ты, — говорит он, — что? Отдохнуть на дачах не хочешь?

— Как раз хочу, — отвечаю, — поэтому и прошу сжечь быстрее.

П.А. Артемьев прислал группу штурмовиков, которая блестяще выполнила задачу — разнесла «эрэсами» (реактивными снарядами) батальон фашистских мотоциклистов, уничтожив их технику и все дома, в которых они располагались. Разведчики, сидевшие на высотах, ракетами осветили летчикам ночную цель и доложили нам, как немцы драпали из огня по снегу босиком в одних кальсонах.

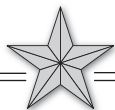
Из дневника В.Г. Жаворонкова за 1941 г.

6 ноября. Были частичные атаки противника, они отбиты.

В 4 часа говорил с товарищем Маленковым. В 7 часов вечера слушали доклад тов. Сталина на торжественном заседании в Москве.

7 ноября. Весь день истребляли фашистских людоедов. Артиллерия наша работала замечательно. Город украшен флагами, портретами руководителей партии правительства, на заводах и ж.д. узле Тула-1-я проведены собрания рабочих. То же сделано по некоторым учреждениям, где были работники. Настроение населения боевое. Жители города аплодисментами встречают гвардейцев — части тт. Францева и Ковалева. Мы были на патронном 314-м и 66-м заводах говорили с руководством и рабочими. Продолжается активно строительство баррикад в городе.

Утром слушали радио-передачу парада в г. Москве. Днем радио не работало, так как работала артиллерия и радио ей мешало, пришлось

его работу прекратить. Была организована передача подарков бойцам Красной Армии, собранных по городу и партийным организациям.

Из подготовленного В.Г. Жаворонковым к публикациям

Праздничные дни прошли без особых тревог. Гитлеровцы отказались от лобовых ударов по Туле. Наступило относительное затишье. Следовало ждать бурю. Так и случилось.

После трехнедельных боев, не добившись успехов, противник с 18 ноября начал активное наступление на левом фланге 50-й армии по линии Болоховка–Дедилово–Узловая–Сталиногорск–Венев–Кашира и, хотя медленно, но продвигался вперед.

В ночь на 20 ноября 1941 г. секретарь Сталиногорского горкома партии Голубенков и секретарь обкома партии по оборонной промышленности Б.М. Агафонов сообщили мне, что войска, обороняющие Сталиногорск, получили приказ командующего 50-й армией А.Н. Ермакова об оставлении Сталиногорска.

Связисты помогли мне разыскать штаб армии. У телефона оказался начальник штаба Н.Е. Аргунов. Спрашиваю его:

— Мне стало известно, что войскам приказано оставить Сталиногорск, правильно ли это?

— Да, такой приказ есть, ибо там сложилась тяжелая обстановка, — ответил Аргунов.

— Как это вы делаете?! — возмутился я. — Ведь обком партии не посторонняя организация. Вы не сказали нам ни слова, даже в известность не поставили о своих намерениях. Это возмутительное поведение командования, иначе мы это расценить не можем. И это граничит с изменой или предательством!

— Вы очень резко, товарищ Жаворонков, характеризуете это дело.

— А как же Вы думаете можно характеризовать ваше поведение об оставлении Сталиногорска нашими войсками? Вы хотите промышленный центр, который две пятилетки строила вся страна, без боя сдать врагу. Иной характеристики не ждите, ее не будет!

— Я буду докладывать командующему как только он появится. Мы будем советоваться с ним. Я вам позвоню...

Часа через полтора–два он позвонил и сообщил, что командующий приказ об оставлении Сталиногорска отменил.

— Приказ отменил, а войска наверное уже на колесах, — заметил я. Так и случилось.

А ведь Сталиногорск было кому защищать.

Из дневника В.Г. Жаворонкова за 1941 г.

13 и 14 ноября. Противник активизировал свои действия на левом фланге в направлении на Болоховку. Ведутся жестокие бои.

16–17 ноября. Бои за Болоховку, за Дедилово, идет разведка противника на Богородицк. Небольшими группами идет просачивание в Рязанскую область.

18–19–20 ноября. Ожесточенные бои около Болоховки в направлении на Венев. Противник пытается двинуться на Сталиногорск. На этом направлении 239-я стрелковая, 108-я танковая дивизии. Первая из них дерется хорошо, вторая, потому что командир плохой, а, может, просто трус, очень плохо. Ночью на 20 ноября был очень серьезный разговор с Аргуновым, нач. штаба 50-й армии по поводу приказа о сдаче Сталиногорска. Удалось добиться отмены приказа вредного, по сути предательского. Дратся было чем и было кому. Там было: 108-я танковая дивизия, полк НКВД (1500 человек), 8 арторудий и 1500 человек бригады ПВО. А наступало 20 танков противника и 1500 человек вшивой пехоты.

Из подготовленного В.Г. Жаворонковым к публикациям

Вечером же 20 ноября мне стало известно, что командующий 50-й армией А.Н. Ермаков вместе со штабом собирается покинуть Медвенку и переместиться в Венев — 50 км северо-восточнее Тулы. Взяв с собой членов тульского городского Комитета Обороны Н.И. Чмутова, В.Н. Суходольского, я поспешил застать Ермакова на прежнем месте. Нам это удалось. Ермаков сразу начал с того, что они, то есть командующий и штаб армии, уезжают в Венев и что партийному и советскому руководству города Тулы надо тоже выезжать из города вместе с командованием. Он, вероятно, оценивал наш визит по-своему и ждал, дескать, мы приехали к нему искать спасения.

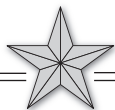
— Защищать город Тулу нечем, нет сил, которыми можно было бы отстаивать город, — сказал Ермаков, не смущаясь. Говорил он и о том, что нельзя по военным законам защитить город, лежащий в низине.

При этом разговоре присутствовали и поддерживали целиком мнение командующего А.Н. Ермакова член военного совета армии К.Л. Со рокин, начальник штаба Н.Е. Аргунов, комиссар штаба Нарышкин.

Я ответил, что это совершенно неправильное мнение, что городской Комитет обороны категорически отвергает это предложение.

— Уже 22 дня идут непрерывные атаки немцев на город, но врагу в город прорваться нигде не удалось! Оборона города стала более стойкой и упорной, войска очень многому научились и ведут себя в боях мужественно, не уступая врагу ни одного рубежа. Ставка все время подкрепляет оборону, направляет пополнения живой силы и боевой техники. У командования армии нет никаких оснований уходить из Тулы.

Разговор был острый и очень напряженный. И мне не просто было определить, то ли здесь имеет место измена, то ли проявляется трусость или полное непонимание обстановки, а как известно на деле,

трусость всегда идет рядом с изменой и предательством. Мы отвергли предложение Ермакова об уходе штаба и командования из города, требовали этого не делать и заявили, что партийное и советское руководство города и области Тулу не оставит, никуда не поедет и сдавать врагу город не будет!

Несмотря на весьма категорические разговоры и острое обсуждение этого коренного вопроса обороны Тулы, командующий армией и штаб уехали из Медвенки той же ночью в город Венев. Мы вернулись в Тулу. Попытались связаться с комфронта Г.К. Жуковым. Не удалось. А время не ждет. Тогда в ночь на 21-е ноября Городской комитет обороны дал в ГКО лично Сталину телеграмму:

«Командование 50 армии не обеспечивает руководства разгромом немецко-фашистских людоедов на подступах к Москве и при обороне Тулы. Поведение военного командования может быть характеризовано, как трусливое, по меньшей мере. Просим ГКО, Вас, товарищ Сталин, укрепить военное руководство 50 армии.

В.Г. Жаворонков, Н.И. Чмутов, В.Н. Суходольский». (А.К. Мельникова в то время в городе не было, поэтому его подпись под телеграммой отсутствует. — В.Ж.)

21 ноября, во второй половине дня мне позвонил член ГКО Г.М. Маленков и сообщил: «Ваша телеграмма товарищем Сталиным рассмотрена, просьба Ваша удовлетворена, к Вам завтра приедет новый товарищ, фамилию не сообщаю по понятным причинам».

Тем временем, пока не прибыл новый командующий, продолжали действовать приказы Ермакова. Впоследствии, через много лет после войны, по документам архива Министерства обороны стало известно, что перед тем, как Ермаков отменил свой приказ об оставлении Сталиногорска, 20 ноября им был получен приказ Г.К. Жукова о содержании которого хорошо можно судить по документу, посланному Жуковым в Ставку:

По Бодо

«Товарищу Сталину.

В 22 часа 22-11-41 г. Командарм 50 тов. Болдин доложил, что Сталиногорск 2-й и ст. Узловая нашими войсками оставлены и заняты противником.

Считаем виновными в сдаче Сталиногорска 2-го бывшего Командарма 50 Ермакова. 20-11-41 г. командующим фронтом был дан Ермакову приказ атаковать 21-11 противника в районе Сталиногорск 2-й и Узловой силами стоявшей в районе Сталиногорск 2-й 108 ТБР, 125 танк. бат., 239 СД и удерживать занимаемое в то время частями положение.

Ермаков вместо выполнения этого приказа, вопреки приказу фронта 21-11 в 22 часа 30 минут за подписью своей, члена Военного Совета и нач.штаба донес штабу фронта, что им намечено (приводим дослов-

но): «108 ТБР, 125 танк бат немедленно вывести в район Ясенок-Подлубное, Горбачи и ударом во фланг и тыл уничтожить Арсеньевскую группировку противника с выводом на реку Шать на участке Марьино, Прудки. 239 СД и 41 КД, продолжая удерживать рубеж Панково, Узловая, Хованка, Высотское, Смородино, Карачаево, в случае наступления превосходящих сил противника, отойти на рубеж Иван-Озеро, Урванка, Сталиногорск 1-й, Донской, Дубовое, Карачево».

Военным Советом фронта этот приказ Ермакова был немедленно отменен. Ермаков, член Военного Совета и начальник штаба были лично об этом поставлены в известность, при этом им было указано на преступность этого плана операции, так как вывод 108 ТБР и 125 танк бат из района Сталиногорска означал сдачу Сталиногорска врагу без боя, Ермаковым приказ фронта был принят к исполнению.

Сталиногорск и Узловая, несмотря на приказ фронта сданы, а 108 ТБР, 125 танк бат и 239 СД вышли примерно туда, куда указывалось в приказе Ермакова.

Все обстоятельства сдачи Сталиногорска и степень виновности отдельных лиц нами расследуются.

П/п Жуков, Булганин.

23 ноября 1941 года».

ЦАМО РФ. Ф. 208. О. 2511. Д. 1026. Л. 4, 5.

Как известно, командующий 50-й армии А.Н. Ермаков был снят с поста командующего, 22 ноября сдал дела в городе Веневе вновь назначенному командующему И.В. Болдину и уехал в Москву. Командованием Западного Фронта после расследования обстоятельств сдачи Сталиногорска А.Н. Ермаков был отдан под суд Военного Трибунала и осужден. После апелляции был помилован, дрался хорошо, дослужился в конце войны до генерал-лейтенанта.

Характерно, что немецкое Верховное командование колебалось в успехе наступления на Москву с юга. Гудериан не пошел бы вперед, не уступил ему Ермаков. Об этом говорят записи дневника начштаба германской армии Гальдера от 19 и 22 ноября 1941 года:

Из дневника Гальдера:

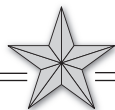
«19 ноября 1941 года 151-й день войны:

2-я танковая армия: Продвигается вперед! Ближайшая задача — овладение Веневом.

21 ноября 1941 года 153-й день войны:

Обстановка на фронте: 2-я армия медленно, но уверенно движется вперед.

Во второй половине дня Гудериан доложил по телефону, что его войска выдохлись. 2-я танковая армия действительно ведет тяжелые

бои на широком фронте, однако в конечном итоге эти бои проходят успешно и наши войска повсюду теснят противника. Можно надеяться, что 2-я танковая армия, несмотря на прибытие к противнику подкреплений (свежие сибирские дивизии), все же сможет успешно завершить бои.

На участках фронта севернее Тулы наблюдается подозрительное затишье...

Разговор с Грейфенбергом (начальник штаба группы армий «Центр»). Он доложил, что наступление 2-й армии хорошо подготовлено. Она сейчас перемещается на северо-восток, чтобы высвободить 18-ю танковую дивизию. Гудериан за последние 48 часов пришел к прямо противоположной точке зрения. Наступление 53-го армейского и 24-го моторизованного корпусов встречает упорное сопротивление противника. Противник вводит в бой свежие соединения. Гудериан обеспокоен обстановкой и опасается тактических прорывов противника на отдельных участках. Гудериан считает, что по состоянию войск его армия не имеет возможности продвигаться дальше. Видимо, этим он хочет подготовить почву, чтобы в дальнейшем потребовать смены подвижных соединений.

22 ноября 1941 года 154-й день войны:

2. Напряженность на фронте 2-й танковой армии, по-видимому, ослабевает. Сам Гудериан теперь считает возможным дальнейшее наступление. Русская оперативная сводка говорит об угрожающем положении в районе Тулы [1, с. 61–64].

Из дневника В.Г. Жаворонкова за 1941 г.

20 ноября. Получили приказ сдать Сталиногорск.

21 ноября. Началось наступление на Сталиногорск с Маклеца. В 4 часа утра Иванов дал приказ взорвать Маклец, и в 6–7 часов разделились с Маклемом. Этим же приказом было приказано взорвать сталиногорские предприятия. Руководство — Агафонов, Голутвинов, Козлов, Михайлов сопротивлялись. Иванов говорил, что нет войск и надо его (Маклец. — *Ред.*) оставить. Из ПВО было всего 4 орудия. Взорвали чисто. Отходил последним полк НКВД. Он же взорвал плотину. Сдали Сталиногорск без единого выстрела и ушли. Геройства было много для взрыва, просили помочь, но нам не помогли. Маклец частично защищал полк НКВД, полк ПВО, 16 танков. Наступало 20 танков противника и 1500 человек пехоты.

Из подготовленного В.Г. Жаворонковым к публикациям

Помню тогда же, перед сдачей врагу Сталиногорска, начальник Сталиногорской электростанции, член обкома партии Малютин позвонил:

— Подготовка к взрыву станции и котлов закончена. Заложили взрывчатки столько, что все разнесет в клочья.

Меня это покорило.

— Харьков котлов не делает, Ленинград тоже не делает. Неужели вы думаете, что фашистская сволочь задержится здесь под Москвой надолго?.. Мы их скоро погоним. Если взорвете котлы, то кто их восстановит. Вон какие махины, каждый выше трехэтажного дома. Ты же их устанавливал... Убавьте заряды.

— Чекисты возражают.

— Скажите, что я разрешаю взорвать только колосники.

Через 14 дней немцев вышибли из Сталиногорска. Вскоре я приехал на станцию вместе с Малютиным.

— А котлы целые! — удивился мой спутник.

— Уцелели. Тебя послушались и поверили в нашу партийность, — шутя заметил я. — Теперь проси их снова служить Отечеству.

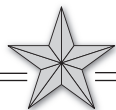
— Готов встать перед ними на колени, — согласился Малютин, глядя мне в лицо искрящимися глазами.

Из дневника В.Г. Жаворонкова за 1941 год

После 21 ноября началось очень сильное продвижение противника на Венев, куда переехал шторм-50. На Венев наступление было после взятия Болоховки, около которой шли упорные бои в течение 3 дней 22, 23, 24 ноября. После взятия обходом Венева противник в тот же день вышел на Мордвес, куда переехал шторм и оттуда пришлось ему переезжать в направлении Зарайска. Противник пошел на Каширу, но был встречен сильным огнем нашей артиллерии и танками. Был жестокий бой. Противник кидается на Иваньково. Под Иваньково 112-я ТД дает сильный бой врагу, и враг отскакивает назад в направлении на Венев. В Тулу 3 дня не поступало электроэнергии. Организован пуск электростанции на заводе 176. С 1 декабря начались ожесточенные бои на всех участках почти вокруг Тулы. Противник пытается окружить город, выйти по Веневскому шоссе, перерезав его и стремится выйти на Московское шоссе. 3 и 4 декабря противник перерезал железную дорогу в Ревякино и шоссе Тула–Москва танковыми частями. На юго-востоке (за заводом Новая Тула) идут день и ночь бои. На Веневском шоссе около Пригори и Торхово идут бои очень кровопролитные. И 5–6 начались бои на шоссе и под Лаптевым. Противника наши части окружили [на] шоссе Москва–Тула, Тула–Венев и Лаптево и уничтожают его. Одновременно идут бои на всем фронте под Тулой.

Из подготовленного В.Г. Жаворонковым к публикациям

22 ноября новый командующий 50-й армии генерал-лейтенант Болдин Иван Васильевич прибыл в Тулу. Он сразу зашел в обком. Степennyй, крупного телосложения человек неторопливо ознакомился с обстановкой в городе. Я знал о его подвигах по приказу Верховного о

том, как он выводил армию из окружения, но не ожидал видеть его таким уравновешенным, скромным и общительным военачальником. Сказав мне, что Тульский боевой участок вынудил противника маневрировать, что гитлеровцы готовятся наступать на Венев и Каширу, Иван Васильевич уехал в Венев принимать армию. Оттуда он и доложил комфронта о сдаче Сталиногорска 2-го.

Сдача Сталиногорска и Узловой вызвала тяжелые последствия: 24 ноября немецкие танки вошли в Венев, 25 ноября вышли к Кашире. Могло показаться, что фронт взломан на 85 км и танки немцев вышли на оперативный простор, взятия мостов через Оку и рывок по автострате от Каширы на Москву. Но только могло показаться, если бы у Ставки не было создано стратегического резерва, которого не имели немцы.

Командующий армией Болдин и штаб 50-й армии отступили на Мордвес; немцы продолжали наступление и 27 ноября штаб армии и командующий были уже в г. Зарайске Московской области, откуда в ночь на 28 ноября по приказу командующего Западным фронтом Г.К. Жукова через Москву и Серпухов вернулись в Тулу.

Наступая на Сталиногорск–Каширу, противник начал движение и севернее Тулы с востока наперерез железной и шоссейной дорог, соединяющих Тулу с Москвой. Ночью с 4-го на 5 декабря 1941 года дороги были перерезаны у разъезда Ревякино, телефонно-телеграфная связь с Москвой прервана. Была попытка частей противника, наступающих с востока, соединиться с частями 43-го армейского корпуса, наступающего с Запада. Но не удалась.

Тула оставалась «в кувшине» с узким горлышком. Коридор, в котором наши части сражались — одни лицом на Запад, а другие лицом на Восток, был шириной 5–6 км, но замкнуть кольцо окружения противнику не дали, хотя угроза окружения города стала реальной.

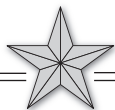
В то время оборона города была организована круговая. Бои шли непрерывные на Орловском, Воронежском, Веневском, Одоевском, Калужском шоссе и очень жестокие, противник нес большие потери, добиваясь своими атаками проникновения в город, были потери и в наших войсках. Подача электричества из Каширы прекратилась. Немцы перебили линию передачи. Электроэнергия подавалась на заводы с помощью турбины начала века, найденной на 176 заводе. Ее быстро отремонтировали и пустили в дело.

Противостояние в эти дни было во всем, везде, очень плотным, принимало подчас самые неожиданные формы. Приведу один пример. Гудериан пишет в своих воспоминаниях что, возвращаясь из Грязново в Ясную Поляну в ночь на 5 декабря, он попал в овраг на своем командирском танке и не мог выбраться из него по обледевшим склонам. «К

счастью, по другую сторону оврага, — пишет Гудериан, — я встретил машину связи штаба группы, которая и доставила меня в ту же ночь в Ясную Поляну». [2, с. 246.] Незадолго до описываемого немцем счастливого для него момента разведчики доложили мне, что в овраге под Тулой кто-то возится на танке. Туда немедленно была выслана стрелковая рота, которая опоздала буквально на считанные минуты. Когда наши бойцы вышли к брошенному немецким командующим танку, мотор машины был еще теплым. Мы ходили по своей земле и большой вопрос — кто за кем охотился.

Сработала разведка и на следующий день, взяв живьем немецкого высшего офицера. Допрашивали мы его в доме на окраине, держался он нагло, было видно, что попалась важная птица, и мы выяснили, что они готовят через несколько часов. Подготовились и мы. И вот в ночь на 7 декабря по Калужскому шоссе со стороны деревни Маслово фашисты силами только что прибывшей 296-й пехотной дивизии «Оленья голова» (попавшийся нам барон в мундире с опушкой оленьей шерсти на погоне был из этой части) предприняли психическую атаку на поселок Мясново. Шли, распахнув френчи в лютый мороз, пьяные. Бой длился два с половиной часа. Мы тогда применили прожекторные противозенитные установки против преобладающих силой пехотных частей немцев, чтобы им не удалось подобраться к нам незамеченными. Поставили установки в защищенных домах мест и при содействии прожекторных лучей, подсветивших и ослепивших атакующие порядки противника, осенили все поле боя. Было светло как днем. Артиллеристы-зенитчики залпами пушек, прямой наводкой, бойцы рабочего полка и других пехотных частей огнем пулеметов, автоматов и винтовок сорвали атаку врага и нанесли ему жестокие потери. Били наверняка. Свет против слепых сил захватчиков дал отличные результаты.

Положение защитников Тулы становилось однако все более тяжелым. Снаряды для некоторых видов артиллерии в те дни доставлялись самолетами из Москвы по ночам на северную окраину Тулы, где был аэродром. Связь с Москвой была прервана, но остались целы высоковольтные линии. Мы и москвичи присоединяли к ним телефонную связь и решали боевые задачи. Так сообщались данные в генштаб Василевскому. Так 8 декабря 1941 г., когда 50-я армия пошла в наступление, по нашей просьбе, А.С. Щербаков направил полк штурмовиков для нанесения удара и уничтожения большой группы скопления танков, бензовозов и мотопехоты на дороге Тула-Венев, в 20 км от Тулы. Операция эта, как и уничтожение эсэсовцев на дачах, была выполнена летчиками-штурмовиками, блестяще. Десятки машин-танков, бензовозов, бронетранспортеров и сотни гитлеровских солдат и офицеров были уничтожены на месте.

Из личного архива В.Г. Жаворонкова за 1977 г.

Письмо маршала А.М. Василевского В.Г. Жаворонкову

«Дорогой Василий Гаврилович! С большой радостью и глубоким удовлетворением прочел о присвоении Вам звания Героя Советского Союза и о вручении Вам Л.И. Брежневым ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Сердечно поздравляю Вас и с глубокой благодарностью вспоминаю ту огромную роль, которую выполнили Вы в обороне Тулы и Москвы в те тяжелые дни... Для меня незабываемы некоторые из октябрьских дней 41 года, поистине самые тяжелейшие дни для Тулы, за оборону которой по партийной, да и военной линии отвечали Вы, Василий Гаврилович, и для почти осажденной Москвы, где находилось все эти дни Верховное Главнокомандование. Значение Тулы в стратегическом и общетактическом положении для Москвы было неимоверное. При отсутствии самой элементарной связи, с Вами при помощи сохранившейся электропроводной линии удавалось по несколько раз в день связываться, чтобы знать обстановку и держать Ставку в курсе об истинном положении в районе Тулы. Спасибо, дорогой, Вам и Вашему славному коллективу за все содеянное Вами в те отчаянные дни для страны.

От всей души и сердца желаю Вам, дорогой, и Вашей семье самого наилучшего в Вашей жизни, здоровья, счастья, благополучия.

Ваш А. Василевский».

Из подготовленного В.Г. Жаворонковым к публикациям

Готовя мощное контрнаступление под Москвой, Ставка потребовала от командующего Западным фронтом Г.К. Жукова принять крутые и решительные меры против группировки немецко-фашистских войск, вышедшей под Каширу.

Выход Гудериана на оперативный простор через Каширу был сорван охранявшим Каширу 352-м отдельным зенитным артиллерийским дивизионом тульской бригады ПВО под командованием майора А.П. Смирнова, 445-м истребительным авиационным полком ПВО (командир майор В.П. Круглов), отрядами самообороны города, слушателями школы лейтенантов и курсов сержантов, полком 173-й СД и 1-м гвардейским кавалерийский корпусом под командованием генерала П.А. Белова с приданными ему танковыми соединениями 112 ТД. Эти люди решительными действиями смяли острие клинка, вышедшей под Каширу немецкой группировки и принудили врага отступать, нанося ему большие потери. Это началось 25–27 ноября 1941 года.

Гвардейцы-кавалеристы наводили животный страх на гитлеровских головорезов. Разведка наша в те дни доносила, что бежавшие от наступающих гвардейцев фашистские офицеры в Щекине и Плавске с ужасом передавали: «Идут сибирские казаки, по ночам без выстрела уничтожают всех немцев, занимающих ту, или другую деревню».

Действуя ночью в спешенном строю, гвардейцы старались бесшумно уничтожать врага, переходя от одного населенного пункта к другому, и неся при этом совсем незначительные потери.

4–5 декабря Г.К. Жуков передал 112-ю ТД и 340-ю СД в подчинение командующего 50-й армией И.В. Болдина. Эти две дивизии вместе с 510-м полком 154-й СД начали наступать от районного центра Лаптево (ныне Ясногорск) на выдвинувшуюся в район Крюкова–Руднево–Кострово, ж.д. ст. Ревякино–Тесницкие лагеря немецко-фашистскую группировку, перерезавшую линию железной и шоссейной дорог Москва–Тула. Вместе с 258-й сд (комдив М.А. Сиязов), полки которой дрались в 5–6-километровом коридоре (одни лицом на запад, а другие лицом на восток) эти части разбили немцев и очистили шоссейную и железную дороги, соединяющие Тулу с Москвой.

Изданная в 1943 году 3-томная книга Генерального штаба «Разгром немецких войск под Москвой» (главный редактор маршал Б.М. Шапошников) сопровождалась очерком офицеров Генштаба полковника К.Н. Вахтерова и майора Д.Е. Семичаевского, которые писали по горячим следам:

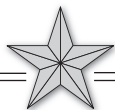
«Тульская оборона является умелым сочетанием упорства и активности действий и служит примером устойчивости обороны. Именно здесь оборона носила в себе идею маневра, была подготовкой наступления, средством его организации... Задачи, выполненные тульской обороной, позволяют ей занять надлежащее место среди героических образцов обороны в Отечественной войне вслед за Ленинградом, Севастополем и Сталинградом.

Активная оборона Тулы заставила врага ослабить его удар, а затем и расщепить его силы и средства и создала необходимые предпосылки для перехода наших войск в контрнаступление, которое явилось блестящим моментом обороны Тулы.

Упорство и стойкость нашей обороны превратили Тулу и ее район в наковальню, на которой совместными ударами 50 армии, 1 гвардейского кавалерийского корпуса и 10 армии была разбита южная ударная группировка противника. Это была одна из существенных предпосылок для разгрома немцев под Москвой зимой 1941–1942 г.

В этой героической борьбе за Тулу обращает на себя внимание соотношение сил и средств: наши дивизии были малочисленны, танки исчислялись в лучшем случае десятками, на стороне же врага было численное и большое техническое превосходство. Несмотря на это, наши части, оборонявшие Тулу, не только отстояли древний город оружейников, но и положили начало разгрома немцев под Москвой.

Искусные действия и героизм обеспечили Красной армии успех под Тулой». [3, с. 3–4, 110]

Так писали офицеры Генштаба в 1943 году, и их оценки совпадали с оценками начальника Генштаба маршала Б.М. Шапошникова, которые он дал в трехтомной монографии 1943 г.: «Тула и прилегающий к ней район, будучи основным опорным пунктом в южной части Западного фронта, своею упорной и активной обороной обеспечивали устойчивость всего левого крыла. Последнее же прикрывало важнейшие подступы к Москве с юга, на которые противник нацеливал мощную группировку войск, обильно оснащенных техникой.

Таким образом, значение Тулы в рассматриваемый период перерастало рамки оборонительной операции 50-й армии и являлось по существу фактором фронтового значения.

Прорыв немцев на тульском направлении мог бы грозить не только оперативными, но и стратегическими последствиями.» [4, с. 107].

8 декабря все части 50-й армии без всякой паузы перешли в контрнаступление. Фашистские войска оказывали сильное сопротивление, цеплялись, вели ожесточенные бои за каждый населенный пункт, но наши части упорно и настойчиво взламывали оборону противника и шли вперед. При виде злодеяний немцев людьми овладевала ярость.

Из дневника Гальдера

«24 декабря 1941 года (среда) 186-й день войны:

17.15 — Началось празднование рождества в штаб-квартире ОКХ. Обстановка была очень торжественная.

19.00 — У меня в узком кругу состоялся праздничный ужин».

Из архива МО

Генерал-майору Попову, Фоканову. Подполковнику Борисову, Полковнику Гетман.

Передаю копию приказа Командующего тов. Жукова: «Ночь с 24.12.41 на 25.12.41 — канун Рождества. Немцы по традиции всегда особо торжественно празднуют в любых условиях.

Приказываю: использовать это и внезапно атаковать противника непосредственно перед рассветом в соответствии с вашим планом на 25-12-41 г.

Жуков, Булганин»

Нач. штаба 50 А. Аргунов.

Д. № 4. О. 9769. Л. 306.

Из дневника Гальдера на следующий день

«25 декабря 1941 года 187-й день войны:

Очень тяжелый день...

На фронте группы армий «Центр» этот день был одним из самых критических дней. Прорыв противника вынудил части 2-й армии

отойти. Гудериан, не считая нужным посоветоваться с командованием группы армий, также отходит на рубеж Оки и Зуши. В связи с этим командование группы армий потребовало сейчас же сменить Гудериана, что фюрер немедленно выполнил».

Из подготовленного В.Г. Жаворонковым к публикациям

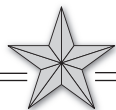
2-я танковая армия немцев с приданными ей многочисленными соединениями, предназначавшимися для захвата Тулы, а потом Москвы, отступала, злобно зверствуя, выполняя приказ Гитлера от 20 декабря 41 г. отнимать теплые вещи у населения, сжигать дотла при отступлении города и села, выгоняя из домов людей. 14–15 декабря войсками 50-й армии были освобождены от оккупантов Косая гора, завод и поселок, Ясная Поляна, 17 декабря — город Щекино, 30 декабря подвижной группой В.С. Попова, куда вошел и Тульский рабочий полк — город Калуга. В конце декабря 1941 года и первых числах января 1942 года территория Тульской области полностью была очищена от нечисти.

Перестали содрогаться стены домов и предприятий Тулы от взрывов бомб и снарядов, укатились вдаль всполохи залпов орудий и минометов, умолкли сигналы боевых тревог, на улицах установилась тишина. Стал слышен скрип снега под ногами проходящих перед окнами обкома людей... Стояли жгучие морозы, но никто из жителей не жаловался на холод. Фронтной город стал тыловым, и все понимали, что наступила не менее жаркая пора, чем в дни боев — пора по восстановлению нормальной жизни.

* * *

Автобиография

Родился в 1906 году, 10 февраля (по новому стилю), в деревне Куст, Устьянского района, Архангельской области, в семье крестьянина. Отец и мать всю свою жизнь работали в сельском хозяйстве, детей у отца и матери было 5 человек — два сына, я был старший, и три дочери. С шести лет начал я учиться в сельской 4-летней школе. В 1916 году окончил ее и работал в сельском хозяйстве отца. В 1921 году окончил месячные уездные курсы (в городе Вельске) по подготовке ликвидаторов неграмотности и ряд лет, в зимнее время, в соседних деревнях занимался ликвидацией неграмотности среди взрослого населения и молодежи. В 1924 году вступил в ряды Ленинского комсомола. В 1926 году вступил в кандидаты РКП(б). Вел общественную работу в культурно-просветительном и драматическом

кружках при школе, выполнял различные партийные и комсомольские поручения, проводил читки газет, беседы среди населения. Был членом волостного комитета крестьянской общественной взаимопомощи, где также давались поручения по проведению собраний среди крестьян, по сбору налогов и различного другого характера.

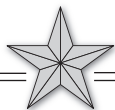
В августе месяце 1926 года поступил в вологодский рабфак, где учился три года и в 1929 году окончил. В феврале месяце 1929 года был принят в члены ВКП(б). После окончания рабфака Вологодским горкомом комсомола был взят на работу в качестве заведующего отделом агитации и пропаганды горкома комсомола, а в 1930 году был избран и работал секретарем Вологодского горкома комсомола. Осенью 1930 года поступил в Московский горный институт. За время учебы в институте вел общественную работу — был председателем исполбюро профкома, редактором многотиражной газеты «Горняк на учебе», работал пропагандистом. В июле месяце 1936 года окончил институт, защитил дипломный проект с отличной оценкой и был зачислен в аспирантуру института.

В 1937 году из аспирантуры был отозван на партийную работу в Ленинский РК ВКП(б) г. Москвы, где работал несколько месяцев инструктором по парторганизациям ВУЗов, ВТУЗов и Академии Наук СССР, а потом был избран вторым секретарем Ленинского РК ВКП(б). В январе месяце 1938 года был избран первым секретарем Замоскворецкого РК ВКП(б), где и работал до июня месяца, а в июне месяце был направлен решением ЦК ВКП(б) в город Тулу, в качестве второго секретаря Оргбюро ЦК ВКП(б) по Тульской области. Область только что выделилась из состава Московской области. В июле месяце 1938 года состоялась первая Тульская областная партийная конференция, избравшая областным комитет партии. На пленуме Обкома ВКП(б) я был избран первым секретарем обкома партии. Позднее на пленуме Горкома партии был избран и первым секретарем горкома ВКП(б). В качестве первого секретаря Тульского обкома и горкома ВКП(б) работал с июля месяца 1938 года по март месяц 1943 года. В 1939 году был делегатом XVIII съезда ВКП(б). На съезде партии был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Во время Великой Отечественной войны (1941–1945), с октября месяца 1941 года в соответствии с решением Государственного Комитета Оборона, являлся председателем Тульского городского комитета обороны. 1 декабря 1941 года был ГКО утвержден членом Военного Совета 50-й армии и был в его составе до 1-го июля 1942 года.

В 1943 году решением ЦК ВКП(б), в марте месяце, был направлен в город Куйбышев для работы в качестве первого секретаря Куйбышевского Обкома и Горкома ВКП(б), где и работал до апреля месяца 1946 года. В августе месяце 1943 года решением ЦК ВКП(б) был направлен в Смоленскую область в качестве уполномоченного ЦК ВКП(б) и Совнар-

кома СССР по оказанию помощи Смоленскому обкому партии и Облисполкому. Территория Смоленской области в этот период — август–сентябрь–октябрь очищалась от немецко-фашистских захватчиков. Работал в качестве уполномоченного до 3 ноября 1943 года, потом возвратился в Куйбышев на прежнее место работы, где и работал до апреля месяца 1946 года. В апреле месяце 1946 года решением ЦК ВКП(б) был утвержден инспектором ЦК ВКП(б) и отозван из города Куйбышева в город Москву. Работал инспектором ЦК ВКП(б) до 20 октября 1946 года. В октябре месяце 1946 года решением ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР был назначен заместителем Министра торговли СССР по общим вопросам, то есть первым заместителем. 1-го марта 1948 года Указом Президиума Верховного Совета СССР был назначен министром Торговли СССР и работал до марта месяца 1953 года.

В марте месяце 1953 года Министерство торговли СССР было объединено вместе с Министерством внешней торговли, и я был назначен заместителем министра Внутренней и Внешней торговли СССР. Позднее в 1953 году Министерство снова было разделено на два — Министерство торговли СССР и Внешней торговли. Меня назначили заместителем министра Торговли СССР, где я и работал до конца 1953 года, а в конце декабря 1953 года Указом Президиума Верховного Совета СССР был назначен министром Государственного контроля СССР и работал до ноября месяца 1956 года. С ноября месяца 1956 года по август месяц 1958 года, то есть вплоть до упразднения Министерства государственного контроля СССР работал в качестве заместителя министра. В конце 1958 года, в связи с созданием Комиссии Советского контроля Совета Министров СССР был назначен заместителем председателя Комиссии Советского контроля и работал заместителем председателя до 1962 года. В 1962 года, после реорганизации Комиссии советского контроля в Комиссию государственного контроля Совета Министров СССР, был назначен заведующим организационно-инструкторским отделом этой комиссии. В конце 1962 года в связи с созданием Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР был утвержден Заведующим Центральным бюро жалоб и предложений трудящихся комитета. После преобразования органов партийно-государственного контроля в органы Народного контроля, работал в той же должности — заведующего центральным бюро жалоб и предложений трудящихся Комитета народного контроля СССР до июня месяца 1973 года, то есть до дня ухода на пенсию. Персональная пенсия Союзного значения установлена постановлением Совета министров СССР от 5 апреля 1973 года. За время работы в Министерствах — в 1952 году на XIX съезде КПСС и в 1956 году на XX съезде КПСС избирался кандидатом в члены ЦК КПСС. Избирался депутатом Верховного Совета СССР 1-го

Созыва (в 1941 году дополнительно по отдельному избирательному округу в Тульской области), 2-го Созыва, в 1946 году по Чапаевскому избирательному округу Куйбышевской области — 4 созыва, в 1954 году по Темниковскому избирательному округу Мордовской АССР. В 1949 году избирался членом МГК ВКП(б).

Имею семью. Женат в 1932 году. Жена, Любовь Фоминична, сын Вилор Васильевич, второй сын Александр Васильевич и дочь Елена Васильевна Жаворонковы. Оба сына и дочь работают, живут отдельно со своими семьями. Мы живем вдвоем с женой, детям помогаем, дети нам помогают.

За время работы в партийных и государственных органах был награжден: орденом Красного Знамени (2 января 1942 года), орденом Ленина (4 июля 1942 года), орденом Отечественной войны 1-й степени (2 июня 1945 года), орденом Трудового Красного Знамени (9 февраля 1966 года), орденом Октябрьской Революции (3 сентября 1971 года), орденом Трудового Красного Знамени (20 февраля 1976 года).

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 января 1977 года за заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством, большой личный вклад в организацию героической обороны города Тулы в период Великой Отечественной войны присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Помимо орденов награжден девятью медалями. За заслуги в героической обороне города Тулы в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. решением Исполнительного комитета Тульского городского Совета депутатов трудящихся от 3 декабря 1966 года мне присвоено звание Почетного гражданина города Тулы. В настоящее время на пенсии, но веду общественную работу в качестве председателя центрального бюро Историко-литературного объединения старых большевиков при Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

10 января 1984 г.
Москва

В. Жаворонков

Литература

1. Гальдер. Военный дневник. М., 1971. Т.3.
2. Гудериан. Воспоминания солдата. М., 1954.
3. Генштаб Красной армии, Военно-исторический отдел. Оборона Тулы. Октябрь-декабрь 1941 года. Оперативный очерк. М.: Воениздат, 1943.
4. Разгром немецких войск под Москвой. М.: Воениздат, 1943.

НАВЕЧНО В ПАМЯТИ

Тульская областная Книга Памяти

и проблемы историко-патриотического воспитания молодежи

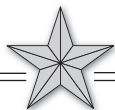
***Боть Вячеслав Иванович, 82 года,**
Заслуженный работник культуры РФ,
старший научный сотрудник Тульского областного
историко-архитектурного и литературного музея,
Почетный гражданин г. Тулы*

Общефилософский вопрос сохранения исторической памяти народа в одной из своих практических сторон особо важен в патриотическом воспитании граждан страны. И если обратиться к истории ближайшего к нам времени, то наиболее значимым событием для нашего народа является судьбоносная Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Поэтому вполне естественно обращение к проблеме историко-патриотического воспитания молодого поколения на героической истории Великой Отечественной войны, как и в предшествующий ей период — на героике гражданской войны и на славной истории наших более далеких предков.

Значительную роль в этом призвана играть Тульская областная Книга Памяти. Уже само ее название прямо указывает на проблему сохранения исторической памяти народа и в том числе на практическое значение ее содержания для историко-патриотического воспитания молодежи.

О содержании этой Книги легко говорить еще и потому, что с самого начала ее издания мне выпала доля (и честь) активно участвовать в создании Книги и в качестве члена редколлегии, и (что особенно важно) в подготовке многих материалов для нее. Назову только часть этой работы: мною написаны историческое введение для Книги Памяти и вводная статья для книги «Солдаты Победы», ряд статей о военных событиях, связанных с историей Тульского края, а также подготовлены соответствующие картосхемы с необходимыми пояснениями; проведена редакторская и консультационная работа со статьями для районных разделов Книги и др.

Поэтому на таком основании я могу со знанием дела и с полным правом судить о значении Книги и ее большом познавательном и воспитательном, в том числе краеведческом потенциале для решения задачи государственной важности — воспитания в молодом поколении качеств гражданина-патриота на примере героической истории Великой Отечественной войны. Поэтому вполне естественной и своевременной стала активно поддерживаемая департаментом образования Тульской области инициатива областных совета ветеранов, комитета ветеранов войны и военной службы, комитета по молодежной политике, редакционной

коллегии Книги по созданию с 2006 года и дальнейшему становлению системы проведения в образовательных учреждениях Уроков Памяти по тематике цикла бесед «Память о Великой Отечественной войне священна и неподвластна времени!», как составной части арсенала многообразных средств, форм и методов патриотического воспитания. Содержание бесед этого цикла полностью основывается на материалах «Тульской областной Книги Памяти. Солдаты Победы. 1941–1945 гг.», которые предоставляют достаточные условия для эффективной реализации основной идеи цикла — всемерное содействие воспитанию гражданина-патриота, который деятельно укрепляет свое Отечество, а в нужный момент выступает на его защиту так, как это делали его предки и прежде всего поколение Солдат Победы в Великой Отечественной войне. Справедливо сказано: Тульская областная Книга Памяти своими поименными списками участников Великой Отечественной войны уходит в историю, в прошлое, а к настоящему и будущему она обращается на Уроках Памяти по тематике цикла бесед «Память о Великой Отечественной войне священна и неподвластна времени!»

Так о чем же говорит нам Книга Памяти, о чем свидетельствует содержание материалов этого Пантеона Памяти и Славы, поименно увековечившего полмиллиона участников Великой Отечественной войны — многотомной Тульской областной Книги Памяти и ее продолжения книги «Солдаты Победы. 1941—1945 гг.»?

Прежде всего, эта Книга Памяти и Славы свидетельствует о персональном и количественном составе участников Великой войны XX-го века, чья жизненная судьба тем или иным образом связана с Тульской областью. Сведения об увековеченных в томах Книги (так называемые персоналии) содержат по каждому из них такие данные: в Книге Памяти — фамилия, имя, отчество, год и место рождения, дата и место призыва, воинское звание или должность, наименование войсковой части, дата гибели (убит, умер от ран или по болезни, погиб в плену, пропал без вести или не вернулся с задания), место захоронения; в книге «Солдаты Победы» — фамилия, имя, отчество, год и место рождения. К сожалению, в части персоналий нет тех или иных сведений по причине их отсутствия в имеющихся архивных документах.

Напомним также: в Книге Памяти увековечены поименно 182 595 воинов, в книге «Солдаты Победы» — 282 870 человек, всего 465 465 наших земляков, в том числе по городу-герою Туле соответственно 24 480 (13,41%), 61 941 (21,8%) и 86 421 (18,5%). Кроме того, в разделе о воинских захоронениях — более 35 тысяч из 48 тысяч, нашедших свой вечный покой в тульской земле. Следовательно, Тульская область поставила в строй защитников Родины полмиллиона бойцов, что составляет, образно говоря, численность пяти общевойсковых армий или силы одного из действовавших фронтов войны.

Все они, верные военной присяге, выполнили до конца свой гражданский, патриотический долг защитников Отечества и тем самым вошли в историю поименно, а сама Книга стала подлинным историческим свидетельством героического подвига советского народа и его Вооруженных Сил. Ведь помимо списков воинов во всех томах Книги представлены в достаточном объеме содержательные статьи, в том числе упомянутые мной «Введение» и другие справочно-исторические источники, более 450 «портретных зарисовок» и очерков о фронтовиках. Все это дает молодому поколению дополнительную возможность изучать историю Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., следовать примеру своих предков — Солдат Победы.

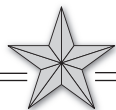
Полезны публикуемые в очередных томах нарастающим итогом сведения о количестве внесенных в Тульскую областную Книгу Памяти и книгу «Солдаты Победы. 1941—1945 гг.», в том числе и в районном разрезе, а также в 12-м томе Книги Памяти — сведения о боевом составе пяти армий, действовавших на территории Тульской области.

Но Тульская областная Книга Памяти не только книга-мемориал. Она — и своеобразный исторический документ, по которому можно проследить ратный путь туляков, их патриотический вклад в Победу: по местам их захоронений — конечным вехам их боевого пути. При этом становится очевидным важный вывод: наши земляки участвовали во многих славных сражениях, операциях, вошедших в историю Великой Отечественной войны, в том числе в сражениях 1943-го года — года коренного перелома в войне: в результате Сталинградской битвы Красная армия перехватила у противника стратегическую инициативу и удерживала ее до конца войны; победа советских войск под Курском и выход их к реке Днепр ознаменовали завершение коренного перелома в ходе войны.

И вот такой интересный факт: полуостров Рыбачий — самый северный участок сухопутной линии фронта и по сути единственный, где немцам никак не удавалось продвинуться на Восток. Там сражались и наши земляки, там — их могилы. И там же, над полуостровом Рыбачьим, наш славный земляк Борис Феоктистович Сафонов, будущий дважды Герой Советского Союза, во второй половине 22-го июня 1941 года сбил свой первый «Юнкерс». Такое символическое совпадение...

А само упоминание всех этих сражений, связанных с боевым вкладом туляков, дает возможность вспомнить общий ход войны, причем обратиться вновь к истории войны, к этим операциям не привычным, каноническим путем, как, например, в школьном учебнике, а идя от нашей, тульской действительности, от Книги Памяти.

Аналогично можно проследить ход боевых действий на тульской земле по схеме воинских захоронений на территории области: значков воинских захоронений больше там, где проходили самые упорные

бои. И такое же наглядное и даже более конкретное представление дают «Схема наиболее ожесточенных боев на территории Тульской области в октябре–декабре 1941 г.» [1, с. 211] и две подробные картосхемы «Битва под Москвой» (оборона и контрнаступление). В них указаны даты занятия противником районных центров Тульской области и даты их освобождения. Это тоже хронология военных событий на тульской земле. Ну и конечно сама схема воинских захоронений является, в первую очередь, мемориальным документом да еще в сочетании с таблицей «Сведения о воинских захоронениях на территории Тульской области».

Немалый познавательный интерес для интересующихся военной историей нашего края представляет уникальная «Схема мест формирования войсковых частей, соединений и объединений на территории Тульской области», составленная мною. При этом обращает на себя внимание постепенное изменение «характера» войсковых формирований. Если в 1941 г. формировались в процессе проходящей мобилизации только стрелковые соединения, сразу отправлявшиеся в действующую армию, то в 1942 г., когда непосредственная угроза московскому региону значительно ослабла, шло формирование стратегического резерва на случай осложнения обстановки на московском или других направлениях: так вскоре были отправлены в районы Воронежа и Сталинграда 64-я армия (бывшая 1-я резервная), 3-я и 5-я танковые армии и другие подвижные соединения. В первой половине 1943 г. были сформированы 3-я гвардейская танковая армия и другие механизированные соединения, приступившие к наступательным действиям на заключительной стадии Курской битвы, а в конце этого и начале 1944 г. уже проходило формирование частей союзных стран — французского авиаполка «Нормандия», чехословацкой парашютно-десантной бригады и югославской танковой бригады.

Эта же схема вместе со статьями Н.К. Дружинина и В.И. Ботя позволяет вспомнить о героических действиях 61-го стрелкового корпуса под Могилевом, когда воевавшим в дивизиях этого корпуса нашим землякам пришлось впервые столкнуться со 2-й танковой группой Гудериана. Кроме того, она дает представление о боях 1-го особого гвардейского корпуса под Мценском, задержавшего танки Гудериана и давшего возможность армиям Брянского фронта выйти из окружения (в т. ч. 50-й армии), а также произвести своевременно эвакуацию оборонных предприятий Тулы. Напомним и о статье Н.П. Митяева, участвовавшего в тех боях в составе сводного батальона Тульского оружейно-технического училища.

Часть материалов посвящена участию в боях (кроме регулярных войск 50-й, 3-й и других армий) иных вооруженных формирований — Тульского рабочего полка, партизанских отрядов, а также знамени-

тельными фактам: рождению танковой и конной гвардии на рубежах Тульской области.

О чем же еще говорит нам Книга Памяти? Она свидетельствует не только о ходе военных действий, но и о том, как воевали бойцы Красной армии и в их числе наши земляки, об их стойкости, мужестве и героизме.

Знакомит нас Книга и с наиболее полным списком из 333-х Героев Советского Союза и России, а также полных кавалеров ордена Славы с краткими сведениями о них, а о некоторых — с более подробным рассказом. Это тоже поименное увековечение особо отличившихся лиц. Представляет интерес анализ состава Героев по возрасту, социальному происхождению, времени присвоения почетных званий.

Ряд томов в соответствующих разделах дает представление о том: что Солдаты Победы писали с фронта родным, какие чувства они хотели выразить в своих письмах (раздел «Письма с фронта»);

что о них знают и думают их внуки и правнуки (раздел «Сочинения школьников»);

чем, каким оружием воевали Солдаты Победы (раздел «Оружие Победы»);

какова цена нашей Победы, цена в жизнях солдат, офицеров, генералов.

Познавательный и воспитательный потенциал Книги Памяти и Славы проявляется и в материалах, раскрывающих на конкретном опыте истории объективные причины возникновения войн и историческую обусловленность необходимости защиты своего Отечества. И, как следствие этого, следуют для молодого поколения практические выводы, пять уроков истории и гражданского долга:

1. *Основной урок* — чтобы не допустить новой разрушительной войны против России, надо каждому гражданину на своем месте укреплять экономику страны и тем самым ее военную мощь, а учащимся — овладевать знаниями, затем профессией и работать умело, творчески и продуктивно.

2. В нужный момент вставать на защиту Родины по примеру своих предков.

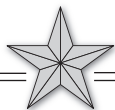
3. Свято хранить память об отдавших свою жизнь за Родину.

4. Заботиться о воинских захоронениях.

5. Быть достойными примера и заветов предков, готовить себя морально, интеллектуально и физически.

Таковы уроки истории для каждого молодого человека, достойного гражданина Отечества! Об этом говорит нам святое издание — «Тульская областная Книга Памяти. Солдаты Победы. 1941–1945 гг.»

Сами по себе тома этого издания, пока они стоят на книжных полках, молчат. Но когда мы берем их в руки, вникаем в содержание их материалов, тогда как бы явственно слышим голоса из бессмертия о нетленном

подвиге народа Великой России и воинов его армии и флота, жизнью своей, кровью своей, всеми силами души защитивших от фашистского нашествия свою страну и принесших свободу народам Европы.

Низкий поклон всем Солдатам Победы!

*Поклонимся великим тем годам,
Тем славным командирам и бойцам.
И маршалам страны и рядовым,
Поклонимся и мертвым и живым —
Всем тем, которых забывать нельзя,
Поклонимся, поклонимся, друзья, —
Всем миром, всем народом, всей землей
Поклонимся за тот великий бой.*

М. Львов

Литература

1. Солдаты Победы. 1941–1945. В 6 т. Т.8 (дополнительный). Тула, 2008.

ПОМНИМ, ЧТИМ, ГОРДИМСЯ!

**Проекты Тульской областной универсальной научной
библиотеки, посвященные изучению истории Тульского края
в годы Великой Отечественной войны**

*Королева Лариса Ивановна, 69 лет,
директор ГУК «Тульская областная универсальная
научная библиотека», заслуженный работник культуры РФ,
г. Тула*

Сегодня, когда в российском обществе идет поиск национальной идеи, способной объединить всю страну, воспитание чувства патриотизма у читателей библиотек, посетителей музеев, в особенности у представителей молодого поколения, должно стать нашим не только длительным, кропотливым трудом, но и интересным занятием.

Для Тульской областной универсальной научной библиотеки, как для главного информационно-ресурсного центра региона, важно использовать совместный наш интеллектуальный и творческий потенциал для того, чтобы сохранять победные традиции наших дедов, воспитывать на их примере молодежь, собирать и сохранять подлинные свидетельства разных периодов Великой Отечественной войны.

Как показал анализ опыта работы библиотек Тульской области, библиотек других регионов России, библиотечные работники творчески использовали весь свой арсенал традиционных и новых форм работы с реальными и удаленными пользователями, включая современные информационные технологии.

За последние несколько лет сотрудниками Тульской областной библиотеки было инициировано и реализовано несколько социально и исторически значимых проектов, направленных на выявление, описание, сохранение, популяризацию материалов по истории Тулы и Тульской области периода 1941–1945 годов, о туляках-участниках Великой Отечественной войны, тружениках тыла, увековечению памяти.

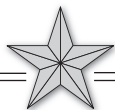
Одним из таких проектов стало участие библиотеки в работе по изданию «Книги Памяти Тульской области» и «Солдат Победы», увековечивающих память о туляках, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, воинах, захороненных на территории Тульской области и ныне живущих ветеранах войны. Книги стали ценным историческим источником, в них содержатся уникальные, в том числе и ранее не опубликованные материалы, карты и схемы военных событий на ее территории, биографические очерки.

Безусловно, что современные компьютерные технологии значительно ускоряют сам процесс работы, позволяют «приблизить» удаленного пользователя к указанным документам. Областная Книга Памяти размещена на веб-сайте библиотеки в разделе «Тульский край. Память поколений», электронная версия доступна как жителям Тульской области, так и гражданам, проживающим на других территориях России, СНГ, зарубежных стран (www.tounb.ru).

В электронном варианте Тульской областной Книги Памяти размещены алфавитный общий список захороненных на территории Тульской области и поименный список воинов, погибших и пропавших без вести, внесенных в Тульскую областную Книгу Памяти. К сожалению, ресурс не актуализируется, имеется возможность поиска, но он является простым, желателен контекстный вариант поиска.

Интернет сегодня является одним из наиболее популярных источников информации и средством коммуникации молодого поколения, все больше представителей среднего и старшего поколения приобщается к ресурсам глобальной сети. Внедрить в молодежную культуру огромный пласт нашей национальной исторической памяти, связанный с Великой Отечественной войной, возможно только при условии широкого использования и внедрения всех самых современных средств адаптации данной тематики к восприятию молодежной аудиторией.

Не лишним будем обозначить дату начала реализации самого долгосрочного проекта «Память поколений», посвященного изучению истории края в годы Второй мировой войны, это — 2003 год. Проект

«Память поколений» оказался не просто долгосрочным, но и постоянно пополняемым новыми проектами.

Сегодня мы с гордостью можем рассказать еще об одном проекте, реализованном в рамках «Памяти поколений». В 2010 году на издание научно-вспомогательного библиографического пособия «Тула и Тульская область в годы Великой Отечественной войны» и его сетевого аналога был получен грант администрации Тульской области. В структуру ресурса входят:

историческая справка, посвященная Тульской оборонительной операции, написанная Вячеславом Ивановичем Ботем, заслуженным работником культуры РСФСР, почетным гражданином г. Тулы;

библиографический указатель, созданный на основе базы данных, включившей почти 5 тысяч библиографических записей, отражающих весь спектр литературы по теме «Тула и Тульская область в годы Великой Отечественной войны».

Библиографические записи сгруппированы по 7 крупным разделам, в том числе «Тульская оборонительная и наступательная операции», «Воинские части и соединения, защищавшие Тулу», «Туляки на фронтах Великой Отечественной войны», «Поисковая работа» и др. Ресурс планируется регулярно пополнять, поиск можно осуществлять по автору, по темам, по видам изданий, можно выявить издания военного времени, местные издания. Помимо собственно библиографической информации, в состав ресурса будут включаться полные тексты наиболее значимых документов и изобразительный материал.

НА ЭКРАНАХ КИНОТЕАТРОВ

В ближайшее время на экранах тульских кинотеатров пойдут новые картины. Будут демонстрироваться 5-й и 6-й киносборники с фронтов отечественной войны, кинокартины: «За родину—Москву», «24 Октябрь» (речь товарища Сталина и парад на Красной площади 7 ноября 1941 года), имевшая большой успех у москвичей, и другие.

Коммунар. 1941. 23 декабря

В период подготовки к празднованию 65-летия Великой Победы началась реализация проекта «Войны газетная строка — строка Победы». Проект связан с обеспечением сохранности и доступности газет,

НАКАЗ ОТЦА

Тебя воспитала страна дорогая,
Ты должен всей силой ее защищать.
Иди же, мой сын, я тебя провожаю
В сражение с врагом, в нашу красную
рать.

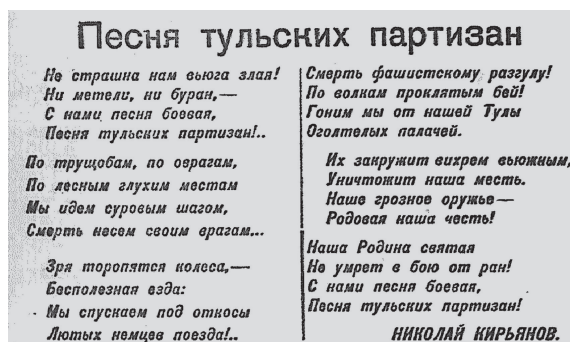
Ты родины сын! Ее славнейший воин
Так слушай ее большевистский приказ
— Фашистов разбей!

Идет за тобою
Такой же великий отцовский наказ!
В. ЛИХАЧЕВ,
Агеевская шахта № 1—2.

*Лихачев В. Наказ отца.
Молодой коммунар.
1941. 10 июля*

выходивших на территории Тульской области в годы Великой Отечественной войны в границах административно-территориального деления обозначенного периода.

«В дни войны газета — воздух. Люди раскрывают газету прежде, чем письмо от близкого друга», — писал Илья Эренбург, прошедший

Коммунар. 1941. 23 декабря

всю войну корреспондентом «Красной звезды» [1, с. 7].

Тульские газеты были так же значимы — они рассказывали о боевых и трудовых подвигах туляков, о буднях городов и селений области. Ежедневно в них публиковались сводки Советского информбюро о боевых действиях на фронтах, сообщения ТАСС о событиях в стране и за рубежом. Газеты были боевой площадкой для формирования и укрепления патриотического духа граждан, для сплочения народа против фашизма.

Благодаря региональному проекту «Войны газетная строка — Строка Победы» не только сохраняются районные газеты периода 1941–1945 года в полном календарном исчислении, но и становятся широко доступными.

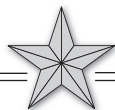
В течение ночи на 22 декабря наши войска вели бои с противником на всех фронтах.

Войска генерала Болдина, действующие на одном из участков Западного фронта, за две недели боев освободили 720 населенных пунктов, захватили или уничтожили 12 немецких самолетов, 143 танка, 660 автомашин, 383 мотоцикла, 101 орудие, 222 пулемета, 84 миномета и много другого военного имущества.

Коммунар. 1941. 23 декабря

Сетевые информационные ресурсы по истории Тульской области в годы Великой Отечественной войны нашли свое логическое продолжение в блоге проекта с одноименным названием (<http://tulalibrary.blogspot.com>).

В рамках реализации проекта «Войны газетная строка — строка Победы» был осуществлен ряд акций, творческая реализация ко-

торых способствовала тому, чтобы заинтересовать нашу молодежь, увлечь их тем материалом, который можно найти на страницах газет, стимулировать к собственным размышлениям, идеям и инициативам, связанным с увековечиванием памяти воинов, сражавшихся на фронтах войны, сохранением семейных традиций и реликвий, уважительному отношению к памятникам Великой Отечественной войны.

В целом за время реализации проекта сотрудниками библиотеки был проведен ряд презентаций в районах Тульской области, нашедших живой отклик среди жителей Новомосковского, Донского, Ефремова, Куркино, Кимовска, Плавска, Белева, Черни и др.

Одной из задач проекта является пробуждение интереса к чтению художественной литературы и документальных источников, посвященных Великой Отечественной войне, стимулирование литературного творчества, поэтому так важны инициативы жителей муниципальных образований, городов и поселков, где проходят презентации, когда они выступают с декламацией собственных стихов, исполнением песен.

В 2011 году были проведены презентации проекта в Куркинской поселковой библиотеке, Алексинской центральной районной библиотеке, Донской городской библиотеке. Во всех мероприятиях активное приняли участие представители исполнительной власти муниципальных образований, ветераны войны и труда, учащаяся молодежь, жители. Презентации имели большой гражданский резонанс, проходили эмоционально, живо, трогательно, широко освещались в местных СМИ.

Презентация проекта в Алексинской центральной районной библиотеке прошла 22 июня, в этот до сих пор трагический день в истории

Коммунар.
1942. 1 января

России в библиотеке звучали рассказы фронтовиков, ветеранов, голоса юных алексенцев.

По результатам презентации в Донской городской библиотеке, местная администрация приняла решение о выделении средств на оцифровку газеты «Горняцкая правда» за 1941–1945 год, что успешно и было сделано.

Новогодняя елка во Дворце пионеров

31 декабря, после вынужденного перерыва, возобновит свою работу тульский Дворец пионеров.

Во Дворце идет деятельная подготовка к открытию. Сотрудники вместе со школьным активом уже привели в порядок помещение, расставили мебель. В одной из комнатно-рца группа школьников рисует плакаты и панно. Юные художники Руслан Баранов и Отто Шварц заканчивают работу над большим панно «Зимние развлечения».

Активисты Дворца пионеров пришли также и в читальный зал. Они готовят выставку книг, литературные игры. К открытию литературные фонды читальни пополнены книгами-новинками. Среди них «Два капитана»

— В. Каверина, «Рассказы о Сереже Кострюкове» — Голубевой, «Следы на камне» и другие книги.

В последний день этого года школьники города соберутся во Дворец пионеров на новогодний праздник. Начнутся веселые игры у елки, танцы; затем состоится концерт артистов-профессионалов.

До 10 января во Дворце пионеров будет проведено несколько утренников для младших школьников и вечеров — для старших. В программе: концерты самодеятельности, встречи с бойцами и командирами Красной армии, с артистами, массовые игры. В читальне состоятся громкие читки, в игротке — соревнования по настольным играм и т. д.

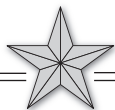
Коммунар. 1941. 30 декабря

С чувством профессиональной гордости отмечаем, что партнерами проекта являются Российская государственная библиотека, Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина, библиотеки, музеи Тульской области, ГАУ ТО «Государственный архив», редакции районных газет пос. Дубны, г. Узловой, г. Донского.

Впереди предстоит еще много работы. Сотрудники библиотеки приглашают всех заинтересованных лиц, организации принять участие в проектах «Войны газетная строка — строка Победы», «Тула и Тульская область в годы Великой Отечественной войны».

Литература

1. Симонов К. В одной газете: репортажи и статьи, 1941–1945 / К. Симонов, И. Эренбург. М.: Изд-во агентства печати «Новости», 1979. 286 с.

ЩИТ И МЕЧ РОССИИ

***Возбранный Валерий Викторович, 78 лет,
журналист,
г. Тула***

Война... Рассказ об этом периоде начнем с того, что значило для страны стрелковое оружие, созданное туляками и кто его творцы. Имеются в виду те образцы, которые стояли на вооружении во время Великой Отечественной войны.

Прежде всего это винтовка С.И. Мосина. Модернизированный в 1930 году ее вариант получил наименование «7,62-мм винтовка образца 1891/30 года».

Мосин Сергей Иванович — гениальный русский конструктор-оружейник. Родился 2 апреля 1849 года в селе Рамонь Воронежской губернии в семье отставного офицера. Учился в Воронежском кадетском корпусе, Михайловском артиллерийском училище и Михайловской артиллерийской академии. С 1875 по 1894 гг. работал на Тульском оружейном заводе: сначала помощником начальника инструментальной мастерской, затем ее начальником, возглавлял ряд других ключевых служб завода. В результате многолетних упорных поисков, в соперничестве с бельгийским конструктором Наганом, который пользовался благоволением влиятельных военных чиновников России, С.И. Мосин разработал образец магазинной винтовки, принятый на вооружение русской армии под названием «З-линейная винтовка образца 1891 г.» без традиционного обозначения фамилии ее создателя. Несправедливость была в какой-то степени смягчена присуждением С.И. Мосину Большой Михайловской премии, вручавшейся авторам самых выдающихся разработок оружия один раз в пять лет. В истории и памяти народной «З-линейная винтовка образца 1891 г.» по справедливости зовется «мосинской винтовкой».

В книге В.Н. Ашуркова «С.И. Мосин — создатель русской винтовки» рассказывается, как ближайший помощник С.И. Мосина, чертежник Иван Алексеевич Пастухов, ставший впоследствии замечательным конструктором оружия, вспоминал: «Все работы по конструированию винтовки велись в стенах завода, в небольшой комнате, представлявшей что-то вроде конструкторского бюро. Там работали чертежники И.А. Пастухов, его брат А.А. Пастухов и В.И. Васильев. Мосин отлаживал опытные образцы со слесарями Санаевым, Земцовым и Сенопальниковым — искусными мастерами, потомственными оружейниками.

Метод конструирования Мосина отличался большой инициативой. Он обычно давал лишь основные размеры деталей и данные, опреде-

лявшие их взаимное положение в образце. Остальные же «свободные» размеры определялись конструкторами-чертежниками. Затем эскиз в виде нормального чертежа поступал к Мосину, который делал окончательную правку, иногда меняя размеры и даже саму форму детали.

Нередко делалось по два-три эскиза одной и той же детали, пока Мосин не останавливался на одном из них. Некоторые детали менялись в чертежах и на опытном образце особенно часто. Например, менялся штык, сечение которого после различных изменений было сделано четырехгранным. Наиболее трудоемкой деталью с точки зрения конструирования и многократных изменений была магазинная коробка и заключенный в ней магазин для подачи патронов.

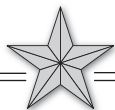
При разработке конструкции винтовки одновременно окончательно определялись и допуски, первоначально очень жесткие, несколько расширенные в дальнейшем. Проявилась глубокая практичность Мосина, хорошо понимавшего значение тщательного установления допусков для будущего массового производства его винтовки.

Мосин очень внимательно относился ко всем этапам конструирования винтовки. Он принимал непосредственное участие в оформлении и проверке рабочих чертежей, постоянно бывал на рабочих местах, особенно на сборке, помогая сборщикам техническими, а иногда и практическими указаниями, лично следил за изготовлением деталей первых опытных образцов винтовки в мастерских завода.

Сергей Иванович был очень требователен к себе и сотрудникам. Но... по достоинству ценил замечательные способности своих ближайших помощников, простых людей — оружейников, которые помогали воплощать в жизнь его замечательные замыслы».

Президент Академии артиллерийских наук А.А. Благонравов отмечал: «Ни одному изобретателю за рубежом не удалось достигнуть такой удивительной законченности в конструировании... Ни одна винтовка в иностранных армиях не смогла так длительно быть на вооружении, как винтовка Мосина, уступая место новым образцам, с которыми, тем не менее русская винтовка продолжала успешно конкурировать».

В 1894 году С.И. Мосин возглавил Сестрорецкий оружейный завод. Под его руководством была проведена коренная реконструкция предприятия, в результате чего выпуск оружия возрос в четыре раза. Простудившись и своевременно не обратив внимания на это, Сергей Иванович 26 января 1902 года умер от крупозного воспаления легких. Похороны гениального конструктора в Сестрорецке сопровождался прощальным оружейным салютом. В Туле для авторов лучших конструкторских разработок и других достижений в области вооружений учреждена специальная премия им. С.И. Мосина, в сквере около оружейного завода в 1958 году в честь него воздвигнут памятник (скульптор — В.И. Мухина).

На базе винтовки С.И. Мосина была разработана снайперская винтовка, из которой, как свидетельствует книга «Оружие победы», «лучшие советские снайперы уничтожили... за годы войны по несколько сотен офицеров и солдат противника». На основе мосинской винтовки в 1907 году создан 7,62-мм карабин, модернизированный перед войной в карабин образца 1938 года. Сколь весом вклад этих «наследников» знаменитой трехлинейки С.И. Мосина в победу, можно судить по такой цифре: в течение 1941–1942 гг. выпущено более 5 миллионов винтовок и карабинов. К тому же в 1939 году началось массовое производство винтовок СВТ-38, а затем более совершенной СВТ-40. В 1941 году армия получила более миллиона ее экземпляров.

Стоял на вооружении и созданный в Туле П.П. Третьяковым и И.А. Пастуховым русский «Максим» на легком колесном станке конструкции В.И. Соколова.

Третьяков Павел Петрович — инженер-оружейник, конструктор, внесший значительный вклад в совершенствование автоматического оружия, организатор оружейного производства и одного из первых КБ, имеющих общероссийское значение. Родился 12 июня 1864 года в Гельсингфорсе в старинной дворянской семье. Учился во 2-м военном Константиновском училище в Санкт-Петербурге, Михайловском артиллерийском училище, Михайловской артиллерийской академии. Служил в армии офицером-артиллеристом. В 1892 году был направлен на работу в Тулу. В 1893 году приступил к выполнению обязанностей помощника начальника инструментальной мастерской, затем возглавлял ряд заводских мастерских. Участвовал в организации производства винтовки образца 1891 года. Вместе с выросшим под руководством С.И. Мосина и самого П.П. Третьякова из чертежников в конструкторы И.А. Пастуховым осуществлял подготовку к выпуску на оружейном заводе тяжелого пулемета «Максим» образца 1905 года. «Пулеметы знают Бог, Третьяков и Пастухов» — это присловье родилось на ТОЗе. П.П. Третьяков, проведя испытания тяжелого «Максима» в Туркестане, изучив вместе с И.А. Пастуховым все особенности его конструкции во время командировки в Англию, в кратчайшие сроки наладил выпуск «Максима». Затем они модернизировали его, внося более 200 усовершенствований. Первый образец собирали на станке оружейного конструктора А.А. Соколова в 1910 году лучшие мастера: Михаил Судоплатов, Матвей Зябрев, Иван Судаков и др. Вес пулемета снизился с 28 до 18 кг, а колесный станок конструкции А.А. Соколова весил 44 кг, тогда как артиллерийский лафет заграничного тяжелого «Максима» — 244 кг. Впоследствии пулемет подвергся еще нескольким модернизациям, а колесный станок Соколова преобразован конструктором ПКБ С.В. Владимиро-

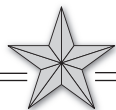
вым в универсальный треножно-колесный станок, который давал возможность быстро переходить от стрельбы по наземным к стрельбе по воздушным целям.

В июне 1915 года П.П. Третьяков назначен начальником Тульского оружейного завода, который возглавлял до мая 1918 года. Он внес огромный вклад в увеличение объема производства винтовок Мосина, пистолетов Нагана, пулеметов. После продолжительной командировки в г. Ковров в 1920 году вернулся на ТОЗ. Работал начальником пулеметного отдела, заместителем технического директора завода. С 1 апреля 1927 года вступил в должность заведующего Проектно-конструкторским бюро ручного оружия, подготовил его открытие с октября 1927 года, обеспечил комплектование кадрами и организацию работы. Очевидно по навету, осенью 1929 года был арестован, сидел в Бутырке. В январе 1930 года приговорен к расстрелу с заменой его на заключение в концлагерь сроком на 10 лет. Однако вместо лагеря был возвращен на ТОЗ, где некоторое время работал фактически под конвоем. В мае 1931 года за недостатком улик был окончательно освобожден. В последующие годы жизни был занят в основном технико-аналитической работой на небольших должностях. Умер Павел Петрович Третьяков 16 апреля 1937 года. Похоронен в Туле, на Всехсвятском кладбище.

Русский «Максим», созданный еще до Первой мировой войны, во всех вариантах широко использовался на фронтах Великой Отечественной и партизанами в тылу у немцев, а на счетверенных установках Н.Ф. Токарева — для защиты от вражеской авиации наших важных тыловых объектов. На его базе были разработаны ручной «Максим-Токарев» и авиационный «ПВ-1».

Есть примеры, когда профессии переходят по наследству. К примеру, Токаревы: Федор Васильевич — отец, Николай Федорович — сын. Так сложилась судьба, что предвоенное десятилетие было для них началом работы в ПКБ ручного оружия и периодом, чрезвычайно плодотворным по результатам их конструкторской деятельности.

Федор Васильевич Токарев родился в 1871 году в станице Егорлыкской на Ростовщине. В 14 лет поступил в учебную слесарную мастерскую при местной школе. Как знак судьбы мастером-учителем там был казак, обучавшийся в свое время профессии на Тульском оружейном заводе. Он сумел не только пробудить в Федоре интерес к оружейному делу, но и, поняв, что у мальчишки сообразительная голова и умелые руки, помог ему через два года поступить на оружейное отделение военно-ремесленного училища г. Новочеркаска. С тех пор вся жизнь Токарева-отца была связана с оружием. В 1907 году, прохо-

дя годовичные курсы в Ораниенбаумской офицерской стрелковой школе, проявил себя как конструктор. Ручным, кустарным способом мосинскую винтовку переделал в автоматическую. В Главном артиллерийском управлении, куда было направлено его изделие, признали образец заслуживающим внимания, а автора командировали на Сестрорецкий оружейный завод. В разных ипостасях он работал там до 1919 года, исключая полтора года, когда в составе действующей армии был на австрийском фронте Первой мировой войны. И все время продолжал разрабатывать идею автоматической винтовки, сделав еще множество ее образцов.

Затем работал на Ижевском заводе заведующим производством, где, как позднее написал в автобиографии, в 1921 году «за неприятие достаточных мер по предотвращению вредительства... был приговорен к высшей мере наказания», замененной 15 годами лишения свободы. Но после месячной отсидки в казанской тюрьме был освобожден, вернулся в Ижевск, а вскоре его направили в Тулу на Оружейный завод «со специальным заданием по конструированию оружия». Вот здесь-то его талант и развернулся в полную силу.

Еще до перевода в ПКБ Ф.В. Токарев модернизировал станковый пулемет «Максим» в ручной. Изменения в конструкцию внесены основательные: водяное охлаждение заменено на воздушное, станок — на легкие сошки, появился деревянный приклад со спусковым механизмом. Значительно снизился вес. В 1925 году ручной пулемет «Максим-Токарев» был принят на вооружение. Это стало первым крупным успехом Ф.В. Токарева. Причем достигнут он был в острой конкуренции с образцом, предложенным другим советским конструктором — И.Н. Колесниковым.

На испытаниях в июне–июле 1930 года его образцу самозарядного пистолета было отдано предпочтение перед образцами двух других конструкторов ПКБ — С.А. Коровина и С.А. Прилуцкого и зарубежными калибров 7,63; 7,65; 9; 11,43-мм «маузером», «вальтером», «парабеллумом», «браунингом», «кольт-браунингом».

В феврале 1931 года Реввоенсовет СССР принял постановление о заказе 1000 экземпляров «7,62-мм пистолета образца 1930 г.» — такое наименование было официально закреплено за ним. В народе же его коротко, но с большой теплотой называли «ТТ», что означало «Тульский, Токарев». Дорабатывал его конструктор до 1933 года, с которого стартовало массовое производство, достигнув к началу Великой Отечественной войны выпуска более 100 тысяч пистолетов в год. На вооружении армии «ТТ» стоял до 1951 года — ровно 20 лет.

Несмотря на широкий диапазон конструкторской деятельности, Ф.В. Токарев оставался верен своей идее создания самозарядной винтовки. За 30 лет, с 1907 года, было пройдено несколько этапов. До

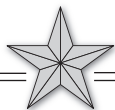
начала Первой мировой войны он совершенствовал образец, в основе которого лежала винтовка С.И. Мосина. После возвращения из действующей армии изготовил новый вариант. Главным конструктивным новшеством было применение принципа отдачи ствола при его коротком ходе. Однако достичь удовлетворяющих комиссию результатов на конкурсных испытаниях не удалось. В стенах ПКБ для Ф.В. Токарева начался третий этап многолетней эпопеи: конструирование самозарядной и автоматической винтовок с неподвижным стволом, автоматика которых была основана на принципе использования отвода пороховых газов. И успех пришел. В 1939 году была принята на вооружение армии «7,62-мм самозарядная винтовка системы Токарева образца 1938 года (СВТ-38)», а в 1940 году — ее модернизированный образец «СВТ-40». В начале войны производилась также снайперская винтовка «СВТ-40» и автоматическая «АВТ-40».

Трудился рядом Ф.В. Токаревым и его сын Николай 1999 года рождения, впитывая отцовские навыки и знания.

Очень хотелось отцу, чтобы сын пошел по его стопам. А потому, когда настало время, определил его в Петербургский кадетский корпус. Учебу Николай завершил в 1917 году, а в 1918-м добровольно ушел в Красную армию. Служил по технической части, повысил свою эрудицию на инженерных курсах в Златоусте, снова служил — уже в качестве старшего техника инженерных войск. В 1922 году его демобилизовали и направили в Тулу на оружейный завод, куда годом раньше приехал работать отец.

У Токарева-старшего была своеобразная система конструирования. Обмозговав форму и содержание будущего образца, он без чертежей становился за тиски или станок и изготавливал многие детали. Чертежи появлялись позже. Ремесло было не чуждо и сыну. Увлечись идеей создания мотоцикла собственной конструкции, он воплотил ее, изготовив многие детали мотора, вплоть до поршней, своими руками. Удивила самоделка и земляков, и Европу, когда ее автор участвовал в мотопробежке Москва–Париж.

Знания Николай черпал не только из практики. Поступив на высшие инженерные курсы в Тульский механический институт, он получил диплом инженера по холодной обработке металла. Столь серьезный подход к делу был замечен. Младшего Токарева привлекли к разработке спаренных, строенных, счетверенных зенитных установок. В 1930 году, когда проходили испытания, счетверенная установка Николая была признана лучшей. В ней очень изящно была решена одна из ключевых проблем — обеспечение бесперебойной подачи патронов. Добился он этого с помощью специального гибкого рукава, по которому патронная лента подавалась в приемник. В 1931 году счетверенная зенитная установка конструкции Н.Ф. Токарева была принята на вооружение армии.

И еще дважды в предвоенное время труд и творчество Токарева-младшего приносили результаты, значение которых нельзя переоценить. Чуть более года понадобилось ему, чтобы сконструировать установку под авиационный пулемет ШКАС (литера от — Шпитальный Б.Г., Комарицкий И.А., авиационный, скоростной). Это была первая в мире турель, дававшая возможность кругового вращения пулемета и ведения огня по всей сфере. И опять самой сложной проблемой стало обеспечение непрерывного ленточного питания. На этот раз Н.Ф. Токарев решил ее, создав конструкцию, состоящую из жесткого рукава в виде дуги. При этом осуществлялся и сбор гильз в специальный мешок. В 1934 году установка была принята на вооружение вместе с турельным вариантом пулемета ШКАС под наименованием «ТУР-8». Позже по этой схеме разрабатывались установки для многих других образцов авиационного вооружения: крупнокалиберный 12,7-мм пулемет, принятый на вооружение под индексом ШВАК (Шпитальный, Владимиров, авиационный, крупнокалиберный), и 20 мм пушка ШВАК.

Скорострельность ШКАСа с 1860 выстрелов в минуту в 1930 году была повышена до 2400 во время Великой Отечественной войны, живучесть — с 1,5–2 тысяч доведена к 1933 году до 5 тысяч, к 1935-му — до 15 тысяч выстрелов, а к началу войны выросла еще больше.

В конце 30-х годов Н.Ф. Токарев в силу необходимости снова включился в конкурс по созданию зенитной установки, только уже для крупнокалиберных пулеметов. И снова — успех. В 1940 году его установка под индексом «ТКБ-149» была принята на вооружение. После войны Николай Федорович сконструировал спаренную зенитную установку крупнокалиберных пулеметов для скоростных бронемашин мотопехоты.

Из пистолетно-револьверного оружия выпускались револьвер образца 1895 года и пистолет ТТ. Но если до 1941 года объемы производства их были примерно одинаковыми, то с учетом боевого опыта предпочтение стали отдавать пистолету ТТ. В 1942 году было произведено всего 15,5 тысяч револьверов, а тираж ТТ составил 161,5 тысяч.

Интересно, что на плакатах и документальных фотографиях военных лет чаще всего встречаются изображения винтовок Мосина и СВТ-40, русского «Максима» и пистолета ТТ. Вдохновенные слова о них звучат и в стихах разных лет. Значит, это оружие было действительно самым массовым и любимым.

Тульские винтовки, пулеметы, пистолеты в боевых условиях проявили себя с самой лучшей стороны. А порой бойцы, вооруженные ими, творили просто чудеса. Отнюдь не придуманную, а истинную историю рассказал в своей знаменитой поэме «Василий Теркин» А.Т. Твардов-

ский. Воспетый им герой сбил «с колена из винтовки... скоростной, военный, черный, современный, двухмоторный» фашистский самолет.

Но, конечно, если уж говорить о германских потерях в небе, то наибольший урон враг, безусловно, понес от скорострельного авиационного вооружения.

В 1941 году, за два месяца до начала войны, был принят на вооружение универсальный пулемет Березина (УБ), который мог устанавливаться на различных самолетах в синхронном (УБС), турельном (УБТ) и крыльевом (УБК) вариантах. Синхронный и крыльевой пулеметы впервые в нашей авиации были снабжены механизмом дистанционного пневматического перезаряжания. УБТ и УБК имели темп стрельбы 1000 выстрелов в минуту, УБС — 700—800. Масса каждого из них не превышала 22 кг. Пулемет УБ стал базой для создания авиационной пушки Б-20, имеющей такой же калибр, как 20-мм пушка ШВАК. При одинаковой скорострельности с пушкой ШВАК Б-20 была легче почти в два раза. Устанавливалась она и на истребителях, и на бомбардировщиках.

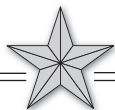
Березин Михаил Евгеньевич родился 21 ноября 1906 года в деревне Гончарка Кирилловского уезда Вологодской губернии. В раннем детстве лишился родителей, жил в семье старшего брата, учился в церковно-приходской школе. Еще мальчишкой стал подрабатывать: батраком, чернорабочим, лесорубом. Из-за конфликтов с женой брата убежал из дому, беспризорничал.

В 20 лет поступил на рабфак при ЛВМИ, а затем и в сам институт, по окончании которого был направлен в Тулу. Работал в одном из цехов ТОЗа, затем в ПКБ. Сконструированные им авиационные 12,7-мм пулемет и 20-мм пушка стали самым массовым оружием советских летчиков. К примеру, за 1943–1945 годы в производстве всех стрелково-пушечных вооружений страны образцы конструкции Березина составляли почти половину.

За заслуги перед государством М.Е. Березин был дважды удостоен Сталинской премии, награжден орденами Ленина, Суворова II степени, Кутузова I степени, двумя орденами Трудового Красного Знамени.

М.Е. Березин прожил всего 44 года и трагически погиб в самом расцвете своего таланта. Но фамилия его осталась не только в истории оружейного дела. Эстафету от отца принял сын — Сергей Михайлович Березин, тоже талантливый конструктор.

Драматичной оказалась история создания 23-мм авиационной пушки. Интрига заключалась в том, что конструированием ее занимались несколько творческих бригад ЦКБ-14, в том числе А.А. Волков с С.А. Ярцевым и В.Н. Салищев с В.А. Галкиным, а также группа

не менее талантливых претендентов из другой проектной организации (Я.Г. Таубин и М.Н. Бабурин). Предпочтение было отдано изделию Таубина и Бабурина. Причина в том, что в начале испытаний у тульского образца случались задержки в стрельбе. В серийное производство была запущена пушка соперников.

Волков с Ярцевым не опустили рук и не поникли головой. Они выявили причину задержек. Оказывается, жесткость установки, использовавшейся при наземных испытаниях, отличалась от жесткости самолетной установки. «Лекарство от болезни» нашлось, и пушка заработала безотказно.

А затем наступила очередь повторных воздушных испытаний, которые проводились буквально накануне нападения фашистской Германии на СССР, в апреле–мае 1941 года. По результатам их в мае на вооружение была принята пушка туляков под индексом «ВЯ», которая устанавливалась на штурмовиках Ил-2 и бомбардировщиках Ил-4.

Удалось преодолеть конструкторам и еще одну проблему, которая время от времени стала возникать после установки их пушек на самолетах. Сам Ярцев рассказывал, что порой имели случаи ненадежной работы автоматики и даже поломки некоторых деталей. Виной были повышенные динамические нагрузки и резонансные явления. Проблема была решена применением упругих амортизаторов. Такой метод позднее использовался и в других разработках.

Волков Александр Александрович родился 2 ноября 1905 года в семье бедного крестьянина недалеко от Тулы. Окончив начальную школу, маленький Саша стал служить мальчиком (была такая должность) в скобяном магазине, где отец работал упаковщиком товаров, а с 16 лет учился в профтехучилищах сначала при патронном, а потом при оружейном заводах. Приобрел специальность слесаря-чертежника, работал на ТОЗе чертежником, конструктором, а затем несколько лет преподавал в ФЗУ и на курсах мастеров. В 1934 году вернулся на ТОЗ. Прошел хорошую школу при разработке автоматической винтовки и нескольких образцов авиационного оружия. С 1936 года — в ЦКБ-14 в содружестве с С.А. Ярцевым разработал скорострельную авиационную 23-мм пушку ВЯ. Стал лауреатом Сталинской премии. В годы войны был эвакуирован на Урал. В 1943-м вместе с ЦКБ вернулся в Тулу. С 1948 года учился в Московской Кунцевской академии промышленности вооружения. Полученные в ней знания способствовали успешной работе во главе группы конструкторов над новыми, современными образцами вооружения. Награжден высшими советскими орденами. Жизнь А.А. Волкова оборвалась в 1968 году.

Ярцев Сергей Александрович родился 2 сентября 1906 года в семье потомственных тульских оружейников. Детство было тяжелым.

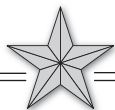
После травмы ноги перенес туберкулез костей, два года был прикован к постели, затем ходил с костылями. Но школу первой ступени закончил, а после поступил в профессиональную школу при ТОЗе. Получил специальности токаря и чертежника. Сначала работал токарем, а затем чертежником в группе, которая была создана для отработки крупнокалиберного пулемета. Возглавляли ее П.П. Третьяков и И.А. Пастухов. Заметив творческую жилку в молодом рабочем, ему стали поручать разработку некоторых деталей. Стремление к конструированию привело Сергея, чувствовавшего недостаток знаний, к решению поступить на вечернее отделение Тульского механического техникума.

К моменту объединения с А.А. Волковым для работы над 23-мм скорострельной авиационной пушкой он уже имел конструкторский опыт. Трудно, но удачно сложилась история создания пушки, которая получила наименование ВЯ. Вместе с А.А. Волковым С.А. Ярцев был удостоен Сталинской премии. Эвакуировавшись в Златоуст, он и Волков помогали осваивать производство своей пушки на местном заводе. Конструкторская биография С.А. Ярцева успешно продолжалась в Туле. За заслуги он был награжден высшими орденами СССР. Умер С.А. Ярцев в 1981 году.

Пулеметы ШКАС и УБ, пушки ВЯ и Б-20 устанавливались на отечественных самолетах практически всех классов и марок и на поставших к нам английских истребителях «Харрикейн». Это оружие имело неоспоримое преимущество по своим тактико-техническим параметрам перед авиационным вооружением аналогичных калибров вермахта, как, впрочем, и всех других стран. Летчики — ветераны войны всегда с восхищением говорят о боевых качествах созданного конструкторами Тулы оружия.

В заключение рассказа об авиационных вооружениях предвоенных лет еще раз хочется повторить, что в работе по созданию пулемета Березина и пушки Волкова—Ярцева, как ШКАСа и ШВАКа, также принимали участие многие члены коллектива ЦКБ-14.

Список тех, кто участвовал в разработке 12,7-мм пулемета УБ и 23-мм пушки ВЯ, велик. В связи с успешным завершением работ в апреле 1942 года Народный комиссар вооружения СССР Б.Л. Ванников премировал большую группу конструкторов, инженеров, рабочих, служащих ЦКБ-14. Среди них сам М.Е. Березин, В.И. Дегтярев, А.Т. Чепелев, А.И. Жидкова, А.Г. Чичелов, Н.В. Пономаре, Ф.П. Соловьев, И.Н. Архипов, А.М. Барников, Д.А. Соловьев, А.И. Войнов... Приказом начальника ЦКБ-14 премированы сотрудники Бюро А.Н. Алпатов, М.М. Чуркин, А.П. Брыковский, Г.И. Преображенский, Т.Д. Чепелев, П.И. Одоевцев, М.И. Пастухов, В.Т. Сигунов, Н.М. Михайлин,

М.В. Сивов, В.Н. Полюбин, В.В. Греков, В.Г. Еливанов, В.В. Тюлюкин, А.А. Илюхин, И.Г. Шершаков, Д.Т. Антохин, К.С. Ерусова, И.И. Городничев...

Оба эти списка в том объеме, который приводится здесь, заканчиваются многоточием. А это значит, что они далеко не полные. Ведь, к примеру, только во втором из них — 172 фамилии.

В отработку пушки ВЯ много творческого труда внесли конструкторы В.С. Сорокин, Г.И. Никитин, В.И. Силин, В.Н. Полюбин, З.М. Мамонтова, слесари-механики В.А. Алпатов, А.С. Артемов, А.Л. Телков, В.В. Березин, А.М. Берников, М.Н. Кобылин и многие другие. А разве не сработали на общий конечный успех те конструкторы Бюро, которые трудились над своими вариантами? Скажем, по 23-мм пушке это Н.Ф. Токарев, В.Н. Салищев с В.А. Галкиным, В.И. Силин с Ф.С. Батовым и М.В. Сивовым. На разных стадиях они закончили работать над собственными проектами, но, безусловно, дух творческого состязания двигал дело вперед. И наверное, в победе А.А. Волкова и С.А. Ярцева есть заслуга их соперников.

Тульское оружие внесло огромную лепту в победу над фашизмом. На всех фронтах, на земле и в небе, воины разили им врага.

КОНСТРУКТОР МАКАРОВ

*Макарова Надежда Николаевна, 36 лет,
кандидат технических наук, доцент ТулГУ,
г. Тула*

Война ворвалась в жизнь наших бабушек и дедушек, навсегда изменив их планы и ожидания.

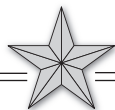
Мой дедушка, Макаров Николай Федорович, родился 9 мая 1914 года в селе Сасово Рязанской губернии в семье железнодорожника. В пятнадцать лет по стопам отца пришел работать в железнодорожное депо помощником машиниста. Несмотря на тяжелый труд, тяга к знаниям привела его на рабфак в Москву, а затем в Тульский механический институт на оружейный факультет. Учился он на «отлично». Война застала студентов на преддипломной практике. В 1941 году, досрочно присвоив квалификацию инженера, его направили в подмосковный Загорск, где осваивалось производство пистолета-пулемета Шпагина (ППШ). Работал он под руководством самого автора. Именно там получил возможность изучить оружие, что называется изнутри. Ему удалось усовершенствовать пружину, которая застопоривала выпуск (он

первым предложил не подбирать, а рассчитывать ее характеристики). Потом несколько лет отвечал за соблюдение технологического процесса при изготовлении ПППШ.

В 1943 году он принял участие в конкурсе на проектирование нового патрона для армии. Постепенно он прошел путь до ведущего конструктора завода, который уже был эвакуирован в город Вятские Поляны Кировской области. Собственно заводом сначала это было трудно назвать — первое время работали практически в поле, жили в палатках. Только в 1944 году Макарову, как и многим выпускникам технических вузов, приказом наркома была предоставлена возможность продолжить работу над дипломом и защитить его. Справился он на «отлично», спроектировав автомат под новый, только что утвержденный патрон. В это время уже началось производство ППС (пистолета-пулемета Судаева), и его автомат в серию не выпустили. Но зато именно тогда он познакомился со своей будущей женой — моей бабушкой, которая как раз поступила в Тульский механический институт.

В июне 1941-го моя бабушка вместе со своей подругой поехала в Москву — поступать в медицинский институт. О том, что началась война, они узнали, когда писали заявление в приемной комиссии. Конечно, о мечте стать врачом пришлось забыть — они сразу же вернулись в Тулу, откуда их, вчерашних школьников, отправили рыть окопы. Некоторые девочки представили медицинские справки о состоянии здоровья и не поехали, но бабушка даже не думала об этом — как можно было бросить подруг, а самой остаться? Бабушка вспоминает, что их везли на поезде несколько дней, не объясняя куда. Два месяца они рыли окопы. Есть было нечего и купить еду было невозможно, в окрестных деревнях царила неопределенность — ждали немцев. Потом враг подошел настолько близко, что пришлось работать по ночам — днем прятались в сарае. Под обстрелом им пришлось переходить Днепр, многие девочки при этом утонули. После чего их распустили — продолжать рыть окопы было бесполезно. До Тулы добирались с подругами как придется — там машина подбросила, тут проводница сжала ласку и пустила в вагон. После возвращения в Тулу бабушку вместе с ее родителями эвакуировали в Куйбышев, где они работали на заводе. А в 1944 году вместе с семьей она вернулась в Тулу и поступила в институт, который как раз заканчивал мой дедушка. Так что если бы не война, они могли бы и не встретиться.

Поженились они почти сразу же. После защиты дипломной работы Николай Федорович Макаров до конца войны работал ведущим инженером-конструктором в НИИ СПВА в Кунцево. Потом его пригласили работать в Москву. Но в Туле уже были его дом, семья, работа, творчество, его друзья-соратники по оружейному делу. Да и бабушка категорически не хотела переезжать. Слово любимой жены оказалось

решающим, и он отказался. Так его судьба оказалась навсегда связана с Тулой.

В 1945 году в ЦКБ-14 (в настоящее время ГУП «КБП»), где он работал конструктором, был объявлен конкурс на создание нового пистолета: индивидуального оружия ближнего боя малых размеров, легкого, с повышенной меткостью стрельбы, надежного в любых условиях эксплуатации. Труд увенчался успехом, и в 1951 году пистолет был принят на вооружение. Разве можно было предугадать тогда, что результатом первой полностью самостоятельной работы молодого конструктора станет изделие, которое и сегодня, более полувека спустя, стоит на боевом посту не только в российской армии, но и в армиях многих стран. Пистолет Макарова (ПМ) — это легенда и явь.

«Чем можно объяснить мой успех в создании пистолета? — писал впоследствии сам Николай Федорович. — Прежде всего, тем колоссальным трудом, который я вложил в это дело. Достаточно сказать, что в то время работал ежедневно, практически без выходных дней, с восьми часов утра и до двух-трех часов ночи, в результате чего дорабатывал и отстреливал образцов в два, а то и в три раза больше, чем мои соперники, что, безусловно, дало возможность в совершенстве отработать надежность и живучесть». А бабушка вспоминает, что дедушка был настолько поглощен работой, что мог пойти за водой, а вернуться с пустыми ведрами, мог уйти на работу в разных ботинках и даже не заметить этого — для него это было неважно. При этом — потрясающая черта — он никогда не приходил домой хмурым. Какие бы проблемы не оставались на работе — всегда возвращался домой с улыбкой на лице. Сила воли сочеталась в нем с потрясающим жизнелюбием. Уже на пенсии после очередного инфаркта врачи сказали ему, что он не встанет с постели, и ему осталось не больше года — он и не подумал сдаваться. Дома появился «тренажер» — сколоченные три ступеньки. И он сначала поднимался на одну, потом на две, потом на три, потом стал ходить по лестнице в подъезде и, можно сказать, вытащил себя с того света. И еще несколько лет прожил полноценной жизнью — гулял со мной в парке, вырезал мне из дерева ножи и пистолеты, что-то мастерил в доме, удивительно вкусно готовил.

Коллега и соратник Макарова по конструкторскому творчеству Н.М. Афанасьев кроме его потрясающей работоспособности подчеркивает и такое качество, как находчивость и умение на ходу исправить ситуацию. «Во время полигонных испытаний, — вспоминает он, — был такой эпизод: поломался отражатель. Запасной детали нет. Что делать? С помощью механика Николай Федорович из простой железки на ходу согнул отражатель, и образец продолжил испытания» [1, с. 51].

А вот что вспоминает о Николае Федоровиче другой знаменитый пистолетчик И.Я. Стечкин: «Когда Макаров работал еще у Шпагина,

было несколько человек, от которых зависела окончательная сборка ППШ, а занимались они ручной клепкой. Требовалось постоянное увеличение выпуска пистолетов-пулеметов. Рабочие говорят: смотрите, мол, сами, больше сделать не можем. Начальник цеха чуть ли не со слезами уговаривает. А Макаров видит, что ребята попросту филонят. Он говорит начальнику цеха:

— Договаривайся с ними: сколько я за смену сделаю, столько пусть и они делают.

Приходят в цех. Рабочие клепают потихонечку. Макаров спрашивает:

— Ну, что будете норму выполнять?

— Стараемся, да не выходит.

— А вот давайте, сколько я за смену сделаю, столько и вы.

Рабочие засмеялись. А Николай Федорович снимает пиджак, берет в руки молоток и начинает клепать. Благо, что школа у него была хорошая: в депо клепать приходилось много. Сделал уже две нормы, а смена еще не кончилась. После этого и рабочие стали выполнять по две нормы» [1, с. 51].

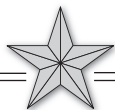
С 1952 года Н.Ф. Макаров занимался повышением темпа стрельбы 23-мм авиационной пушки Н.М. Афанасьева. В 1954 году пушка АМ-23 была принята на вооружение.

В 1955–1956 гг. дед разрабатывал авиационную барабанную пушку ТКБ-540 калибра 30 мм, ТКБ-539, ТКБ-532 калибра 23 мм. Впоследствии он переквалифицировался и принимал участие в работе над созданием противотанковых управляемых комплексов «Фагот» и «Конкурс».

По сегодняшней популярности, количеству выпущенных экземпляров и продолжительности службы знаменитому ПМ, как считают эксперты, нет равных среди образцов оружия этого класса. А если учесть, что Конструкторским бюро приборостроения в 1997 году была проведена работа по созданию нового более мощного патрона для него, способного пробивать стальной лист толщиной 5 мм, бронежилеты, стальные шлемы, а затем этот патрон был принят на вооружение, предполагается, что биография пистолета Макарова продлена еще на многие годы.

Сам же Николай Федорович за разработку ПМ был удостоен Сталинской премии. В 1963 году ему была присуждена премия им. С.И. Мосина, в 1967 — Государственная премия. Он награжден орденами Трудового Красного Знамени и Ленина. В 1974 году за выдающиеся заслуги в создании вооружений и военной техники ему присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением второго ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот».

В этом же году Николай Федорович ушел на пенсию. У него были проблемы со здоровьем. Ему предлагали остаться с условием облег-

ченного режима труда. Он не согласился, сказав: «Не могу работать вполсилы». Он действительно не мог ничего делать наполовину: и в работе, и в жизни.

Скончался Н.Ф. Макаров 13 мая 1988 года.

Литература

1. И чит, и меч России. К 80-летию ГУП «КБП». — Тула: Пересвет, 2007.

ЗАПИСКИ О СТЕЧКИНЕ ИГОРЕ ЯКОВЛЕВИЧЕ

*Стечкин Владимир Игоревич, 67 лет,
ведущий инженер-конструктор
Корпорации «Тактическое ракетное вооружение»,
город Королев Московской области*

Я — старший сын Игоря Яковлевича Стечкина. Есть такой пистолет — «стечкин». Есть «макаров», есть «токарев», а есть и «стечкин». Что в этом пистолете такого особенного? Поясняю (для молодежи, которой предназначена эта книга). Это такой большой и мощный пистолет, который стреляет не только одиночными выстрелами, но и очередями, как автомат. И магазин у него как у автомата, на 20 патронов. Кроме того, у него, по сравнению с другими пистолетами, довольно большая дальность прицельной стрельбы. Официально считалось, что до 200 метров. Из широко известного оружия я знаю только аналогичную Беретту 93-Р. Разница только в том, что отцовский был поставлен на вооружение в 1950 году, а Беретта появилась позднее — где-то в середине 1980-х. Конечно, были еще всякие опытные и малораспространенные образцы, но это уже для специалистов. А так в народе по фамилии известны четыре наших оружейника: Калашников, Макаров, Токарев и Стечкин. Правда, мне как бывшему туляку и сыну оружейника, немного досадно, что мало кто знает Шпагина, Федорова, Мосина, Судаева. Ну, может, кто-то еще слышал про Дегтярева или Симонова.

А отцовский пистолет, официально он называется АПС — автоматический пистолет Стечкина (автоматический — это как раз потому, что стреляет очередями), все-таки довольно быстро, по крайней мере, в Туле, стал известен, особенно после того, как в 1952 году отцу за него дали Сталинскую премию. И тогда мои одноклассники стали у меня допытываться: «Ну а дома-то у твоего отца, какое оружие есть?» И мне даже как-то неловко было говорить, что нет у нас дома никакого оружия. Да и теперь люди в основном ничего про отца кроме АПСа не знают. А он сделал довольно много и очень разного: и стреляющий

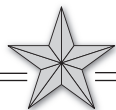
портсигар, и автомат, который с калашниковским конкурировал, и бесшумный револьвер, и всякое другое стреляющее. Кроме того, он долго занимался противотанковыми ракетами. Так что много чего отец за свою жизнь придумал и сконструировал.

Меня забавляет, когда кто-нибудь говорит: «Стечкин? Это который пистолет изобрел?». Изобретают то, чего до того не было. Вот колесо кто-то когда-то изобрел (правда, не знаем кто). Или вот Эдисон изобрел фонограф, на который звук записал. До него никто этого не умел делать. А он изобрел. И есть другая, не менее уважаемая специальность — конструктор. Конструктор делает то, что уже изобретено, но такое, которое нужно для конкретного случая. Конечно, конструктор по ходу дела может и изобрести что-то. Так что не изобретал отец пистолета, он его сконструировал. Другое дело, что он мог сконструировать так здорово, как не у всех получалось. Любил он говорить, что красивая машина и работает хорошо. Ну, а изобретения у него были, штук пятьдесят. На всякие части оружия и ракет, как их сделать иначе, лучше или проще.

Ну, вот мы и разобрались, кто есть изобретатель и кто есть конструктор, а причем тут Игорь Яковлевич Стечкин?

Вообще-то, не хотел я браться за это дело — писать об отце. Я твердо убежден, что написать о человеке, которого ты знал, практически невозможно. Особенно о человеке, которого знал очень близко. Потому что когда ты пишешь о нем, о каких-то его словах, поступках, привычках, то перед тобой в твоей памяти встает живой человек, которого ты знал. Я же не сумею так написать, чтобы вы все себе точно представили, будто увидели отца моего живым. Кроме того я знаю отца таким, каким знаю его именно я, другие люди знали его чуть-чуть другим. Или очень другим. Какой он был на самом деле там, внутри, я могу судить только по своим впечатлениям. Поэтому, когда я начну рассказывать вам о своем отце, то я буду рассказывать свои воспоминания о нем. Притом воспоминания именно сегодняшние, потому что завтра мне вспомнится что-то другое, а через неделю — вовсе третье.

Меня просили рассказать о войне, о сорок первом годе... Я-то родился в 1944 году, так что 1941 год просто не застал. Да и 44-й помню плоховато. Могу про эти годы что-то сказать только со слов взрослых, которые слышал отрывочно в детстве или уже позже. Да я особо и не расспрашивал, а старшие как-то не очень вспоминали военные годы сразу после войны. Вообще-то, отрывочные воспоминания у меня идут где-то года с 48-го. Это значит мне 4 года, а после войны прошло три года. А когда я пошел в школу, то после войны прошло шесть лет. Не так уж и много. И в воздухе еще носилось что-то эдакое, послевоенно-военное. Даже в киножурналах, которые тогда в кино обязательно показывали перед фильмом, почему-то мелькали какие-то куски войны, рушащиеся стены многоэтажных домов, танки, мчащиеся по пустым

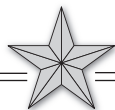
улицам полуразрушенного города. Чьи танки, что за город — не знаю, тогда еще не разбирал, но дул оттуда какой-то ветер, который проникал до кишок. И у людей в разговоре часто встречалось: «до войны», «в войну». И война эта была в семье тоже как-то растворена.

В первую очередь, потому что младший брат отца, Мстислав, не вернулся с фронта. Как говорили, пришло сообщение, что он пропал без вести. И поэтому погибшим его как бы не считали, а бабушка ждала, что он может быть вот-вот вернется. Конечно, считалось, что он, скорее всего в плену. Но ведь уже возвращались люди и из плена. И кто-то там вернулся, кого считали погибшим. И я всякий раз, когда видел какого-нибудь военного, идущего по дороге к нашему дому, напрягался в ожидании: а вдруг... И дядя Слава в разговорах взрослых был еще какой-то не совсем отсутствующий. А у бабушки лежали в комоде его письма с фронта. С рисунками. Такие маленькие рисунки в тексте, на которых были смешно нарисованы и сам дядя Слава, и его однополчане, и немцы. Помню, что там были нарисованы сдающиеся немцы, поднявшие руки, и было написано, что немцы делают «трезуб» (то есть руки и голова как трезубец). Позже, в пятидесятые годы, похожие письма с картинками присылал отец из Вятских Полян, где ставили на производство его пистолет, и он пару лет сидел там почти безвылазно в командировке, только изредка приезжая домой. Может быть, остальные и считали, что дядя Слава погиб, но бабушка ждала. И подкармливала пленного немецкого солдатика. Тогда под Тулой, на Косой Горе немецкие пленные строили шоссейную дорогу в обход поселка и металлургического завода. Она потом долго была куском трассы Москва—Симферополь. Видно, содержали их не очень строго, потому что один молодой солдатик заходил к нам, и я помню, как он сидел на кухне и ел что-то из миски. Наверное, про себя бабушка думала, что и ее сына может кто-то так же покормит. А солдатик этот, когда они достроили дорогу и отбывали, оставил на память свою солдатскую немецкую алюминиевую ложку. Я ее хорошо помню. Литая ложка, у нас позже в столовых все штампованные лежали. А на оборотной стороне ручки был выдавлен орел и под ним забито чем-то твердым, так что прямо лунка образовалась. Позже я понял, что там была свастика. А дядя Слава так и не вернулся.

Вообще, если меня спрашивают, как это отец стал таким вот талантливым и так далее, то я отвечаю, что главное дело в семье. И это мое убеждение на самом деле. Конечно, иногда вроде бы человек получается вопреки своей семье. Прорезается у него талант, широта души, деятельная натура. Но если присмотреться, то и в самой простой, а иногда не очень благополучной семье, есть кто-нибудь умный, добрый, душевный, талантливый, хоть в чем-то маленьком, хоть пироги печь. Главное — впитать именно от него. А когда семья хорошая, то и всяк

в ней растет по-своему хорошим. И по мне лучше просто хороший человек без таланта, чем талант у дрянного человека. Семья же дедова была хорошей, дружной и большой. Когда я был маленький, то разговоров о дальних предках особо не было, но иногда упоминалось, что род пошел со времен Ивана Грозного от какого-то не то Стычки, не то Стецко. А вот прабабушка, Марья Егоровна, еще присутствовала в разговорах как живая. Она была фельдшерницей, жила на хуторе под Суходолом недалеко от Алексина. В войну она перебралась в Алексин к знакомым, и их домик накрыло немецкой бомбой. Уж не знаю почему, но маленький Алексин вообще бомбили чуть ли не больше, чем Тулу. Вроде бы там был пороховой завод. На стене в доме у деда висел портрет маслом «Мигоровны», как называли прабабку в семье. Прабабка, как я понимаю, была женщина строгая. Как-то вспоминали, что однажды за обедом у нее, когда отец мой, тогда лет пяти, стал, как говорили у нас, «виждивляться», то немедленно получил по лбу деревянной ложкой. И у прабабушки в Суходоле и у деда в Алексине были дом, хозяйство, домашняя живность. Специально детей к хозяйственным работам не привлекали, но дел хватало всем.

Дед, Яков Сергеевич, в Алексине был хирургом в районной больнице. Обосновался он там сразу после гражданской войны. Можно сказать, больницу из ничего создавал. Алексинцы до сих пор это помнят. Там и отец родился. Хотя жизнь была простая, но семья врача — это семья врача. Поэтому в доме было много книг, частью дореволюционных, все читали, выписывались журналы. У меня до сих пор лежат несколько подшивок годовых комплектов журналов: «Экран» и «Всемирный следопыт» за 1927 год, «Вокруг света» за 1928 год и «Всемирный турист» за 1930 год, которые сохранились с того времени. Опять же, в студенческие годы дед кроме медицины учился немного рисованию, его небольшие рисунки и картины до сих пор целы, несколько висит у меня. А бабушка, Ксения Борисовна, училась в Москве на Высших женских курсах и тоже была человеком образованным и разносторонним. Она хорошо пела, любила музыку. Еще с предвоенных лет в доме был патефон, и при мне у деда с бабушкой было по тем временам очень приличное собрание пластинок, пожалуй, штук сто. Самая разная музыка: тогдашняя эстрада — Шульженко, Виноградов, Бунчиков, Вертинский, из классических певцов — Обухова, Александрович, просто оркестровая музыка и танцевальная, и симфоническая. Конечно, все это слушали. В то же время не было отдельности от людей, так сказать, другого сословия. Другьями семьи были не только коллеги-врачи, но и, например, слесарь дядя Коля Пресняков, у которого я любил сидеть на коленях и нюхать, как от него пахло махоркой, и другие. Семья была общительная. Дед вообще любил, насколько я понимаю, людей, которые были мастерами своего дела, хоть лечить,

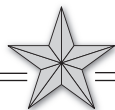
хоть плотничать. Он и сам мог и шкафчик сделать, и топор наточить. И сыновья мастерили.

Когда в 1935-м году деда перевели на Косую Гору хирургом больницы металлургического завода, то ребятня в семье уже подросла. Старшему, Олегу, было 16, а отцу — 13. Сами понимаете, рабочий поселок и сейчас место не самое нежное, а тогда и подавно. И хотя жили при больнице, по другую сторону реки, но в школу-то ходили поселковую. И надо было и за себя постоять, и сестру защитить, да и друзей завести — некоторые друзья остались на всю жизнь. Ребятки были крепкие, занимались спортом. Дядя Олег (о нем я еще расскажу) увлекался гирями. Очень любопытно. Это ведь конец 30-х годов. Естественно, штанги нету, наверное, только на фотографиях ее видели. А гири выжимали еще в цирке до революции, и были они в любом магазине, и пудовые, и двухпудовые. Так что популярный старый народный вид спорта. И вдруг сейчас, в 2011 году, в подмосковном Королеве, на ракетной фирме я вижу на стенде красочное объявление, отпечатанное на компьютере: «Результаты первенства предприятия по гиревому спорту» и фотографии молодых ребят-победителей. А отец и братья занимались и гимнастикой, и лыжами и в волейбол играли. Ну и подражаться могли. Братья Стечкины с приятелями — это была серьезная компания. И руки были к месту приставлены. Я в дедовом доме находил всякие штуки, оставшиеся с «до войны»: корпус модели глиссера, спаянный из консервных банок; настенную роспись в кладовке, сейчас бы я назвал это чем-то средним между сюрреализмом и абстракцией. Короче, жили дружно и интересно.

И все в институты поступили. Как раз к войне. В войне практически вся семья участвовала. В первую очередь — дед. Он ведь еще в первую мировую воевал. Учился он в университете на медицинском факультете, собирался стать психиатром, а после 14-го года их быстренько перепрофилировали и на фронт зауряд-врачами. Что это значит, не знаю, а слово засело с детства. И то, что бабушка называла ту войну не Первой мировой, а Империалистической. Попал дед на Кавказский фронт. Своеобразная война была по современным понятиям. Достаточно сказать, что на фронт он отправился вместе с молодой женой. И бабушка вспоминала, с одной стороны, что они ездили на извозчике в Эрзерум пить кофе (теперь это в Турции), а с другой стороны, что зимой волки задрали несколько казаков (это какие же были волки, что казаки на конях, с шашками и винтовками не отбились). А потом деда уже в Гражданскую войну мобилизовали в Красную армию. Врачом, конечно. Ну и тут, когда началась Великая Отечественная война, естественно тоже на фронт. Насколько я знаю, был он главным хирургом прифронтового госпиталя Военно-воздушных сил, куда привозили подбитых летчиков. Я уже в конце 60-х дважды встречал людей, которых

он штопал. Поскольку учился я в авиационном институте, то и попал на лагерные сборы в авиационный полк. Там один майор, услышав мою фамилию, сразу заинтересовался, кем я довожусь доктору Стечкину. Позже, когда меня уже с работы взяли как офицера запаса в армию, то приехал я за направлением в штаб Приволжского военного округа в Куйбышев, что теперь опять Самара. А там, в кадрах встретил меня майор, хромой, с палочкой. Прочитав мои документы, сразу же тоже стал выяснять про деда. И рассказал мне свою историю. Был он истребителем. Подбили его, но до аэродрома он дотянул. Вытащили его из самолета и в госпиталь. Там посмотрел его дежурный хирург и сказал, что ногу придется отнимать. А нянечка или санитарка, что при этом была, шепнула на ухо: «Ты ногу-то резать не давай. Вот к вечеру главный хирург с охоты вернется, он тебе ногу-то спасет». И, правда, к вечеру появился сухонький старичок в белом халате. Старичок он, конечно, был для молоденького летчика, а так-то деду в те годы было лет 55 максимум. Посмотрел ногу и взялся за лечение по своей методе. И уцелела нога. Не гнется, но своя. И даже на гражданку не списали.

Уже позже, в 1989 году, когда на Косой Горе отмечали дедово столетие, и после торжественной части в клубе собрались за столом родственники, ученики деда и сотрудники, была среди них одна старушка. Она в войну у деда была операционной сестрой и, естественно, еще не старушкой. И она рассказала, что дед разработал там собственную методику лечения раненого коленного сустава и так многим сохранил ноги. Вообще по части придумывать что-то свое, творить и пробовать в семье всегда были мастаки. Так вышло, что дед в семье дослужился до самых высоких чинов — он воевал в звании майора. И уже на моей памяти после войны до самой смерти дед работал в Косогорской больнице и в госпитале инвалидов Отечественной войны, где приводил в порядок искалеченных на войне молодых ребят. Туда его дважды или трижды в неделю возили на машине и привозили вечером обратно. Машина была по моим понятиям совершенно роскошная. Грузовик ГАЗ-51, вместо кузова — фанерная будка с красным крестом, а во лбу кабины третья фара, которую можно было изнутри поворачивать за ручку. И меня по субботам часто возили тоже в кабине вместе с дедом из Тулы на Косую Гору (суббота тогда была рабочим днем и, значит, дед как раз по субботам работал в госпитале). А что касается охоты, то был дед заядлым охотником и иногда при всей его занятости, как сейчас сказали бы, отрывался. Привозить почти ничего не привозил, но доволен был несказанно. В кабинете у него были привернуты лосиные рога, и на них висели ружья. Одно, как раз то, которое он с собой на фронт брал, он подарил мне на 16 лет, и оно так у меня и висит. Умер дед в 1955 году, как я теперь понимаю, еще совсем не старым человеком. Ему еще 66 не исполнилось. Я вот уже старше. Странно даже.

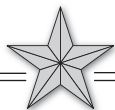
Второй человек в семье на войне был дядя Олег. Отцов старший брат, Олег Яковлевич. Был он связистом, как говорилось, на самом передке, воевал на Дону и под Сталинградом, дослужился до старшины. В конце 43-го или в начале 44-го он был тяжело ранен: разрывной пулей ему вырвало правую лопатку. После этого он долго мыкался по госпиталям, но выкарабкался. С таким ранением другой стал бы инвалидом, но дядька мой, когда встал на ноги, принялся разрабатывать и тренировать руку. И во времена, которые я уже помню, то есть лет через четыре-пять после ранения, он уже одинаково выжимал пудовую гирию любой рукой. Только когда он летом раздевался до пояса, то была видна на спине под правым плечом яма с кулак размером. А он после фронта снова взялся за учебу в институте, окончил, стал преподавателем философии. Отличался он глубоким философским умом, своим собственным взглядом на вещи и события, и огромной эрудицией. Позже дядя Олег защитил кандидатскую диссертацию, заведовал кафедрой философии в Тульском пединституте, но это все не главное. Уже в зрелые годы он создал собственную философскую теорию мира, называл ее Философией всеединства. И написал книгу об этом. Точнее, это конспект лекций. Кроме того, написал небольшой сборник воспоминаний, о войне о жизни, о походах (любил он это дело) с собственными рисунками. Рисовал он тоже здорово. Хотя дядька вроде бы, был полный гуманист, но семейная закалка и в нем была сильная. По части смастерить, что надо, он не так уж много отцу уступал. И хорошо помню, что когда в пятидесятые годы стали снова выходить журналы «Знание — сила» и «Техника — молодежи» (снова это значит, отец тогда сказал, во время войны они перестали выходить), то в них были разделы со всякими задачками по науке, технике, математике, черчению. И отец с дядей Олегом на пару решали эти задачи — кто правильнее и быстрее, с переменным успехом.

Ну о младшем брате, Мстиславе, погибшем на войне, я уже говорил. Но и сестра их, тетя Женья, Евгения Яковлевна, тоже была на фронте медсестрой. И будущая жена дяди Олега — тетя Зоя, Зоя Александровна, тоже была на фронте. Так что изо всей семьи не воевали только бабушка и отец. Честно скажу: то, что отец не воевал, долго было для меня маленькой занозой. Но с ним я об этом никогда не говорил. Не спрашивал его ни когда был маленьким, ни потом. Почему-то мне до сих пор кажется, что эта тема была бы для него болезненной. Гораздо позже я узнал, что его вроде бы комиссовали из-за косоглазия, которое было с детства и отчасти прошло только в зрелом возрасте. В 41-м году отец учился в тульском механическом институте, который потом стал политехническим, а потом вроде техническим университетом, не знаю точно. Учился на оружейно-пулеметном факультете. Очевидно, даже в это отчаянное время было решено: кадры оружейников, в том числе и

студентов, сохранить. Сначала послали их рыть противотанковые рвы куда-то южнее Тулы, под Мценск, что ли. Потом скомандовали выбираться в Тулу своим ходом. И они шли оттуда пешком без остановки. Отец говорил, что тогда он узнал, что когда идешь гурьбой, то можно даже на ходу спать. А потом отправили их в эвакуацию, кажется в Ижевск. А уже оттуда он перебрался в Бузулук, куда вместе с эвакогоспиталем был эвакуирован дед с бабушкой. Я посмотрел в Википедии, это Оренбургская область.

Не так уж много отец об этом рассказывал. Как и дядя Олег — о фронте. Не любили они распространяться о трудных временах. А я по глупости не расспрашивал. Из того, что рассказывал отец, помню, что в эвакуации устроился он рабочим в мастерские местного железнодорожного депо. Там по военному времени оставались старые мастера, которых по возрасту в армию не взяли. А тут явился городской мальчишка, в очках, приезжий, да еще студент. Короче, встретили его настороженно. Но когда убедились, что он и напильником, и зубилом владеет вполне сноровисто, а кроме того еще и чертежи разбирать может. Приняли и даже зауважали. Вообще, отец руками, на мой взгляд, мог сделать почти все. Нет нужного инструмента — сделает и инструмент. Потом выбирался отец из эвакуации, вроде бы чуть ли не пешком. Помнится, бабушка говорила, как он пришел, отощавший, грязный, обросший, и волосы на голове шевелились от вшей. Так что его остригли наголо и отмывали, почему-то мне кажется, будто в корыте, по ее словам. Ну, потом доучивался. В 48-м году защитил диплом. И сразу же, придя на работу, получил задание — сконструировать автоматический пистолет. Оружейники ведь не сами себе работу придумывают, как бы сделать чего-нибудь особенное. Поступает заказ от Министерства обороны, да еще не в одно конструкторское бюро. И делают то, что заказано. Да еще потом на испытаниях сравнивают, у кого лучше получилось. Но это, как говорится, уже совсем другая история.

Кстати, по поводу отцовской защиты диплома журналисты раздули целую историю. Дескать, Стечкин тайком сделал в металле пистолет, проект которого он должен был защищать. А на защите кто-то из комиссии заявил, что этот пистолет работать не будет. И тогда студент Стечкин выхватил из-за пояса пистолет и несколько раз выстрелил. Кто пишет — в потолок, кто пишет, что он чертежи прострелил. На самом же деле все было, мягко выражаясь, не совсем так. В институте были механические мастерские. Отец попросил разрешения сделать в них свой дипломный проект в металле. Его руководитель диплома испросил такое разрешение, и оно было получено официально. Кроме самого пистолета отец сделал еще сам специальные холостые патроны. На защите по его докладу и чертежам никаких претензий не

было. По окончании доклада руководитель проекта сказал комиссии, что образец изготовлен в металле и может быть продемонстрирован в работе. Как рассказывал отец, в комиссии пошел говорок и они, посоветовавшись, разрешили. Отец произвел три выстрела холостыми в безопасную сторону (отец всегда учил меня главной заповеди оружейников — никогда не направлять оружие на человека). Гильзы отлетали энергично и одна пробила висевший на стене чертеж. Кто-то бросился их подбирать. Две вернули, а третья «не нашлась». На том все и кончилось. А сам этот пистолет сейчас находится в музее института, там же где другие поучительные для студентов образцы.

А с дядей Олегом у меня как-то в шестидесятых годах, когда стали много о войне писать: и Симонов, и Бондарев, фильмы стали выходить, вышел разговор. Он сказал, что, по его мнению, и в литературе и в кино, даже в лучших вещах, война слишком романтизируется. Лучшим произведением о войне у нас он назвал «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, а из зарубежного — «На западном фронте без перемен» Ремарка. Не знаю, что он сказал бы о Василе Быкове, но того еще не печатали.

Вот, пожалуй, и все на сегодня. Просили, рассказать что-нибудь про отца, семью и 41-й год. Рассказал, что помню.

ОТЕЦ. КОНСТРУКТОР. ЧЕЛОВЕК

*Грязев Михаил Васильевич, 50 лет,
ректор Тульского государственного университета,
доктор технических наук, профессор,
г. Тула*

Смерть родителей всегда воспринимается невосполнимой утратой. И сколько бы каждому из нас на этот момент ни было лет, в душе обязательно возникает пронзительное чувство незащищенности и обездоленности.

Мой отец — Василий Петрович Грязев. Я благодарен судьбе за то, что она подарила мне такого отца. Я горжусь своим отцом. Но и понимаю огромную ответственность, потому что отец мой был Человеком с большой буквы. В том, что он состоялся и как личность, и как профессионал, заслуга прежде всего его самого. Он никогда не позволял себе лениться, был честен и искренен по отношению к людям, строг и взыскателен по отношению к себе. В нем был внутренний стержень, который определял жизненную позицию — бескорыстно служить своей Родине, людям.

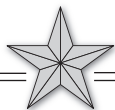
О моем отце написано немало. Герой Социалистического Труда, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» III степени, ордена Ленина, Октябрьской Революции, лауреат четырех Государственных премий и четырех премий имени С.И. Мосина, Почетный гражданин Тульской области и города Тулы, Почетный доктор Тульского государственного университета, доктор технических наук, профессор кафедры «Расчет и проектирование автоматических машин». Автор 50 научных публикаций и 229 изобретений. Выдающийся конструктор, создатель не имеющих аналогов в мире 40 образцов стрелкового, гранатометного и пушечного оружия. Пистолеты, пулеметы и автоматы конструкции Грязева стоят на вооружении во всех родах Вооруженных сил России.

Родился Василий Петрович Грязев 4 марта 1928 года в Туле в семье рабочих. Ему и трех лет еще не было, когда умерла его мать Ксения Васильевна. Детство, лишенное материнского тепла, да еще пришедшееся на тяжелые военные годы... Но именно детские годы задали импульс всей последующей жизни оружейника Грязева.

Вместе с другими ребятами Вася собирал на полях трофейное оружие, разбирал и изучал его; увлекся настолько, что уже тогда решил стать конструктором. Вот они, те самые истоки, забившие энергичным ключом и превратившиеся в полноводное русло благодаря живой детской заинтересованности и искреннему желанию создать что-то свое, важное, нужное и, конечно же, необычное.

В 1944 году новое горе обрушилось на еще не окрепшего подростка: скончался Петр Ивлиевич, отец. И остался Василий круглой сиротой. Правда, до достижения совершеннолетия ему была назначена опекунша, но разве можно кем-нибудь и чем-нибудь заполнить ту эмоциональную брешь, которую оставляет в жизни каждого человека уход его родителей?.. Другой бы на его месте, может, и сломался, озлобился, жгучую обиду на судьбу затаил и по кривой тропинке пошел. Но не таким был Василий Грязев. Повзрослел в одночасье и начал свое будущее выкладывать из кирпичиков целеустремленности, силы воли и трудолюбия. Сыграли ли свою «профориентационную» роль детские рейды на поля былых боевых сражений, или в душе Василия Петровича Грязева изначально жил конструктор-оружейник, а обстоятельства лишь способствовали его скорейшему проявлению? Как бы то ни было, но в 1945 году он поступил на оружейно-пулеметный факультет Тульского механического института.

После окончания института моего отца направили на работу в город Подольск — в научно-исследовательский институт стрелково-пушечного вооружения авиации, где он проработал 16 лет (с 1950 по 1966 гг.), пройдя путь от техника до главного конструктора НИИ-61 (ЦНИИ Точмаш). Аркадий Георгиевич Шипунов, возглавивший Тульское Конструкторское Бюро Приборостроения, в 1966 году пригласил

Василия Петровича на должность заместителя начальника предприятия и главного конструктора по стрелково-пушечному вооружению. Так воссоединились на тульской земле двое талантливых людей, научно-творческому содружеству которых суждено было продлиться целых 58 лет; а результатом этого стало создание огромного количества образцов автоматического оружия.

Дело в том, что мой отец и Аркадий Георгиевич Шипунов знали друг друга еще со студенческой скамьи, оба учились в одном вузе, на одной и той же специальности. Однажды секретарь комитета комсомола предложил Шипунову встретиться с Грязевым, который по

А.Г. Шипунов и В.П. Грязев

делам приехал из Подольска. Василий Петрович находился в другом корпусе и что-то рисовал за кульманом. Взглянул Аркадий Георгиевич моему отцу через плечо и увидел, что тот рисует пистолет. Тут же съязвил, что модель напоминает японскую «Намбу», пользовавшуюся в то время большой популярностью. Василий Петрович подтвердил, что это действительно «Намба». Шипунов сразу же предложил отложить в сторону зарисовки иностранного образца и заняться разработкой хорошей авиационной скорострельной пушки. Предложение, словно зернышко, упало на благодатную почву: отец, не раздумывая, согласился.

Их первой совместной разработкой стала пушка ТКБ-513. Однако в 1959 году в «оборонке» наступил перелом — поступила команда: вместо пушек заняться ракетной техникой. Естественно, Грязев и Шипунов попали в эти жернова истории. Но Василий Петрович оставался верен избранному направлению, и работы по пушкам все равно шли

своим ходом. Конечно же, с того момента пути двух конструкторов несколько разделились, но дружба продолжалась.

Совместная работа возобновилась в 1966 году, когда руководство страны осознало, что артиллерия, в том числе и скорострельные пушки, является необходимым компонентом ВПК. За три года Грязев и Шипунов изготовили 8 образцов пушек, причем сделанных по разным схемам автоматики, для авиации — это для них традиционно была основная задача, — а также для флота и сухопутных войск. Поэтому иногда в шутку Аркадий Георгиевич Шипунов говорил: «Если вы увидите где-то автоматическую пушку или БМП: на самолете, на корабле, — не задавайте глупый вопрос «Чья эта пушка?» Это пушка только тульская, наша, и тут сомнений нет».

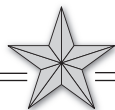
Аркадий Георгиевич всегда утверждал, что мой отец обладал особой твердостью характера, и их «связка» была весьма важна, потому что они «воевали» не в одиночку, а вдвоем, советовались друг с другом. Иными словами, творили и создавали в одной упряжке.

Грязева и Шипунова объединяли совместная работа, общность взглядов на вопросы не только развития нашей оборонной техники, но и на ситуацию в стране. Они были единомышленниками и близкими друзьями.

Талант у Василия Петровича, по мнению всех тех, кто его знал, был мощнейший, многогранный, а широта его профессиональных интересов выходила далеко за рамки узкой специализации. В отличие от многих конструкторов-оружейников, занимавшихся разработкой оружия одного калибра, Василий Петрович Грязев конструировал оружие различных калибров — от 5,45 до 100 мм.

Будучи человеком, которого природа щедро наделила пространственным мышлением и изобретательским даром, Василий Петрович мог сначала мысленно воспроизвести образец оружия, а затем перенести свои конструкторские задумки на бумагу. И то, что сначала зарождалось в мыслях, затем облекалось в форму, которая в дальнейшем соответствовала ожидаемым результатам. У Василия Петровича было очень развито чувство конструкции. Он чувствовал ее всем своим существом! Это редкий дар! И Грязев продолжал оттачивать грани своего мастерства в течение всей своей жизни! Пришла интересная идея, она сразу же должна отразиться на бумаге. Моментальная творческо-конструкторская реакция!

Чертил Василий Петрович великолепно. Компьютерные методы черчения знаменитый оружейник не признавал. Стоя возле кульмана (он никогда не сидел), мог от руки, без линейки провести безукоризненно прямую линию. По словам профессора кафедры «Расчет и проектирование автоматических машин» Тульского государственного университета Василия Федоровича Матасова, так мастерски, как Гря-

зев, не чертил никто. И компьютерная графика значительно проигрывала по сравнению с четкостью, изящностью и красотой его рисунка. Грязев был настоящим учителем, педагогом по призванию, неравнодушным, увлеченным, остро чувствующим свою ответственность перед теми, с кем бескорыстно делился опытом и знаниями. До последних дней своей жизни он преподавал на кафедре «Расчет и проектирование автоматических машин», стремясь донести свои глубокие знания до будущих конструкторов стрелкового оружия. Лекции Василия Петровича были яркими и содержательными, студенты внимали ему словно пророку — настолько мастерски он владел словом, имел дар увлечь и заинтересовать аудиторию.

Думал отец постоянно. Даже в очень преклонном возрасте. Мог проснуться на рассвете, часа в четыре, и начать чертить какие-то деталюхи за кульманом!

Со своей будущей женой Лидией Михайловной, моей мамой, отец познакомился в Тульском механическом институте. Любовь к этой женщине Василий Петрович пронес через всю свою долгую жизнь. Родители даже умерли в один календарный день — первого октября — с разницей в пять лет. Мама ушла из жизни раньше. Родители на собственном примере преподнесли нам с братом очень важный урок преданности и беззаветного служения семье. А семья у нас была трудовая; нам, сыновьям, не надо было говорить *что* делать или поучать нас. И ремеслу нас научил отец: я, например, умею класть кирпичи, «заводить» углы, строгать, пилить, резать на токарном станке, фрезеровать. Но как сам отец это делал! Уникально! Его основная заповедь: если что-то делать, то делать лучше всех, чтобы это было лучшим в мире, эталоном.

Этот семейный уклад был основан только на одном — на большом трудолюбии. И отец всегда говорил, что всего можно достичь, если есть «неиссякаемое, неистребимое» желание что-то сделать. Если оно есть внутри, этакое жжение, то все получится.

Отец был для нас во всем примером. Его отличало беззаветное служение Родине, патриотизм в глубоком понимании этого слова. Именно им были пронизаны все его мысли и действия. Даже когда мы смотрели чемпионаты мира по хоккею, где наша сборная билась с канадцами, вместе с отцом активно «болела» за своих вся наша семья, даже мама, будучи далеким от спорта человеком. А как переживал Василий Петрович за нашу команду на последних летних Олимпийских играх! Он все спрашивал у меня: «Ну, сколько еще у наших медалей?».

Это касалось всего, а самое главное, конечно, создания оборонного щита нашей страны, в котором он принимал непосредственное участие. Это занимало его с раннего утра до ночи, он жил этим. Отец

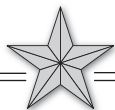
всегда мне говорил, что он счастливый человек потому, что его хобби совпадает с работой.

Есть мнение, что по-настоящему интеллигентные люди — это те, которые не заполняют собой все пространство. Точно сформулировано! Именно таким человеком, по-настоящему интеллигентным, был и мой отец, Василий Петрович Грязев. Чуткий, отзывчивый, добрый, он никогда ни на кого не давил своим авторитетом, всегда готов был помочь, дать совет, приободрить. Не заполнял собой все пространство, а органично вписывался в него благодаря умению слушать, сопереживать, чувствовать и понимать окружающих людей. А каким он был интересным собеседником и прекрасным рассказчиком: его тонкий юмор, начитанность, открытость в общении просто поражали!

...1 октября 2010 года на открытии мемориальной доски В.П. Грязеву на доме, где он прожил 42 года, собралось много друзей, коллег, учеников и почитателей таланта замечательного конструктора. Много было слов, теплых, добрых, идущих из самой глубины души. И первым было слово друга. Аркадий Георгиевич Шипунов провел параллель между разработками Грязева и знаменитой трехлинейкой Сергея Ивановича Мосина, простоявшей на вооружении русской, Красной, а затем Советской армии почти 56 лет. Мосинская винтовка восхищала подростка Васю Грязева в годы Великой Отечественной, пробудив интерес к оружию. Созданные конструктором Василием Петровичем Грязевым образцы военной техники простоят на вооружении еще целых пятьдесят лет. Но и через полвека они будут усовершенствованы и модернизированы его учениками и последователями.

...Мой отец прожил яркую и насыщенную жизнь. Он считал себя счастливым человеком. Почему? Не раз я ловил себя на этом вопросе. Ведь жизнь его не была устлана розами. Война оставила свой неизгладимый след в судьбе Василия Петровича: не только интерес к оружию, но и присущие ему патриотизм и трудолюбие — оттуда. Тогда же он понял, что такое дружба, взаимовыручка, какова ценность семьи, человеческой жизни.

Благодаря своему дару, своим жизненным принципам, своей гражданской позиции он стал родоначальником огромного генеалогического древа талантливых конструкторов-оружейников. И на этом древе с каждым годом появляются новые сильные ветви, потому что каждый год в большую профессиональную жизнь выпускает продолжателей дела конструктора В.П. Грязева Тульский государственный университет, высокое доверие возглавлять который было оказано мне, его сыну.

ИЗ ЗОЛОТЫХ ЗАПАСОВ ПАМЯТИ

*Долгарев Анатолий Васильевич, 65 лет,
кандидат экономических наук, доцент Национального
технического университета «Харьковский
политехнический институт»,
Ответственный секретарь Украинского отделения
Международного общественного фонда
имени полководца Г.К. Жукова,
г. Харьков, Украина*

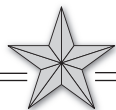
На территории Харьковского политехнического института, который сегодня именуется Национальным техническим университетом, еще в 1968 году к 25-летию освобождения Харькова от немецко-фашистских захватчиков был открыт мемориал студентам, преподавателям и сотрудникам института, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. Этот обелиск был сооружен на деньги, заработанные студентами в стройотрядах на целине, в Сибири и на Крайнем Севере. Руководил строительством этого важнейшего объекта нынешний доктор технических наук Анатолий Иванович Грабченко, который возглавляет в институте кафедру резания металлов. В студенческие годы Анатолий Иванович руководил в институте комитетом комсомола. За свою активную работу он в 1961 году в числе лучших секретарей комитетов комсомола страны был направлен в Москву на встречу с первым летчиком-космонавтом СССР Юрием Алексеевичем Гагариным, портрет которого и сегодня с его автографом висит в рабочем кабинете Анатолия Ивановича.

Мемориал строился руками самих студентов, которые приобрели строительные специальности в стройотрядах. Когда наш отряд вернулся из Венгерской народной республики, комитет комсомола нас сразу же направил на строительство этого памятника. К открытию обелиска были известны имена восьмидесяти погибших политехников. Сегодня на гранитных плитах выбиты фамилии уже около 180 человек. Группа «Поиск», созданная в институте по крупицам собирала и продолжает собирать имена и фамилии погибших студентов и преподавателей. Ежегодно в День победы у памятника погибшим политехникам собираются ветераны войны на митинг, чтобы вместе со студентами и преподавателями почтить память павших героев. Сегодня в институте осталось в живых очень мало участников боевых действий, а в день 25-летия Победы в институте их было более 600 человек. В то время в институте не было ни одной кафедры, на которой не работал бы бывший фронтовик. Политехники воевали на всех фронтах Великой Отечественной, некоторым пришлось участвовать и в разгроме японских милитаристов, а многие трудились на трудовом фронте. Помогая

итальянским партизанам воевать против фашистов, сотрудник нашего института В.И. Литовко стал впоследствии героем Италии. В Нижнем Тагиле получил свой первый танк Виктор Тимофеевич Долбня, живая легенда нашего института, который воевал на нем во время боев на Курской дуге. Начал войну Виктор Тимофеевич возле деревни Ульяновка Орловской области на западном берегу реки Ока. Закончил воевать Виктор Тимофеевич в немецком городе Штутгоф, где узнал о нашей победе над врагами. Там он видел радостные лица не только победителей, но и тех немцев, которым до смерти надоела война. Выпускник нашего института, писатель Сергей Борзенко первым из советских журналистов удостоен звания Героя Советского Союза. Всю войну он провел в качестве специального корреспондента «Правды». Профессор Л.Л. Нестеренко вспоминал: «Много пройдено, много выстрадано: горечь отступления от Харькова к Волге и радость побед на пути к Ростову, Мелитополю, Крыму, Карпатам и за границами Отечества — Польше, Чехословакии, но для меня наиболее тяжелым был период защиты Сталинграда, участником которой я был» [1, с. 108].

Во время митингов у обелиска погибшим политехникам, ветераны всегда вспоминают коммунистический батальон студбатовцев, который формировался на территории нашего института. В начале июля 1941 года в институте возникли формирования рот и батальонов народного ополчения, истребительные батальоны. Осенью 1941 года в главном аудиторном корпусе из добровольцев ХПИ, других вузов и школ Харькова был сформирован коммунистический батальон, о чем сегодня свидетельствует мемориальная доска, установленная на фасаде этого здания. В корпусах ХПИ были созданы первые казармы для добровольцев коммунистического батальона. Часть этого батальона была отправлена в район Белой Церкви для обороны столицы Украины — Киева, а другая направилась на защиту столицы Советского Союза — Москвы.

1-го октября студбатовцы были подняты по тревоге и отправлены на защиту Москвы. Будущих защитников столицы вначале привезли на железнодорожную станцию в город Тула. Из Тулы студентов и преподавателей доставили под Наро-Фоминск. Уже 22 октября 1941 года в боях с фашистами личный состав батальона проявил мужество и воинскую доблесть. После тяжелых двухнедельных боев поредевший батальон влился в 1287-й стрелковый полк 110-й стрелковой дивизии, сформированный на основе 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района Москвы. В дальнейшем харьковские студенты участвовали в боях, обороняя населенные пункты на реке Нара: Горчухино, Атепцово, Ивановка, Савеловка и др. После многочисленных попыток прорвать оборону советских войск на Волоколамском и Ленинградском шоссе гитлеровское командование начало наступление на Наро-Фоминском направлении. Если бы противнику 1 декабря

1941 года удалось занять кирпичный завод близ Атепцово, как пишет Н. Зайцев, бывший комиссар батальона 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района Москвы, то фланг 1-й Московской гвардейской дивизии оголился бы и враг прорвался бы к Киевскому шоссе.

«Когда первого декабря фашистские войска сунулись в последнюю атаку, — вспоминают члены коммунистического батальона харьковских студбатовцев Л.С. Бержанский и С.Е. Ковалев, — чтобы выйти к Москве, харьковские добровольцы вместе с москвичами-ополченцами выдержали сумасшедший натиск врага и победили. На участке 4-й и 5-й рот 1287-го стрелкового полка батальон противника пошел в психическую атаку. Наши бойцы подпустили фашистов на близкое расстояние и, открыв огонь, обратили их в бегство. Однако вскоре враг снова атаковал нас. Группа из 20 бойцов под руководством Сергея Ковалева заняла круговую оборону возле командного пункта батальона. Во время боя к группе присоединился секретарь партбюро полка Я.И. Кузьмин, который принял на себя командование. До последнего патрона сражались наши воины. Смертью храбрых погиб коммунист Я.И. Кузьмин. Только пяти бойцам, в том числе С. Ковалеву, удалось вырваться из окружения, вынести раненых и присоединиться к своим.

Жаркие бои проходили возле села Горчухино и кирпичного завода, на юге от Наро-Фоминска. Тут в обороне были преимущественно харьковчане. Утром 1 декабря враг окружил село. До последней капли крови бились наши воины. Из двух рот, которые захватили Горчухино, лишь нескольким бойцам удалось вырваться из окружения. Захватив Горчухино, фашисты вышли в тыл второй роты, которая обороняла кирпичный завод. Около полудня из всего 1-го батальона осталось только 38 бойцов, в основном харьковчане. Среди них был командир отделения Л.З. Афанасьев и комсорг роты Л.С. Бержанский. Эта группа двое суток защищала кирпичный завод. Силы врага в десять раз превышали наши. Бойцы в рукопашных схватках, ближних боях, контратаках отбили натиск гитлеровцев и не пропустили к Киевскому шоссе — кратчайшему пути на Москву. Большинство защитников кирпичного завода погибли смертью героев. В память об этом бое на обочине шоссе установлен обелиск Славы. Так в тяжелых оборонительных боях вместе с московскими ополченцами стояли насмерть харьковские добровольцы» [2, с. 70].

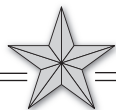
Студенты Харьковского Университета имени В.Н. Каразина рядом со своим зданием в 1999 году также установили удивительный памятник харьковским студбатовцам. Еще в 1981 году по инициативе ХГУ был сформирован студенческий строительный отряд «Коммунар», который возглавили студент радиофизического факультета И.М. Ефанов и студент исторического факультета Г.В. Милюха. На строительство памятника студбатовцам бойцы студенческих строительных отрядов

решили перечислять 70% заработанных в отрядах денег. Работая в Ямало-Ненецком автономном округе, студентам удалось перечислить в фонд строительства 20864 рубля. В следующие два года количество стройотрядовцев увеличилось, и перечисление денег в фонд памятника увеличилось на 59074 рубля. [2, с. 22].

Почин студентов университета поддержали студенты других вузов Харькова. В 1983 году фонд на строительство памятника составлял 110 тысяч рублей. В 1985 году памятник в бронзе был изготовлен на Харьковской скульптурной фабрике и потом долгое время хранился на складе в университете имени Каразина. Изменения, произошедшие в экономической и политической жизни стран бывшего Советского Союза, а также равнодушие новых руководителей привело к тому, что о памятнике ни районные, ни городские власти не вспоминали долгое время. В 1996 году депутат областного совета Г.В. Милюха побывал вместе с нами в составе украинской делегации на торжествах по случаю 100-летия со дня рождения Маршала Победы Г.К. Жукова на его родине в городе Жукове Калужской области. Делегацию Украины по поручению Председателя Верховной Рады Украины А.А. Мороза возглавлял Народный депутат Украины В.Ю. Пехота. В состав делегации, кроме нас с Г.В. Милюхой, входили Герой Советского Союза С.М. Остащенко, депутат Харьковского городского совета, профессор В.А. Петросов, участник двух войн — финской и Великой Отечественной, бывший пограничник М.И. Тихомиров, И.С. Кольцов и другие государственные и общественные деятели. Вернувшись в Харьков, Г.В. Милюха начал активную деятельность по установке памятника студбатовцам. Рассказав губернатору О.А. Демину, какой мемориальный комплекс Г.К. Жукову в трудные 90-е годы соорудили земляки полководца в городе, носящем его имя, он смог убедить Олега Алексеевича приступить к работе по установке памятника студбатовцам в нашем городе. Было решено установить его к 55-й годовщине освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков.

Для установки памятника студенты и преподаватели университета обеспечили новый сбор средств, что позволило собрать в 1999 году 17 276 гривен. Общая сумма пожертвований составила 60 400 гривен, что дало возможность 28 октября 1999 года установить памятник на главной площади города возле главного корпуса Университета.

Каждый день уходят в вечность от нас ветераны Великой Отечественной войны. Нельзя допустить нам, ныне живущим, чтобы их подвиги остались неизвестными для новых поколений. Исследователи и родственники находят в архивах сведения о воинской доблести людей, отстаивших свободу и независимость нашей Родины. Великое дело делают сегодня те люди, кто создает литературно-исторические памятни-

ки героям войны или находят могилы погибших фронтовиков, увековечивают их героические имена.

Меня всегда интересовала история моей малой родины — Белгородщины. В городе Грайвороне родился известный всему миру ученый и изобретатель В.Г. Шухов, именем которого сегодня назван новый государственный университет, построенный и открытый в городе Белгороде. С Грайвороном связана земная жизнь великого святителя Иоасафа, который сто лет назад Русской церковью причислен к лику святых. Именно в Грайвороне оборвалась его земная жизнь.

Однажды я узнал, что один из моих дальних родственников из села Ломное Грайворонского района Федор Долгарев в русско-японскую войну попал в плен к японцам. Тело Долгарева было обмотано знаменем его воинской части, которое он решил спасти, даже попав в плен, рискуя своей жизнью. Когда русских военнопленных прибыла навестить миссия Международного Красного Креста, Долгарев увидел в ее составе женщину, говорившую на чистом русском языке. Как потом оказалась, это была родственница жены русского царя. Федору удалось шепнуть ей, что на нем находится знамя части. Через некоторое время его обменяли на пленного японского солдата, и знамя вернулось в Россию. За этот подвиг он был награжден Георгиевским Крестом. До нашего времени дошли имена еще пяти грайворонцев, награжденных в разные времена Георгиевскими Крестами.

Еще один Долгарев, которого звали Павел Михайлович, родом из Ломного в годы Великой Отечественной войны стал Героем Советского Союза. Павлу не было и 22 лет, когда он вошел в число лучших асов страны. Рекордно результативной стала для него последняя неделя января 1945 года, в течение которой лейтенант Долгарев сбил в небе Венгрии 14 неприятельских самолетов (Ju-88, 2 Ju-52, 6 Me-109, 5 FW-190). К февралю 1945 года командир звена 116-го истребительного авиационного полка (295-я истребительная авиационная дивизия, 17-я Воздушная армия, 3-й Украинский фронт) лейтенант П.М. Долгарев совершил 152 боевых вылета, в 42 воздушных боях сбил лично 21 и в группе с товарищами 7 самолетов противника, 1 самолет уничтожил на земле.

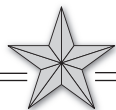
Свой последний боевой вылет на прикрытие штурмовиков Павел Долгарев произвел уже после подписания акта о капитуляции — 9 мая 1945 года, когда 951-й штурмовой авиаполк и 295-я истребительная авиадивизия получили задание воспрепятствовать продвижению не сдавшихся немецких частей на запад. Всего совершил более 200 успешных боевых вылетов. 29 июня 1945 года за мужество и воинскую доблесть, проявленных в боях, ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Умер Павел Михайлович в Монино Московской области в звании генерал-майора авиации. [3, с. 155]

Наш отец Василий Павлович Долгарев отбыл на Сталинградский фронт добровольцем после окончания Ташкентского пехотного училища имени В.И. Ленина. Добровольцем отправился потому, что часть, в которую его распределили после окончания училища, направили на советско-иранскую границу, на которой никогда не было боевых действий. Отец не любил рассказывать о своем участии в войне, так как все победы и успехи на войне были связаны с пролитой им кровью и смертями близких ему солдат и офицеров, о чем очень больно говорить вслух. Обратившись в архив Министерства обороны России, мне удалось кое-что узнать из отцовской фронтовой жизни, а также за что его награждали боевыми орденами.

Первым орденом В.П. Долгарев был награжден в 1943 году. В наградном листе об этом командир 905 стрелкового полка майор Филатов 20 августа 1943 года писал, что за 18 и 19 августа 1943 года старший лейтенант В.П. Долгарев в бою за населенный пункт Петрополье проявил себя мужественным, умелым и отважным командиром. В течение двухдневного боя он бесперебойно обеспечивал связь и руководство боем всех подразделений. Лично организовал разведку сильно укрепленных позиций противника. Приведя батальон в порядок, с двумя ротами атаковал эти позиции, очистил траншеи и огневые пулеметные точки от пулеметчиков и автоматчиков противника, чем дал возможность продвинуться и другим подразделениям вперед по овладению населенным пунктом Петрополье, при этом уничтожив до 40 немецких солдат.

Командир полка представил В.П. Долгарева к правительственной награде — ордену Отечественной войны 2-й степени. 23 августа командир дивизии полковник Галай поддержал представление майора Филатова, однако командир 37-го стрелкового корпуса генерал-майор С. Горохов посчитал, что, пожалуй, для первого раза В.П. Долгареву достаточно ордена Красной Звезды. Приказом командующего 28-й армией генерал-лейтенанта Герасименко отец был награжден этим орденом. На одном из лучей ордена была сбита красная эмаль, в которую был окрашен орден. Отец рассказывал, что благодаря этому вражеская пуля не попала ему в сердце и он чудом остался жив.

Читая трехтомник «Украинская ССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», подаренный мне одним из авторов, генерал-майором С.З. Голиковым, я обнаружил такую фразу: «За умелое руководство боевыми действиями при штурме Запорожья отличившиеся командиры были награждены орденом Богдана Хмельницкого, учрежденного в октябре 1943 года. В числе награжденных этим орденом были русские — старший лейтенант В.П. Долгарев, капитан Н.Н. Зорин, гвардии капитан Н.А. Новиков, младший лейтенант Н.И. Чурашников, грузин — младший лейтенант П.Н. Сулаквелидзе и украинец — гвардии старший лейтенант А.А. Уманец» [3, с. 304].

Эта запись заставила меня обратиться в архив Министерства обороны России, так как узнать у отца о войне всегда было трудно. Когда моя дочь Лена однажды спросила своего деда, за что его наградили этим орденом, он очень кратко ей ответил: «За работу». На самом деле тот же самый командир 905 стрелкового полка Филатов 31 октября 1943 года написал в своем представлении, что тов. Долгарев в бою 24 октября 1943 года в районе Машино — Опытной станции Акимовского района Запорожской области решительно повел подразделения батальона в наступление против бешено защищавшихся и численно превосходящих сил противника. Умело расставив боевые порядки, тов. Долгарев стремительно атаковал противника и, обратив его в бегство, занял Машино — Опытную станцию, захватив при этом шесть шестиствольных минометов, две гаубицы, много боеприпасов, вещевой склад и другие трофеи. Отступив, противник собрал силы и при поддержке 4-х танков перешел в контратаку, которая была отбита. За эту битву В.П. Долгарев и был представлен к новому ордену — ордену Богдана Хмельницкого.

Орденом Отечественной войны В.П. Долгарев был награжден уже при освобождении Венгрии. Командир 745-го стрелкового Станиславского полка подполковник Ганджа написал в наградном листе, что при прорыве обороны противника северо-восточнее Будапешта 5 декабря 1944 года и в последующих боевых действиях В.П. Долгарев проявил себя храбрым мужественным и самоотверженным командиром. В боях за населенный пункт Нижний Картал, несмотря на наличие у противника превосходящих сил, до предела насыщенных техникой, заранее подготовленной им обороны, товарищ Долгарев сумел правильной организацией огня своих, приданных и поддерживающих средств подавить огневые точки противника и смелым обходным маневром с выходом на правый фланг противника нанести ему неожиданный, сокрушительный удар и обеспечить успешное взаимодействие и выполнение боевой задачи по овладению Нижним Карталом. В ходе боя его батальоном были подбиты: три бронетранспортера, одна автомашина и два мотоцикла противника, уничтожено 4 станковых пулемета и противотанковая пушка, истреблено до 80 вражеских солдат. В последующих за прорывом немецкой обороны боевых операциях тов. Долгарев, правильно организовав взаимодействие подразделений батальона и, несмотря на ожесточенное сопротивление противника, сумел с минимальными потерями овладеть 266-й и 256-й высотами, а также населенным пунктом Мадьярол. «Тов. Долгарев достоин награждения орденом Красного Знамени».

Командир 141-й стрелковой дивизии генерал-майор Моложаев 29 декабря 1944 года поддержал это представление, а 24 января 1945 года Приказом командующего войсками 7-й гвардейской армии за эту операцию он был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

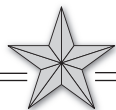
Затем отец был тяжело ранен и лечился под Мишкольцем в госпитале, расположенном в местечке Тапольца, в котором мне довелось побывать в 1967 году в составе студенческого строительного отряда на строительстве Мишкольского домостроительного комбината.

Девять грайворонцев в годы войны стали Героями Советского Союза, 2853 человека награждены орденами и медалями Советского Союза [5, с. 7]. Но не меньше героизма проявили те, кто отдал свои жизни и не вернулся домой с полей сражений, а их было более шести тысяч человек. Когда мне приходится бывать в школах Грайворонского района, я обязательно рассказываю школьникам о героизме наших земляков. С помощью главы администрации района удалось организовать поездку для группы молодых людей на родину Маршала Победы Г.К. Жукова.

Особенно важно воспитывать патриотизм наших пограничников, которые служат сегодня на Грайворонской границе с Украиной. Очень хотелось бы, чтобы пограничники обоих государств, общаясь с людьми, пересекающими границу, своей культурой, вежливостью и добротой способствовали укреплению дружбы между народами. Нашим пограничникам должно быть известно, что в пограничном селе Козинка похоронен бывший начальник штаба западного пограничного округа генерал-майор пограничных войск Иван Иванович Сагайдак.

В каждом селе есть свои выпускники школ, на примере которых будут воспитываться новые поколения грайворонцев. В Головчино родился Анатолий Петрович Вerveйко, который в течение тридцати лет был и секретарем парткома, и проректором Харьковского сельскохозяйственного института имени В.В. Докучаева. Нет ни одного села в районе, в котором бы ни работали сегодня выпускники профессора А.П. Вerveйко. Выпускник этой же школы Георгий Иванович Дубрава был не только первым секретарем Харьковского обкома комсомола в 50-е годы прошлого столетия, но и работал затем заместителем начальника главного разведывательного управления КГБ СССР. Владимир Андреевич Хворост окончил Дорогощанскую среднюю школу, затем наш политехнический институт, был проректором по науке в Сумском политехническом институте, а доктор технических наук, профессор Л.Ф. Головки, выпускник Козинской средней школы и сегодня работает в НТУ «Киевский политехнический институт». Можно сказать, что семена, посеянные в грайворонскую землю академиком В.Г. Шуховым, и сегодня продолжают давать хорошие всходы.

В нашем районе есть воинская часть, воины которой также должны знать о героической и трудовой доблести наших земляков. Овеянная славой грайворонская земля рано или поздно попадет в список городов воинской славы за свое героическое прошлое. Скольких генералов боевых и трудовых фронтов дала миру моя малая родина! Четыре раза во время Великой Отечественной войны (октябрь 1941 г., февраль 1943 г., март 1943 г. и август 1943 г.) прокатывался огненный вал

схваток через Грайворон, который был окончательно освобожден 7 августа 1943 года танкистами 5-го Кантемировского корпуса вместе с другими частями Красной армии. В честь освободителей при въезде в город установлен памятник — Т-34, а центре города создан Мемориал памяти погибшим воинам.

Сегодня в районе бурными темпами увеличивается выпуск сельскохозяйственной продукции и такими же бурными темпами развивается новая отрасль — туристическая индустрия. Со всех областей и городов России едут делегации познакомиться не только с организацией сельскохозяйственного производства в новых условиях, но и с культурными достопримечательностями района и области. Губернатор Белгородской области Е.С. Савченко создает все условия для эффективного развития экономики в регионе. Не отстают от развития экономики и культура, и туризм. В идеальный порядок в районе приведены все сельские Дома культуры, где ведется очень интересная культурно-массовая работа, в которой отводится большое место патриотическому воспитанию. Неслучайно, именно в этом районе проходило заседание выездной коллегии Министерства культуры Российской Федерации, здесь проводятся и Всероссийские семинары по распространению передового опыта управлением сельскохозяйственным производством.

Будучи на XIII Всемирном Русском Народном Соборе в Храме Христа Спасителя в 2010 году я случайно встретился с удивительной женщиной, которая рассказывала о педагогическом эксперименте, который она проводила в почтаевской средней школе Грайворонского района, куда когда-то мой отец, бывший директор козинской средней школы, был послан райкомом партии в числе 25-тысячников «вытаскивать» из отстающих колхоз «Красный Октябрь». Оказывается, Академик Российской Академии педагогических наук Галина Федоровна Суворова избрала объектом изучения школу именно в Грайворонском районе, что еще раз говорит о том, что грайворонцы сегодня в непростых условиях выбрали правильное направление не только хозяйственного, но и культурного строительства. Деятельность Всемирного Русского Народного Собора сегодня помогает правильно сориентироваться политикам, ученым, писателям, журналистам, представителям различных религиозных конфессий, принимающих участие в его работе.

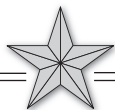
По инициативе заместителя главы Всемирного Русского Народного Собора В.Н. Ганичева на Украине создаются отделения Союза писателей России. Харьковским отделением руководит секретарь союза писателей России, член-корреспондент Национальной Академии педагогических наук Украины А.Г. Романовский, который проводит множество полезных мероприятий на Украине и издает журнал «Славянин».

Советская армия освободила Европу от фашизма. Некоторые бывшие наши союзники, помогавшие в освобождении стран Европы, се-

годня иногда пытаются приписать себе всю победу над фашистской Германией. Не отстают от них и наши украинские ультранационалисты, которые пытаются вычеркнуть из сознания людей само понятие «Великая Отечественная война», пытаясь убрать это понятие из школьных учебников и всей украинской истории. Но всему миру известно, что Украину в 1941 и в 1944 годах не оккупировали советские солдаты всех национальностей Советского Союза, а проливая кровь, спасали ее от фашистской оккупации. Я не могу считать своего отца оккупантом, который, рискуя своей жизнью, шел в атаку. Не за орденами, а честно выполнял свой долг перед Родиной. Когда в 1986 году случилась авария на Чернобыльской АЭС, я, по примеру своего отца, отправился на ликвидацию ее последствий. Я не думал о наградах, а думал о том, чтобы не было стыдно смотреть своему отцу в глаза.

Я никогда не испытывал трудностей из-за своей национальности, хотя я всегда любил и буду любить свою Родину — Россию, где я родился, где похоронены моя жена, родители, деды и прадеды. Всей своей жизнью я стараюсь делать все, чтобы никогда не померкла дружба между народами бывшего Советского Союза. Когда меня в 1996 году избрали ответственным секретарем Украинского отделения Международного общественного фонда имени полководца Г.К. Жукова, я еще больше проникся именно чувством личной ответственности за то, чтобы наша молодежь знала настоящую правду о войне, которая и была испытанием нашей дружбы на настоящую прочность.

Ежегодно бывая на родине великого полководца, я не перестаю восхищаться патриотизмом и самоотверженностью его земляков, которые создали лучший в мире мемориальный комплекс Г.К. Жукову. Под руководством В.П. Чурина, главного инициатора создания мемориала в городе Жукове, Президента Международного фонда имени Г.К. Жукова, они проводят огромную работу по увековечиванию памяти своего выдающегося земляка. Меняются руководители Жуковского района (сегодня во главе его выходец с Украины Анатолий Владимирович Суряко, а городом уже около 15 лет руководит Сергей Анатольевич Солодухин), но все они свято чтут своего маршала Победы и всех, кто защищал свою Родину в грозные годы войны. Свою работу они проводят и на Украине, и в Белоруссии. Город Жуков заключил Договор о творческом сотрудничестве с городом Изюмом Харьковской области, в котором Г.К. Жуков учился на унтер-офицера еще в 1916 году. В июле 2011 года был заключен Договор о сотрудничестве между администрациями городов Жукова Калужской области и Грайворон Белгородской области. В этом же году в городе Жукове мы с Дмитрием Андреевичем Сенько, председателем Белорусского отделения фонда Г.К. Жукова, и председателем Грайворонского районного совета ветеранов Евсюковым Иваном Кузьмичем присутствовали на историческом событии на

родине великого полководца — представители городов-героев и городов воинской славы подписали Соглашение о вступлении в Международный союз городов-героев, который возглавляет летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза Виктор Васильевич Горбатко, трижды побывавший в Космосе.

Сегодня в России есть три ратных поля: Куликовское, Бородинское и Прохоровское. В летопись России вписано много славных имен полководцев. Но я не ошибусь, если скажу, что после Александра Невского самое видное место в их среде занимают фамилии Суворова, Кутузова и Жукова. Как и Александр Невский они должны и будут, по моему глубокому убеждению, когда-то канонизированы и причислены к лику святых православной церковью, которая всегда стояла и стоит на стороне правды, а там, где правда, там и Бог.

Литература

1. Харьковский политехнический институт. 1885–1985. История развития. Харьков: Высшая школа, 1985.
2. *Зайцев Б.П., Мигаль Б.М., Посохов С.И.* Студбат. Харьковские студбатовцы. Харьков.: Автоэнергия, 2005.
3. Украинская ССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 2. Киев, 1975.
4. Советские асы 1941–1945. Победы сталинских соколов / Авт.-сост. М.Ю. Быков. М.: Эксмо, 2008.
5. Доблесть и слава грайворонцев. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается. 1945–2005 гг. Белгород, 2005.

СОТВОРЕНИЕ ЗНАКА ПОБЕДЫ В БИТВЕ НАРОДОВ

*Глаголев Василий Николаевич, 76 лет,
писатель,
г. Москва*

Вторая мировая война явилась той Битвой народов, Армагеддоном, о котором говорит слово Священного Писания. Здесь кровавым образом разрешались многие противостояния сил добра и зла. Явившаяся Битва народов не могла быть проиграна силами добра, и этим изначально была обусловлена победа Советского Союза, победа России, победа православия.

В этой пережитой человечеством страшной войне нам являются особые духовные точки, где решалась судьба человечества. Такой точкой явилась Московская битва. В ее пространстве в свою очередь имеется своя, как бы сконцентрированная точка, где особым образом обозначился и был рожден тот самый дух Победы, который привел к водружению знамени победителей над рейхстагом. Это точка сражения за Можайскую землю — так условно можно назвать то место, к которому прилегают и другие районы: Верейский и Медынский.

Здесь в стодневной эпопее, когда армия отступила вглубь нашей территории, именно здесь, прежде всего, должен был сохраниться и восстать к победе над врагом дух православия. И потому вся тяжесть борьбы с врагом тут легла не на армию, а на саму эту землю, на ее дух, на население, на народ земли этой.

Не случайно война получила имя — войны Отечественной, Народной, Священной. Следовательно, в этом месте должен был явлен знак, в котором был бы сосредоточен дух этих трех слов, имен войны.

И мы видим именно это. Эти высокие и священные слова обнаружили в поступках людей, в событиях, которые явились неординарными во многих случаях до такой степени, что их можно определить словом «чудо». Тут мазками войны рисовался образ нашей Победы, прежде всего ее духовное наполнение.

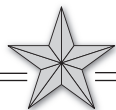
Первым таким знаком, по моему мнению, явился «народный» партизанский отряд майора Валентина Николаевича Гаева, который действовал на стыке трех районов: Можайского, Верейского и Медынского, и имел выдающиеся боевые результаты в Битве за Москву. Вторым знаком явился подпольный госпиталь в селе Передел Медынского района (тогда Смоленской области). Здесь совершенно необъяснимым образом две молодые фельдшерицы, Анастасия Нестеровна Мельникова и Нина Александровна Якимович, под носом у немцев невероятным образом спасли жизнь и поставили в строй сорок тяжелораненых наших бойцов и командиров.

Можно привести совокупность необъяснимых событий и фактов, имеющих в эпопее борьбы отряда Гаева и Передельского подпольного госпиталя в главной битве Великой Отечественной войны — Битве за Москву, где образовалось третье поле после поля Куликова и Бородина. Именно здесь дали силу победе те же земли России: Московская, Смоленская, Тульская.

Тульская земля неким образом духовно окормила создание знака Победы. Потому, кстати, и сама Тула, как и Москва, не могла быть сдана врагу никогда.

Партизанский отряд В.Н. Гаева

Исток-завязь отряда была в Вязьме. Партизанский отряд из 33-х «богатырей» состоял из представителей четырех окруженных под Вязь-

мой армий. Фамилия командира отряда — «Лесная», партизанская — Гаев. Как бы для былин. Названия «партизанских» деревень — Иваньково и Марьино.

Третий отряда были офицеры. Элита армии. Третий — с институтским образованием. Элита народа.

Представители 6 национальностей. Десять процентов — евреи. Командир — белорус (по исследованиям армейских психологов, у белых русов самый высокий воинский дух).

Действия отряда происходили в уникальном месте России. Тут писмена Бога. В храмах Можайска и Медыни — редкостные иконы-скульптуры, образ Николы Можайского. Верея — вера. Потому здесь — подвиг Зои Космодемьянской, в месте, где в квадрате 7 на 7 километров сосредоточены 12 деревень с исключительно «церковными» названиями (Петрищево, Никольское, Михайловское, Златоустово и т.д.). Этот феномен просматривается поначалу лишь в математической модели событий. До базы Гаева от Петрищева 15 километров.

В маленьком «случайном» отряде были врач Ирина Морозова и высокопрофессиональный, опытный, дипломированный военный прокурор (Священная война есть суд). Партизанка Мария Степановна Глотова под пыткой совершила «подвиг молчания» — не выдала отряд. Она поставила на смертельную карту свою жизнь и жизнь троих малолетних своих детей. Остались все живы. Дом, в котором их заперли и подожгли, загорелся, но не сгорел. Был день Рождества Христова — 7 января 1942-го года.

В отряде сражались два человека, за месяц перед этим «оцененные» советской властью как опаснейшие для СССР «враги народа», которые «по закону» подлежали немедленному уничтожению, не арестованные лишь по случайным обстоятельствам.

В отряде по странному стечению обстоятельств оказался работник НКВД, арестовавший мужа одной из партизанок, причисленной к «врагам народа» (семью он арестовать не успел — немцы помешали). НКВД-эшник был тяжело ранен именно в день Рождества Христова, когда отбивал от немцев дом друга того самого, арестованного им, «врага народа».

Здесь предвараен подвиг Алексея Маресьева: юная девушка с перебитыми ногами Лия Кутакова в 40-градусный мороз ползла по незнакомому лесу 6 километров до партизанской базы целые сутки. Подруга Зои Космодемьянской.

В 15-минутном скоротечном бою партизаны малой численностью уничтожили 250 врагов. Число раненых врагов в два раза больше. (Это ли не чудо!)

Партизаны отбили у врага единственную на этом участке фронта пушку особо крупного калибра (типа «большая Берта»). Ее привезли разрушать Москву. Больше не разрушала.

Отряд в начавшейся Священной войне окормлял 75-летний священник-партизан, «враг народа» — репрессированный и случайно оставшийся в живых (сегодня в случае своей гибели числился бы в новомучениках). Дом священника в Иваньково как дом «врага народа» был снят с подозрения гестапо, потому в нем была основная партизанская явка. Имя священника — отец Михаил.

К чуду можно отнести, что в 1986-м году оставался в живых командир отряда В.Н. Гаев. Несмотря на 80-летний возраст, он имел феноменальную память. Чудо и то, что он вообще был нами найден: искали его в Белоруссии, а он жил в Москве.

Чудом были найдены поисковиками командир истребительной группы отряда Галкин, живший в Волгограде (он рассказал, как партизаны били обозы на дорогах), в Оренбурге — Измайлов, генерал КГБ (он помог опровергнуть неправду, что отряд был подсадной немецкой уткой), а также комиссар Булычев из Находки (совершенно случайно встретились в Москве, на улице, во время его приезда и разговорились).

Деревенька Иваньково, где была главная явка в доме священника, непонятным образом не была сожжена, хотя все вокруг при отступлении немцы сожгли. В доме священника вся мебель была употреблена в «буржуйку» для обогрева. Остались одни голые стены. Но на стене после бегства немцев висели нетронутыми почти метровые деревянные настенные старинные немецкие часы. Они ходили, показывали время!

И еще вот что удивительно. Сначала поисковикам была известна только одна фамилия — Гаев. Звание неизвестно, имя тоже. Пять лет ушло на то, чтобы расшифровать, кто такой Гаев: его имя и отчество, где служил до войны, какую должность занимал в вяземском сражении. Пять лет!

Прошло еще три года. Нам удалось найти фамилии и имена остальных 32-х военных партизан. Их воинские звания и части, в которых они служили в начале войны. Нам удалось найти все личные подписи этих людей, поставленные под документом на партизанской базе у деревни Иваньково.

Кто оставляет имя свое на смертельной конспиративной работе? Даже Зоя не назвала имени своего.

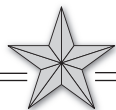
Оставляют! Когда докуривают последнюю папиросу. Когда себе, Родине и Богу дают клятву: победить или умереть. Под Москвой не отступить ни шагу.

Вот дух!

Именно таких людей не смог преодолеть враг под Москвой.

Бог наделил эти личные подписи и имена мифической неодолимой силой.

До поры до времени было полное забвение (и даже наличие активного препятствия самих властей), справедливость требовала отвести хотя бы самое малое место в истории этому отряду. Его партизаны даже удостове-

рения участника войны не имели, не то что наград (хотя на головинско-сосновско-дунинской дороге многие участники боя, прибывшие в отряд Гаева на подмогу, за ту же схватку с врагом получили ордена).

Переделский подпольный госпиталь

Название села — Передел — знаковое. Оно о ПЕРЕДЕЛЕ ЭПОХ, ЖИЗНИ. В селе имеется церковь Ильи. Подвиг его является знаком, как и Преображение.

Больницей в селе Передел до дня начала войны руководил врач, окончивший в 1912-м году духовную семинарию и затем решивший получить медицинское высшее образование по причине разгрома церкви советской властью. Врач-священник ушел добровольцем в 1914-м году на фронт, был ранен, получил солдатский Георгиевский крест. Персонал больницы был им воспитан в любви, привиты высшие ценности милосердия и служения долгу.

Практическое начало подвига связано также с Вязьмой. Там получены тяжелые раны. Это последний эшелон из Вязьмы.

Судьбу раненых в Переделе стала решать тоже вязьмичка.

Число раненых было 40. Когда село было освобождено, не поправившихся до конца оставалось 13.

Рядом с госпиталем, в 50 метрах от больницы, находилась церковь Ильи. Немецкие войска почти ежедневно проходили рядом по дороге, на расстоянии вытянутого штыка. Кроме того в селе стояла постоянно комендатура. Но ни разу никто из немцев в больницу не зашел.

Двум медработникам в последние две недели перед освобождением села пришлось одновременно лечить наших бойцов и солдат немецкой армии, расположившихся рядом в доме священника. Стирали немецкие бинты и ими перевязывали раны наших бойцов, воровали у немцев лекарства для своих. Кровь, раны врагов как бы соединились в милосердии.

Обе медсестры были выведены на расстрел по подозрению в связи с партизанами (уликой послужили лыжные следы в лесу). Расстрел происходил на крыльце церкви Ильи, но ни одна автоматная пуля, выпущенная с пяти шагов, не попала в упавших от шока жертв.

Сразу после освобождения села Красной армией обе были награждены орденами Красной Звезды (одними из первых в битве под Москвой и вообще в этой войне). Награждение подписал лично Жуков, которому доложили о подвиге. Но через неделю органы НКВД объявили подпольный госпиталь «немецкой разведшколой» и приговорили руководителейниц госпиталя к 15 годам лагерей.

Одному из членов руководящего состава удалось чудом избежать ареста, так как она «скрылась», вступив в Красную армию. Оставила свой автограф в мае 1945-го года на Берлинской стене.

Героини получили свои награды через 45 лет благодаря усилиям поисковиков.

Об их подвиге узнал Международный Красный Крест. Одна из участниц, юная тогда вязьмичка Нина Александровна Якимович, в 1989-м году в Швейцарии была награждена редчайшей медалью Международного Красного Креста — Флоренс Найтингейл. Всего 46-й, начиная с 1912-го года по России и СССР.

Вторая медсестра до сих пор не считается участником войны, как и еще несколько непосредственных организаторов сопротивления.

Удивительно, что Нина Якимович в возрасте 12 лет в 1932 году видела вещий сон о том, что предстоит страшная война с громадным числом жертв. Войну будет вести змей. Он попытается убить и Нину, но Нина разорвет его руками пополам. Госпиталь окормлял тот же отец Михаил, который еще до войны был (тайно) духовником Н.А. Якимович.

Госпиталь Передела и партизанский отряд Гаева были единой организацией.

О тульском священнике отце Михаиле

*Николай (слева)
и Константин Глаголевы*

Священника отца Михаила делегировала Тульская земля (где поле Куликово). Оно как бы передало Московскому полю Победы статус знака.

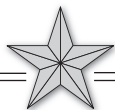
Отец Михаил (Михаил Васильевич Глаголев) родился около 1866 года. Из рода потомственных священников со времен Ивана Грозного. До революции и в первые годы советской власти был настоятелем церкви в селе Хмелевое Ефремовского района Тульской области.

Могила его неизвестна, где-то на кладбище под селом Шимоново Можайского района.

В 1906-м году умерла матушка. Один воспитывал двух сыновей: Николая и Константина, которые по примеру отца окончили духовную семинарию.

В 1914-м году отец благословил решение сыновей идти добровольцами на фронт.

Николай стал впоследствии главврачом в селе Передел Медынского района Смоленской области. Арестован НКВД 27 июня 1941-го года.

Расстрелян 17 января 1942-го года (в тот же день, когда был заморожен немцами его отец). В центре — полковой священник (но это не отец Михаил; его фотографии не нашли). Два бравых молодых человека перед уходом на фронт фотографируются на память со священником.

В 1925-м году отец Михаил породнился со священником отцом Иоанном (Никольским) (сын Николай женился на его дочери).

Отец Иоанн погиб в 1938-м году. Новомученик. Дело — «заговор группы священников». Реабилитирован.

В 1929-м году в селе Хмелевом на приход ночью напали деревенские «пролетарии» с целью убийства. Священнику удалось выскочить через окно и убежать. Убита была прислуга.

Отец Михаил убежал в Ефремов и спрятался у сына Николая, к тому времени врача Ефремовской больницы. Прятался месяц.

В итоге пришлось всем уехать из Ефремова. Перебрались в Можайский район, в село Тропарево.

Однако и здесь не обошлось без доносов. В 1937 г. снова бегство, на сей раз в Смоленскую область, в Медынский район, в село Передел. Через 4 года, с началом войны, Николая все-таки арестовали — как бывшего царского офицера и сына священника. Семье, состоявшей из 30-летней жены Николая, 75-летнего старика и двух малолетних детей 7 и 5 лет, удалось бежать под покровом темноты. Для отца Михаила это было второе бегство ночью от смерти...

А дальше — жизнь под одной крышей с немцами, так как дом в деревне был самым большим в центре. О. Михаил хорошо знал немецкий язык, слушал, о чем говорили постояльцы, преимущественно офицеры, и передавал услышанное Гаеву.

Однажды при обыске, вызванном исчезновением офицера и четырех солдат (вместе с двумя нагруженными имуществом подводами), остановившихся в доме священника, гестапо обнаружило в тайнике протокол обыска и другие документы. Вскоре явился представитель немецкой разведки, отлично говоривший по-русски, вернул документы с извинением и заверил отца Михаила, что немцы всячески приветствуют врагов советской власти, помогающих им в борьбе за освобождение. Дом остался вне подозрений.

*Отец Иоанн (Никольский).
1912 г.*

Отца Михаила не разоблачили. Но все равно его ждала гибель. При отступлении немцы сказали, что они не отступают из-под Москвы, а идут на отдых. О. Михаил посоветовал им хорошо отдохнуть. Сказал по-немецки, с иронией. «Взвинченный» отступлением офицер почувствовал в интонации издевку. Приказал старика разуть, раздеть и вывести на мороз, на лед, чтобы поить лошадей из колодца.

Через несколько дней деревня была освобождена. Отец Михаил умер от воспаления легких через три дня после освобождения.

Семья «врага народа» опасалась раскрывать себя и начала скрываться уже от своих. Она носила уже другую фамилию, зафиксированную в выданной партизанской справке (это был документ для власти). С этой фамилией жили еще несколько лет. Отца Михаила похоронили как неизвестного солдата, как символ войны народной и Православной.

Итак, мы видим в истории цивилизации три поля битвы, на которых в эпохе войн решалась судьба цивилизации. Это Поле Куликово («куль» — собрано), где родилась русская нация и русская государственность. Это Поле Бородинское (от «Бо» и «род», то есть рождение Бога), где родился первый прообраз объединенного человечества — Священный Союз народов. Это — Московское поле Победы, где принципиально завершилась эпоха войн и родилась эпоха мира (милосердия). Первое поле передало эстафету полю третьему.

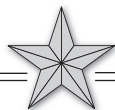
МОЯ МАЛАЯ РОДИНА

*Ашихмин Виктор Павлович, 52 года,
глава города Ливны Орловской области*

*Родина — есть священная
тайна каждого человека,
так же, как и его рождение...*

С.Н. Булгаков

Говорят, уважение человека к самому себе определяется уважением к земле, на которой родился и на которой живешь. Мы бережно храним свое историческое и культурное прошлое, поддерживаем любые начинания по возрождению и сохранению нашего духовно-нравственного наследия. Ливны — это колыбель многих выдающихся имен, прославивших Россию: русского религиозного философа С.Н. Булгакова и видного авиаконструктора Н.Н. Поликарпова, известной театральной

семьи Садовских и древнего рода Данилевских, талантливых ученых, братьев С.М. и О.М. Белоцерковских и выдающегося физика, ректора МГУ имени М.В. Ломоносова (с 1973 по 1977 гг.) Р.В. Хохлова, астронома-любителя XIX в. и садовода-селекционера Е.В. Быханова, известного во всем мире детского хирурга Л.М. Рошаля и конструктора автоматического стрелкового вооружения А.Г. Шипунова.

Здесь и сегодня живут и трудятся талантливые люди: умные и щедрые, добрые и трудолюбивые, предприимчивые и смекалистые. Они — тот фундамент, на котором держится и политическая, и экономическая, и культурная жизнь города. И пусть все мы очень провинциальны, но ведь именно провинция — показатель уровня развития общества, его нравственного здоровья. Именно провинциальная жизнь является прочной основой российской государственности. И я не без гордости могу сказать, что мы не растеряли взаимного уважения. Здесь, в провинции, мы сумели сохранить добрые отношения между предприятиями и организациями, добрые отношения друг с другом, со всеми жителями нашего города. Это не просто слова. Они ежедневно подтверждаются самой жизнью.

Мы очень любим свой город. Здесь мы выросли, здесь родились наши дети, здесь живут близкие нам люди, друзья. Вместе с ними мы радуемся успехам, переживаем неудачи. Это и есть жизнь. Наверное, где-то она лучше, ярче, богаче. Но Родину, как и мать, не выбирают. Для любящей души нет на земле места более привлекательного и близкого сердцу, чем наши Ливны.

И, конечно, мы помним всех тех, кто отстоял нашу малую родину в «сороковые-роковые». Мы помним имена своих героев: генералов Ф.Я. Костенко, А.М. Городнянского, Н.П. Пухова, В.Д. Крюченкина, Ф.Г. Аникушкина, Б.Д. Лева, Ф.М. Черокманова, полковника Д.К. Шишкова и др. Мемориальный комплекс на Площади Победы в г. Ливны украшают 20 бюстов Героев Советского Союза и Кавалеров Ордена Славы. Вместе с тем современные справочные издания называют 41 фамилию ливенцев — Героев Советского Союза и 12 Кавалеров Ордена Славы. Также на протяжении многих лет в Ливнах жил и похоронен Герой Советского Союза А.А. Лещев.

Время бессильно перед памятью о великом человеческом подвиге, мужестве и стойкости русских людей, поднявшихся на защиту своей Родины от фашистских захватчиков. Мы помним нашу военную историю.

1941 год

22 июня. Начало Великой Отечественной войны. На предприятиях, в колхозах и совхозах состоялись митинги протеста против вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз.

Многочисленные сходы прошли на предприятиях и в колхозах Ливенского и Никольского районов. В первую неделю войны на призывной пункт в Ливнах пришли сотни людей.

23 июня. Согласно постановлению Верховного Совета Орловского военного округа (командующий генерал-лейтенант А.А. Тюрин) в области проведены мобилизационные мероприятия. В Ливенском районе был создан партизанский отряд.

23 ноября. В Ливнах прогремели первые взрывы. Это советские мины уничтожали все, что не успели эвакуировать в связи с приближающимся фронтом. Взорваны городская электростанция, водоканал, недостроенный завод по производству каучука и др.

25 ноября. Гитлеровцы ворвались в Ливны со стороны улицы Стрелецкой.

26 ноября. После ожесточенного боя, продолжавшегося целый день в Орловской слободе, Ливны покинули последние его защитники — бойцы 333-го стрелкового полка и истребительного добровольческого батальона.

27 ноября. Под Ливнами повторил подвиг Николая Гастелло лейтенант В.И. Челпанов — заместитель командира эскадрильи 24-го ближнебомбардировочного полка. Свой горящий самолет «Пе-2» он направил на вражескую колонну. Вместе с командиром экипажа погибли штурман лейтенант П.И. Ковальков и стрелок-радист старший сержант Н.Г. Кувшинов. Посмертно В.И. Челпанову было присвоено звание Героя Советского Союза, а члены его экипажа награждены орденами Красного Знамени.

13 декабря. 34-я мотострелковая бригада из группы генерала Ф.Я. Костенко с боями подошла к Ливнам. В ночь на 13 декабря она прошла через г. Ливны в направлении д. Здоровец.

16 декабря. Начавшаяся 6 декабря Ливенско-Елецкая наступательная операция закончилась окружением и уничтожением 34-го армейского корпуса фашистов, который в гитлеровской Германии считался непобедимым. Он первым входил в города Париж, Варшава, Киев.

25 декабря. С 19 по 25 декабря войска 13-й армии генерал-майора А.М. Городнянского предприняли восемь героических атак по освобождению Ливен. К вечеру 25 декабря город был полностью очищен от фашистов.

1942 год

28 июня. Начались бои на территории Ливенского, Никольского и Должанского районов. Противнику удалось прорвать оборону 15-й стрелковой дивизии генерал-майора А.Н. Слышкина и продвинуться на 10–12 километров южнее Ливен. В этот день город был полностью

сметен с лица земли летчиками генерала Рихтгофена. Он повторил судьбу города Герника в Испании.

29 июня. Особое упорство при защите города проявили воины 148-й и 307-й стрелковых дивизий полковника А.А. Мищенко и генерал-майора Г.С. Лазько, а также 129-й отдельной танковой бригады полковника Ф.Г. Аникушкина. Продвижение противника на Ливны было остановлено танкистами генералов М. Катукова и М. Повелкина.

Войска 13-й армии удерживали занимаемые позиции на рубеже Коротыш–Жерновка–Екатериновка. Войска Брянского фронта перешли к обороне, которая продолжалась до начала 1943 года. До 9 июля 1943 года Ливны оставались прифронтовым городом.

Мы склоняем головы перед памятью павших, мы гордимся их подвигами и твердо уверены, что память наша не порастет травой забвения.

ЗА БУДУЩЕЕ НАШИХ ДЕТЕЙ!

*Шафран Яков Наумович, 60 лет,
инженер, поэт и прозаик, сопредседатель
литобъединения «Ковчег»,
заведующий редакцией ордена Г.Р. Державина
журнала «Приокские зори»,
г. Тула*

Семьдесят лет героической обороны Тулы — южного рубежа Москвы. Семьдесят лет героическому подвигу туляков, сражавшихся бок о бок с частями регулярной Красной армии тогда, в сорок первом. Который раз спрашиваю себя: почему несколько месяцев отступающие войска на подступах к Москве стояли грудью против мощного, самоуверенного противника? Почему рабочие, учителя, студенты добровольцами шли в Тульский рабочий полк? И ответ приходит один — за спиной Тула, малая родина, где ты родился, рос, любил, трудился, да просто был счастлив на своей земле, где мечтал и планировал свое будущее... За спиной — страна, Советская Родина, «Позади Москва, отступать некуда!».

А еще люди шли воевать за бесплатную медицину, за бесплатное среднее и высшее образование, за дешевые коммунальные услуги, за гарантированную работу и счастливое будущее своих детей, за равенство стартовых возможностей, за уважение к человеку труда, за спра-

ведливость. Люди шли воевать и за приобретенные гражданские, социальные блага, и за вечные, за те, что питают наш патриотизм.

К сожалению, для многих в современном обществе патриотизм утрачивает свою былую силу и значение.

Кроме того та война была не обычной войной, не одной из многих в истории нашей Родины. Целью врагов было не просто оккупировать территорию и захватить себе все ее людские, материальные и природные ресурсы. Целью было уничтожение нашего народа. «Русский должен умереть!» — было девизом врагов. Они не собирались разбираться в подвигах населявших Советский Союз «недочеловеков», все одинаково были обречены на смерть. Они пришли убить миллионы, а остальных превратить в рабов. Они не щадили ни грудных детей, ни женщин, ни стариков: дома сжигались вместе с жителями, людей убивали как скот — систематически и хладнокровно, целые местности превращались в огромные кладбища; вся оккупированная территория была превращена в гигантский лагерь смерти; тогдашние немецкие офицеры и солдаты с удовольствием фотографировались у братских могил, где покоились тела советских людей, у виселиц, у печей гигантских крематориев, у трупов женщин и девушек, у мертвых тел детей. И это было не каким-то чудовищным отклонением от плана, не просто сумасшествием и жаждой крови. Налицо имелись метод и цель. Это было исполнением плана!

Поэтому наши люди смогли мобилизовать себя и перестроиться на военный лад.

Тула внесла свой огромный вклад в дело Победы. Знаменательно, что в Приказе Верховного Главнокомандующего № 225 19 ноября 1944 года сказано:

«В ознаменование решающих успехов артиллерии Красной Армии в Отечественной войне приказываю:

Сегодня, 19 ноября, в день артиллерии, в 19 часов в столице нашей Родины — Москве, в столицах союзных республик и в городах Ленинграде, Сталинграде, Севастополе, Одессе, Хабаровске, Новосибирске, Свердловске, Горьком, Молотове и Туле от имени Родины салютовать нашим славным артиллеристам двадцатью артиллерийскими залпами.

Пусть живет и здравствует советская артиллерия на страх врагам нашей Родины!

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. СТАЛИН» [1, с. 208–209].

Вспоминая о Сталине, постоянно возвращаясь к двум моментам, неразрывно связанным с его именем. «Братья и сестры!» — так обратился он к народу в первые дни войны. И после решающего перелома в войне — восстановление Патриаршества в Русской православной церкви.

Поэтому Бог был на стороне народа Советского Союза. Благословение Божье, Дух национального единства и жертвенности за Отечество сошел на страну и народ.

Великая Отечественная война очистила от греха, навязанного братоубийственной гражданской войной, и воссоединила разорванную на время, но неразрывную по сути, связь русской и советской истории. И победив, наша страна стала великой державой. А путь к Великой Победе в той войне начался под Москвой в декабре 1941 года.

Сейчас идет острая борьба за наших детей, за будущее России. Может быть, это тоже война: информационная, психологическая, идеологическая... Кроме всего прочего нам внушают необходимость жить «здесь и сейчас», поклоняться идолу потребления. И многие люди чаще всего так и живут, утопая в море потребительства и бездуховности, забывая о традициях и о делах своих отцов и дедов, живут сиюминутным. Пусть же 70-летие битвы за Москву, когда на нашей стороне были Сам Господь и Богородица, которые, видя неимоверные усилия воинов и всего народа, преданность их родной земле и памяти предков, поддерживали народ, поддерживали Россию, пусть же героическая оборона Тулы в 1941-м — первая ступень к Великой Победе — станут отправной точкой и для нашего теперешнего стремления к светлому будущему наших детей, нашего народа, нашей России!

Три штыка

Штыки стоят на площади Победы.
Меж ними — пламя Вечного огня —
Достойный монумент отцам и дедам
И славный символ памятного дня.

Три поколения по призыву встали
Тогда в суровый сорок первый год.
Нас долго били, но прочнее стали
Стал непобитый ворогом народ.

Три поколения, позабыв обиды
И стиснув зубы, поднялись, как штык.
И были долго и жестоко биты
Дивизии незванных к нам «владык».

Штыки победно к небесам взметнулись.
Меж ними память Вечного огня.
Тогда мы под фашистов не прогнулись
И дожили до праздничного дня.

Но важную мы проглядели веку.
И ныне в поколениях разброд —
Кто снизу вверх глядит, а кто-то сверху
На сталь Победы, что вознес народ.

Не проглядеть бы нам маршрут победы!
Три поколения должны поднять
На штык разброд, безверие и беды,
Чтоб тот Огонь никто не смог отнять!

Как мало вас осталось!..

Как мало вас осталось, ветераны!..
Земные завершая здесь дела
И оставляя в брennom теле раны,
Уходите туда, где даль светла.

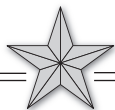
Туда, где снова строитесь в колонны,
Но где уже не льется больше кровь,
Где вас Святые под Небесны звоны
Заслуженно ведут под райский кров.

Вы в жизни были к трудностям привычны,
Умели и смиряться и терпеть.
Своих друзей старинных, закадычных,
С которыми вас разлучила смерть,

Вы на земле оставили в порядке
(Ведь жизнь сама собою неплоха).
Им пережить бы пенсии нехватку,
Да справиться бы только с ЖКХ...

Литература:

1. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 15. М.: Писатель, 1997.

Глава 2. В первые дни и месяцы войны

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ В РИСУНКАХ ДЕТЕЙ

*Губаренко Валерий Владимирович, 64 года,
директор ГУ «Мемориальный комплекс
«Брестская крепость-герой», генерал-майор,
г. Брест, Беларусь*

Брестская крепость — святое место. Здесь каждая пядь земли обильно полита кровью.

22 июня 1941 года 4 часа 15 минут... Внезапно огненный вал прокатился по крепости... Четыре тысячи снарядов и мин ложились каждую минуту на четыре квадратных километра: по казармам, госпиталю, домам, где спали дети, по валам...

Окруженный в первый день войны гарнизон крепости — малочисленные подразделения 42-й и 6-й стрелковых дивизий вместе с пограничниками (всего 3,5 тыс. человек) — принял на себя удар значительно превосходящих сил врага.

На Брестскую крепость наступала 45-я немецкая пехотная дивизия, усиленная танками, артиллерией и авиацией.

Оборона Брестской крепости — выдающийся пример исключительной стойкости и мужества советских воинов.

Это поистине легендарный подвиг сынов народа, безгранично любивших свою Родину. Руководили обороной майор П.М. Гаврилов, капитан И.Н. Зубачев и полковой комиссар Е.М. Фомин

Мы чтим память отважных защитников Брестской крепости: капитана В.В. Шабловского, старшего политрука Н.В. Нестерчука, лейтенантов И.Ф. Акимочкина, А.М. Кижеватова, А.Ф. Наганова, младшего политрука А.П. Каландадзе, заместителя политрука С.М. Матевосяна, старшего сержанта Абдуллаева Данияла Обдуллы Оглы, воспитанника музыкантского взвода П.С. Клыпы и многих других.

8 мая 1965 года Брестской крепости было присвоено почетное звание «Крепость-герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Брестская крепость стала по праву символом массового героизма и стойкости воинов Красной армии, центром патриотического воспитания.

Свыше 21 млн посетителей прошло по залам Музея обороны Брестской крепости, более чем из 140 стран мира.

Ежегодно обслуживается более 300 тыс. посетителей, свыше 5 тысяч экскурсионных групп.

На мемориале проходят торжественные церемонии принятия воинской присяги, посвящения в студенты и учащиеся, вступления в ряды членов Общественного объединения «Белорусский республиканский союз молодежи» и пионерской организации. Здесь по-особому отмечают святые даты — День Памяти и скорби 22 июня и День Победы 9 мая. В эти дни крепость приветствует ветеранов войны, участников международных акций — «Поездов мира и памяти».

*Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в Брестской крепости. Сопровождает директор мемориала генерал-майор В.В. Губаренко.
23 июня 2001 г.*

Школой патриотического воспитания стал Пост Памяти у Вечно-го огня Брестской крепости, которому 9 мая 2012 года исполнится 40 лет. Более 84 тысяч ребят — учащихся общеобразовательных и профессионально-технических учреждений образований г. Бреста прошли через Вахту Памяти.

Подвиг героев Брестской крепости живет в сердцах наших детей, внуков и правнуков.

С 2008 года 1 июня, в День защиты детей, в ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» проводится ежегодная творческая акция «Рисуют дети». В 2011 году акция была посвящена 70-летию начала героической обороны Брестской крепости и 40-летию мемориального комплекса. В ней приняли участие 63 человека. Это учащиеся общеобразовательных школ, гимназий, детских художественных школ и детских школ искусств, воспитанники студий изобразительного творчества внешкольных учреждений г. Бреста и Брестской области — победители районных, городских и областных конкурсов изобразительного искусства.

Все участники акции были награждены грамотами, а их наставники — дипломами. 24 работы юных художников были удостоены дипломов I, II, III степеней в трех номинациях.

Номинация «Я в Брест вхожу, как в сорок первый год...» посвящена обороне крепости в июне–июле 1941 года. Цель — возрождение любви и интереса к истории и традициям служения Отечеству, готовности и умению его защитить.

Номинация «Мемориал воинской славы» посвящена 40-летию мемориального комплекса — памятнику фортификации XIX века и монументальной архитектуры XX века. Цель — сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне, формирование и развитие у творческой молодежи и детей архитектурно-художественных восприятий, отображения в их произведениях скульптурных композиций мемориала, достойно прославляющих память героев.

Номинация «Как прекрасен этот мир!» посвящена природе Брестской крепости, более 20 видов флоры и фауны которой занесены в Красную книгу Республики Беларусь. Цель — увидеть, почувствовать и запечатлеть ее красоту, осознать свою причастность и ответственность за Красоту мира.

Творческая акция проводилась по инициативе мемориального комплекса совместно с главным управлением идеологической работы, управлением образования, управлением культуры, отделом по делам молодежи Брестского облисполкома, областным комитетом Общественного объединения «Белорусский республиканский союз молодежи».

Праздник творчества юных художников нацелен на сохранение исторической правды о Великой Отечественной войне, героях Брестской крепости. Эта форма гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения призвана способствовать формированию ответственности наших детей и внуков за настоящее и будущее планеты. Привлечение учащихся к изучению и отображению в своих произведениях событий, связанных с историей и обороной Брестской крепости, увековечение памяти ее защитников средствами изобразительного искусства стимулирует также развитие творчества.

В 2011 году основная тема акции — «Брестская крепость. Война и мир».

Проведена она на территории ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», в Музее обороны Брестской крепости. Юные художники приняли участие в торжественной церемонии открытия и

*Генерал-майор В.В. Губаренко.
Брестская крепость, 2001 г.*

закрытия акции в конференц-зале музея. Их ждали экскурсии по местам былых боев, знакомство с экспозицией Музея обороны, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, художниками Брестчины.

Созданные работы были переданы в фонды мемориала для создания выставки.

Выставка детских рисунков «Моя любимая Брестская крепость. Мир глазами детей» была открыта 28 июля 2011 г. в день освобождения г. Бреста от немецко-фашистских захватчиков и стала подарком всем ветеранам войны нашего города.

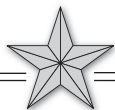
Мы все родом из детства! Именно в детстве создается жизненный сценарий всей последующей жизни человека, воспитывается личность, формируется отношение к окружающему миру и самому себе. Поэтому очень важно в это время разгадать и развить творческие потенции детей, а для этого удивить, заинтересовать, прикоснуться к подвигу.

Знаю по себе, как это важно. То, что я стал военным — заслуга моих родителей. Мой отец Губаренко Владимир Федорович (1915–1999) родился в с. Знаменка Алтайского края.

*Солдатенко Кристина, 16 лет. Средняя школа № 10
г. Брест, 2011 г. Номинация «Мемориал Воинской славы»*

Свой боевой путь он начал в 1939 г. на реке Халхин-Гол в Монголии. Участник обороны г. Москвы. Дошел до Берлина. Ранен в апреле 1945

года, находился на излечении в госпитале г. Молотова (г. Пермь). После войны работал директором 8-летней школы детского дома в Славгород-

*Улыбин Алексей, 13 лет. Детская школа искусств,
д. Тельмы, Брестская область, 2011 г. Номинация
«Я в Брест вхожу, как в сорок первый год»*

ском районе Алтайского края. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степеней, медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», «За взятие Берлина», Кенигсберга и др. Воевал в артиллерии 33-й армии 1 Белорусского фронта.

*Курига Марина, 13 лет. Детская школа искусств
г. Жабинка, Брестская область, 2011 г.
Номинация «Мемориал Воинской славы»*

Мать, Губаренко Зоя Борисовна, 1915 года рождения, уроженка г. Перми. Участница Советско-финляндской войны. Служила военфельдшером в воинских частях Карелофинского фронта. После работала в эвакогоспитале г. Перми, где и познакомилась с отцом. Родила и вырастила пятерых детей, в том числе и меня. Вот и стал я военным по рекомендации отца и матери, а также работников Славгородского райвоенкомата.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА ДНЕПРОВСКОГО РУБЕЖА И ГОРОДА МОГИЛЕВА

*Кутепов Владимир Семенович, 73 года,
доктор технических наук,
профессор Тульского государственного университета,
г. Тула*

В историю Великой Отечественной войны золотыми буквами вписана и героическая оборона г. Могилева частями тульского 61-го стрелкового корпуса генерал-майора Ф.А.Бакунина и, в первую очередь, 172-й стрелковой дивизией, в составе которого был и ефремовский полк под командованием полковника В.С. Кутепова, первым прибывший в Могилев 1 июля 1941 года.

Бои за Могилев — составная часть Смоленского сражения, имевшего большое оперативно-стратегическое значение в обороне г. Москвы.

Могилев — важнейший пункт и крупный узел дорог и линий связи, а поэтому удержание его в наших руках тормозило продвижение и снабжение фашистских войск, срывало их планы по управлению войсками. Вот почему гитлеровское командование бросило три дивизии, перед которыми была поставлена задача покончить с могилевским гарнизоном. Однако и тогда защитники Могилева продолжали сопротивление с вдесятеро превосходящими силами врага. Лишь когда 172-я дивизия, защищавшая г. Могилев, потеряла в этих боях более 4 тысяч бойцов, воины дивизии по приказу командования прорвали кольцо окружения и оставили город.

Более 70 лет прошло с тех пор, как на рубеже р. Днепр сражались воины Красной армии. Наиболее полный фактологический материал по обороне Днепровского рубежа и Могилева в 1941 году содержится в мемуарах бывшего командующего Западным фронтом генерала А.И. Еременко [1], начальника оперативного отдела штаба 13-й армии полковника С.П. Иванова [2], воспоминаниях участников обороны [3], романе К.М. Симонова [4], Н. Борисенко [5], Л.Д. Алтуниной [6].

1 июля 1941 года к 12 часам на ст. Луполово и разъезде Буйничи выгрузились все пять эшелонов 388-го стрелкового полка. Его подразделения сосредоточились в 10–15 км от Могилева. Командир полка С.Ф. Кутепов командовал полком около трех лет. Полк был хорошо подготовлен, командир сам лично знал свое дело, был дисциплинированным, всегда подтянутым, требовательным к себе и подчиненным. Полк считался лучшим в корпусе.

Батальоны полка и артиллеристы оборудовали две линии окопов полного профиля, соединив их траншеями. На переднем крае и в глубине обороны были тщательно замаскированы огневые позиции батарей, тран-

шей, наблюдательные пункты. Для борьбы с танками создавались минные участки, секторы стрельбы противотанковой артиллерии. Система обороны полка была построена так, что даже сильным артиллерийским огнем нельзя было полностью нарушить управление полком, оторвать батальоны один от другого. Командные пункты батальонов и рот находились в хорошо укрепленных блиндажах. В романе «Сто суток войны» К.М. Симонов писал, что во время одного из боев немецкий танк, расстреляв по одному из таких блиндажей полсотни снарядов, не смог его разбить. Трудно было сохранить боевой дух воинов полка, когда через его позиции проходили сотни окруженцев — кто с оружием, кто без него. Командир полка отдал боевое распоряжение — выставить контрольные посты на всех дорогах в направлениях от Могилева, и ни одного человека в гражданском обмундировании в сторону противника не пускать. Таким образом, проникнуть в расположение полка было невозможно.

Как известно из многочисленных свидетельств участников войны, ожидание боя было тяжелее самого боя. И многие не выдерживали. В ЦАМО РФ сохранились десятки приговоров Военного трибунала 61-го стрелкового корпуса о наказании бойцов соединений еще до начала боевых действий.

После налетов авиации противника на позиции полка с первых дней обороны командир запретил стрельбу по самолетам отдельным бойцам, чтобы не демаскировать свое расположение, не нанося никакого ущерба врагу. И когда военные корреспонденты К. Симонов и П. Трошкин прибыли на позиции 388-го стрелкового полка, они были поражены порядком и боевым настроением всех воинов — и солдат и командиров.

С 3 июля С.Ф. Кутепов выслал в направлении Минского и Бобруйского шоссе разведывательные отряды с целью установления начала подхода противника к обороне полка. По указанию командира 172-й стрелковой дивизии был создан передовой отряд в составе стрелкового батальона. В начале июля в полосе обороны 388-го полка располагались штабы 13-й армии, 61-го стрелкового корпуса и 172-й стрелковой дивизии, что, в свою очередь, увеличивало ответственность штаба полка за создание прочной обороны г. Могилева.

За первые десять дней июля участок обороны полка превратился в сильный опорный пункт с круговой глубокоэшелонированной и противотанковой обороной. Подступы к переднему краю были пристреляны, до ориентиров точно измерено расстояние. Основным средством борьбы с танками наряду с артиллерией стали бутылки с горючей жидкостью. Бойцы ежедневно тренировались в применении этого эффективного средства. Полк в полном смысле этого слова «закопался в землю».

К. Симонов вспоминает: «Комиссар 172-й дивизии посоветовал нам, чтобы лучше познакомиться с положением в войсках при обороне г. Могилева побывать на позициях 388-го стрелкового полка. Трошкин, когда

узнал, что у Кутепова подбито и захвачено много немецких танков तो-ропил меня, чтобы сфотографировать разбитые немецкие танки, о кото-рых говорилось много, но фотографий не появлялось в печати».

К. Симонов пишет: «Мы переехали через могилевский мост и про-должали путь по ночному, пустынному, молчащему Могилеву. В горо-де чувствовался железный порядок. На перекрестке у орудий, накрыв-шись плащ-палатками, дремали расчеты. Все делалось тихо. Тихо проверяли документы.

Тихо показывали дорогу. Нас обрадовал порядок в Могилеве, обра-довало и то, что как мы только свернули с дороги, нас задержали. Оче-видно, в этом полку ночью нельзя было проникнуть, не наткнувшись на патрульных. Нас всех, вместе с сопровождающим, доставили в штаб полка. Какие корреспонденты?! — закричал встретивший нас человек в два часа ночи». Уже потом «при утреннем свете мы (вспоминает писатель К. Симонов) увидели нашего ночного знакомого — полковника Кутепова. Это был высокий, худой человек с усталым лицом, с ласковыми не то го-лубыми, не то серыми глазами и доброй улыбкой. Старый служака, пра-порщик военного времени в первую мировую войну, настоящий солдат, полковник Кутепов как-то сразу стал дорог моему сердцу. Мы рассказали ему, что когда проезжали мост, не заметили там ни одной счетверенной установки и ни одной зенитки. Кутепов усмехнулся:

— Во-первых, если вы, проезжая через мост, сразу заметили бы пулеметы и зенитки, то это значило бы, что они плохо установлены. Во-вторых... — тон, которым он сказал свое «во-вторых», я, наверное, запомню на всю жизнь.

— Во-вторых, они там действительно не стоят. Зачем нам этот мост?

— Как зачем? А если придется через него обратно?

— Не придется, — сказал Кутепов. — Мы так решили уж тут между собой: чтобы там кругом ни было, кто бы там ни отступал, а мы стоим вот тут, у Могилева, пока живы. Вы ходите, посмо-трите, сколько накопано. Какие окопы, блиндажи какие! Разве их можно оставить? Не для того солдаты роют укрепления, чтобы оста-вить их. Истина-то простая, старая, а вот забывают ее у нас. Роют, роют. А мы вот нарыли их и не оставим. А до других нам дела нет. Как я потом понял, Кутепов, очевидно, уже знал то, чего мы еще не знали: что слева и справа от Могилева немцы форсировали Днепр и что ему со своим полком придется остаться в окружении. Но у него была гордость солдата, не желавшего знать и не желавшего верить, что рядом с ним какие-то другие части плохо дерутся. Он хорошо закопался, и его полк хорошо дрался и будет хорошо драться. Он знал это и считал, что и другие должны делать так же. А если они не делают также, как он, он с этим не желает считаться. Он желает думать, что вся армия дерется также, как его полк. А если это не

так, то он готов погибнуть. И из-за того, что другие плохо дерутся, менять своего поведения не будет.

Личное дело командира 388-го стрелкового полка 172-й стрелковой дивизии Семена Федоровича Кутепова большое, на многих страницах...

Недолгая встреча с Кутепов для меня была одной из самых значительных за годы войны. В моей памяти Кутепов — человек, который, останься он жив там, под Могилевом, был бы способен на очень многое.

Семен Федорович Кутепов, происходивший из крестьян Тульской губернии, Богородицкого уезда, дер. Б. Калмыки, 19 июня 1896 года рождения, окончил в 1915 году коммерческое училище, был призван в царскую армию, окончил Александровское военное училище, воевал с немцами на юго-западном фронте в чине подпоручика. В 1918 году добровольно вступил в Красную армию, бился с белополяками и различными бандами, командовал взводом и ротой, был ранен. Окончил курсы усовершенствования штабных командиров и с отличием заочный факультет Академии Фрунзе. Изучил немецкий язык. Четыре года прослужил начальником строевого отдела штаба дивизии, два года командиром батальона, три года начальником штаба полка, четыре года помощником командира и два года командиром полка. В этой должности встретил войну. В аттестациях Кутепова за самые различные годы его службы единодушные в самых высоких оценках. 1928 г. — «Способный штабной работник», «Хорошо знает дело», «Точен. Аккуратен. Дисциплинирован», «В намеченной идеи упорен до конца. В трудные минуты умеет провести свою волю... Подлежит продвижению во внеочередном порядке». 1932 г. — «Энергичен, инициативен, с твердой волей командира. Военное дело любит и знает», 1936 г. — «В обстановке разбирается быстро и умело принимает решения», 1937 г. — «Энергичен, работоспособный командир. Развита во всех отношениях». 1941 г. — «Командуя полком, показал себя энергичным, волевым, культурным командиром. Личным примером показывает образцы настойчивости, дисциплинированности. Полк по боевой и политической подготовке занимает первое место среди частей корпуса, что неоднократно отмечалось при проверках».

С.Ф. Кутепов, укрепляя оборону занятых позиций, приказал передовым частям отойти ближе к основному району полка с тем, чтобы их можно было прикрыть огнем артиллерии. Вечером 11 июня на шоссе со стороны Бобруйска появилась первая колонна немецких танков. В сумерках немцы не рискнули атаковать позиции полка. Передовые части 3-й танковой дивизии генерал-лейтенанта В. Моделя танковой группы Г. Гудериана вплотную подошли к обороне 388-го стрелкового полка.

День 12 июня был самым жестким днем оборонительных сражений за г. Могилев. Он начался 6.30 утра жестокой бомбежкой и артиллерийским обстрелом позиции полка. Полковник Кутепов и командир 340-го артиллерийского полка полковник И.С. Мазалов вынесли свои observa-

тельные пункты за железнодорожную станцию Буйничи. Эти сведения получены от непосредственных участников боев на Буйническом поле в 1941 году. Передовые отряды полка доложили, что в березовой роще сконцентрировалась большая группа немецких танков, о чем было доложено полковнику Мазалову, по приказу которого был проведен упреждающий артиллерийский налет. Снаряды точно легли в цель. Загорелось 10 танков, но более 20 вышли на опушку и начали обстреливать передовые позиции из пушек и пулеметов. Через некоторое время развернулись в боевой порядок роты танкового и моторизованного полков 3-й танковой дивизии противника и пошли в наступление.

Танки вышли на хлебное поле перед противотанковым рвом. Наши артиллеристы, выжидая, молчали. Продвигаясь медленно немецкие машины вышли на минное поле, и сразу последовали взрывы. Сработала система обороны. Загорелось несколько танков и сопровождавшие их бронетранспортеры. Немцы приостановили атаку. Вновь налетела авиация противника и устроила массированную бомбардировку, взрывы следовали на расстоянии 4–5 м один от другого. От осколков бомб пехотинцы спасались в глубоких, заранее подготовленных траншеях. После авианалета, стреляя на ходу, вперед снова пошли танки. Они неумолимо приближались к противотанковому рву. Одна из групп танков двинулась вдоль железной дороги Могилев–Гомель. Здесь у насыпи, в кустарнике, была установлена батарея 76-мм полковых орудий. Прямой наводкой, в упор, пушки расстреливали танки. Их становилось все меньше, но они неумолимо приближались к батарее. Умолкла одна пушка, погиб расчет другой, но наступление немцев продолжалось. Однако не выдержав удара артиллерии и потеряв 3 машины, немецкие танкисты повернули к железнодорожной станции, но рядом находились позиции противотанковых орудий. Получилось, что танки подставили свои борта под огонь противотанковых орудий. В результате еще несколько танков было подбито.

Пройдя железнодорожную будку, вражеские танки просочились в глубину обороны 388-го полка и вплотную приблизились к противотанковому рву, но здесь они попали под огонь еще одной батареи и потеряли несколько танков. Оставшиеся машины разделились на две группы и пошли в обход противотанкового рва. Одна из них направилась влево, пересекла Бобруйское шоссе и двинулась к Днепру, где противотанковый ров соединялся с глубокими обрывистыми оврагами. Столкнувшись с преградой, танки повернули назад, но их забросали бутылками с зажигательной смесью бойцы отряда ополченцев шелковой фабрики. Две машины загорелись. Вторая группа танков попала на минное поле, где большинство из них подорвалось.

Бой 12 июля 1941 года продолжался 14 часов и закончился победой защитников города. Это был самый ожесточенный и результативный бой за всю оборону г. Могилева.

В архивах Министерства обороны РФ сохранился уникальный документ:

«Оперсводка № 8. Штаб полка 388.

12.7.41.21.40. 1,5 км свхз Буйничи. Карта 50000.

1. 388 стрелковый полк в течение 12.07.41 года продолжает оборонять участок Затишье–Буйничи.

2. Противник силой до роты танков в 6 час. 30 мин. 12.07.41 г. начал атаку переднего края обороны 388-го стрелкового полка. До 9.00 противником было введено в бой до двух батальонов танков, поддержанных двумя батальонами пехоты, небольшого количества мотоциклистов при поддержке огнеметной батареи из района Пионерлагеря.

3. Сводный батальон 388-го стрелкового полка, 1/388, 3/388 обороняют Затишье–Буйничи...

5. Артиллерия на старых оборонительных позициях...

6. За истекший день боя 12.07.41 г., по неполным данным 388-м стрелковым полком и приданными поддерживающими подразделениями было подбито и сожжено 39 танков противника, трофеи уточняются.

Начальник штаба капитан Плотников.

ПНШ — 1»

С наступлением темноты все затихло. На той и другой стороне работали похоронные команды, подбирали раненых и хоронили убитых. Вместе с 39 танками немцы на участке обороны полка С.Ф. Кутепова в этот день потеряли до двух рот пехоты. Не зря уцелевшие ветераны 388-го полка, сражавшиеся на Буйническом поле, называли себя «кутеповцами», а могилевчане и сейчас именуют Буйничи «полем Кутепова».

По данным бывшего начальника оперативного отдела штаба 13-й армии полковника С.П. Иванова, за время обороны города Могилева нашими войсками было сбито, подбито и уничтожено: самолетов — 24, танков — 200, мотоциклов — до 400, автомашин — примерно 500, истреблено 15 тысяч и пленено около 2000 солдат и офицеров противника.

С.П. Иванов отмечает, что особо отличившимися в этих боях были командир 388-го полка полковник С.Ф. Кутепов и начальник штаба этой же части капитан Плотников. Когда танки противника прорвались через передний край обороны и устремились на КП полка, личный состав штаба во главе с Кутеповым и Плотниковым, воодушевляя подчиненных личным примером, пропустив технику, контратаковали пехоту, забросав ее гранатами. Город, как было сказано раньше, защищал Тульский 61-й стрелковый корпус.

Буйническое поле — это фактически братская могила воинов 388-го стрелкового полка. Оно стало таким же символом мужества и стойкости как поля Подмосковья, Пулковские высоты, Малахов и Мамаев курганы. Современные историки по праву называют оборону города Могилева стратегической победой Советского Союза и началом конца гитлеровской армии. И здесь решающую роль сыграли туляки, подвигом которых мы должны гордиться.

Встреча К.М. Симонова с полковником С.Ф. Кутеповым на Буйническом поле произвела на него неизгладимое впечатление. Кутепов стал прообразом генерала Серпилина в романе «Живые и мертвые».

Умирая, К.М. Симонов завещал развеять свой прах на Буйническом поле в память о тех героях, с которыми он встречался 14 июля 1941 года. В память об этом сын Симонова, Алексей, установил на Буйническом поле большой камень с автографом.

Литература

1. Еременко А.И. В начале войны. М., 1965.
2. Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990.
3. Солдатами были все. Минск, 1968.
4. Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1974.
5. Борисенко Н. Днепровский рубеж: трагическое лето 1941-го. Могилев, 2005.
6. Алтунина Л.Д. Солдат войны полковник Кутепов. Тула, 2004.

НЕ ПОДЛЕЖИТ ЗАБВЕНИЮ

*Крюкова Надежда Ивановна, 44 года
директор музея-усадьбы «Край Долгоруковский»,
с. Долгоруково Липецкой области*

Во время одной экскурсии мальчик спросил:

— А с каких экспонатов начинался музей?

Начинался он с принесенных мальчишками советских и немецких касок, гильз, кусков колючей проволоки... В первые десятилетия после войны такие «трофеи» можно было отыскать в оврагах и перелесках.

На территории нашего района немецко-фашистские захватчики находились десять дней.

В зале Великой Отечественной войны музея-усадьбы «Край Долгоруковский» увековечена память о защитниках Родины. Герой Советского Союза Россиянов Иван Никитич, дивизионный комиссар Ле-

стев, разведчик Пашков, председатель колхоза «Красная заря» Иван Горностаев, пятеро долгоруковцев Героев Советского Союза: Андрей Дешин, Виктор Севрин, Андрей Дудченко, Иван Дешин, Егор Лазарев, два полных кавалера Ордена Славы Петр Тимофеевич Жданов и Адам Герасимович Ловчий и еще многие, многие, многие..., сплотились под созвездием слов — «И здесь шла битва за Москву». Да, именно за Москву, несмотря на сотни километров, отделяющие Долгоруково от столицы нашей Родины. Ведь не зря на картах, отражающих панораму военных действий обороны Москвы и начала контрнаступления Красной армии обязательно указан Елец и расположенная на 40 километров южнее станция Долгоруково.

У Великой Отечественной не было легких периодов. Даже ее последние дни, бои на территории Германии, были страшными и кровопролитными. Но в 45-м исход войны был понятен всем. А год 1941 вместил в себя и ужас свершившейся трагедии, и тысячи километров советской земли, оказавшейся под гусеницами фашистских танков и первые шаги к Победе.

Именно в 1941 году наш Долгоруковский район познал тяжесть оккупации. Бои на территории района вела стрелковая дивизия Ивана Никитича Руссиянова, входившая в состав Юго-Западного фронта.

Эта дивизия чуть ли ни в первые дни войны попала в окружение, однако не сломалась, в тяжелейших условиях вела сражения и вышла из окружения. После этого, осенью 41 года, Сталин переименовал 100-ю дивизию Руссиянова в 1-ю Гвардейскую Ордена Ленина стрелковую дивизию. Именно она на территории нашего района перешла в контрнаступление в ночь с 6 на 7 декабря 1941 года при проведении Елецкой операции.

С чувством благодарности и гордости беру в руки книгу И.Н. Руссиянова «В боях рожденная», изданную в Москве в 1982 году. В разделе «Нам родная Москва дорога» описываются события декабря 41-го, где комментируется панорама военных действий на территории Долгоруковского района. На знакомые с детства названия населенных пунктов накладывается такое чужеродное явление как война. Соединить все

*Герой Советского Союза
генерал-лейтенант
И.Н. Руссиянов*

это воедино очень трудно. Но это не тот случай, где можно верить или нет. Все это было. Вот строки из книги Руссиянова: «Утром 7 декабря части дивизии пошли вперед. Наступление началось успешно. К концу дня части дивизии продвинулись от 4 до 14 километров, освободили 13 населенных пунктов и вышли на рубеж Богатые Плоты, Давыдово, Казинка. Особенно удачно действовал 4-й стрелковый полк.

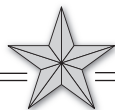
Ему удалось очистить от врага деревни Надеждино и Богатые Плоты, захватить два орудия и два пулемета. 85 стрелковый полк в нескольких километрах севернее Анухтина встретил ожесточенное сопротивление врага и замедлил продвижение. 8 декабря наступление продолжалось. 4-й стрелковый полк, оставив второй батальон прикрывать фланг и тылы на случай атаки окруженных на станции Долгоруково немецких войск, освободил Красное село и устремился к большому населенному пункту Стрелецкое (Стрелец. — *Авт.*). Бой за Стрелецкое — образец мужества и беззаветной храбрости воронежцев (воронежский коммунистический добровольческий полк. — *Авт.*). Вот как он проходил.

На рассвете 8 декабря разведка полка ворвалась на восточную окраину Стрелецкого и захватила группу солдат 13-го пехотного полка 45-й немецкой пехотной дивизии. От них мы впервые услышали ставшее потом распространенным восклицание «Гитлер капут». До сих пор пленные обычно вели себя нагло, на допросах отказывались отвечать. Теперь они были так перепуганы и словоохотливы, так пресмыкались, что даже вызывали чувство омерзения.

Фашисты, укрепившиеся в возвышенной части села Стрелецкого, отчаянно защищались. У них была очень выгодная позиция: постройки из дикого камня они превратили в огневые точки, установили в подвалах свыше 30 орудий, на колокольне стояли 4 крупнокалиберных пулемета. Враг превосходил полк численно. Из села Грызлово по наступающим било свыше 20 орудий, а из деревни Свишня вели огонь тяжелые минометы. В части же было всего два орудия.

В разгар боя за Стрелецкое противник, окруженный в Долгоруково, прорвал боевые порядки второго батальона. В тылу полка появились до двух пехотных батальонов врага, два противотанковых дивизиона, артиллерийская батарея, до двадцати минометов. Неожиданно немцы показались и на бугре близ командного пункта. Начальник штаба полка капитан А.Т. Худяков и комиссар полка Н.П. Латышев сели на коней, прихватив с собой единственное орудие, прикрывавшее КП.

В небольшой лощине, куда спустились цепи отходившего второго батальона, всего в 400–500 метрах от командного пункта полка, им удалось остановить бойцов, организовать контратаку. Орудийный расчет сержанта А. Шерстникова открыл беглый огонь по прорвавшейся группировке противника. Наводчик П.Д. Корсяков был мастером своего дела: снаряды рвались в гуще врагов. Фашисты попятились, а

затем, оставив на поле боя много убитых, раненых и четыре упряжки с орудиями, побежали в село Богатые Плоты и наскочили на фланговый батальон 331-го полка майора В.А. Когана.

Когда полковник Вайцеховский доложил мне обстановку, я выдвинул навстречу врагу истребительный отряд под командованием старшего лейтенанта В.Н. Ляковского. Он преградил вражеской группир-

*Перед началом Елецкой наступательной операции.
И.Н. Руссиянов (справа), М.Е. Вайцеховский (в центре)
и Н.П. Латышев (слева)*

ровке путь на запад и юго-запад. В конечном счете гитлеровцы были рассеяны и почти полностью уничтожены, а весь их обоз, все противотанковые орудия стали трофеями 4-го гвардейского стрелкового полка. Угроза с тыла была ликвидирована. Ликвидировав угрозу с тыла, подразделения полка возобновили бои за Стрелецкое. 10 декабря этот населенный пункт был освобожден.»

Краеведы Долгоруковского района, спустя три десятилетия после окончания войны, нашли адрес Ивана Никитича Руссиянова и написали ему письмо.

В своем ответе генерал-лейтенант И.Н. Руссиянов поблагодарил наших земляков за помощь при освобождении Долгоруковской земли.

Одним из эпизодов этой помощи явилось освобождение советских военнопленных из Ново-Троицкого храма. Пленных было много, около четырехсот человек. Немцы их загнали в церковь, выставили охрану. Местные женщины стали приносить солдатам еду в чугунках. Кто-то из солдат попросил пронести в храм вместе с едой женскую одежду. Женщины, рискуя жизнью, выполнили эту просьбу. Когда выходили из церкви, в группе женщин был переодетый солдат. Так нескольким солдатам удалось бежать. А остальных увели и затем расстреляли.

Ново-Троицкий храм удивителен по своей архитектуре. Когдаходишь к его стенам сегодня, то, несмотря на заброшенность и запустение, ощущается аура мудрости, величественности и вечности. Если бы камни могли говорить...

*Ново-Троицкий храм
с. Ново-Троицкое Долгоруковского
района Липецкой области*

В период военного лихолетья лозунг: «Все для фронта! Все для Победы!» стал смыслом жизни всего советского народа.

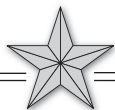
Жители нашего района сдавали в фонд сражающейся Красной армии хлеб, одежду, деньги. Сталин в телеграмме от 11 мая 1943 года выскажет благодарность за эту помощь. (Долгоруковский район в годы войны входил в Орловскую область. — *Авт.*). Вот полный текст телеграммы: «Елец. Орловский обком ВКП(б). Секретарю Долгоруковского РК ВКП(б) т. Новикову. Председателю райсовета т. Петрову. Передайте колхозникам и колхозницам Долгоруковского района, собравшим 1 016 371 рубль на строительство танковой колонны имени Орловских партизан, сдавших в фонд

Красной армии 4 086 пудов хлеба, 1 270 пудов мяса, мой братский привет и благодарность Красной армии».

Наши земляки предпринимали самые отчаянные попытки, чтобы помочь бойцам Красной армии одолеть врага. Председатель колхоза «Красная заря» Иван Федорович Горностаев из деревни Брусенцево пытался уничтожить немецкий штаб. Ночью 7 декабря 1941 года он подобрался к штабу (д. Рябинки) и бросил в окно гранату. Но противотанковая граната почему-то не взорвалась. Обезумевшие от ярости фашисты схватили Горностаева, привязали к изгороди, обложили соломой и подожгли. Этот страшный эпизод запечатлен на картине липецкого художника В.М. Лузанова. Картина называется «Казнь Горностаева. Год 41».

Об обстановке в деревне 6–8 декабря 1941 года рассказывает жительница Рябинок Татьяна Петровна Гришина:

«Фашисты грабили, кто что мог. С Меркуловой Ефросиньи Яковлевны стащили зимнюю одежду, и она смогла только доползти до порога дома — скончалась. Немцы объявили, что будут сжигать деревню. Все мои мысли и слезы были о детях. У меня их было пятеро. Всех жителей деревни немцы согнали в четыре избы. Окна в домах

приказали плотно закрыть. У дверей стоял патруль и не выпускал. Дети со слезами жались ко мне. Люди стонали, молились, плакали. А в это время Горностаева вели на казнь... Потом стало как-то очень тихо. Пугающая тишина продолжалась долго, или нам так показалось. Наконец один старик приоткрыл дверь и решил выйти на улицу. Патруля у дверей не было. Вскоре старик вернулся и сообщил, что немцев в Рябинках нет. Люди бросились к своим домам, к пепелищам.

А вскоре в деревню вошли советские войска».

Как знать, может Иван Федорович Горностаев спас жизни десятков земляков тем, что отвлек фашистов, и они не успели сжечь избы с людьми, бежали, получив донесение о наступлении Красной армии.

В селе Долгуша Долгоруковского района с 1905 по 1941 год жила семья Лестевых. Отец — Александр Николаевич — все это время был директором школы, преподавал русский язык и литературу, мать — Ольга Ильинична — была учителем начальных классов. В этой семье родилось одиннадцать детей. Во взрослую жизнь вошли семеро. Второй сын — Дмитрий — прожил короткую жизнь (1904–1941), но не ушел в забвение. Именем Дмитрия Лестева названы улицы в Долгуше, в Долгоруково, в Москве. Настолько весомым был вклад в приближение Великой Победы дивизионного комиссара, Члена военного Совета, начальника Политуправления Западного фронта Дмитрия Александровича Лестева.

18 ноября 1941 года, когда немцы подходили к Москве, он бросился на передовую, чтобы личным примером вдохновить бойцов Красной армии отстоять фронтовой плацдарм. Плацдарм был удержан, а Лестев погиб от ранения в голову.

Племянницы дивизионного комиссара Людмила Моисеевна Инькова (Москва) и Татьяна Михайловна Лестева (Санкт-Петербург) желанные гости в Долгоруково и Долгуше. Мы впервые увиделись в августе 2008 года, когда Людмила Моисеевна и Татьяна Михайловна были приглашены на праздничные мероприятия, посвященные 80-летию со дня основания Долгоруковского района.

*В.М. Лузанов.
Казнь Горностаева. Год 1941*

Вскоре, в третьем выпуске историко-литературного альманаха «На русских просторах» (Санкт-Петербург, 2008 г.) Татьяна Михайловна

*Дмитрий Александрович Лестев.
1941 год*

опубликует очерк под названием «Неведомый край Долгоруковский». Вот строки из него:

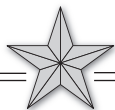
«А утром следующего дня: «Вновь я посетил тот уголок земли...» нет, вновь посещает его после более, чем шестидесятилетнего перерыва сестра: Люся до девятилетнего возраста гостила в Долгуше у дедушки с бабушкой, а я еду впервые. Очень красивые места, холмы, овраги, перелески. Поднимаемся на пригорок, и перед нами недавно отремонтированное здание школы с мемориальной доской Дмитрия Александровича Лестева. Одноэтажное кирпичное здание школы, которой больше ста лет, где учили детей дед и бабушка, где они и жили, недавно отремонтировано и смотрится значительно

моложе своих лет. Нас ждут! Председатель сельсовета, директор школы, учителя, старожилы, школьники. На расшитом рушнике нам преподносят каравай. Девчушка, волнуясь, читает приветственные стихи. Трогательная встреча на земле предков, слезы наворачиваются на глаза. Я благодарю всех, дарю школе недавно вышедший первый выпуск альманаха «На русских просторах», в котором полностью опубликован дневник Лестева Александра Николаевича.

Проходим в школу: чистенькие классы, а вот и комната, где жили дед с бабушкой. Люся узнает печку, на которую они забирались погреться; она не разобрана, хотя в школе уже другое отопление. Входим в «конференц-зал». Здесь сидят самые пожилые жители села, ученики Лестевых, подруги их внучек. И потекла река воспоминаний...».

Татьяна Михайловна пишет стихи. В своей книге «Аутодафе» она передала образ Дмитрия Лестева через драгоценный камень рубин.

*С тобой, рубин, хочу сравнить
Я сталинского комиссара.
До сорока не смог дожить,
И под Москвой его не стало.*

*За финскую и Халхин-Гол
Он награжден двумя был орденами.
В бой за собой солдат он вел,
Чтоб отстоять Москву перед врагами.
И после смерти, комиссар,
Он не покинул поле боя.
Громить фашистов продолжал
«Комиссар Лестев» — бронепоезд.
Непокоренная Москва
Не позабыла боевого комиссара,
В названии улицы в веках
Чтобы звезда его сияла.*

А еще Татьяна Михайловна собрала письма, документы, фотографии большой и значимой для страны семьи Лестевых и издала книгу «Путешествие по семейному архиву» (Санкт-Петербург, 2006 г.).

20 августа 1941 года фронтовые журналисты З. Хирен и Я. Милецкий, находясь на Западном направлении, в газете «Красная звезда» опубликовали статью «Красноармеец Пашков». В ней говорилось о подвиге советского разведчика, попавшего в плен. Об этом же человеке было напечатано в журнале «Огонек» № 34 от 3 ноября 1941 года. Статья называлась «Сильнее смерти» автор О. Курганов.

А дело было так. Пашков Иван Сергеевич в августе 1941 года воевал в составе 134 стрелковой дивизии. Под Витебском попали в окружение. Красноармеец Пашков пошел в разведку и нарвался на немецкий патруль. Солдата привели в штаб, долго пытали, кололи штыками, но Пашков молчал. Поняв, что ничего не добьются, фашисты повели его на расстрел. Дали лопату и велели копать себе могилу. Стал копать. Прогремели выстрелы и солдат упал. Яма была неглубокой. Иван Сергеевич был тяжело ранен, но жив. Придя в сознание, он смог выбраться из могилы и доползти до своих. После госпиталя красноармеец Пашков снова громил немецко-фашистских захватчиков.

Легендарный разведчик Пашков

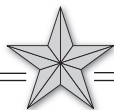
И этот человек из легенды — наш земляк, уроженец деревни Котово Долгоруковского района. Однако у нас долгое время не знали о подвиге Ивана. Все по тому, что еще до войны он уехал работать на металлургический комбинат в город Енакиев. Оттуда и ушел на фронт уже в июне 1941-го. И в газетах о нем писали как о Донецком горняке.

После войны вернулся на Родину. Работал плотником в совхозе «Мирный труд». Плотницкому делу обучился еще в госпитале.

Когда о подвиге Ивана Сергеевича узнал поэт Алексей Сурков, то написал стихи «Разведчик Пашков». Стихи опубликовали во фронтовых газетах уже осенью 1941 года. А спустя 30 лет состоялась встреча поэта Алексея Суркова с разведчиком Иваном Пашковым.

Разведчик Пашков

Видно, был я в тот вечер в разведке плох,
Видно, хитростью был я слаб.
Заманили в засаду, взяли врасплох,
Притащили к начальству, в штаб.
Парабеллум приставили мне к виску:
— Говори, подлец, не крути!
Сколько русских в лесу?
— Как в море песку!
— Сколько пушек?
— Пойди, сочти!
Тут начальник в сердцах раскроил мне бровь,
Приказал щекотать штыком:
— Отвечай на вопросы, собачья кровь,
Не прикидывайся дураком!
В трех соснах, — говорит, — подлец, не кружись,
Отвечай, подлец, не грубя.
Скажешь правду — в награду получишь жизнь,
Утаишь — пеняй на себя...
Если бьют тебя наотмашь — боль сильна.
Это надо, браток, понять.
Я прикинул в уме — дорога цена,
И решил на себя пенять.
Рвали руки мне раз, и другой, и пять...
Били в спину и по плечу.
Мне о том, понимаешь, жуть вспоминать.
Я о том вспоминать не хочу.
Видит главный — пытка меня не берет;
Разорвал протокол со зла.

Дали в руки лопату:
— Топай вперед!
Повели меня из села.
Сам себе я взбивал земляную постель,
И меня торопил приклад.
Для неважных стрелков хорошая цель —
Безоружный русский солдат.
Разомкнули они над могилой кольцо.
Бить в упор — не большая честь!
Сколько вспышек ударило мне в лицо,
Я не мог, понимаешь, счесть.
Я в готовую яму упал ничком,
Под рубахой жжет горячо.
Офицер подошел, ударил носком,
Сверху пулей обжег плечо.
Я лежу, не дышу, мертвяк мертвяком.
Порешили, что амба мне.
Застучали лопаты. Глиняный ком
Холодком прошел по спине.
Закопали в могилу, ушли в село.
Тяжким грузом сдавило грудь.
Шевельну ногами, а ноги свело;
Глиной рот забит, не вздохнуть.
Задохнуться в могиле — какая сласть?
Стал пытаться я судьбу — каргу.
И откуда вдруг сила во мне взялась,
До сих пор понять не могу.
Повернулся. Землю руками разгрёб,
Сам себя ощупал — живой!
Под ногами холодный глиняный гроб,
Небо в звездах над головой.
Целовал я сырые комья земли,
Уползая к ребятам в лес.
В десять тридцать меня враги погребли,
А в одиннадцать я воскрес.
Отлежался я после тех похорон
И прораны свои забыл.
И опять досылал в патронник патрон
И своих могильщиков бил.

А. Сурков,
Западный фронт. 1941 г.

В музей часто приходят дети. Мы проводим экскурсии, говорим о прошлом нашего края, о людях, о свершениях. Самым ценным является осознание того, что зерна разумного, доброго и вечного попали на

Связь времен и поколений. Встреча в музее, посвященная 68-й годовщине освобождения Долгоруковского района от немецко-фашистских захватчиков

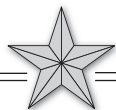
благодатную почву. В ответных словах дети говорят разное: что было интересно, что узнали что-то новое... Мне запомнилось высказывание одной третьеклассницы: «Спасибо вам за то, что вы помогли понять, какой Великий подвиг совершили советские люди в годы Великой Отечественной войны!».

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА...

*Придонов Михаил Придонович, 90 лет,
художник, участник Великой Отечественной войны,
г. Тула*

Сороковой год был насыщен знаками предстоящей войны, прошла опасная проба сил в Бессарабии и Прибалтике. Она показала истинное положение дел в армии, ее вооружения, тактики. Все это требовало незамедлительных, решительных, радикальных мер, что в какой-то мере и делалось. Но, как оказалось, слишком медленной была раскачка.

Делалось много, но недостаточно для того, чтобы достойно встретить предполагаемого сильного противника. Организовывались новые

мотомеханизированные стрелковые части, изготавливалась новейшая техника, но сказался дефицит времени. Не подумайте, что я пытаюсь наводить тень на ясный день. Просто хочу рассказать, чему был свидетелем, находясь в самых низах, в самой гуще армии.

В звании младшего сержанта, в должности помощника командира взвода, начальника радиостанции полкового масштаба, я некоторое время был командиром подразделения, вновь созданного из состава приписников, призванных из запаса на переподготовку. Фактически их призыв на переподготовку явился первой негласной мобилизацией, увеличением количества «штыков», как тогда именовали бойцов-красноармейцев.

В армии остро чувствовалась нехватка командного состава, а имеющийся не отвечал возросшим требованиям времени. Большая часть его имела образование от четырех до шести классов. В званиях и должностях люди росли, а вот что касается знаний, образования, то они оставались на прежнем уровне.

Поэтому командование в срочном порядке подбирало бойцов со средним образованием. Загодя, с дальним прицелом еще в 1939 году был издан указ о призыве в армию граждан с законченным средним образованием, не достигших даже восемнадцатилетнего возраста. Вот когда еще начиналась забота о росте численности и качества командиров.

Пробыв в должности командира взвода запасников меньше месяца, 31 мая 1941 года я был направлен в Одессу на трехмесячные подготовительные курсы младших лейтенантов.

Усиливалось предчувствие войны, нарастала тревога, а в основном все шло своим обычным чередом. Занятия на курсах продолжались, но их интенсивность значительно снизилась. Полк связи отбыл на учения поближе к границе, и курсанты вынуждены были заниматься охраной территории.

В пятницу 20 июня я был назначен в наряд нести патрульную службу на улицах города Одесса. Суббота оказалась последним мирным днем, но, к счастью, ни наряд, никто иной об этом и не подозревал. В воскресный день курсанты отправились гулять в приморский парк «Аркадия». Из трубы репродуктора лилась веселая, легкая музыка. Вдруг в 12 часов послышалось шипение, треск. Диктор строгим голосом объявил: «Внимание, внимание! Работают все радиостанции Советского Союза. Передаем важное правительственное сообщение!». Гуляющая публика сразу же примолкла, насторожилась. На лицах людей читалось напряжение, многие застыли в оцепенении, узнав, что началась война. Тишина, длившаяся несколько мгновений, была нарушена громкими и четкими командами командиров, находившихся в парке: «Объявляется тревога! Всем военнослужащим немедленно возвратиться в свои части!».

В считанные минуты все собрались у пункта сбора, построились и бегом в расположение части. Курсантам велено было сохранять спокойствие, продолжать учебу и быть готовыми по первому требованию выступить на защиту нашей Родины. Не прошло и часа, как возле ворот части собралась толпа вчерашних школьников с категорическим требованием немедленно направить их на фронт. Они обучались в кружках Осоавиахима, они освоили специальности радистов, телефонистов, мотоциклистов, санитарок. С большим трудом удалось уговорить их вернуться домой.

К вечеру были организованы группы патрулирования района части. И не напрасно. Был задержан подозрительный человек, разыскивающий несуществующий на этой улице номер дома. Задержали милиционера, который поднялся в трамвай с задней площадки и купил билет, как и все. Вечером в небе появились немецкие самолеты, пролетавшие над городом. Они не бомбили, но зенитчики открыли по ним ураганный огонь. На этом военные действия первого дня войны в Одессе завершились.

Утром меня вызвали в штаб Одесского военного округа и направили на радиостанцию штаба. Ведь все опытные радисты уже давно были на границе.

Мне довелось передавать радиogramмы в Москву и принимать радиogramмы из столицы, подписанные самим Сталиным.

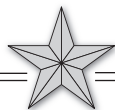
На следующий же день я послал письмо маме. «Дорогая мамочка! Итак, война началась! Финская война перед этой будет игрушкой! Ты должна это понять и быть готовой ко всему, должна сохранять спокойствие. Об этом я уже не раз писал тебе и думаю, уверен, что ты будешь спокойной. Пока мы остаемся в Одессе, но не буду скрывать, очень скоро поедем уже лейтенантами. По возможности при выезде извещу тебя. Но предупреждаю: если не будет долго писем, не волнуйся, ведь не всегда можно будет писать.

Мы были в парке, гуляли, когда всех по тревоге вызвали в часть и узнали, что началась война. В 5 часов вечера была воздушная тревога, длилась целый час. А сегодня утром вторая тревога, длившаяся 1 час 40 минут.

Хорошо хоть успел погулять и посмотреть Одессу. Был 21/6 в комендантском надзоре. Выкупался в море, выпил немного вина и даже был (почти) в самоволке. Но все сделал шито-крыто. В общем, это ерунда! Самое главное — спокойствие. Приобрети в запас продовольствие и работай в тылу, укрепляй его, потому что без тыла нет прочного фронта.

Пока все, будь спокойна. Привет всем целую крепко-крепко. Твой Миша. 23.06.41 г. Одесса. Смелее! Спокойнее!»

Страшно, когда все вокруг спокойно, а где-то рвутся снаряды. Люди гибнут! А они тут сидят и бездействуют, если то, чем они занимают-

ся, — учатся, несут охрану, работают на радиостанции, поддерживают связь с центром — можно назвать бездействием. Но уже то, что им непосредственно не угрожает смертельная опасность и над головой не рвутся снаряды, бомбы, делает их жизнь невыносимой.

Юнцы все также атакуют входные ворота, требуя их немедленной отправки на фронт. Бедняжки боятся опоздать, что война закончится без их непосредственного участия. Из нескольких ребят и девушек набрали экипаж радиостанции и направили на фронт. Велика была печаль, когда получили известие, что радиостанцию запеленговали — сказалась неопытность радистов — и уничтожили. Эта потеря удручающе подействовала на всех ребят, возмущались, что их стремление попасть на фронт остается невыполненным, но на фронте, оказывается, и убивают. Тем временем к матери полетело от меня следующее письмо. «Дорогая мамочка! Посылаю тебе мою карточку! Получился довольно неудачно, но лучше, чем ничего! Посылаю также карточки для Иры. Когда получишь ее адрес, так и перешли ей, пожалуйста. Я не знаю ее адреса, а то послал бы сам.

Вчера ночью было несколько налетов немецкой авиации, но до города их не допустили. Зенитная артиллерия открыла заградительный огонь. Очень красиво. Один самолет сбили. Ну, кончаю. Целую крепко. Миша. Спокойнее. 24.06.41 г. г. Одесса».

А еще через неделю отправил ей новое письмо. «Дорогая мамочка!... Пока нас держат здесь, и заниматься толком не занимаемся и пользы не приносим. Просимся, чтоб отправили, да не отпускают, т. к. нами распоряжается нарком. Сам работаю на радиостанции, так что «почти воюю». Очень не терпится, скорее выехать бы на фронт! Ну, ничего, еще успеем. ...На Одессу немцы редко налетают, но все же позавчера удалось сбросить несколько бомб на аэродроме ...Не беспокойтесь, что немец пока наступает. Это ерунда! Человеку с мозгами это понятно. Сконцентрируем свои силы и через каких-нибудь 10 дней подмажем немцу задницу скипидаром! Ну, все. Целую крепко, крепко».

Жизнь в полку продолжалась своим чередом. Занимались, работали, выполняли свои обязанности. Выступление товарища Сталина 3 июля 1941 года вселило в людей уверенность в то, что мы непременно победим. Сомнений в этом не было ни у кого.

На фронт ребята уже не просились, ожидали приказа наркома о присвоении звания младшего лейтенанта и направления в действующую часть. Наконец, приказ был получен, и следовало немедленно отправляться. Но тут выяснилось, что на этот момент, а именно 16 июля, выехать по железной дороге уже стало невозможно. Немцы перерезали дорогу. И это меньше чем через месяц после начала боевых действий!

Начальник сборов собрал всех выпускников. А их набралось сорок человек. Группами по два-три человека направлялись в различные

части. Два автобуса довезли их до Херсона. Половина команды направилась в Крым, а вторая вместе со мной — в Днепропетровск. Плыли пароходом вверх по Днепру, распевали во весь голос. Было весело, шутки и смех не прекращались до конца поездки. Вся команда постепенно покидала борт гостеприимного судна. От Днепропетровска мне предстоял еще короткий путь по железной дороге в Днепродзержинск.

Своевременно явился в штаб дивизии, а оттуда меня направили в отдельный батальон связи командиром радиовзвода. Собственно батальона, как такового, еще не существовало. Надо было начинать все с самого начала. Несколько командиров — вот тебе и весь батальон связи. Понемногу начал поступать и личный состав, но подготовленных специалистов не было. Поступала техника, оружие. Почти всюду был некомплект, к примеру, винтовка без ремня, ремня и у солдат не было, как и котелков, и много чего другого. В то же время были получены четыре мотоцикла с колясками для офицеров связи, мощная радиостанция РСБ-Ф на трехосной автомашине. Прибыв на новое место службы, тут же написал маме письмо.

«Дорогая мамочка! Очень и очень извиняюсь, что долго тебе не писал. Не было времени, ни возможности и ни адреса. Я, правда, писал тебе еще, когда только приехал в Днепродзержинск, но ответа не получал. Также посылал и телеграмму, но ответ получил только на последнюю.

Чувствую, что ты очень беспокоишься, волнуешься и плачешь, но совершенно напрасно. Со мной ничего случиться не может. Правда, тебе тяжело, я знаю, но наберись сил и мужества и будь спокойна и делай свое дело. На днях получу деньги и вышлю тебе. По возможности буду тебе помогать.

С шестого августа я на фронте, воюю! Пока все в порядке, жив и здоров, чувствую себя прекрасно, лучше нельзя. Думал, будет страшно с непривычки, совершенно наоборот, чувствую себя, как дома. Попадал несколько раз в переплеты, но ничего не берет (и не возьмет) меня!

Напиши подробно, как твоё здоровье, дела, что делаешь, что делают все наши. Все меня интересует, ведь я давно ничего не получал. Ну, пока все. Целую тебя крепко, крепко. Твой Миша.

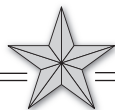
Привет всем! 16.08.41 г.

Мой точный адрес: Действующая Красная армия

Полевая почтовая станция 983 631 ОБС

Младшему лейтенанту Михаилу Придонову».

6 августа, по тревоге, навстречу прорвавшимся танкам противника, усиленным воздушным десантом, выдвинулся стрелковый батальон, где был и я в качестве офицера связи на мотоцикле. Приказ командира дивизии полковника Калинина гласил: «Уничтожить танки противника, аки можно больше». Вооружен был батальон винтовками и

парочкой ротных минометов. Все это оружие для уничтожения танков не годилось. Даже противотанковых гранат не дали. Продовольствия также не выдали в расчете на солдатскую сообразительность.

Батальон закрепился в лесопосадке. Завязалась перестрелка, в итоге которой, неся большие потери, батальон отошел на следующую лесополосу. Итак, шесть дней сдавали противнику по одной полосе. Мало? Согласен. Но одновременно, противнику не дали продвинуться дальше этого ничтожно малого расстояния. В масштабах всего фронта это капля в море, но из малого и составляется большая победа. На шесть дней батальон смог задержать продвижение противника. Считай, приказ выполнен.

Сколько было уничтожено танков, никто не считал. Зато батальона, как не бывало. Через шесть дней оставшиеся крохи соединились с частями дивизии, и заботливый сынок сразу поспешил написать матери. «Дорогая мамочка! Урвал кусочек свободного времени и решил еще раз написать тебе, не дождавшись ответа. Как видишь, жив и здоров, все в порядке. Правда, уже шесть раз я уцелел. Уверен, что и дальше так будет. Часто езжу на мотоцикле (сам езжу), а его всегда обстреливают из миномета. 2 раза пришлось вернуться. Не дал проехать, стервец! О нашем направлении недавно передавали по радио. Наверное, слышала... А также получила ли деньги, которые я послал (350 и 500 р.) Можешь теперь не работать, я смогу тебя обеспечить. На днях вышлю бумагу, по которой будешь сама получать деньги в военкомате 400 рублей. Не благодари и не ругай. Я счастлив, что наконец могу обеспечить тебя... Напиши обо всем и всех подробно и особенно о себе. Хочу послать немного денег бабушке. Пусть старуха порадует. Не плачь и не волнуйся, я в безопасности. Сейчас отдыхаем. Целую крепко-крепко. Привет всем вам. Миша. 27.08.41 г.»

После этого дивизия, теснимая противником, продолжала с боями отходить. Были сданы противнику такие города, как Верхнеднепровск и Днепродзержинск. Под обстрелом переправились на левый берег Днепра и там закрепились. В первый день осени на родину пошло еще одно письмо. «Дорогая мамочка! Посылаю тебе аттестат на 400 рублей. По этому аттестату будешь получать с первого сентября по первое мая деньги в районном военкомате! Если война еще и дальше затянется, то вышлю еще. Пока все в порядке, отдыхаем. Скоро попрем немца так, что пятки засверкают. Дальше Днепра ему не пойти! Ну, пока все. Пишите. Привет всем. Целую крепко, твой Миша. 01.09.41 г.»

Плацдарм на левом берегу надежно и долго удерживался дивизией. Подходы к частям, занявшим оборону непосредственно вдоль левого берега, были пристреляны минометами противника и практически превратились в неодолимую преграду, в мертвую зону. Связь и снабжение были затруднены, и вся дорога оказалась усеяна разбитыми машина-

ми, подводами, убитыми лошадьми. Тела павших бойцов с трудом подбирались и предавались земле. Мне вместе с начальником связи неоднократно приходилось добираться до берега с большими сложностями, маневрируя между разрывами мин.

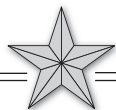

Мл. сержант Придонов. Май 1941 г.

Пока было возможно, играл с минометчиками в кошки-мышки.

Наша дивизия держала левый берег до той поры, пока севернее по Днепру немцы, преодолев сопротивление соседней дивизии, сумели переправиться и захватить плацдарм. Кольцо окружения сжималось и в конце концов замкнулось. Перед дивизией встала угроза полного окружения. Некоторые подразделения выбрались по дороге, пока она не была перерезана. В их числе и полевая почтовая станция. Связисты сообщили, что на мое имя пришла посылка. Представляете! И это несмотря на всю сложность положения. Со своим взводом явился на ППС получать посылку.

Тут же ее вскрыли и общими усилиями уничтожили все вкусное содержимое. Отсюда я послал маме последнее письмо с фронта, которое успело проскочить сквозь щель в кольце окружения. «Дорогая мамочка! Получил еще одну открытку и письмо от тебя. Очень рад, что все деньги получила, а с 50 рублями, черт с ними. Напиши обязательно, как получишь аттестат, так как с меня эти деньги вычитают, а ты можешь их не получать. За посылку большое тебе спасибо от меня и наших ребят! Мы сообщаем довольно быстро ее уничтожили! Большое спасибо! Мне пока ничего не надо, но если сможешь, то пришли хороших папирос (попроси у Сурена для меня) и как-нибудь вина № 5. Буду благодарен, а теплого ничего не надо, все получу необходимое. За адрес Иры большое тебе спасибо, уже написал ей письмо. Напиши, что она тебе писала. Напиши, получила ли мои карточки, посланные еще из Одессы в начале войны. Пока все в порядке. Не беспокойся. Ты у меня молодец, по письмам вижу, что бодрисься, правильно, так и надо! Получил письмо от папы и карточку, он тоже в армии — старший политрук. Но еще не на фронте и очень хорошо выглядит. Ну, пока! Все. Привет всем, всем. Почему не пишут? Вчера видел пленного немца, не мог спокойно смотреть на него, так и тяну-

ло пристрелить его, как собаку! Ну, все. Целую крепко-крепко. Твой сын Миша. 20.09.41 г.»

События разворачивались с неимоверной быстротой. Была совершена попытка прорвать кольцо окружения большой разношерстной колонной. Но путь ей перерезала мощная группировка немцев. Завязался сильный бой. Колонна не смогла противостоять немцам и вынуждена была отойти. В этом бою погиб командир дивизии полковник Калинин, и командование дивизией принял на себя начальник штаба полковник Дашевский.

Машина с радиостанцией находилась в этой колонне. Когда начали отходить, их по пятам преследовали немецкие автоматчики, обстреливая машину с расстояния в 40–50 метров. С большим трудом удалось спасти радиостанцию и вывести ее из-под огня в целости и сохранности. Узнав об этом, комиссар заявил, что как выйдем из окружения, представлю тебя к ордену Красной Звезды.

Кольцо сжималось все туже и туже. По приказу радиостанцию со слезами на глазах пришлось уничтожить. Одна попытка прорыва не увенчалась успехом. За ней следует вторая. Опять неудача. Затем для прорыва организовали ударный кулак — несколько грузовых машин, загруженных ручными гранатами и добровольцами. Но и эта попытка прорыва захлебнулась.

Тогда у начальства появилась новая идея — прорываться из окружения маленькими группами. Комиссар дивизии назначил меня в свою личную охрану, лишив возможности прорываться во главе родного взвода.

Разбившись на группы, каждая из них следовала маршрутом, избранным по своему разумению. Шли только ночью. Утро застало нас на открытом участке. Послали разведку, она не вернулась. Вместо нее налетел транспортер с пушечкой и солдатами и с ходу начали палить. Пришлось пойти на немцев в атаку, в рукопашную, этого они не любят. Перебили всех, и давай дальше, пока не прибыло немцам пополнения.

Дошагали до неизвестной деревни, разошлись по хатам добывать себе пропитание и пошли дальше. С рассветом замаскировались в скирдах скошенной пшеницы. День был в разгаре, но солнце уже близилось к закату, когда послышался визг тормозов остановившейся машины. Раздались крики на немецком языке, приказы, отдельные выстрелы. Шум свалки, перестрелки продолжался. Очевидно, некоторые командиры оказали сопротивление. Внезапно все стихло. Живых немцы захватили с собой в плен и увезли, убитых бросили, забрав оружие, документы.

Кого следовало благодарить за сообразительность, маскировку, за дисциплину, сохранившую жизнь, нам, трем счастливицам? Теперь только вперед прорываться в направлении Харькова.

На пути встретилась деревня. Слышен беспокойный собачий лай. Неожиданно где-то прозвучал выстрел! Значит, в деревне враг. Пошли дальше, во второй деревне то же самое. В третьей деревне постучали

*М.П. Придонов с правнучкой
Элиной в день своего 90-летия*

в первую попавшуюся хату, оружие наготове. Хозяин оказался добреньким, хлебосольным мужиком, угостил нас картошкой вареной с квашеной капустой, дав ватники и драные штаны в обмен на наши шинели и гимнастерки.

И в таком маскараде, при дневном свете, не стесняясь немцев, начался бродяжнический этап выхода из окружения. Со временем мы привыкли к своим необычным костюмам и уже спокойнее продолжали поход. На отдаленных от станции Красноград путях чуть не попали в плен, но удалось сбежать.

В поисках пресловутой линии фронта, которая, к великому сожалению, с каждым днем отодвигалась все дальше и дальше на восток, при переходе моста между деревней Кохановка и селом Медведовка нас

задержал немецкий фельдфебель. Все! Приехали! Так, с 17 октября 1941 года начались мои скитания по лагерям для военнопленных и концентрационным лагерям.

В заключение хотелось бы познакомить еще с двумя посланиями. Первое — открытка, полученная моей мамой в новогодние дни морозного 1942 года. «Здравствуйте уважаемая т. Зейц, письма, которые вы посылали тов. Придонову, я вам возвращаю, потому, что он сейчас не находится в нашей части. Выбыл он два месяца тому назад в другую часть. Точного адреса не могу сообщить. С тем до свидания, извините за беспокойство. Пишет вам его близкий товарищ, работник полевой почты Шура Кальнышева».

На открытке стоял штамп полевой почты от 02.01.42 г. Вот такие внимательные были люди в годы тяжелейших испытаний для всего народа. Находили же время и желание хоть чем-то помочь человеку, попавшему в беду.

Второе — письмо, наглядно характеризующее взаимопонимание и душевную теплоту людей в годы войны. На территории Польши мне с товарищем удалось бежать из лагеря военнопленных. Но недолго до-

велось ходить на воле. Нас схватили и посадили в тюрьму, где в одной камере находились и поляки за какие-то незначительные нарушения. Перед тем, как нас с товарищем отправляли дальше в концлагерь, я обратился с просьбой к одному поляку с приходом советских войск написать письмо моей матери. Вот оно. «Добрый день Спиридоновы! Вы простите нас за беспокойство, но мы считаем своим долгом сообщить следующее: сегодня, т.е. 14.09.44 г. нас встретил гражданин и рассказал о том, что он говорил со Спиридоновым Михаилом и узнали, что он, т.е. Спиридонов Мих. два года находился в лагере для военнопленных, где находится и сейчас, но этот лагерь переведен в Германию. Этот разговор был в городе Санок. Вот об этом и просил передать вам М. Спиридонов. С приветом не знакомые вам С.И. Сагалаев, Кочерьян, М.Ф. Терешин»

Вот такими были эти посторонние люди с добрым сердцем, с которыми даже познакомиться не довелось. Правда, они несколько исказили фамилию. Как услышали, так и написали. Самое примечательное, что письмо написали три человека. Три солдата. И у всех присущие разным национальностям фамилии. Первая похожа на мусульманскую, вторая явно армянская, а третья исконно русская. Целый интернационал! Это говорит о дружбе народов Советского Союза. Огромная им благодарность за то, что они сделали...

«ЕСТЬ ПАМЯТЬ, КОТОРОЙ НЕ БУДЕТ ЗАБВЕНЬЯ, И СЛАВА, КОТОРОЙ НЕ БУДЕТ КОНЦА!»

*Жукова Татьяна Григорьевна, 51 год,
учитель истории,*

*Никитина Анастасия Андреевна, 14 лет,
ученица 9 класса МБОУ Дубровская №1 СОШ
им. генерал-майора Никитина И.С.,
п. Дубровка Брянской области*

24 августа 1941 года. Фашистские войска уже оккупировали Дубровский район. В поселке Дубровка и на железнодорожной станции много немецких солдат и офицеров, немало вражеской техники: бронемашин, автомобили, мотоциклы.

Из записи переговоров Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина и начальника Генерального штаба Б.М. Шапошникова с командующим Брянским фронтом генерал-полковником А.И. Еременко об обстановке в полосе Брянского фронта на 24 августа 1941 года, хра-

нящейся в фондах Брянского фронта в Государственном архиве Министерства обороны, знаем, что в районе Дубровки и Рогнедино дислоцировалась 29-я моторизованная дивизия вермахта, а в районе Пеклино — 17-я танковая дивизия.

Такие сведения поступали в штаб фронта и далее в Генштаб и Ставку от специально созданных отдельных разведотрядов, главная задача которых как раз и состояла в добывании разведанных, действуя в тылу противника.

В разведсводке в штаб 279-й стрелковой дивизии сообщается: «24.08.1941 г. Разведкой боем установлено наличие противника на ст. Дубровка, силы не установлены. Ночью охрана противника имеется в восточной и южной окраине Дубровки». Как знать, возможно, это была последняя радиограмма, переданная разведгруппой из 15 разведчиков под командованием лейтенанта К.В. Лури в штаб.

Отряд шел из-за Десны, со стороны Девочкино, Казанова, Голубеи. Столкнувшись с немецким боевым охранением на окраине Дубровки, разведчики приняли здесь свой последний бой.

В архиве местного историка-исследователя Николая Яковлевича Гееца, есть уникальная запись воспоминаний очевидца этого боя Александра Афанасьевича Кротова, увы, уже ушедшего из жизни.

«Во время войны я жил с родителями на улице Красной (ныне Ленина). В конце августа, когда наши войска были за Десной, поздно вечером началась стрельба на окраине поселка, недалеко от конца нашей улицы. Стрельба усилилась, когда от центра поселка и железнодорожной станции к месту боя прибыла немецкая пехота. В поселке находилось много техники, машин, мотоциклы, бронемашин. Из-за Десны по станции открыла огонь наша артиллерия. Загорелся пакгауз. Стрельба из автоматов и пулеметов была слышна на окраине около часа. А потом выстрелы все реже стали слышны на поле (в районе нынешнего первого микрорайона) и стихли совсем».

Наших погибших бойцов похоронили местные жители в общей могиле на территории, где впоследствии была ПМК, а теперь бесхозное болото. Через несколько лет после войны их останки перенесли в братскую могилу на Мемориал Славы.

В материалах 11 отдела Архива МО по учету безвозвратных потерь (с этими данными теперь может познакомиться любой желающий на сайте <http://www.obd-memorial.ru>) читаем имена разведчиков 279 сд, пропавших без вести под Дубровкой 24 августа 1941 года: Лури Константин Владимирович, лейтенант, командир разведотряда, Матусов Олег Леонидович, лейтенант, командир взвода, Коршунов Александр Иванович, Ковлягин Павел Фролович, Ликанов Анатолий Васильевич, Лазарев Александр Иванович, Голубев Вениамин Константинович, Родин Федор Григорьевич, Рачеев Владимир Алек-

сандрович, Варюхин Николай Сергеевич, Давыдов Федор Иванович, Алексеев Алексей Дмитриевич, Ляпин Виктор Георгиевич, сержант, командир отделения, Новиков Владимир Михайлович, сержант, Макаров Павел Васильевич.

И вот неожиданно эта история более чем 60-летней давности получила продолжение, еще раз подтверждающее мудрость о неразрывности связи времен и поколений. Около 14 часов пополудни в пятницу, 28 августа 2010 года, у поселковой школы №1 остановилась машина с московскими номерами. В поисках могилы своего мужа, отца, деда и прадеда лейтенанта Константина Владимировича Лури, командира отдельного разведотряда, приехала из столицы семья Максимовых.

Внучка, правнук, вдова и дочь К.В. Лури

Вдова Константина Лури Клавдия Степановна, бывшая учительница русской словесности (преподавала в школе до 82-х лет!), которой скоро исполнится 90 лет, живо и подробно рассказывала о своем муже.

«Откуда пошла фамилия мужа, какие у нее корни, я не знаю. Мы ведь прожили вместе только один год», — говорит Клавдия Степановна. (В словаре мы потом посмотрели: «Ашкеназская по происхождению, фамилия Лури (Лурье, Лурия, Лурья, Луриа, Лори, Лория и ряд других созвучных вариантов) исторически была наиболее распространена в России, Польше, Германии, Италии, Франции. Обыкновенно она возводится к названию городов Лория (Loria) в провинции Тревизо региона Венето (Италия) и Луар-сюр-Рона (Loire-sur-Rhône) в департаменте Рона (Франция)»).

Константин Владимирович Лури родился 3 июля 1919 года в Новосибирске в очень интеллигентной семье. Мать, Прасковья Константиновна (урожденная Орлова), была дочерью владельца крупной типографии. Она окончила институт благородных девиц, прекрасно

музицировала, владела иностранными языками. А отец был известным и уважаемым в городе адвокатом. До революции он имел частную адвокатскую практику. К сожалению, своего отца мальчик не помнил: он умер от тифа, когда сыну исполнился всего год.

Клавдия, Константин и Ларочка Лури

Женившись на вдове, ребенка усыновил друг отца Власов Петр Иванович, тоже адвокат, и дал ему свою фамилию. В 1937 году отчим был репрессирован. Небезосновательно боясь за будущее ребенка, он посоветовал Косте сменить фамилию, вернув отцовскую — Лури, что тот и сделал.

Константин Лури, с отличием окончив школу, поступил в технический институт, где проучился два года. Но потом решил, что его призвание быть учителем и стал работать в школе, продолжая учебу заочно. Высокий, статный учитель с безупречно правильными чертами лица, мощной шевелюрой, обаятельной улыбкой и лукавыми глазами пользовался большим успехом у девушек. Но ему приглянулась молоденькая учительница Клавдия, красавица, хохотушка и выдумщица, заводила многих добрых школьных дел. Вскоре они сыграли свадьбу. Молодая семья жила так дружно и счастливо, что вызывала зависть у многих, кто их знал.

Образованного и трудолюбивого активиста-учителя заметили и пригласили на работу в горком комсомола, приняли кандидатом в члены ВКП(б). Его ждала карьера комсомольского, а потом партийного работника. Но 1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война. С самого начала было ясно, что избежать войны СССР не удастся. И Константин Лури в 1940 году становится курсантом Новосибирского пехотного училища.

Молодая жена с новорожденным ребенком часто по вечерам прибегала к казармам, в которых жили курсанты, и ждала, когда у мужа

выпадет свободная минутка. Он выходил к «своим девчонкам», как называл жену и маленькую дочку, и они несколько минут гуляли вместе. «Помню, однажды зимой мы прогуливались с мужем по дорожке, — с улыбкой говорит Клавдия Степановна. — Холодно, ветрено, но расставаться не хочется. Вдруг мужа позвали, он быстро попрощался с нами и побежал, а я с ребенком на руках за ним. И потеряли маленький валенок, он просто свалился с ножки дочки Ларисы в огромный сугроб. Хорошо, что заметил какой-то солдатик и помог нам найти валенок и надеть его».

В июле 1941 года состоялся досрочный выпуск училища. Молодые лейтенанты уходили на фронт. Отправка, как это часто бывало, оказалась неожиданной. «Никогда не забуду нашу последнюю в жизни встречу, хотя длилась она всего несколько минут, — с горечью в голосе вспоминает вдова. — Мне едва успели сообщить о том, что муж уже на вокзале и вот-вот будет отправка. Бежала с ребенком изо всех сил. Эшелон уже стоял под парами. Паровоз пыхтел, нещадно дымил и гудел. На перроне собрались уже все члены нашей семьи: мама мужа, моя мама, другие родственники. Подбегая, я видела, как волновался Костя, метался вдоль вагонов, выглядывал нас с Ларисой. Увидел, побежал навстречу, схватил дочку, прижал к груди, что-то прошептал ей, поцеловал. Потом обнял и поцеловал меня, попросил беречь себя и дочку, сказал, что обязательно вернется. Да вот не случилось... Раздалась команда: «По вагонам!», и эшелон двинулся. Муж вскочил уже на ходу и долго-долго, пока было видно, махал нам рукой».

Клавдия Степановна получила от мужа с фронта лишь одно коротенькое письмо, скорее даже это была записка. До сих пор вдова дословно помнит ее содержание: «Дорогие мои Клава и Ларочка! Стоим в Брянских лесах. Что такое вражеские пули, уже успел узнать. Но ничего, они свое получают. Клава, прошу тебя, береги дочку. Обо мне не волнуйтесь. Все будет хорошо». И больше Клавдия Степановна о муже ничего не слышала.

Сама она позже тоже ушла на фронт. Служила на Украине, в секретке III Украинского фронта. Вестей от мужа не было, но она верила, что после победы они обязательно встретятся.

«В 1945 году, — говорит Клавдия Степановна, — меня вызвали в военкомат в Новосибирске и сообщили о том, что мой муж, лейтенант Константин Владимирович Лури, командир отдельного разведотряда 279-й стрелковой дивизии, пропал без вести. И все. Долго ждала, потом еще раз вышла замуж. Жизнь продолжалась. Все было в целом хорошо. Но боль потери не отпускала, неопределенность угнетала.

Все эти годы мы искали следы Кости. Писали в различные архивы — все безуспешно. И вот наконец случилось! Моя внучка Леночка нашла информацию о своем деде в Интернете на сайте <http://www.obd->

memorial.ru. И вот мы здесь. Собрались за три дня. Мне уже ждать нельзя. Четыре поколения семьи приехали сегодня на могилу к Косте...»

Трудно было без слез смотреть, как старая женщина, что-то шепча, высыпала на могилку мужа землю, привезенную с родины, и набирала в простой целлофановый пакетик землю с могилы бойца, чтобы увезти ее с собой. Вдова, дочь, внучка и правнук лейтенанта-героя положили цветы на все могилы мемориала. Где именно покоится Константин Лури, никто не знает. Да и память, цветы и слезы в равной мере заслужили все павшие защитники Отечества. Воистину «Есть память, которой не будет забвенья, и слава, которой не будет конца!»

НАЧАЛО БЕДЫ

*Лейкин Зиновий Лейбович, 87 лет,
ветеран Великой Отечественной войны,
участник Итальянского сопротивления,
Заслуженный работник культуры России,
руководитель хора ветеранов города,
Гиватайм, Израиль*

Беженцы

Родился я 8 октября 1924 года в старинном городке Стародуб, в настоящее время — Брянской области, который старше Москвы на 800 лет. Когда-то город входил в Черниговскую губернию Украины, затем — в Гомельскую губернию Белоруссии.

В начале июля 1941-го при городском отделении милиции организовали истребительный батальон для борьбы с диверсантами. Я, как активный комсомолец-старшеклассник и патриот, одним из первых вступил в этот батальон. Нам выдали винтовки, несколько раз вывозили пострелять, так как мы никогда из боевых винтовок не стреляли. Жили мы на казарменном положении. Наши командиры говорили, что если немцы придут сюда, то батальон уйдет в леса и будет действовать как партизанский отряд. Но мы не думали, что немцы придут так быстро.

В городе пресекали все разговоры об эвакуации, но жители, кто мог, старались каким-то путем уехать. Муж маминой сестры был заводчиком табака. У него была лошадь. 17 августа его семья и наша собрались выехать. Числясь в истребительном батальоне, я уехать с ними не мог. Я отпросился у командира до утра. Вечером наши семьи выехали из города в еврейский колхоз, к родственникам, рассчитывая там несколько дней переждать. Колхоз «Красная звезда» располагался

в пяти километрах от города, а немцы были уже в 15 км. Но тогда никто об этом не знал и не ожидал, что они войдут в Стародуб.

Где-то в середине дня 17 августа по радио объявили, что завтра в горисполкоме будут выдавать эвакуационные документы. Поэтому мой отец остался дома, чтобы получить такой листок, а затем прийти к семье в колхоз.

Часов в 5 утра на велосипеде я поехал в город. В городе было спокойно. Отца в доме уже не было. Разжег примус — вскипятить воду для чая. К началу седьмого утра и мать пешком вернулась в дом. Только мы сели пить чай, как раздался грохот. Подумалось, что салютуют в честь Дня авиации. Я выскочил во двор и заметил в небе самолет. Мы продолжили завтрак, но через минуту послышалась серия взрывов. Я вновь выскочил на улицу и увидел бегущих людей с детьми, с мешками.

Напротив нашего дома располагался штаб воинской части. И там — та же суматоха, крики, из которых я понял: немцы вошли в город. Матери велел бежать в колхоз, к нашим, а сам сел на велосипед и направился в милицию, в истребительный батальон. Приехал, но никого там не застал. Я — к исполкому, на площадь. Вот

там я увидел танки со свастикой, стреляющие прямой наводкой по магазинам. Развернулся, выехал на дорогу, ведущую к колхозу, догнал мать, посадил ее на раму велосипеда. На дороге там и тут лежали трупы женщин и детей. Немцы уже обстреливали эту дорогу из пулеметов. Но мы прорвались. В доме — ни наших, ни подводы. Кого ни спрашивали о близких, никто не мог дать ответ.

Из колхоза уходили две дороги: одна — прямо, другая — влево. Большинство ехало прямо. Мы с мамой договорились, что она пойдет пешком прямо, а я на велосипеде поеду быстрее в надежде догнать своих. Однако, обогнав множество подвоя, своих не обнаружил. Боязнь потерять мать остановила меня. Через некоторое время мы вновь были вместе.

Шли день и ночь. На следующий день мы вышли к реке Десне, где у переправы скопилось несколько тысяч людей, не только евреев, но и русских. Завязывались скандалы и даже драки при посадке на паром. Мама решила ждать своих здесь. При нас не было ни денег, ни продуктов, ни одежды.

З.Л. Лейкин

К концу дня подъехали родной брат мамы с женой на своей подводе и мамин двоюродный брат с семьей, но нашей подводы все не было.

Комсомолец Лейкин

Нас стали уговаривать переправиться через реку, но у мамы началась истерика. Она горько плакала и наотрез отказывалась двигаться дальше без дочери Паши пятнадцати лет и шестилетнего сынишки Володи.

Мы переправились через Десну в районе села Середина-Буда и решили дальше не ехать. Наши родственники продолжили путь, мы остались вообще без средств существования. Мать все это время не могла успокоиться. Надо было раздобыть еду. Просил у местных жителей. Но таких, как я, было очень много. Редко что удавалось достать.

Стало ясно, что своих мы не дождемся. Те, кто переправлялись, говорили, что немцы все дороги уже перерезали. Это было похоже на правду, с этих направлений люди перестали прибывать.

Я по мере сил помогал маме успокоиться, убедил ее двигаться на Фатеж, затем на Демитровск. Немного продуктов добыл в обмен на мой велосипед.

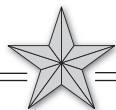
Добрались до станции Касторная. Наши продукты кончились, и мне опять пришлось просить. Мама тяжело переживала эту ситуацию.

Мы нанялись в одну семью копать картофель и заработали мешок картошки. Добрые люди посоветовали сесть в какой-нибудь эшелон. Так эшеленом для беженцев мы доехали до Сталинграда. Оттуда — за Волгу, в поселок у озера Баскунчак. Там еще было спокойно, и люди были добрее. Очевидно, что мы были одни из первых прибывших из прифронтовых мест. На базаре меня угостили плетеной вяленой дыней. До сих пор помню ее прекрасный вкус.

Эвакуация. Чимкент

Через пару дней беженцы погрузились в эшелон. Прибыли в Чимкент, где эвакуопункт раз в день обеспечивал нас кое-какой пищей.

Не помню, каким образом мама встретила землячку из Стародуба Ольгу Федоровну Разумную нашу соседку. В то время она жила в Чимкенте с мужем, работала директором средней школы. Она приютила

нас у себя с тем, чтоб мама была у нее домработницей. Там мама прожила до освобождения Стародуба. Я получил работу на строительстве химзавода. Был рубщиком железа и молотобойцем. Потом был переведен на работы по установке системы парового отопления, где приходилось таскать на спине двенадцатисекционные батареи. Был избран комсоргом завода без освобождения от работы. Мне не была мила такая нагрузка, но парторг завода убеждал, что ему нечем заменить меня. Так я и остался комсоргом до отправки на фронт.

На работе мне полагались продуктовые карточки, по которым получали по 500 граммов хлеба. Остальных продуктов я ни разу не получал из-за их отсутствия в пунктах раздачи.

Где-то с середины января 1942 года рядом со стройкой начала формироваться воинская часть, состоящая в основном из казахов. Питались новобранцы вне помещений. Они носили мимо нас бачки с пшеничным супом, сиявшим желтым жиром, да им из деревень привозили большие горшки с мясом и с чем-то еще соблазнительным. Нас окутывал такой запах, что не было сил терпеть.

В это время по радио сообщили, что наши войска освободили Ростов. Честно говоря, голод и восторг по поводу освобождения Ростова побудили меня принять решение идти на фронт. Тогда мне было 17 лет. Несовершеннолетних в армию не брали. Как-то я услышал, что в воинскую часть нужны музыканты для оркестра. Нашел старшину, руководителя оркестра, и попросил его помочь уговорить начальника штаба взять меня в воинскую часть. Старшина прослушал меня. Я ему очень понравился. Вместе с ним я предстал перед начальником штаба, которого старшина уговорил взять меня на службу. Все это я делал втайне от мамы.

Чтоб придать моим планам весомость, я попросил начальника штаба написать на мое имя бумажку в виде повестки, чтоб я мог рассчитаться с заводом и убедить маму в неизбежности призыва. С повесткой явился в заводоуправление, в один день рассчитался. Это было в начале месяца, и у меня оставались почти целые продуктовые карточки. В заводском магазине предъявил повестку об уходе в армию, отоварил карточки.

В оркестре я успел поиграть около двух недель, как неожиданно пришел приказ об отправке на фронт. Нас выстроили на привокзальной площади. Настал момент посадки в вагоны. Родственники и знакомые бросились к своим отъезжающим. Мать обняла меня. Я не мог оторваться от нее, столько боли было в ее глазах. Последнее, что осталось у нее после потери всей семьи, уходит в неизвестность. До сих пор помню ее плач и взгляд, полный горя. Ольга Федоровна с мужем еле оторвали ее от меня. Как успокаивали ее, я уже не видел. Буквально через пару минут мы погрузились. Поезд тронулся. Солдаты стали устраиваться на нарах.

На Запад

Никакого оружия нам не выдали. Сколько дней мы ехали, я уже не помню, но помню, что нас высадили на каком-то полустанке и приказали тихо выгружаться из вагонов со своими вещами. Около поезда стояло много подвод, на которые погрузили наши вещи и музыкальные инструменты. Больше эти инструменты в глаза не видел. Построили нас. Колонна двинулась в темноту. К утру мы прибыли на место, на фронтовые позиции недалеко от города Лисичанска. Вместо оружия нам вручили ломы и лопаты. Приказали рыть траншеи и строить доты. Мы находились километрах в семи от передовой линии обороны. Несколько дней рыли окопы, землянки, обустривались. Дней через 10–12 нам стали выдавать винтовки, новенькие, только из-под станка. Приклады были такие, что можно было занозить руки, если ненароком резко проведешь по ним. Ствол винтовки тоже был неотшлифован. Контингент бойцов отличался тем, что многие из казахов вообще не знали русского языка. В моем батальоне приказали взять по группе казахов, не владевших русским, тем, кто может обучить их хотя бы воинским командам. Были среди новобранцев и с антирусскими настроениями, не желавшие учить язык. Еще в период формирования части было несколько случаев убийства русских однополчан. Два случая были таких. Утром солдаты, зайдя в туалет, увидели ноги солдата, торчащие из ямы с нечистотами. Поэтому и здесь было очень трудно с ними сживаться.

Политрук батальона из моего личного дела узнал о моей комсомольской должности на заводе, организовал собрание, на котором меня выбрали комсоргом. По роду своего назначения я должен был заниматься укреплением дружбы. Комсомольская организация у нас была маленькая, всего несколько человек.

В батальоне был один боец, лет тридцати, бывший заключенный, да очевидно, сидевший не единожды. Он хорошо пел, в основном блатные песни, а я немного владел гитарой. Мы подружились. Он где-то нашел гитару и мы, пока были во второй линии обороны, в редкие минуты отдыха развлекали однополчан.

По роду службы мы охраняли два склада: продовольственный и артиллерийский. Однажды я дежурил, то есть стоял на посту у продсклада, с часу ночи до трех. Это самое тяжелое время дежурства. Я знал, на посту нельзя прислоняться ни к чему, чтобы не уснуть. В эту ночь дул прохладный ветерок. Укрылся за мешками с зерном, слегка прислонился к ним и уснул стоя. Очнулся от ощущения кого-то рядом с собой. Открыл глаза и вижу: к моей винтовке тянется рука начальника караула.

— Товарищ старший лейтенант, я вижу, что вы идете.

Он отчитал меня. «Не миновать гауптвахты», — подумалось мне. Но нет, командир велел идти в землянку и прислать моего сменщика.

Не знаю, почему он так поступил. Может потому, что я был самым молодым в части.

В тот период поступило предложение командования отправить меня в Ташкент на годичную учебу в военно-фельдшерское училище, так как я имел образование 9 классов, тогда как во всей дивизии не было ни одного бойца с 7-летним образованием. Кроме того, требовался человек не старше 19–20 лет. Я отказался. Командование было вынуждено послать на учебу 18-летнего парня, закончившего 5 классов.

На нашем участке фронта все было спокойно. Занимались повседневными работами: ходили на стрельбище, проводились политзанятия. Меня, как комсорга батальона, время от времени вызывали в политотдел полка и инструктировали, как, какими методами проводить политагитацию. Например, факт освобождения Ростова следовало преподнести, как первый шаг к дальнейшему наступлению, что наша оборона крепка, вооружение хорошее. И действительно, в начале июня меня и других секретарей комсомола вызвали в штаб полка и показали ранее незнакомое оружие: противотанковые винтовки ПТР, которые отныне позволят отбиваться от немецких танков. Вскоре немцы стали чаще обстреливать наш передовой край, а авиация их — активной бомбить вторую линию обороны.

Катюши

Однажды в обеденное время мы охраняли артиллерийский склад. Только присели пообедать, как над нами пронесся немецкий самолет-разведчик, прозванный «рамой». Обычно после него налетала авиация и бомбила места разведки. На этот раз авиация не последовала. Буквально через три-четыре минуты неподалеку от нас раздался мощный грохот. Все бросились в траншеи. Подумалось: самолет сбросил бомбу на артсклад. Однако взрывов больше не последовало. Мы стали выходить из укрытий в полнейшем недоумении. Что могло это означать?

В нескольких десятках метров от нас проходила дорога. Мы с товарищем вышли на нее и там вдруг увидели какие-то красные автомашины с гвардейским значком на дверцах кабин, с какими-то трубами вместо кузовов, которые спешно накрывали брезентами. Колонна без промедления двинулась от места дислокации. То были «катюши», о которых мы слышали, но ни разу не видели.

Только отъехали «катюши», как появились вражеские самолеты и стали бомбить дорогу, по которой двигались машины. Когда самолеты улетели, все, кто был свободен, побежали к месту бомбежки. Из десятка — не меньше — «катюш» три были подбиты. Там впервые увидел убитых, двух офицеров колонны.

К машинам нас не подпустили. Обслуга, очевидно, подложила взрывчатку и взорвала останки подбитых «катюш».

Бои идут

В середине июня 1942 года на нашем участке фронта немцы начали предпринимать активные действия. Бои шли не только на передовой, но и на второй линии обороны. Так продолжалось недели две. Немцы то наступали, то неожиданно отходили. В какой-то из дней объявили приказ оставить оборонительные укрепления. Командир батальона майор Ковтунов объявил: «Мы отходим по дороге от поселка Керчик-первый и идем по направлению Керчик-второй». Колонна растянулась на несколько километров. Шла пехота, артиллерия. В общем, вся 102-я пехотная дивизия, а, может, еще какие-то части. Такого количества войск никогда не видел. Командир батальона назначил меня посыльным. Я должен был подтягивать отстававших и тут же бегом возвращаться к нему докладывать. На мне вещевой мешок с НЗ питания (неприкосновенным запасом), патроны, скатка шинели, плащ-палатка, противогаз и винтовка. На поясе висели два патронташа, полные патронов, и две гранаты, а батальон растягивался не менее чем на полкилометра. Такие рейды проделывал несколько раз за день. Шли целый день с небольшими привалами. Хорошо, что я научился надевать портянки. Многие солдаты, особенно казахи, надевали их небрежно и за это поплатились. К тому еще иногда надо было перематывать обмотки на ходу, так как они время от времени разматывались и мешали идти. На привале до нас дошли слухи, что немцы где-то прорвали фронт и поэтому мы срочно отходим, чтобы не попасть в окружение. За целый день немцы ни разу нас не побеспокоили. Мы шли организованно.

К вечеру через несколько километров после Керчика-первого наш путь пересекла неширокая безымянная речка с перекинутым через нее мостом. Войск собралось очень много. Ночь провели прямо на дороге, а ранним утром войска начали переправляться. Сперва танки, артиллерия, потом пехота. Наша дивизия была в числе первых. После моста дорога шла на подъем. Прошли несколько сот метров, как налетело множество немецких самолетов, которые разбомбили мост и приступили к уничтожению переправившихся.

Укрыться было некуда, все бросились врассыпную. Неподалеку я заметил заросли кукурузы и рванул туда. На бегу заметил яму, спрыгнул в нее. А там уже было несколько наших. Я свалился на них со всей своей поклажей, ударил нечаянно винтовкой кого-то. В отместку получил матюков куда больше, чем было патронов в патронташе. В этой яме мы просидели до конца налета, продолжавшегося не меньше получаса. Немцы не давали поднять головы на обоих берегах. Когда мы вылезли из ямы, то увидели страшную картину: множество убитых, много разбитой техники. Своих командиров отыскать не мог. Да там никто никого не искал.

Окруженцы

Памятуя, что нам надо было двигаться на Керчик-второй, собирались в группы и направились в заданном направлении. Не прошли и километра, как увидели большое количество солдат, бежавших нам навстречу с криками о высадившемся немецком десанте. Никто не знал, что делать. Командиров не было, началась паника. Вдруг появился незнакомый мне капитан, мокрый до нитки, лицо которого помню до сих пор. Очевидно, он сумел переправиться через реку вплавь. Четкими, уверенными командами он прекратил панику, организовал солдат и младших командиров, развернул нас цепью и повел вперед по дороге.

Слухи были не напрасны. Километра через полтора слышались разрывы мин, треск автоматов и выстрелы винтовок. Шел бой с высадившимися немцами. Так что наша помощь была очень кстати. На вооружении у немцев — минометы, автоматы, а у нас — только трехлинейки. Наше преимущество было лишь в числе бойцов. Через двадцать минут бой был закончен, все семнадцать десантников были уничтожены. Движение на Керчик-второй продолжалось солдатами без всякого руководства. Через несколько километров подошли к поселению. В крайнем доме попросили попить. Хозяйка вынесла ведро воды. Присели отдохнуть, сняли с себя скатки, плащ-палатки. Около дома в садике стояло несколько вишневых деревьев, усыпанных зрелыми вишнями. Спросили разрешения нарвать немного ягод. Только начали рвать вишни, как раздался крик: к поселку приближаются немецкие танки. Мы выбежали со двора и вдалеке увидели танки, идущие в нашу сторону. По дороге мимо дома шла полуторка, груженная какими-то ящиками. Благодаря тому, что дорога шла на подъем, мне удалось ухватиться за задний борт, бросить в кузов винтовку и взобраться самому. Ящики были укрыты брезентом, и мы с двумя солдатами уселись на него. Мы успели проскочить перед шедшими нам наперерез танками. Сидеть было больно. Когда мы удалились от опасности на приличное расстояние, я приподнял полог и увидел, что сидим на ящиках, наполненных доверху запалами для гранат. Можно представить, что могло быть, взорвись эта масса запалов от толчков или от удара.

Машина довезла нас до какого-то села. Дальше шли пешком. Каждый из троих искал своих однополчан. Нас, бойцов 102-й дивизии, собралось шесть человек, пятеро были членами партии, я — комсомольцем. Решили держаться вместе и идти к Дону. По дороге на Ростов двигались разрозненные группы бойцов, большие и малые.

В один из дней мы шли дорогой вдоль берега Донца и попали под очередную бомбежку. Немцы использовали какие-то маленькие бомбы, осколки от которых стелились по земле. У берега Донца росли

деревья, ветви которых спускались почти к воде. Я ухватился за толстую ветку и повис над водой. Не помню, сколько времени находился в таком состоянии. Нащупал ногами соседние ветви, с трудом выбрался на берег.

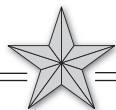
Что творилось на дороге, нельзя описать словами. Помимо множества убитых, на земле лежало много бойцов с отсеченными осколками бомб руками или ногами, умоляющих пристрелить их. Медработников почти не было. Все искали пути бегства из-за боязни повторных налетов. После этой бомбежки мы старались по большим дорогам не идти. Больше — проселочными. Как ни старались двигаться быстро, немцы опережали нас. Днем прятались, отдыхали в посадках, оврагах, ночью двигались на восток. Нам хотелось выйти из окружения к своим. Те, кто смирился с фактом поражения и статуса военнопленного, двигались по дорогам без оружия. Немецкие колонны не обращали на них внимания, оставляя заниматься ими тыловым службам.

Наш неприкосновенный запас был уже съеден. От сухарей, которые грыз, у меня с обеих сторон разболелись зубы так, что несколько дней ничего не мог есть.

Полевая операционная

С нами шел боец с санитарной сумкой. Он предложил мне вырвать эти зубы. Я так измучился от боли, что согласился. В небольшом леске, на полянке, на пне от толстого дерева наш медик усадил меня, пошептался с ребятами, отыскал какую-то веточку, постругал, подошел ко мне, велел раскрыть рот пошире, вставил ту палочку так, что рот закрыть уже не мог. Товарищи захватили мои руки, ноги. А тот стал орудовать единственным в сумке инструментом — большим пинцетом. Оба зуба те — корневые, стоят намертво. В одном из них была доверенная пломба. Он ее выковырял, вогнал в дупло и стал распатывать зуб. Боль — адская. Ассистенты вцепились в меня мертвой хваткой. Через пару минут зуб был удален. Отдохнув, принялся мой стоматолог за второй зуб. Там не было за что ухватиться, зуб стоял накрепко. Санитар нашел какой-то металлический предмет, вроде гвоздя, и стал расковыривать в зубе отверстие. Не знаю, как я не лишился сознания. Тем же методом, но с большим трудом он вырвал второй, но вместе с кусочком десны. Кровь долго не могла остановиться.

В этом же леске мы остались переночевать. Утром нас разбудили звуки разрывов и гул самолетов. Как только они прекратились, мы тронулись в путь. Мое лицо стало напоминать арбуз. Как только вышли из леска, увидели неподалеку населенный пункт. Было все тихо. Немцев видно не было. Голод принуждал к действиям. Один из наших пошел на разведку. По огородам вышел на окраину села. Много домов было разрушено, безлюдье. Видимо, утром бомбили и люди покинули

деревню. Мы зашли в один из уцелевших домов, где нашли немного хлеба, вареной картошки. Ребята поели, а мне оставалось лишь смотреть на еду. Вышел в коридорчик и на подоконнике обнаружил баночку с зубным порошком и зубную щеточку. Так как во рту образовался большой нарыв, казалось, что изо рта дурно пахнет. Я взял щеточку и начал чистить зубы. При этом я зацепил нарыв и он лопнул. Я начал высасывать гной и выплевывать. Стало сразу легче. Боль постепенно стала утихать. Через несколько часов я уже мог съесть немного картошки, прихваченной из того дома.

Последний бой

Отошли от села несколько километров. Встретившийся крестьянин сообщил, что в округе немцев нет. Он же указал нам путь к Дону. Еще несколько дней продвигались вперед. В одном месте наткнулись на пасеку, где пасечник угостил нас сотами с остатками меда.

К Дону подошли ночью в районе станицы Бессергеновской. Так как мы не знали, кто на том берегу, то зарыли в землю документы, а винтовки разобрали, их части разбросали, чтобы такое «ценное» оружие не досталось врагу. Никакого переправочного средства, сколько ни искали, не нашли. Решили спустить на воду телеграфный столб. Недалеко от берега лежал такой столб. Проплыть я не мог больше 20–30 метров. Держался за столб обеими руками, а ребята одной рукой держались, другой гребли. Дон — река широкая и быстрая. Плыли очень долго. К рассвету мы подплыли к берегу, заросшему камышами. Опасались выйти на берег. Так, сидя в воде, замерзшие, дождались полного расвета. Вскоре мы увидели нашего солдата, присевшего оправляться. Один из наших товарищей заметил, что это боец из Средней Азии или с Кавказа, возможно, военнопленный. В эти дни у нас появились опасения, что немцы могли уже форсировать Дон. Вскоре появились еще несколько человек. У некоторых были винтовки, а у одного даже автомат. Было ясно, что это наши. Решились выйти из воды, когда солдаты поравнялись с нами. От неожиданности они немного опешили, но, увидев, что оружия у нас нет, успокоились. Взяли винтовки на изготовку и повели нас в особый отдел их части.

Метров за 200 от берега мы видели траншеи и доты. Видимо, здесь, вблизи станицы Богаевской, в 6–7 километров от Бессергеновской, была линия обороны. В особом отделе нас допрашивали до полудня, каждого в отдельности. Особист попался более или менее лояльный. Чувствовалось, что он нам сочувствовал. Особой свирепости мы не заметили. Нас накормили, дали время просушить одежду. Нам подробно рассказали, где собирается наша дивизия. Через несколько километров пути встретили всадника. Санитар, который рвал мне зубы, узнал в нем командира нашей дивизии. Спросил, из какого мы подразде-

ления, поругал матом за то, что бросили оружие. Ребята оказались не робкими, все коммунисты, один из которых парировал командиру, сказав, что винтовки были брошены по необходимости, но дивизию не оставили. Командир дивизии изменил тон, успокоился, дал нам ориентиры для выхода к месту сбора — большой фруктовый сад.

Мы ожидали увидеть большую воинскую часть, а там было не больше 700–800 человек, несколько десятков подвод, несколько мелкокалиберных пушек. Это все, что осталось от дивизии в 10000 человек. Таких как мы, вышедших из окружения без оружия, было много.

Нас повели в какой-то сарай, где кучами были навалены винтовки, коробки с патронами. Нам выдали оружие. Пробыли в этом саду три дня. За это время пришли еще около ста человек. К вечеру третьего дня нас построили и повели в ночь. Наутро мы вышли к плотине через реку Маныч, которую нам предстояло оборонять.

В тот же день завязался бой. Ход его описывать не буду... Через плотину немцы не прорвались. Они опять применили ту же тактику, то есть атаковать и отходить. На следующий день атаки продолжались, но с тем же результатом. Но на другом участке немцам удалась переправа. Под вечер опять поступил приказ отходить. Мы по плотине перешли на другой берег и вышли на полускошенное поле, на котором нам приказали окопаться. Лопаток у нас не было, а земля — сухая, твердая как камень. Пришлось использовать трехгранные штыки.

К рассвету кое-как окопались, чтоб хоть головы прикрыть. Прогрелось несколько взрывов. Видимо, взорвали плотину. В 4 часа утра показались наступающие цепи немцев. Место, где я лежал в нашей цепи, находилось недалеко от скотного сарая, на чердаке которого был установлен станковый пулемет. Первым открыл огонь по немцам этот пулемет. Тут же поступила команда открыть огонь и нам, стрелкам. В ответ немцы открыли такой огонь из автоматов и минометов, что головы поднять было невозможно. Первыми же минами наш пулемет был уничтожен. Мы еще немного отстреливались, пока не поступил приказ к отходу. Свет горящего сарая усилился рассветом начинающего дня.

Вижу, соседи по цепи начали подниматься и отходить, отстреливаясь. Я тоже поднялся, пробежал несколько шагов. Что-то сильно ударило в спину, и я потерял сознание. Очнулся оттого, что кто-то меня толкал. Хотел повернуть голову, но острая боль пронзила все тело.

Не мог понять, что со мной, где нахожусь. Забыл, что был бой. Лежал лицом вниз. Превозмогая боль, слегка повернув голову, увидел над собой немца в каске, с автоматом на груди. В руках его — карабин с ножевым штыком, которым он пытался зацепить меня за гимнастерку и что-то кричал, судя по артикуляции губ. Я ничего не слышал. Видимо, он требовал встать. Немец куда-то отошел и вернулся с двумя нашими бойцами. Они помогли мне подняться. Немец обыскал меня.

Документов у меня не было. Они были закопаны перед Доном. Он приказал моим однополчанам доставить меня в село, где собирали военнопленных. Не знаю, почему меня не пристрелили на месте, как обычно поступали немцы с теми, кто не был способен сам передвигаться. Меня привели в населенный пункт под названием «Хутор Веселый», в километре от места последнего боя. Было уже часов десять утра. Без сознания я находился более 5 часов. Таким образом, 28 июля 1942 года я стал военнопленным.

ПАРТИЗАНСКИЙ ДОКТОР ИОСИФ АБРАМОВИЧ АЙБИНДЕРОВ

*Супроненко Татьяна Владимировна, 39 лет,
старший преподаватель Дятьковского филиала
Белгородского государственного технологического
университета им. В.Г. Шухова,*

*Никуткина Анастасия Александровна, 18 лет,
студентка 2 курса ГОУ ВПО «Курский государственный
медицинский университет»*

Крепко хранит свои тайны Брянский лес, в том числе и места захоронения многих партизан, вставших на борьбу с фашистскими оккупантами. Среди тех, кто отдал свою жизнь в борьбе с врагом, был и партизанский врач Иосиф Абрамович Айбиндеров.

Семья Айбиндеровых на Брянщине

Иосиф Айбиндеров родился 12 мая 1917 года в селе Шумячи Рославльского района Западной (ныне Смоленской) области в многодетной еврейской семье Абрама Айбиндера. Бурные ветры Октябрьской революции 1917 года занесли Айбиндеровых в небольшой рабочий поселок Бытошь Дятьковского района Орловской (ныне Брянской) области. Сам Абрам занимался пошивочным ремеслом в портняжных артелях, справляя обнови местным модницам. Его жена, Зинаида Львовна, вела домашнее хозяйство, приторговывая изготовленными дома пряниками и леденцами, на радость местным ребятишкам.

Семью в поселке уважали: трудолюбивы, доброжелательны, бескорыстны, имеют хорошо воспитанных детей. Хотя Айбиндеровы жили небогато, перебиваясь с копейки на копейку, мудрый Абрам не жалел денег на образование ребятишек. Собирая семью за скромным ужи-

ном, он наставлял их: «Учитесь, детки, корни учения горьки, а плоды сладки». И дочери с сыном следовали заветам отца. Красавица Римма окончила торговое училище. Мария получила педагогическое образо-

И.А. Айбиндеров перед войной

вание и работала сельской учительницей. Люба поступила в Дятьковский стекольно-керамический техникум. Но гордостью семьи был младший Иосиф, отличник учебы, заводила класса. Бог щедро наделил его талантами: Иосиф хорошо пел, играл на гитаре, был добрым и отзывчивым. Многие поселковые девушки заглядывались на красивого черноглазого юношу. В 1933 году Иосиф закончил Бытошскую школу и поступил учиться в Дятьковскую школу ФЗУ, которую окончил через год.

В 30-х годах вся семья переехала в Дятьково. Руководство Хрустального завода, где начал свою трудовую деятельность Иосиф Айбиндеров, приняло решение отправить молодого перспективного рабочего на рафбак, чтобы потом он смог получить высшее образование. В сентябре 1935 года Иосиф поступил на 4 курс Дятьковского филиала Смоленского медреса, по окончании которого в 1936 году стал студентом 1 курса Смоленского государственного медицинского института. Занимался с интересом, учеба давалась ему легко. Все годы был Ленинским стипендиатом.

Начало войны

По окончании института в июне 1941 года молодой доктор вернулся в Дятьково, где с большим желанием приступил к самостоятельной работе в районной больнице и сразу завоевал уважение у жителей города, как деятельный человек и грамотный специалист. Сбылась мечта Абрама, гордость переполняла сердце отца за своих детей...

Как гром среди ясного неба для жителей Дятькова прозвучало слово «Война!». Почти все врачи в первые дни были мобилизованы в армию. 23 июля 1941 года жители города впервые слышали вой сирены противовоздушной обороны, свист и разрывы летящих немецких бомб. Дятьково считался важным железнодорожным узлом. Ведь через город пролегла часть железной дороги по широкой колее «Брянск–Вязьма»

и веером разбегались многочисленные узкоколейные железнодорожные ветки. Одна из бомб разрушила крыло районной больницы, где размещалось инфекционное отделение, погибли несколько мирных горожан.

С тревогой в сердце следил за событиями старый Абрам, хорошо зная, что их ждет, если район будет оккупирован. Эвакуироваться в Рязанскую область удалось только семье многодетной Марии. Иосиф же, как и все молодые люди, рвался на фронт. Но ответ в Дятьковском военкомате был один: «Потерпите, ваши документы к нам еще не переслали». И молодого доктора назначили заведующим поликлиникой вместо Виктора Сергеевича Сергеевкова, которого, как более опытного врача, отправили на фронт.

А положение становилось все более тяжелым. 50-я армия Брянского фронта не выдержала железного натиска танков Гудериана и через Брянские леса стала отступать вглубь территории. Многие небольшие воинские подразделения организовались в партизанские отряды, которые вели вооруженную борьбу с оккупантами на территории Дятьковского и прилегающих к нему районов.

Гибель близких

7 октября 1941 года немецкие сапоги уже пылили по улицам Дятькова. Настали черные дни немецкой оккупации. Фашисты сразу же стали наводить новые порядки и производить расправы над мирным населением. В первые же дни на окраине Больничной рощи вместе с другими была расстреляна, как еврейка, сестра Рима, продавец детских игрушек. Вместе с ней погиб и ее супруг Иван Иванович Мотылев, русский по национальности, только за то, что был мужем еврейки.

Иосифа спасла случайность. В связи с отсутствием врачей, его пригласили к тяжелобольному в поселок Ивот, что в 15 км от Дятькова, в тот момент еще не оккупированный врагом. Здесь его укрыли местные жители. Услышав о мученической гибели сестры и оставаясь в неведении о судьбе родителей, Иосиф горел желанием отомстить ненавистному врагу, так же как и многие советские люди. Единственный путь — уйти в партизанский отряд. Но как его найти? Несколько дней Иосиф разыскивал партизан по лесу. Партизанские разведчики задержали обросшего бородой, изможденного молодого человека, который просился в отряд. Из-за опасения шпионов и провокаторов новичка ожидала долгая проверка. Но здесь Иосифу повезло. Его узнал врач Иван Батюнин: «Это же Иосиф Айбиндеров, мой институтский друг! Я ручаюсь за него жизнью».

Партизанский доктор

«На первых порах эффективной структуры медицинской службы в партизанском крае не было. Есть медсестра и ладно. Но отряды

росли, усложнялись боевые задачи, раненых стало больше, и возникла необходимость в создании эффективной медицинской службы. Если боец знал, что в группе медик, а на центральной базе сделают все для его спасения, в бой шли смело. Первая организованная медслужба появилась у нас, когда отряд с 540 бойцов вырос до 1243. Для этого были выстроены специальные землянки. В одной из них размещались раненые, операционная, в другой обслуживающий персонал. Медикаменты, перевязочный материал и инструментарий были доставлены в лагерь ранее. Позднее познакомился с врачами из Дятьковской больницы Н.А. Мышеловом и И.А. Айбиндеровым, а также с другими медработниками, выходившими из окружения и пришедшими с отрядами особого назначения», — так описывает работу партизанских медиков врач партизанского отряда имени А.И. Виноградова И.Т. Батюнин.

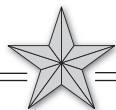

*Друг и соратник И. Айбиндерова —
врач И.Т. Батюнин*

Многое пришлось пережить молодому доктору Айбиндерову: радость побед и горечь поражений, смерть товарищей, порой на собственных руках...

Из воспоминаний И.Т. Батюнина: «Самая светлая память у меня осталась об Иосифе Айбиндерове, как во время учебы в институте, так и за время его пребывания в отряде с марта 1942 года. Был всегда рядом с бойцами. Кроме своих

медицинских обязанностей, Иосиф выходил с группами партизан на боевые задания, участвовал в минировании дорог, в подрыве двух эшелонов противника. В марте 1943 года, когда в Жуковском партизанском отряде погибла медсестра, его направили туда. Командиром отряда был Е.М. Воробьев. Врач Айбиндеров пользовался любовью бойцов и командиров, так как всегда был с ними рядом, в любых условиях спешил им на помощь» [1, с. 12–18]. Недаром в феврале 1943 года Иосиф Айбиндеров был награжден высокой правительственной наградой — медалью «Партизану Отечественной войны» второй степени.

Геройская смерть

Трагическим стал май 1943 года для партизанского отряда Е.М. Воробьева. Зажатый превосходящими силами карателей в районе деревни Умысличи, он принял неравный бой. Почти все погибли. Небольшой группе партизан удалось вырваться из окружения. Иосиф Айбиндеров вызвался прикрыть их отход. Молодой врач погиб, выполняя свой профессиональный и человеческий долг, ценой собственной жизни спасая жизнь своих товарищей.

Что чувствовал молодой еврейский юноша в последние минуты перед смертью, оставшись один на один с толпой карателей? Вспоминал ли он убитых товарищей и замученных близких? А, может, светлые радостные минуты довоенного мира? Мысленно прощался со своими друзьями и семьей или представлял, какой будет мирная жизнь? Этого мы не узнаем никогда. Вернувшиеся бойцы на месте боя, у дерева, где находился Иосиф Айбиндеров, нашли расстрелянные диски и испорченный пулемет. Где его могила, не известно до сих пор. Предположительно, его похоронили местные жители вблизи деревни Фошня Жуковского района.

Время сравнило с землей захоронение Иосифа Айбиндера, как и многих его товарищей, и стало оно горькой тайной Брянского леса. Но память о героях-партизанах осталась в благодарных сердцах, тех за чье мирное будущее они отдали свои молодые жизни.

*С.М. Онохин,
партизанский врач, воевавший,
как и Иосиф Айбиндеров,
на Дятьковской земле*

Навечно в памяти народной

После освобождения другой знаменитый партизанский доктор, начальник медицинской службы Бытошской партизанской бригады, впоследствии Герой Социалистического Труда, заслуженный врач РСФСР Сергей Михайлович Онохин посетил Зинаиду Львовону, мать Иосифа Айбиндера, и рассказал о героической гибели ее сына. Государство выделило ей пенсию. Друзья-партизаны помогли получить благоустроенную квартиру.

В музее Боевой славы Дятьковского района создана экспозиция с материалами и фотографиями партизанских врачей и медсестер, среди них есть и снимок молодого красивого человека — Иосифа Абрамовича Айбиндерова. Бережно хранится материал о нем и в Музее Дятьковской больницы, созданном заслуженным врачом РСФСР, краеведом В.Г. Хохловым [2].

65 лет прошло с окончания Великой Отечественной войны, но мы должны помнить всех, кто отдал свои жизни в героической борьбе за мир на Земле. Светлая память молодому врачу и партизану Иосифу Абрамовичу Айбиндерову!

Литература

1. Серегина Т.В., Хохлов В.Г. Из истории медицинской службы партизанского края // Сборник докладов юбилейной научно-практической конференции. Минеральные Воды, 2005. С. 12–18.
2. Материалы музея Боевой славы Дятьковского района, музея Дятьковской Центральной районной больницы, архива Смоленского государственного медицинского института, а также личного архива заслуженного врача России, краеведа В.Г. Хохлова.

ЭПИЗОД ВОЙНЫ ИЗ ИЮЛЯ–АВГУСТА 1941-ГО

*Трубицына Тамара Геннадьевна, 59 лет,
научный сотрудник лаборатории философии хозяйства
экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
г. Москва*

Моя мама, Шлыковская Ираида Ивановна (в девичестве Афанасьева) родилась в 1921 году в селе Курмыш Нижегородской области. Приехала в Москву, поступила в Московский энергетический институт.

Война нагрянула, просто «свалилась на голову» в самый прекрасный момент ее жизни — после окончания второго курса института. Вот что она рассказала про первые дни и месяцы войны.

«В июне 41 года я сдала сессию и перешла на третий курс МЭИ. Мы готовились к практике. Было много прекрасных планов на лето. Но все было неожиданно сломано. 22-го была объявлена война. Мы ее не ждали.

В институте был объявлен набор в женские и мужские отряды для сооружения оборонительных укреплений. Запись исключительно добровольная. Мы с подругами сразу же побежали — записались.

4-го июля нас, девушек, человек 30, собрали в какой-то школе на Таганке. Вечером приехали грузовики. Мы залезли в них, накрылись брезентом и нас повезли на запад.

На другой день к вечеру приехали в Вязьму. Ночевали в лесу, на земле. Утром опять на грузовики и наконец приехали в город Дорогобуж, на левом берегу Днепра. Переправились через реку, устроились в деревне и сразу же начали копать танковые рвы. Тяжелая работа для девочек. Но мы старались изо всех сил — понимали — это был наш вклад в общее дело.

Где-то дней через пять мы увидели в небе первые немецкие самолеты. Они были черного цвета. Или так нам казалось. Низко пикируя, они пролетали над лесом, где мы прятались, и разбрасывали листовки. Как мы их ненавидели. До сих пор помню эту издевательскую уродливую листовку со словами: «Девочки, не ройте ямочки, все равно их объедут наши таночки». (На самом деле — не объехали, но до этого еще было долгих четыре года.)

На десятый день самолеты стали бомбить Дорогобуж. Мы были на другой стороне реки, и это было страшное зрелище. Город горел. Весь.

Немцы приближались. И ночью нас повели в другое место вверх по Днепру. Днепр перешли вброд. Там мелко. Шли на восток.

Через несколько дней остановились, опять стали рыть рвы. Работали по десять часов в день. Жили в колхозном сарае. Спали на соломе. Но никто не жаловался. Здесь жили долго. Рядом была дорога — видели — с запада шли пешком солдаты — раненые, забинтованные, некоторых вели, несли на носилках — солдаты разбитых частей. Но стало заметнее — на запад шли уже машины с новыми бойцами, хорошо вооруженными, справно одетыми. Их было много. Это радовало. Мы все тогда были едины!

По ночам опять стали прилетать немецкие черные самолеты. Бомбили. Здесь уже наши самолеты стали вступать с ними в воздушные

Ира Афанасьева, 1941 год

бои. Все было видно. И бои. И взрывы. И падающие самолеты. Но мы уже привыкли. Как-то пропал страх перед ними. Было видно — идет народная большая война. Мы все верили в победу.

Но немцы подходили ближе. Стали слышны бомбовые разрывы. На западе было постоянное зарево. В конце августа за нами приехали грузовики, и нас направили в Москву. Путь оказался долгим. Туда мы попали только в начале сентября.

Было много еще впереди. Копали рвы и под Серпуховом. Дежурили на крышах в Москве. Но здесь уже был свой город.

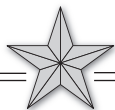
А первые два месяца войны остались в памяти навсегда. Как будто это было вчера.

В конце концов, мы, мое поколение, не допустили оккупантов на нашу землю. Я надеюсь, и мой труд, маленькая крупинка, послужил нашей победе».

ОХРАНА ТЫЛА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТУЛЬСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

*Чугунова Наталия Васильевна, 34 года,
кандидат исторических наук,
доцент Тульского государственного университета,
г. Тула*

В период Великой Отечественной войны для борьбы с врагом потребовалась концентрация всех сил и ресурсов страны. С целью предельной централизации и концентрации власти 30 июня 1941 г. был создан Государственный комитет обороны (ГКО) под руководством И.В. Сталина. В него вошли пять человек: И.В. Сталин, В.М. Молотов, Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов и Г.М. Маленков. Уполномоченными ГКО были назначены А.И. Микоян и Н.А. Вознесенский, наш земляк, уроженец Чернского района; на первого возлагались обязанности по снабжению армии продовольствием и обмундированием, на второго — снабжение вооружением и боеприпасами. ГКО принадлежала вся полнота власти в государстве. Однако ситуация начального периода войны объективно требовала не только беспрекословного выполнения директив Центра, но и разумной автономности в действиях на местах. Поэтому 22 октября 1941 г. Государственный комитет обороны постановил создать городские комитеты обороны, в том числе в Туле. В Центре новейшей истории Тульской области хранится большой фонд документов Туль-

ского городского комитета обороны (ТулГорКО), свидетельствующих о его важной роли в событиях обороны Тулы.

На городской комитет обороны возлагалась роль координатора действий различных гражданских и военных органов власти. Это и определило его состав: председателем ТулГорКО стал первый секретарь Тульского обкома и горкома ВКП(б) Василий Гаврилович Жаворонков, членами — комендант города Тулы Александр Константинович Мельников, председатель облисполкома Николай Иванович Чмутов и начальник областного управления НКВД Владимир Николаевич Суходольский. ТулГорКО стал важнейшим центром власти в городе и даже в области. Непосредственно к комитету по военно-оборонным вопросам обращались командующие войсками. Выполнение его распоряжений имело жестко обязательный характер. В решениях ТулГорКО, как правило, определялись точные сроки их исполнения и персональная ответственность одного из членов комитета. Существовавший до осени 1943 г. ТулГорКО пережил несколько периодов в своей деятельности, когда на первый план выдвигались те или иные задачи в зависимости от ситуации на фронте.

Какие же мероприятия осуществлял Тульский городской комитет обороны по охране тыла?

Обеспечение государственной и общественной безопасности в годы Великой Отечественной войны являлось необходимым условием надежного функционирования тыла Красной армии, эффективного проведения военно-мобилизационных мероприятий и создания системы местной самообороны.

Охрану тыла можно определить как систему режимных и оперативных мероприятий в военное время, направленных на пресечение массовых беспорядков, преступных проявлений и разведывательно-диверсионной деятельности противника в тыловых районах.

Охрана тыла с самого начала предусматривалась как важнейшая задача городских комитетов обороны, что подчеркивалось даже форму-

*Слева направо: Н.И. Чмутов,
В.Н. Суходольский, В.Г. Жаворонков.
Тула, 1941 г.*

лировкой цели их создания. Постановление Государственного комитета обороны № 830с от 22 октября 1941 года, положившее начало институционализации ГорКО, провозглашало, что городские комитеты обороны создаются «в интересах сосредоточения всей гражданской и военной власти и *установления строжайшего порядка в городах* (выделено мною — Ч.Н.) и прилегающих районах, представляющих ближайший тыловой район фронта» [1]. Данное постановление ГКО содержало требование обязательного включения в состав городских комитетов обороны руководителей региональных и местных органов НКВД, а также комендантов городов. Коменданты городов представляли собой военных должностных лиц, осуществлявших скорее режимно-охранные, чем командные функции (в отличие от, скажем, начальников военных гарнизонов).

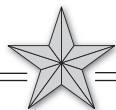
Постановление ГКО также передавало в подчинение городских комитетов войска НКВД, милицию и формирования самообороны.

Необходимость энергичной деятельности по охране тыла диктовалась моральным состоянием общества. Надо признать, что наряду с примерами массового героизма и самоотверженности в советском обществе того времени имели место и неизбежные для периода тяжелых военных поражений настроения близкой катастрофы и связанные с ними беспорядки среди населения. Естественно, в первую очередь это касалось прифронтовой полосы. В октябре–декабре 1941 года в Туле и по области регистрировались факты массовых разграблений населением магазинов, складов и других объектов [2]. Грабежами занималось как мирное население, так и военные. Распространены были также случаи бесплатной раздачи государственного имущества населению по указанию руководителей партийно-советских органов в районах, обстановка в которых объективно еще не была критической. Такая раздача часто была неорганизованной, что приводило к большому скоплению людей, беспорядкам и полному разграблению складов [3].

По свидетельству военного прокурора г. Тулы и Тульской области И. Садовникова, в разных местах города Тулы можно было обнаружить ценное имущество, никем не охраняемое и растаскиваемое. На некоторых предприятиях «ценное оборудование, материалы, топливо и другое имущество оставалось без охраны и поэтому портилось и расхищалось» [4].

В условиях нехватки информации распространялись слухи о скорой гибели Советской власти, «как будто правительство СССР сбежало, Красная Армия развалилась...», «...50% населения посажено в тюрьму» и т.д. [5].

В октябре 1941 года в связи с приближением фронта панике поддались даже отдельные партийно-советские и хозяйственные руково-

дители. Одни распускали подведомственные им аппараты, другие при эвакуации семей вскрывали склады с продовольствием и увозили его с собой, расхищали госсредства и др. [6]. В результате бегства руководства некоторых предприятий возникала «паника и волна» среди сотен рабочих, которые останавливали срочную работу по эвакуации на несколько дней [7].

Не всегда выполняли свои функции и правоохранные органы. Так, действовавший до 27 октября 1941 года Военный трибунал внутренних войск областного Управления НКВД, по свидетельству председателя военного трибунала Тульского гарнизона Лаксенко, «в панике свернулся и выбыл в глубокий тыл». Также и областной суд в конце октября 1941 года эвакуировался в тыл и «отсиживается с аппаратом в г. Венева» [8].

Таким образом, в силу крайнего напряжения социального организма во время Великой Отечественной войны и молодости советской социальной организации, в период успехов немцев в 1941–1942 годах моральное состояние общества было непростым. Признаки морального разложения имели место в самых различных слоях. Поэтому меры по охране тыла были крайне необходимы.

Важнейшим направлением деятельности ГорКО по охране тыла было принятие и проведение в жизнь режимных мер. Уже в первый день работы Тульского городского комитета обороны — 23 октября 1941 года, среди первых трех его документов было принято постановление «О порядке в городе». Оно обязывало члена ТулГорКО начальника областного УНКВД В.Н. Суходольского, начальника областного Управления милиции П.В. Пичугина совместно с командованием тыла в течение двух дней «очистить город от контрреволюционных, преступно-деклассированных элементов и лиц, не имеющих права проживания в городе». Еще одному члену ГорКО — коменданту города Тулы полковнику А.К. Мельникову поручалось «усилить уличное патрулирование и установить строжайшую проверку документов с 20.00 часов». Устанавливался комендантский час с 22.00 до 5.00 часов утра, предписывалось организовать заставы на въездах в город и установить жесткий контроль за въезжающим в город и выезжающим транспортом. Все «машины, не имеющие документов», следовало задерживать и передавать военному командованию [9].

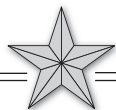
26 октября 1941 года постановлением ТулГорКО в городе Туле и прилегающих к нему районах было введено осадное положение. Функция охраны порядка в Туле и пригородах возлагалась на члена ГорКО коменданта города А.К. Мельникова. Провозглашалось, что необходимо всех нарушителей порядка «привлекать к строжайшей ответственности и предавать суду военного трибунала», а «провокаторов, шпионов, злостных распространителей слухов и других агентов врага

расстреливать на месте» [10]. На основании данного постановления начальник гарнизона г. Тулы полковник С.И. Иванов и комендант города полковник А.К. Мельников издали приказ №2 по гарнизону города Тулы «О введении осадного положения и оборонительных работах». Приказ предоставлял в распоряжение коменданта города войска внутренней охраны НКВД, милицию и добровольные рабочие отряды для охраны порядка в городе [11, с. 28].

Для скорейшего ознакомления граждан с приказом коменданта города постановление ТулГорКО «О введении осадного положения» предписывало вывесить этот приказ на видных местах в г. Туле.

Фактически, два вышеназванных постановления ТулГорКО создавали в г. Туле особый правовой режим, одной из важнейших черт которого было применение к нарушителям порядка и законности крайне суровых мер наказания. Например, по свидетельству председателя военного трибунала Тульского гарнизона Лаксенко, за хищение 2 тысяч рублей, более тонны зерна и картофеля, ограбление магазина и другие преступления Военный трибунал в эти дни приговаривал к высшей мере наказания [12]. В воспитательно-предупредительных целях через местные средства массовой информации население оповещалось о некоторых совершенных преступлениях и немедленно следовавших суровых, соответствующих условиям военного времени, наказаниях преступников.

Эти меры следует признать в полной мере оправданными, так как именно 20-е числа октября и первые числа ноября 1941 были наиболее критическим периодом обороны Тулы, временем, когда решалась судьба города. Подрыв общественного порядка в эти дни неизбежно означал бы дезорганизацию обороны и захват Тулы врагом. С другой стороны, именно в этот период оперативная обстановка в городе была крайне напряженной. Об этом свидетельствуют следующие цифры: действовавшие в Туле заградотряды и оперативные чекистские группы (по сообщению Особого отдела НКВД 50-й армии) 24 октября 1941 года задержали 341 человека из числа военнослужащих и подозрительных гражданских лиц, из которых было арестовано 40 человек. 25 октября 1941 было задержано 384, арестовано 11, из которых разоблачены как шпионы 3 человека, как дезертиры — 8. 26 октября задержано 328 человек. 27 октября задержано 299 человек, из которых 5 арестовано [13]. Кроме того, оперработниками 26-й армии с 15 по 25 октября 1941 года в Туле было профильтровано 987 человек, из которых арестовано 104 человека [14]. Таким образом, в 20-х числах октября 1941 года в Туле каждый день задерживалось по 300–400 человек, из которых несколько десятков арестовывалось в основном по обвинениям в дезертирстве и шпионаже. Постепенное снижение числа арестованных очевидно указывает на то, что жесткие режимные меры,

установленные ГорКО позволили в течение нескольких дней стабилизировать оперативную обстановку в областном центре.

Следующее постановление ТулГорКО, затрагивающее вопросы охраны тыла, относится к 12 ноября 1941 года. ГорКО постановил «организовать крепкую охрану государственной социалистической собственности и повести самую беспощадную борьбу с мародерами, предавая их суду военного трибунала» [15]. Очевидно, однако, что это постановление носило, в основном декларативный характер, не предусматривая какой-то определенной системы мер по борьбе с мародерством и расхищением государственной собственности. Ведь уже постановление ГорКО «О введении осадного положения» создавало в городе правовой режим, по которому мародеры, наряду с другими «нарушителями революционного порядка» предавались суду Военного трибунала.

Важнейшей задачей в рамках охраны тыла была борьба с армейским и трудовым дезертирством. 10 ноября 1941 года вышло постановление ГорКО «О немедленной эвакуации оставшихся рабочих». Речь в нем шла о рабочих оборонных заводов, которые уклонились от эвакуации со своими предприятиями и остались в Туле. Постановление отмечало, что такое явление создавало угрозу развертыванию и выпуску оборонной продукции для Красной Армии. Поэтому всех уклоняющихся от эвакуации ГорКО постановил считать дезертирами, вражескими пособниками. Дезертирам грозил арест и суд Военного трибунала [16].

Последнее постановление ТулГорКО, непосредственно касающееся проблем охраны тыла, относится к 21 декабря 1941 года. Это постановление — «О перепрописке и паспортном режиме». ГорКО постановил с 23 по 31 декабря 1941 года произвести перепрописку всех граждан с 16-летнего возраста, ранее прописанных и проживающих к моменту прописки в г. Туле. Граждане, ранее не прописанные в городе, не имеющие паспортов были обязаны выехать из Тулы, в противном случае нарушители паспортного режима привлекались к уголовной ответственности [17].

Таким образом, все постановления ТулГорКО, касающиеся режимных мер и охраны тыла, относятся к октябрю-декабрю 1941 года. В более поздний период ТулГорКО не принимал нормативных актов, устанавливающих режимные меры. В последующие периоды военной истории Тулы такого рода нормативные акты принимались правоохранительными органами и органами военного управления [18]. Таким образом, очевидно, что ГорКО сыграл важнейшую роль в проведении режимных мероприятий в наиболее критический для Тулы период Великой Отечественной войны. А в дальнейшем, когда, из-за ослабления военной опасности, обстановка в городе стала более спокойной, эта функция осталась за органами, для которых осуществление режимных мероприятий непосредственно входило в круг их обязанностей.

Однако следует признать, что ГорКО косвенно продолжал участвовать в деятельности по охране тыла, создавая вооруженные подразделения, для которых охрана тыла была одной из главных задач. К числу таких подразделений относились истребительные батальоны — вооруженные формирования из гражданского населения. Их основными функциями являлись охрана особо важных объектов, борьба с диверсантами и парашютными отрядами противника, задержание дезертиров и подозрительных лиц¹.

Истребительные батальоны использовались и в боях с регулярными частями противника, но эффективность их участия в этих боевых действиях была невысокой, что объяснялось гражданским составом батальонов и их недостаточной подготовкой. Кроме того, оружия, имеющегося у истребительного и рабочего полков города, по свидетельству докладной записки о работе военного отдела Тульского обкома, датированной августом 1943 года, было достаточно лишь для ведения боевых действий незначительного масштаба [19]. То есть для ведения длительного боя оружия и боеприпасов было недостаточно. Таким образом, истребительные батальоны наиболее всего приспособлены были именно для деятельности по охране тыла.

По свидетельству командира Тульского рабочего полка А.П. Горшкова, истребительные батальоны широко использовались для прочесывания лесов, населенных пунктов, для вылавливания парашютистов противника, дезертиров, с целью охраны промышленных и военных объектов и др. В Туле бойцы истребительных батальонов несли патрульную службу², для чего ежедневно в помощь органам милиции выделялось около 100 вооруженных бойцов [22, с. 112].

Весьма значительной была роль истребительных батальонов в охране важных объектов. К началу военных действий на территории области истребительные батальоны несли патрульную службу и охраняли

¹ Именно эти мероприятия принято именовать понятием «охрана тыла».

² По состоянию на сентябрь 1942 года в Туле имелось 98 круглосуточных постов, укомплектованных в основном бойцами истребительных батальонов.

Согласно докладной записке военного отдела Тульского обкома, с 1 января по 1 июля 1943 года истребительными батальонами при несении караульной службы было задержано: немецких шпионов — 9, бандитов — 24, дезертиров из РККА — 334, дезертиров трудового фронта и оборонной промышленности — 286, нарушителей паспортного режима и проживающих без прописки — 1263, немцев, сбегавших из лагерей военнопленных — 6, лиц без документов и подозрительных — 765, изменников Родины — 4, нарушителей светомаскировки — 226. Было собрано 20560 фашистских листовок, у населения изымалось боевое оружие [20].

Военный отдел обкома партии также подчеркивал, что во второй половине 1943 года бойцы истребительных батальонов оказали большую помощь горрайвоенкоматам в борьбе с дезертирством и уклоняющимися от перерегистрации. Бойцы истребительных батальонов принимали участие в подворных обходах, в результате которых с июля 1943 по январь 1944 года по области было выявлено 119 дезертиров [21].

промышленные и военные объекты [11, с. 79]. В период эвакуации районов области бойцы истребительных батальонов спасали от расхищения зерно, скот, деньги, заводское оборудование и другие материальные ценности [22, с. 111–112; 23, с. 55–56]. Истребительные батальоны железнодорожников патрулировали вокзалы, восстанавливали железнодорожные пути, охраняли объекты на железной дороге, мосты, электростанции, телефонные станции и др. [23, с. 56, 81].

Важным вкладом истребительных батальонов в охрану тыла была также борьба с авиадесантами противника.

14 октября 1941 года вышел приказ № 1 начальника укрепрайона г. Тулы, по которому областное УНКВД было обязано подготовить истребительный отряд по борьбе с парашютным десантом [24].

Командование Брянского фронта было озабочено возможной высадкой вражеского авиадесанта в тылу войск в летний период 1942 года. Поэтому оно просило В.Г. Жаворонкова как секретаря обкома партии и председателя комитета обороны провести ряд мероприятий. Военный Совет фронта в конце мая 1942 г. считал необходимым формирование в каждом крупном населенном пункте обеспеченных автотранспортом истребительных батальонов для уничтожения авиадесанта врага, а также для охраны всех объектов, имеющих военное значение и не охраняемых воинскими частями [25]. В целях оповещения должна была безотказно работать гражданская связь. Все планы действий истребительных отрядов по уничтожению десанта противника необходимо было согласовывать с начальниками гарнизонов и командирами воинских частей. Военный Совет Брянского фронта просил сообщать ему обо всех проведенных мероприятиях [26]. 11 июля 1942 года вышел приказ по штабу истребительных батальонов УНКВД в связи с имевшим место сбросом десанта противника на подступах к городу Туле. По приказу мобилизовывались отдельные подразделения истребительного полка, которые должны были прибыть к месту высадки десанта для его ликвидации [27].

Во второй половине 1942 года для борьбы с возможными авиадесантами противника Военным Советом Московской зоны обороны (МЗО) были созданы районы противодесантной обороны (ПДО), задачей которых являлось своевременное выявление и уничтожение авиадесантных и прочих группировок, появлявшихся на территории этих районов [28]. Город Тула относился к 6-му (позднее 7-му) Тульскому району ПДО.

Основная задача ПДО определялась как «своевременное выявление и уничтожение авиадесантов противника» [29]. Основной силой системы ПДО по-прежнему оставались истребительные батальоны. Кроме того, из местного населения создавались группы содействия истребительным батальонам, которые должны были вести наблюдение и опо-

вещать о высадке авиадесантов противника истребительные батальоны, ближайшие воинские части, НКВД, милицию [30].

С 1 января по 1 июля 1943 года бойцами и командирами истребительных батальонов при несении караульной службы было задержано «парашютистов противника и контрреволюционного элемента — 7 человек» [31].

Таким образом, охрана тыла, предусмотренная как важнейшая задача при самом создании городских комитетов обороны, занима-

На улицах Тулы

ла видное место в деятельности Тульского ГорКО, которому принадлежала роль координатора действий различных гражданских и военных органов власти Тульской области в деле обеспечения государственной и общественной безопасности в тылу Красной армии. Внимание ТулГорКО к проблеме охраны тыла было наибольшим в критический период

обороны Тулы, когда оперативная обстановка в городе была наиболее сложной. Большую роль в охране тыла играли истребительные батальоны, деятельность которых всегда была в центре внимания городского комитета обороны.

Литература

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 180–181.
2. Центр новейшей истории Тульской области (ЦНИТО). Ф. 5702. Оп. 1. Д. 7. Лл. 5, 8, 10, 13, 49.
3. ЦНИТО. Ф. 3039. Оп. 1. Д. 16. Л. 20.
4. Там же. Ф. 3039. Оп. 1. Д. 16. Л. 62.
5. Там же. Ф. 5702. Оп. 1. Д. 7. Лл. 153, 108.
6. Там же. Ф. 3039. Оп. 1. Д. 16. Лл. 20, 33, 56, 65, 88.
7. Там же. Ф. 3039. Оп. 1. Д. 16. Л. 88.
8. Там же. Ф. 3039. Оп. 1. Д. 16. Л. 24.
9. Там же. Ф. 3039. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
10. Там же. Ф. 3039. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

11. Битва за Тулу. Сб. документов и материалов. Тула: Тульское книжное издательство. Тула, 1969.
12. ЦНИТО. Ф. 3039. Оп. 1. Д. 16. Лл. 32–33.
13. Там же. Ф. 3039. Оп. 1. Д. 16. Л. 16.
14. Там же. Ф. 3039. Оп. 1. Д. 16. Л. 5.
15. Там же. Ф. 3039. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.
16. Там же. Ф. 3039. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.
17. Там же. Ф. 3039. Оп. 1. Д. 3. Л. 65–66.
18. См. Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. Р-1867. Оп. 1. Д. 4, 10. Ф. Р-3484. Оп. 1. Д. 5а, 7, 9, 14.
19. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 8. Д. 128. Л. 21.
20. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 8. Д. 128. Л. 21об.
21. Там же. Л. 49.
22. Все для победы. Тула: Приок. кн. изд-во, 1985.
23. Горшков А.П. Приказано: выстоять! Записки командира Тул. рабочего полка / А.П. Горшков ; лит. запись В.М. Карпия. Тула: Приок. кн. изд-во, Тула, 1985.
24. ГАТО. Ф. Р-2230. Оп. 3. Д. 27. Л. 15.
25. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 8. Д. 80. Л. 36.
26. Там же.
27. Там же. Ф. 3. Оп. 4. Д. 17. Л. 93.
28. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 8. Д. 80 Л. 239.
29. Там же. Л. 208.
30. Там же. Лл. 207, 239.
31. Там же. Ф. 177. Оп. 8. Д. 128. Л. 21об.

МНЕ СНИТСЯ ВОЙНА

*Сердюкова Антонина Михайловна, 86 лет
бывший преподаватель Пермского института (филиала) РГТЭУ.*

*Записал Энгель Андрей Николаевич, 23 года,
студент 5 курса Пермского института (филиала) РГТЭУ,
г. Пермь*

Когда началась война, мы жили в Сталинграде. 22 июня 1941 года — день очень для меня памятный. В драмтеатре шел в этот день отчетный концерт нашей музыкальной школы. 12 часов дня. Объявили мой выход. Я вышла, поклонилась и хотела идти к роялю. Сзади ко мне быстро подошел мужчина, отодвинул меня и объявил: «Товарищи, война! Гер-

мания бомбит наши города!». В зале сначала оцепенение, потом крики, слезы... Все начали выбегать из зала. Мой учитель взял меня за руку, подвел к роялю и сказал: «Играй!». И я играла! Играла, наверное, как никогда прежде, а глаза щипало от слез. Так для меня началась война.

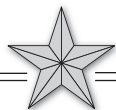
Отцу было 52 года. Он был начальником цеха на тракторном заводе и поэтому призыву в армию не подлежал. Сталинград в то время считался глубоким тылом, и мы реально себе войну не представляли: видели только эвакуированных людей, продовольственные карточки и голод. Во многих школах расположились госпитали. Я закончила школу, получила аттестат и поступила в механический институт.

29 августа. На улице 40°. Жара! Нас, всех абитуриентов, в этот день пригласили в институт, но мы слышали, что летят самолеты. Они все время над городом летали, и мы к этому, конечно, привыкли, а тут — свист, грохот: это на наши дома сбросили бомбы. Мы все «скатились» в подвал. Наверху грохот, земля от разрывов как будто подпрыгивает под ногами, а сверху еще и «зажигалки» бросают. Потом запахло гарью, но выйти из подвала мы не могли: вход завалило. Оказалось, пострадал соседний подъезд, а наш остался цел, но сколько мы просидели в подвале без еды и воды — сказать трудно.

Потом мы из подвала все-таки выбрались, но нас стали забрасывать минами. Многие погибли, а моих родителей ранило. Отец был инженером, строил тракторный завод и, когда началась война, он закладывал мины под цеха, чтоб в случае необходимости завод можно было взорвать. Он знал, над какими цехами завода были бронированные плиты, которым бомбежка не страшна, поэтому он вывел людей на тракторный завод.

Мы сидели там долго. Очень хотелось пить. Мы собирали в подвале застоявшуюся воду, но ее было мало. Мы с подругой пытались проползти до берега Волги. Среди нас были маленькие дети, даже грудные, и они могли погибнуть от жажды. Добраться до реки мы не смогли, так как вся территория тракторного и подходы к Волге освещались очень ярко. Воды мы все-таки набрали из каких-то луж, но когда мы вернулись, один ребенок уже погиб. Какое-то время была тишина, а потом пошли танки, их было очень много, а за ними шла пехота. Сколько мы просидели на тракторном, не знаю.

Немцам в это время нужны были люди для работы в их тылу. Нас повытаскивали из подвалов и погнали пешком через степь. Еды никакой не давали, поэтому мы отрезали кусочки мяса от убитых лошадей и верблюдов, слегка поджаривали на костре и полусырыми съедали. Так мы шли до Калача, а там нас загнали в бывшие птичники и всех «пропустили» через флюорографию (мы тогда о такой процедуре и понятия не имели!). Здоровых загоняли в «телячьи» вагоны, а больных

расстреливали в степи. Чтобы мы не умерли от голода, нас даже кормили: кусочек липкого хлеба, граммов 100, и похлебка непонятно из чего, но горячая! Так нас довезли до Польши, пересадили в нормальные вагоны и привезли в Германию, в лагерь в лесу, около городка Лаутаверк. Там нас распределили по цехам и по баракам.

В лесу были и другие лагеря: французский, польский, и еще были чехи и пленные итальянцы. Был также лагерь евреев, но их очень быстро всех уничтожили, а в нашем лагере были еще и украинцы. Вокруг лагеря — высокий плотный забор с колючей проволокой. Один выход из лагеря на завод для нас, другой в город — для немцев. В бараках двухэтажные нары, на них — тюфяки, набитые древесной стружкой, посередине — печка-буржуйка для отопления. В нашей комнате жили около сорока человек. Будили нас в 4 часа утра, так как смена на заводе начиналась с 6 часов. Завтраков не было. Нас пересчитывали и — на завод.

Я работала в цехе по выплавке ванадия. Сначала подметала цех, а потом немцы обнаружили, что я неплохо знаю немецкий язык (нас хорошо учили в школе!), и меня перевели в лабораторию. Там научили делать пробы на содержание ванадия. Рядом со мной работали 2 француза, 2 бельгийца и человек 5 немцев. Все химики по образованию. Там я познакомилась с Клодом, своим будущим мужем. Он был военнопленным из французского лагеря, работал переводчиком, но до войны был музыкантом.

В 1943 году наши лагеря начали бомбить англичане. Во время бомбежек особенно пострадали украинцы. Зато бомбежки наделали дыр в заборе, через которые мы потихоньку пробирались к картофельным буртам. Это, конечно, было рискованно, но зато помогло нам выжить. Во время этих вылазок мы иногда встречались с Клодом.

Когда Советская армия нас освободила, я уехала с Клодом во Францию. Мы поженились, у нас появился сын, но по приказу Сталина всех советских людей, оказавшихся в других странах, обязали вернуться на родину в Советский Союз.

Повезли нас всех почему-то в Махачкалу, на поселение, как врагов народа. В Киеве мне удалось бежать, и я с пересадками добралась до Свердловска, где жили мои родственники. У меня не было никаких документов, кроме «фильтрационной» справки, выданной нам на границе. Денег тоже не было, зато на руках был маленький сын. В Свердловске я получила сначала «вид на жительство», а затем и паспорт. Поскольку аттестата у меня тоже не было, я начала учиться в вечерней школе, а затем поступила и в политехнический институт. После его окончания распределилась в Пермь. Работала сначала на ТЭЦ, а в 1956 году прошла по конкурсу и стала преподавателем в горном институте. Затем перешла в техникум советской торговли на должность зав. механическим отделением и преподавателем теплотехники.

С мужем мы так больше и не встретились, хотя с 60-х годов переписывались, и он даже пытался посылать нам посылки, которые все равно возвращались назад: не разрешали тогда получать посылки из-за границы. Муж умер в 57 лет. Сына взрослым он так и не увидел. А сегодня сын уже тоже пенсионер.

Вот такая совсем не простая была у меня жизнь, но я выжила и не жалуюсь. Нас давно уже не считают врагами народа, даже есть свой праздник — Международный день узников концлагерей, 11 апреля. Все вроде хорошо, но война мне снится до сих пор!

ТУЛЬСКИЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИК

*Нестерова Нина Сергеевна, 65 лет,
старший преподаватель фортепианного отделения
Тульской детской музыкальной школы им. Г.З. Райхеля,
г. Тула*

Ах, война, что ж ты сделала, подлая...

Б. Окуджава

В последние годы жизни моего отца, Ильина Сергея Николаевича, мрачные воспоминания о войне всплывали чаще, чем светлые, связанные с радостью Победы.

1941 год. Молодой, только что женившийся человек 29-ти лет, полный надежд на счастье, в ожидании первенца. Но в одночасье все рухнуло.

Он работал диспетчером на Московской железной дороге. Уже на третьи сутки был создан Совет по эвакуации, которая легла на плечи тульских железнодорожников.

Это слово сейчас незнакомо многим, а тогда оно было у всех на устах. Эвакуация — это надежда на спасение и тревога за оставленный дом, родных, друзей.

Отец отправил беременную жену в город Курган. А дедушка не поехал — жаль было оставлять дом. Он жил в городе Щекино, там были немцы. Дом на его глазах сожгли, он чудом остался жив. Переехал жить к сыну в Тулу. А в 1943 году умер, вероятно, от горя. Ему было всего 66 лет. Иван Харитонович Сидоров — светлая ему память.

Помимо эвакуации населения железнодорожники занимались отправкой в глубокий тыл предприятий и учреждений, художественных

ценностей, зерна, оборудования. «Самое тяжелое время, — вспоминал отец, — это октябрь 1941 года. Лютый холод, недоедание, недосыпание. Часто под обстрелом надо было формировать составы, отправлять переполненные обезумевшими людьми вагоны. За день отправляли до сотни поездов. Напряжение колоссальное. Эшелоны двигались буквально в «затылок» друг другу, на расстоянии нескольких сотен метров. Надо было действовать четко, без права на ошибку. В такие экстремальные минуты жизни нужно было мужество, твердость духа, чтобы не потерять человеческое достоинство, побороть страх».

Но бывали и курьезные случаи, и отец рассказывал о них с большим чувством юмора. Однажды он шел по путям, споткнулся, упал и... уснул! И ему даже успел присниться сон, очень хороший, светлый, счастливый — будто в раю побывал.

Вот так все смешалось в эти годы: горе и радость, подвиг и предательство, надежда и отчаяние. Вероятно, от такой концентрации чувств и эмоций люди вспоминали это время как самое яркое в их жизни. И это затмевает горечь утраты и оставляет только радость Победы.

Мой отец прожил долгую жизнь. Умер в возрасте 88 лет, сохранив светлую голову, оптимизм, жизнелюбие. Он интересовался политикой, новинками литературы, особенно мемуарами. Любимыми книгами были «Воспоминания и размышления» Г.К. Жукова, поэзия К. Симонова.

В 1987 году вышла книга «Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»[1]. Этот фундаментальный труд дал возможность читателю узнать героические подвиги железнодорожников, их огромный вклад в Победу. Отец был причастен к изданию этой книги: есть видеозапись его беседы с журналистами о тульских железнодорожниках. Эту книгу, можно сказать, он не читал, а изучал с карандашом, оставив многочисленные пометки на полях.

Раскрывая сейчас эту книгу, я чувствую тепло его души. Последний год его жизни я жила с ним рядом, так как после перенесенного

С.Н. Ильин

инсульта он нуждался в помощи. Сколько любви, тепла я получила, сколько нежных слов услышала за это очень трудное время.

Отец обладал хорошим слухом, научился играть на гитаре, сам подбирал на рояле и очень любил слушать мою игру. Как он говорил, мои бесконечные музыкальные занятия никогда ему не мешали.

Он очень любил маму. Как говорится, они «жили долго и счастливо и умерли в один день». Я потеряла в один год всех: маму, брата и отца. Время не лечит, но та любовь, заложенная моими родителями, помогает теперь и моей семье. Отец безумно любил внука, которого мы называли в его честь — Сергеем. Чуть-чуть он не дождался правнука, но Митя очень хорошо знает о прадедушке. В дни памяти мы обязательно ходим на кладбище поклониться праху своих близких.

Ильин С.Н. удостоен звания «Почетный железнодорожник», награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За трудовую доблесть», медалью Г.К. Жукова, юбилейными медалями.

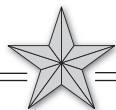
Литература

1. Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945 / Под ред. Н.С. Конарева. Изд. второе, дополненное. М.: Транспорт, 1987.

МАМЕ ЕЩЕ СЕМНАДЦАТИ НЕ БЫЛО...

*Князева Людмила Владимировна, 60 лет,
библиотекарь Тульской духовной семинарии,
г. Тула*

Моя мама, Клавдия Михайловна Кузнецова, родилась в Туле 19 октября 1924 года в семье кузнеца. Отец ее, Михаил Евгеньевич Кузнецов, родом из сельца Макаево Лаптевской волости (ныне Ясногорский район) Тульского уезда. Семья его, из крестьян, была многодетной, дружной и крепкой. Все много трудились, чтобы обеспечить себя всем необходимым. Покупали только соль, спички и керосин. Когда Михаилу было 15 лет, он приехал в Тулу, поступил учеником кузнеца на оружейный завод, а затем работал конно-экипажным кузнецом на конном дворе, что на Октябрьской улице, вблизи чугунного моста. В 1912 г. он купил дом на Нижне-Миллионной улице (ныне ул. Галкина), открыл собственную кузницу. Ее мать, Анастасия Алексеевна, была коренной тулячкой, служила горничной у богатых тульских

купцов Зверевых-Ермолаевых. Анастасия Алексеевна умерла на Троицу, жарким летом 1925 года, когда моей маме было всего 8 месяцев. Отец Михаил Евгеньевич женился снова, т. к. одному трудно было воспитывать детей, а их вместе с моей мамой было уже семеро. Женой его стала Мария Петровна Никольская. Так у моей мамы появилась мачеха. Михаил Евгеньевич с сыновьями работал в собственной кузнице, и семья не бедствовала: возчики, у которых он подковывал лошадей, хорошо платили за работу и деньгами, и продуктами.

Нужда постучалась в их дом, когда в 1939 г. умер Михаил Евгеньевич. Советское государство задушило кустаря-одиночку непосильными налогами, и у него открылась скоротечная чахотка. Так Клабочка, которой после смерти отца не было еще и 15 лет, осталась с мачехой. Мария Петровна была простой неграмотной женщиной, но большой труженицей. Дети за это ее уважали и называли матерью.

На момент смерти Михаила Евгеньевича сестра Анна и старшие братья мамы завели свои семьи, и мама с Марией Петровной остались вдвоем, живя на крошечную пенсию, получаемую за отца. Жили они очень бедно, порой в доме не было даже самого необходимого. Таково было их положение накануне Великой Отечественной войны.

Мама только закончила 8-й класс 48-й школы (сейчас школа № 29), как началась война, даже на работу не успела поступить. Она рассказывает: «В тот день, когда объявили о начале войны, ярко светило солнце, был жаркий летний день. Мы жили в Заречье, на улице Галкина. В июле собрали комсомольцев 8-х классов и объявили об отправке в Дорогобуж Смоленской области рыть противотанковые рвы. Я не была комсомолкой и поехала добровольно.

До Вязьмы ехали два дня в товарных вагонах. Состав часто останавливался, пропускали воинские эшелоны. От Вязьмы до места работы долго шли пешком. Ночевали в деревнях у местных жителей. Стояла страшная жара, все время хотелось пить. Воду нам к месту работы подвозили в бочках, а еда готовилась в армейской кухне. В основном питались овсяной кашей, которая нам очень надоела. Ребята называли ее «и-го-го!».

Для работы нам выдали ломы и лопаты и велели копать. Копать было очень тяжело, земля — глина и песок. Копаешь, все осыпается, да еще жара донимает. Рвы копали на большую глубину, внутри было прохладно.

Там я увидела впервые воздушный бой, из леса стреляли зенитки по немецким самолетам. Видела я и бомбежку. Прямо над нами пролетел немецкий самолет, сбросил бомбы. Гляжу: бомба летит прямо надо мной, сначала маленький шарик, который увеличивался в размерах. Я упала лицом на землю, думаю: «Все, конец жизни» (а ведь мне еще 17 лет не было) и попала носом в коровью лепешку. Но бомбу эту ветром отнесло за лес, где она и взорвалась.

Вскоре стало известно, что немцы подошли очень близко. Всем велели бежать за лопатами, выдали сухим пайком по буханке хлеба и приказали отходить на Вязьму. Бежали мы через лес, на ходу бросали вещи. Шли пешком всю ночь, на рассвете вышли на дорогу, сделали ненадолго привал. Дошли до деревни, которую ночью разбомбил немецкий самолет. Нашли уцелевший хлев, отдохнули — и опять в дорогу. Днепр переходили вброд, там он неширокий, пили прямо из реки, вода была очень чистая. И снова над нами воздушный бой, пролетел горящий самолет — наш или немецкий было не разобрать.

Наконец дошли до Вязьмы. Здесь нас посадили в товарный вагон. Эшелон еще не отправился, когда объявили воздушную тревогу. Нашим зениткам удалось подбить немецкий самолет. А надо сказать, что в Вязьме на станции было много цистерн с горючим. И наш эшелон стоял рядом с ними. И вот этот немецкий самолет пролетел очень низко, прямо над самыми цистернами, еще немного — и мог бы задеть их.

И все-таки мы отправлялись в Тулу! Домой я привезла осколок бомбы. Я устроилась на работу на завод «Красный Октябрь» делать гранаты, но успела отработать всего два месяца. Немцы подходили к городу, и завод эвакуировали на Урал. Мы с Марией Петровной в эвакуацию не поехали, решили — «умирать будем здесь». Но главное, с нами на одной улице жила блаженная Дуняша, которая сказала, что немец в Тулу не войдет, она закрыла ее на замок. Ей тогда не очень верили, ведь немец стоял уже на пороге. Тогда же объявили осадное положение. Начались бомбежки Тулы. От снарядов летели осколки, и в нашем доме они пробили всю крышу. Авиабомба весом 1800 кг упала в соседнем дворе, но не разорвалась, ушла глубоко в землю. Я уже работала на железнодорожном сортировочном почтамте, только пришла с ночной смены, легла спать — и в это время упала бомба. Удар был такой силы, что я на кровати подлетела до потолка, из окон вылетели стекла. Потом мы 30 лет жили на этой бомбе, пока ее не достали. Во время воздушной тревоги жители нашей улицы прятались в бомбоубежище, которое находилось в подвале дома № 20.

Однажды мы с мачехой не пошли в бомбоубежище, а остались спать дома: надоело сидеть в подвале. Вдруг мы услышали сильное шипение и вышли на улицу. Видим: небо все красное. Ночь темная, нигде ни огонька, светомаскировка. И зарево — как на картине «Последний день Помпеи». Страшно было. Оказалось, это «катюши» стояли в Кремлевском саду. Тогда объявили по радио обращение к жителям Тулы разбирать продуктовые склады, чтобы немцам не досталось. А рядом с нами разбомбило хлебозавод, и все побежали туда за мукой и маслом. Там стоял огромный чан с годовым запасом подсолнечного масла. Набирали прямо ведрами. Муки тоже старались взять как можно больше. Принесла и я домой наволочку муки и полведра масла.

В октябре 1941 года по нашей улице проходили воинские части на Рязский вокзал, который находился поблизости. Эти части отправлялись на фронт, под Воронеж. Я в это время была на больничном, у меня от голода опухли ноги. В тот день я открыла окошко, сидела, облокотясь на маленькую подушечку, и смотрела на проходивших солдат. Ко мне подошли несколько человек военных, заговорили. Увидели лежащее на подоконнике домино, попросили подарить. Я отдала им домино, и тут им дали приказ строиться и отправляться на Рязский вокзал. Они только и успели записать на коробке домино мой адрес и фамилию. Потом один из них, Николай Кругов, прислал мне с фронта письмо, и мы переписывались, пока он не погиб в октябре 1944 года в Польше.

Посылали меня вместе с другими под Плавск копать противотанковые рвы. Земля была мерзлая, ее сначала взрывали, а дальше уже мы старались ломами и лопатами. На постой нас пустила самая бедная женщина. Я запомнила, она топила печку соломой. Потом отогнали немцев от Тулы. Весной снег растаял, и в полях под Тулой обнаружилось множество трупов немецких солдат. Посылали нас копать в полях ямы и хоронить их.

А летом отправили меня пилить и заготавливать дрова в Ханинский леспромхоз. Леса там очень красивые, было много дикой малины, красной и желтой. Наелась вволю.

На строительстве оборонительных сооружений. 1941 г.

Помню Пасху 1942 года. Жили мы очень бедно и голодно, и сосед дядя Андрей дал нам голую говяжью кость. Мы сварили из нее бульон на Пасху, вкуснее его я не ела ничего в своей жизни. Хлеб давали по карточкам, ржаной хлеб казался вкуснее пирожного. Я думала, никогда хлеба не наемся».

Это рассказ моей мамы, Клавдии Михайловны Кузнецовой о на-

чале войны. Пятеро ее братьев воевали, из них один погиб. На железнодорожном сортировочном почтамте моя мама отработала 33 года и еще 5 лет — на кондитерской фабрике «Ясная Поляна», оттуда и ушла на пенсию. Мама скончалась 10 июня 2010 года.

Глава 3. По дорогам войны

МАЛОЛЕТНИЙ ЗАЩИТНИК БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ

*Котельников Петр Павлович, 82 года,
полковник в отставке,
г. Брест, Республика Беларусь*

Родился я в 1929 году в селе Богоявленское Пензенской области. Рано осиротел: в пять лет остался без матери, а через год умер и отец. Сын репрессированных крестьян, до 1940 года я воспитывался в детском доме станицы Константиновская в Ростовской области. Там окончил четыре класса и все годы учебы занимался в духовом оркестре.

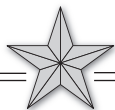

П.П. Котельников

В 1940 году меня и еще нескольких сирот, которые хорошо играли на духовых инструментах, отобрали в качестве воспитанников музыкального взвода 44-го стрелкового полка, что размещался в военном городке под Пружанами. Весной 1941 года полк перевели в Брестскую крепость. После героической обороны крепости я попал в лагерь для военнопленных, бежал, снова схвачен... После освобождения Беларуси летом 1944 года пути-дороги привели на Урал, в Нижний Тагил, где и встретил долгожданную Победу.

В Нижнем Тагиле нашел старшую сестру, окончил школу ФЗО и работал на танковом заводе токарем, потом вернулся в Белоруссию. В 1950 году был призван на

военную службу. С этого времени моя жизнь оказалась прочно связанной с армией. В 1956 году экстерном сдал экзамены за полный курс военного училища, был повышен в звании и должности, принят в Коммунистическую партию.

Служил в Эфиопии. Награжден орденом Отечественной войны II степени за оборону Брестской крепости и орденом Красной Звезды за выполнение интернационального долга в 1978 году.

Вышел на пенсию в звании полковника. Более 20 лет работал инженером в администрации Московского района Бреста.

Каждый раз, рассказывая свою биографию, словно переживаю все заново.

Наша область первой приняла удар Великой Отечественной войны. Среди тех, кто встал на защиту Брестской крепости от немецко-фашистских захватчиков, был и я. В июне 1941 года мне было всего 12 лет.

В детстве вообще все воспринимается как-то острее, и уж тем более, если все вокруг вдруг резко меняется, точнее, обрывается. И ты понимаешь, что детства у тебя больше не будет, а может, и жизнь твоя закончится, по сути, так еще и не начавшись.

В Брестской крепости я и двое моих однокашников оказались в конце мая. Нашу дивизию, в составе которой находился и 44-й стрелковый полк, где мы были воспитанниками, перевели в Брест еще в марте. Как и мои сверстники, я был уверен, что мир в нашей стране нерушим.

В начале весны наш военный городок Слобудка под Пружанами покинула семья Зубачевых, с детьми которых мы, вчерашние детдомовцы, дружили и к которым частенько бегали по выходным; уехали старшие ребята-музыканты, знакомые по детскому дому. К этому времени они уже проходили срочную службу в армии. Мне, Володе Казьмину и Володе Измайлову разрешили окончить пятый класс в Слобудке, где мы жили с осени 1940 года. Здесь у нас было усиленное питание, настоящая военная форма. Наш стрелковый полк носил малиновые петлицы, а у нас, детворы, они были интендантские — зеленые, как у пограничников. Мы казались самим себе более привилегированными.

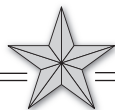
Как только закончились учения, наша небольшая компания по узкоколейной железной дороге на маленьком поезде с паровозом-«кукушкой» из Пружан добралась до Оранчиц, а после уже в обыкновенном вагоне — до Бреста. 44-й полк разместился в кольцевой казарме цитадели. Сегодня этой части строения не существует — мы жили недалеко от Бригитских ворот. На втором этаже казармы стояли двухэтажные нары, покрытые соломенными матрасами. Подушки тоже были набиты соломой. После я узнал, что в 333-м стрелковом полку, где воспитывался мой ровесник Петя Клыпа, солдатам повезло больше — они спали на кроватях. С самим же Петром мы в те мирные дни не общались. Он в крепости был старожилом, я всего несколько раз видел его издали. Познакомились мы на исходе первого дня войны, после встретились по пути в лагерь в Бяла-Подляске.

В самом городе перед войной удалось побывать лишь однажды. Нам нужно было летнее обмундирование, и всех ребят вывезли в швейные мастерские для примерки. Эту подростковую форму (в ней мы были похожи на маленьких солдатиков) успели пошить — 22 июня мы должны были ехать в город, чтобы забрать обновки. О том, что этот день будет драматически непохожим на предыдущие, никто не мог и подумать. Только потом мы сопоставили какие-то факты и поняли: не все, что происходило вокруг, — случайность.

Как и у солдат, у нас была самая настоящая армейская жизнь. Построения, репетиции, отбой. Мы, воспитанники детского дома, не были приучены к шалостям. В крепости старались быть настоящими солдатами, поэтому помогали служивым как могли, а в свободное время просто гуляли по крепости. В июне 1941 года помещение для репетиций, вероятно, было на ремонте. Поэтому мы с оркестром играли на улице. Обычно размещались на лужайке между Северными воротами и Западным фортом. Иногда на этом месте шли учения. Тогда мы усаживались прямо над воротами, и когда солдаты проходили мимо нас; мы приветствовали их маршами и песнями. Исполняли «Егерский марш», «Колонный марш», фантазию «Охотник в горах» и др. Мы так и не успели дать в крепости концерт. Но у нас была хорошая творческая самодеятельность — тогда в крепости рядовым служил Николай Беловусов, который после стал народным артистом РСФСР. Вот он и выступал. Много лет спустя мы встретились в Бресте, когда он возвращался с зарубежных гастролей.

Усиленное питание, которое было в Слобудке (там нам каждый день давали молоко), в крепости сняли, но солдатской еды нам вполне хватало. Иногда мы смотрели здесь кино — на стену просто вешалась белая простыня, на которую проектор выводил изображение. Я помню, что чаще всего показывали фильмы о защите границ. Это, собственно, неудивительно. А на каждом сборе нам постоянно говорили о том, что в случае нападения на крепость всем нужно собраться в пункте сбора у Северных ворот. Дальше следовало двигаться в место сосредоточения, но где это место, я не знал. 22 июня к Северным воротам попал только Володя Казьмин, но он никого там не нашел и примкнул к бойцам в Восточном форту...).

Разговоры о том, что скоро начнется война, мы слышали постоянно. Хотя нас, детвору, в такие вопросы старались не посвящать. Несколько раз со стороны Польши на нашу территорию залетали самолеты, которые, сделав пару кругов, возвращались обратно. Но никакие наши истребители не поднимались вслед — была дана команда первыми не нападать. Хотя я помню, как 21 июня над крепостью за Буг полетел небольшой самолетик наподобие «кукурузника» АН-2, который чуть позже вернулся обратно. Что это был за полет — неизвестно.

В последний мирный день у нас, как обычно, проходила репетиция у Северных ворот. А в перерыве мы пошли искать птичьи гнезда. Не разоряли — просто смотрели. Во время прогулки мы нашли сверток. В нем были советская пограничная форма и желтые туфли большого размера. Находку мы забрали и спрятали в одном из казематов, а вечером показали старшине. Он форму забрал, а туфли предложил продать в воскресенье, когда поедем в город за формой.

Первые минуты войны оставили в моей душе рану на всю жизнь: на рассвете 22 июня 1941 года раздался страшный гул вражеских самолетов, несших разрушение и смерть. Сначала ничего не понял, но вскоре раздался первый взрыв. Еще и еще, все чаще, все оглушительнее. Из окон повывлетали стекла, и я увидел, что горят машины на плацу, а также соседняя казарма; с потолка посыпалась штукатурка, была пробита крыша, а в стене полуметровой толщины образовалась большая дыра. Началась суматоха. Все происходило очень быстро. Появились раненые и убитые. Мы выбежали на улицу.

От удара в голову я упал и потерял сознание. Очнулся в казарме, когда уже было 10–11 часов утра. Рядом наши бойцы стреляли по врагу. Хотя и кружилась голова, первое, о чем подумал, как можно помочь своим. Предложили заряжать обоймы и пулеметные ленты, подавать патроны.

Мы отстреливались и пробивались к выходу из крепости. Выйти не смогли. К исходу дня оказались в подвале около Трехарочных ворот. Я был единственный ребенок среди взрослых бойцов. Но тогда никто не думал о возрасте. Одинаково тяжело было всем. Признаюсь, было страшно.

Там же, в подвале, находились и раненые. Я помогал им, как мог: кормил, ухаживал за ними. Тем же вечером с группой бойцов перебрался в подвалы соседней казармы 333-го полка, где были и мои сверстники. Мальчишки есть мальчишки: бойцы отстреливались, а мы изучали обстановку.

В одном из отсеков подвала мы увидели раненых, в другом — убитых. Их было очень много! Мы понимали, что вокруг опасность, но успокаивало, что рядом стреляли наши. Потом с другом Петей Клыпой мы поднялись на второй этаж и попали в музыкальную студию. Так хотелось найти какой-нибудь исправный инструмент, например, трубу и принести в подвал, но все было изуродовано, продырявлено. Тогда стали наблюдать из окна, что делается в крепости и в ее окружении. Думали: а вдруг заметим что-то важное. Однажды так и случилось. Уже на второй-третий день войны увидели, как немцы переправляются через Западный Буг на центральный остров крепости, о чем и доложили старшим.

Потом мы делали вылазки за боеприпасами и водой, нехватка которой ощущалась каждую минуту. Нам приходилось ползти под нескончаемым огнем противника, никогда не сдаваться и приносить драгоценную влагу тем, кто так в ней нуждался. Жажда была для всех нас

тяжелой мукой. Горячий воздух, перемешанный с гарью и кирпичной пылью, давил горло. Невыносимо хотелось пить, но воды не было: особенно тяжело было женщинам, маленьким детям и раненым. Вылазки за водой делали, в основном, по ночам. Пробираясь по грудам развалин, мы подползали к Бугу, замирая при каждом взлете ракеты, осторожно зачерпывали котелком воду и бесшумно возвращались назад. Добытой воды было мало, ее делили между детьми и ранеными, доливали в кожухи станковых пулеметов для охлаждения ствола (я и теперь, спустя долгие годы, часто подолгу стою у памятника «Жажда» в мемориальном комплексе, переживая глубоко в душе те моменты).

Как-то случайно мы обнаружили целый склад с боеприпасами, которые вместе со взрослыми вскоре доставили в нужное место. Самой страшной была неизвестность. Никто не знал, что происходило за пределами крепости. Группы, что отправлялись в разведку, не возвращались. Несмотря на непрерывный штурм крепости, командование приняло решение пробиваться через плотное кольцо окружения. Несколько бойцов, и я вместе с ними, под шквальным огнем бросились к мосту, переплыли реку.

Я думал, что так же тяжело, как в Брестской крепости, было везде, где шли бои, поэтому особого значения подвигу тех, кто первым принял оборону, не придавал. По-другому взглянул на те события лишь в мирное время, когда писатель Сергей Смирнов начал поиски защитников крепости. Многое пересмотрел и спустя уже 30 лет, после встречи с теми, кто, как и я, первым встретил войну на рассвете 22 июня...

В 1971 году на открытие мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» съехались все оставшиеся в живых защитники крепости. Вместе с супругой я тоже приехал туда из Бобруйска, где мы в то время проживали.

Кто прибывал раньше, встречал поезда с другими ветеранами. На перроне объявляли, что едут защитники крепости, например, из Москвы или Киева. Это был настоящий праздник! Событие, которое не забыть! Встречаясь вновь спустя четверть века, люди плакали, обнимались, целовались.

На открытии мемориального комплекса, где собралось более четырехсот человек, я встретил и своих сверстников, тоже юных защитников Брестской крепости. Это были воспитанники музыкального взвода 44 полка, в числе которых и его лучшие представители Володя Измайлов и Володя Казьмин. У каждого из них за плечами была своя непростая история.

Я тогда пообщался со многими защитниками и узнал, что судьба большинства из них сложилась печально: плен, лагеря. Это все очень тронуло меня. Вместе с тем я почувствовал огромное уважение к ним: несмотря ни на что, они сумели остаться настоящими людьми! Мне очень приятно, что со временем подвиг защитников крепости признали.

На том же мероприятии я встретил майора Гаврилова, который, к слову, держал за руку мою шестилетнюю дочь Свету, когда той выпала честь сыпать песок на первый камень будущего мемориального комплекса. Как всегда, Петр Гаврилов был «нарасхват». Его выступление все слушали, затаив дыхание.

Конечно, в том, что он говорил, ничего нового для меня не было. И все же я с большим интересом внимал тому, что Гаврилов рассказывал о начале войны и обороне крепости. Помню самую первую встречу с ним. Это было еще в 1940 году в Слобудке, под Пружанами, где размещался наш 44-й стрелковый полк. Как только меня и еще нескольких ребят приняли в воспитанники музыкантского взвода этого полка, Петр Гаврилов приезжал поинтересоваться, как нас разместили.

...С большим сожалением я, как участник войны, наблюдал за тем, что стало с некогда великой страной в начале 1990-х годов. Не стало Советского Союза, где все жили дружной семьей. С началом Великой Отечественной войны народы страны вместе стали на защиту Родины и победили! Мне очень жаль, что республики разделились, люди уже суверенных государств стали отдаляться друг от друга. И все же нас всегда будет роднить общая Победа!

О начале войны и участии в обороне Брестской крепости меня часто просят рассказать и журналисты, и военнослужащие, и учащиеся. Воспоминания, которые до сих пор отзываются в сердце болью, непременно всплывают и в беседах с другими ветеранами. И хотя в последнее время сильно подводит зрение, я осиливаю более тридцати выступлений в год!

Президент Республики Беларусь, руководство нашей области и Бреста делают все, чтобы ветераны жили хорошо, заботятся о наших проблемах. Одно беспокоит меня: патриотическое воспитание подрастающего поколения, которое во многом зависит и от судьбы комитета ветеранов войны. Так хочется, чтобы комитет жил и после того, как уйдет из жизни последний ветеран Великой Отечественной. Надо, чтобы преемниками ветеранов комитета стали не случайные люди, а из числа бывших военнослужащих, офицеров запаса в отставке, прошедшие сражение в горячих точках. Тогда воспитание молодежи будет продолжаться на традициях ветеранов войны. Нельзя забывать свою историю! И нам ее не забыть!

Я рад за современную молодежь, она знает историю, ей доступны все технические новшества и множество источников информации. Но у людей моего поколения чувство ответственности за Родину и народ были сильнее, нежели у сегодняшних молодых современников. Но все-таки я думаю, если, не дай Бог, наступит трудное время, молодежь выполнит свой долг. Я бываю в школах и войсковых частях и могу уверенно сказать, что молодые люди настроены патриотично.

Раньше каждые пять лет мы виделись с защитниками Брестской крепости. К сожалению, сейчас многих нет в живых.

Марк Твен сказал: «Кто не знает, куда идет, может сильно удивиться, попав не туда». Я течение своей жизни направлял в нужное русло: учился и работал. Поэтому у меня все получилось. И семейное счастье не обошло меня стороной. К слову, со своей супругой Антониной Григорьевной в середине марта мы отметили изумрудную свадьбу: 58 лет идем рука об руку, поддерживая друг друга, радости и разочарования делим всегда на двоих. Вырастили двух детей, есть внуки и правнук, которые живут в Москве. Когда они приезжают, я первым делом веду их в Брестскую крепость, туда, где осталась частичка моего сердца, откуда приходят к нему негаснущие и тяжелые воспоминания...

ПАВШИЕ В СОРОК ПЕРВОМ

*Бушин Владимир Сергеевич, 87 лет,
публицист, литературный критик, писатель и поэт,
г. Москва*

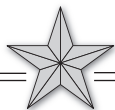
Недавно, да вот в апреле, я случайно затеял в интернете переписку с одной незнакомой женщиной. Она по неведомой мне причине

В.С. Бушин

не присылала мне интересные тексты на церковно-религиозную тему. Раз прислала, другой, третий... Я заинтересовался, кто она? Имя интернациональное — Анна, фамилия — явно не русская, и пишет она ее латиницей. Я спросил. Оказалось — белоруска, а фамилия в переводе означает «аист». Ах, как интересно! «Аист сидит на крыше», как пела прекрасная София Ротару, и шлет мне с крыши, то есть из поднебесья псалмы Иоанна Златоуста. В знак признательности послал ей шуточный мадригал не совсем религиозного характера:

*Когда являетесь вы, Анна,
На мой экран в заветный час,
Я превращаюсь в дон Гуана
И дону Анну вижу в вас.*

Она подхватила шутку: «Вы рискуете: «тяжело пожатье каменной его десницы...» Десницы дон Альвара не каменного, а живого. О-го-го...»

Потом я написал Анне, что недавно получил медаль «За освобождение Беларуси», поскольку в 1944 году всю ее протопал наискосок с юго-востока на северо-запад — от Быхова до Гродно. И рассказал, как порой голодные из-за отставших кухонь стучались мы в бедные белорусские избы и просили: «Тетка, бульба есть?» — «Есть, тільки трошки дробненькая». И кормила нас, и поила, а то и спать укладывала.

Мои воспоминания об этом, родные ей слова «бульба есть?» до слез растрогали Анну. Вспомнилось ей босоное детство, как свиней пасла с хворостиной, как мечтала о стране, где живут только красивые, благородные и бескорыстные люди. И уже став взрослой, нашла она эту страну, дождалась этих людей: красавца Гайдара, благородного Чубайса, бескорыстного Абрамовича...

А тогда... Помните, у Твардовского? —

*Тетка — где ж она откажет?
Хоть какой, а все ж ты свой.
Ничего тебе не скажет,
Только всхлипнет над тобой.
Только молвит, провожая:
— Воротиться дай вам Бог...
То была печаль большая,
Как брели мы на восток...*

Но нет, теперь стояло лето 44-го, и мы не на восток брели, а шагали на запад, каждый день считая, сколько осталось до Германии.

Это были дни освобождения Белоруссии по гениальному плану Рокоссовского «Багратион». Когда этот план обсуждали в Ставке, все были изумлены. Одновременно два главных удара? Так не бывает. Не может быть! Но Рокоссовский сказал: «А в данном положении это лучший путь!» Сталин попросил его выйти в соседнюю комнату и спокойно наедине подумать. А когда позвали, он повторил: «Два одновременных главных удара!» Сталин еще раз попросил генерала выйти и подумать. Тот вышел, подумал, вернулся и доложил: «Два главных». Сталин в третий раз попросил его подумать наедине. Генерал вышел, подумал, вернулся: «Два!» Только после этого весьма необычный план утвердили. Сталин, знал то, что много лет позже четко выразил мой покойный друг Евгений Винокуров:

*Упорствующий до предела
Почти всегда бывает прав.*

Операция «Багратион» была одной из самых блистательных за всю войну. И, к слову сказать, именно в ходе ее Рокоссовскому было присвоено звание Маршала Советского Союза.

И я листаю дневник тех дней. Операция началась 23 июня, а вот давно забытые, но, по-моему, кое-чем интересные записи за несколько дней до этого, когда еще стояли в обороне.

28 мая 1944 г.

...Между прочим, был армейский гинеколог, майор медицинской службы — энергичный, симпатичный лысый еврей. Остался очень доволен нашими девчатами. (В части было довольно много телефонисток и радисток из Москвы, из Ивановской и Рязанской областей. Они чуть ли ни каждый месяц проходили медицинское освидетельствование. — 2009). Майор просто восхищен ими: все здоровые, сильные да еще — ни одной беременной! Мало того, 80 процентов — девицы!!! А ведь на парткомиссии, на которой комроты капитан Ванеев был перед этим, его изображали чуть ли не сутенером.

2009 г. У Симонова были во время войны стихи:

*На час запомнив имена, —
Здесь память долгой не бывает —
Мужчины говорят: «Война!»
И наспех женщин обнимают.*

Ну да, бывало и так. Но вот вам цифра — 80 процентов после трех лет войны, а им 20—25 лет.

6 июня 1944 г. Новая Слобода, 3 км от Пропойска.

Великий день! Началось вторжение союзников. Как мы ждали этого летом 42-го. Пришлось ждать еще два долгих упорных года. Мы не устояли до этого года — мы до него дошли... 4 тысячи судов, 11 тысяч самолетов... Идет возмездие за комедию Компьяна, за детей Ковентри, за Ленинград и Смоленщину... Да, можно твердо надеяться, что война кончится в этом году... Россия вздохнет легче...

2009 г. Кстати, у того же Симонова есть шутливая «Сказка о городе Пропойске». Она начинается так:

*Когда от войны мы устанем,
От грома от пушек, от войск,
С друзьями мы денег достанем
И выедем в город Пропойск.
Должно быть, название это
Недаром Пропойску дано.*

*Должно быть, и зиму и лето
Там пьют беспробудно вино...*

Теперь это не хмельной Пропойск, а чинный Славгород.

12 июня

Только что прошумел дождь, отгрохотал гром. И снова над посвежавшей зеленью луга, над лесом — солнце. Радостно и легко дышится. И глядя на эту смеющуюся мокрую зелень, я почему-то вспомнил Нину. Как я однажды целовал ее — мокрую, не успевшую утереться после умывания. Она не давалась, говорила: «Отстань, Бушев!» и смеялась. И была так хороша!.. И я тоже стал весь мокрым. Потом мы вместе вытирались полотенцем...

14 июня 1944 г.

Сегодня утром взял в руки «Фронтовую правду» — и не верю своим глазам: с первой страницы смотрит улыбаясь молодой капитан-артиллерист, и этот самый капитан с орденом Отечественной войны и Красной Звезды не кто иной, как Валька Шлыгин, которого мы в классе почему-то звали Шлиссен. Написал в редакцию, попросил адрес, газету послал Нине.

2009 г. Валя не вернулся с войны... Позже я помянул его и всех одноклассников, оставшихся там — Толю Федотова, Игоря Зайцева, Фридриха Бука, Володю Семенова, Леню Гиндина, Гришу Андрусова, Костю Рейнветтера, Петю Скотникова, Леву Давыдова...

*Сорок четвертый. Польша. Висла.
Мне двадцать лет. И как Вийон,
Я жизнь люблю сильнее смысла
И назначения ее.*

*Как все, хотел в живых остаться,
Без костылей прийти с войны,
Хотя не трудно догадаться,
Я знать еще не мог цены*

*Любви, испитой полным кубком,
Отцовства радостям святым,
Труду, смирению и уступкам,
Ветвям черемухи густым,*

*Неторопливым наслаждениям
Неспешного течения дум,*

*Случайным нежным песнопеньям,
Тропе, что выбрал наобум...*

*Потом лишь это все изведав,
Я оценить и смог вполне,
Что клали на алтарь победы
Ровесники на той войне.*

20 июня

Война без ненависти — нечто постыдное, как сожительство без любви. (И. Эренбург).

25 июня

Сегодня. Наконец и в сводке говорится о наступлении севернее Чаусы. Это наступает наш правый сосед — 49-я армия. Левый сосед — 3-я армия — тоже наступает. Видимо, нам предстоит быть дном мешка. Витебск уже в мешке, он завязывается с запада. Одним словом, началось. А мы еще стоим.

26 июня

В Витебске окружили 5 дивизий.

1 июля. Деревня Пешенья

Около деревни остановились тяжелые танки. Шумные веселые танкисты расположились обедать. Из одного танка вылез целый духовой оркестр. Играют какой-то трогательный вальс. Сбежались деревенские. Смотрят с любопытством и восторгом. Танцуют...

Наша полуторка мчится полем. Женщина радостная, запыхавшаяся бежит за машиной и бросает нам в кузов хлеб. Хлеб хороший, с хрустящей корочкой... Сушков плачет...

В церкви, окруженной народом, четыре пленных фрица. Наш пьяный солдат лезет к ним целоваться. Фрицы угодливо целуют небритые щеки солдата. «Дурак ты», — говорит солдат длинному худому фрицу в лаптях. «Nicht дурак», — отвечает тот и в пояснение поднимет руки вверх...

По дороге идет колонна пленных, человек 35–40, и что-то поют...

Мы шли крутым заросшим берегом Ресты, три тезки — Сушков, Лобунец и я. Сушков сорвал цвет боярышника, долго его нюхал и сказал: «Вот так же пахнет девушка»...

Деревни начались большие, красивые, уютные. В избах порядок и чистота. Чистые кровати, скатерти. Сожжено сравнительно мало...

3 июля

Вчера купались в Друте. А сегодня пьем воду из Березины.

5 июля. Дер. Моторово, 25 км от Минска

Жители встречают приветливо. Рассказывают, как жили при немцах, жалуются, плачут, проклинают...

Я никогда не видел такого количества техники. Тысячи машин, тягачей — и наших, и немецких, и союзников.

Немецкий генерал Бармлер приветствует наших солдат. Запоздалое рыцарство...

На шоссе стоит старая женщина и сквозь слезы смотрит на нас. Ее сын шесть лет как ушел в армию...

У переправы через Березину окружили толпу пленных. Они в страхе заискивают. Какой-то сержант, видно, прошедший огни и воды, трогает фрица за плечо: «Вы, сукины дети, зачем же вы ребятишек убиваете, а?» и показывает рукой ниже пояса.

8 июля. Негорелое, 10 км до старой границы

Округа кишит немцами разбитых частей. Они всюду — в лесу, в кустах, во ржи... Спать хочу, спать, спал не больше двух часов... Вчера нам пришлось занимать оборону. Шальная орда разбитых и обезумевших немцев сквозь лес, стреляя на ходу, перла на нас, но метрах в ста почему-то свернула вправо. А если бы не свернули — растоптали. Я испугался только вначале, когда не мог найти куда-то запропастившуюся винтовку, а как только нашел — как бром принял. Спать, спать...

11 июля. Новогрудок

Зашли в аптеку. Продавец никак не хочет дать без денег женщине для больного ребенка лекарство, которое она просит. Требуется 5 рублей. Я даю три. «Спасибо, пан, спасибо!»... А сколько здесь мужчин, которые могли бы быть на фронте.

13 июля. Щучин

Когда сейчас смотришь на смерть, какой она кажется досадной и омерзительной. Вот хоронят солдата, убитого в бою на дороге Щучин-Гродно... Окруженные немцы стараются пробиться на запад. Наклали их в деревушке неисчислимо.

17 июля. Щучин, 30 км от Гродно

Три недели назад мы были дальше других фронтов от границы. Теперь до черной земли Германии осталось несколько десятков километров, от Гродно — 80. Начинается Неметчина. Трудно высказать чувства, которые овладевают при этой мысли... Вечера опять по-

палась навстречу колонна пленных, их же сейчас тысячи и тысячи. Я обратился к одному: «Wir gehen nach Deutschland!» (Мы идем в Германию). Он сокрушенно покачал головой: «Ja, ja, und wir gehen nach Rusland».

22 июля. Деревушка под Гродно

Вот уже двое суток стоит непрерывный гул моторов. Это «Илюшины» в сопровождении Ла-5 идут на запад и обратно. Немец занял на том берегу очень удобную позицию...

Было совершено покушение на Гитлера. Сообщают о столкновении эсэсовцев с войсками. Не начало ли это внутреннего краха?

25 июля. Гродно

Большинство здесь поляки. Все рассказывают и убеждают, что они нас ненавидят, но я не заметил этого. После немцев, по-моему, они поняли, что такое Красная Армия. Но вот Якушев встретил одну знакомую, которая живет здесь с 1940 года. Та рассказывает, что поляки действительно ненавидели их. Русские вынуждены были побираться и побирались только в белорусских деревнях.

27 июля. Новый Двур

Старая полька говорит мне: «Это хорошо, что Гитлера не убили» — «Почему?» — «Это была бы для него слишком легкая смерть».

В Гродно мы ночевали у одной панночки семнадцати лет. Живая, веселая, миловидная. Мать ее куда-то в этот день уехала, и она осталась за хозяйку. Говорить с ней, слышать то и дело такое милое «Ну?» было одно удовольствие. Ст. лейт. Пименов как раз принес газету с картой линии Керзона. Как она обрадовалась, когда увидела, что Гродно по эту сторону линии! Спать постелила нам все свежее, только не выспались мы: она очень долго читала нам по-польски. Между прочим, у поляков тут очень популярна Ванда Василевская.

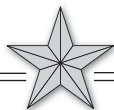
4 августа. 3 км юго-западнее Августова, лес

Васька Бредихин из 3-го взвода украл у хозяина, у которого мы сушились, ведро с молоком. Я предложил, чтобы он вернулся, отдал ведро, уплатил за молоко и извинился. Так он и сделал, гад.

До Германии 30 километров. Над головой ревет авиация, артиллеристы уже бьют по немецкой земле.

11 августа

Сплошной гул — идет артподготовка. Иногда выделяется какое-нибудь особенно басистое орудие. Это слышно уже в Германии.

ЕСЛИ...

Не дай мне Бог вас пережить, собратья...

А. С. Пушкин. «19 октября 1825 года»

Я на войне зеленым был юнцом,
И если б долголетья тяжким даром
Как фронтовик был наделен Творцом,
То мог предстать бы пред Его лицом
Последним самым, хоть не самым старым.

Подумать страшно: вся ушла братва...
И что такое Т-34,
Сорокапятка, Пэ-пэ-ша, У-2
И прочие старинные слова
Я буду понимать один лишь в мире.
Но и один я в майский день приду
К Могиле Неизвестного Солдата.

А если кто-то бросит на ходу,
Увидев, что гвоздики я кладу:
— Какой сегодня праздник? Что за дата? —
А если кто-то будет сквозь смотреть
На выцветшие орденские планки,
То лучше мне сегодня умереть,
Чем заживо среди живых гореть
В забвения тяжелом танке.

ПАВШИЕ В СОРОК ПЕРВОМ

Всем, за Россию павшим, слава
И память скорбная вовек!
Их свято чтят и мать-держава
И каждый честный человек.

О всех нам не избыть печали
Средь будней, праздников и дел,
Но у того, кто пал в начале
Особый все-таки удел...

Им, кто сражался в Бресте, в Орше,
В Смоленске, Вязьме, у Орла,

В земле лежать не всех ли горше? —
Им неизвестно, чья взяла.

Они не знают, удалось ли
Нам отстоять Москву зимой
И как и что там было после
Со всею Русью, всей страной.

И что с детьми? И что с женою?
Жива ли мать? И где отец?
Еще пойдем ломить стеною
Или уже всему конец?..

Над ними годы проплавают,
Как многотонные суда,
Но ничего они не знают
И не узнают никогда.

Но без раздумий все отдали,
Все совершили, что могли
И, не колеблясь, прахом стали
Родной единственной земли.

БЕРЕЗА

И быстрые ноги к земле приросли...

А. А. Ахматова. «Лотова жена»

— О чем твой шум, — спросил я у березы
На перекрестке русских двух дорог. —
Я слышу в нем стенанья, вздохи, слезы,
Но смысла их я разгадать не смог.

— Я не березой родилась когда-то, —
Мне листья отвечали в вышине. —
Была я молодой женой солдата.
Он до сих пор еще на той войне.

Весной победной молодые ноги
Встречать его несли сюда меня.
Дни напролет ждала я на дороге,
Глаза рукой от солнца заслоня.

Ты знаешь, путник, сколько отзвенело
Зеленых песен с давней той поры.
Я в ожиданье одеревенела,
Надев наряд из листьев и коры.

И к лучшему! — она вздохнула глухо. —
Не верю я, что враг его убил.
Вернется он. А я уже старуха.
Меня бы он невольно разлюбил.

А так — любовь бедой не обернется.
Я как береза хороша — взгляни!

Увидит он меня и улыбнется,
И сядет отдохнуть в моей тени.

Тогда над головой его склоненной
Тихонько песню спеть я захочу,
Чтоб он услышал голос мой влюбленный.
Сейчас я песню эту и учу.

Ответив мне, береза зашептала
Опять о том, чем только и жила.
Казалось ей, что дней осталось мало.
Она спешила выучить слова.

ТРУДНЫМИ ВОЕННЫМИ ДОРОГАМИ

*Ковалев Семен Наумович, 87 лет,
ветеран Великой Отечественной войны,
гвардии старшина,
Почетный гражданин поселка Дубровка Брянской области*

Детство

Я родился 17 января 1924 года в небольшом селе Крутоберезка (ныне Новозыбковский район Брянской области). Родился дома, прямо на печке. Тогда многие младенцы так появлялись на свет. Русская деревня жила своей размеренной, веками отлаженной жизнью, но коммунистический эксперимент уже менял ее облик.

Никто не знал, что через девять месяцев моя мать Акулина Тимофеевна уйдет из дома, оставив мужа и меня, и заведет новую семью. Так я оказался в доме деда.

Через три года мой отец Наум Петрович перевозит меня в г. Новозыбков, где он работал учителем в школе ликбеза. Отец был человеком сильной воли и твердого характера. Его предки отличались умом, сооб-

С.Н. Ковалев

разительностью, крепкой мужицкой хваткой, трудолюбием.

Мой дед Петр Яковлевич был умелым плотником и столяром. Своими руками он построил четыре ветряных и одну водяную мельницы, на которой потом и работал. Мельника Ковалева уважали в округе и немного побаивались: испокон веков в народе считали, что на мельницах черти водятся, а сами мельники тесно связаны с нечистой силой.

Дедов дед гонял скот в Петербург и Москву. Однажды чуть замешкался — и скот украли. Пришлось идти в услужение к помещику. Подзаработал денег, открыл кузницу, стал ковалем. По семейной легенде, отсюда и пошла фамилия — Ковалевы.

С трех лет я жил в Новозыбкове с отцом, который работал учителем сначала в Покровской детской коло-

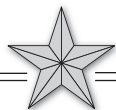
нии в Климове, а потом в Новозыбковской школе имени К. Маркса.

Пришло время, и я пошел в школу, но не в ту, где работал отец. Решили, что мальчик сразу должен расти самостоятельным и ответственным за свои поступки. В Новозыбковской школе имени М.И. Калинина я учился прилежно и старательно.

С деревней наша семья связи не порывала, там оставались родственники. Они нередко помогали продуктами, зная наше сложное материальное положение. Но пришли страшные годы голода — 1932–1933 гг.

Убегая от голодной смерти, мы уехали в Крым. Отец получил там место учителя в колонии для беспризорников. С большой теплотой я вспоминаю о том, как помогали там люди нашей семье, как подкармливали меня, маленького, худого, болезненного. И поставили таки на ноги. Вернулся я в Новозыбков уже значительно окрепшим.

Заканчивая 8 класс, я мечтал о море, теплом и бескрайнем, таком, какое впервые увидел в Крыму. Не раздумывая, в 1939 году по-

дал заявление в Николаевский морской техникум, но вызов на учебу почему-то не пришел (он придет позже, когда меня уже не будет в Новозыбкове, — судьба!). И тогда я поехал в Гомель и поступил там в автомобильный техникум. Вскоре учебу прервала война.

Начало войны

После сдачи последнего экзамена за второй курс мы узнали о начале Великой Отечественной войны. Сразу же большинство из нас пошло в военкомат записываться в добровольцы.

Меня, 17-летнего паренька, не взяли по возрасту, но поручили разносить повестки по домам мобилизованных в армию. Как окончивший школу снайперов, вскоре я был зачислен в ополчение. Вместе с товарищами участвовал в патрулировании улиц, охране объектов. И регулярно наведывался в военкомат.

В начале августа 1941 года в Гомеле начали формировать добровольческую коммунистическую роту. В очередной раз пришел в военкомат, и мне вдруг сказали: «Принесешь винтовку — возмем». Во время чистки оружия в снайперской школе я умудрился исчезнуть со своей винтовкой под номером 174. Прибавив себе год, со своей винтовкой добровольно вступил в Гомельскую коммунистическую роту.

Часто вспоминаю, как нас, добровольцев, обучали военному делу. Ведь это мне повезло: я умел стрелять. А большинство добровольцев в глаза не видели оружия. Командир построил роту — 350 человек — и два раза показал, как передергивать затвор винтовки Мосина и стрелять, потом показал, как бросать гранаты РГД-33 и Ф-1. На этом обучение закончилось, роту бросили в бой.

Боевое крещение

Боевое крещение я получил в Белорусском Полесье, на реке Сож. Здесь во время авианалета был тяжело контужен и надолго оглох. Если бы не товарищи, то вообще навсегда остался бы в белорусских лесах. Во время взрыва меня засыпало землей так, что едва ноги были видны, за них-то друзья меня и вытащили.

В боях на территории Белоруссии погибла почти вся Гомельская коммунистическая рота. В живых осталось едва ли человек 60–70. А дальше нас ждала маршевая рота, «Горелые лагеря» под Курском и снова фронт.

Ситуация была столь критической, что мы с моим верным другом Леонидом Деньдобрым решили на всякий случай прорезать носки в ботинках, чтобы в момент окружения застрелиться, нажав курок винтовки пальцем ноги, только бы не оказаться во вражеском плену.

В Белобережской диверсионной школе

Неожиданно судьба приносит новый поворот в моей жизни. Командование отбирает 35 бойцов, людей наиболее грамотных в военном отношении и смекалистых по общему развитию, для выполнения специального задания, как нам сказали. Через Орел нас перебрасывают в Белые Берега под Брянском и размещают в кельях бывшего монастыря, в так называемой «школе пожарников».

Под таким условным названием в Белых Берегах с августа 1941 года действовал филиал Орловской специальной школы по подготовке диверсантов для борьбы в тылу врага. Организовал школу диверсантов уникальный человек, лучший, если не единственный специалист-профессионал диверсионной работы Илья Григорьевич Старинов.

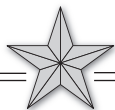
Катастрофа первых недель войны заставила вспомнить о партизанской войне. Спешно сформированное партийное подполье, отряды и группы либо бездействовали, либо быстро гибли. Командиры попавших в окружение частей РККА стремились любой ценой пробиться к своим — их просто не учили, что, маневрируя по открытым тылам и нарушая коммуникации противника, можно нанести врагу большой урон и сохранить больше людей. Их доучивала жизнь. Постепенно партизанское движение и диверсионная работа переходили в руки профессионалов, в числе которых был и Старинов.

Уже 13 июля Старинов приказом Наркома обороны был назначен начальником первой фронтовой партизанской школы Западного фронта, которая находилась в Рославле. Здесь были подготовлены первые инструкторы по диверсионной технике и инструкторы по партизанской тактике, которые впоследствии вели занятия в Орловской школе и у нас в Белых Берегах.

Потом школа переместилась в Белоруссию, а в начале августа она была размещена в Орле, вернее в двух километрах от города неподалеку от аэродрома. Сначала Орловский обком партии направил в школу двадцать шесть человек для обучения на инструкторов, а к 18 августа Старинов укомплектовал ее полностью. С целью конспирации школу стали именовать «школой пожарников». Начальником ее назначили И.Н. Ларичева, его заместителем по оперативной части — Д.П. Беляка, начальником штаба — М.В. Евсеева.

Как мы знаем, в «школе пожарников» готовились будущие прославленные партизанские командиры Брянщины: Д.М. Кравцов, М.П. Ромашин, А.Д. Бондаренко, М.И. Дука.

В докладной записке УНКВД по Орловской области, составленной в сентябре 1941 года, сказано: «Для подготовки кадров диверсантов УНКВД вместе с областным комитетом партии организовали спецшколу, в которой в данное время обучено около 500 человек и созданы кадры преподавательского состава. В школе подготовили инструкторов

для Курского УНКВД. Проходит курс подготовки группа из Москвы, Тулы, Смоленска. Школа готовит кадры для партизанских отрядов, диверсионных групп и диверсантов-одиночек. Обучает спецтехнике диверсионного дела, технике действий в тылу противника».

Наши занятия в Белобережском (Брянском) филиала диверсионной школы начались сразу, как только нас выгрузили из машин, разместили, выдали имущество и накормили.

Продолжительность и содержание подготовки личного состава к выполнению боевого задания зависели от подготовленности курсантов, характера предстоящей задачи (разведка, поиск, диверсии) и имевшегося времени. Но во всех случаях подготовка была непродолжительной. Ничего не поделаешь — война...

Инструкторы нас учили, что гитлеровская армия полностью зависит от доставки пополнений, боеприпасов вооружения из глубокого фашистского тыла. А партизаны могут массовыми диверсиями парализовать вражеский транспорт, оставить вражеские соединения на фронте без боеприпасов и горючего. Диверсии рекомендовалось производить по возможности вдали от населенных пунктов, жители которых помогают партизанам. Объяснялось, кстати сказать, что массовость диверсий — самый надежный способ заставить врага отказаться от жестоких репрессий против мирного населения.

За короткое время нас обучили подрывному делу, обращению с автоматическим оружием и основам разведки, ознакомили с некоторыми правилами конспирации, сформировали спецгруппы. Гранаты и мины в значительной степени изготавливались собственными руками по личному указанию И.Г. Старинова.

По состоянию на 1 марта 1942 года брянская и орловская школы выпустили по 5 тыс. диверсионных и разведывательных кадров. Только 4-й отдел УНКВД Орловской области к тому времени создал до 70 партизанских отрядов и свыше 500 диверсионных групп с привлечением кадров, подготовленных в основном в орловской и брянской «школе пожарников».

Наша «школа пожарников» сыграла большую роль в развитии партизанского движения и немало способствовала эффективности боевых действий партизан, здесь готовились квалифицированные кадры разведчиков, диверсантов, подрывников. Это и был настоящий «второй фронт». За август–начало октября 1941 года Белобережский филиал подготовил около 800 человек, ставших бойцами разведывательно-диверсионных групп.

Теперь уже можно сказать, что все время с начала войны я вел дневник, в том числе и в «школе пожарников». Перед отправкой в тыл врага я закопал его в надежном, как мне казалось, месте в надежде найти после Победы. Но мы давали подписку о неразглашении на

50 лет. Только по прошествии этого времени я стал запрашивать документы о диверсионной школе и получил архивную справку о своем обучении там из Москвы. Поехал в Белые Берега, попытался отыскать свой дневник. Но за эти годы там все изменилось до неузнаваемости. Так я и не смог найти свою реликвию...

В тылу врага

Группа, в которую я входил, состояла из четырех человек, возглавлял ее Константин Трофимович Васильцов, человек уже не молодой, опытный. Уходя на задание, мы должны были отрешиться от своей биографии, оставить в штабе документы, быть готовыми ко всему. Мы понимали: первое задание для многих станет последним. Но ни у кого не возникало мысли отказаться от столь сложного и непривычного дела и попроситься опять на фронт. Важность и значимость диверсионно-разведывательной работы в тылу врага все курсанты-выпускники школы хорошо понимали.

Группе Васильцова предстояло при помощи батальонной разведки выйти к линии фронта в районе города Трубчевска. В первую ночь линию фронта мы не перешли — обстреляли свои же. Потом двигались в сторону Почепа, к реке Росухе, минировали мосты, дороги. Но нашей группе не повезло: явочные точки оказались провалены, командир был убит.

Шли по тылам врага по ночам, днем отсиживались в лесу. Погиб боец Каштанов. У нас с Деньдобрым осталось две гранаты, штук двадцать патронов и несколько толовых шашек. У Навли перешли линию фронта и оказались у своих, где тут же были арестованы. Нас едва не расстреляли как немецких лазутчиков, долго проверяли и после уточнения всех обстоятельств направили в 204 стрелковый полк.

Кстати, наши бойцы тогда, в начале войны, не знали, как выглядят толовые шашки. Некоторые приняли их за куски мыла, другие — за концентраты. Мы едва успели вырвать их из рук незадачливых кашеваров. Не то беды было бы не миновать. Тогда бы нас точно расстреляли.

Снова на фронте

С тяжелыми кровопролитными боями наш полк отступал: сдали Навлю, Белев, Одоев, Елец. Леонид Деньдобрый так ослабел, что не мог идти. Я привязал друга обмотками к лафету пушки, что помогало ему двигаться вперед.

Вскоре новый поворот: нас направили в Тамбовское артиллерийское училище. Но добраться туда не удалось: поезд разбомбили, Деньдоброго я потерял. Вновь встретились мы совершенно случайно уже

через несколько лет после войны. Я тогда работал начальником ПМК «Брянсмелиорация» и райком партии направил меня за новой техникой на Гомсельмаш. Приехал на завод, иду в партком. Открываю дверь, а там за столом сидит секретарь парткома, мой фронтовой друг Леня Деньдобрый и распекает за разгильдяйство кого-то из коммунистов завода. Какая была встреча! С тех пор поддерживаем фронтовую дружбу, несколько лет назад возил к другу своего зятя и внуков...

Чего только не было в моей фронтовой судьбе! И Сампурская школа механизации: фронту нужны были трактористы, чтобы тягать пушки. И Ленинградское инженерно-техническое училище, откуда, сказавшись плохо видящим, я опять сбежал на фронт.

Осенью 1942 года я был направлен в артиллерийское училище близ Костромы. И опять голод, который напомнил мне 30-е годы на Брянщине. Нас, курсантов, даже не поставили на довольствие, мы сами добывали себе пропитание у местного населения, которое его тоже не имело. Многие отощали так, что не могли ходить, другие начинали воровать, кто-то дезертировал.

Счастьем показалось мне решение командования направить меня, хорошо знавшего технику, на Алтай на уборку урожая. 70 бойцов ехали в Барнаул и Бийск. Каждому из нас выдали на дорогу продуктовый паек и ведро махорки на всех. Да видно что-то напутали в документах. По дороге нас задержал патруль, всех огульно объявили дезертирами и пригрозили расстрелять. Мы уже приготовились к смерти, понимая, что по законам военного времени разбираться никто не будет. Но, слава богу, командиры разобрались, расстрел отменили.

А потом опять фронт. 74 противотанковый полк, где я был командиром пулеметного расчета. Бои на Курской дуге летом 1943 года. Ранение. Освобождение от врага Молдавии, Румынии.

Как человека, хорошо разбиравшегося в дизельных моторах — а таких тогда было немного — меня переводят в автомобильную роту, в составе которой я и завершил войну.

Ефрейтер Ковалев. Румыния. 1945 г.

После Победы

После окончания войны в звании старшины еще два года прослужил в Румынии, обучая офицеров 74 механизированного полка вождению автомобилей.

В Украине и на юге России в 1946–1947 гг. опять разразился голод. Узнав об этом, при демобилизации я прихватил из Румынии на родину, в Новозыбков, целый мешок муки, свой единственный, но такой драгоценный трофей. Ох, как кстати оказалась эта мука в разоренных врагом, голодных краях! Ценили ее на вес золота.

Три года я работал преподавателем автодела в Новозыбковском техникуме. В 1950 году переехал в Дубровский район, к красавице жене Галине Петровне Щукиной, учительнице географии. С этого момента вся моя жизнь была связана с сельским хозяйством, с освоением Нечерноземья.

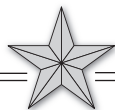
Работал главным инженером МТС. Заочно окончил Воронежский институт механизации сельского хозяйства. Четырнадцать лет возглавлял ПМК «Сельхозтехника» в с. Гобики Рогнединского района, три года работал главным инженером Дубровского районного управления сельского хозяйства и пятнадцать лет, до выхода на пенсию в 1985 году, руководил ПМК «Брянскмелиорация» в п. Сеща Дубровского района.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, «Знак Почета», медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За трудовую доблесть», «За преобразование Нечерноземья», «Ветеран труда» и многими другими, являюсь Заслуженным мелиоратором России.

С.Н. Ковалев с дочерьми

Много лет был депутатом Дубровского районного Совета, членом Президиума районного Совета ветеранов, членом клуба «Ветеран» и Совета музея школы №1 п. Дубровка Брянской области. Дубровчане

даже выдвигали мою кандидатуру на должность Главы своей администрации. В 2003 году мне было присвоено высокое звание «Почетный гражданин поселка Дубровка».

Я был неплохим автомобилистом, заядлым охотником и рыболовом, книголюбом и садоводом-любителем (к этому меня при страсти л отец). В моем саду растут сибирский кедр и южный виноград, грецкий орех и абрикосы, каштаны и лимон. На каждой яблоне и груше не менее пяти привитых сортов. А еще я разводил пчел (это у меня от деда).

В нашем доме часто собираются друзья, родственники, которые находят здесь понимание и теплый прием. С женой Галиной мы прожили вместе, душа в душу, 50 лет. Я горжусь своими детьми, внуками и правнуками. Дочери Людмила и Екатерина (на фото) — врачи. Людмила — педиатр Дубровской районной больницы, Екатерина — стоматолог Брянской областной больницы №1. Там же работает и ее муж Василий Алексеевич Капустников. Он замечательный хирург-уролог, а теперь еще и заместитель главного врача больницы по хирургии. Мы с ним очень дружим, он в буквальном смысле слова стал мне сыном. Моя внучка Инна — музыкант, живет с семьей в Питере. Внук Илья окончил Санкт-Петербургскую Военно-медицинскую академию, он врач реаниматолог и анестезиолог, работает в Петербурге. Младший внук, названный в мою честь Семеном, тоже собирается стать врачом, сейчас он курсант ВМА. У меня уже две очаровательных правнучки, Машенька и Лидочка. Мы уходим, но жизнь продолжается...

НА ПОДСТУПАХ К МОСКВЕ

*Ремизов Константин Сергеевич, 88 лет,
профессор МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор экономических наук,
Заслуженный экономист РСФСР, майор в отставке,
г. Москва*

Время неумолимо движется вперед. Давным-давно отгремели бои на дальних подступах к Москве в 1941 году. Забываются все тяготы. Горечь отступления и лютые морозы пришлось испытать и мне, молодому лейтенанту. А было мне тогда 18 лет...

В 1940 году, в 17 лет, я поступил в Свердловское пехотное училище. В порядке исключения. Из-за недостаточного возраста пришлось

добиваться, чтобы приняли: все экзамены сдал на «отлично», прошел медкомиссию, показал хорошие спортивные результаты. В техникуме, где я учился до этого, был хороший военрук, патриот, замечательный воспитатель. Мы его очень любили, он готовил нас к армии. Кроме того, занимались в ОСОАВИАХИМе. Я хорошо стрелял, имел все значки: «ГТО», «ПВО», «Ворошиловский стрелок» и др. Закончил училище я в 1941 году с присвоением лейтенантского звания и направлением в 1243 стрелковый полк 375 стрелковой дивизии 29 армии, входившей в состав Калининского фронта.

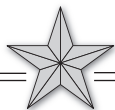
Прорвав 10 октября 1941 года фронт под Сычевкой, противник организовал наступление на Зубцов, Старицу, Калинин. Началась Калининская оборонительная операция (10 октября — 4 декабря 1941 года), обеспечивающая оборону Москвы с северо-западного направления. Более 13 пехотных дивизий было сковано боями в районе Калинина. К этому периоду был организован Калининский фронт, который только оборонялся и наступал, но никогда не отступал!

В боях под Калинином у меня в подчинении было 36 человек, вооруженных четырьмя ручными пулеметами и винтовками. Автоматов не было. Однако у нас было более сильное оружие — патриотизм, любовь к Родине, стремление к Победе.

Бои, в которых мне пришлось участвовать до декабря 1941 года, значились как бои местного значения. На войне, как на войне — гибли, получали ранения и увечья солдаты и офицеры нашего полка. Да и воевать-то мы просто еще не умели, не научились. Так, в районе деревни Михеево произошел такой эпизод. Немцы подожгли дом. Я со своим взводом решил зайти в деревню и узнать, что там происходит. Только свернули с накатанной дороги на снежную тропу, — сразу же попали под трехслойный пулеметный огонь противника. Попытка ответить огнем пулемета с нашей стороны не увенчалась успехом (застыла смазка затвора!). Пришлось под сильным огнем и угрозой плена срочно отойти в лес. Но незадача — в глубоком снегу я потерял две гранаты Ф-1, которые были у меня за ремнем снаряжения (больше подобного со мной не случилось). Кроме того самое обидное — ранило двух моих солдат, а мы немцам не причинили особого вреда, кроме ранения одного немецкого пулеметчика.

Сколько было разных случаев, но бой под д. Михеево мне запомнился на всю жизнь!

А вообще-то «я в рубашке родился», как раньше говорили о счастливых. В течение одного часа мне в каску дважды попала пуля, а я остался жив и невредим. Первая пуля угодила в звезду на стальной каске, потому, изменив траекторию, чиркнула по верху шапки-ушанки, надетой под каской. Вторая пуля прострелила каску справа налево,

снова зацепив лишь шапку, так что на ней образовался крестообразный след, который мне пришлось потом зашивать. Каску я, конечно же, выбросил. Произошло это с 29 на 30 декабря 1941 года у деревни Щитниково, что в 4 км от города Старицы Калининской области. Да, страшно было.

В боях за Москву, в условиях суровой и снежной зимы, практически без поддержки артиллерии и авиации, наш полк имел определенные боевые успехи, а особенно после 5-го декабря 1941 года, когда началось контрнаступление.

В конце декабря 1941 года, после ранения командира роты, я принял командование ротой на себя. Но 30 декабря 1941 года, в бою под Старицей, я был легко ранен и выбыл из своего полка. После недолгого пребывания в госпитале направлен в звании старшего лейтенанта в 910 стрелковый полк 243 стрелковой дивизии 30 армии Калининского фронта в качестве командира пулеметной роты.

1418 дней длилась Великая Отечественная война, но каждый день отличался от другого напряженностью боев и их положением на конкретном участке фронта. С января по декабрь 1942 года напряженные бои происходили в районе города Ржева. Кто воевал под Ржевом, — знает, насколько был укрепленным противником этот участок фронта, который находился в трех часах ходу от Москвы.

Мне довелось принимать непосредственное участие в боях за освобождение города Ржева от немецко-фашистских захватчиков сначала в должности командира роты, а затем помощника начальника штаба полка по разведке. В то время дивизией командовал гвардии полковник Куценко, а полком — сначала подполковник Ильенко, а потом майор Никонов.

Вспоминается один из многих фронтовых дней, а именно 12 августа 1942 года, когда шли наступательные бои северо-западнее города Ржев.

К этому дню наш полк в упорном наступательном бою понес большие потери и мог выполнять только частные задачи. Такой задачей было овладеть рубежом — деревней Коровино.

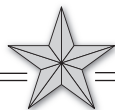
Накануне всю ночь лил дождь, который сделал невозможным посуху подойти к рубежу атаки. По сути дела наступать пришлось по-пластунски по воде. Естественно, все промокли до нитки. Атака была назначена на 6 часов утра с таким расчетом, чтобы подползти незаметно и броском ворваться в немецкие окопы. Еще до начала атаки был легко ранен командир батальона капитан С.Т. Анурьев. Поэтому поставленную задачу должны были выполнять мы с комиссаром батальона Борисом Сырых. Следует отметить, что после продолжительных боев личный состав батальона едва ли составлял одну стрелковую роту.

Минут за десять до начала атаки мы подползли к вражеским окопам. Но в это время шальная немецкая пуля попала в голову командиру 7-й роты Скочедубову. Умирая, он дико закричал. Из-за этого момент внезапности был потерян, и нам ничего не оставалось, как под автоматным и пулеметным огнем броситься в атаку, неся при этом непредвиденные потери. Коровино мы взяли, но закрепиться из-за недостатка сил не смогли. Противник силами до батальона контратаковал наши позиции. Завязался бой. Мы несли очень большие потери. Единый фронт нашей обороны распался на отдельные очаги сопротивления. В результате на небольшом участке нас собралось шесть офицеров во главе с комиссаром первого батальона Анатолием Бойко. У нас было только личное оружие и одна противотанковая граната.

Первым погиб политрук Яковлев, который падая, обагрив меня своей кровью так, что моя гимнастерка сразу пропиталась ею. Мы удерживали оборону. Когда за изгибом окопа накопилось много немцев, мы хором закричали «ура». Немцы опешили, и тогда Толя Бойко бросил в них противотанковую гранату. Натиск противника временно ослаб. Затем они возобновили атаку. Еще трое наших товарищей было убито, и мы с Толей остались вдвоем. Я сказал Толе: «Давай прощаться. Живым нам не выбраться». А Толя ответил по-украински, что еще пули «не зробылы, шоб менэ убили». И дальше добавил по-русски: «Вон, видишь немецкий блиндаж, дуй туда и принеси оттуда гранаты, которые я там заметил раньше».

Я принес гранаты, завернув их в плащ-палатку. Немцы снова начали нападать, мы отбивались, пока не кончились принесенные мною гранаты. Тогда фашисты окружили нас со всех сторон и стали забрасывать гранатами с деревянной ручкой. Мы довольно удачно отбрасывали их в разные стороны. Но вот в нас полетела граната «картошка», которая, зашипев в воздухе, взорвалась. Меня спасло то, что я вовремя упал, зажав в руке пистолет ТТ с оставшимися двумя патронами. Толи рядом не было. И в этот момент на меня выскочил здоровый немец с винтовкой. Я выстрелил раньше и попал ему снизу в челюсть. Он упал замертво.

Положение мое было трагическое. Полагая, что наших в Коровино больше не осталось, — начался обстрел с нашей стороны. При такой ситуации мне ничего не оставалось, как выпрыгнуть за бруствер. Немецкие снайперы начали отстреливать всех, кто пытался укрыться в залитых водой стрелковых ячейках. В одной из них укрылся и я. Вижу, в соседней ячейке — солдат Левашов. Выбрав удобное время, мы с ним поползли к своим, но попали под артобстрел. Левашов был убит, а я — контужен. Более того, я получил удар по спине куском резины от колеса 45-мм пушки, разбитой прямым попаданием вражеского снаряда. В результате у меня отнялись ноги. Ползком на руках я

выбрался к санитарному пункту полка. Меня погрузили в тачанку, запряженную двумя лошадьми, и повезли на полковой медпункт. По дороге в правое заднее колесо попал немецкий снаряд, но не взорвался, а только закрутился по земле. Ездовой солдат в страхе убежал. Лошади рванули, волоча телегу на трех колесах вместе со мной. Только случайность спасла меня от неминуемой гибели. Дорога проходила через мосток над противотанковым рвом. Обезумевшие лошади проскочили этот мосток и уперлись дышлом в косогор за противотанковым рвом. Тут вернулся ездовой, который, взяв топор, срубил небольшую березку и приспособил ее вместо колеса. В таком виде я прибыл в тыл нашего полка. Легкораненые офицеры нашего батальона окружили меня вниманием и заботой. Так закончился этот день на Калининском фронте в районе г. Ржева во время Великой Отечественной войны.

Этот день — 12 августа 1942 года — стал для меня трижды счастливым, потому что я, во-первых, не был убит в бою у деревни Коровино, во-вторых, снаряд, который попал в телегу, не разорвался, в-третьих, контузия оказалась нетяжелой, и я смог через короткое время вернуться в строй.

В ходе последующих боев были освобождены деревни Ново-Семеновское, Горы Казаки, Бураково, Ханино, Копытиха, Коровино и др.

Толя Бойко погиб 12 декабря 1942 года в бою при прорыве железной дороги «Ржев — Вязьма».

В конце 1942 года мне было присвоено звание капитана.

Из живых участников описываемых событий сейчас в живых остался только я один.

14 февраля 1943 года война для меня закончилась тяжелым ранением и последующей ампутацией левой ноги выше колена. За участие в боях 1941 года был награжден медалью «За оборону Москвы».

В 1944 году, как в песне поется, «на нем погоны золотые и Красный орден на груди», без ноги на костылях судьба вытолкнула меня на широкую дорогу гражданской жизни. Непродолжительное время работал в г. Уфе, а затем в Москве на Ростокинском меховом комбинате. Каких только трудностей и невзгод не пришлось испытать до тех пор, пока меня не направили учиться в Московскую высшую школу профсоюзного движения. Потом была работа, аспирантура, защита кандидатской диссертации, уже на склоне лет — докторской.

Пройдя довольно большой и трудный путь в науке, в образовании все больше убеждаюсь в необходимости учиться дальше, ибо пределов познания нет.

СКЛОНИМ ГОЛОВЫ...

*Сукачева Клавдия Васильевна, 89 лет,
педагог, бывший комсомольский и партийный работник
г. Москва*

*Как шагнула молодость в огонь:
В час, когда гремели грозно пушки,
Парни со студенческой скамьи,
Школьницы девчонки-хохотушки.*

*Отложив мечтанья о любви,
Слов прощальных не сказав и маме,
По полям заснеженным ползли,
В тыл врага, морозными ночами.*

А. Кузнецов

Первые группы комсомольцев-добровольцев, прошедшие комиссию ЦК ВЛКСМ, прибыли 15-го октября 1941 года на станцию Жаворонки, где располагалась база войсковой части 9903¹. Среди прибывших были сорок москвичей, тридцать шесть ярославцев и шестнадцать латышей.

*Майор А.К. Спрогис,
командир в/ч 9903 с конца
августа 1941 г. по июнь 1942 г.*

Три дня напряженной учебы: стрельба из винтовки и пистолета, метание гранат, минирование дорог, подрыв мостов, ориентирование на местности, бесшумное снятие часового и многое другое, что нужно знать и уметь разведчику-диверсанту.

Фашистские войска подступали к Москве, на длительную учебу не оставалось времени. Командование стало комплектовать диверсионные группы, и уже 20-го октября несколько групп было переброшено в тыл захватчиков.

Переходить линию фронта приходилось в темное время суток, по минным полям, под минометным и пулеметным огнем. А возвращаться и того труднее — чаще всего уже обнаруженными, преследуемыми и обстреливаемыми врагами. Жертвы были неизбежны.

¹ Об истории в/ч 9903 рассказывалось в первой книге «Мы помним...» в эссе Т.М. Осиповой, К.В. Сукачевой, М.М. Паншиной. — *Прим. ред.*

В тылу врага в районах Подмосковья при выполнении задания погиб 431 боец-разведчик воинской части особого назначения, из них 348 человек пропали без вести. (Большое количество пропавших без вести объясняется тем, что разведчики уходили на выполнение заданий командования без документов и медальона.)

В стихотворении, посвященном матери комсомолки-разведчицы Сони Пошуканис, получившей извещение, что дочь пропала без вести, ее ровесница-однополчанка Антонина Горькова пишет:

*Неизбывна матери боль
И не властно время над ней.
Перед ними мы в вечном долгу
За «без вести» пропавших детей.
Не без вести пропали они,
А страну заслонили собой,
Даже имя свое не назвав,
С ходу бросились в смертный бой.
Сколько их, патриотов страны,
Грудью вставших ее защищать,
Жизни отдали под Москвой,
Чтоб не смог ее враг топтать.*

В числе погибших — Зоя Космодемьянская. При выполнении разведывательно-диверсионного задания в деревне Петрищево — комсомолка была схвачена фашистами и после долгих мучительных допросов и зверских пыток 29 ноября 1941 года — повешена захватчиками.

Вскоре о героизме, страшных истязаниях и казни юной патриотки Зои узнала вся страна. В марте 1942 года Зое Космодемьянской присвоено звание Героя Советского Союза.

*Когда под ногти вонзали ей иглы и тело жгли,
Когда босиком выгоняли на снег и на смерть вели,
Она ни в чем не призналась, она врагу не сдалась,
Стерпела, не сломалась и гордо встретила казнь.*

Зое посвящено много стихов и поэм. Вот одно из них, которое написано фронтовиком лейтенантом Владимиром Егоровым в 1942 году:

*По сугробам босую водили,
Выжигали, пытали огнем.
Насмехались, куражились, били
Своим кованым сапогом.*

*И застыли уста молодые...
Затянулось тугое витье.
Трепещите, мучители злые,
Перед мстительной тенью ее!*

*Воин! Пусть твой гнев,
Твоя ненависть рвет,
Гнет и рушит врага на пути!
Слышишь голос замученной ЗОИ —*

*Отомсти! Отомсти! Отомсти!
Нет, не будет убийцам пощады!
Вражьей кровью свой путь освящу!
Отомщу! Отомщу! Отомщу!*

В этот же день — 29 ноября 1941 года, в селе Головково захватчиками была повешена на придорожной иве мужественная комсомолка-разведчица Вера Волошина. Тяжело раненная, Вера была захвачена фашистами и после тяжелых истязаний при допросе была казнена. Командованием войсковой части 9903 она считалась без вести пропавшей, и только благодаря длительному, неустанному и кропотливому поиску журналиста Георгия Фролова истина была установлена. В 1994 году Вере Волошиной присвоено звание Героя России (посмертно).

В первых числах ноября 1941 года при переходе линии фронта под г. Волоколамск группа разведчиков под командованием комсомольца Константина Пахомова была обнаружена фашистскими дозорными, которые вызвали подкрепление. Пришлось принять бой. Но силы были неравными — в группе 8 человек, а фашистов — несколько сотен. У наших ребят на вооружении: винтовки, наганы, гранаты, бутылки с горючей смесью, а у фашистов — скорострельные пулеметы, автоматы и гранаты.

Ребята сражались отчаянно. Каждый имел ранения, но истекая кровью, продолжал бой, не сдаваясь врагу. И только когда кончились патроны и были брошены последние гранаты и бутылки с горючей смесью, на каждого из ребят навалилось по несколько вражеских солдат, скручивая им руки и избивая.

Допрашивали их по одному, с жестокими побоями. Ребята, испытывая мучительную боль, не выдали своих боевых друзей — в это время в Волоколамском районе действовало несколько групп комсомольцев-разведчиков войсковой части 9903.

Когда после допросов их выбросили на улицу и они, израненные и обессиленные, падали на землю, то увидели виселицу и окружающих ее вражеских солдат. Помогая друг другу подняться с земли, молодые

комсомольцы, встав в ряд и обнявшись, гордо подняли головы и, запев «Интернационал», двинулись на фашистов.

Обомлев от такой «наглости» молодых ребят, фашисты изрешетили их автоматными пулями. Но этого захватчикам было недостаточно и они, в безумной ярости, повесили погибших бойцов-разведчиков.

Снимать трупы бойцов-комсомольцев было запрещено, и они ледяными глыбами висели полтора месяца. Когда город освободили бойцы армии под командованием генерала Кутакова, героев сняли с виселицы и похоронили с воинскими почестями.

Бойцы группы Константина Пахомова вошли в историю Великой Отечественной войны как «дважды казненные». Все героически погибшие комсомольцы были награждены (посмертно) орденом Ленина.

Дважды казненные врагом комсомольцы-добровольцы: КОНСТАНТИН ПАХОМОВ, НИКОЛАЙ ГАЛОЧКИН, ПАВЕЛ КИРЬЯКОВ, НАУМ КОГАН, ВИКТОР ОРДИНАРЦЕВ, ИВАН МАНЕНКОВ, АЛЕКСАНДРА ГРИБКОВА-ЛУКОНИНА, ЕВГЕНИЯ ПОЛТАВСКАЯ.

А какое терпенье, выдержку, героизм проявили разведчики-комсомольцы, получившие тяжелые ранения при выполнении боевых заданий!

В январе 1942 года группа комсомолки Екатерины Пожарской в четвертый раз уходила в тыл врага для выполнения специального задания. Линию фронта переходили совместно с группой разведчиков-диверсантов под командованием Николая Семенова и группой разведчиков под руководством Самуила Кагана. Когда группы проходили близ деревень Сосновцы и Дунино, к ним обратились местные партизаны с просьбой помочь разгромить фашистский обоз с награбленным у крестьян зерном, имуществом и домашним скотом.

Бойцы-комсомольцы разведгрупп заняли указанные им позиции и, когда показался обоз в сопровождении подразделения вражеских солдат, открыли по ним огонь. Фашисты вызвали большое подкрепление и боевая обстановка сложилась не в пользу партизан.

Бой продолжался несколько часов, обоз удалось отстоять, но досталось это дорогой ценой. Погибли комсомольцы-разведчики: Лиза Беневская, Надя Жеглова, Миша Новиков, тяжелые ранения получили девушки-бойцы Лия Кутакова и Катя Елина. Были также ранены Лида Новикова и Коля Коротков.

Когда силы партизан были на исходе, прозвучала команда к отходу. Отход групп прикрывали истекающие кровью Лия Кутакова и Катя Елина. Испытывая мучительные боли, они продолжали стрелять, давая возможность боевым друзьям как можно быстрее и дальше уйти от врага.

Бой утих, и девушки-бойцы попытались ползти в сторону деревни, но при малейшем движении Катя теряла сознание. Одна пуля ранила ее в бедро, вторая пуля разбила большой палец правой руки, третья — раз-

дробила голень ноги. Тогда Лия, уложив подругу под дерево и накрыв еловыми ветками, поползла одна. Засунув руки в лыжные крепления, она двигала их вперед. Ползти было очень трудно. Перебитые ноги кровоточили, валенки были забиты замерзшей кровью, что при движении причиняло страшную боль. Девушка ползла более двенадцати часов, одолев семь километров, пока на окраине деревни ее увидели два мальчика — связные партизанского отряда. Они уложили ее на санки и повезли в партизанский госпиталь, находившийся в лесу около села Передел.

«В лесу осталась Катя Елина, — прошептала Лия мальчикам, — найдите ее». Ребята сообщили об этом командиру партизанского отряда, который тут же организовал ее поиск. Более суток Катя пролежала в лесу. Партизаны нашли ее полузанесенную снегом. В обмороженной руке она держала гранату, готовая подорвать себя вместе с врагами, если ее обнаружат. Партизаны положили ее на санки и повезли в подпольный партизанский госпиталь, где она долгое время лежала, не приходя в сознание.

Госпиталь в тылу врага

Земля, как живая, от взрывов дрожала,
Над самой столицей гремела война,
Нашествие немцев Москва отражала...
А рядом, в глубинке, была тишина.
В лесах, затаившись, ждала деревушка:
Быть может, минует лихая беда!
Мы, Нина и Настя, почти что девчушки,
Работали в сельской больнице тогда.
Лечили простуды, ушибы, мигрени...
Но линия фронта все ближе. А тут
Солдаты и рваные раны — раненья!
И раненых к нам все везут и везут...
Березка под тяжестью снега поникла,
Без рева и гула пришла к нам война,
Лишь возгласы — «немцы!», да треск мотоциклов,
Да говор чужой на подворье села.
«Фашисты!» — я к Насте влетела в испуге,
— «Но, что ты кричишь? Прошу без нытья!
Вот надпись — «Хир тифус», запомни подруга,
Мы лечим от тифа обычных крестьян».
Фашисты здоровьем своим дорожили,
Седьмою дорогою нас обошли,
Сто суток бойцов мы спасали, лечили,
Кормили нас люди, что дома нашли,

За нас в каждом доме крестьяне молились...
И хлеб отдавали последний, и соль...
Казалось, все люди в беде породнились,
Селом врачевали опасность и боль.

Т.А. Дворецкая,
учительница Передельской школы

К счастью, скоро — в конце января 1942 года, Красная армия освободила село Передел от фашистской оккупации, и тогда девушек на самолете доставили в городской госпиталь. Пять месяцев лечили Лию в различных госпиталях. Она перенесла несколько операций и только в мае 1942 года мужественная комсомолка-разведчица вернулась в свою часть, но при ее физическом состоянии действовать в тылу врага не могла. Демобилизоваться отважная девушка отказалась, и ее направили в действующую армию. Лия Петровна Кутакова дошла до Берлина.

Когда Екатерину Елину доставили в госпиталь, врачи старались облегчить ее страдания, считали своим долгом поставить на ноги тяжело израненную 19-летнюю разведчицу. Но на ноги отважная девушка так и не встала, началась газовая гангрена, пришлось ампутировать обе ноги.

*Тяжелораненая Екатерина Елина
в госпитале после операции*

Поучительна дальнейшая судьба этого замечательного, мужественного, героического человека.

Освоив протезы, в 1947 году она вернулась на завод «Динамо», откуда в 1941 году уходила на фронт. Активно включилась в общественную жизнь коллектива. Пять лет работала делегатом социального страхования. Когда в доме не работал лифт, Катя поднималась на седьмой этаж к людям, которые нуждались в помощи. А когда

она приходила домой и снимала протезы, культы ног были окровавлены, и она испытывала мучительную боль. Но Катюша выдержала, выстояла, душой и сердцем не ожесточилась. У поэта Неверова есть такое стихотворение:

*Война нас мяла и давила
И норовила бить под дых.
И все ж война нас не сломила,
Знать, сил хватило молодых.*

У Катюши хватило сил. И в награду за ее мужество, упорную борьбу за жизнь, судьба одарила ее счастьем — к ней пришла любовь! Она встретила своего будущего мужа Михаила Столярова — родилась счастливая семья. Екатерина окружила супруга вниманием, заботой, создав в доме уют и тепло. Они жили полноценной, интересной жизнью, часто путешествовали, хотя у них на двоих была одна здоровая нога. Но у обоих были умные головы, добрые сердца, нежные души, работающие, умелые руки. Тридцать лет они прожили вместе, любя и радуя друг друга. Сильная, добрая, женственная Катя Елина подарила счастье Михаилу Столярову, которого война так же, как и ее, ударила «под дых».

*Жизнь! Пришлось за нее воевать,
Отбивая фашистские орды,
И чудесных людей потерять,
Безымянных, и скромных, и гордых.*

*Пусть, кто молод сейчас и учил
Только в школе военные даты,
Твердо помнит: за то, чтоб он жил,
Умирали в сраженьях солдаты.*

*И поэтому жизненный путь
Начиная, ты, полный силы,
Молодой гражданин, не забудь
Шляпу снять у солдатской могилы...*

В.М. Филимонов

Архив ЦК ВЛКСМ (ныне — Центр хранения документов молодежных организаций) и архив Главного управления разведки помогли Совету ветеранов войсковой части 9903 восстановить имена комсомольцев-добровольцев, действующих в разведывательно-диверсионных группах и отрядах в тылу врага.

Несмотря на многолетний поиск живых и павших однополчан (а погиб каждый второй) Совету ветеранов и группе «Поиск» московской школы №15 (которую много лет возглавляла педагог школы О.А. Гурычева) не удалось установить связь с родственниками ряда погибших бойцов.

Поэтому в подготовленном нами альбоме отсутствуют фотографии комсомольцев-разведчиков:

Аблиц Василий — 20 лет
Абрамов Михаил — 19 лет
Аккерман Александр — 20 лет
Арженухин Владимир — 16 лет
Аристов Валентин — 18 лет
Арлетинов Константин — 18 лет
Артемов Юрий — 21 год
Афанасьев Александр — 16 лет
Бабичев Степан — 25 лет
Баранов Николай — 18 лет
Боков Василий — 18 лет
Большаков Василий — 22 года
Гаврик Михаил — 24 года
Гоникман Исаак — 19 лет
Лаврентьева Мария — 18 лет
Новиков Николай — 19 лет
Новиков Олег — 21 год

Островский Константин — 20 лет
Панкратов Василий — 18 лет
Перепелкин Федор — 22 года
Прокофьев Владимир — 19 лет
Прохоров Павел — 18 лет
Смирнов Иван — 18 лет
Смирнов Сергей — 30 лет
Соколов Григорий — 22 года
Удалов Борис — 23 года
Фабрицкий Бенциан — 22 года
Фетисов Анатолий — 21 год
Хороманскис Антон — 20 лет
Чехлов Геннадий — 18 лет
Шорин Николай — 16 лет
Щербаков Иван — 17 лет
Юргалайтис Юргис — 21 год
Янкаускас Юозас (Иозис) — 21 год

Но мы не теряем надежды — возможно, кто-то увидит родную или знакомую фамилию из этого списка и откликнется.

ИСТОРИЯ СОЛДАТА

*Пономарев Юрий Ильич, 85 лет,
председатель Совета ветеранов
бывшего ОАО «Тулауголь»,
г. Тула*

Моя семья

Родился я 25 декабря 1925 года в крестьянской семье в деревне Деминская Шабалинского района Кировской области. Отец мой Пономарев Илья Антонович рождения 1885 года, мать Пономарева Федора Никифоровна — 1893 года. До моего рождения в семье было четверо детей, после меня родились еще сестра и брат.

Мать и отец были совершенно разными по характеру. Мать — тихая, скромная, трудолюбивая, крепко любящая своих детей, готовая на все лишения ради нас, безропотно переносившая все тяготы жизни. На ее хрупких плечах лежало столько забот, что их вполне хватило бы на несколько человек! Она готовила пищу на огромную семью, обстирывала, шила на маленьких детей одежду, ухаживала за скотом (в хозяйстве всегда были корова, овцы, свиньи, куры, иногда гуси) и всегда со всеми вместе работала на колхозных полях. Вдобавок к этому выращивала овощи на приусадебном участке, привлекая и нас, детей, к этой работе. Ходила вместе с нами в лес за ягодами (брусникой, клюквой, черникой, малиной), готовила соленья и варенья на зиму. Вспоминая все это, я удивляюсь — как можно выдержать такую нагрузку! До конца своих дней мама была заботливой, кроткой, душевной и беззаветно любящей нас.

*Илья Антонович и Федора Никифоровна Пономаревы,
1943 год*

Отец был честным, трудолюбивым, волевым и бескомпромиссным человеком. О детях очень заботился, считая своей обязанностью обеспечить всем нам достойную жизнь. Стремился увлечь нас музыкой (гармонь и патефон купил в 1936 году, потом балалайку и гитару), но дать образование старшим детям не спешил — видимо, хотел сориентировать на крестьянскую жизнь. Относился к нам он по-разному: к старшим — более требовательно и строго, к младшим, начиная с меня, — терпеливо и заботливо.

Меня очень беспокоило отношение отца к матери. Внешне он был как будто безразличен к ней, а иногда даже груб и дерзок, мог назвать унижительными словами, а мать все это переносила безропотно. Перед кончиной отца мама ему сказала о своей обиде, на что он ей ответил: «За это Бог продлил тебе жизнь». Отец умер в 1963 году, прожив 78 лет, мать умерла в 1981 году, прожив 87 лет.

В 1933 году родился в нашей семье седьмой ребенок, назвали его Василий. В 1934 году правительство СССР приняло постановление о поддержке многодетных семей. Семьям, имевшим семерых детей и более, государство ежегодно стало выплачивать по 2 тысячи рублей на хозяйственные нужды. Это была серьезная помощь государства, позволявшая не опуститься в нищету. Поэтому с 1934 по 1937 гг. отец ежегодно ездил в марте или апреле в Ленинград за покупками: материалом на верхнее платье, обувью и некоторой одеждой. До этого основной обувью в нашей семье для взрослых были лапти, а дети в теплое время года бегали босые, в холодное — в валенках; кожаная обувь переходила от старших к младшим, пока не износится. Но в 1937 году помощь прекратилась — умер мой брат Борис, ему было 14 лет. При работе на току в осенние заморозки он простудился, заболел менингитом и через неделю умер. В нашей глухой местности не было возможности оказать ему медицинскую помощь.

В школу я пошел лишь на десятом году. До этого нянчил младшую сестру Тамару и брата Василия, так как родители, старший брат Николай и сестра Афанасья работали в колхозе, а сестра Надежда была выдана замуж в 1932 году в деревню Новоселово в 9 км от нас.

В 1938 году Николай был призван в Красную Армию, где служил до осени 1940 года, сестра Фаня вышла замуж в 1939 году за Кулакова Петра Ивановича из соседней деревни Осинники.

Наша семья осталась всего из пяти человек. Все трудились в колхозе в летнее время, а в зимнее дети учились.

О праздниках и досуге

Как и везде в деревнях, у нас праздновали в основном религиозные праздники.

В Рождество и Масленицу к нам приезжали родственники (братья, сестры родителей и их дети), иногда во дворе было по 4–5 подвод гостей да плюс родные из нашей деревни. Застолье собирало до 15 человек, причем праздновали по 2–3 дня.

Отец и мать к этим праздникам готовили заранее продукты: мясо, соленья (капусту, огурцы), моченые ягоды (бруснику) и, конечно, горячительные напитки (водку, самогон), пиво. Плясали под гармошку, пели песни, особенно старинные: «По диким степям за Байкалом», «Глухой неведомой тайгою», «Бывали дни веселые», «Как родная меня мать провожала», «Лучинушка», «Пряха», «Ивушка зеленая» и др. Пели песни времен гражданской войны: «Партизанская», «Дан приказ ему на Запад» и др.

В Пасху мужчины и женщины, а также молодежь ходили в село Богословское за 12 км в церковь, стояли полунощную. Возвращались из села к обеду, а потом садились за праздничный стол с испеченными мамой пирогами, шанежками и крашеными яйцами.

Веселым шумным праздником была Масленица. В этот день проводили свадьбы, молодежь собиралась на гуляния, по всей деревне и с горки катались на санках, коньках и даже санях. В конце Масленицы провожали ее с горящим снопом соломы, провозя на санях по деревне. Все это сопровождалось играми, песнями и дурачеством.

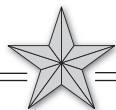

*Старший брат Николай с супругой Анной
и младший брат Юрий, апрель 1941 г.*

Мой брат Николай, возвратившись из Красной Армии в марте 1941 года, в Масленицу женился, и я был участником его свадьбы. Он брал в жены девушку из деревни Криничата, расположенной в 16 км от нашей. Первоначально ездили сваты от Николая к девушке Анне Карданевой и получили ее согласие. Затем через неделю в доме невесты был девичник, а через неделю уже свадьба. Двоюродный брат Тимофей и я были друзьями жениха и в день свадьбы вместе с Николаем поехали за невестой. Выехали рано утром, в Криничатах у невесты были через два часа. Нас гостеприимно встретили. После непродолжительного застолья вынесли сундук с приданым, сели в сани (была еще зима). Мы с Тимофеем ехали первыми на молодом жеребце, а за нами жених с невестой на санях, затем родственники невесты. Приехали домой уже к вечеру, затем была свадьба в нашем доме очень многолюдная и веселая. Гуляли два дня.

Веселым праздником была Троица в начале июня месяца. Молодежь собиралась из деревень в селе Богословском, где в 30-е годы на площади перед храмом проводились ярмарки. Продавались ткани, обувь, игрушки, сладости и т.д. После службы в храме молодежь собиралась в круг и под гармошку танцевала, пели частушки, а к вечеру уходили в деревню Глушковскую за 5 километров, где продолжали веселиться.

Молодежь собиралась на игры и пляски летом в деревне под окнами домов, где позволяла площадка. Под гармонь пели и плясали, играли в разные игры, водили хороводы. Иногда гулянья продолжались за

полночь. А зимой собирались в избах, как правило, отдельно девочки или ребята.

В нашем краю, как правило, ссор и драк между парнями не было. На гуляньях в престольные праздники в больших деревнях иногда случались стычки между парнями, как правило, из-за девчонок. Участвовал в них и мой брат Николай, возвращавшийся иногда с синяком под глазом. Мне в таких разборках участвовать не приходилось.

В 1939 году наш колхоз Клешнинский и соседний Осиновский объединили в одно хозяйство, и в 1940 году построили клуб, который стал центром проведения досуга. Ни один вечер не обходился без меня, гармониста. Но лично для меня общее веселье не приносило большого удовольствия, так как ребята веселились под мою игру, ухаживали за девушками, а я вынужден был пребывать в одиночестве в обнимку с гармонью и, конечно, им завидовал.

В школе же я всегда был в обществе друзей. Как-то увлекся девочкой из соседнего класса Созиновой Симой. Она жила в деревне Созиновы в 5 км от районного центра (поселка Ленинского). Кстати, мы с ней переписывались с 1943 по 1948 год, письма ее читали с друзьями на фронте. Мы мечтали с ней быть вместе. Я не помню причин разрыва наших отношений, но, видимо, длительная служба в армии была одной из них. За год до моей демобилизации, в 1949 г. она вышла замуж за деревенского парня.

А накануне войны в стране был подъем в промышленности и сельском хозяйстве. Правда, по развернувшейся широкой пропаганде можно было почувствовать угрозу нападения на СССР. В Германии в 1933 году пришли к власти фашисты, в 1936 году итальянские и немецкие фашисты начали терзать республиканскую Испанию. Германия усиленно вооружалась, в 1938 году захватила Австрию, оккупировала часть Чехословакии, в 1939 году вторглась в Польшу, в 1940-м оккупировала Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Люксембург и часть Югославии. Над нашей страной нависла смертельная опасность.

Война!

Партия и Советское правительство готовили Красную Армию и весь народ к отражению нападения. По радио постоянно передавались известия о положении в мире и, особенно, в Европе, обращения к народу быть готовыми к защите Отечества. В клубах демонстрировались патриотические кинофильмы «Чапаев», «Три танкиста» и др. Исполнялись мобилизующие патриотические песни «Если завтра война», «Партизанская», «Варяг» и др.

В школах велись занятия по изучению боевого оружия, средств химической защиты, по физической подготовке. Проводились сборы военнообязанных. На заводах наращивалось производство военной

техники. Поступали на вооружение новые самолеты, танки, бронемашины, артиллерия, стрелковое оружие и другое снаряжение.

Советский народ морально был готов встретить врага и отразить нападение. Одновременно правительство принимало и дипломатические шаги. СССР был вынужден заключить с Германией пакт о ненападении. Но фашизм с его нечеловеческими замыслами не остановился ни перед чем в борьбе за мировое господство.

Отчий дом. Довоенное фото

Тревожно было и в деревне. Мужское население в разговорах все чаще переходило на военную тему. Так, фронтовые воспоминания Клешнина Василия Степановича о Первой мировой, о стрельбе из орудий и разрывах снарядов заставляли частенько пустить слезу.

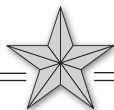
В 1939 году по настоянию районных властей хутора были ликвидированы, и семьи Пономаревых, Клешнинных и Созиновых перевезли свои строения на новое место в единую деревню, назвав ее Клешнинская.

До войны в деревне Клешнинской не было ни электричества, ни радио. В 1940 году была построена электроустановка на дизельном топливе между деревней Клешнинской и Осинники, расположенной в 1,5 км от нее, закончилось освещение в домах лучиной.

Летом 1941 года председатель колхоза Созинов Дмитрий Иванович купил радиоприемник на батареях, и 22 июня 1941 года его монтировал Аркадий Попов, окончивший 10 классов. Первым по установленному радио стало сообщение о нападении Германии на СССР.

Известие всеми было воспринято с огромной тревогой. Мужики сразу поникли, женщины запричитали, со слезами на глазах стали ожидать повесток мужьям и сыновьям на фронт.

Брат Николай, женившийся в марте месяце и ожидавший уже рождения ребенка, в это время находился в отъезде в городе Горький. Родители и мы, дети, опасались, что его мобилизуют в дороге, но он вернулся домой через несколько дней.

Мы с тревогой ждали, и в начале июля ему, двоюродному брату Дмитрию, а также еще нескольким мужчинам пришли повестки о явке в военкомат для отправки на фронт. С горькими слезами провожала деревня своих защитников в неизвестность.

Отец повез Николая на телеге в поселок Ленинский (районный центр), находящийся в 36 км от нашей деревни. Провожала его вместе с отцом и жена Анна. Я на велосипеде ехал рядом.

Подъезжая к лесу, у дома лесника, отец остановил лошадь, Николай подошел ко мне и в смятении достал четвертинку водки, откупорил ее и сказал: «Давай, Юра, выпьем на прощание, может быть, в последний раз», — выпили по глотку, простились, и отец тронул лошадь. Я смотрел им в след, не в силах удержаться от слез. Вернувшись домой, вместе с матерью горько переживал за Николая.

После отправки мужиков на фронт, а их ушло из нашей маленькой деревни 13 человек, вся тяжесть крестьянского труда легла на плечи их женщин, юношей и стариков. Женщины пахали, косили, боронили, заготавливали дрова, ездили в район за 36 км с выращенным зерном, сеном и другими сельскохозяйственными продуктами, поставляемыми государству. Для нужд фронта были готовы отдать все. Сдавали деньги на покупку танков, самолетов, вязали носки и рукавицы, отправляли на фронт посылки. Работали день и ночь.

С нетерпением ждали весточек от своих мужчин. Особенно тревожно было к осени 1941 года, когда немцы были уже на подступах к Москве и Ленинграду.

В августе 1941 года стали строить посадочную площадку для самолетов в нашем районе у деревни Калеваты, где и я работал на лошади — возил землю, выравнивая площадку.

Письма приходили редко, а то и вовсе не было. Николай, двоюродный брат Дмитрий и сосед Клешнин Павел Петрович попали в одну часть под Ленинградом. В октябре 1941 года в бою за город Колпино Ленинградской области брат Николай погиб на глазах Павла Петровича, который пришел с войны и рассказал нам, как пуля попала брату в висок и он был убит мгновенно.

Известие о гибели нашего Николая было жесточайшим ударом. Все мы страшно переживали. Его жена Анна заявила, что без любимого человека и ее жизнь стала бессмысленной. При родах в декабре 1941 года она умерла, а через неделю скончалась и их новорожденная дочь. Так трагически закончилась жизнь целой семьи.

Есть пословица, что беда одна не ходит. Так и в нашей семье. После утраты трех членов ее в декабре 1941 года во время работы на току отец повредил ногу. При обмолоте ржи он подавал снопы в молотилку с конным приводом. Пытаясь подгрести зерно к площадке тока ногой, шплинтом пальца кулака привода зацепило за лапоть левой ноги отца

и намотало на кулак стопы. Хотя из-за крика лошади остановились, но по инерции привод еще вращался, и ступню ноги завернуло, порвав сухожилия и кожу. Кости торчали в обширной ране.

Я в это время учился в 7 классе Высоко-Раменской средней школы в 12 км от нашей деревни. Мне сообщили о том, что отец в фельдшерском пункте (ближе от нас не было медицинских пунктов). Я прибежал в медпункт, отец лежал на столе с открытой искалеченной ногой, тяжело дышал. После оказания первой помощи я повез его в поселок Ленинский. По дороге он тяжело стонал, просил осторожнее ехать. Привезли мы его в районную больницу, и там он лечился 3 месяца. Ему предлагали ампутировать левую ногу ниже колена, но он категорически отказался. К счастью, нога зажила, но в ступне она уже не сгибалась, и ему пришлось ходить с палочкой до конца своих дней.

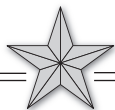
Травма отца усложнила жизнь семьи. Мать все так же несла основные тяготы хозяйственных забот на себе, а я старался по возможности помогать ей. Сестра Тамара и брат Василий были еще маленькие.

В летний период 1942 года мы все были заняты на полевых работах в колхозе. По вечерам и воскресеньям помогали матери по хозяйству. Отец поправлялся и подсказывал нам в делах.

*Школьные и фронтовые друзья.
Кардаков Павел и Пономарев Юрий*

Материально семья была обеспечена, продукты расходовали экономно, держали корову, овец, поросят, кур. Питание было неплохое, а одежду и обувь донашивали. Иногда удавалось купить поношенные солдатские гимнастерки и брюки, фуфайки. Я плел лапти из коры липы для работы на полях и в лесу. Откармливали за лето и осень свинью, мясо продавали и на вырученные деньги покупали выходную одежду и обувь.

После обмолота зерновых и сдачи государству зерна и сена с согласия родителей я продолжил учебу в школе, в 8 классе. Уезжал в понедельник за 12 км в школу и занимался до пятницы, жил на квартире в деревне Шалагины у Шубина Александра. Времени было достаточно и для занятий, и выполнения домашних заданий, и проведения досуга. У меня с собой была гармонь. Мы частенько организовывали вечеринки.

А на фронтах Великой Отечественной войны положение было тревожное. Фашисты прорвали оборону на южном фронте и к осени 1942 года были у берегов Волги, штурмовали Сталинград.

Осенью 1942 года были призваны на фронт мои друзья 1924 года рождения из деревни Осинники, что в 1,5 км от нашей деревни: Кулаков Николай, Протасов Павел, из нашей деревни — Хыбов Иван. Приближалась и моя очередь, но учебу в школе я не бросал.

В марте 1943 года пришла повестка и мне. Родители, особенно мама, были в шоке. Со мной вместе уходили на фронт мои сверстники из других деревень, с которыми я вместе учился в школе: Попов Аркадий из деревни Перминовской, Дмитрий Чебыкин из деревни Высока, Павел Сенников из деревни Новогуляевской, Павел Кардаков из деревни Криничата.

Путь в неизвестность

В начале апреля 1943 года вся оставшаяся молодежь двух деревень — Осинники и Клешнинская — собралась в клубе, чтобы проводить меня на фронт. Как всегда, я с гармонью веселил остальных. Конечно, мне было скорее грустно, чем весело. Я не знал, что ожидало меня впереди. Не хотелось менять образ жизни, оставлять своих товарищей, девушек и, конечно, родных. Мне было очень жаль родителей, которые очень тяжело (особенно мама) переносили гибель Николая и его семьи. Отец и мать как-то постарели, ухудшилось их состояние здоровья. Сестра Тамара и брат Василий были еще малые, поэтому родителям не на кого было опереться.

Утром отец запряг лошадь в сани, уложил мешок с приготовленными вещами, и мы поехали. Провожали нас все женщины, старики и дети за деревню. На окраине мы остановились для прощания. Мама была в полуобморочном состоянии, все провожающие стояли в слезах. Подъезжая к повороту, я увидел, что мама еле держалась на ногах, ее поддерживали родственники. Я был готов бежать ей на помощь, но сдержал себя.

По пути в районный центр мы заехали в деревню Перминовское за призванным вместе со мной Поповым Аркадием. Следующая остановка была в селе Богословском, у школы, в которой я учился. Все ученики вышли меня провожать. Мне было очень горько расставаться с учителями и товарищами. Остановка была короткой, так как до Ле-

нинского ехать еще оставалось 24 км. Прибыть в военкомат надо было без опоздания, время военное.

В военкомате собрались призывники 1925 года рождения — 11 человек. Нам приказали остричь волосы и на следующий день явиться для отправки в город Киров. Старшим команды был назначен Червяков Семен Андреевич (мы с ним до настоящего времени поддерживаем тесные взаимоотношения).

Ночевали мы у знакомых в Ленинском, а утром отец проводил нас до станции Шабалино. Все сели в вагон, я остался в тамбуре. Поезд тронулся, на перроне крик, плачь... Отец на хромой ноге поковылял за поездом, а потом остановился, безысходно махнув рукой...

Направили нас в военно-пехотное училище в Кирове. Программа младшего лейтенанта была рассчитана на 6 месяцев, но обучали нас 4 месяца: учили владению стрелковым оружием, знакомили с артиллерией, минометами и другими видами вооружения, проводили тактические занятия, строевую подготовку. Ходили всегда строем с песнями по улице Кирова.

Питание в училище было вполне приличное, иногда на завтрак давали сливочное масло, но молодой организм требовал большего. Поэтому домашние сухари были подспорьем. За эти 4 месяца из дома к нам приезжали родственники и привозили «подкрепление».

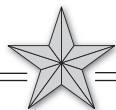
В середине июля 1943 года пришел приказ Верховного главнокомандующего об отправке нашего набора на фронт. Нас одели в новое обмундирование, и строем с песней «Вставай, страна огромная» мы двинулись по улице Кирова к железнодорожной станции, где нас ждали товарные вагоны, оборудованные двухэтажными нарами и печкой посередине. В каждом вагоне ехало до 40 человек. Маршрут нам был не известен...

При подъезде к Ржеву стало чувствоваться дыхание войны. В пути несколько раз нас атаковали немецкие самолеты, но все же до станции Нелидово добрались без жертв.

Нас ждали представители 184 стрелковой дивизии под командованием генерала Гродовикова. Затем под командой фронтовых командиров мы совершили марш в южном направлении, примерно 60 км восточнее города Духовщины Смоленской области.

Марш этот для меня был очень трудным. Отказались идти ноги, и я все время отставал, что раздражало командира. На привале он спросил меня: «Ты дорогой пил воду?», — я ему говорю: «Пил». «Запомни, — говорит он мне, — никогда в походе не пей». Он приказал мне лечь в канаву и поднять ноги вверх. Так я лежал около часа. Это мне помогло.

Прибыв в расположение дивизии, мы были распределены по подразделениям. Попов Аркадий ушел в артразведку, я, Кардаков

Павел, Сенников Павел и Чебыкин Дмитрий стали автоматчиками 294 стрелкового полка. Все мы были рядовыми солдатами. Потом мой друг Павел Кардаков стал командиром расчета станкового пулемета.

Выдали боевое снаряжение: автомат ППШ, гранаты Ф-1, РГД и противотанковые гранаты, саперную лопатку, каску, боевые патроны, и направили в оборону. На нашем участке фронта было затишье, иногда была немецкая артиллерия, слышались пулеметные и автоматные очереди. Нас, как говорили фронтовики, «обстреливали», чтобы мы привыкли к фронтовой обстановке. В обороне мы были с неделю, ходили в боевое охранение. Затем нас отправили в тыл километра на 2–3 от фронта, где обучали тактике боя, штурму боевых укреплений. Мне было поручено овладеть перевязочными материалами: выдали санитарную сумку, и дополнительно к обязанностям автоматчика я должен был перевязывать раненых в бою автоматчиков своей роты.

Первый бой

Учеба была непродолжительной. Затем мы помылись в полевой бане (двухслойная палатка, посередине костер, а над ним бочка с водой, на каждого солдата по тазику воды, кусочек мыла), переоделись в чистое белье. После ужина получили дополнительное вооружение и НЗ — неприкосновенный запас еды на 4 суток. Там были сухари ржаные, брикеты пшенной каши, банки мясных консервов, что-то еще.

Между нашей и немецкой обороной протекала речка Царевич шириной 4–5 метров, наш берег был заминирован. Под покровом ночи саперами были сделаны проходы через минные поля, и нашу роту провели «гуськом» к этой речке. Противоположный берег был круче, чем наш, и на нем виднелись кустарники. На вершине берега были немецкие укрепления: траншеи в полный рост, доты и дзоты. Прибыли мы к речке очень тихо, окопались ячейками. Был приказ соблюдать тишину, чтобы немцы нас не обнаружили. Нам это удалось. В эту ночь мы были вместе с Павлом Сенниковым и Дмитрием Чебыкиным. Были в тревоге, знали, что утром пойдем в бой прорывать немецкую линию обороны. Договорились в случае трагедии с кем-либо из нас сообщить родным. Не заснули ни на минуту, все взоры были устремлены в немецкую сторону, откуда раздавалась периодическая стрельба из автоматов и пулеметов, но не прицельная. За оставшуюся ночь мы съели большую часть неприкосновенного запаса.

Забрезжил рассвет 10 сентября 1943 года. Началась подготовка наших артиллеристов. Мины и снаряды стали разрываться в 100–150 метрах от нас, стрельба артиллерии стала нарастать. Мы были в ожидании сигнала для атаки. И вот послышался шум, мы увидели огненную струю от ракет. Это был залп «Катюш». Командир скомандовал: «Вперед!». Кто в брод, кто на подручных средствах ринулся преодолевать

водный рубеж речки. Я увидел метрах в 50 дерево, упавшее от разрыва снаряда через речку, побежал туда; преодолев препятствие, возвратился к своим, и перебежками мы стали передвигаться в сторону немецкой траншеи. Немцы открыли по нашей цепи пулеметный и автоматный огонь, ударила и немецкая артиллерия. Среди наших солдат появились убитые и раненые.

Как сейчас я вижу, уткнувшегося в землю лицом солдата, из спины которого пенится кровь. Сквозное ранение в грудь я перевязал и пытался оттащить бойца к речке. Перевязал другого, получившего ранение в пах, а кругом взрывы, стрельба.

Передвигаясь перебежками, невозможно оторваться от земли, зная, что можешь погибнуть. Наконец добрался до немецкой траншеи, изрытой разрывами наших снарядов и мин. В траншее валялись трупы немцев, были раскиданы их вещи, разбросаны галеты. Я вдруг ощутил страшный голод, стал собирать печенье и есть.

Наступила тишина. Немцы отступили, артиллерия снялась со своих позиций. Через наши поредевшие цепи устремились свежие резервные части. Мы, оставшиеся живые, цеплялись за машины и повозки. Артиллерийские тягачи устремились за отступающими фашистскими войсками.

За оставшийся день наши войска продвинулись примерно на 20 км. Встречавшиеся на пути деревни были сожжены. Старики, женщины и дети вылезали из землянок, вырытых в берегах оврагов, и встречали нас со слезами радости на глазах.

В бою и наступлении все части перемешались, потерял и я своих. Иду по деревне и вдруг слышу вятскую родную речь. К большой радости встретил Дмитрия Чебыкина. Он был ранен осколком в голень, хромотал. Он мне рассказал, что нашел склад немецких продуктов. Предложил пойти туда, взять что-нибудь.

Склад размещался в бывшем колхозном амбаре. Там я увидел штабель печеного белого хлеба в пергаментной бумаге, на буханке было выдавлено 1937 год, т.е. испечен 6 лет тому назад! Взяв несколько банок консервов, шнапс и другие продукты, мы пошли с ним искать свою часть. По пути остановились у копны соломы, поели. Дмитрий выпил шнапс, а я никак не мог и глотка сделать — видимо, сказался весь кошмар этого боя. На рассвете мы нашли своих, встретили и Павла Сенникова, который был ранен в щеку. Я убеждал его обратиться в полевой госпиталь, но он не захотел отставать от своих. К великому сожалению, уже после войны я узнал из письма от родных, что Павел пропал без вести. С Дмитрием после боя я больше не встречался. Но он остался жив, домой вернулся в 1947 году.

В боях за город Духовщину я участвовал неделю. 16 сентября, передвигаясь в прифронтовой полосе, я попал под артобстрел. Перевя-

зывая руку раненого солдата, сам был ранен в правое бедро. Ранение было сквозное, осколочное. На мой стон подошла девушка-санитарка и перевязала меня, но я не мог передвигаться самостоятельно. Она сказала, что санитары подберут меня; пришлось их ждать несколько часов.

Я лежал на земле, тело мое все сковало, и, наконец, два санитар на носилках вынесли меня к артпозиции, где стояла повозка, привозившая снаряды. На ней и повезли меня в полевой госпиталь (перевязочный пункт).

Операционная была расположена в деревенском сарае. На земле была настлана солома, на которую меня положили. В этом же сарае был сделан примитивный операционный стол. Через некоторое время я и оказался на нем. Врач четвертовал скальпелем входную и выходную раны, обработал и забинтовал мне ранение. Вся обработка была без заморозки, быстро. И в этот же день меня на санитарной машине отправили на железнодорожную станцию, погрузили в санитарный эшелон и повезли в глубокий тыл, в г. Сарапул Удмуртской АССР, где на лечении я пробыл до 3 января 1944 г.

В боях под Духовщиной я, как посчитало командование, отличился, и меня наградили медалью «За отвагу», правда, вручили ее уже после войны, в 1947 году.

Опять на фронт

Потом был учебный танковый полк в Челябинске. Учился я охотно, все экзамены сдал на «отлично», так что мне предложили остаться в полку механиком-инструктором для обучения практике вождения новых курсантов, но я категорически отказался и настоял на отправке на фронт.

Воевал в составе сформированного в июле 1944 года в Челябинске полка тяжелой самоходной артиллерии, состоящего из 25 машин СУ-152. Экипажи машин были укомплектованы сержантским составом из выпускников 13-го учебно-танкового полка. В каждой батарее было по 2 моториста-регулировщика, которые отвечали за техническое состояние двигателей, трансмиссии, ходовой части и их регулировку. В одну из батарей сформированного полка был зачислен и я.

Машины мы получили непосредственно на заводе ЧТЗ, куда был эвакуирован Кировский завод из Ленинграда. Мы проверяли техническое состояние машин, совершили проверочный марш на несколько десятков километров. Устранив выявленные неисправности, мы погрузили 25 машин на платформы и выехали из Челябинска. Через несколько дней прибыли в Прибалтику под Шауляй. На этом участке фронта было затишье. Под покровом ночи благополучно разгрузили машины. Нас принял на пополнение 376-й тяжелый самоходный артиллерийский полк.

В числе окончивших учебный полк и прибывших на фронт был Борисов Иван из Рязанской области, с которым я дружил во время учебы. Его зачислили механиком-водителем СУ-152 из-за недостатка офицеров-механиков. Позднее, в конце войны, в последних числах апреля 1945 года он сгорел в подбитой машине. Мне сказали, что Иван погиб на месте механика-водителя, не убрав руки с рычагов управления. Я очень переживал, уж очень добрый был парень (1923 года рождения).

Наш полк входил в состав 5-й гвардейской танковой армии, участвовал в боях под городом Паневежисом. Бои были тяжелые. Полк использовался как маневренная тяжелая артиллерия против немецких танков и самоходных установок типа «Тигр», «Фердинанд», «Пантера» и поддерживал наши танки Т-34 в боевых операциях. Дислокация полка часто менялась, мы передвигались с одного участка фронта на другой, фронтального наступления не получалось из-за укреплений вражеской обороны, да и болотистая местность не позволяла применить большего количества техники. В бой вводились отдельные части на более благоприятных участках. Шло как бы «прогрызание» немецкой обороны с незначительными продвижениями на запад. При смене участков фронта наши машины часто тонули в болотах и низинах, грунт не выдерживал тяжесть СУ-152 весом в 50 тонн. Чтобы выбраться из трясины, приходилось разбирать строения и выстилать под гусеницы деревянный помост. Был случай, когда при буксировке застрявшей техники садились на днище по нескольку машин. Экипажи выбивались из сил. Приходилось обращаться к тракторным тягачам ЧТЗ.

Не всегда бои были успешными. В одном из них танкисты убедили командующего армии, что танки не смогут пройти через такую низину. Командир нашего полка дал согласие, чтобы СУ-152 пошли в атаку на немецкую оборону. После артподготовки несколько СУ-152 сумели пройти через низину, стали подниматься к немецкой обороне, и там их встретил ураганный огонь немецкой артиллерии. Сгорела одна машина вместе с экипажем. Некоторые машины задним ходом скатились в низину, одна осталась на нейтральной полосе из-за неисправности. По рации командир машины передал в штаб полка о случившемся. Мне было приказано пробраться к машине, устранить неисправность и прибить в расположение штаба.

Я взял необходимое вооружение, автомат, гранаты и стал пробираться. Расстояние было метров 300, но местность обстреливалась немцами. Перебежками, ползком, прячась в кустарниках, я добрался до машины. Она находилась в естественной воронке. Немцы не могли ее расстрелять прямой наводкой, но постоянно обстреливали из миномета. По условному сигналу экипаж открыл люк, и я спустился в машину. Сделал пробную заводку и попытку движения, определил неисправность — был подожжен главный фланец (муфта сцепления).

Для ремонта было необходимо вскрыть задний лист брони, разобрать полужесткую муфту, освободить регулировочную шайбу, отрегулировать ход нажимного диска, затем собрать в обратном порядке. Требовалось несколько часов, и я приступил к делу. Во время работы при каждом обстреле из миномета я прятался под машину, но потом понял, что так я могу не успеть до темноты, и решил не прекращать работ при обстреле. Голова и туловище были защищены броней, а ноги были снаружи. К счастью, успел закончить работу. Спустился в машину, передохнул, сел на место механика, еле-еле включил заднюю скорость и съехал в низину. Так я спас машину и экипаж. За эту операцию меня представляли к награде.

С боями мы продвигались по литовской территории и в начале сентября 1944 года вышли на границу с Восточной Пруссией (ныне Калининградская область). У всех было радостное настроение, что освобождена территория СССР, и мы на вражеской земле.

У многих бойцов родные и близкие находились на оккупированной территории в западных областях Украины, Белоруссии и были уничтожены фашистами, и, естественно, они горели ненавистью к немцам и стремились отомстить за разрушенные города и села и своих близких.

В первые дни были случаи расправы не только с фашистами, но и с мирными гражданами. Многие беженцы погибли при обстреле городов и населенных пунктов, а также на автомагистралях во время движения бронетанковой техники.

В нашей батарее был командир машины (не помню его фамилии) капитан, у которого немцы расстреляли всю семью: родителей, жену, детей. Так он был особенно беспощаден — даже бензином поджигал оставшиеся дома после обстрела.

Подобному отношению способствовал приказ Верховного главнокомандующего о мщении фашистским захватчикам за уничтожение городов, сел, за смерть миллионов советских людей: «Смерть за смерть». Но это длилось недолго. Последовал другой приказ, в котором уже говорилось: «За мародерство, изнасилование и другие случаи зверств — расстрел...».

Я был очевидцем приведения в исполнение приговора о расстреле одного солдата Красной Армии перед строем части. Его привели под руки, т.к. он был с завязанными глазами, остановили перед приготовленной ямой спиной к автоматчикам, огласили приговор военного трибунала, затем раздалась автоматная очередь. Солдат упал в яму и был зарыт землей посреди поля.

В боевых операциях наш полк участвовал до января 1945 года, были потери техники и личного состава. Оставшиеся СУ-152 требовали ремонта. Полк в начале января был переброшен под Варшаву на станцию Прага на ремонт техники и для укомплектования недостающими

СУ-152 и личным составом. В конце января полк был полностью укомплектован. Рота автоматчиков была укомплектована призывниками с 1927 года рождения.

В январе же американская и английская армии были разгромлены под Арденнами. Черчилль обратился к Сталину с просьбой отвлечь немецкие войска на восточный фронт, тем самым облегчить опасную ситуацию, сложившуюся у союзных войск.

По приказу Верховного главнокомандующего срочно была подготовлена операция по прорыву Кенигсбергской группировки севернее Варшавы с выходом наших войск на берег Балтийского моря. Прорывала оборону 2-я ударная общевойсковая армия. В прорыв была введена 5-я Гвардейская Танковая армия, в составе которой был и наш 376-й Гвардейский тяжелый самоходный артполк.

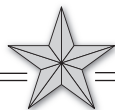
Во время наступления я находился на последней машине за корпусом башни. Приближаясь к населенным пунктам и небольшим городкам, полк разворачивался фронтально, вел орудийный обстрел, затем двигался на штурм. Входя в города и поселки, мы замечали, как немецкие солдаты разбегались по кустам и оврагам, но мы их не преследовали, наша задача — только вперед.

В порыве наступления мы оторвались от тылов и других частей, немцы нас «отрезали», и мы потеряли связь с армией. В одном из населенных пунктов мы находились трое суток без связи и продовольствия. О себе пришлось заботиться самим. В домах никого не было, все отступили вместе с войсками. В подвалах мы нашли консервированные продукты, запаслись свининой: резали свиней, а мясо клали на верх машины. В Восточной Пруссии были спиртовые заводы, но потребляли горячительное только на длительных остановках и в строго ограниченных количествах. Я не видел, чтобы кто-либо был пьян, у всех была ответственность и желание дожить до конца войны.

За 10–15 дней Кенигсбергская группировка немецких войск была окружена, и наш полк повернули на восток на уничтожение группировки. Начались тяжелые бои. Мы несли большие потери.

Командующим 3-м Белорусским фронтом был генерал Черняховский Иван Данилович. Его очень любили: требовательность, человечность, обаяние завоевывали сердца солдат и командиров. На КП корпуса у линии фронта в 15–20 метрах от его машины разорвался тяжелый снаряд. Осколки пробili кузов машины, Черняховский был смертельно ранен в спину и скончался по дороге в полевой госпиталь. Это было 18 февраля 1945 года. Фронт потерял решительного и волевого генерала. Командующим фронтом был назначен маршал Советского Союза Василевский.

376-й Гвардейский тяжелый самоходный артполк был передан общевойсковой части и участвовал в боях на Кенигсбергской группировке по ее уничтожению.

Фашисты упорно оборонялись, наши войска несли потери. Во второй половине апреля 1945 года в нашем полку из 25 машин в исправности осталась только одна. Ее вместе с экипажем и меня, как техника, передали в другую часть. Буквально через несколько дней во время боя (я в это время был при штабе) машину нашу немцы подбили, но экипаж сумел спастись.

По сводкам Информационного бюро наши войска подходили к Берлину, а новая техника и пополнение к нам не поступало. Мы ждали, чтобы принять участие в последних боях, но так и не дождались. 2 мая 1945 года пал Берлин, чувствовалось приближение Победы. 8 мая я стоял на посту, охранял спавших наших танкистов. Ночь, темно, слышны отдаленные взрывы, где-то видны трассирующие пули. И вдруг часов в 12 ночи небо озарилось разрывами снарядов зениток, очередями пулеметов, трассирующими пулями, ракетами-осветительницами. Я поднял дежурного командира, тот побежал в штаб полка, который находился недалеко от нас. Затем я услышал, как он кричит: «Ура! Война кончилась! Победа! Германия капитулировала!»

Я вбежал в дом, где спали наши танкисты, и крикнул: «Победа! Война кончилась! Германия капитулировала!» Все ребята, не одеваясь, выскочили в белье на улицу с автоматами в руках и открыли стрельбу вверх! До утра, конечно, никто не уснул, все патроны были израсходованы.

Послесловие

Когда в 50-е гг. я работал в Воркуте зам. начальника шахты, основной состав рабочих составляли заключенные. Многие из них были осуждены за измену Родине, службу полицаями и сотрудничество с немцами. Много заключенных было с Западной Украины, Прибалтики. Мне запомнился разговор с одним из осужденных по фамилии Шкутенко. На мой вопрос, за какую провинность тот получил 25 лет, он ответил: «Ни за что», — и поведал следующую историю.

В начале войны немцы захватили Донбасс. Шкутенко был главным инженером шахты. Немцы его нашли и приказали восстановить затопленную шахту, чтобы добывать уголь. Он собрал горняков и выполнил задание немцев. Работал на шахте, общался с немецкими оккупантами, уголь отправлял в Германию. Затем Красная Армия освободила от фашистов эту территорию. Шкутенко был арестован и осужден на 10 лет с заменой на службу в штрафном батальоне.

Штрафников на фронте, как правило, использовали при выполнении опасных операций. Однажды его штрафбат направили в разведку боем для выявления огневых точек противника. Во время наступления батальон был отбит немцами. Наступление захлебнулось, затихла артиллерия. Над головой он услышал: «Хенде хох!». Используя знакомство

с немецким генералом во время работы на шахте, назвал его фамилию, и немцы отвели его к генералу, который принял Шкутенко как старого знакомого и оставил при штабе. Спустя некоторое время наши войска освободили эту территорию, Шкутенко не отступил вместе с немцами, а остался у знакомых в подвале. С появлением наших солдат хозяева выдали Шкутенко. Вот за эти преступления ему и дали срок.

Ю.И. Понамарев. 2005 г.

За такие поступки в военное время давали высшую меру наказания. А Шкутенко считал, что его осудили незаслуженно, «ни за что».

Время все дальше отдаляет нас от военных событий. Молодежи все труднее становится разобраться кто герой, а кто предатель. Кто есть Шкутенко, кто Бандера, кто Шухевич, а кто истинный герой России!? Потому я, возглавляя нашу ветеранскую организацию, считаю своим долгом противодействовать фальсификации истории и забвению героического прошлого страны. Работы много: подго-

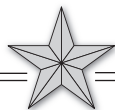
товка и проведение праздников, мероприятия по патриотическому воспитанию молодежи, поиск средств материальной помощи ветеранам.

МОЯ СЕМЬЯ

*Головин Алексей Степанович, 89 лет,
полковник в отставке,
лауреат форума «Общественное признание»,
г. Тула*

Родители

Отец Степан Матвеевич чем-то напоминал Михаила Васильевича Фрунзе, хотя к военному делу имел лишь косвенное отношение. Всю свою жизнь проработал на оружейном заводе: сначала трудился на долбежном станке, а затем контролером по приемке оружия. Он оставался на рабочем посту даже в самые трудные дни осени сорок первого

года, когда танковые армады Гудериана собирались с ходу захватить город. Но ничего у них не вышло.

Степан Матвеевич и Мария Ивановна Головины

Мать Мария Ивановна всегда отличалась активной жизненной позицией и прожила удивительно долго, скончавшись на 95-м году, уже на излете перестройки. Свыше тридцати лет она избиралась депутатом Тульского городского Совета, но особо отличилась она в годы Великой Отечественной, когда фашисты вплотную подошли к родному городу. Простая русская женщина была одним из организаторов строительства баррикад и сооружения противотанковых препятствий на улицах областного центра. И заслуженной наградой ей стала медаль «За оборону Москвы», которой удостоены также трое сыновей, а четвертый получил не менее ценную медаль «За оборону Ленинграда». Но лучшая награда для матери, что все четыре сына вернулись домой целыми и невредимыми. После окончания войны еще долгие годы моя мать оставалась одним из лучших председателей уличных комитетов, тогдашних центров общественного самоуправления.

Дмитрий

Имя старшего брата многим хорошо известно в Туле: прекрасный лыжник и легкоатлет, отличный тренер и спортивный работник. Он родился в год начала Первой мировой войны, на Казанскую, который всенародно празднуется ныне как День единства России. Живя недалеко от Белоусовского парка, с детских лет увлекся лыжами и под руководством замечательных наставников — Елизаветы Андреевны Царевой и Аркадия Дмитриевича Додонова — значкист первого комплекса «Готов к труду и обороне» Митя Головин уже в середине тридцатых годов первым из туляков выполнил норматив мастера спорта на самой трудной и длинной дистанции. Всю Великую Отечественную прорабо-

тал в военном производстве слесарем на Тульском машиностроительном заводе, помогая фронту выпуском противотанковых ружей. Рядом с ним тогда трудились Зоя Дьяконова и Михаил Пушкин, прославившие город оружейников на спортивных аренах.

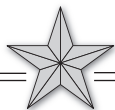

Дмитрий Головин

Выполняя ответственное задание облвоенкомата, зимой 1942–1943 годов Дмитрий Головин подготовил из числа среднего офицерского состава 115 инструкторов лыжных батальонов, наводивших на фашистов страх и прозванных ими «белыми призраками». Целыми днями он отработывал с молодыми воинами технику передвижения на лыжах. Из вчерашних мальчишек готовились тогда бойцы, которые спустя некоторое время уходили на фронт защищать свою Родину. И благодарные ученики посылали о себе вести из глубоких немецких тылов взрывами поездов и мостов, заревами сожженных складов и свинцовыми голосами своих автоматов.

В многогранной его деятельности особо выделялась педагогическая сторона. Сотни людей, занимавшиеся у него лыжными гонками, благодаря страстной натуре тренера сохранили любовь к спорту на всю жизнь. Среди его воспитанников целая плеяда прославленных спортсменов: это двукратный олимпийский чемпион по лыжным гонкам Вячеслав Веденин, чемпион Европы в беге на 400 метров с барьерами Анатолий Юлин, чемпионка Всемирной студенческой зимней Универсиады Валентина Тюхова. Не сосчитать, скольким еще людям он дал дорогу в большой спорт, а главное — крепко-накрепко подружил с физической культурой. Бывший директор ОАО «АК Туламашзавод», Герой Социалистического Труда Вадим Сергеевич Усов и бывший заместитель начальника Главприокскстроя Сергей Андреевич Игнатов тоже прошли головинскую школу. Оба не только активно занимались спортом, но и способствовали развитию массовой физкультуры.

Мой старший брат никогда не стремился, как некоторые тренеры, любыми способами натаскивать воспитанников на результат, а старался пробудить в своих подопечных инициативу, желание найти собственное решение, умение объединить воедино физические возможности и душевные силы человека.

Его энергии и жизнелюбию можно было только позавидовать. Любовь к спорту и пристрастие к физической культуре пронес он через всю свою долгую жизнь. Будучи заместителем председателя облспорткомитета, он немало сделал для развития тульского спорта и пропаганды здорового образа жизни. Почти в шестьдесят лет Д.С.Головин дважды становился чемпионом области по многоборью комплекса ГТО в своей возрастной группе.

Его всегда отличали оптимизм, юмор и неисчерпаемая жажда жизни. Уже в преклонном возрасте он трижды в неделю совершал по вечерам лыжные пробежки в парке, а в воскресенье отправлялся на весь день в Ясную Поляну. Как страстный пропагандист физкультуры и спорта, в 1980 году он участвовал в эстафете олимпийского огня, хотя ему уже было под семьдесят. Намереваясь разменять сотенку, легенда тульского спорта прожил, как и его великий земляк Лев Толстой, 82 года, но добрая память о нем и поныне жива.

Михаил

Появившись на свет на исходе 1916 года, после школы он поступил в фабрично-заводское училище, а затем стал рабочим Тульского оружейного завода, в совершенстве овладев токарным ремеслом по высшему разряду.

В 1937 году Михаила призвали в ряды Красной Армии, и он проходил службу в столице в особом кавалерийском полку, где начальником штаба был отличившийся вскоре в битве за Москву легендарный генерал Доватор. Неизгладимое впечатление на всю жизнь оставило у Михаила Степановича участие в парадах на Красной площади. При подготовке кавалеристов к параду на Хамовническом плацу и в Манеже присутствовали первые наши маршалы С.М. Буденный вместе с К.Е. Ворошиловым. В ходе смотра Семен Михайлович со знанием дела подмечал недостатки кавалеристов, а иногда сам садился в седло, показывая бойцам, как надо ездить верхом. Незадолго до демобилизации из армии в сороковом году маршал Буденный лично вручил Михаилу Головину нагрудный знак «Отличник РККА».

Михаил Головин

Когда над Тулой нависла непосредственная угроза нападения, и враг пытался захватить город, Михаил, имея бронь, продолжал трудиться на прежнем месте работы, а в октябре 1941 года принимал участие в эвакуации на восток оборудования завода. В период осадного положения он был призван рядовым бойцом в Тульский рабочий полк, где проходил службу по охране оружейного завода. В это время ему довелось участвовать в обеспечении цеха станками и инструментами, которые пришлось доставлять с самоварной фабрики. Когда у автомашины, на которой была установлена «катюша», перебили коленчатый вал, Михаил с товарищами изготовил новый. Работа кипела в неустомимых руках, несмотря на холод, сквозняки и бессонные ночи. К ремонту боевой техники затем добавилось изготовление новых минометов.

По инициативе руководства завода Михаилу Головину поручили возглавить бригаду молодых рабочих для обучения их специальности токаря. Летом сорок четвертого одного из рабочих этой бригады — Петра Федоровича Акимова — наградили орденом Ленина, а Михаила Головина как лучшего токаря завода — почетной грамотой. Как активный участник обороны города он был направлен для прохождения службы в органы НКГБ Тульской области, где ему пришлось выполнять различную оперативную работу.

После Победы с группой чекистов его направили для выполнения спецзадания в Прибалтику. Возвратившись оттуда, он продолжал трудиться на ответственных постах, связанных с оперативной службой. В органах госбезопасности Михаил Степанович прослужил свыше четверти века и был награжден медалями «За боевые заслуги», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Москвы» и «За победу над Германией». Со второй половины шестидесятых годов он находился на пенсии, а отметив свой девяностолетний юбилей, вскоре ушел в мир иной.

Анатолий

Родившись в разгар гражданской, после окончания школы поступил учиться в Московский областной техникум физической культуры в Малаховке. Выбор этого учебного заведения был не случаен: высокий, подтянутый Анатолий имел первый разряд по лыжам и легкой атлетике. Тогда там не было узкой специализации, и давали разностороннюю подготовку по различным видам спорта. Он тоже принимал участие в параде физкультурников на Красной площади, показывая пирамиды в движении.

В первый день осени 1939 года началась Вторая мировая война, а последний осенний день стал началом мало кому известной зимней войны с финнами. Бронь со студентов учебных заведений страны в то время была снята, и Анатолий Головин оказался в зенитной батарее,

которая била по финским самолетам, не давая им возможности долететь до Ленинграда.

В первый же день Великой Отечественной батареи открыла огонь по немецким самолетам с Каменного острова, а в конце июня ее направили за Красное Село, где впервые пришлось испытать на себе все ужасы войны. Вокруг творилось что-то невообразимое. Пришлось срочно окапываться. Каждый получил гранаты и бутылки с горючей смесью, а в это время над батареей низко кружил немецкий летчик и сверху грозил пальцем. Передвигаясь с места на место, зенитная батарея вела огонь то в районе Карельского перешейка, то у Финского залива. Особенно трудным был первый год блокады Ленинграда: «Все дороги обстреливались из минометов противника. Как-то по деревне к нам ехала полевая кухня. Вдруг разрыв — ни кухни, ни ездока, только лошадь одна жива. В течение трех или четырех дней ничего не ели. Соли не было, пили снеговую воду. Все от голода превратились в дистрофиков, но продолжали свое дело».

Анатолий Головин

В таком состоянии Анатолий получил приказание — доставить секретный пакет в штаб, который находился километрах в двадцати. Он шел без передышки, а оттуда сил идти на лыжах уже не было, и пришлось волочить их за собой. Затем моего брата перевели в 1182-й зенитно-артиллерийский полк старшим по пеленгу на радиолокационную станцию орудийной наводки. Эту станцию СОН-2 наши операторы остроумно прозвали «английский сон, или русская бессонница». Здесь тоже не было ни минуты покоя, и командир отделения сержант А.С. Головин внес свой посильный вклад в спасение города на Неве от полного уничтожения. За это он награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией». Все трудности фронтовой жизни в блокадном кольце ему удалось вынести только благодаря физической закалке. На фронте Анатолий познакомился со связисткой Верой Свиновой. Они расписались в Ленинграде, а 9 мая 1945 года у них родился сын Владимир, настоящее дитя любви, дитя Победы.

Но демобилизовался Анатолий Головин только через год после войны. Сначала устроился инструктором физкультуры на Тульский па-

тронный завод, а затем руководил кадровой службой на местном мясоптицекомбинате. И здесь работая честно и добросовестно, удостоен медалей «За доблестный труд» и «Ветеран труда». Анатолию Степановичу уже 92 года, но он до сих пор сохраняет прекрасную физическую форму, ежедневно делает утреннюю гимнастику и обливается холодной водой. Так что жизнь продолжается...

Алексей

Я родился в четвертую годовщину создания Красной Армии, и меня нарекли именем Алексей, что значит «защитник». Так что мне на роду суждено было стать воином. И я стал им. Только случилось это не сразу. Сначала учился в школе, как и все братья, активно занимался

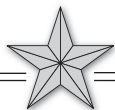
Алексей Головин

спортом: ходил на лыжах, играл в русский хоккей, был даже чемпионом области среди юношей по бегу, соревновался со знаменитым тогда Георгием Знаменским. После семилетки пошел на оружейный завод, где работал фрезеровщиком.

Когда фронт вплотную приблизился к Туле, мне как комсоргу цеха предложили войти в состав диверсионно-разведывательной группы особого отдела НКВД при штабе 50-й армии. Задачи перед мальчишками ставились разные: разведка и добыча сведений о передвижении техники и личного состава противника, уточнение количества эшелонов, артиллерии и танков.

В ходе героической обороны Тулы мы совершали неоднократные вылазки на территорию, занятую врагом. Как-то, не доходя до Плато-

новского леса, заметили цистерны с горючим и передали информацию в штаб 50-й армии. Вскоре этот склад горючего для гудериановских танков был уничтожен. Когда осада города оружейников была снята, я стал помощником оперуполномоченного особого отдела НКВД, а в мае 1942 года меня призвали в армию. Начав свой боевой путь с донских рубежей, будущие гвардейцы к концу лета вынуждены были отступить к берегам Волги. Целых полгода в крошечном аду — под грохот канонады и железный ураган снарядов и бомб — довелось участвовать в обороне Сталинграда, за что был награжден медалью «За

боевые заслуги». В составе особого отдела НКВД при штабе 64-й армии как оперуполномоченный участвовал в поиске диверсантов, выявлял по поддельным документам лазутчиков и шпионов.

Но самое большое впечатление на меня произвела охрана, сопровождение и допрос плененного в Сталинградском «котле» вместе с трехсоттысячной группировкой фельдмаршала Фридриха Паулюса. После Сталинградской битвы 64-я армия стала 7-й гвардейской, и я прошел вместе с ней через огненную купель Курской дуги в качестве сотрудника отдела контрразведки «СМЕРШ». Затем форсировал Днепр, освобождал Украину и Молдавию, Румынию и Венгрию, Австрию и Чехословакию, став кавалером ордена Красной Звезды. В конце войны ходил парламентаром к власовцам из так называемой Российской освободительной армии. Долгожданное известие о победе над Германией услышал под Прагой.

После войны служил старшим оперуполномоченным в Управлении контрразведки Министерства госбезопасности Южной группы войск, ловил недобитых эсесовцев, бывших полицаев и фашистских пособников. В течение полутора лет как оперуполномоченный по линии контрразведки находился в заграникомандировке на территории Германии.

В 1953 году был направлен на работу в управление внутренних дел Тульской области, а с шестидесятих годов началась моя служба в уголовно-исполнительной системе. С должности заместителя начальника ИТК-5 по политико-воспитательной работе я ушел на заслуженный отдых, но до сего времени не прекращаю активной деятельности, делаю по утрам гантельную гимнастику, что позволяет держать себя в хорошей физической форме.

Юлия

В довоенный период мы едва только успели познакомиться. Студентке Юле Костиковой и мне было всего по двадцать лет, когда после мимолетного знакомства нас на долгое время разлучила война. Она с отцом Михаилом Григорьевичем, одним из руководителей тульского оборонного завода, отправилась в эвакуацию в далекую Сибирь, я же оказался в действующей армии. Но наши судьбы скрепила война и разлука. А еще письма, которые мы писали друг другу на протяжении пяти долгих лет. Всевозрастающая любовь друг к другу разгоралась, как пламя на ветру, с каждым новым письмом все сильнее и сильнее. Ее не задули никакие попытки «доброжелателей» вбить клин в наши взаимоотношения. 3 августа 1947 года мы сыграли свадьбу и прожили вместе в любви и согласии почти сорок лет.

«Добрый день, Юлия!!! Шлю я тебе свой боевой чекистский привет и множество наилучших пожеланий. Юлия, у меня произошли большие изменения в жизни: устроился на работу, работа почетная и интерес-

ная, но времени свободного очень мало. 17 мая посетил наш парк: театр и павильон танцев изрешечены осколками, а что и осталось, почти все растащили. В центре парка, где находился фонтан, были сброшены бомбы очень большой силы: если встать в воронку, то она выглядит

Счастливые молодожены

вышиной в рост человека. Несмотря на все эти бедствия, природа все же берет свои права — кругом зелень, деревья приняли свежий, летний, молодой вид, в некоторых местах появились цветы. С 3 мая Леша Иванов находится в армии, а сегодня Борису Константинову тоже прислали повестку. Мы были как родные братья, делили горе и нужду и даже любили вместе. Город пока находится в спокойном состоянии, изредка прилетают немецкие стервятники, но ущерба никакого не приносят. Насчет продовольствия стало лучше по сравнению с осадным положением, но на рынке

все дорого. Юля, напиши о себе, как проводишь время, вспоминается ли тебе наш родной город? Юлечка, жму твою крепко-крепко руку, твой верный товарищ Леша Головин, он же Роберт Сокольский. Тула, 18.05.42 г.»

«Здравствуй, Леша!!! Наконец-то! Оказывается, вы жив и здоров, а это самое главное! Встретимся ли мы? Я хочу с тобой еще встретиться!!! Я очень и очень беспокоюсь за тебя, во всяком случае, ты береги себя! Желаю всего наилучшего. Пиши. С приветом Юлия. 22.07.42 г.»

«С добрым утром, дорогая Юля! Нахожусь на фронте, времени у меня свободного нет ни минуты, работаю не жалея сил. Лютый враг рвется вперед, в некоторых местах уже перешел Дон, подходит к Волге, отнимая у нас все дорогое, что завоевали для нас наши родители, но я поклялся, что буду беспощадно истреблять, не имея ни капли жалости к «коричневой чуме». Сил у меня достаточно, т.к. я свое здоровье закалил спортом. Ты представляешь, какая радость охватывает человека, когда он находится на фронте и ожидает с нетерпением письмо

от такого друга, который для него дороже всего на свете. Сразу мысль перешла о друзьях, о близких знакомых, вспомнились все прошедшие картины, как весело мы проводили время! По сегодняшней обстановке, видно, не скоро придется увидеться, но если встретимся, это для меня будет очень большое счастье. Итак, Юля, до скорого свидания, остаюсь искренним другом только с тобой твой друг Леша. 18.08.42г. Сталинградский фронт.»

«Леша, привет! Нет предела моей радости, когда получаю письма от друзей. Мне еще раньше тебя сообщили, что ты на фронте, и теперь, слушая радио и читая газеты, я все время вспоминаю тебя и ужасно за тебя беспокоюсь. Леша, ты интересовался, какие здесь пластинки в моде. Так вот одна из них переделана мной:

*Ты ж туляк, Лешка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда.
Ты ж туляк, Лешка, туляк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда!*

Итак, мой милый товарищ, будем надеяться. 6.10.42 г.»

«Здравствуй, Юля! С Новым годом, с новым счастьем! Желаю, чтоб 1943 год стал для тебя самым счастливым годом! Сейчас то время суток и то состояние погоды, которое я больше всего люблю. Надвигаются темные сумерки; мелкий снежок покрывает белым покровом дорогу... Приятно как-то становится на душе, возникает желание хоть на часок забыть о войне и, наслаждаясь природой, чувствуя близкое касание друга, бродить и бродить по заснеженным улицам, целовать холодные от легкого морозца губы... Эх, Юля, мало ли что хочется, мало ли какие мысли периода мирного времени бродят в голове, одним словом, мой милый друг, я очень скучаю о тебе. Закрою глаза, мысленно увижу тебя — такую желанную, приятную. Юля, откровенно говоря, хочу твоих слов, хочу твоих губ. Но, думается, что это не скоро сбудется. Здешняя обстановка ни на минуту не дает возможности забыть о войне. Временами вздрагиваешь от звуков артиллерийской стрельбы. «Концерт» продолжается целый день, — то запоем «Катюша», то начнет держать речь «Иван Грозный», а перерывы между ними заполняются выступлением из пушек всех калибров. Жду ответ, твой друг Леша. 16.12.42 г. Сталинградский фронт».

«Здравствуй, дорогой Леша! Я ходила гулять и почему-то вспоминала Тулу. Знаешь, я, когда там жила, то все стремилась оттуда вырваться, а вот сейчас как раз наоборот. Вот сейчас у нас за стеной поют когда-то любимую песенку «Моя любовь», и сразу вспомнилась наша квартира в Туле, ты и все, что было и чего не было! Я тебя крепко целую!!! Твоя Юлька. 22.02.43 г.»

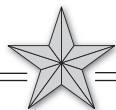
«Здравствуй, любимая Юля! Вот сижу в чаще леса на пне — пишу ответ на твои письма. Спокойно. Вечереет. Невольно вспоминаешь свое малое прошлое, признаться, прошлое без любви. Да, ведь это прошлое!

А в настоящем, ведь есть любовь, первая любовь, которую хранишь в своем сердце. Юля, в твоей улыбке, в твоих глазах я нахожу любимые черты, которые давно — с первых дней войны, берегу в самом надежном уголке сердца. Люблю тебя, Юля, люблю... Не прошло такого дня, чтобы я не вспомнил тебя, ведь ты первый мой (хотя я не имею право называть «мой») друг и товарищ, который первый протянул руку любви и откровенности к своему другу. Юля, ведь будет тот день, день счастья и ликования! Остается только сказать: подожди до победы. На нашем участке фронта ничего существенного нет. За исключением наших самолетов У-2 (фрицы называют их «Русь-Фанэр»). Летают и бомбят передовые линии обороны противника. Юля, как-то пришлось слышать концерт, вел его конференсье Гаркави — ничего, понравился. Эх, вернуть бы все это! Но ничего не попишешь — война. Пиши чаще. Остаюсь твой друг Леша. 25.05.43 г.»

«Здравствуй, дорогой Леша!!! Мне очень хочется тебя увидеть. Когда же мы с тобой встретимся? Иногда кажется, что все, что было, — это сон. Сейчас у всех большая радость, наши наступают, ты не можешь себе представить, как здесь в тылу ждут известий с фронта, и малейшая ваша победа сразу вселяет радость, бодрость и какую-то силу в человека. Все, как будто меняются, знаешь, и с каким волнением слушают радио, а особенно сейчас туляки. Ведь теперешняя наша победа тесно связана с нашим здесь пребыванием. Ждем победы и верим в победу! А с ней и тебя, мой дорогой, буду ждать всегда!!! Пиши, Юлия. 20.07.43 г.»

«Здравствуй, дорогуша! Улучив свободную минуту, решил написать тебе несколько строк о своем пребывании на фронте. Сейчас воюем за Днепром. Враг отступает, неся при этом разруху всей нашей Украины. Едешь по дорогам и видишь еще объятые пламенем хутора с их красивыми садами. Стоящий в скирдах хлеб еще не успел превратиться в пепел, на дороге масса трупов — скота, расстрелянного немцами, в хуторах остается десяток уцелевших людей, которые со слезами на глазах, с радостью встречают наши войска. Все внутри пересохло. И чем больше у нас горя, чем тяжелее нашим близким, тем сильнее решимость покончить с проклятым, бесчеловечным врагом. Милая, дорогая Юля, ты что-то совсем забыла меня, я от тебя почти совсем не получаю писем. Конечно, сейчас война, нас разделяет большое расстояние, но настанет время, и мы будем вместе, пробьем себе новый путь, где нет борьбы и одиночества, где мы на красоте природы, в спокойной мирной обстановке, будем проводить свои счастливые годы. Тебе жму крепко руку. Твой друг Лешка. 23.10.43.»

«Дорогой Леша! Сейчас я живу надеждой на счастливую встречу с тобой; если ты не получаешь письма, так не думай, что я тебя забыла: «Ты всегда, всегда в душе моей!» И это будет до тех пор,

пока я вновь с тобой не увижусь! Леша, я очень, очень волнуюсь за тебя, но я уверена, что ты вернешься, и пусть эта вера от пули тебя темной ночью хранит! Я знаю, что тот, кто верит — самый счастливый человек, но я верю в тебя, верю в нашу с тобой дружбу и счастлива тем, что имею такого друга, как ты! Так пусть же этот Новый год будет началом еще более крепкой дружбы. И то старое чувство, которое когда-то волновало сердца — вспыхнет с новой силой при новой встрече! Сейчас каждый человек живет надеждой в победу нашей родной Красной Армии, и каждая победа вселяет огромную радость в сердца всего народа! Желаю тебе, мой дорогой друг, а вместе с тобой и всей родной Красной Армии — победы и такой огромной, чтобы этот 44 год был годом окончательного разгрома фашизма, и тогда наши сердца сольются в одно многомиллионное ликование!!! Твоя Юлия. 25.12.43 г.»

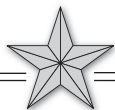
«Здравствуй, Юля! Пришел только что с боевых порядков. Дойдя до своей маленькой деревушки, стал слышать чуть отдаленные артиллерийские выстрелы, да изредка где-то совсем недалеко гул нашей знаменитой «Катюши». Юленька, ты в одном из своих писем напомнила мне нашу первую встречу. Как сейчас я вижу перед собой твой образ: стоишь в белом платке, который, спустившись с твоих высоких прямых плеч скрывает стройную фигуру; затем, припоминаю, появилась тайная улыбка, которая превратилась в задорный звонкий смех, который я так часто вспоминаю, что хочется еще и еще раз услышать! Конечно, эта первая маленькая встреча произвела на меня огромное впечатление, которая осталась у меня в памяти на всю жизнь. Тебе, подружка дорогая, жму крепко руку. Твой Лешка. 18.02.44 г.»

«Здравствуй, Леша! Как тяжело переносится разлука с другом и как обидно думать, что тебя забыли! Ведь ты такой далекий, но порою очень близкий друг, хотя почти что незнакомый! Я почти всегда вспоминаю тебя! Почему там, в нашем далеком родном городе я не знала, что ты будешь когда-нибудь таким дорогим, а сейчас, когда я это узнала — ты так далеко! Леша, я гоню от себя все грустные мысли, я верю, что ты вернешься, и мы с тобой встретимся и поговорим по душам! Интересно только, какая у нас будет встреча? Я часто об этом думаю! Ты для меня останешься светлой полосой в жизни, я вас всегда буду вспоминать, мистер Сокольский. Пока до свидания. Жду ответа. Юлия. 12.05.44 г.»

«Здравствуй, дорогой Леша! Очень и очень скучаю по тебе. По радио передают концерт, музыка из разных опер, а потом будет передано о новых блестящих победах нашей Красной Армии, и я каждый день жду с нетерпением этих передач. Сейчас папа принес очень хорошую географическую карту, и мы следим за продвижением нашей Красной Армии. Так же часто я смотрю на Румынию и не знаю, где ты. Дорогой Леша,

если бы ты знал, как ты стал мне дорог за эти прошедшие годы. Чтобы ни было у нас с тобой впереди, но ты останешься у меня в памяти на всю жизнь, а, может быть, и в сердце!!! Кто знает?! Я закрываю глаза и вижу перед собой только одно лицо — такое знакомое, родное и в то же время такое далекое и неизвестное...Леша, много утекло времени с тех пор, когда мы с тобой последний раз виделись: помнишь, мы еще проводили Веронику до ее дома. Откуда мы тогда знали, что за этим вечером последует такая разлука, а наша дружба — разве она случайна! Я с мельчайшими подробностями вспоминаю все время, проведенное вместе, и твой образ. Я тебя очень хорошо помню прежним Сокольским и сейчас, смотря на твои фотокарточки, даже не знаю, какой для меня дороже, прежний из своей памяти никак не могу заменить настоящим, но теперь ты мне стал в тысячу раз дороже. И я так жду твоих писем! Все то, что у меня было прежде, — становится пустяком в сравнении с тем, что я имею теперь и, если мои чувства при встрече оправдаются, то я буду самым счастливым человеком в мире!!! Сейчас все мои мысли связаны с тобой, только с тобой одним. Леша, дорогой, да, дорогой интересно, чтобы ты мне сказал, если бы я тебя назвала еще в Туле дорогим — вот был бы юмор; а теперь я тебя с гордостью называю. Да и, урра Лешка, взяли наши Минск, поздравляю тебя от всего сердца, какая большая радость! Пока, до свидания! Я тебя очень, очень и очень...!!! Вот когда увидишь кинокартину «Воздушный извозчик», то поймешь, что означают точки эти! 4.07.44 г.»

«Здравствуй, Юленька! Дорогая моя, наконец-то я получил от тебя долгожданное фото. Ах, как Вы похорошели, сударыня! Но и очень стали строги... Вас интересует, кто же мне больше нравится — тулячка или же сибирячка? — откровенно скажу: нравится одна и та же хорошая Юлька! Сейчас больше, чем когда-либо появляется неутомимая жажда встречи с тобой. Тогда начинаешь фантазировать, появляются всевозможные мысли, желания. Воображение рисует различные варианты нашей встречи. Мечты, мечты, где ваша сладость? Вера в их осуществление не потеряна. Но ведь от этого не легче! Сегодня, сейчас хочу видеть, говорить с тобой. О, когда же придет эта блаженная минута! Милая, славная Юля, верь, и я буду тоже верить и жить ею. Ведь ничего не поделаешь, если сейчас путь между нами усеян подчас горестями и всякого рода невзгодами и отчасти на сегодняшний день непреодолимыми преградами, различного рода превратностями судьбы. Я вижу и хочу видеть счастливое завтра, несмотря на то, что имеем серое холодное сегодня! Побывал я на родине Иоганна Штрауса в Вене, красивый город, но опять его никак нельзя сравнить с нашим Ленинградом. Вена очень здорово побита от бомбардировки союзной авиации. Итак, до скорой встречи! А сейчас: «За вечный мир, в последний бой!» Пока все, жду ответ. 1.05.45 г. Австрия.»

«Милый Лешка! Сегодня ездила в город, видела Веронику, и ходили с ней парк. Там стало сейчас хорошо, т.е. все те же деревья, но зачем-то очень много их вырубili. Лешенька, ну, а как ты живешь? Я все равно все эти дни думаю в мечтах о тебе и все же выпила бокал за твоё здоровье!!! Ведь вчера был такой радостный день для всех нас — Берлин взят! Теперь больше, чем когда-либо жду нашу встречу! Когда же мы будем вместе? До скорого свидания, мой славный Лешка. Юлия. 4.05.45 г.»

«Здравствуй, Леша!

Поздравляю тебя с победой, такой радостной для всех, особенно нас, туляков! Жду письма. С горячим приветом. Твой друг Юлия. 9.V.45 г.»

СОЛДАТ ИВАНОВ

*Бабичева Елена Борисовна, 54 года,
заведующая музеем ФГОУ СПО
«Кашинский аграрный техникум»,
г. Кашин Тверской области*

*Вам всем, кто вынес ту войну —
В тылу иль на полях сражений
Принес Победную весну —
Поклон и память поколений.*

Еще и еще раз пытался летчик выровнять машину, но она быстро теряла высоту. Немецкий снаряд попал в хвостовую часть самолета. Пилот решил попытаться посадить его и тем самым спасти от гибели.

Дальше — глухой удар о землю. Вспышка, темнота.

Очнулся Алексей в военном госпитале. Сильно болела голова. Руки двигались, а вот ног совсем не чувствовал. При падении самолет зарылся носом в землю, ноги летчика по инерции «ушли» за приборную доску.

Но все-таки он остался жив — его спасли люди, с земли наблюдавшие за неравным боем в небе.

— Повезло тебе, будешь жить, — сказал врач. — Готовься к операции.

К Алексею подошла молоденькая медсестричка и тихо сказала:

— Завтра вас прооперируют, решено ампутировать обе ноги.

Алексей закрипел зубами, с силой вцепился обеими руками в края кровати. «Как же так?! Ведь мне всего девятнадцать лет, вся жизнь впереди. Как же я без обеих ног?» — проносилось в голове.

Наступила ночь, тянувшаяся бесконечно долго. Постепенно небо на востоке начало светлеть, а глаза Алексея были все так же широко открыты, взгляд упирался в потолок. Наконец он принял для себя решение — без ног он жить не будет, такая жизнь для летчика невозможна.

Подали каталку. Алексея повезли в операционную.

— Доктор, ноги резать не дам! — твердо сказал он.

Стараясь не встречаться с глазами летчика, врач произнес:

— Успокойтесь, все будет хорошо.

Но вот уже туловище пристегнули широким ремнем к столу, сзади подошла медсестра с наркозной маской.

«Сейчас я усну, а проснусь инвалидом», — подумал Алексей. Вся душа его взбунтовалась против такой несправедливости. Он извернулся и... вцепился зубами медсестре в руку. Та от неожиданности и боли громко закричала. Поднялась суматоха. «Хулигана» отправили обратно в палату.

А.И. Иванов среди студентов аграрного техникума

С тех пор прошло более шестидесяти лет. Передо мной сидит участник Великой Отечественной войны Алексей Иванович Иванов. Ему 82 года, но этих лет ему никто не дает. Худощавый, подвижный. Ходит на своих ногах! Вспоминает добрым словом другую госпиталь, врачей, что помогли ему остаться полноценным человеком.

А помните ту молоденькую медсестру, которая предупредила Алексея об ампутации? Она стала его женой. Душа в душу прожили Алексей Иванович и Вера Михайловна вместе более полувека. Сейчас нет ее на этом свете. На столе в комнате стоит портрет, написанный Алексеем Ивановичем. Глядя на него, он рассказывает своей Верочке, как прошел день, что тревожит, беспокоит его. Ничего не отвечает Вера Михайловна. Но кажется, что она слышит его, вот и взгляд как будто меняется...

Но вернемся вновь в те суровые годы. Война для Иванова не кончилась. Невероятно, но после такой тяжелой травмы он вновь встал

в строй. О летном деле пришлось забыть, но и на земле у советских воинов дел было немало. После госпиталя Алексей Иванович был зачислен командиром взвода разведывательной роты. Ходил в разведку, за линию фронта, не раз захватывал «языка». Однажды ночью в июне 1943 года Иванов с товарищами отправились на очередное задание в немецкий тыл. На это раз им не удалось уйти незамеченными. Фашисты открыли сильный огонь. Иванов получил ранение в спину. До сих пор он носит под правой лопаткой осколок в три сантиметра.

На войне как на войне: подлечился в госпитале — и опять на фронт. Тут уже была иная обстановка, перевес ощущался на нашей стороне. Советские войска шли в наступление, а враг отчаянно сопротивлялся. Ожесточенные бои велись за каждый город, каждый населенный пункт. Один из таких боев, в котором участвовал Алексей Иванов, произошел на берегу реки Десны, в селе Бондаревка. Немцы закрепились на высоте, и подобраться к ним не было никакой возможности. Бойцы снова и снова шли в атаку, однако выбить гитлеровцев не удавалось.

— Ох, сколько тогда полегло наших ребят! — вспоминает Алексей Иванович. Сам он в том бою получил множественное осколочное ранение в голову. После госпиталя он окончил Пензенское артиллерийское училище, после которого его направили в составе наших оккупационных войск в Восточную Пруссию. Там он встретил День Победы.

Алексей Иванович — кавалер ордена Отечественной войны первой степени, награжден медалью «За отвагу», другими боевыми медалями.

Его послевоенная биография схожа с биографиями сотен людей: восстанавливал народное хозяйство, честно и добросовестно трудился, воспитывал детей.

На этом можно было бы поставить точку в рассказе о ветеране. Но не дает покоя дикий случай, произошедший с ним недавно. Переходил Алексей Иванович дорогу неподалеку от своего дома, да замешкался по-стариковски. Возле него остановилась белая «шестерка», из нее вылез здоровенный детина и стал орать, что, мол, «ходят тут всякие», а потом размахнулся и ударил пожилого человека кулаком по лицу.

В самое сердце пришелся тот удар. Алексей Иванович, как и большинство его ровесников — участников Великой Отечественной войны, в душе навсегда остался солдатом и привык считать, что каждый мужчина обязан вести себя порядочно, особенно по отношению к тем, кто слабее и беззащитнее. Поэтому так потрясла его, выбила из колеи наглость распоясавшегося верзилы.

Нельзя бить по лицу никого, а тем более человека, убеленного сединами. Дико, когда молодые люди этого не понимают.

Всем нам нужно помнить, что есть Высший суд, перед которым каждому рано или поздно придется отвечать.

КАКОЕ ЭТО СЧАСТЬЕ — ЖИТЬ

*Коротков Евгений Николаевич, 92 года,
полковник в отставке,
член президиумов областного и городского комитетов ветеранов
войны и военной службы, член совета ветеранов войны и труда,
Вооруженных Сил и правоохранительных органов,
Ветеран спорта РФ, Почетный судья по спорту СССР,
Почетный гражданин города-героя Тулы,
г. Тула*

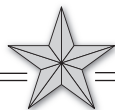
Родился я 5 мая 1919 года в Туле. Детство мое прошло в маленьком домике на улице Воронежской (ныне — Оборонной). До войны во многих тульских дворах стояли голубятни, и мой старший брат тоже держал голубей. Их плещущие в синем небе крылья потом вспоминались мне на фронте — как символ мирной жизни, светлой и безоблачной.

В 1940 году я впервые выступил на VII первенстве СССР по велоспорту в Туле в составе сборной команды Центрального дома Красной Армии (ЦДКА), в которой кроме меня были еще Ипполитов, Прошин, Туранов и Аксенов. Выступая во Всесоюзных соревнованиях по треку впервые, мы, тем не менее, отлично провели хитроумную спринтерскую гонку на 1 км и конкурировали с мастерами.

*Курсант ТОТУ Коротков после установления
рекорда. Стадион «Пищевик», Тула, 1940 г.*

30 августа 1940 года на Тульском велотреке состоялись соревнования гонщиков Ленинграда и Тулы. Выйдя в финал в гонке на 1 км, после старта я сделал сильный бросок и развил бурный темп. Абсолютный чемпион страны по треку Батаен и мастер спорта Петров (Ле-

нинград), понадеявшись на свои силы, пропустили меня вперед, но затем, несмотря на все старания, так и не смогли «достать» меня. В результате я выиграл финальную гонку. 31 августа 1940 года мною был установлен новый всесоюзный рекорд на дистанции в 50 км по треку. Я прошел эту дистанцию в 1 час 24 минуты.

Летом сорок первого я окончил Тульское оружейно-техническое училище в звании воентехника 2-го ранга. Дипломы вручали 5 июня в торжественной обстановке — в Доме офицеров, где мы, выпускники, щеголяли новенькой формой с «кубарями». Я, как и все мои одноклассники, строил на будущее самые радужные планы, мечтал о честном и самоотверженном служении Родине. Никто из нас и не предполагал, что буквально через пару недель все наши планы перечеркнет война, а многие героически сложат горячие головы на поле битвы в самой жестокой в истории человечества войне.

Я получил назначение в 202-й танковый полк 101-й отдельной танковой дивизии, дислоцировавшейся в Пятигорске. Физрук училища тогда сказал: «Там все условия для занятий есть, так что сможешь опять педали крутить!». Отпуска не дали, был приказ — немедленно отправляться в часть.

Ушли в прошлое строевая подготовка на плацу с утра до вечера, переползание по-пластунски, крики «ура!» в бесконечных атаках со штыковым боем, напряженные занятия, зачеты и экзамены, пение «Катюши» и «Трех танкистов» в строю. Впереди ждала напряженная жизнь командира Красной Армии.

В купе поезда со мной ехал на отдых преподаватель училища Никольский. После разговора с грамотным, начитанным офицером где-то в глубине души у меня зародилась тихая тревога. «Война с немцами уже дымится», — сказал Никольский на прощание.

Утром 22 июня 1941 года я пошел прогуляться в знаменитый парк-цветник Пятигорска. Там и услышал по радио о начале войны. Великая Отечественная... Тяжелый труд, пот и кровь, страдания и лишения, отчаянный риск, героизм, боль потерь... В судьбах миллионов людей она оставила горький, незаживающий след. Свой рубец война «впечатала» и в мою биографию. И в нынешние дни по волнам прошлого, пережитого несут меня воспоминания...

Меня назначили техником по ремонту оружия полковой мастерской. 30 июня мы получили танки, пришедшие с Дальнего Востока, — старые, с изношенными моторами. В боях они горели, как спичечные коробки, но других не было. Что могли — подремонтировали, погрузились в эшелоны, поехали. На фронт прибыли 5 июля, разгрузились возле г. Ярцево Смоленской области, оккупированной фашистами, и сходу вступили в бой с фашистами. Мне, еще не обстрелянному новобранцу, довелось участвовать в тяжелейшем

Смоленском сражении. Недаром мы, фронтовики, с особой горечью вспоминаем 41-й год.

Это был суший ад: земля горела под ногами, небо почернело от взрывов, гари и копоти, непрекращающийся вой снарядов — бои шли ожесточенные и кровопролитные днем и ночью. Враг, во много раз превосходивший нас в живой силе и военной технике, напирал танковыми армадами, артиллерией, мотопехотой, поддерживаемыми с воздуха авиацией. Наши солдаты и офицеры проявляли невиданный героизм, сражаясь с фашистскими полчищами, не щадя своей жизни. Потери для нашей армии были колоссальные, но мы стояли насмерть!

Позже из литературы я узнал, что под Ярцевом не было наших войск. Вышедшему там из окружения генерал-майору К.К. Рокоссовскому поставили задачу организовать оборону, что он и сделал. Оборону держала и наша, прибывшая из Пятигорска танковая дивизия.

В первом бою полк понес настолько большие потери, что после боя был переформирован. Я был назначен помпотехом командира танковой роты вместо выбывшего из строя. В середине июля немцы под Ярцевом высадили десант с танкетками. Зарыв их в землю, они превратили танкетки в боевые точки. В результате нескольких атак полк снова понес большие потери. Танки «БТ» с противопульной броней и бензиновыми двигателями вспыхивали моментально, получив прозвище: «Прощай, Родина!».

Полк перевели на трехбатальонный состав. А тут мы на станции Алферово под Вязьмой новые тяжелые танки «КВ» получили, немецкие снаряды их броню не пробивали, как раньше. Командир роты поручил осмотреть его машину. Пока мы вместе с расчетом копались в моторе, полк подняли по тревоге и отправили в бой. Нам по радиации передали: «Догоняйте!». Если бы я в том бою оказался в стареньком танке — наверняка бы погиб. У меня и шлема-то не было, как у ребят, ехал, стучаясь головой. Но до ушибов ли было, главное — остался жив! Так 16 июля я принял участие в танковой атаке при освобождении Ярцева. Танковый полк совместно с пехотой выбил немцев из города. Тяжелые «КВ» давили зарытые в землю немецкие танкетки. Несколько дней после боя пехотинцы вытаскивали немцев с огородов, из сараев и курятников. «Бить их можно и нужно», — сказал на совещании командир полка подполковник Шемякин.

После разгрома немцев под Ярцевом в полк прибыли кадровики из штаба армии, чтобы выявить офицеров, занимавших должности не по специальности, и направить в другие части. Я получил назначение в 178-ю стрелковую дивизию на должность помощника начальника артснабжения дивизии. Едва прибыл, как ее срочно перебросили в Калининскую область — наперерез наступающим немецким войскам по железнодорожной линии Рига — Москва. Боеприпасы мы доставили, а

потом узнали, что оставшиеся обороняться части оказались в «котле», многие попали в плен. Под Ржевом шли тяжелые бои. Высоты были покрыты погибшими в неудавшихся атаках бойцами. Позже мне тоже выпало быть в окружении, но все же нам удалось уйти за Волгу, сохранив орудия...

Командир дивизии поставил мне задачу вывести за Волгу ремонтные мастерские ДАРМ — пять специальных машин. Колонна двинулась в сторону Калинина. Ехали только ночью — немецкая авиация бомбила нещадно, самолеты врага гонялись даже за одиночными машинами. Командир дивизии за вывод мастерских объявил мне благодарность.

В начале 1942 года меня перевели в 348-ю стрелковую дивизию в составе 30-й армии на должность начальника артснабжения дивизии. Атаки советских войск в районе Ржева продолжались всю весну. Затем фронт стабилизировался, началась затяжная позиционная война. Я стал старшим лейтенантом.

В апреле 1943 года наша дивизия прибыла в г. Елец на Брянский фронт для участия в боях на Орловско-Курской дуге. Я спал по 2–3 часа в сутки — шедшие в наступление части требовали боеприпасов. Отступая, немцы бросали технику, артиллерию, снаряды.

В 1944 году запомнилось следующее. Наша дивизия удерживала относительно небольшой плацдарм на западном берегу реки Друть — притоке Днепра в Белоруссии. «Пятачок» площадью в один квадратный километр простреливался со всех сторон. Но именно отсюда планировалось начать операцию по освобождению Белоруссии — под кодовым названием «Багратион». А пока — шла подготовка, дивизия пополнялась новыми силами, боеприпасами, продовольствием.

В один из дней меня вызвал к себе комдив.

— Почему на плацдарме нет 45-миллиметровых снарядов?

— Там достаточно боеприпасов, — отвечаю я.

— Тогда почему не стреляет батарея? Поезжайте и лично разберитесь, в чем дело.

*Калининский фронт. Воентехник
1 ранга, помощник начальника
артснабжения 348 СД. 1942 г.*

Переправиться на пятачок можно было только ночью. К вечеру я прибыл в полк, батальон которого находился на плацдарме, и на лодке с сопровождающим добрался до пункта назначения. Немцы изредка освещали небо ракетами и простреливали вдоль переправы.

Когда я появился в землянке комбата, тот встретил меня словами: — Тебе что, жить надоело?

Я ответил, что выполняю задание комдива.

Осмотрев огневые позиции, я убедился, что боеприпасов здесь действительно хватает. Почему бойцы не стреляют? Это тактический ход: раньше времени не обнаруживать себя, иначе немцы моментально засекут «точку» и обрушат сокрушительный минометный огонь. Обратный путь с «пятачка» обошелся тоже без приключений, хотя, признаюсь, нервишки были на пределе.

Позже, накануне наступления комдив вызвал меня на наблюдательный пункт, который находился в лесу. Там на высокой сосне была оборудована небольшая площадка, откуда как на ладони просматривалась вся сторона противника, а внизу находился блиндаж.

Прибыв на место, я услышал шум моторов. Затем показались два грузовика с вооруженными солдатами в кузове и легковушка. Солдаты соскочили с машин и стали теснить находившихся у блиндажа. Из авто вышел Г.К. Жуков и командир стрелкового корпуса генерал Желудев. В сопровождении командира дивизии они поднялись на вышку и с полчаса провели там. Потом продолжили разговор в блиндаже. Жуков уехал так же неожиданно, как и приехал. Позже выяснилось, что он изучал обстановку и давал дополнительные указания командирам корпуса и дивизии.

Успешное наступление на реке Друть способствовало окружению и уничтожению крупной немецкой группировки в районе Бобруйска. Нашей 348-й стрелковой дивизии приказом Верховного Главнокомандования было присвоено наименование «Бобруйская».

Фашисты упорно сопротивлялись, но 3 июля мы вступили в столицу Белоруссии Минск.

Приведу одну любопытную деталь, которая была характерна для конца войны. Когда мы уже от Червеня (Минская обл.) устремились дальше, за нами, чуть ли не по пятам, шла целая немецкая армия, выходившая из окружения из Могилева. Немцев отсекали встречным ударом. Особенно отличились артиллеристы нашей дивизии. На шоссе Минск–Могилев были установлены противотанковые орудия, которые лупили по врагу прямой наводкой. Много там уложили немцев. За этот бой командир батареи капитан Самохвалов и командир орудия сержант Здунов были удостоены звания Героя Советского Союза. Потом мы за один переход махнули на запад, аж до Беловежской пущи. Освободили город Новогрудок Гродненской области, вышли на Мосты, на берегу

Немана. С риском для жизни по хлипкой переправе вышли на другой берег, перешли границу с Польшей и двинулись на Белосток.

В конце марта сорок пятого 348-я Бобруйская стрелковая дивизия в составе 3-й армии 3-го Белорусского фронта вела ожесточенные бои по окружению кенигсбергской группировки немцев в Восточной Пруссии, западнее Кенигсберга...

Здесь же под Кенигсбергом я был ранен — не в бою, а как-то так, «дуриком»... Вызвали меня к командиру на НП. Подъехал я к деревне, где располагался штаб, и попал под огонь шестиствольного миномета. Чувствую — ударило в ногу, сознание «поплыло». Ребята меня наскоро перевязали, подтащили к дороге, погрузили на какую-то повозку и — в медсанбат. Врачи долго искали, где находился осколок, и я испугался: всю ногу изрежут, пока доберутся до него, тогда — прощай, мой велоспорт! Мне потом осколок показали — полтора на полтора сантиметра.

После успешной атаки наших войск 28 марта был взят город Хайлигенбайль, и наши войска вышли к заливу на побережье Балтийского моря. По побережью залива от Кенигсберга на запад в сторону Данцига, полосой шириной примерно 500 метров стояли брошенные автомашины, повозки и другие средства передвижения.

3-я армия под командованием Героя Советского Союза генерала А.В. Горбатова, завершив полное окружение Кенигсберга, 2 апреля получила приказ передислоцироваться на Берлинское направление в район г. Кюстрин, на Зееловские высоты, в состав 1-го Белорусского фронта, которым командовал Г.К. Жуков. Совершив марш с берегов Балтики к Одру, дивизия в середине апреля сосредоточилась в районе городов Райхагена, Мадскова, Юнхеберга и начала подготовку к завершающему сражению за Берлин.

Пропустить долгожданный момент, о котором мечтал всю войну, я не мог и, сбежав от врачей, рванул на попутках к своим «добывать врага в его берлоге». Друзья встретили радостно, врачи из медсанбата корили за легкомыслие — «такой недисциплинированный, а еще офицер!», но меняли повязки, и нога, побаливая, зарастала.

Наступление началось в пять утра 16 апреля мощной артиллерийской подготовкой и залпами «катюш». 140 мощных прожекторов внезапно осветили поле боя и ослепили противника. Вражеская оборона была расстроена, а фашисты деморализованы. Но через некоторое время враг пришел в себя и стал оказывать упорное сопротивление. Наши войска, преодолевая сопротивление немцев, шаг за шагом двигались вперед. Уже 20 апреля, на пятый день наступления, наша дальнобойная артиллерия вела огонь по Берлину.

Взаимодействуя с другими соединениями, наша дивизия вела бои юго-западнее Берлина, развивая успех 1-й гвардейской танковой ар-

мии. Нам приходилось наступать по лесистой местности, изрезанной озерами и каналами.

Особенно тяжелыми были бои вдоль канала Одер-Шпрее, в районе Ной-Цитау. На рассвете 26 апреля дивизия соединилась с частями 1-го Украинского фронта, наступавшими с юга, и полностью окружила крупную группировку немцев, действовавшую юго-западнее Берлина. Берлин пал 2 мая, а мы продолжали вести тяжелые бои западнее Берлина в Бранденбургской провинции. Особенно ожесточенное сопротивление фашисты оказали на подступах к городу Гентин. 7 мая противник, прижатый к Эльбе, в районе деревни Напредикен, был окончательно разгромлен, и дивизия вышла к берегам Эльбы, захватив большие трофеи и пленных.

Оказавшись на восточном берегу Эльбы — реки довольно широкой, мы увидели на противоположном берегу большое скопление техники и людей. Сначала подумали, что это немцы, и стали готовить орудия для обстрела. Но, присмотревшись в бинокль, поняли, что это американцы, а не немцы. Стали махать друг другу руками, флагами, пускать сигнальные ракеты. Наши союзники погрузились в лодки и переправились на наш берег. Началось братание...

Так произошла историческая встреча советских и американских солдат. Было это 8 мая 1945 года.

Войну я закончил на реке Эльбе в звании майора.

После войны дивизию расформировали. Домой я вернулся осенью 1945 года, в ноябре получил назначение в Тульский механический институт на военную кафедру, где преподавал до 1960 г. Одновременно с работой учился на вечернем факультете института и по окончании его стал преподавать на машиностроительном факультете (до 1963 г.). В честь 50-летия Победы мне было присвоено звание полковника. После ухода на пенсию в 1965 году более 35 лет преподавал в Тульском механическом техникуме им. С.И. Мосина, где написал пять учебников для техникумов по специальным дисциплинам. Женился, родились сын и дочь, и спокойная мирная жизнь казалась невероятно счастливой.

Наш дом уцелел, в семье не было погибших, но миной было разрушено захоронение Коротковых на Всехсвятском кладбище. Подправляя памятник, я мысленно обращался к любимому деду, похороненному там: «Оба мы с тобой от немецких мин пострадали...».

На велосипеде я больше не гонял — случилось ранение. Но почти сразу по возвращении домой стал председателем Федерации велоспорта Тульской области (возглавлял ее с 1946 по 1976 годы), а также заместителем председателя Федерации велоспорта РСФСР и членом президиума Федерации велоспорта СССР. Потом переключился на общественную работу в ветеранских организациях (10 лет был председа-

телем Советского района г. Тулы). За многолетнюю активную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи и вклад в развитие велоспорта в 2005 г. был удостоен звания «Почетный гражданин города-героя Тулы».

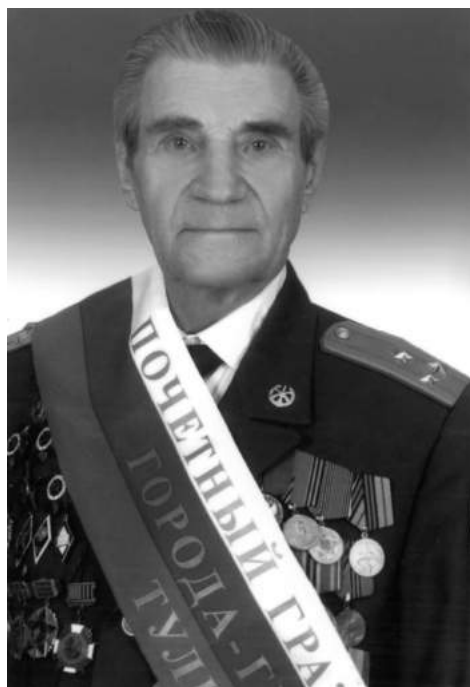
За участие в освобождении Белоруссии я был награжден орденом Отечественной войны II степени, а свой первый орден Красной Звезды получил за бои под Орлом. За взятие Кенигсберга и Берлина был удостоен ордена Отечественной войны I степени. А еще у меня — восемнадцать медалей, но рассказывать за что получил их, я не люблю: слишком тяжело вспоминать. Пять лет видеть вокруг только смерть, кровь, разрушение — великое испытание. А уж если вспоминаю, перебирая награды, то словно листаю географический справочник: «Эта медаль за Кенигсберг, а вот та — за взятие Берлина...»

9 Мая — мой любимый праздник. Что, впрочем, и неудивительно.

А еще — свой день рождения. Он у меня совсем рядом с Днем Победы. Так близко, что как следует и отпраздновать, не получается. В эти дни начинаются различные «победные» мероприятия, не пойти на которые ни душа, ни совесть не позволяют.

Общение с молодежью до сих пор доставляет мне удовольствие. Меня радует интерес подрастающего поколения к героическому прошлому своей страны. Убежден: растет достойная смена фронтовикам! Когда ведешь разговор на равных, живым, доходчивым языком, — видишь огонек в ребячьих глазах. Ребята не просто слушают тебя, но и задают вопросы — серьезные, вдумчивые. Чувствуется, что твой рассказ затронул их души и сердца. А для нас, ветеранов, что может быть дороже?..

Штаб совета ветеранов 348-й дивизии находится в Москве, там же — ее Центральный музей, расположенный в школе-интернате № 25. Еще музеи этой дивизии есть в местечке Новосиль Орловской области, в Орле, Бобруйске, Минске — городах, которые она освобождала. И мы с друзьями-однополчанами приезжаем туда, встречаемся со школьниками, молодежью и говорим о главном: какое это счастье — жить.

Е.Н. Коротков

Глава 4. Мое военное детство

ОПАЛЕННЫЕ И ЗАКАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ

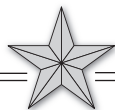
*Яковец Юрий Владимирович, 82 года,
доктор экономических наук, профессор Российской
академии государственной службы при Президенте,
председатель Отделения исследования циклов
и прогнозирования Российской академии естественных наук,
Президент Международного института
Питирима Сорокина-Николая Кондратьева,
действительный член Академии философии хозяйства,
г. Москва*

Наше поколение, поколение 60-х годов, сформировалось под знаком крупнейшей войны в истории человечества, в которой наша страна, наш народ понесли тяжелейшие потери и ценой неимоверных жертв, страданий и массовых подвигов внесли основной вклад в разгром фашизма. Сколько бы ни пытались преуменьшить этот вклад, поставить под сомнение наши победы и усилить тяжесть поражений, за всю тысячелетнюю историю восточнославянской цивилизации и пятисотлетнюю историю евразийской цивилизации равного подвига и равного свершения не найти. Да и в истории иных цивилизаций не много можно обнаружить подобных свершений, изменивших ход мировой истории.

Главную роль в этом подвиге сыграло предыдущее поколение — поколение 30-х годов XX века. Именно оно составляло основу армии и тыла, именно оно потеряло десятки миллионов жизней на фронте, во время блокады, в голодные годы. Но и наше поколение внесло мощный вклад в борьбу и победу. Война не только опалила наше поколение в период его становления, но и закалила его, стала основой жизненного опыта, мировоззрения и нравственных устоев, наложила неизгладимый отпечаток на всю нашу дальнейшую судьбу.

Ощущением неизбежности и близости войны наше поколение жило с детства. Когда я был в 1937–1938 годах в санатории «Чайка» под Еваторией, любимым занятием одного из моих прикованных к постели друзей было рисовать военные корабли и морские сражения, благо в заливе периодически проходили военно-морские учения со стрельбами.

В период войны в Испании вся страна следила за известиями с фронтов, переживала за республиканцев, поддерживала приехавших оттуда

детей. Много наших добровольцев участвовало в боях с франкистами и итало-немецкими фашистами. Это была первая проба сил перед Второй мировой войной. Я учился тогда в 3–4-м классах, но внимательно следил за известиями из Испании по радио и газетам, искал на карте места, где проходили бои, переживал поражение республиканцев. Можно сказать, что наше поколение с детства было вовлечено в мировую политику, готовилось к схватке с фашизмом. Предстоящей схватке были посвящены книги, кинофильмы и песни («Если завтра война...»).

С недоумением были встречены шаги по установлению союзных отношений с гитлеровской Германией. Мы понимали, что это временный союз, что столкновение неизбежно. Моя семья жила в канун войны в Гайсине, где были расположены воинские части. Перед войной они были передислоцированы на Запад, ближе к границе. Сестра Людмила училась в пединституте в Ровно, заболела плевритом. Мама поехала туда, поставила ее на ноги. Когда они весной 1941 года вернулись, то рассказывали, что Западная Украина ожидает начала войны, что немецкие самолеты безнаказанно пересекают наши границы, проводят съемки армейских частей и военных объектов. Поэтому когда перед самой войной в газетах было опубликовано официальное сообщение о том, что слухи о предстоящем нападении Германии на СССР являются провокацией, мы не поверили ни одному слову. Официальная версия о неожиданности этого нападения была самообманом, оправданием исторической ошибки Сталина, за которую народ заплатил миллионами жизней, тяжелейшими поражениями и потерями в первый год войны. Сталин и его окружение не хотели видеть очевидного.

Отчетливо помню первый день войны. В 12 часов вместе с родителями и сестрой слушал по радио выступление Молотова. Хотя мы были готовы к этому, но сразу привычный ритм жизни перевернулся. С нетерпением ждали вестей с фронта, а они были обрывочными и официально бодрыми. Но когда 3 июля по радио выступил Сталин со столь непривычным для него обращением «Братья и сестры!», стало очевидным: наша армия терпит поражение, немцы приближаются. В ту же ночь, с 3 на 4 июля, наша семья и семья старшего агронома МТС, официально оформив в МТС документы об эвакуации (а агрономы имели официальную отсрочку от призыва в армию), взяли в МТС подводу с двумя лошадьми и одноколку, привязали к телеге корову, погрузили необходимые вещи и отправились на восток. На следующий день мы уже были в Умани, затем через Днепр добрались до Кременчуга. Переправились через Днепр, немного не доехали до Полтавы и повернули в сторону Харькова.

Ехали не спеша, поскольку нашу скорость движения определяла корова. Днем останавливались, чтобы подоить и покормить корову, попасть лошадей. Ночевали то в лесу, то в домах у крестьян, которые относились

к эвакуированным сочувственно, да и местные колхозы иногда поддерживали хлебом и другими продуктами. За полтора месяца такого путешествия добрались до Харьковской области. Были уверены, что немец сюда не дойдет. Папа поехал в Харьков, получил назначение агрономом в МТС в с. Артемовку Печенежского района, в 60–70 километрах к востоку от Харькова. Нам выделили комнату в одном из частных домов, корову разместили в хозяйском хлеву. Сестра Людмила устроилась в школу заведовать библиотекой, я с удовольствием ей помогал, читал книги. Однако занятия в школе так и не начались — немец приближался.

Осенью в убогом домашнем хозяйстве произошла утрата, пала кормилица — корова. Через какое-то время папа взял из проходившего на восток стада больную корову. Мы кормили ее всю зиму, но молока так и не дождались. Наступили голодные дни. Немцы немного не дошли до нас, остановились в районном центре Печенеги, на берегу Северского Донца. Какое-то время царило безвластие. МТС и с нею папа были эвакуированы с тракторами на восток, но оставались в пределах Харьковской области. По дороге из Харькова на восток на пару дней зашел старший брат Володя с другом.

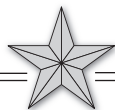
Мы с мамой и Людмилой ходили на неубранные поля за подсолнухами, нанимали лошадь, чтобы привести их и кормить корову. Начались морозы. Вечером собиралась молодежь, разговаривали, пели песни, слушали игру на скрипке соседа, эвакуированного из Одессы. Постепенно возвращались военные, быт налаживался. В нашем и соседнем доме останавливались военные, потом отправлялись на фронт. В начале декабря из фронтовой газеты мы с радостью узнали о разгроме немцев под Москвой. Это принесло нам уверенность в грядущей победе; о возможном поражении никто не думал.

Во фронтовой газете прославляли истребительный батальон капитана Пунтуса, который не раз ходил по немецким тылам. Но Пунтус погиб — и я с соседскими мальчишками был на его похоронах.

Постоянно общался с военными. В нашем доме обычно останавливались командиры. Они делились с нами чем могли. Однажды дали пострелять из СВТ по немецкому самолету-разведчику (Фоке-Вульф Кондор). Конечно, никакого вреда самолету в небе эти выстрелы причинить не могли, но я получил удовольствие (мне было тогда 13 лет).

Папа вернулся, взял тракторы в МТС, стал готовиться к посевной. Но время было тревожное. Иногда бомбили расположенную неподалеку нефтебазу МТС. Это было ночью, мы забирались на всякий случай под железные кровати в комнате.

Была информация о нашем наступлении на Харьков, но потом оно провалилось, войска попали в окружение. 11 июня началось немецкое выступление на нашем участке фронта. Утром я вышел во двор, в небе кружили немецкие самолеты, один за другим. Вдруг вижу: у передне-

го самолета хвост не виден, крылья быстро растут — появляется бомба и летит прямо на нас. Летчик целился на наш дом, он был под черепицей и выделялся среди соседних домов, крытых соломой. С криками «Бомба!» я вбежал в дом, мы по привычке полезли под железные кровати. К счастью для нас, летчик промахнулся, бомба попала в колодец в пяти шагах от дома, посыпались стекла. Вслед за первым самолетом сбросили бомбы другие.

Из дома мы побежали в блиндаж, вырытый военными рядом, на огороде. По дороге у меня чем-то прорвало сапог, чувствую, хлюпает кровь, но ходить можно. В битком набитом блиндаже собрались все соседи. Самое противное — воюющие бомбы: нарастает пронзительный вой, потом взрыв. Мама рядом, закрывает меня телом, когда падает бомба.

В 12 часов у немцев начался обеденный перерыв, бомбежка затихла. Выбрались из блиндажа, перешли на окраину села, но вскоре после бомбежки начался минометный обстрел с запада, и мы, один за другим, побежали на восточный конец села. После обеда сюда подошли катюши, дали залп по наступающим немецким частям, бомбежка стихла. Папа пошел в МТС, взял грузовую машину, груженную бочками с горючим, побросал в машину первые попавшиеся вещи и приехал к нам. Я сидел на бочках, но на повороте машина попала в кювет, бочки покатались друг на друга, но я чудом остался невредим. Переночевали ночью в какой-то избе. Утром спрятались в глубоком погребе. Но бомбежка и обстрел продолжались. Мы вышли из погреба, пошли на восток. Но видим — оттуда идут немецкие танки, навстречу им направляется взвод с ПТР (противотанковыми ружьями). Тогда мы повернули на север, дошли до соседнего села. Ночью набрели на трактор МТС с подводой, на которой уместилось 16 человек. Едем на северо-восток, периодически встречаются небольшие группы солдат. Спрашиваем их, где немцы, но ответа не получаем — они сами не знают. Внимательно смотрим в небо. Когда показывается самолет — крик: «Воздух», все бросаются с подводы в поле, ложатся на землю. Затем снова на подводу. Подобрали немецкие листовки — в них написано, что войска окружены, предлагают сдаваться. Но мы упрямо движемся дальше. Проехали станцию с названием Ганебно (в переводе на русский — «позорно»), там разбитый элеватор, люди разбирают зерно — кто сколько может. Сразу после нашего приезда на станцию трактор вышел из строя, мы разбрелись кто куда мог и пешком побрели на восток.

Так началась наша вторая эвакуация — без вещей, без коровы, без транспорта — но со справкой, по которой иногда на станциях давали хлеб, а то и другие продукты. Шли пешком, иногда нас подбирали попутные машины, подводы, однажды ехали на волах. Питались чем попало. Иногда кормили местные жители. Стирали белье в реч-

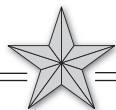
ках, сушили на прибрежных лугах. Иногда останавливались на денек, папа подрабатывал в огородах, в хозяйстве, мама делала другую работу за продукты. Жадно читали попадавшиеся газеты. Помню статьи Шолохова, Эренбурга. Остановились на пару дней в Кантемировке, в 70 километрах от Дона. Утром вновь забрались на попутный военный грузовик. Налетели немецкие самолеты, разбомбили дорогу на Богучар. Едем — а перед нами горящие машины, убитые солдаты. Зорко всматриваемся в небо. Если летит на нас самолет, стучим по кабине, машина останавливается, мы бежим в поле. Самолет пролетел — опять в машину. Мы благодарны тому шоферу, который вез нас, — он мог спокойно и быстро уехать один.

Всю ночь ехали вдоль Дона — все мосты и переправы были разбиты немцами. Доехали до Вешенской, там мост был цел. Едва переправились — и его разбомбили. Едем по станице, нам показывают — это дом Шолохова.

Поехали дальше на восток. Вскоре распрощались с доброжелательным шофером. Опять шли пешком и ехали на попутных. Добрались до станции Балашов. Мимо идут поезда с вагонами и платформами с оборудованием на восток. Взобрались на одну платформу, разместились среди тяжелых станков. На станциях бегали за кипятком. Так добрались до Сызрани, переехали Волгу и с удивлением видим освещенные ночью города. Доехали до Чкалова (теперь Оренбург), папа пошел в сельхозотдел и получил направление главным агрономом МТС на ст. Гамалеевка Сорочинского района, примерно на полпути между Чкаловом и Куйбышевом.

Приехали в Гамалеевку. Нам дали просторную комнату в доме МТС. Расположились, а ни ложек, ни посуды, ни одеял — ничего для домашнего хозяйства. Папа привез кровати, матрацы, простыни, одеяла. Впервые за долгое время начали есть вареную пищу. Папа ездил по колхозам, руководил сельхозработами. Мы с мамой и Людмилой работали на огородах, в колхозном поле. Когда папа привез кочан кукурузы, мы посадили ее в своем огороде, собрали небольшой урожай, а на следующий год засеяли 40 соток колхозного поля. Об этом даже была опубликована мамина заметка в областной газете. Людмила стала работать учетчицей тракторной бригады. Я ей помогал, а после 7-го класса летом сам был учетчиком тракторной бригады. Заправлял трактора и комбайны горючим, замерял выполненную работу, заполнял и сдавал в МТС документацию. Заработал за лето центнер хлеба — а это по военным временам была немалая ценность. Учителей не хватало, и маму уговорили преподавать в местной школе математику.

Каждое утро я приходил на местную почту, слушал по телефону сводку с фронтов (радио тогда было редкостью), записывал для себя и переписывал несколько экземпляров для почтальонов. В районной

газете даже была опубликована заметка под названием «Комсомолец-патриот». Отмечал линию фронта на карте. Читал лекции, делал доклады о положении на фронтах. Одним словом, в свои 14–15 лет жил полноценной жизнью страны. Делал все, что мог, для победы.

Часть моего поколения уехала на фронт. Немало сверстников погибло на фронте, во время блокады, в период оккупации были расстреляны фашистами, угнаны в Германию и погибли там. Так что наше поколение в полной мере познало тяготы войны.

Оно было, по образному выражению, «опалено войной». Но поколение и закалено в пламени Великой Отечественной войны. Мы рано повзрослели, трудились, вносили посильный вклад в борьбу и победу — кто в тылу, а кто на фронте. Большинство моего поколения еще училось, старалось овладеть знаниями для будущей работы, несмотря на то что почти не было учебников, тетрадей и чернил.

В послевоенный период, после небольшого перерыва, угроза войны все время маячила перед глазами. Мы знали, что атомное оружие нацелено на Советский Союз. Шли локальные войны с участием СССР — корейская, вьетнамская, а затем и ошибочная афганская, где мы понесли тяжелые потери не только в людях, но и в престиже в мировом сообществе (с таким трудом завоеванном). Афганская война стала одним из факторов развала СССР. Недавно ехавший в поезде с нами квалифицированный рабочий из Западной Украины, когда я спросил, как он оценивает распад СССР, сказал: «Для нас хорошо, потому что нам не надо посылать своих сыновей на войну, как в Афганистан, а война в Чечне уже проходила без нас».

Разрядка второй половины 80-х — начала 90-х годов значительно ослабила военную напряженность, сопровождалась обвальная демилитаризацией, многократным сокращением доли ВВП, направляемой на разработку вооружений и содержание армии. Холодная война между двумя до зубов вооруженными группировками стран ушла в прошлое.

Распространено мнение, что СССР проиграл холодную войну. Но это не так. Пока она шла, военно-техническая мощь СССР и его союзников была примерно равна мощи НАТО, перед общей угрозой подерживалось единство СССР и СЭВ. Ничто так не укрепляет единство, как наличие общего смертельного врага. Когда этот враг превратился в коварного друга, возродились и вышли на передний план центробежные тенденции в мировой системе социализма и СССР, что в конечном счете привело к их распаду. Это сопровождалось, по подсказке американских советников, разрушением военно-технического потенциала, коммерциализацией армии, что проявилось в позорной чеченской войне. Лишь в последние годы много сделано для восстановления потенциала и боеспособности армии.

После недолгого сокращения вооружений они вновь наращиваются. Началась новая гонка вооружений, в которую втянута и Россия. Развертывается очередная военно-техническая революция. Хотя открытое военное столкновение между цивилизациями пока не угрожает, однако идет «точечная» война в виде множества актов международного терроризма. Агрессия Грузии в Южной Осетии в августе 2008 года показала, что не исключена вероятность новых военных авантур, хотя они и не перерастают в крупномасштабные столкновения. Поэтому надеяться на то, что война окончательно сошла с повестки дня следующих поколений, не приходится: к сожалению, по-прежнему остается в силе древняя латинская пословица: *Si vis pacem, para bellum* — «хочешь мира — готовься к войне». Однако важно, чтобы эта готовность не перешагнула границы, за которыми поднимается новая волна милитаризации и вновь вернется угроза столкновения цивилизаций, их взаимного уничтожения. Волна глобального финансово-экономического кризиса отодвинула эти противоречия на второй план, вынудила искать новые подходы на основе партнерства цивилизаций — теперь уже «Группы 20».

Я так подробно рассказываю об этом периоде моей жизни, потому что подобной была жизнь сотен тысяч сверстников моего поколения.

Я делю представителей своего поколения по их судьбе в годы Великой Отечественной войны на три группы:

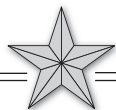
фронтовики, принимавшие участие в боях с фашистами; многие из них погибли на фронте; среди фронтовиков — мой брат Володя, мои друзья Петя Мартынов, Володя Виноградов, Абрам Ланин, Саша Вержцов;

блокадники, которые провели все 900 дней или большую их часть в осажденном Ленинграде; их участь была не легче, а иногда и тяжелее, чем у фронтовиков. Мой двоюродный брат Жора Оранский умер от голода, его сестра Люда Оранская (по мужу Карасева) сумела выжить; мои друзья Саша Рубцов, Муся Маркова, Света и Зоя Корнильевы остались в живых;

работники тыла — продолжая учебу в тылу, они пережили все трудности военного времени и делали все, что могли, для фронта. Такова была моя судьба и судьба моей сестры Людмилы, моей первой жены Иры Прошутинской и второй жены Нины Глушенковой, Гены Корнилова, Лины Ворожцовой и многих других; некоторые пережили оккупацию — это двоюродный брат Нины Игорь, Люда Мартынова, Витя Полищук и другие.

Мне хотелось бы дать краткий портрет представителя первой из этих групп, чтобы донести более полно разноплановую судьбу своего поколения в годы войны.

Это мой брат Володя Яковец, погибший на фронте.

Володя родился в 1920 году в Одессе, где познакомились и создали семью наши родители — Владимир Игнатьевич Яковец и Ольга Александровна Ломаш. Однако в Одессе он прожил недолго. Вместе с родителями поехал на Украину, в Винницкую область, где переезжал из одной МТС в другую вместе с семьей.

Я помню его, когда он учился в старших классах средней школы. Он был красивым, крепким парнем. Имел много друзей. Окончив школу, поступил в Харьковский университет, на геологический факультет (со второй попытки — первая оказалась неудачной). На каникулы приезжал в Гайсин, где мы тогда жили, много рассказывал об учебе, о практике перед войной в Нижнем Тагиле. В последний раз мы видели его в с. Артемовка Харьковской области осенью 1941 года, когда он с другом из Харькова направлялся в Кзыл-Орду, куда эвакуировали Харьковский университет. Пожили пару дней, напилили и нарубили нам дров, пошли на восток.

Вскоре он добровольцем пошел в армию, готовился в пулбате к направлению на фронт, но его как студента направили в Военный институт иностранных языков, в Ставрополь на Волге. Восстановили переписку. Уезжая после окончания института на фронт, прислал мне в подарок свои учебники немецкого языка. Часто писал мне с фронта; эти письма я потом собрал и напечатал; они приводятся в приложении «Письма с фронта». Его пребывание на фронте и гибель описал начальник 251-й стрелковой дивизии майор Тимофей Демьянович Михеенков в мемуарах «Боевой путь 251-й стрелковой Витебской краснознаменной ордена Суворова дивизии»:

«Нельзя не вспомнить один из трагических случаев между Оршей и станцией Красное, когда 5 ноября 1943 года сообщили, что при выполнении боевого задания героически погиб наш любимый и уважаемый комсомолец Володя Яковец, 1920 года рождения. При неоднократных встречах с ним в штабе дивизии он создавал хорошее впечатление своей вежливостью, энергичностью, героическим настроем в борьбе с фашистскими захватчиками, жизнерадостностью, с молодым порывом стремившийся всегда помочь нашей разведке в захвате пленных».

Фронтовики знают, сколь важен в период обороны каждый «язык» противника. Вот почему в рейдах поисковых групп часто принимали участие переводчики. Обязанностей у них было немало: подслушивание телефонных разговоров — переговоров между вражескими подразделениями, оперативный допрос «языка» для немедленной передачи по радио добытых сведений, изучение трофейных документов, расшифровка листовок на немецком языке, перевод при допросе пленного нашему командованию. Вот что писал в 1965 году командир 251-й стрелковой дивизии генерал-майор А.А. Вольхин матери Володи, Оль-

ге Александровне Яковец: «Володя Яковец был мой почти непосредственный подчиненный, я его хорошо знал, часто встречался, слушал доклады-информации, присутствовал на его допросах немецких пленных. Это был очень хороший, скромный, общительный, трудолюбивый, знающий и любящий свое дело офицер. Его очень любили в штабе дивизии и полков. Еще помнится особенность в его характере — это его жизнерадостность, боевитость и смелость».

В 1970 году на письмо матери Володи Яковца ответил начальник штаба 251-й стрелковой дивизии гвардии полковник Владимир Наумович Ратнер: «Я Володю хорошо помню и буду помнить всю жизнь. Когда я представляю, каким должен быть современный советский человек, мне вспоминается Ваш сын. Он был не только внешне красив, высок, строен — он был человек высокой культуры, честности, справедливости и за это являлся любимцем всех работников штаба дивизии, он был смел, готов выполнить любое задание, это был замечательный человек, и погиб он, как герой, за честь, славу и независимость нашей Родины.

Володю Яковца мы похоронили 7 ноября 1943 года со всеми воинскими почестями, с ружейным салютом, в районе разъезда Шуховцы, между Оршей и станцией Красное, куда мамаша его, Ольга Александровна, не считаясь с плохим здоровьем и престарелым возрастом, ездила со своим младшим сыном Юрием Владимировичем Яковцом на могилу погибшего сына и организовала при содействии местного населения и помощи местной власти культурное кладбище воинов, захороненных вместе с ее сыном Володей, с устройством ограды, сооружением памятника — монумента погибшим воинам.

Имя Володи Яковца занесено в Книгу боевой славы Беларуси. Ученики Застенковской школы к 30-й годовщине освобождения Беларуси от фашистов посадили деревья около своей школы, которая шефствует над братской могилой, и назвали ее аллеей Володи Яковца. Пятый класс этой школы именуется отрядом имени Володи Яковца.

На стендах трех школ его фотографии: в Смоленской, Витебской областях и в Тульчине. Геройски погибший офицер — переводчик Владимир Владимирович Яковец — посмертно награжден орденом Отечественной войны. До сих пор мать тяжело переживает потерю любимого сына, как и другие матери — своих сыновей, погибших при защите нашей Родины от фашистских захватчиков. Ольга Александровна Яковец продолжает по месту жительства активную агитацию среди населения с призывом бороться за мир, за что ее наградили и прислали из Москвы «Почетную медаль Советского фонда мира».

ФАНТОМНЫЕ БОЛИ МОЕГО ВОЕННОГО ДЕТСТВА

*Тощенко Жан Терентьевич, 76 лет,
член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор,
главный редактор журнала «Социологические исследования»,
декан социологического факультета
Российского государственного гуманитарного университета,
г. Москва*

Что считается фантомной болью? Этот тот случай в жизни людей, когда давно прошедшие события или факты отдают болью, нередко трудно переносимой. Так, солдат, потерявший на войне руку или ногу, потом долгие годы страдает от болей в том участке своего тела, которого уже давно нет.

Нечто подобное случается и с событиями в жизни человека. Событие давно свершилось, уже ничего не исправишь и на него не повлияешь, но их последствия до сих пор вызывают страдания и иногда мучительные переживания, сопровождающие всю жизнь человека, пережившего эти катаклизмы.

Первой моей фантомной болью стала незаживающая до сих пор рана — расправа и мучительная смерть моего отца, сельского учителя, на глазах нашей семьи. Дело в том, что отец, из-за того, что имел большую потерю зрения, не был призван в армию, но был привлечен к становлению партизанского отряда в нашем районе — Климовском, который находился на юге Брянщины и был своеобразной смычкой между брянскими лесами и белорусским Полесьем. В сентябре 1941 года, когда Брянщина была уже оккупирована гитлеровцами, на нашей сельской местности пока никак не сказывалось — немцев как таковых в районе не было. Вот почему в один из таких дней отец, после нескольких дней отсутствия решил побывать дома и даже в то злопамятное сентябрьское утро вместе с женой и тремя детьми начать уборку картофеля на участке при школе, где жила наша семья.

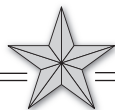
Но отсутствие немцев компенсировалось активизацией тех, кто считал себя пострадавшим от советской власти, мнил себя обиженным и пострадавшим от нее. Эти персонажи объявили себя полицией (вот почему на меня оскорбительное впечатление произвело нынешнее переименование милиции в полицию). И от имени новой власти они начали действовать. И действовать решительно и бесповоротно. Только за неделю ими были расстреляны и замучены почти 20 человек. Под это судилище попал и мой отец. Как помню, в это солнечное сентябрьское утро мы вышли на огород. Началась уборка. Отец и мать работали, моя сестра, будучи подростком в чем-то помогала, а мы с млад-

шим братом больше присутствовали при этом. Вдруг послышался шум подъезжающей конки, с которой стремительно три человека бросились в квартиру при доме, а затем и на огород. С криком: «Вот ты попался, Терентий». На глазах всей семьи они стали избивать отца, а потом допрашивать: «Где логово вашего отряда?» «Куда спрятал архив?» (я до сих пор не знаю, о каком архиве шла речь). На отказ отвечать они выбили ему зубы, сорвали рубаху и начали на груди вырезать штыком звезду. После потери сознания эти изверги обливали его водой, приводили его в сознание и продолжали допрос. Угрожали: «Если не скажешь, убьем жену и детей». Или обращались к матери, говоря: «Заставь его сказать то, что мы требуем».

В моей памяти осталось еще одно — отец в течение этого страшного времени не произнес ни одного слова. А они при этом припоминали ему участие в строительстве колхозов, и то, что он служил советской власти как учитель, участвовал в общественной жизни и то, что «записался» в партизаны. И когда отец уже от пыток не приходил в сознание, его погрузили на телегу и недалеко от деревни обезобразили тело и голову разрывными пулями.

Помня угрозу о расправе над семьей, мы покинули свой дом. Нас, детей, разобрали по крестьянским семьям. А мать жила у разных людей в соседних деревнях. И лишь через полгода, когда партизаны уничтожили этих подонков и, кстати, расправились очень жестоко), мы опять собрались вместе. Но до сих пор все события воспроизводятся в моей памяти не утихающей болью и уже в который раз я заново переживаю эту расправу над моим отцом.

И в настоящее время уже спустя 70 лет после этого страшного события на деревенском кладбище (к сожалению, моя деревня Павловка окончательно исчезла с лица земли после Чернобыльской трагедии) стоит могила с надписью «Тощенко Терентий Сидорович, учитель, партизан (1903–1941)». И пока до сих пор там всегда есть цветы, которые приносят оставшиеся и пока живущие ученики и жители бывшей деревни в память о своем учителе, который вместе с женой-учительницей исповедовал в своей жизни лучшие традиции российской интеллигенции — они не только учили деревенских детей, участвовали в ликвидации неграмотности среди взрослых, но и оказывали медицинскую помощь (эту функцию взяла на себя мать), были советниками по агрономии и зоотехнике, регулярно помогали писать просьбы и прошения, обращенные к власти. До сих пор в памяти зимние вечера в нашей большой комнате (наша семья жила при школе), на которых собиралась председатель колхоза, бригадир и другие авторитетные люди деревни и долго обсуждали текущие дела. Кстати, на этих встречах-посиделках никогда не было никаких спиртных напитков — они сопровождались чаем с пирогом и медом (отец вел пасеку из 8 ульев).

Могу заключить, что так мои родители понимали свою «ведущую» роль в деревенской жизни, хотя они сами были выходцами из крестьянских семей, и то, что они стали учителями, они были благодарны советской власти и народу, который предоставил им возможность получить педагогическое образование. По их представлениям, этот долг перед людьми они должны всю жизнь помнить и всеми имеющимися у них силами и знаниями служить народу. Но со мной до самой смерти будет оставаться в воспоминаниях, нередко возникая не раз в течение всей прожитой жизни этот контраст теплого солнечного сентябрьского утра и то страшное событие, которое вошло в жизнь нашей семьи.

Второй не утихающей болью остается расправа над жителями трех деревень — Важица, Парасочки и название третьей не помню, которую учинили венгерские дивизии (у нас их называли мадьярами) в июле 1943г. За то, что в одной из этих деревень в партизанской засаде погибло несколько человек из мадьярской разведки, каратели решили осуществить расправу и утратить население. Утром они окружили каждую из деревень, выгнали всех за пределы деревень и поставив всех на колени в течение нескольких минут расстреляли всех жителей. Только в Парасочках были убиты 83 человека — от стариков до маленьких детей, даже грудных. Эта расправа стала огромным потрясением для всей нашей деревни — ведь в этих соседних поселениях жило много знакомых и родных людей. Но потрясла расправа над теми, которые никак не были реальными участниками военной схватки. И не удивительно, что для карателей это обернулось непрерывными ожесточенными боями в их тылу и огромными потерями.

Уже после войны я узнал, что за период оккупации в нашем районе было замучено и расстреляно 1083 жителя, в том числе и дети, 770 человек угнано в Германию, были уничтожены и сожжены десятки деревень. Вот почему долгие годы у меня (и не только у меня) слово «немец» было синонимом слову «фашист».

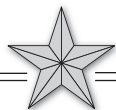
Наша местность долгое время было территорией, которую опекало крупное партизанское объединение Ковпака. В нашем районе действовал один из его отрядов, который возглавлял Николай Попудренко. Здесь у деревни Новосергеевка был даже партизанский аэродром, через который партизаны держали связь с Москвой, получали оружие, боеприпасы, медикаменты и прочее необходимое оборудование. На партизан работало все население сельских деревень — пекли хлеб, снабжали мясом, делали обувь, шили одежду и полушубки, ремонтировали необходимые для партизан вещи. Все это привело к тому, что этот район был практически выведен из подчинения немцев. И поэтому они решили расправиться. Уничтожить эту опорную базу. И для этого послали выполнять эту задачу венгерских карателей. Именно венграм было поручено покончить с партизанским отрядом, окружив

партизанские силы в Софиевском лесу. Кровавая битва продолжалась более недели. Кольцо постепенно сжималось. В отчаянной попытке вырваться из блокады обернулось выходом из этого кольца многих партизан, но в то же время гибелью их командира. И еще долгое время уже после войны, когда мы ходили в лес за лесными дарами, мы находили остатки оружия и боеприпасов. Огорчительно, что такие находки иногда оборачивались гибелью подростков, пытавшихся что-то совершить с найденными снарядами, минами и другими «приветами» военных сражений.

Знаменательно, что и в условиях оккупации наша деревня (как и соседние) продолжали работать по принципу организации колхозных дел — никто землю не делил, продолжали также совместно сеять. Обрабатывать и собирать урожай, который мудро делили между собой, отдавали в помощь партизанам и чем-то отчитывались пред немецкой властью.

Еще одна фантомная боль. Есть такое понятие как «выжженная земля». Когда об этом читаешь в учебнике истории или художественном произведении, то это задевает тебя, заставляет обратить внимание на то, что случилось с людьми, как это происходило и какие имело последствия. Но совсем другое дело, когда ты становишься реальным свидетелем этой выжженной земли. В конце августа 1943 г. началось массовое отступление немцев — это было следствием орловско-курско-белгородской битвы. Отступая, немцы осуществляли принцип выжженной земли — уничтожали все и вся. Ими были образованы команды поджигателей, которые специально создавались для нанесения ущерба оставляемой ими земли. Одновременно жестоко расправляясь с теми, кто мог препятствовать этому или на кого падало малейшее подозрение. Причем, они не щадили людей, пытавшихся спастись из горящих домов. В нашу деревню пришел посланец от партизан, которые настоятельно посоветовали нам в эти дни покинуть деревню и спасаться в лесу. И до сих пор у меня стоит в глазах отблеск того пожара от горящих деревенских изб нашей и соседних деревень, когда глубокой ночью с опушки леса мы наблюдали за этим пылающим огромным заревом-кострищем под слезы и рыдания наших матерей. Лишь на следующее утро мы вернулись на пепелище наших домов в деревню, в которой из 64 дворов случайно осталось всего несколько. И до сих пор меня терзают те стенания, рыдания и безысходность, которые охватили женщин при виде сожженных семейных гнезд.

Огромной фантомной болью стало известие после освобождения Брянщины в сентябре 1943 г. о гибели многих односельчан — бойцов и партизан. Всего в нашей деревне из 127 мужчин, старшего возраста и молодых, в деревню возвратилось 21, если считать и увечных и покалеченных. И до сих пор я с содроганием вспоминаю рев женщин

с очередным известием о гибели мужа, сына, кого-то из близких и родных. Не было ни одной семьи без потерь. Но это имело и другие последствия. Мы, подростки, становились одной из необходимых сил возрождающейся деревенской жизни. Я помню пахоту, когда плуг тащила не лошадь и не вол, а несколько женщин и на которых было жалко смотреть после такой работы. И нам, подросткам, тоже доставалось. Уже в 8 лет я брал косу и выполнял необходимую работу, хотя нам давали за трудодень не мужскую, а половинную норму. Мы не могли самостоятельно поднять мешок зерна или картофеля: вцепившись втроем, а то вчетвером, поднимали его на телегу, чтобы увезти в амбар на хранение или отвезти в районный центр на «заготовки». И помню хронический недосып, ибо надо было вставать в 6 часов утра и идти на «колхозную работу».

Память хранит и несколько эпизодов, которые живы и до сих пор тревожат, заставляют переживать за судьбу тех, кто так или иначе пересекся с моей жизнью. Как блики на воде они будят некоторые события, которые врезались в память тревогой и переживаниями. Так, в 1942 году у деревни прямо на поле сел самолет с яркой красной звездой на корпусе. Перед этим он как-то странно шел с севера на юг и, немного покружив, сел у нашей деревни. Мы, мальчишки, побежали к нему и увидели летчика, который вылез из кабины. И его первым вопросом, обращенным к нам, были слова: «Где у вас партизаны?». Мы знали направления наших лесных деревень и именно к ним, не замедляясь ни на минуту, побежал летчик, почему-то захватив с собой парашют. А через полчаса сюда приехали немцы из райцентра и бросились в погоню, я так и не знаю, удалось ли летчику спастись. Желание помочь разбивалось о то бессилие, которое нельзя было никаким образом преодолеть.

Еще один эпизод, врезавшийся в память. Это какая-то беспорядочная бомбежка нашей деревни. Самолет без опознавательных знаков начал бомбить и обстреливать деревню, хотя поводов для этого не было никаких — в деревне не было никаких партизанских сил и вообще ничего такого, что относилось бы к какому-то военному присутствию. Тем не менее, было сброшено несколько бомб, открыта беспорядочная стрельба из пулемета, что особого вреда не причинило, но страшно перепугало деревенское население, которое по большому счету ничего не предприняло, оставаясь парализованным увиденным и услышанным и лишь потом попытавшихся скрыться в земляных окопах-щеях, которые были выкопаны практически у каждого дома. Одна из бомб взорвалась недалеко от того места, где я лежал на земле, согласно рекомендациям взрослых как вести себя с такой ситуацией и наглядно видел, как разлетающиеся осколки резали ветви деревьев, впивались в бревна деревенских изб. Помню понимание беспомощности и беззащитности, полной невозможности хотя как-то противостоять этой акции, пони-

мание возможной гибели и одновременной веры в то, что это не может со мной случиться.

Конечно, это воспоминания детства. Многие факты, касающегося нашего района, стали известны после окончания войны. Так, в партизанских отрядах только нашего Климовского района воевали более 500 человек, не считая тех, кто по тем или иным причинам воевал в черниговском соединении Ковпака или в белорусских партизанских отрядах. А всего в границах нынешней Брянской области (до 1944 г. она была частью Орловской области) в 127 отрядах воевало около 60 тысяч человек, которые уничтожили свыше 100 тысяч солдат и офицеров противника, подорвали около 1000 эшелонов, сотни мостов, сотни километров железнодорожного полотна. За мужество, героизм и отвагу 11 партизан были удостоены звания Героя Советского Союза, около 16 000 награждены орденами и медалями.

Но возродить многие деревни партизанской славы не удалось. После гибели их жителей, сожжения деревень во время отступления немцев в 1943 г. многие из них заросли лесом. Другие еще существовали до страшного удара Чернобыля, который ускорил и завершил жизненную историю многих поселений. Но все же 9 мая, 22 июня и 7 июля приходят и приезжают жители со всех окрестностей в деревню Новосергеевка к мемориалу Партизанской славы, чтобы почтить память погибших в этих местах.

И я очень надеюсь, что эта память будет жить в веках.

ТУДА НАС ПАМЯТЬ ПОЗВАЛА

*Евсеев Федор Петрович, 79 лет,
профессор Брянского государственного университета,
кандидат экономических наук,
г. Брянск*

В почтовом ящике вновь появилось президентское поздравление с очередной годовщиной Победы. И напомнило нам о том, что прошло уже 70 лет с той далекой поры, когда война прервала мирную жизнь нашей страны. 70 лет, а кажется, все случилось только вчера.

К теме Великой Отечественной войны по-прежнему обращаются люди разных политических взглядов и идеологических убеждений. И чем дальше уходит время этого исторического события, тем больше, с одной стороны, обнаруживается новых сведений о нем, а с другой — теряются казалось бы незначительные факты, из которых складывает-

ся общая картина событий тех лет, итогом которых и стала победа над врагом. Ее обеспечивали не только люди с оружием в руках, но и те, кто трудился на земле, кормил себя, город, армию.

Наша деревня Соловьевка Климовского района Брянской области, как и тысячи таких же деревень в глубокой провинции, давала фронту солдат, а во время оккупации сохраняла себя, помогала партизанам. Здесь, в районе, где сходились границы России, Украины и Белоруссии, не было сражений, а шла своя сельская обычная жизнь. Через нашу и соседние деревни фронт проходил сначала на восток, а затем на запад, не задерживаясь.

Как воспринимались события предвоенных и военных лет детьми и подростками в деревне, в крестьянских семьях, вдали от города, где связь с райцентром обеспечивал единственный телефонный аппарат в помещении сельсовета, где большим событием считался приезд лектора, агитатора. В местном колхозе трудились люди, верившие властям и далекие от политики. Дети занимались своими деревенскими делами: играли, помогали родителям в домашнем хозяйстве, иногда и на колхозных полях, а те, кому исполнилось восемь лет, собирались идти в первый класс.

Во второй половине тридцатых годов состоялись первые выборы в Верховный Совет СССР. К нам в деревню приехал на открытой легкой машине агитатор, призывавший голосовать за кандидата по фамилии Либединский. Для детей это было важное событие — мы впервые увидели такую машину с шофером в кожаной куртке и кепке, гордо восседавшим за рулем. Мы наперебой просили его (конечно, за натуральную плату — семечки, яблоки) посигналить.

Мои родители добросовестно трудились в колхозе, за что в качестве премии отец получил велосипед, а дедушка — трехструнку-балалайку, хотя играть на ней не умел. А вот велосипед был новинкой — единственным на нашей улице, что вызывало законную гордость у меня и зависть у моих друзей. Каждому хотелось прокатиться или хотя бы подержаться за руль.

Наша детская жизнь казалась безмятежной, мы с воодушевлением пели: «За наше счастливое детство спасибо родная страна!» Но кое-что из взрослой жизни доходило и до нас, не только приятное, но и огорчительное.

Внешне, к концу тридцатых, деревенская жизнь выглядела благополучной. Бывшие единоличники привыкли к коллективному труду. В семьях был приемлемый достаток. Открылся сельский клуб. Школа из начальной превратилась в семилетку. Но в жизни моих односельчан замечалась тень тревоги, вызванная усиливающейся подозрительностью, искусственным поиском «врагов народа».

Помню, мы, дети, не раз видели, как по дороге из райцентра под вечер ехала крытая машина, которую взрослые почему-то называли «черным

вороном». А дома негромко говорили, что завтра кого-то из мужчин в селе не досчитаются. А стать «пассажиром» такого транспорта было достаточно просто. Как потом, много лет спустя рассказывал отец, стоило написать заявление, что такой-то гражданин, во-первых, критически высказывается о советской власти, а во-вторых, имеет «кулацкое хозяйство». Такое заявление за подписью трех человек надо отослать в соответствующий орган, а там три его сотрудника решат заочно судьбу подозреваемого. У нас в деревне таких оказалось несколько человек. Например, мужик — отец четверых детей, живущий в ветхом доме, окна которого были на уровне земли, но имевший несколько пчелиных ульев (пасечник).

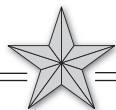
И вот наступило лето сорок первого года. Казалось, ничего не предвещало беды. Местные власти и коммунисты убеждали селян, что у нас с Германией почти дружеские отношения, а товарищ Сталин является гарантом мира и благополучия. И вдруг все изменилось. Из райцентра сообщили, что началась война. Молодых мужчин срочно призывали в армию, а тех, кто постарше — на рытье противотанковых рвов перед наступающим врагом, хотя эти рвы, конечно же, не могли задержать наступление немцев. Так начался военный период в жизни страны и нашей деревни.

Больно было видеть наших солдат, которые группами и поодиночке, с оружием и без него буквально бежали от наступающего врага. Помню к нам в дом зашли трое представительных мужчин в штатском. Бабушка их покормила и спросила, что же это происходит, зачем же нас оставляют неприятелю. Гости заявили, что отступление временное, скоро врага прогонят с нашей земли.

На следующий день мы, дети, поняли, что скоро появятся немцы. Было интересно их увидеть. И вот по дороге в село мы увидели около десятка велосипедистов в немецкой форме, с закатанными рукавами, с автоматами на груди, спокойно нажимающих на педали. Остановились и стали что-то спрашивать, мы не понимали. Тогда они подозвали старика. И обратились к нему. Оказалось, они спрашивали дорогу на Москву. Старик кивнул на восток. И «велосипедисты» спокойно, как на прогулку отправились дальше.

К вечеру в село на автомашинах вошла немецкая воинская часть. Группа офицеров заняла наш двухкомнатный дом. Включили радио, получили передачи из Берлина, веселились. Рядовые солдаты свободно распоряжались всем, что было в нашем домашнем хозяйстве. В целом «гости» вели себя мирно, но подчеркивали, что пришли научить нас жить цивилизованно. Назавтра они продолжили путь на восток, не встречая никакого сопротивления.

Так на два долгих года установился в наших местах оккупационный режим с худшими его атрибутами. Был назначен староста села, установлен объем и порядок уплаты продовольственного налога, определены

ограничения военного времени. Колхозное имущество и скот разделили между хозяйствами с учетом количества членов семьи. По этому же принципу распределены были пашня и сенокосные угодья. По сути дела была восстановлена единоличная система хозяйствования. В этих условиях каждая семья стремилась обработать земельные участки всеми своими силами при отсутствии сельхозтехники и ограниченном количестве лошадей. Заметно возродился прежний крестьянский дух земледельца.

Оккупационный режим все время напоминал о себе. Во-первых, была попытка угнать в Германию на работу нескольких юношей и девушек нашей деревни. К счастью, в Гомеле во время бомбежки железнодорожной станции советскими летчиками пленники сумели убежать, затем долго прятались по домам. Во-вторых, в наших лесах находились небольшие группы местных партизан, которые изредка обстреливали немецкие обозы. И если был убит при этом немецкий солдат, каратели наказывали деревню, ближе к которой совершилось нападение партизан. Так, за убитого немца был сожжен целый поселок вместе со многими его жителями. В другой деревне люди были сожжены в здании мельницы. В карательных отрядах свирепствовали главным образом финны и мадьяры.

В нашем селе была попытка создать полицейский участок, но этому помешали партизаны, был убит присланный из соседней деревни начальник полиции. Большинство жителей села с необходимым домашним скарбом и скотом ушло в лес в ожидании карательной акции, но все обошлось, поскольку был убит не немец. Через день-два люди понемногу стали возвращаться в свои дома. Так случалось несколько раз после какого-либо инцидента с оккупационными властями, например, после убийства присланного со стороны старосты. Поэтому люди в нашей деревне жили в постоянном напряжении, связанном с угрозой репрессий. Это усугублялось также отсутствием информации о положении дел на фронте. Кстати, никто из наших селян добровольно не пошел служить немецким властям, о чем могу сказать с гордостью.

Когда весной 1943 года в нашем селе остановилось на кратковременный отдых большое партизанское соединение, идущее из брянских лесов в сторону Украины, нам сообщили о поражении немецких войск под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге. И уже через несколько недель, примерно в августе месяце, стало ясно, что немецкие войска не просто отступают, они бегут от возмездия, сжигая, уничтожая все, что возможно, на пути. Наше село опустело на несколько дней, жители с тревожным ожиданием расположились в лесных землянках, в шалашах. К счастью, на этот раз немцы убегали небольшими группами, по пятам которых шли наши войска, поэтому не могли уничтожать деревенские постройки.

Наконец с радостью мы увидели наших солдат, преследующих противника. Стрельба постепенно откатилась на запад. В село возвратились жители. Так в сентябре закончился оккупационный режим, люди вздох-

нули свободно. Теперь появились новые заботы и проблемы. Восстанавливались коллективные хозяйства. В армию были призваны десятки мужчин старшего возраста. Мой отец Петр Владимирович и два его старших брата Николай и Андрей ушли на фронт, от них мы стали получать письма. Отец был ранен на берегу Днепра и через несколько месяцев после госпиталя вернулся домой с искалеченной рукой. Дядя Николай вернулся после окончания войны, дядя Андрей погиб, о чем пришла похоронка.

Сразу после освобождения все сельскохозяйственные работы пришлось выполнять старикам, женщинам и детям. В телеги и плуги запрягали волов, коров, ибо лошадей стало еще меньше — часть их взяли на нужды фронта. На приусадебных участках пахали на себе — по 6–8 человек в упряжке.

На территории деревни оставалось много боеприпасов, от взрывов которых гибли люди, главным образом дети. Один из майских дней сорок четвертого года выдался для деревни очень тяжелым. Четверо ребят в лесу нашли снаряд и положили в костер, посмотреть, как взорвется. Не дождавшись взрыва, решили посмотреть, подошли к костру. И тут раздался взрыв. Один мальчик погиб, а трое — ранены, остались инвалидами на всю жизнь. В тот же день в деревне в своем сарае парень хотел разрядить мину. В результате — мало чего осталось от него и сарая. Ранены были и дети, которым хотелось увидеть, что делает «сапер».

Был одновременно смешной и трагичный случай. Мы, дети, заметили, что дед Сергей, наш сосед, носит с огорода в мешке какие-то железные предметы. Мы сказали об этом солдатам, которые отдыхали у нас после госпиталя. Они попросили деда показать, что он прячет в саманном амбаре¹. Оказалось, что это противотанковые мины. Из них дед собирался изготовить сковородки. Объяснил, что в хозяйстве все пригодится, что ж добру даром пропадать. После переговоров его убедили, что от такого добра и хозяйства могло не остаться. Очень осторожно вывезли мины подальше от деревни и взорвали.

Трудились колхозники под лозунгом: «Все для фронта, все для победы». Это означало, что все произведенные в общественном хозяйстве продукты, за вычетом семенного и фуражного фонда, сдавались государству. Крестьяне жили за счет того, что выращивали на приусадебных участках. Разreshалось весной на колхозных картофельных полях выкапывать перемерзшие, оставшиеся после осенней уборки клубни. Из них можно было печь оладьи, которые называли «тошнотиками». В первые послевоенные годы, например, можно было за один трудовой день заработать 200 г зерна. Каждый трудоспособный должен был обязательно выработать как минимум триста трудовых дней.

¹ Саманный, то есть сделанный из особого кирпича, который получали из смеси глины и соломы. Такой кирпич отличался тем, что хорошо «держал» тепло в помещении.

После освобождения еще на два длинных года потянулись дни ожидания конца войны, тревога за тех, кто был на фронте, откуда приходили солдатские письма-треугольники, похоронки на погибших. Постепенно восстанавливалось хозяйство, заработала школа. И наконец, где-то числа 9-го или 10-го мая 1945 года в середине учебного дня раздался длинный звонок, приглашающий всех учеников и учителей на срочную линейку во дворе школы. И в этот солнечный день перед нами появился директор школы, Иван Иванович, недавний солдат, инвалид, и со слезами на глазах сообщил об окончании войны под громкие крики радости. Нам было велено сообщить об этом всем жителям села, что мы и сделали с большим желанием. Люди принимали эту новость кто с радостью, кто с плачем, ибо война с той или другой стороны коснулась каждой семьи.

С этого времени начался период мирной жизни, время заживления физических и душевных ран. Мои земляки были законопослушными гражданами страны, верили своей власти, принимали как должное все, что принесла им война, терпеливо и сознательно переживали доставшиеся им тяготы, радовались успехам, в силу своих возможностей трудились по восстановлению разрушенного войной. И тем самым они внесли свой скромный вклад в дело победы над врагом. В этом была сила духа российского народа, всех — от военачальника и руководителя страны до простого труженика на родной земле.

Я РОДОМ ИЗ ВОЕННЫХ ЛЕТ

*Шипунов Аркадий Георгиевич, 84 года,
академик РАН, научный руководитель ГУП
«Конструкторское бюро приборостроения»,
доктор технических наук, профессор,
Член Международной и Российской
инженерных академий, Российской академии
ракетных и артиллерийских наук,
Герой Социалистического Труда,
Лауреат Ленинской и Государственных премий,
Почетный гражданин городов Тулы, Ливны, Тульской области,
г. Тула*

Я родился 7 ноября 1927 года на Орловщине, в городе Ливны. Мой отец, Георгий Петрович, был инженером-землеустроителем, а мать, Ольга Николаевна — медицинским работником. Они оба были родом

из крестьянских семей из села Долгое, что находится в полусотне километров к юго-востоку от Орла.

Мать попала в Ливны после того как поработала фельдшером в родном селе, затем окончила медицинский институт в Москве. Работа в Ливнах ей нравилась. У нее быстро сложились хорошие отношения с местными жителями, по ее инициативе в городе была построена детская поликлиника. Но после того как родился я, она переехала в Орел, где поступила на работу в городское управление здравоохранения.

В Орле прошли мои детство и юность. Свою мать я видел дома достаточно редко. Она была человеком очень энергичным, уходила на работу ранним утром и, как правило, задерживалась там до позднего вечера. Впрочем, именно эта активность и позволяла нам вести довольно сносную жизнь, приобретая на рынке все необходимое. А все заботы по моему воспитанию приняла на себя бабушка, приехавшая из деревни.

Потом в моей жизни был детский сад, находившийся неподалеку от дома. Там я выучился читать, писать, решать простейшие арифметические задачки. Именно с тех пор проявилась у меня тяга к учебе, к познанию нового. В семь лет я пошел учиться в лучшую орловскую школу №1, особенно увлекался рисованием, страстно любил чтение.

В моем сознании хорошо запечатлен дух того времени — трудовых рекордов, покорения летчиками новых высот и скоростей, освоения полярниками Крайнего Севера. Тогда же во мне сформировалось желание быть причастным к оружейному делу. Может быть оно возникло, когда мы с друзьями занялись созданием всевозможных самопалов, или когда напротив моего дома разместилось бронетанковое училище, куда однажды заехали настоящие танки... Но даже в идеях, которые приходили мне в голову, отражался какой-то естественный ход событий. Ведь я жил в определенной среде, соответствующим было воспитание и настроение. Невозможно было не заметить, с каким напряжением сил страна готовилась к войне. Готовилась, не только производя новые танки и самолеты, но и воспитывая будущих бойцов и командиров, рабочих и конструкторов.

Для большинства из нас, тогдашних 11–12-летних мальчишек, главными настольными книгами были издания с характерными названиями «Авиация», «Танки», «Артиллерия». В них было множество картинок и фактов, изложенных ярко и доходчиво. Я с интересом читал эти книги, внутренне соглашаясь или не соглашаясь с тем, что было в них написано.

Уже тогда мне страшно хотелось придумать что-то такое, что позволило бы сделать границы нашей страны неприступной крепостью. В результате, у меня родилась идея автоматизированного укрепрайона, оснащенного пушками и пулеметами, огнем которых должны были дистанционно управлять бойцы, находящиеся в бункерах, под защи-

той многометровых толщ бетона. А на поверхности должны были располагаться только перископы, глядя в которые можно было бы корректировать огонь.

И в мыслях, и нарисованной на бумаге эта схема выглядела просто и замечательно. Я поделился замыслом со своим школьным другом Валей Фирсановым. Он также пришел в восторг и, недолго раздумывая, предложил, что нам следует немедленно рассказать об этом замысле его отцу, возглавлявшему в Орле управление НКВД.

Вечером я пришел в гости к Валентину, в их трехкомнатную квартиру. И когда, после нескольких часов ожидания, его отец вернулся с работы, мы самым серьезным тоном попросили его выслушать очень важное предложение. Он согласился, и мы начали подробно излагать эту идею, доказывать ее преимущества. Внимательно нас выслушав, он к полному нашему недоумению сказал:

— Запомните ребята, главная защита нашей страны это ее территория. Чтобы победить, мы будем отдавать территорию.

Сказав это, он вдруг осекся. Нам даже показалось, что он испугался сказанных слов, сообразив, что если вдруг ребята передадут эти слова кому-нибудь, да еще со ссылкой на их автора... Но мы тоже быстро смекнули, что развивать эту тему не стоит и без каких-либо вопросов ушли в другую комнату.

В воскресенье, 22 июня 1941 года, я находился в пионерском лагере около Нальчика. Утро того дня начиналось как обычно. Лишь ближе к полудню появилась какая-то напряженность, но никто не знал ничего определенного. А ровно в полдень, пришло известие о начавшейся войне. Это известие меня и моих сверстников буквально ошеломило. Но какой-либо паники мы не испытали. И у взрослых, и у детей была полная уверенность в том, что враг быстро получит достойный отпор, а война кончится, максимум, через полгода. Многие из нас, по-ребячьи горячо желали взять в руки оружие и стать соучастниками этого святого дела.

Через день-другой после начала войны нас отправили по домам и вскоре я оказался в Орле. Жизнь там мало чем отличалась от довоенной, до тех пор пока над городом не начали появляться немецкие самолеты и сбрасывать бомбы. Запомнилось, как однажды мы с друзьями пошли посмотреть на результаты одного из немецких налетов и увидели воронку от мощной бомбы. Она упала на огород, засаженный картошкой. Множество крупных картофелин разбросало вокруг, а в центре образовалась яма глубиной около пяти метров и диаметром около пятнадцати. Хорошо, что никто не пострадал.

После того как город начали бомбить, всех его жителей призвали делать около домов бомбоубежища. Занялись этим делом и мы. Спилили липы, стоявшие во дворе, вырыли щели, сделали накаты. Теперь

после объявления воздушной тревоги мы выходили из квартир и прятались там. Правда, делали мы это недолго — наш район практически не бомбили.

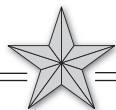
Так прошло лето. В сентябре начались занятия в школе. Тогда мы и представить себе не могли, что уже в начале октября немецкие танки прорвутся к Орлу и с ходу его возьмут. События первых месяцев войны развивались стремительно.

Накануне, в субботу 2 октября, мы учились в школе, получили домашние задания. Утром в воскресенье моя мать, заведовавшая районным отделом здравоохранения, как обычно с утра ушла на работу. Я тем временем расположился у окна, принялся читать новеллы Мериমে. День выдался сумрачным, иногда накрапывал дождик. Я так увлекся чтением, что не сразу заметил, как в городе началось какое-то движение. До меня стали доноситься грохочущие раскаты, и я понял, что это взрывали заводы, находившиеся на окраинах Орла. А к вечеру немцы уже вошли в город. Я узнал об этом, когда моя мать прибежала с работы. Где-то около пяти часов вечера, наскоро собрав кое-что из пожитков, мы с несколькими соседями поспешили уйти из города.

Сначала пошли вдоль Комсомольской улицы, по шоссе Харьков-Москва. Выйдя за город, мы продолжили свой путь по краю шоссе, в сторону Москвы. А тем временем над нами совершенно свободно, на малой высоте и малой скорости непрерывно пролетали немецкие самолеты. Иногда они открывали огонь из пулеметов и сбрасывали небольшие бомбы. Мы ничем не могли им ответить и поэтому прятались в канавы, воронки, кусты. Видя, как смеялись пилоты в кабинах пролетающих самолетов, у меня в голове непрерывно стучало: «Стрельнуть бы!». Потрясение от этой незащитности оказалось настолько сильным, что с этого времени я начал испытывать паническую ненависть к самолетам.

В тот вечер нам удалось пройти на север почти 18 километров. Расположились на ночлег, в большой копне сена. Сквозь сон доносились звуки боя в районе Мценска. Стало ясно, что идти дальше к Москве нельзя — надо идти на восток, вглубь страны. Передвигаясь по-прежнему пешком, мы через несколько дней добрались до Задонска. Там мы увидели первый выпавший снег. Вышли на пригорок за городом, откуда был хорошо виден монастырь, слышали перезвон его колоколов. Вот нашли время звонить, подумалось сначала. А впрочем, может, действительно, в жизни есть вещи более важные, чем война...

Потом был Елец, где нас поселили в доме врача, уехавшего в эвакуацию. Какой-то из местных начальников даже напутствовал нас — обстраивайтесь, живите, немцы отсюда далеко. В доме было полно посуды, имелась большая библиотека. Действительно, жить да жить! Но вскоре нам и отсюда пришлось сниматься и идти дальше.

На этот раз мы добрались на автомобиле до станции Грязи, находившейся неподалеку от Липецка. Там мы рассчитывали сесть на поезд. Расположились на вокзале, где вповалку лежало множество людей, с вещами, с детьми. Между ними шныряли огромные крысы, раздражающие своей наглостью. Во всей этой обстановке чувствовалась какая-то безысходность.

Мы с трудом нашли на вокзале кассу, купили билеты на поезд и, по-видимому, оказались единственными кто это сделал. Когда подошел пригородный поезд до Мичуринска все рванулись его штурмовать. Давка у вагонов получилась такой, что один из парней смог забраться со своим фанерным чемоданом поверх толпы. Шум, крики... А парень таким манером добрался до тамбура, опустил и пошел занимать себе место...

Нашей следующей остановкой стала станция Ворошилово. Там нас опять радушно встретили, мать даже успела устроиться на работу. Но и отсюда через несколько недель нам пришлось уехать от нагонявшей нас войны. Так почти месяц, меняя поезда, мы двигались в сторону Казахстана, пока не добрались до станции Сас-тубе, неподалеку от Чимкента, где был организован большой сборный пункт для эвакуированных из центральных районов страны.

Здесь нас застало известие о начавшемся под Москвой контрнаступлении, о том, что враг остановлен на тульской земле, перед городом, который всегда считался кузницей оружия. Потому и не смогли одолеть его фашисты, было чем обороняться — думалось мне.

Казалось, что теперь все наладится и война пойдет прочь из наших мест до самого Берлина. И мы с матерью решили, что нам пора трогаться в обратный путь. Обратная дорога тоже оказалась небыстрой. Сначала мы добрались до Мичуринска, потом до Ельца, а в феврале 1942 года приехали в Воронеж, где жила одна из сестер матери. Когда мы здесь обустроились, моя мать с теткой решили, что мне следует пойти в школу и закончить учебный год.

Школа находилась в центре города, около универмага, который все звали «Утюжок». Конечно, пропущенные месяцы наверстывались с трудом, но и я старался, и учителя помогали. К концу учебного года у меня в табеле красовались одни «пятерки». Казалось, что жизнь начала налаживаться. Но мы тогда не знали, что очень скоро война опять окажется рядом с нами.

В июне 1942-го года фронт находился километрах в 220—250 от Воронежа. После того как я успешно завершил учебный год, мы с матерью отправились в детский санаторий, на время ставший пионерским лагерем. Он находился в сосновом бору около села Чертовичское, в 20—25 км севернее Воронежа. Мать направили туда на работу главным врачом.

Здесь у меня подобралась отличная компания из таких же, как и я, воронежских школьников: Толя Овчинников, Толя Жигулин — будущий известный поэт, и его младший брат Слава. Мы быстро подружились, начали вместе заниматься обычными ребячьими делами. Но уже через два дня после нашего приезда по пионерскому лагерю поползли слухи о том, что немцы прорвали фронт!

Вскоре слухи подтвердились, а немецкие самолеты ожесточенно начали бомбить Воронеж. Над городом практически непрерывно висели «юнкерсы» и, даже не пикируя, сбрасывали бомбы на левый берег реки Воронеж — на авиационные заводы, на завод синтетического каучука. Двадцать, тридцать, пятьдесят, сто, сто двадцать самолетов одновременно! С холмов, находившихся неподалеку от лагеря, нам были хорошо слышны бомбовые раскаты, порой доносился и треск горящих домов. А затем, буквально в считанные часы, танковые части немцев прошли 200 км и ворвались в Воронеж по железнодорожному мосту через Дон. Этот мост наши саперы не успели взорвать.

Не зная, что происходит в городе, руководство лагеря решило отвезти детей к родителям. Но маленького автобуса, даже набитого до отказа, не хватило. Оставшейся детворе пришлось ждать второго рейса. Не дождались... Позднее мы узнали, что неподалеку от города в автобус попала бомба.

Оставаться в лагере становилось все опасней — немцы могли здесь появиться в любую минуту. Ранним утром мы небольшой группой ушли в лес: я, моя мама, пионервожатая и еще несколько детей, включая братьев Жигулиных. Пошли лесными дорогами и тропинками, которые нередко прочесывались пролетающими «мессершмиттами». Мы несколько раз попали под их пулеметный огонь. К вечеру пришли в село Старое Животинное, где и заночевали. А утром нас переправили на левый берег реки Воронеж.

Так понемногу мы добрались на лесной кордон Песчаный, где прожили почти месяц. Жизнь здесь была относительно спокойной, но съестные припасы стали подходить к концу. Сначала у нас закончились крупы, потом хлеб и остался только сахар, который на несколько дней стал нашей основной едой.

Еще мне запомнился, произошедший почти над нашими головами неравный воздушный бой. словно стая собак, несколько «мессершмиттов» набросились на наш истребитель. Нашему летчику удалось сбить одну вражескую машину, но и его самолет загорелся. Летчик выпрыгнул, но слишком рано раскрыл парашют. И немцы на наших глазах расстреляли его из своих пулеметов. В тот же день нам удалось добраться до упавшего самолета, но летчик был уже мертв.

После нескольких недель, проведенных в лесу, мы решили двигаться дальше. Еды почти не осталось, и питаться приходилось тем, что

созрело на полях. Однажды мы вышли на гороховое поле, и тут же принялись за созревший горох. Неожиданно прискакал председатель местного колхоза. Он взялся нас стыдить, но после того как мы объяснили ему кто мы и откуда, да еще прибавили, что это поле, возможно, вскоре достанется немцам, немного успокоился.

Ночевали мы в лесу, укрываясь взятыми еще из лагеря одеялами. Одно стелили на разложенный еловый лапник, другим укрывались. К концу августа добрались до городка Анна, километрах в ста восточнее Воронежа, потом до Борисоглебска, ставшего административным центром Воронежской области.

Там я снова пошел в школу. 25 января 1943 года наши войска освободили Воронеж, но вернуться туда нам удалось только к концу года. Вид Воронежа был удручающим. Даже спустя год после освобождения город выглядел совершенно пустым и как бы прозрачным — от кирпично-розовых развалин, от белого снега. По городу шныряли шайки бандитов, грабежи, воровство и хулиганство были привычным делом. Я знал, что ходить вдоль домов нельзя, только посередине улицы, в кармане всегда должно было находиться хоть какое-нибудь оружие...

Как и все жители города, я с нетерпением ожидал вестей с фронта. Я всегда дожидался последнего выпуска новостей, который начинался в 23.30 и шел до полуночи. В это время объявляли самые важные фронтовые сводки за прошедший день.

Постепенно жизнь в Воронеже налаживалась. Я вновь пошел в школу, в единственный класс на весь город, где шли занятия. А в свободное время отправлялся на поиск оружия. После того, как фронт откатился на запад, мы небольшими компаниями бродили по полям, где находилось множество самого разнообразного оружия. Оно валялось буквально под ногами.

Эти походы даже помогали нам в учебе. Школьный военрук как-то дал задание всему нашему классу: выстругать из дерева ружья для занятий военной подготовкой. Конечно, никому из нас возиться с этим не хотелось. Мы предложили военруку принести в школу настоящие винтовки-«трехлинейки». И на следующее занятие принесли их столько, что хватило на весь класс. Военрук, обрадовавшись такому неожиданному подарку, сказал:

— А пулемет раздобыть сможете?

— А что тут такого сложного?

Вскоре мы нашли пулемет Дегтярева, из которого также получилось замечательное учебное пособие.

Тогда мы стали большими специалистами по оружейному и минному делу. В окрестностях Воронежа после разминирования полей, без какого-либо присмотра, лежали и советские, и немецкие мины, сложенные в аккуратные штабеля. Заполнены они были 200-грам-

мовыми толовыми пашками. Разве могли мы пройти мимо такого богатства! И мы своей компанией взялись за дело. Не хватало нам лишь бикфордова шнура. Но эта проблема разрешилась неожиданно, когда однажды мы увидели, как у одной хозяйки во дворе на бикфордовом шнуре сушилось белье. Мы тут же подошли к ней с вопросом, нельзя ли нам его взять? Но она согласилась его отдать только в обмен на обычную бельевую веревку такой же длины. Мы чуть не закричали от радости. Предложенный обмен состоялся немедленно. Получив свой шнур, мы аккуратно разрезали его на пятисантиметровые кусочки и приступили к экспериментам. Как заправские подрывники мы начали бороться в лесу с пнями и корягами. Заниматься этим приходилось с большой осторожностью. Различные фрагменты шнура, после их нештатного использования и завязывания в узлы, горели с разной скоростью. Например, места, где находились узлы, горели быстрее, и времени на то, чтобы убежать от заложенной взрывчатки оставалось меньше.

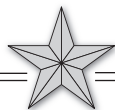
Но не забывал я и об учебе. Моим любимым предметом стала физика — наука наук. Я так сильно ей увлекся, что мне перестало хватать учебников и книг, которые были в библиотеках. Тогда я взялся за научные журналы Академии Наук, вошел в курс основных физических проблем, достижений и начал всерьез подумывать над тем, чтобы стать ученым-физиком. Думалось, вот кончится война и тогда!..

Десятый класс я закончил на все пятерки. Золотых медалей тогда не давали. А потом мы с матерью вернулись в Орел, в свой дом. Но устроиться на какую-либо работу или начать готовиться к поступлению в институт я не мог. Военное время диктовало свои законы. Когда я становился на учет в военкомате, меня предупредили, что я в любой момент могу быть призван в армию. Я прошел медкомиссию, был записан в артиллерию. За этим должен был последовать вызов на учебу в артиллерийское училище. Но, забегаая вперед, отмечу, что наш призыв начался только в конце года.

Однажды мне попало на глаза объявление о том, что Тульский механический институт объявляет набор на специальность «Автоматическое оружие». Название буквально заворожило — неужели этому учат? Создавать оружие — это здорово. А цену и силу оружия я уже знал, как говорится, на практике.

Война близилась к концу, победа не за горами, но мало ли кто может напасть на нас снова?! А значит необходимо создавать оружие, с которым мы никогда не будем отступать! Я твердо решил немедленно ехать в Тулу!

Утром я пришел в военкомат, где лежали мои документы, посоветоваться, как быть? Меня направили к военкому. Зашел в приемную, попросил разрешения, меня пропустили. В кабинете меня встретил

фронтовик лет 50, имевший множество ранений. Видно было, как тяжело ему давалось любое физическое движение. Время стерло его имя из моей памяти, но встречу с ним я запомнил навсегда. Разговор у нас получился коротким. Я изложил ему свою ситуацию, о том, что окончил школу на все пятерки, о желании поехать учиться в Тулу. Военком меня выслушал и тут же спросил:

— И что, документы не отдают?

Я молча кивнул. Военком тут же вызвал секретаршу и твердым голосом ей сказал: «Передайте в призывной отдел, пусть парню отдадут его документы! Я разрешаю!». Потом военком встал, проводил меня до двери и, по-доброму посмотрев в глаза, сказал: «Учись, сынок!»

Уже через несколько дней я был в Туле. Сложностей с поступлением в институт не было. После сдачи вступительных экзаменов пришлось выбирать факультет. В те военные годы институтские факультеты именовались просто и доходчиво — оружейно-пулеметный, патронно-гильзовый и механико-технологический. Недолго думая, я выбрал оружейно-пулеметный. Он, как мне казалось, был самым наукоемким, где могли пригодиться все мои знания по физике и математике.

Вскоре я понял, что стать студентом — не такое уж трудное дело. Гораздо труднее оказалось выстоять, даже выжить в тех непростых условиях. По существовавшим тогда правилам, студентам выдавались продовольственные карточки, которые позволяли питаться по нормам служащих. Так, по ним можно было приобрести в магазинах по государственным ценам 550 граммов черного хлеба в день, а также 2200 граммов макарон, 400 граммов масла и 1200 граммов мяса в месяц. Много это или мало? Во всяком случае, ни о какой сытой жизни не приходилось и думать. Тем более, что карточки мы, как правило, отдавали в студенческую столовую. Там они превращались в выдаваемые нам блюда из зеленой капусты (почему-то белой нам не попадалось) трех видов: в виде салата, щей и солянки. Иногда нам полагалось и дополнительное питание, состоявшее из пшенной каши и ложечки хлопкового масла, которое мой организм ни в какую не принимал, и я отдавал его друзьям.

Небольшой радостью было для нас лишь получение стипендии, которая первое время составляла 300 рублей. В этот день мы обычно шли на базар, покупали себе хлеба — 200 граммов за 10 рублей, а также молока, тоже 10 рублей за пол-литра.

Жил я в небольшой комнатухе в общежитии, с еще двумя студентами. Говорить о комфорте не приходилось, главное, была крыша над головой. Трудно было в первую зиму, когда в комнате по ночам становилось настолько холодно, что чайник с водой на подоконнике, к утру полностью промерзал. Мы пытались жаловаться, но комендант

общежития уверял нас, что здание полностью отапливается. Батареи действительно, были чуть теплыми.

Но, студенты найдут выход из любого положения. Вопреки всем запретам, мы завели у себя электроплитку. На ней и готовили, и обогревались, по очереди каждому устанавливали ее под кроватью. Дело это было очень опасное — ведь спать нам приходилось на туго набитых соломой матрасах, набрасывая на себя сверху одеяло и пальто. И все равно, когда утром наступало время подъема, мы все оказывались продрогшими и голодными. И ни в какой институт идти нам не хотелось. Потому первые лекции мы обычно дружно прогуливали, хотя иногда именно по утрам шли самые интересные занятия.

Я тогда искренне возмущался тем, что расписание наших занятий составлялось совершенно неправильно. Моя любимая физика стояла по расписанию первой. И этот день был для меня наиболее тяжелым — физику я не пропускал, не «закалывал», ни при каких обстоятельствах. А столь же любимая математика, к счастью, никогда не шла первой.

Последние военные месяцы запомнились мне вступлением в комсомол. В детстве и в юности я без особого интереса относился к общественной работе. Был я человеком вольнолюбивым. Видел, что для школьных комсомольцев, главным было полное единомыслие со своим руководством. Не нравилась мне их заорганизованность. Но весной 1945-го, к концу первого курса, секретарь комитета комсомола института (а в институте училось 1200 студентов) Старовойтова увлекла меня в комсомольскую работу. Ее заинтересованный и неформальный подход ко всему происходящему мне очень пришелся по душе, и я вскоре стал комсомольцем. Так прошли мои военные годы — в скитаниях, в бедности. Все тогда трудно жили, трудно, но сплоченно. Мы твердо верили, что мы преодолеем любые испытания. Главным для нас была Победа.

И все-таки она пришла неожиданно. Трудно сразу было поверить, что войне конец. Утро 9 мая выдалось в Туле ясным и солнечным. Вокруг слышались непрерывные выстрелы, все радостно кричали, обнимались, плакали, поздравляли друг друга. Мы с друзьями, схватив чайник, недолго думая, побежали на рынок, где в кооперативных ларьках в разлив продавалась водка. Отстояли очередь и вскоре стали обладателями целого чайника качественной водки. Конечно, поднимали тосты за нашу Победу, за непобедимую Красную армию, за весь советский народ. Чувство радости нас переполняло. Мы победили!

СТИХИ НА ВОЙНЕ

*Юрманова Нина Петровна, 85 лет,
Заслуженный работник культуры РСФСР,
Почетный доктор Тульского государственного университета,
Почетный гражданин города-героя Тулы,
доктор технических наук,
г. Тула*

В детстве я мечтала стать актрисой, но судьба распорядилась так, что я стала оружейником.

Отец мой, Юрманов Петр Федорович 1891 года рождения, уроженец деревни Помогалово Тульской обл., родился в многодетной крестьянской семье. В 11-летнем возрасте он пришел в Тулу на заработки. Работал вначале на самоварной фабрике, потом много лет на патронном заводе и на заводе «Красный Октябрь». Это был от природы одаренный, умелый русский мужик, о которых в народе говорят: «Мастер — золотые руки». Он имел среднее техническое образование, которое получил уже в сорок лет, был склонен к разным изобретениям и усовершенствованиям. Так, в музее патронного завода долгое время хранилась модель его станка.

Мама моя, Валентина Михайловна, 1896 года рождения — коренная тулячка, из семьи мещан. Из-за бедности родители вынуждены были ее отдать в обучение к портнихе, и уже лет с 14 она сама стала работать, обшивая заказчиков и всю семью. Нас было трое детей, поэтому постоянно что-то перешивалось, переделывалось, переходило от старших к младшим. Мастерница-искусница была моя мама!

Когда я вспоминаю детство, непременно всплывают в памяти школьные годы. Мне очень повезло с учителями! Учебу начала в неполной средней школе № 25, а моей первой учительницей была Александра Георгиевна Вознесенская — учитель от бога (и не только из-за фамилии). Через два года меня в числе шести отличников перевели в 1-ю образцовую школу, которая меня сильно поразила: высоченные потолки, широкие коридоры, но самое главное — замечательные учителя. Это были удивительные люди, прекрасные педагоги, в высшей степени интеллигенты: Елена Григорьевна Благовещенская (учитель начальных классов) и Евгений Николаевич Богородицкий (учитель русского языка и литературы). Внешне подтянутые, они держались с достоинством и были для нас, учеников, примером во всем и высшим авторитетом. А какой был учитель математики! Георгий Дмитриевич Воздвиженский, может, и был резковат в выражениях, и слишком много, с точки зрения школьников, задавал на дом, зато знания вложил в своих подопечных основательные.

Увидев как-то объявление в школе о том, что во Дворце пионеров открывается много разных кружков, я выбрала кружок художествен-

ного слова, которым руководила артистка драмтеатра Благовещенская (по мужу — Ильинская) Мария Евгеньевна. Как мы восхищались ею, были просто влюблены в нее! Она являла для нас образец Человека с большой буквы. Это была не только талантливая, увлеченная актриса и незаурядный педагог, но и отзывчивый, любящий человек.

Сначала она научила нас «говорить», а потом пригласила в драмкружок. Мне очень нравилось играть Ветер и Чернавку в «Сказке о спящей царевне и семи богатырях», Волшебницу в «Маленьком Муке», Снежную королеву из сказки Андерсена, участвовать в многочисленных конкурсах чтецов. Я мечтала по окончании школы поступить в театральный институт и советовалась с Марией Евгеньевной. Мы с ней долго переписывались после того, как она перед войной переехала из Тулы на Украину, а потом обосновалась в Казахстане. Она обещала

*Нина Юрманова читает отрывок
из «Мцыри». Май 1941 г.*

меня даже отвезти в Москву, но предостерегала о трудностях актерской профессии и советовала хорошо обдумать выбор своего жизненного пути.

В конце мая 1941 г. я участвовала в областном творческом конкурсе, ежегодно проводившемся во Дворце пионеров, и стала одним из его победителей. В качестве приза мы должны были отправиться осенью в Крым, но...

Началась война. Брат добровольцем ушел в истребительный батальон (позднее он обучался в Краснодарском пулеметно-минометном училище, которое не успел закончить — погиб под Сталинградом). Занятия в школе не начинались, все в Мясново копали противотанковые рвы...

Сначала слово «война» казалось мне каким-то далеким и не

совсем понятным, но осенью, когда фашисты подошли к Туле и начались бесконечные бомбежки и обстрелы, война по-настоящему вошла в нашу жизнь. Во дворце пионеров (как и во многих школах) разместился госпиталь, а кружки и секции переехали в здание музыкальной школы на ул. Тургеневская, 5. Мы увидели боль, страдания, смерть.

Руководитель хорового кружка Александр Николаевич Стасенко по указанию обкома партии организовал агитбригаду из 22 человек, в

основном, из девочек 12–13 лет. В нее входили чтецы, певцы, танцоры. Вошла в эту концертную бригаду и я. Мы выступали в госпиталях, воинских частях, расположенных в Туле и вокруг нее. В день давали по 3–4 концерта. Утром к зданию музыкальной школы подъезжал грузовик. В него грузили пианино. Пока ехали, репетировали, я учила стихи.

Я любила читать отрывок из «Мцыри» М.Ю. Лермонтова «Бой с барсом» (именно с ним я выступала на конкурсе в мае), читала его для солдат, которых представляла и хотела видеть такими же, как и Мцыри — победителями, наделенными «могучим духом». Особенно вдохновенно я читала концовку:

*...Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..*

Позднее моим любимым стихотворением стало «Убей его!» Константина Симонова, которое он написал в 1942 г.

Однажды был концерт в землянке, я начала читать:

*Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты в люльке, качаясь, плыл...*

*Если дороги в доме том
Тебе стены, печь и углы,
Дедом, прадедом и отцом
В нем исхоженные полы...*

*Если мил тебе бедный сад,
С майским цветом,
С жужжанием пчел,
И под липой сто лет назад
Дедом вкопанный в землю стол...*

*Если мать тебе дорога,
Тебя выкормившая грудь,*

*Где давно уже нет молока,
Только можно щекой прильнуть.*

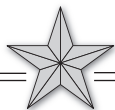
*Если ты не хочешь отдать
Ту, с которой вдвоем ходил,
Ту, что поцеловать ты не смел —
Так ее любил,
Чтобы немцы ее втроем
Взяли силой, зажав в углу,
И распяли ее живьем
Обнаженную на полу,
Чтоб досталось трем этим псам
В муках, в ненависти, в крови
Все, что свято берег ты сам
Всею силой мужской любви...*

*Так убей же немца, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мертвом стоял.
Так хотел он — его вина.
Пусть исплается не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его жена
Понапрасну пусть будет ждать.*

*Если немца убил твой брат,
Если немца убил сосед, —
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправданья нет.
За чужой спиной не сидят,
Из чужой винтовки не мстят.
Так убей же немца ты сам,
Так убей же его скорей.
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!*

Когда закончила читать, какое-то время — полнейшая тишина, а потом: «Правильно, дочка!» и шквал аплодисментов. Было ощущение, что призыв «Убей его!» — это заклинание их, родных детей, солдатских, просящих отцов отомстить врагу, принесшему столько горя.

Конечно же, в нас солдаты видели, прежде всего, своих детей, оставленных вынужденно где-то далеко, в неизвестности. Старались

приласкать и подкормить. Иногда я, к великой радости, привозила домой буханку черного хлеба! Бойцы говорили, что пионерские концерты и посещения детьми госпиталей с настольными играми, шахматами, шашками (во Дворце пионеров была хорошая игротека) очень поднимали их настроение и боевой дух, помогали выздоровлению раненых. По-отечески относился к нам и наш руководитель А.Н. Стасенко.

Едва немцев отогнали от стен Тулы, уже в декабре 1941-го детвора стала стекаться во Дворец пионеров. Занимались в холодном помещении с выбитыми стеклами. Не было красок, кистей, но к Новогодней елке сумели подготовиться.

В годы войны агитбригада дала почти полторы тысячи концертов! Уже в 1944 г., в сентябре самые активные участники бригады и ее руководители были награждены правительственными медалями «За оборону Москвы». Для меня это главная моя награда из всех. Именно ею и званием «Почетный гражданин города-героя Тулы» я горжусь.

С весны 1942-го возобновились занятия в школе. Наша учительница литературы также решила организовать бригаду по аналогии с агитбригадой Дворца пионеров. Она была названа «25 дружных». Я выступала и в ее составе.

Запомнился концерт перед зенитчицами одной из батарей в честь 8 Марта. Я не слышала, что читали и пели другие. Прижав ладони к щекам, я всматривалась в обветренные, рано тронутые морщинами лица:

то застывшие, словно в забывчивости, то вдруг радостные, возбужденные. Я смотрела на гимнастерки, погоны, ордена. Думала о брате, погибшем еще тогда, в сорок втором, под Сталинградом...

— Нинка, сейчас ты, — толкнула под бок белобрысая Валюшка, ведущая программу.

*После вручения медалей (слева направо)
нижний ряд: В. Пантелеева, Т. Мерзлякова,
средний ряд: Н. Борисова, А.Н. Стасенко,
Н. Юрманова, верхний ряд: Р. Руднева,
И. Банина*

Всего на шаг ступила вперед и оказалась далеко от подруг, лицом к лицу с теми, кто выжидательно и подбадривающее смотрел на меня.

Стихотворение было длинное, мой голос, звучавший сперва глухо, становился звонче, увереннее, строже.

— «Девушка Советского Союза!

Бей врага заботою своей!»

Лишь когда закончила, пришло волнение, заглушенное щедрыми аплодисментами...

...Артисткой я не стала. Когда окончила школу, решила, что инженерная специальность для меня важнее. Хотела поступать в МВТУ им. Н. Э. Баумана, подала уже документы. Но на обратной дороге в Тулу произошла знаменательная встреча. Попутчики стали расспрашивать, куда поступаю, почему. Потом вдруг с верхней полки свесилась, как мне показалось, лохматая голова с шевелюрой черных волос: «А почему поступаете в Бауманский, а не в Тульский механический институт? Он ничем не хуже!».

Вернувшись домой, я обнаружила, что многие мои одноклассники поступают в Тульский механический. Тем более, к тому времени умер отец, брат погиб на фронте, мать тяжело болела, ей нужна была постоянная помощь. Вот я и решила остаться в родном городе.

Из двух факультетов — механико-технологического и специального — я выбрала первый, как-то понятнее было, чем там будем заниматься. Но на собеседовании председатель приемной комиссии посмотрел мои документы и вдруг сказал: «Михаил Алексеевич, лучше берите ее к себе, на спецфакультет!». И тут я увидела ту самую «лохматую, черную» голову, которая меня так напугала в поезде — оказалось, что это декан факультета Михаил Алексеевич Мамонтов!

Я ни разу не пожалела, что предпочла технику театру. Как член институтского комитета комсомола я организовала драмкружок, в котором играли и студенты, и преподаватели, проводила вечера и праздники в общежитии, конкурсы самодеятельности. В общем, студенческая жизнь была нескучной даже в военные и первые послевоенные годы.

А оружейное дело меня увлекло, прежде всего, благодаря выдающимся преподавателям: М.А. Мамонтов, А.Н. Баранов, Б.М. Подчуфаров, Б.М. Суров, Н.И. Архиреев, П.Н. Марков. Памв Николаевич Марков был тем человеком, который «приковал» интерес к оружию. Он так обращался с любым видом оружия, о котором рассказывал студентам, что казалось, творит какое-то волшебство! Именно на его занятиях на третьем курсе я впервые взяла в руки настоящее оружие — мосинскую винтовку.

Студентов старались привлекать к научной работе прямо с первых курсов, поэтому «школу» я прошла хорошую. В 1950-м я поступила

в только что открывшуюся по инициативе М.А. Мамонтова аспирантуру и сразу же стала читать лекции (тут-то и пригодился мой «артистический» опыт, чтобы читать лекции творчески, по памяти, без бумажки). Начала готовить диссертацию по совсем не женской теме, связанной с работой ракетно-ствольных систем. Защита состоялась в 1954-м в Военно-инженерной академии имени Ф.Э. Дзержинского в Москве. Поначалу опасалась, что почтенные ученые мужи, высокопоставленные военные подумают, увидев меня: «Что за фитюлька такая вышла?». Но приняли очень доброжелательно и вопросы задавали без «подножек». Потом была защита докторской диссертации в 1967 г., плодотворное сотрудничество по сей день с ФГУП КБП.

Мне в жизни повезло с учителями и преподавателями. А какие были студенты после войны! В 1954 году, еще до защиты кандидатской, мне пришлось возглавить новую кафедру — «Тепловые машины», а уже в 1956-м состоялся первый выпуск студентов — 17 человек, которые «переквалифицировались» на новую специальность с оружейно-пулеметной. Это был выдающийся выпуск. наших ребят распределили на ведущие оборонные предприятия страны, они прекрасно себя зарекомендовали. Именно силами первых студентов и создавалась материально-техническая база кафедры.

Сегодняшние студенты, к сожалению, уже не так увлечены наукой, да и своей будущей работой, былой энтузиазм виден в немногих.

В ТЕ ДАЛЕКИЕ ДНИ

*Рагозин Юрий Сергеевич, 84 года,
кандидат технических наук, профессор кафедры
инженерной графики и дизайна Тульского
государственного университета,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ,
г. Тула*

Шла вторая половина 30-х годов прошлого столетия. В результате индустриализации страны быстрыми темпами развивались промышленность, образование, наука, культура. Важную роль в развитии страны играли высшие учебные заведения. Одно из них было создано в Туле. Тульские студенты проходили производственную практику в городе Ижевске Удмуртской АССР, на Ижевском машиностроительном заводе. Там с ними занимался руководитель практики Сергей Алексеевич Рагозин.

Однажды со студентами на завод приехал заместитель директора Тульского механического института Григорий Михайлович Лящук, который познакомился с Сергеем Алексеевичем. Он оценил квалифицированную и добросовестную, хорошо организованную работу со студентами на заводе и пригласил Сергея Алексеевича на работу в Тульский механический институт.

С.А. Рагозин, будущий основатель и первый заведующий кафедрой «Производство стрелкового оружия» родился 21 февраля 1904 года в городе Рыбинске Ярославской области в многодетной семье, имевшей 10 человек детей. В 1927 году он поступил учиться в Московский механический институт, в 1930 году был переведен для продолжения учебы на военно-механическое отделение Ленинградского политехнического института, по окончании которого, в октябре 1931 года ему была присвоена квалификация инженера-механика по оружейно-пулеметной специальности и выдано направление на Ижевский машиностроительный завод. Там он работал сначала конструктором, начальником цеха и затем начальником инструментального производства.

В этот период страна столкнулась с проблемой создания новых современных образцов военной техники. С учетом объективно возникшей необходимости квалифицированной подготовки инженерных кадров в области технологии производства стрелково-пушечного оружия в Тульском механическом институте была образована кафедра «Производство стрелкового оружия», которая была призвана заниматься подготовкой специалистов для предприятий оборонной промышленности. Ее и возглавил Сергей Алексеевич. Начальный период работы кафедры был посвящен организации учебного процесса и созданию кабинетов по специальности. В 1941 году состоялся первый выпуск инженеров-механиков по специальности № 36. Дипломы были вручены 21 человеку. 23 апреля 1940 года С.А. Рагозин решением ВАК был утвержден в ученом звании доцента.

Мирная жизнь страны оборвалась 22 июня 1941 года, когда немецко-фашистские захватчики внезапно напали на нашу Родину. Во время Великой Отечественной войны Тульский механический институт был эвакуирован в город Ижевск. К этому времени С.А. Рагозин, будучи не только заведующим кафедрой, но и заместителем директора института по учебной и научной работе, занимался вопросами эвакуации. Железная дорога была забита эшелонами, имевшими прямое отношение к военным действиям на фронтах. Однако кое-что удалось сделать. Были упакованы, транспортированы и отправлены в тыл архив, часть библиотеки, основное оборудование лабораторий, фотолаборатория и многое другое.

В Ижевске Тульский механический институт был объединен с Московским высшим техническим училищем им. Н.Э. Баумана. В объе-

диненном институте С.А. Рагозин стал заведующим кафедрой «Производство оружейно-пулеметных систем».

В 1941 году четыре брата Рагозиных были мобилизованы в действующую армию и принимали участие в боевых действиях, были ранены, а младший из них, Виктор Алексеевич, служивший на Балтийском флоте, погиб летом 1941 года.

Возвращение С.А. Рагозина в Тулу состоялось в 1942 году. В этот период происходит основной рост кафедры, ведется большая работа по организации и постановке учебного процесса. В короткий срок был создан замечательный учебный кабинет по курсу «Технология оружейно-пулеметного производства». В нем на многочисленных стендах были представлены пооперационные технологические процессы изготовления деталей и узлов стрелкового оружия того времени (винтовка Мосина, самозарядная винтовка Токарева СВТ, пистолет-пулемет Шпагина ПППШ, пистолет ТТ, ручной пулемет ДП); имелись стенды изготовления стволов, ствольных коробок, затворов, ударно-спусковых механизмов, лож и прикладов, магазинов, типовых пружин стрелкового оружия. На стендах были размещены также основные виды специального режущего и измерительного инструмента, применяемые в оружейном производстве и образцы станочных и сборочных приспособлений. Стенды были тщательно и искусно оформлены с использованием ценных пород дерева и других материалов.

Кроме наглядного представления изготовления деталей и узлов, в спецархиве кафедры находилась обширная технологическая документация: карты технологических процессов, чертежи технологической оснастки, кинематические схемы и описания специальных металлорежущих станков. Все это было прекрасным пособием для студентов при подготовке к учебным курсам, курсовому и дипломному проектированию. За период с 1941 по 1943 гг. выпуск инженеров по кафедре «Производство стрелкового оружия» увеличился с 21 до 50 человек. Темы дипломных проектов были связаны с разработкой технологических процессов деталей оружия и проектированием оснастки для изготовления этих деталей. Однако некоторые студенты в процессе диплом-

Рагозин Сергей Алексеевич. 1943 г.

ного проектирования занимались вопросами теоретических исследований и разработок. Большое внимание при дипломном проектировании уделялось автоматизации производственных процессов, применению агрегатных станков, скоростных методов обработки и другим современным направлениям в проектировании технологических процессов. На кафедре появляется научный потенциал, создаются предпосылки к открытию аспирантуры, а также организации учебного процесса по технологической части для специальностей 0538 «Двигатели летательных аппаратов» и 0539 «Производство летательных аппаратов».

Впоследствии, когда заведующим стал доцент Гомазов Валентин Иванович, на базе кафедры уже возможны и серьезные исследовательские научные работы, и открытие аспирантуры. Следует особо отметить интереснейшую и ценную работу Валентина Ивановича, связанную с его докторской диссертацией. Основным содержанием ее являлась математическая теория образования нарезов на стволах стрелково-пушечного оружия. Им создана универсальная теория получения нарезов в канале ствола произвольной ширины и переменной крутизны, одинаково применимая для всех существующих методов их формообразования — резанием, пластическим деформированием и электрохимической размерной обработкой неподвижным и подвижным катодами. Процесс формообразования нарезов рассматривался в двух системах декартовых координат: неподвижной и подвижной. Однако эта теория, не имеющая аналогов в отечественном оружейном машиностроении, была слишком сложна для практического применения в заводской практике того времени. В настоящее же время в условиях применения ЭВМ она легко доступна (при наличии соответствующей программы) для любого оружейного завода. В этом ее актуальность и непреходящая ценность.

Кафедра производства стрелкового оружия всегда входила в состав оружейно-пулеметного факультета (ОП), позже машиностроительного, возглавляемого большим ученым и энтузиастом, профессором, доктором технических наук Мамонтовым Михаилом Алексеевичем. Выпускниками факультета тех лет были А.Г. Шипунов, В.П. Грязев, Н.Ф. Макаров, И.Я. Стечкин, которые получили воистину мировую известность как создатели современного автоматического оружия. На факультете был воспитан и получил путевку в жизнь выдающийся организатор отечественной оборонной промышленности Константин Николаевич Руднев и многие другие известные конструкторы и руководители оборонных предприятий.

Расскажу немного о своих впечатлениях первых военных лет. Когда летом 1941 года наша семья эвакуировалась в Ижевск, я начал учиться в 8 классе. Жизнь во время войны была тяжелой: хлеб и другие продукты питания выдавались по карточкам. Рабочие получали по 800 г хлеба в день, а все остальные — по 400 г. Мы с отцом часто ходи-

ли по деревням в надежде выменять кое-что из наших вещей (в основном одежду) на картошку. Бывало, что мы проходили зимой по 50 км за день. Картошку везли на санках, укутанную от мороза в одеяло.

С раннего лета до поздней осени все старшеклассники школ направлялись в деревни на сельскохозяйственные работы. Мы, школьники, выполняли все тяжелые деревенские работы, начиная от сенокоса и кончая уборкой урожая. Ни одного мужика в деревне не было; все были на фронте. Работали одни женщины и деревенские мальчишки, а также мы — школьники. Почему-то врезался в память один эпизод. Летом 1942 года наш класс работал в деревне недалеко от берега реки Камы. Как-то на сенокосе, в яркий солнечный день, во время одного из коротких перерывов на отдых, мы сидели на пологом склоне оврага. Все очень устали и отдыхали молча, а деревенские бабы тихо вели беседы о своих вдовьих делах. Все были солдатки и вспоминали своих мужей, ждали их возвращения. Недалеко от меня сидела молодая, крепкая и красивая женщина лет 25. Ее звали Лушкой. «Пришел бы мой Ваня, — вдруг сказала она, — вернулся бы, так и легла бы я...» И она откинулась назад, упав на спину в душистую траву. Все замолкли; короткая передышка закончилась; мы снова принялись за работу. А в начале осени в деревню пришло сразу несколько похоронок, в том числе и на Ваню — молодого Лушкиного мужа.

В августе 1943 года мы всей семьей вернулись в Тулу. Квартира наша была занята другими людьми. Все, что оставалось до эвакуации, пропало. Только пианино нашлось в студенческом общежитии. Я поступил в Тульский механический институт. В июле и августе 1943 года войска Западного и Брянского фронтов вели тяжелейшие бои вблизи Тульской области. А в институте шла подготовка к новому учебному году, и первого сентября студенты, поступившие в вуз, сели за парты и начали слушать лекции. Это было смелое и волевое решение, обусловленное важностью и острой необходимостью подготовки инженерных кадров для страны.

Когда пришла зима и начались холода, в учебных корпусах было так холодно, что все студенты на занятиях сидели в верхней одежде. Холодный ветер гулял в аудиториях. Один из наших любимых преподавателей П.А. Барышников читал нам лекции по деталям машин в двух пальто: черном и сером. Замечательный педагог и специалист А.И. Шефтель приходил на лекции в длинной, из толстого сукна, шинели. Согревались, как могли, но никто не пропускал занятий. Аккуратно и добросовестно записывали лекции, так как учебников было мало, а по ряду дисциплин их не было вообще. Питание было очень скудное, особенно для студентов, живших в общежитии, в котором тоже было очень холодно. В студенческой столовой давали жиденькие щи из кислой капусты без мяса и чаще всего перловую кашу на второе.

Большинство студентов были настоящие энтузиасты и стойчески выдерживали все эти трудности.

Наши ряды начали пополняться студентами-фронтовиками, демобилизованными из рядов Красной армии. Они, как правило, учились хорошо и подавали нам пример честного и добросовестного отношения к учебе.

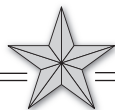
Окончил я институт в 1949 году по специальности «Стрелковые и артиллерийские системы и установки» с присвоением квалификации инженера-механика по автоматическому оружию. Но это уже была другая, мирная жизнь.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

*Никоноров Аркадий Васильевич, 80 лет,
доктор исторических наук, полковник в отставке,
заместитель председателя Межгосударственного союза
городов-героев и городов воинской славы,
Заслуженный работник культуры РФ,
г. Москва*

Как меня расстреливал немецкий самолет

Это было на Брянщине. Когда началась Великая Отечественная война, линия фронта стремительно приближалась к нашему дому. Не знаю для чего, но маме вдруг понадобилось срочно съездить в город Навлю. Командир, живший у нас, предложил ей полуторку, которая всегда стояла возле нашего дома. На эту поездку напросился и я. Мне очень хотелось прокатиться на машине с ветерком и непременно в кузове. Когда мы подъезжали к Навле, в одном из сел наш грузовик был обстрелян фашистским истребителем. Несколько раз этот воздушный стервятник заходил и атаковал нас из пулеметов с высоты 100–150 метров, но всегда промахивался. В 10–15 метрах рядом с машиной, то чуть впереди, то чуть сзади, то сбоку, то и дело поднимались фонтанчики песка от пуль. Стоя в кузове, где негде было укрыться, я с ужасом смотрел, как вновь сзади заходит самолет с черными крестами на крыльях, видел, как из пулеметов ярко вспыхивают сполохи огня, слышал резкие отчетливые выстрелы и рев самолета. Почему летчик столько раз заходил, чтобы уничтожить нас, и ни разу не попал? Может быть, потому что наш грузовик несли с огромной скоростью, петляя по проселочной дороге, и в него трудно было попасть? Тогда спрашивается, зачем ему была нужна пустая автомашина, в кузове которой находился всего лишь пацан? Мо-

жет быть, он просто хотел попугать нас и так потешался? Представляю тогда его сволочную улыбку. Израсходовав боезапас, он отвязался от нас. Эта бандитская «охота» тогда поразила меня тем, что, оказывается, фашисты воюют не только с армией, но и с беззащитным населением. Кого этот летчик расстреливал? Меня — мальчишку! Но эти переживания быстро улетучились, когда перед моими глазами возникла реальная жертва... поросенок. Откуда он, несчастный, взялся? С визгом пересекая дорогу, он угодил под колеса автомобиля. Через какое-то мгновение я увидел его распластанную тушку на дороге. Еще долго я находился под впечатлением увиденного.

Вскоре наша воинская часть стала готовиться к отъезду. Командир части сказал моей матери: «Анна Петровна, вам, жене политработника, не следует оставаться на оккупированной территории. Мы готовы вас и вашу семью взять с собой». Когда мама сообщила об этом бабушке, та ответила, что она никуда не поедет, дом и скотину не бросит. И ей не советовала скитаться по стране с тремя детьми. В селе будет легче вместе с родственниками пережить это страшное время. Так мама и сделала. Когда об этом узнал командир части, он очень расстроился: «Очень жаль, вы об этом не раз пожалеете». И он был прав. То, что мы увидели и пережили, не дай Бог никому испытать.

Война пришла и в наше село

Военные уехали, село опустело, но жизнь продолжалась. 1-го сентября я пошел учиться во второй класс. Не успели позаниматься несколько дней, как в село вновь пришли военные. В школе разместился лазарет, туда стали свозить раненых. На местном кладбище появились могилы с фамилиями погибших и умерших от ран красноармейцев. Потом немцы стали бомбить наше село, особенно там, где были установлены пушки. А они находились вдоль берега реки Крапивна и маскировались под развесистыми ивами.

Через село, особенно по ночам, постоянно куда-то двигались войска: кавалерия, пехота и артиллерия. И, наконец, однажды рано утром разгорелся ожесточенный бой. Мама подхватила нас, детей, и вместе с бабушкой, которая взяла сумку с продуктами, мы побежали через огород в подвал своей родственницы Галины Ермаковой. У нее был большой новый подвал, и все наши родственники договорились там сидеть при бомбежке или когда начнутся бои. На улице в это время происходило что-то страшное. Когда мы бежали, то слышали, как через наше село с визгом летели снаряды и рвались где-то недалеко. Причем снаряды летели в двух направлениях: одни к деревне Шешуево, где жила жена моего дяди Миши тетя Маруся, а другие — в сторону железнодорожного вокзала. Так продолжалось около двух суток. Потом мы почувствовали, что снаряды и бомбы стали взрываться недалеко от нашего

подвала. Казалось, что подвал в земле куда-то перемещается. Сверху сыпался песок. Маленькие дети тети Галины плакали от страха. Наш Олег молчал, но я видел, какие у него были круглые глаза, когда язык керосиновой лампы при взрыве вдруг увеличивался в несколько раз, и весь подвал ярко освещался. Алла совсем не понимала, что происходит. Ей было тогда чуть больше года, и она пыталась все время с кем-нибудь поиграть, а поэтому на месте не сидела.

Иногда наступал небольшой перерыв в канонаде, взрослые открывали люк в подвале, чтобы впустить туда свежий воздух и посмотреть, уцелели ли наши дома. Однажды в момент длительного затишья мы

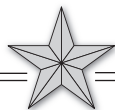

Аркаша Никоноров, г. Ржев

выбрались из подвала и сбегали в дом. Внешне он не был поврежден, даже стекла окон сохранились, но когда мы вошли в большую комнату, то увидели, что на столе лежал большой острый осколок, с детский кулачок. Стали исследовать, и только после тщательного осмотра стены увидели, что в одном месте была небольшая дырка в бруске.

Затишье продолжалось целый день. Бабушка и мама занялись хозяйством. Подоили и накормили корову, кур, которые совсем оголодали за эти дни и были рады нашему появлению. Видимо, и они натерпелись страха от того, что происходило вокруг. На улице не было никаких признаков жизни. Мы решили ночевать дома. Легли спать рано, так как в подвале двое суток сидели на полу и

страшно измучились от бесконечных взрывов. Где-то посреди ночи мы проснулись от громкого ржания лошадей. Выглянули в окно: у ворот стояли две лошади в полной амуниции. Вышли на улицу, чтобы посмотреть, нет ли возле лошадей убитых или раненых людей. Ведь обычно лошади так ржут, когда чувствуют возле себя мертвых. Не успели мы открыть дверь, как лошади подошли к крыльцу и еще громче заржали и затрясли головами, на которых были надеты уздечки. На лошадях поблескивали лакированные седла. Может быть, лошади хотели пить? Чувствовалось, что они не хотели от нас уходить. Бабушка испуганно на них крикнула и махнула рукой: «Ату! Пошли отсюда!» Они молча, как-то нехотя повернулись и пошли к соседнему

дому, где жили Лысенковы. Потом через несколько дней мы увидели, как сосед выводил этих лошадей на водопой.

Наутро затопили печь, чтобы приготовить себе пищу, и вдруг услышали на улице голос деда Лысенкова. Вышли. Он говорит: «Берите лопаты, пойдем, захороним наших бойцов». Я, мама и другие соседи — человек пятнадцать — пошли к реке Крапивна, где ранее стояли пушки. На центральной площади села увидели разбитую грузовую машину, возле школы — двух убитых лошадей, лежащих на спинах, запряженных в телегу с ящиками, в которых были видны снаряды. Все поле, через которое мы шли к реке, было перепахано снарядами. Когда вошли в ивняк, то увидели страшную картину: разбитые пулеметы, орудия, а вокруг них солдаты, которые лежали кто лицом вниз, кто на спине, кто согнувшись, будто только что присел. Многие из них были уже без сапог и ботинок — успели «поработать» мародеры. Мы стали рыть могилы и носить туда убитых. Почти все они были или без рук, или без ног. Дед Лысенков ощупывал карманы, доставал документы и складывал их в свою сумку, приговаривая: «Они еще пригодятся». Мне он отдавал пластмассовые круглые пеналы с завертывающейся крышечкой наподобие футляров от губной помады, в которых находились свернутые листки с указанием фамилии, имени и отчества, года рождения погибшего, его домашнего адреса, имен родных и близких. Я собрал тогда много таких пеналов, за ненадобностью листочки выбросил, а в пеналы положил иголки для шитья и для швейной машинки. Когда стал взрослым, я понял, для чего такие пеналы выдавались, и очень пожалел, что так необдуманно поступил. Получается, что по моей вине около двадцати семей до сих пор не знают, где погибли и захоронены их родные и близкие. Эту свою вину, как тяжелый камень, я ношу в своем сердце до сих пор. Я мысленно прошу матерей, жен и детей безымянных героев не винить меня, я ведь был всего лишь десятилетним мальчишкой и не понимал, что в этих пеналах хранятся человеческие судьбы. К сожалению, наши захоронения оказались неглубокими, многие из них были разрыты собаками и волками, и нам по весне вновь пришлось закапывать наших теперь уже безымянных защитников.

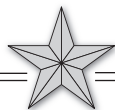
Дома мы стали делиться с бабушкой впечатлениями об увиденном, но наш разговор заглушил треск мотоциклов. Выглянули в окно. Возле дома стоят немцы в касках и с автоматами в руках, а двое из них идут к нашему крыльцу. Дверь была, конечно же, закрыта. Бабушка бросилась ее открывать, чтобы не вызвать недовольства у непрошенных гостей. На кухню ввалились солдаты огромного роста. Мы замерли от страха. Один из них спросил: «Русиш зольдат ист?» Мама сказала: «Нет». Тогда они прошли в другую комнату, о чем-то между собой поговорили и молча ушли. Наверное, это были разведчики. Потом часа через два-три в село вступила немецкая конница. За ней появились тупорылые, покрашен-

ные в серый цвет автомашины. Сразу же начался грабеж. Немцы резали коров, кур и гусей. Каждый день они приходили в наш дом и требовали: «Матка! Давай курки, давай яйца». Напротив нашего дома был сельский магазин. Он продолжал работать до тех пор, пока не начались боевые действия. Немцы, войдя в село, сбили с дверей магазина замок и сделали из него конюшню. Лошадей разместили также в бывшей церкви и во всех дворах селян. В нашем доме поселился теперь уже немецкий полковник. Он жил в большой комнате, а в прихожей — его охранники. Нас же загнали в закуток возле печи и на саму печь. В наш двор лошадей своих не поставили, но сено с чердака все выгребли и отнесли в магазин для прокорма своих лошадей. Когда бабушка возмутилась по этому поводу (она в этом отношении была смелой женщиной) и переводчик перевел своему начальнику причину ее недовольства, то тот приказал сено вернуть. Но немцы не принесли сено из магазина, а пошли в соседний дом, где жил многодетный инвалид по фамилии Чапчик, которого даже в армию не взяли по состоянию здоровья, выгребли у него все сено и перетащили к нам. Каково это было видеть Чапчику и нам смотреть в его глаза?! Бывшие ворюги, осужденные еще до войны и сидевшие в тюрьме, стали политиками, прислужниками фашистов. С приходом немцев их выпустили, и они стали преданно прислуживать оккупантам. По их доносу сразу арестовали и повесили сельских коммунистов.

Потом повесили Яшу-дурачка. В районе был такой Яша, красивый спокойный парень. Все знали, что у него, как говорится, «не все дома». Жил он везде, то есть ходил по деревням и селам. Люди его одевали, кормили, а он всегда по недоумию выдавал себя то за «большого начальника из Москвы», то за «прокурора». С началом войны кто-то одел его в форму командира Красной Армии. Он нацепил фуражку со звездой, командирскую сумку и прибыл в наше село. Когда его увидели немцы, то сразу схватили и стали допрашивать — кто он? Он, естественно, отвечает: «Командир Красной Армии!» Тогда его начали пытать. Что мог толкового и вразумительного сказать этот больной человек? Конечно, ничего! И его решили повесить. Начали на глазах сельчан сооружать виселицу. Согнали народ. И, несмотря на то, что старики пытались спасти Яшу, объяснить фашистам, что это больной человек, его все же повесили. И он провисел целую неделю, пока эта немецкая воинская часть не покинула село.

Немцы в нашем доме

У нас в доме в это время тоже происходили события, которые мне запомнились надолго. Как-то вечером мы сидим на кухне, пьем чай. Вдруг из комнаты выходят полковник с переводчиком, улыбаются и высыпают на стол конфеты-леденцы и просят разрешения сесть с нами. Мама говорит: «Пожалуйста». Полковник через переводчика

стал вести разговор о том, что, дескать, он видит, что эта семья (то есть наша) по виду — городская. Стал расспрашивать, кто наш отец, где он сейчас, кем работал до войны. Мама стала рассказывать, что отец до войны был бухгалтером в местном лесничестве, сейчас на фронте. В это время сидящий за столом Олег, попробовав немецких конфет, вдруг четко говорит: «А я знаю, где мой папа!» И показывает на стену, где висело много фотокарточек в рамках. В одной из них в рамке под фотокарточкой моего деда, который был сфотографирован в форме унтер-офицера царской армии, была спрятана фотокарточка нашего отца с тремя шпалами на гимнастерке. Переводчик сразу же сказал: «Покажи, где твой папа». И Олег, конечно, показал бы, если бы мама, перебив его, сразу не сказала: «Деточка, это же твой дедушка». На что Олег удивленно расширил свои глазенки, но ничего больше не сказал. Я страшно в этот момент испугался, так как помнил, как и Олег, что мама спрятала фотокарточку отца именно под это фото нашего деда. Что было бы, если немцы догадались о нашей тайне? К счастью, тогда никто из сельчан не успел еще им донести о том, что отец наш служил в органах НКВД, а ныне в Красной Армии является комиссаром. Тут же мы были бы все расстреляны или повешены, таков был приказ Гитлера. Но на этот раз все обошлось благополучно. Немцы не придали реплике Олега большого значения. Стали рассказывать о своей жизни, своих семьях, показывать многочисленные фотокарточки, на которых были красивые фрау, разодетые ухоженные дети, в необыкновенно красивых колясках, дома с черепичными крышами. Все это было для нас в диковинку.

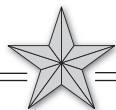
Моя сестра Алла еще не совсем хорошо могла самостоятельно ходить. У нее лучше получалось, когда она передвигалась на четвереньках. Иногда она заползала в комнату, где жил полковник. Он всегда ей давал конфеты, брал на руки и выносил на кухню, приветливо улыбаясь. Да, не все немцы были палачами, многие из них были призваны в фашистскую армию и тяготились войной.

Организация партизанского движения

Прошло какое-то время, и вдруг мы видим: над селом пролетел самолет и спускаются два парашютиста. Причем днем! Они были отчетливо видны в небе, и все село выскочило на них посмотреть. Видим, что на одном парашюте человек, а на другом тюк. Приземлился парашютист в центре села. Спокойно отстегнул лямки парашюта. Когда мы подошли, увидели смуглого на лицо человека в валенках и в белой меховой кожанке, перехваченной портупеей. На голове шапка-ушанка с красной звездой, через плечо автомат. Улыбаясь, он приказал мужикам сбегать за тюком и парашютом, который приземлился в поле недалеко от села. Народу вокруг нежданного гостя с неба со-

бралось много. Он, улыбаясь, спокойно достал портсигар, вынул из него папиросу, закурил. Потом спросил: «Немцы в ближайших населенных пунктах есть?» Мужики стали рассказывать, что в г. Навле партизаны установили Советскую власть. В г. Локоть — хозяйничают фашисты и полицаи, в нашей округе спокойно, есть полицаи, но они не просыпаются от пьянства. Тогда он обратился к двум молодым парням: «Оружием владеть умеете?» Те ответили утвердительно. Он сказал: «Идите, арестуйте их и приведите сюда!» И отдал им свой автомат. Затем парашютист приказал еще одному мужчине слазить на церковь и ударить в колокола, а мальчишкам-подросткам пробежать по улицам села и объявить сход всего взрослого населения. Все его распоряжения выполнялись четко. Никто не спрашивал, кто он такой, почему здесь оказался. Через какое-то время мужики притащили тюк и парашют. Он вытащил из голенища валенка кинжал, Вспорол мешковину и вынул из тюка пулемет «Максим», коробки с патронами и гранатами. Приказал все это отнести на крыльцо дома, где раньше жила тетя Мария, а теперь осталась одна моя прабабушка Секлетина. Парашютист быстро зарядил пулемет лентой с патронами, рядом положил гранаты. Парни привели двух полицаяв, неся за плечами их винтовки. Судя по всему, они никак не могли понять, что происходит на улице. Почему бьют церковные колокола? Но когда увидели военного с красной звездой на шапке, то сразу стали приходить в себя, и один из них, встав на колени, запричитал: «Товарищ командир! Мы не хотели быть полицаями, нас заставили немцы, не убивайте нас!» Парашютист как-то брезгливо на них посмотрел и тихо сказал парням, которые его привели: «Посадите этих негодяев в подвал. Выставьте охрану. Народ сейчас соберется и сам решит, что с ними делать». К 15 часам на площади собралось почти все население. Среди женщин и стариков оказалось достаточно много незнакомых мужчин. Как потом выяснилось, это были так называемые «зятья» из числа бывших воинов Красной Армии, оказавшихся в окружении, которые таким образом решили отсидеться в домах солдаток до наступления лучших времен.

Наконец, когда все уgomонились, слово взял парашютист: «Дорогие товарищи! Я командир Красной Армии, майор Ян Булат. (Я это имя запомнил, потому что у нас была грампластинка с песней про молодого Хаз Булата). Командование Красной Армии направило меня в тыл врага для создания партизанского движения и восстановления Советской власти. С сегодняшнего дня я представляю в вашем селе советскую власть. Передо мной и вами поставлена задача: всем, кто может держать оружие, взять его и выступить на защиту советского села Крапивна. Для общего построения военнослужащих Красной Армии и добровольцев из числа местных жителей даю два часа. Красноармейцам

и командирам Красной Армии на построение прибыть по всей форме. Юношам и девушкам — по усмотрению».

Через два часа перед майором стоял довольно внушительный строй в шинелях, на петлицах которых ярко просматривались рубинового цвета знаки отличия командиров Красной Армии: шпалы, кубики, треугольники. На головах были фуражки, пилотки и даже бескозырки, что выглядело явно не по-зимнему. У всех у них было оружие: автоматы, винтовки, ручные пулеметы, пистолеты. Другой строй состоял в основном из подростков 16–17 лет, правда, среди них просматривались и солидные бородачи с винтовками и охотничьими ружьями на плечах. Одеты они были в основном в фуфайки, шапки, валенки. И выглядели более основательно, по сезону. В этом строю стояли мои родственники: Иван Ермаков — муж тети Гали Дроздовой, семнадцатилетний Евгений Сильвановский — мой двоюродный брат и шестнадцатилетний Константин — брат нашей старшей невестки тети Нюси. По всему было видно, что майор был доволен таким войском.

Майор Ян Булат приказал выйти из строя старшим по званию командирам, что-то им сказал, и они стали переписывать стоящих в строю. После этого стали формироваться подразделения. Тут же майор назначил командиров этих подразделений и приказал выставить охрану села. После этого он еще раз поздравил селян с советской властью и посоветовал им идти по домам, так как после 19 часов вечера и до 8 часов утра объявил комендантский час.

Отряд юных партизан

В один из дней майор Ян Булат собрал нас, мальчишек, и провел с нами беседу, в ходе которой попросил припомнить, где в округе находится оружие, патроны, снаряды, мины и другое военное имущество. Потом он приказал молодым партизанам создать из нас отряды «юных партизан» для поиска и сбора этого военного оружия и имущества. На следующий день нас вооружили деревянными лопатами, мы взяли санки и направились в те места, где это оружие осеңью валялось. Теперь оно было под снегом. Снега в ту зиму выпало очень много. Пробирались мы долго. Стали копать. Снег был сухой и как крупа рассыпался на наших деревянных лопатах. Добравшись до земли, мы просто сгребали его в сторону. Наконец мы нашли первую россыпь мин. Потихоньку стали их откалывать от земли. Чтобы не повредить капсуль и избежать взрыва, мы работали деревянными лопатами.

Вскоре мы, уложив на каждые сани по 5–7 мин (а всего около 50!), направились в село. В село вошли строем, впереди — возницы с санями, а сзади — мы с лопатами на плечах, уставшие, но счастливые. Это

«добро» было сложено в школьный сарай. За этот день другим ребятам удалось найти несколько винтовок. Майор их очень благодарил, все время приговаривая: «Какие молодцы! Вот спасибо! Вот порадовали!»

Каждый день мы шаг за шагом обследовали близлежащий лес. Прошли вдоль замерзшей реки и обнаружили исправную пушку и несколько ящиков со снарядами. Потом нашли миномет для наших мин. Все это свозилось на школьный двор, и там партизаны приводили в порядок боевую технику и боеприпасы: чистили, отдраивали от ржавчины, смазывали тавотом.

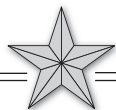
Партизаны идут в наступление, расширяют партизанский край

Наконец пришел момент, когда наши партизаны решили освободить от фашистов г. Локоть и районный центр Брасово, где стоял большой немецкий гарнизон.

Как-то вечером мы увидели, что в центре села выстраиваются отряды партизан, подводы с санями, кони, запряженные в артиллерийские прицепы. Все партизаны на руках имели белые повязки, как полицейские. На шапках не было поперечных красных лент, которые они носили вместо звездочек. Потом они собрались в кружок, и им был зачитан приказ. После чего они погрузились на сани и уехали в сторону г. Локоть.

Примерно через сутки в село стали прибывать подводы с ранеными и убитыми партизанами. Среди тяжело раненых был и мой двоюродный брат Евгений Сильвановский, сын тети Фроси. Он получил сквозное ранение в грудь. Как это произошло, мне стало известно немного позже со слов самого Евгения.

По замыслу командования захват г. Локоть должен был произойти с двух сторон — с севера и с юга. «Северные» должны были в обход зайти с тыла и по прибытии к месту сосредоточения в установленное время обозначить ракетой свою готовность к наступлению. «Южные» должны были подтвердить тоже ракетой, что они приняли сигнал «северных». Но этого они не сделали, потому что, прибыв к г. Локоть и направив туда разведку, они обнаружили, что в городе нет ни немцев, ни полицейских. Те ушли куда-то с карательной экспедицией. Было решено «южным» войти в город и взять его без боя, не дождавшись сигнала «северных». Те, в свою очередь, не приняв установленного ответного сигнала «южных», не дождавшись времени «Ч» и видя, что в городе полно полицейских с белыми повязками на руках, начали артиллерийский и минометный обстрел города. «Южные» подумали, что это возвращаются в город немцы. Разгорелся бой. Он продолжался до тех пор, пока не разобрались, что бьют по своим. Так неудачно закончилась первая боевая операция, в ходе которой был тяжело ранен майор Ян Булат. Ему показалось, что он попал в окружение, и он решил застрелиться. В том бою сквозную рану груди получил мой двоюродный

брат Женя Сильвановский. Эта история до сих пор является для меня тягостным воспоминанием.

Вскоре наш партизанский отряд оправился от потерь, с новым командованием вошел в состав Навлинской партизанской бригады «Смерть немецким оккупантам». Наши партизаны перехватили и стойко удерживали в своих руках значительные участки железных дорог: Брянск — Львов, Брянск — Конотоп. Фашисты несколько раз пытались их отбить и пустить движение поездов, но это у них не получалось. Партизаны крепко удерживали восстановленную ими советскую власть. Тактика партизанской борьбы требовала создавать новые мобильные, хорошо обученные и вооруженные подвижные отряды. Базирование в селах, рядом с семьями лишало партизан их главного преимущества — «летучести». Совершил налет — уходи в лес. Туда фашист не пойдет. Поэтому, как бы трудно не было партизанам покидать свои семьи, они все же для пользы дела ушли в непроходимые Брянские леса. На свою лесную базу ушел и наш партизанский отряд. В селе осталось только подразделение охраны, которое периодически менялось. Иногда на день-два, чтобы помыться в банях, в село возвращался весь отряд. Это всегда был праздник.

К лету 1942 года в обширном лесном массиве Брянского леса образовалось два жизнестойких партизанских края: Дятьковский и Южно-Брянский. После установления советской власти в Крапивне вновь заработала школа, но не две, как было раньше, а одна. Учащихся стало значительно меньше. Раньше у нас была семилетка, и в нее ходили дети из близлежащих деревень. Теперь им, наверное, было не до учебы.

Каратели

Где-то в августе месяце каратели стали приближаться к железнодорожному узлу г. Навля. Вечерами и ночами была слышна канонада, а небо все больше покрывалось багрянцем пожарищ. Это дотла выжигались и превращались в мертвую зону партизанские деревни. Немецкие самолеты стали вновь бомбить наше село. Правда, немного — один раз в день, как по графику. Сначала бомбят наше, потом соседнее и наоборот. В основном страдали дома. Бомбы были зажигательные, поэтому все время горели дома. В нашем селе была создана конная пожарная команда, которая на двух подводах (на одной бочка с водой, на другой пожарная установка-насос) смело и всегда вовремя вступала в «бой» и часто не давала разгореться пожару.

Наконец фашисты все же взяли наш районный центр. Значит, через 5–10 дней они будут в Алтухово. Идя вдоль железной дороги, каратели выжигали и уничтожали партизанские поселения. Зная, что враг неминуемо приблизится и к нашему селу, мы во дворе под сараем выкопали боль-

шую яму, опустили в нее деревянный сундук, сложив в него все ценные вещи, закопали и присыпали навозом. Надеялись, что как только обстановка успокоится, мы все это откапаем. Но судьба распорядилась иначе.

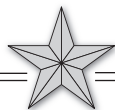
Бегство в лес

Однажды, рано утром, не успели мы еще отправить корову на ближайший выпас, как наше село стал обстреливать бронепоезд, который находился в километрах пяти от нас. По селу сразу разнеслась команда: уходить в леса в сторону поселка Жданово по Почепскому шоссе, брать с собой только скотину, одежду и продукты питания. Кое-как мы собрали мешки с одеждой, одеялами, подушками. Два мешка, связав их между собой, забросили на спину коровы, остальные на себя и двинулись к лесу. Мама шла с рюкзаком на спине, в одной руке несла Аллу, а другой держала Олега. Бабушка тащила на спине и под мышкой тоже какой-то скарб. Я вел корову за веревку, накинутую на рога. Наконец-то в лесу мы подошли к большим землянкам. Это были большие сооружения, изготовленные из толстых сосновых бревен. Потолок тоже был уложен такими же бревнами, пол сделан из досок. Сверху потолка — слой песка метра полтора. Все это укрыто живым кустарником. Наверное, эти сооружения готовились для партизан еще в 1941 году, потому что они хорошо заросли травой и кустарником.

В землянке, прежде всего, разместили нас — детей. Странное дело: Алла и Олег не хныкали и не плакали, только просили пить. А вот воды-то и не было. Не подумали мы и о ведрах. Хорошо, что в этой суматохе взяли чугуны, тарелки, ложки и нож. Где-то к вечеру партизаны привезли нам металлический бидон с водой и сказали, что пока обстрел леса не окончится, никому из землянок не выходить. К вечеру стрельба стала еще сильнее. Когда снаряды разрывались близко, с потолка сыпался сухой песок. Мы боялись, что они пробьют наше укрытие. Но тревога была напрасна — все было изготовлено добротно.

Через два-три дня нам было разрешено выйти из землянок, и мы пошли опять вглубь Брянских лесов. По дороге нам сообщили, что наше село Крапивна карателями сожжено дотла. Это была самая неприятная новость со дня объявления войны. Теперь мы остались без крова, а лето кончалось. Как будем жить и зимовать в лесу? Никто на этот вопрос не мог дать ответ. Наконец-то нас привели в лес, который со всех сторон был окружен болотами. Место было очень красивое и спокойное. Рядом протекала небольшая, чистая речка с холодной ключевой водой. Нам сказали, что здесь мы будем жить. Надо обустраиваться, копать и строить землянки, так как вечерами уже было холодно.

Потом разведка доложила, что каратели ушли. Народ бежал в леса, а туда они боялись сунуться. Охраняли немцы лишь железнодорожное полотно и большой мост через реку Навля, подступы к которому огоро-

дили колючей проволокой и заминировали. От нашего лесного лагеря это находилось в 25–30 километрах.

Предательство

Однажды, устав от тяжелой работы, мы все здорово уснули. Проснулись от винтовочных выстрелов и команд неизвестных нам людей. Была еще ночь, но ярко светила луна и поэтому мы увидели, что наш лагерь окружен полицаями. Было приказано собрать вещи, скотину и выйти на проселочную дорогу. Мы поняли, что наша партизанская жизнь закончилась, а что нас ждет впереди — неизвестно. Скорее всего, будут допросы, пытки, расстрелы. Что еще можно было ждать партизанским семьям от палачей?

Наша колонна выстроилась и сопровождаемая по бокам полицаями, которых было всего человек двадцать, двинулась в неизвестное. Так шли мы часов 5 или 6, сколько прошли километров за это время, никто не знал. Возле нас все время шел молодой прыщавый полицай и все посматривал на нашу швейную машину. Казалось, что она его приворожила. Был он спокоен и даже пытался с мамой о чем-то разговаривать. Он сказал, что нас направят в концентрационный лагерь, там немцы допросят, а потом отпустят по селам. У кого есть родственники, знакомые — пойдут жить к ним. В ходе этого разговора мы увидели, как нас бойко обгоняет одна пара: женщина и полицай, которые радостно о чем-то говорили. Женщина была из нашего партизанского поселения. Оказалось, что она через «дупло» (условное место в лесу) поддерживала связь со своим мужем — полицаем. Кто она и откуда взялась, в нашем лагере никто не знал. Скорее всего, она была шпионка. Внезапное окружение и захват нашего партизанского лагеря — ее работа.

Наконец, мы прибыли на какой-то небольшой хутор. Наших коров загнали в загон, сколоченный из березовых жердей. Чуть дальше в лесочке стояли запряженные подводы. Туда полицай приказали снести наши вещи и положить на эти подводы, при этом сказали:

— Не бойтесь, все ваши вещи завтра вы получите, когда все мы придем в г. Локоть. Сейчас располагайтесь, отдыхайте, разводите костер, грейтесь и готовьте пищу. Завтра утром продолжим движение. У костра мы немного поели. Бабушка подоила корову и принесла нам молока. Уставшие от бессонной ночи, длительного перехода и переживаний, мы быстро уснули прямо на земле, накрывшись с головами одеялами и прижавшись друг к другу.

Партизаны пришли на помощь. Мое ранение

На рассвете весь наш «табор» был накрыт густым туманом. Воспользовавшись им, боевая группа нашего партизанского отряда решила нас отбить у полицаяв. Они выследили, когда полицай после хорошего воз-

лияния заснут, осторожно, без всякого шума сняли часовых, быстро проползли по нашему «табору» и предупредили, чтобы мы при выстрелах не паниковали и никуда не бежали. Вскоре разорвалось несколько гранат, где «ночевали» полицаи. Началась стрельба, но быстро закончилась. Подбежали партизаны и приказали нам собрать вещи и идти опять в лес. Но наших коров и подвод с вещами мы не обнаружили.

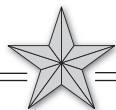
В лесу нас ждали подводы, запряженные лошадьми, на них были посажены маленькие дети. Только мы погрузились, немцы начали обстреливать лес из бронепоезда. Кто-то из полицаев успел доложить немцам о нападении партизан. Лошади сорвались с места и понеслись в лес, за подводами бежали взрослые. Снаряды рвались все ближе и ближе. Дети на подводе закричали, а я почувствовал, что мне что-то острое врезалось в левую руку. На рукаве я нащупал острый и горячий небольшой осколок, который, видимо, уже на излете, потеряв убийную силу, врезался мне в руку, слегка пробив рукав фуфайки. Я стал его рассматривать. Это был осколок размером миллиметров 15 в длину и 3–5 миллиметров в толщину. Весь какой-то рваный, острый со всех сторон. Справа, но теперь уже сзади, разорвался снаряд, и тут же я был сброшен ударной волной с лошади. Я почувствовал сильную боль под мышкой правой руки. Дальше я ничего не помню. Очнулся в палатке. Моя грудь была туго перевязана бинтами. Рядом со мной лежал какой-то раненый мужчина. Когда я посмотрел в его сторону, он спросил: «Ну как, старик, больно? Ничего, будешь жить. Бывает хуже. Нам с тобой еще повезло». В палатку вошла девушка в фуфайке и белой косынке, у нее на плече была брезентовая сумка с красным крестом. Она улыбнулась, подошла ко мне и прошептала: «Не волнуйся, твои все живы. Они здесь. Ранение у тебя легкое, скоро заживет, и мы тебя выпишем».

Через день мне сделали перевязку. Было совсем не страшно и не больно. Оказалось, что осколок снаряда мне просто прорезал тело под мышкой, не затронув ребра. Через два дня меня отвели на нашу новую лесную базу.

Мы опять в ловушке

Боевые группы партизан не могли больше оставаться в нашем новом лагере и ушли на свои запасные зимовья. И, наверное, правильно сделали. Как-то утром мы слышали приближающийся рокот, издаваемый мотоциклами, автомашинами и танками. Несколько часов эта техника колесила по лесным дорогам вблизи нашего лагеря. Мы поняли — началась очередная зачистка леса от партизан. Стали готовиться к худшему. Где-то к полудню мы слышали громкий и отчетливый голос, усиленный мощным репродуктором:

— Партизаны! Вы окружены! Сопротивление бесполезно! У нас танки, бронемашины, мотоциклисты, снайперы и овчарки. Сдавайтесь!

Вам гарантируется жизнь! Если вы в течение часа не выйдете из леса, не сдадите оружие, мы начнем обстрел. За одного убитого немецкого солдата или русского полицая будут расстреляны десять партизан или членов их семей. Сдавайтесь!

Партизан к этому времени в отряде не было. Мы собрали остатки своих вещей. Взрослые взяли детей на руки и стали выходить из леса, в направлении радиомашин, которая монотонно продолжала вещать один и тот же текст. Впереди нашей группы шла дородная старуха, которая в руках держала белую тряпку. Люди двигались молча с уставшими и напуганными лицами, хныкали дети. Наконец мы вышли на широкую лесную дорогу. Вдоль нее с противоположной стороны стояли немецкие автоматчики с собаками, которые задолго до нашего появления стали неистово лаять, пытались сорваться с поводков. Немцы и полицай, как только мы приблизились, начали выстраивать нас в колонну, затем в их сопровождении мы двинулись вперед. Куда? Об этом знали только они. Если бы они нас хотели расстрелять, то расстреляли бы там же в лесу, как они это делали не раз.

Через какое-то время мы услышали автоматную очередь. С хвоста колонны пронеслось сообщение: немцы пристрелили старика со старухой, которые не выдержали такого темпа движения. Бедняги отмучились. У мамы и бабушки руки устали от Олега и Аллы, а у меня вся спина была отбита от рюкзака, в котором лежал чугунок с ложками и кружками. Но никто не жаловался. Это было испытание на выживание, на прочность.

Концлагерь

Поздно ночью, пройдя километров 20–25, мы прибыли в концлагерь «Красный колодец», который находился в километрах 5–7 от г. Локоть. Это было большое поле, огороженное колючей проволокой. По углам стояли деревянные вышки с часовыми. Открылись ворота, переплетенные колючей проволокой, и нас загнали туда, как стадо баранов, подгоняя и покрикивая.

По всему лагерю просматривались какие-то темные скопления. При подходе к ним мы увидели кучно лежащих людей. Мы попали в «лагерь смерти». Каждый день утром в одно и то же время этот лагерь бомбил немецкий самолет. После этого приходили полицайи и уводили узников на допрос. Кто-то возвращался, а кто-то нет. В основном интересовались тем, где партизаны, сколько их, кто командиры. В лагере не кормили, люди умирали от голода, холода и бомбежек.

Часов в 11 утра мы услышали, как где-то недалеко «заработал» мотор самолета. Люди в лагере заметно заволновались и стали смотреть в сторону. Мы увидели самолет. Матери ложились на землю, крепко прижимали к себе детей, чтобы они ничего не видели и не слышали.

Вот от самолета отделилась бомба. Закричала женщина: «Будь ты проклят, фашист!» Потом мы услышали мужской голос: «Братья и сестры, помолимся! Это Господь Бог карает за наши грехи». Дальше его слов мы уже не слышали, их заглушил душераздирающий визг приближающейся бомбы. Узники лагеря смерти с ужасом наблюдали за ее падением. Она упала как раз туда, где столпился народ. Мы же остались лежать на месте. Это нас на этот раз спасло.

Раздался взрыв, и нас к земле прижала мощная ударная волна. Сверху что-то падало. Когда мы открыли глаза, то увидели, что возле нас лежат части человеческих тел, наша одежда была в крови. Кругом стоял дикий вопль: рыдали женщины, от страха визжали дети, кто-то стонал. Мама со слезами на глазах стала каждого из нас ощупывать — целы ли мы. Бабушка отрешенно смотрела по сторонам и крестилась, что-то шепча своими обесцвеченными губами.

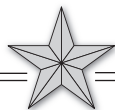
Для чего была устроена эта фашистская мясорубка? Ответ трудно найти, так как эти действия не поддаются логике. Однажды вечером старая цыганка подошла к нам, дала маме большой кусок хлеба, прошептала: «На, дорогая, покорми своих цыганят».

Такого вкусного хлеба я никогда в жизни не ел. Когда мы устроились спать, цыганка снова подошла к нам: «Завтра я возьму с собой твоего старшего цыганенка. Приготовь ему сумку». Мы поняли, что у нас появилась надежда хоть с голоду не умереть.

Ночь была холодная, проснулись мы рано утром от дрожи. Наши одеяла, которыми мы укрывались поверх фуфаяк, были покрыты серебристым инеем. Цыгане быстро собрались. Мне лицо намазали золой, и я, потерявшись среди них, вышел из концлагеря. Цыганка кому-то гадала, а цыганята давали концерт. В ходе нашего «концерта» деревенские бегали домой, приносили нам хлеб, картофель, лук, морковь. Вскоре наши сумки были полны продуктами, и мы под аплодисменты зрителей пошли в лагерь. Бабушка и мама были счастливы. Того, что я принес, нам хватило на три дня. Один мой поход с концертом в дальнее большое село Погребы закончился тем, что меня там встретила наша соседка тетя Даша (та, что с мамой ходила к своему мужу в Курск). Она долго смотрела на меня, когда я пел и танцевал, а потом подошла поближе и спросила: «Аркаша, ведь ты бабушки Дуни внук?» Когда я вернулся в лагерь и рассказал об этой встрече с тетей Дашей, мама и бабушка были очень рады. Они стали молиться Богу, чтобы он помог и тете Даше и нам выбраться из этого пекла.

Мы спасены

И вот однажды к лагерю подъезжает подвода с полицией и тетей Дашей. Полицай показывает немцам какой-то документ, и они с тетей Дашей подходят к нам, говорят, чтобы мы быстро забрали свои вещи

и выходили из лагеря, пока не прилетел на бомбежку самолет. Так мы оказались на свободе. Оказывается, тетя Даша уговорила знакомого полицая, чтобы он вывез нас из лагеря как своих родственников. За это она хорошо ему заплатила — отдала свое старинное серебряное колечко. Сама она жила у своих родственников в сарае, там же поселились и мы.

Жили мы в сарае не долго. Ходили по деревням, просили милостыню. Народ помогал. На костре во дворе готовили пищу: в основном картофель. Хорошо, что у нас был чугунок, который нас всегда выручал. Наш родственник дядя Алексей узнал, что мы находимся в беде, нашел нас и отвез в отдаленное спокойное село Суслово Брасовского района, где уже находилась наша тетя Нюся со своими дочерьми.

Мы опять беженцы

В 1943 году Красная Армия перешла в наступление на всех фронтах. Часто в небе над нашим селом вдруг возникали воздушные бои. Даже и днем была слышна артиллерийская канонада. Через село потянулись колонны немецких автомобилей. Это отступала фашистская армия. Немцы уничтожали населенные пункты, сжигали поля, где созревал хороший урожай, угоняли скот и людей. Красной Армии должно было достаться выжженное безлюдное пространство.

Через несколько дней, когда фронт совсем приблизился к нашему селу и уже отчетливо слышалась артиллерийская канонада, в село прибыла немецкая жандармерия. Местному населению было приказано взять свой скarb, скот, покинуть дома и двигаться на Запад. Мы поняли, что нам надо срочно бежать из этого села, спрятаться в пещерах оврага и там ждать Красную Армию. Быстро собрали свои пожитки и рано утром незаметно покинули село. Часа через два мы уже были в овраге и стали выбирать для себя подходящую нору. Только устроились, видим, в этот овраг стали прибывать местные жители, которые тоже облюбовали себе пещеры для жилья, а коров пустили пастись в овраг. Их сразу обнаружили немцы. Жандармы с собаками окружили со всех сторон овраг, перестреляли из автоматов коров. После чего устроили с собаками облаву на местных жителей. Спрятаться от собак даже в пещере было невозможно. Поэтому мы были вынуждены вылезть из своего укрытия и пойти туда, куда указывали немцы.

Вскоре нас присоединили к большому обозу, двигавшемуся из села Суслово. Когда нас увидел наш бывший хозяин Кузьма Михайлович, то сразу же Аллу и Олега посадил на одну из своих подвод. На второй подводе ехала его невестка со своим мужем-полицаем и их двухлетняя дочь. Мама и я пошли рядом. Так мы добрались до поселка Дубрава. Тут же на улице мы устроились на ночлег. Шел июль 1943 года. Ночи были теплыми после знойного солнечного дня. Мама наварила

картофеля в нашем «походном» чугушке. Следующее утро началось с того, что всех беженцев (так теперь называли все гражданское население) построили вдоль дороги и приказали всем мужчинам и юношам с 15 лет и старше выйти на другую сторону улицы. Мне было только 12, и я, естественно, не вышел. Тут же подбежал жандарм и прикладом меня выгнал из общей толпы. Мама сразу запричитала: «Ему только 12 лет. Отпусти его!» Но фашист, выпучив глаза, дико посмотрел на нее и опять замахнулся прикладом. Конечно, он по-русски ничего не понимал. А мамины слова мог истолковать как оскорбление.

Народ заметно заволновался. Почему фашисты отобрали мужчин, не собираются ли они их перестрелять? Достаточно кому-то было сделать одно движение, как мы все опять смешались в общую толпу. Что бы навести порядок, фашисты нас припугнули, выпустив вверх очередь из автомата. Потом на ломаном русском языке было сказано:

— Руски мужик должен рыть траншеи для немецки зольдат. Сделать свой арбайт — руски мужик будет отпущен к русиш фрау. Ферштейн?

Мы поняли, что нас хотят послать на работу — рыть им траншеи. Народ немного успокоился. Нас построили и погнали туда, откуда мы вчера пришли, к тому большому рву. Потом мы прошли еще километра три и оказались на какой-то небольшой возвышенности, с которой далеко просматривались поля, засеянные зерновыми, лощины, рвы. Приехала грузовая машина и нам приказали взять лопаты. Затем выстроили в один ряд друг от друга на расстоянии 10 шагов и заставили копать траншею шириной 1 метр и глубиной в рост взрослого человека. Каждому надо было выкопать траншею длиной в 7–8 метров. Копали мы часа три или четыре. Нами руководил офицер, наверное, сапер. Затем мы увидели, как в метрах в 300–500 от нас стали подъезжать и зенитные установки. Теперь работали и немцы, которые, очевидно, сооружали для себя укрытия. К вечеру внезапно над нами на предельно малой высоте появились три наших штурмовика и с ходу атаковали позиции зенитчиков, которые даже не успели развернуть свои орудия к отражению самолетов. То ли от ударов наших штурмовиков, то ли еще от чего, вдруг загорелось и запылало поле, на котором созрел урожай. В считанные минуты оно покрылось густым черным дымом, который ветер пригнал на наши траншеи. Самолеты выстроились в круг, постоянно пикировали и добивали зенитчиков и их технику. Используя дымовое прикрытие, мы бросили лопаты и быстро стали убегать в сторону лощины, которая уже была прикрыта дымовой завесой. Там кто-то из местных сориентировался: «Бежим догонять свои семьи. Немцы нескоро теперь очухаются. Поле долго будет гореть, и они нас не найдут». Так лощинами, кустарниками мы пробежали километров пять-семь. Потом у какой-то речушки попили воды, умылись

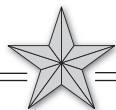
от пота, привели себя в порядок и стали выходить к околице небольшой деревушки, в которой тоже местное население грузило свои вещи на подводы. Колонна людей, скота уже вытягивалась на проселочную дорогу. Мы разбрелись и незаметно влились в эту колонну. К вечеру мы подошли к большому населенному пункту Глоднево, где был развернут огромный лагерь беженцев. Стали спрашивать: нет ли здесь Сусловских? Нам сказали, что они находятся возле реки. Вскоре я встретил свою семью. У костра сидело все семейство Кузьмы Михайловича, мама, Олег и Алла.

На следующее утро немцы опять нас погнали от приближающейся линии фронта в сторону Украины. Немцы подошли к обозу с беженцами и начали показывать эсэсовцам на пяти-семилетних мальчиков и девочек, которые имели здоровый внешний вид. Эсэсовцы подбегали к подводам, на которых сидели дети, выхватывали их из рук родителей и передавали «врачам». Те, конечно, детей не отдавали, так как сразу поняли, что немцам нужна кровь для раненых. Дети должны стать донорами! Эсэсовцы били родителей прикладами, тут же на глазах детей расстреливали. Народ стал разбегаться в стороны, но и там фашисты встречали их огнем. Огромная толпа металась по полю от отчаяния. Мама схватила Аллу на руки, прижала к себе Олега, и как каменная застыла на месте. «Врачи» несколько раз пробегали мимо, не обращая на нас никакого внимания. И мы поняли, что мы не тот «товар». Заморыши им были не нужны.

Облава продолжалась с полчаса, пока палачи не отобрали столько детей, сколько им было нужно. Долго в толпе еще стоял стон и лились безутешные слезы. Несколько раз молодые обезумевшие женщины прорывались прорваться сквозь заслон эсэсовцев и вырвать своих детей из рук убийц. Но тут же их навсегда останавливали автоматные очереди. Теперь взоры всех людей были устремлены на эти палатки с красными крестами. Через какое-то время из них стали выходить «врачи» и выносить тельца детей с опущенными вниз ручками и ножками и укладывать их недалеко от палаток. Тут же эсэсовцы выстроились в цепь, как бы взяв палатки под охрану. Увидев, что немцы выносят детей, матери, как по команде, с воплем бросились к полемому лазарету. Вскоре мы услышали душераздирающие крики стоящих на коленях несчастных женщин. Кто-то из них упал в обморок, кто-то от горя рвал на голове волосы, проклиная убийц, а кто-то, сорвавшись с места, с диким визгом бросился к палатке, чтобы вцепиться в убийц детей, но тут же был расстрелян охраной. Страшно было смотреть на сразу постаревших, убитых горем матерей, которые, еле передвигая ноги и рыдая, несли на руках безжизненные тела своих детей. Совсем недавно это были краснощекие, пышущие здоровьем дети, теперь это были мраморные человечки с серо-белыми застывшими лицами.

Однажды поздно вечером колонна беженцев была остановлена у села Петрилово, улицы и дома которого были расположены в виде буквы «П». В середине было поле размером с квадратный километр, заросшее мелким кустарником. По всему полю просматривались копания (ямы, оставшиеся после добычи торфа), которые были заполнены водой. Копания были старые, края их обвалились и заросли травой. Эти ямы стали убежищем для нашей семьи и спасением от фашистского рабства. Немецкие жандармы, которые сопровождали нашу колонну по обеим сторонам дороги, подогнали нас к этому полю и указали место для ночевки. Мама сказала, что в заросших ямах можно спрятаться и дожидаться там прихода Красной Армии. Фронт уже очень близко. Не сегодня-завтра наши будут здесь. Артиллерийская канонада с каждым днем все ближе и ближе приближалась к нашим местам, отчетливо слышалась пулеметная стрельба. Мама, я, Олег и Алла залегли под кустом возле ямы. Мама опустила в яму, которая была размером метра два на полтора и стала ее исследовать в том месте, где дерн с пожухшей уже травой больше всего нависал над водой. В этом месте вода была ей по грудь. Она подняла дерн и стала подкапывать под ним, делая там пещеру. Копать было легко, так как это была не земля, а сухой торф. Вскоре было вырыто довольно внушительное убежище, и я передал маме сначала Олега, а затем Аллу, и она их там разместила, строго-настрого приказав молчать. Я тоже опустил в воду, которая была теплая, так как нагрелась за августовский жаркий день. Наше убежище надежно прикрывал дерн.

Не успели мы спрятаться, как услышали приближающиеся звуки губной гармошки. По направлению к нашей яме двигался немец. Мы замерли. Любое наше движение могло вызвать круги на воде и привлечь внимание фашиста. Ночь была звездная, ярко светила луна. На наше счастье вдруг вокруг все заскрежетало, завизжало и прямо над нами небо раскололось на две черных половины огненными стрелами, которые устремились в тыл врага. Это заработали наши гвардейские минометы «катюши». Немец дико закричал и бросился в сторону лагеря беженцев. Там тоже поднялся гвалт. Со всех сторон слышались голоса немцев, плач детей. Заскрипели колеса, и беженцы, понукаемые немецкими командами, тронулись в направлении села. Изредка раздавались автоматные очереди. Наверное, по убегающим людям. Через какое-то время все стихло. Ночью на нашу беду пошел дождь, вода в яме стала быстро охлаждаться. Чтобы не замерзнуть. Мы стали передвигать ноги, делать физические упражнения руками. Теперь это можно было делать, не опасаясь, что нас кто-то увидит. Дождь продолжался всю ночь. И всю ночь мы боролись с тем, чтобы не переохладиться, моля Бога, чтобы он ускорил приход наших войск. С той стороны, с которой они должны были прийти, по-прежнему была слышна

канонада. Но она была еще далеко от нас. На фоне догорающего села еще передвигались какие-то тени, и в нашу сторону изредка летели трассирующие пули.

Утро мы встретили замерзшими и измученными. С нетерпением ждали появления солнышка, чтобы вода опять нагрелась. Мама набралась смелости и выглянула из нашего убежища. Кругом было тихо и никого не было видно. Правда, метрах в 70-ти от нас лежал, уткнувшись головой в землю, человек с мешком-рюкзаком на спине. Я тоже решил посмотреть в ту сторону. Мне показалось, что это была женщина, так как рядом с ней лежала белая косынка. Еще я рассмотрел, что мешок был немного разорван, и из него что-то торчало. Это «что-то» напомнило мне, что мы ничего не брали в рот со вчерашнего вечера. Поделившись своими наблюдениям с мамой, я сказал: «В мешке убитой женщины должны быть продукты. Надо туда доползти». Мама меня не пускала. Мои размышления были прерваны рокотом автомобилей и мотоциклов. Мы поняли, по дороге, которая находилась так близко от нас, отступают немцы. Двигались они на большой скорости, и скоро мы почувствовали теплую, удушающую гарь, исходящую от работающих двигателей. Драпали фашисты часа полтора-два. И все это время мы боялись: вдруг эта отступающая армада остановится. Немцам потребуется вода, и нас могут обнаружить. Тогда — неминуемая смерть. Когда отступающие немцы уже были за догорающим селом, опять налетели наши штурмовики и начали громить их. Так продолжалось весь день.

Когда стали наступать сумерки, я вылез из ямы. Вода ручьями стекала с моей одежды. Не поднимаясь, я пополз. Через три-четыре минуты я был у цели и увидел, что мешок на убитой женщине действительно разорван и из него вываливается на землю размокший от дождя хлеб. Я его собрал и пополз назад к яме.

Мы освобождены!

Часов в пять утра стало медленно рассветать. Мама, чтобы немного согреться, ходила по яме. А потом, чуть приподнявшись, решила посмотреть, что делается по сторонам. Она тихо проговорила: «Сюда идут цепью немцы. Это, наверное, передовики. Они могут найти нас. Давайте на всякий случай попросимся». Мама поцеловала Аллу, Олега, потом меня. Ребята стали хныкать. Мама прошептала: «Деточки, молчите, сейчас они пройдут, а там и наши появятся». Прошло минут пять. По-прежнему было тихо. Мама опять выглянула и вдруг как закричит: «Наши! Боже мой, наши пришли!»

Я тоже выглянул и увидел в метрах 20–30 наших солдат, которые быстро шли в одну шеренгу по полю в направлении села Петрилово, огибая сразу с двух сторон наше поле. Солдат было человек сто, одеты они были в форму защитного цвета с погонами.

Я стал быстро доставать из норы еще не совсем проснувшихся Аллу и Олега и передавать их маме. Мама их поставила на край ямы, и мы стали выбираться из нее. Эту нашу возню сразу увидели солдаты и бросились к нам, нарушая боевой порядок. Они бежали к нам, улыбались и кричали: «Смотрите, дети! Дети! Дети!». Через минуту Алла и Олег были уже на руках у военных. Они окружили нас и бурно обсуждали эту внезапную встречу:

- Вы первые, кого мы встретили за неделю боев!
- Фашисты оставляют пустые, сожженные деревни.
- Как же вы смогли вырваться из рук палачей?
- Давно ли фашисты ушли?

Вопросы. Ответы. Возгласы удивления.

- Сколько же вы просидели в яме с водой? — спросили солдаты.
- Две ночи и один день, — ответила мама.
- И не замерзли?
- Очень замерзли!

Ведя этот разговор, солдаты открывали свои котелки, вещмешки, доставали оттуда хлеб, кусочки сахара и угощали Аллу и Олега. Мне кто-то сунул банку тушенки и пару сухарей.

Потом офицер, видимо, командир этой роты, сказал: «Все! Для вас война сегодня закончилась. Запомните этот день. А сейчас идите в деревню. Немцы не успели ее сжечь. Устраивайтесь. Сушитесь. Воду из колодцев пока не пейте. Там будет развернут медсанбат, медики проверят, не отравлена ли вода. Ну, а нам пора идти». И он приказал солдатам опять встать в строй — «цепочку» — для прочесывания местности.

Когда они уже тронулись, мы вдруг услышали здоровый солдатский смех. Из другой ямы выбирались длиннобородый дед и бабушка.

Наступивший день был очень теплым, и через час-другой наша одежда высохла. Не успели мы обсушиться, как к нам подкатил мотоцикл с двумя военными: солдатом и офицером, который сидел сзади на багажнике мотоцикла. Обращаясь ко мне, он сказал: «Пацан! Быстро пробегись по домам и постарайся найти там чистой бумаги. Мне надо срочно написать разведдонесение. Через несколько минут я принес ему листы чистой бумаги, вырванные из книг. Разведчики ушли. А мы зашли в пустой дом и решили приготовить нашим освободителям обед. На огороде накопили картошки, почистили ее. В сенцах дома в ведре оказалась вода. Помыли картофель и потеряли на терке, добавив туда муки. Я сбегал в один, в другой дом и принес несколько банок с какими-то остатками на дне, по внешнему виду напоминавшими масло. Потом в каком-то подвале я нашел кусочек сала, завернутый в тряпку. Это было уже кое-что. Олег с Аллой собрали дровишки для костра, и мы стали ждать возвращения наших разведчиков.

Наконец-то слышали треск мотоцикла, и к дому подъехали разведчики. Они были в хорошем настроении, разожгли костер. Мама стала готовить драники. Во дворе появился давно забытый запах мирных дней. Какие вкусные были эти оладушки! Вот тогда, наверное, мы по-настоящему поняли, что для нас война закончилась и началась новая жизнь.

Медсанбат

Операционная размещалась в единственном двухэтажном доме. Когда-то этот дом принадлежал местному помещику. Проходить мимо операционной всегда было страшно. Душераздирающие крики нередко доносились и до нашего крайнего дома. Эти минуты опять возвращали нас к войне. Иногда я видел, как на околице деревни садился санитарный самолет, и к нему бегом устремлялись санитары с носилками. Чаще всего отправляли тяжелораненых, наверное, в стационарный госпиталь.

Над каждой избой в деревне висел белый флаг с красным крестом, на кабинах всех грузовых машин-полуторок был нарисован белый круг тоже с красным крестом. Это для того, чтобы немцы соблюдали требования Международной конвенции и не бомбили объекты, находящиеся под прикрытием Красного Креста. И все равно не было дня, чтобы какой-нибудь одиночка-стервятник не обстрелял нашу деревню. Недели две или три мы были единственной гражданской семьей, находящейся в деревне. Вечерами мама варила большое ведро картошки и еще горячую, прямо от костра, несла раненым.

Потом стали возвращаться в деревню хозяева. Через несколько дней они вернулись и в дом, в котором мы жили. Встал вопрос, где нам теперь жить. Возвращаться в село Алтухово? Там нас никто не ждет, дом сгорел, крыши нет, а на дворе вот-вот наступит осень. Местные жители показали нам одну хату: «Занимайте ее. Здесь жила одна старушка. Она умерла». В один из дней к нам в эту хату зашли три офицера (командир, замполит и главврач медсанбата) и сказали: «Анна Петровна! Завтра рано утром мы уезжаем ближе к линии фронта. Нам очень хочется от имени всех раненых поблагодарить вас за поддержку, за внимание к нашим бойцам и командирам. Этого они никогда не забудут».

Осенью деревня убирала урожай. Мы, дети, помогали по мере сил. Мы заработали пять мешков ржи, двадцать мешков картофеля, три мешка сахарной свеклы. Теперь на зиму мы были обеспечены. Кроме того, я осенью каждый день ходил за грибами.

Вскоре наступила снежная зима. В колхозе работы стало меньше, и мы всей семьей сидели дома. Теперь я учился уже в четвертом классе. Еще мне запомнилось, как мы сами мололи зерно и пекли в своей деревенской печи настоящий хлеб.

Послесловие

После войны я решил посвятить свою жизнь службе в Советских Вооруженных Силах для того, чтобы советские люди никогда больше

А.В. Никоноров

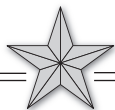
не испытывали те ужасы и страдания военного лихолетья, которые мне пришлось пережить. Закончил спецшколу ВВС, Военно-авиационное училище, Военную академию, затем сорокалетняя служба. Участвовал в военных конфликтах за рубежом в ликвидации последней аварии на Чернобыльской атомной электростанции, после чего перенес десять сложнейших операций. Написал серию книг о великом полководце Маршале Советского Союза Г.К. Жукове. Я член Союза писателей России, Лауреат премии «Золотое перо Подмосковья», Заслуженный работник культуры РФ, заместитель председателя «Межгосударственного союза городов-героев и городов воинской славы»; награжден орденами Ленина, Дружбы, Мужества, За службу Родине 3-й степени, За заслуги перед

Отечеством, Рыцарским крестом, Серебряной звездой «Общественное признание», более 30 медалями СССР, России и других государств.

ИЗ ГЛУБИН ПАМЯТИ

*Белянова Антонина Михайловна, 79 лет,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры политической экономики
экономического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
г. Москва*

Мои воспоминания о войне хочу начать с небольшого отступления. 4 сентября 2011 г. мы возвращаемся с Бородинского поля, где

отмечалось 199 лет со дня Бородинского сражения — красочная реконструкция битвы русской армии с войском Наполеона. Эти ежегодные «сражения» собирают многие сотни зрителей, и хочется выразить большую благодарность добровольцам-энтузиастам, участникам представления, которые хранят память о тех, кто сражался за русскую землю два века назад. Моя пятилетняя внучка Женечка, под впечатлением увиденного, задает много вопросов. А я ей рассказываю, что спустя 130 лет после Бородина, на этом же поле вновь шли сражения, но уже с немецкой армией. Женечка просит рассказать про войну, и я рассказываю ей о Зое Космодемьянской, говорю, что будем проезжать ее памятник. Девочка слушает, очень волнуется, что не увидит памятник и задает, задает вопросы о том, почему так поступили с Зоей, где она похоронена, можно ли увидеть ее могилу и принести цветы... И еще вопрос: откуда я все это знаю. Я рассказываю, как я узнала о начале войны. Памятник Зое Женечка увидела, и мы договорились, что в следующий раз принесем к памятнику цветы. А я вспомнила, что впервые прочитала о Зое в «Пионерской правде» и рассказывала о ней, когда меня принимали в пионеры. А потом в старших классах читала поэму Маргариты Алигер «Зоя».

Надо сказать уже давно родилась у меня мысль написать о войне так, как воспринималась она глазами ребенка — ведь когда началась война, мне было 8 лет, я окончила первый класс (железнодорожной школы № 4 г. Перово, теперь это — один из московских районов, а тогда Перово относилось к Московской области). Но шли годы, и до сих пор так я ничего и не написала, хотя память сохранила многие события тех непростых и для страны в целом, и для каждого человека лет. Конечно, многое стирается из памяти, но отдельные события запечатлены необыкновенно ярко и подробно. К таким событиям относится день 22 июня 1941 г. — день начала Великой Отечественной войны.

Немного о себе и тех местах, где мы жили. Мы жили под Москвой, между двумя железнодорожными станциями Горьковской железной

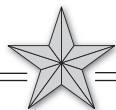

*А.М. Белянова с правнуками
Андреем и Женечкой*

дороги — Чухлинка и Кусково. Улица Вокзальная (потом Рассветная аллея) тянулась узкой полосой, в основном одноэтажных, редко двухэтажных дачных домов, вдоль железной дороги и узкого шоссе. А с другой стороны нашей улицы шел лес, очень ухоженный, прозрачный, в основном дубовый, по которому можно было дойти до станции Плющево и до музея-усадьбы графа Шереметева, куда мы ходили довольно часто. Жизнь перед войной казалось спокойной, и ничего не предвещало беды. В наших домах было очень много детей разных возрастов — и тех, кто учился в старших классах, и малышей. Старшеклассники устроили волейбольную площадку, площадку для игры в городки. А мы, маленькие, играли в прятки, в казаки-разбойники, в шпандарт и другие игры. Было какое-то единение, открытость, стремление к общению. Я не помню, чтобы были пьянство, драки, ругань, хотя жили все стесненно и достаточно скромно. Одежду детям в основном шили мамы или бабушки, а моя мечта была модная в те годы матроска, которую мне, наконец, купили, когда я училась в первом классе. Я даже запомнила ее цену — 81 рубль. Позднее в годы войны во время одного из выступлений и переодеваний матросская кофточка, видимо, кому-то так же понравилась, как когда-то мне, и у меня осталась только юбочка.

22 июня 1941 г. день выдался солнечный, теплый. С утра родители были заняты окончанием строительства террасы: папа помогал плотникам, мама готовила по этому случаю угощение. Я же решила навестить свою подружку Нелю, которая жила через несколько дач от нашего двора. Она тоже окончила первый класс, но училась в другой школе, и нам редко удавалось поиграть друг с другом. На этот раз мы решили посмотреть, кто из нас двоих лучше читает. Мы взяли книгу «Приключения Нильса с дикими гусями» и по очереди читали ее. Я очень старалась, но чувствовала, что Нелька, пожалуй, лучше меня читает, и даже сердилась за это на нее, выбирая все и новые и новые страницы для чтения. Не знаю, чем бы закончились наши состязания, но вдруг на террасу выбежала Нелина соседка, старшеклассница Роза, и закричала нам: «Девочки! Война началась! Немцы на нас напали! Уже бомбили Киев. Наши отступают». Взрослые начали обсуждать это сообщение, а мы с Нелькой по-своему восприняли это известие. Мы представили, как наши солдаты отступают, пятясь назад и держа перед собой наготове ружья. А вдруг немцы придут сюда. Как же наши солдаты будут отступать, когда каждая дача окружена забором? Наверное, заборы придется ломать, и тогда нам будет очень удобно бегать друг к другу. Так смешно и нелепо представлялась война маленьким девочкам.

Мне кажется, что известие о войне для всех было шоком. И люди не сразу осознали, что произошло. Но уже через несколько дней на-

чали приходить повестки, а во дворах стали рыть «бомбоубежища»: рыли в земле траншеи с двумя выходами в разные стороны, укрепляли досками стены, из досок делали покрытия. Кажется, в начале июля была первая воздушная тревога. Меня и мою трехлетнюю сестренку разбудили родители, быстро одели, мама собрала какой-то узелок, и мы вышли в лес, в который начали стекаться люди с нашей улицы. И я помню, как они обсуждали, куда же двигаться. Мы жили на перекрестке двух железных дорог, которые могут бомбить, а в другой стороне располагался Кусковский химический завод... Высоко в небе неприятно гудели самолеты, и взрослые пытались понять, наши это самолеты или вражеские. Здесь в лесу на рассвете я встретила свою подружку Гальку, и она начала хвастаться, какое бомбоубежище они строят: туда повесят коврик, поставят сундучок, и она там будет играть в мячик. Я представила все это и очень Гальке завидовала.

Вскоре мы уехали из Москвы к маминой подруге в Луховицкий район, где в деревне Мухино у ее родителей был дом. Там 1 сентября я пошла во второй класс. Однажды в этой деревне показалась длинная вереница черных легковых машин: какие-то наркоматы эвакуировали сюда из Москвы свои семьи. Почти в каждый дом вселяли москвичей. Стало очень много детей, и нам было весело всем вместе играть. Было организовано снабжение эвакуированных хлебом, и мы каждый день получали свежий хлеб. Но уже в октябре та же вереница черных машин увозила семьи дальше на Восток: к Москве приближались немцы.

К ноябрьским праздникам и нас папа вывез к бабушке и дедушке в деревню Дубровицino, под г. Ряжеск, Рязанской области. Там мы прожили два года войны. А в сентябре 1943 г. вернулись домой в Москву. За это время многие мальчики нашего двора и молодые люди уже были призваны на фронт, и никто, ни один из них не вернулся с войны — более 20 человек из нашего двора погибли, в том числе и мой двоюродный брат Ваня.

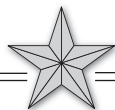
В деревне я сразу же пошла в школу. В школе было холодно, чернила в чернильнице замерзали, и мы сидели в пальто. Но занятия не прекращались ни на один день, хотя немцы были уже в Скопине, в 19 км от нашей деревни. В избе у бабушки тоже было холодно. Бабушка ворчала на печку, сердито называла ее «колодой», но ведь топили эту «колоду» соломой, а от соломы какой же жар? Было не только холодно, но и голодно. Даже трудно вспомнить, чем же нас кормили. Весной ходили выкапывать замерзшую картошку, летом пекли хлеб с добавлением конского щавеля и лебеды.

Деревня находилась недалеко от железнодорожного разъезда — это что-то вроде железнодорожной станции. Поезда шли на фронт мимо

нас. Однажды на разъезде долго стояли платформы с углем, и деревенские потаскивали уголь, чтобы топить печи. Мои друзья-мальчишки тоже бегали за углем, и я решила пойти с ними. Платформы были засыпаны снегом, я выбрала очень большой серо-белый ком и на санках привезла его, а утром взяла топор, чтобы нарубить угля для печи. Увы! Я привезла не уголь, а большой комок слипшегося снега, так что «хищение» не состоялось. Зима 1941—1942 г. была суровой, что помогло нам воевать с немцами, ведь мороз работал на стороне нашей армии, более приспособленной к холоду. Морозная зима вносила коррективы и в нашу жизнь. Заболела корова, и ее ввели в избу, потом в избу приходилось брать и овец, чтобы не погибли рождающиеся ягнята. А овцы любили жевать все и сжевали мою любимую книжку «Снежная королева».

Однажды в школе объявили, что мы будем собирать подарки на фронт: варежки, теплые носки, табак. Я очень хотела послать подарок на фронт, но бабушка, у которой к тому времени уже двое из троих сыновей пропали без вести, не откликнулась на мою просьбу помочь мне с подарком. Тогда я взяла висящие в сенях листья табака, истолкла их в большой ступке, а мама помогла мне из тряпочек сшить кисет. Он получился очень нарядный: синий низ и бежевый верх. Я подумала, что табак нужно во что-то закручивать, чтобы курить, и положила кусочек газеты, на котором написала свой адрес. И вот в один радостный день в школу вошла почтальон и вручила мне письмо с фронта. Из всех четырех классов только одна я получила письмо. Я помню первые строчки этого письма: «Дорогая Тоня! Спасибо за табачок! Настоящая рязанская махорка!». Писал мне солдат Павлик, которому было 18 лет. Где он воевал, писать было нельзя, а на фронт он ушел из Тулы. Вся школа читала это письмо, а я была счастлива и сразу же написала ему ответ. Павлика в моей семье стали называть «Тонин солдат». Так началась наша долгая переписка, которая, к сожалению, где-то в 1944 г., когда мы уже вернулись в Москву, прекратилась. Как-то Павлик написал, что был в Москве проездом, но у него была контузия, и он не захотел в таком виде увидеться со мной. Много позже, став взрослой, мне захотелось узнать о судьбе Павлика. Я даже собиралась написать в газету в Тулу. Но со временем из памяти стерлась его фамилия, она оканчивалась на «х» и почему-то ассоциировалась с чем-то сельскохозяйственным: что-то вроде «Бороздых», «Грядких»... Осталась досада на себя за то, что благие намерения так и не были осуществлены...

Отдельные события тех военных лет остались в памяти так ярко, что о них тоже хочется немного написать. Когда в деревне появлялся почтальон, все с замиранием сердца ждали, в какую избу он пойдет и что принесет — письмо с фронта или похоронную. К со-

жалению, похоронки приходили все чаще. Пришла похоронная и на сына дедушкиного брата, восемнадцатилетнего Петю, который еще недавно сделал деревянную кровать для моего котенка, а для меня — деревянное ружье, которым я очень гордилась: оно было как настоящее. Его мама, тетя Лиза, была в поле — шла уборка хлеба, и меня послали за ней. Всю дорогу я бежала и не могла понять, почему я не могу плакать. А в конце бежала по колкому свежескошенному полю и кричала: «Тетя Лиза! Петю убили!». Женщины бросили вязать снопы, и все побежали к дому, где уже собрались и голосили деревенские девушки и женщины. Петю все очень любили. Это был славный, тихий, светловолосый паренек, как будто сошедший с картины Нестерова...

И еще вспоминается, как я, ученица третьего класса, занимаюсь географией в пустой школе, с учительницей. Деревенская школа представляла собой помещение, состоящее всего из одного класса, в котором в первую смену учились вместе первый и третий классы, а во вторую — второй и четвертый. Но в третьем классе была только одна ученица — я. Сначала ходили еще три мальчика из другой деревни, но потом перестали ходить, и учительница занималась со мной одной, когда первоклашки выполняли задания или когда их отпускали домой. Была весна 1943 г. Вокруг школы цвели сирень и шиповник. Мы вдвоем с Ириной Андреевной в классе. Дверь открыта. И вдруг в двери появляется молодой красивый офицер. Просит разрешения войти. Объясняет, что их состав остановился на разъезде, а он увидел школу и захотел войти, он тоже учитель. Глядя на меня, спросил: «А это отстающая ученица?» И тут у меня начался истерический хохот, от смеха я не могла остановиться, ведь я была лучшей ученицей школы. Мне учительница даже доверяла проверять тетради первоклассников и заниматься военной подготовкой с четвероклассниками. Ирина Андреевна объяснила это нашему гостю, и я была реабилитирована в его глазах. От этого случайного эпизода осталась в памяти какая-то тихая радость и ожидание окончания войны. Вернулся ли этот офицер снова в школу? Как закончилась война для Павлика, «моего» солдата? Как бы сложилась жизнь нашей страны, если бы не погибли мальчишки нашего двора и миллионы других в годы Великой Отечественной войны? Что надо сделать людям, чтобы никогда этого не повторилось, чтоб никогда не узнали войну мои маленькие внуки — Женечка и Андрюша? Хотелось бы думать, что книга воспоминаний о войне сохранит память о тех, кто не вернулся и поможет лучше понять наше прошлое и настоящее.

МАМИНЫ РУКИ

*Осипова Татьяна Михайловна, 70 лет,
ветеран труда, учитель физики, пенсионерка,
г. Москва*

*Руки! Вы словно две большие птицы!
Как вы летали, как оживляли все вокруг!
Руки! Как вы могли легко обвиться,
И все печали снимали вдруг!..*

В. Лебедев-Кумач

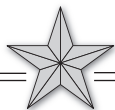
Когда я слышу эту песню, я знаю, что это о моей маме Нине Ивановне Горбуновой-Посадовой. Ощущение ее рук — это самое первое мое ощущение, которое я помню до сих пор. И других людей я воспринимаю не только по глазам, которые считаются «зеркалом души», но и через первое пожатие, через «поведение» рук во время разговора... И это легко объяснимо, если вернуться в мое детство.

Родилась я 14 июля 1941 года в Павловской слободе (Московской области), где на лето семья Горбуновых-Посадовых снимала дачу. Уже почти месяц шла война, и бомбы падали на Москву. Когда мне исполнился месяц, мама возвратилась в Москву и с 14 августа стала работать в качестве хирурга в челюстно-лицевом госпитале, который находился недалеко от нашего дома на улице Большие Кочки (теперь 2-ая Фрунзенская улица).

Мама и я. 26.11.1941 г.

Меня, грудную, мама взяла с собой, а старшая, 4-летняя сестра Маша, осталась с бабушкой Еленой Евгеньевной Горбуновой-Посадовой,

матерью моего отца, в доме № 8 по переулку Хользунова (бывшему Большому Трубецкому) в 15 минутах ходьбы до госпиталя.

Мама рассказывала, что нас с ней сначала поселили на 4-ом этаже госпиталя, то ли в кабинете начальника госпиталя, то ли в ординаторской. В комнате был большой черный кожаный диван, на котором я спала. Во время объявления воздушной тревоги, весь медицинский персонал привлекался для эвакуации раненых в подвальные помещения госпиталя, а меня мама прятала там же на 4-ом этаже в шкафу. Логика ее рассуждений тогда была проста — при прямом попадании в госпиталь все равно меня было бы не уберечь, а от осколочных попаданий шкаф мог спасти. Но уже через несколько месяцев я была определена в круглосуточные шестидневные ясли.

В перевязочной

Мои собственные воспоминания начинаются примерно лет с трех. Нам с мамой выделили часть «предбанника» в подвале госпиталя. За этим помещением находились три или четыре ванны. И всегда из какого-нибудь крана капала вода. Звук капающей воды действовал на меня то усыпляюще, то угнетающе. (Поэтому я до сих пор не люблю протекающих кранов.) В подвале также весьма вольготно жили крысы. И хотя днем я их не видела, но однажды ночью одна из них пробежала по моей кровати. (Опять-таки, навсегда у меня ужас перед всеми грызунами и любовь к кошкам.) А вот залпы от сбрасываемых бомб или артиллерийского обстрела внушили мне страх, который я испытываю до сих пор, даже во время праздничных салютов. И, конечно же, меня преследовало тогда постоянное чувство голода. А поскольку я была единственным ребенком в госпитале и передвигалась по палатам совершенно свободно, то раненые стремились меня «поймать», приласкать (вот они нежные РУКИ), порадовать чем-нибудь и накормить, кто сладким, кто соленым — все вперемешку. А поэтому уже в

два года я попала в детскую больницу с гастритом, который потом у меня перешел в «хронический». С ужасом всегда вспоминаю лечение зубов, которое мне довелось познать уже с шестилетнего возраста, которое было при тогдашней зубоврачебной технике настоящей пыткой (РУКИ, приносящие физическую боль). Или вот, первая операция на загнойвшемся среднем пальце правой руки (мне 4 года), и мамыны РУКИ, меня успокаивающие.

Казалось бы, все, что мною написано выше, должно было бы заставить меня вспоминать «госпитальные» дни, по меньшей мере, с грустью. Ничего подобного! Я получала столько любви, как от персонала госпиталя, так и от его тяжелейших пациентов, что на всю жизнь сохранила чувство любви и благодарности не только к тем тогдашним, но и ко всем «человекам» на протяжении всей моей жизни, не боясь быть обманутой ими. Наоборот, когда меня кто-нибудь огорчает, это вызывает у меня чувство недоумения и, что довольно редко, обиды.

С таким любвеобильным характером и с радостным восприятием жизни, мне было легко уживаться в любом коллективе — и в яслях, и в детском саду (на пятидневке), и в школе, и в летних пионерских лагерях, а потом в институте и на работе, короче говоря, везде и всегда мне было «уютно» и интересно. Так кто же эти люди, «слепившие» меня?

Прежде всего — это моя мама. Большого человеколюбца я в жизни не встречала. Это свойство в ней отмечали все, кто ее знал. Отсю-

*Ариадна Константиновна
Добржанская*

да, наверно, любовь и нежность к ней «по наследству» доставалась и мне. Она помогала всем, не только как старшая сестра своим младшим сестрам, осиротевшим совсем еще в раннем возрасте, но и никогда не отказывала в помощи любому, кто в ней нуждался. В семейном архиве хранится целый чемодан писем, открыток с самыми теплыми и нежными словами в ее адрес.

Особенно мне помнятся ее руки — сильные, теплые, довольно крупные, но такие нежные. По теперешним понятиям маму назвали бы экстрасенсом: одно прикосновение ее рук, снимало боль. Сколько всяких болевых травм было снято у меня ее волшебными руками! Она вела меня по жизни, совер-

шенно не подавляя своим авторитетом, а, наоборот, всячески меня поддерживая. Я могла бы много написать доброго о моей маме, она этого заслуживает. Надеюсь, я это все-таки сделаю, хотя бы для моих

правнуков, чтобы они знали, какая у них была замечательная прабабушка Нина.

Близкими подругами мамы в военные, да и в послевоенные, годы были Ариадна Константиновна Добржанская и Айна Григорьевна Амбарцумян (фамилию последней я называю, возможно, не совсем точно). Они, как и мама, тоже работали в челюстно-лицевом госпитале. Обе красавицы, блондинки, женщины с большим чувством юмора. Я была ими обласкана с первых дней моей госпитальной жизни, и они вызывали у меня такое чувство восхищения, что до сих пор с тем же чувством о них вспоминаю. С Ариадной Константиновной я всегда поддерживала связь, иногда ее навещала. Она умерла летом 2008 года. А Айну Григорьевну я не видела где-то с 1960-х годов.

Выдающейся личностью был начальник госпиталя Михаил Исакович Яшиш. Он был чуть выше среднего роста, в его карих глазах, которые были чуть-чуть навывкате, всегда можно было увидеть, какое настроение им владело в тот или иной момент. В госпитале он всегда был в строгом военном костюме, решительный, по-военному строгий; а вот в домашней семейной обстановке — любящий и нежный муж и отец. Дом его был хлебосольным, и в послевоенные годы он воспринимался мною как дом из волшебной сказки. Я очень любила его жену, помню звала ее «тете Лека» (к сожалению, она довольно рано умерла). Его дочь Женя, очень похожая на отца, запомнилась мне как добрая хохотушка, вечно куда-то спешащая.

А уж о младшем медперсонале госпиталя и говорить не приходится — они все: и медсестры и санитарки, — меня в основном и нянчили как какую-нибудь дочь полка.

При госпитале был большой яблоневый сад, который охранялся сторожем с собакой, немецкой овчаркой. Собака была очень «строга» со взрослыми, но абсолютно покладиста с детьми — со мной и моей сестрой. (Кстати, яблони из этого сада в период строительства жилых кварталов на Комсомольском проспекте и Фрунзенской набереж-

*Егор Георгиевич, Айна Георгиевна
и Нина Ивановна*

ной пересадили в скверы Фрунзенских улиц.) В этом госпитальном саду, как только начинались теплые денечки, проводились и зарядка, и спортивные соревнования, в которых участвовали наряду с медперсоналом и выздоравливавшие раненые.

Михаил Исаакович Яшин

Очень хорошо помню большой актовый зал с украшенной яркой картиной сценой. Что было на ней нарисовано, я не помню: осталось только какое-то радостное воспоминание о ней. Гостями госпиталя часто бывали артисты, а также школьники с концертами и подарками, выполненными их руками. Хорошо помню выступление артистов балета, исполнявших «Вальс цветов». Когда уже взрослой я видела этот балет, то всегда сердце мое принадлежало этому вальсу.

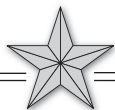
Мне вспоминается один трагикомический случай, произошедший со мной и с одним из раненых. Не помню, к сожалению, как этого

Сторож Егор

раненого звали: то ли Костей, то ли Костиным. У него были повреждены ноги, по-видимому, из-за травмы позвоночника, и он передвигался на «самодвижущейся» коляске, вроде большого трехколесного велосипеда с глубоким двухместным сидением и каким-то рычагом вместо руля. Как уж это все работало — не знаю. Когда же мне было предложено покататься с дядей, я охотно согласилась. И вот, на очередном вираже при езде вокруг госпиталя, мы с ним угодили в какую-то полуподвальную яму. Я тогда оказалась внизу. Нас с немалым трудом оттуда вызволили и, слава Богу, мы оказались без повреждений. У меня же сохранилось на всю жизнь чувство восторга от этого катания. Недаром я до сих пор люблю велосипед. И мои дети и внуки любят

ездить на велосипедах. Каждое лето мы совершаем целой кавалькадой длительные велосипедные прогулки.

После войны госпиталь был переведен в район нынешней станции метро «Шаболовская», а здание, отданное в военное время госпиталю, снова стало школой. Недавно я побывала в новом здании госпиталя,

*Госпитальный оркестр. Крайняя справа
во втором ряду Нина Ивановна*

начальство меня не приняло. Было отказано даже в приеме от меня госпитальных фотографий военного времени. «Нам это не надо!», — таков был ответ на мой телефонный звонок. В этом госпитале, насколько я узнала от охранников, есть и свой музей, в который мне попасть так и не удалось...

Биографическая справка

Н.И. Горбунова-Посадова, заслуженный врач РФ (1913–1983 гг.)

Моя мама Нина Ивановна Горбунова-Посадова (урожденная Бенеvская) родилась 29 сентября 1913 года в г. Москве.

Ее отец Иван Аркадьевич Бенеvский (1880–1922 гг.), потомственный дворянин, находясь под влиянием идей Л.Н. Толстого и в большой дружбе с В.Г. Чертковым¹ и И.И. Горбуновым-Посадовым², организовал в бывшем имении своих родителей в п. Дубровка Брянского уезда Орловской губернии сельскохозяйственную артель и детскую трудовую колонию, на базе которых после революции 1917 года был создан совхоз «Колония Дубровка». Здесь же трудились и родственники его жены Анны Исидоровны Федоровской (1890–1922 гг.).

¹ Владимир Григорьевич Чертков (1854–1936 гг.) — единомышленник Л.Н. Толстого, его издатель.

² Иван Иванович Горбунов-Посадов (1864–1940 гг.) — русский педагог, издатель и литератор; последователь Л.Н. Толстого. Руководил издательством «Посредник», выпускавшим популярные книги по разным отраслям знаний («Энциклопедический словарь». Москва, 1953. С. 450).

В 1910 году, вступив в брак, Иван Аркадьевич и Анна Исидоровна усыновили четырех сирот, а в 1913 году у них родилась их первенец — дочь Нина, в 1915 году — Елизавета, 1917 г. — дочь Вера, в 1921 году — дочь Софья.

В 1917 году Иван Аркадьевич стал старшим инспектором по сельскому хозяйству Брянской губернии и инспектором детских трудовых колоний по России. В 1922 году, возвращаясь из очередной ко-

Н.И. Горбунова-Посадова

мандировки товарным поездом, он заболел сыпным тифом, а потом заразил им свою жену, отчего оба умерли в том же году, оставив своих и приемных детей сиротами. Опекунство над всеми детьми было оформлено на среднюю сестру Федоровских — Евдокию Исидоровну, которой в то время было 33 года. Детей Бенеvских также опекали И.И. Горбунов-Посадов и Н.К. Крупская, жена В.И. Ленина.

В 1931 году две старшие сестры Бенеvские Нина и Лиза, окончив с отличием Дубровскую школу, уехали в Москву. Нина поступила во 2-й Московский медицинский техникум им. Н.К. Крупской, Лиза — в энергетический техникум. Обе закончили учебу в 1933 году с отличием и получили возможность поступать в инсти-

тут без экзаменов. Нина стала студенткой Московского областного клинического института, а Лиза сначала вела преподавательскую работу по специальности, а затем поступила в Московский энергетический институт им. С. Орджоникидзе.

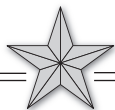
В 1934 году Нина вышла замуж за Михаила Ивановича Горбунова-Посадова (1908–1991 гг.), профессора Московского строительного института.

В 1937 году 26 февраля у них родилась дочь Мария (1937–1960 гг.).

В 1939 году после окончания медицинского института Н.И. Горбунова-Посадова была распределена в Завидово Московской области на должность земского врача и работала там до 1941 года.

В 1941 году 14 июля родилась я, вторая дочь, Татьяна.

С 10 января 1942 года по 20 декабря 1949 года Нина Ивановна работала в должности ординатора и начальника челюстного отделения в Московском городском госпитале № 5 (бывший Эвакогоспиталь № 4623).

В 1944 году 8 июля Нина Ивановна развелась с М.И. Горбуновым-Посадовым и 25 октября того же года вышла замуж за Олега Александровича Лекает, оставив фамилию Горбунова-Посадова. О.А. Лекает, в момент его мобилизации в июле 1941 года, работал в «Центроэнергоремонт», а во время войны служил на Черноморском и Каспийском флотах в качестве радиста. После контузии в 1943 году он вернулся в Москву.

С декабря 1949 года по август 1952 года Н.И. Горбунова-Посадова обучалась в клинической ординатуре Центрального научно-исследовательского института судебной психиатрии им. проф. Сербского, пройдя одновременно с декабря 1951 года курсы усовершенствования по циклу «Психиатрия» и курс специализированной военно-медицинской подготовки, а также успешно сдала экзамены кандидатского минимума.

С октября 1954 года по январь 1957 года находилась с семьей в заграничной командировке в Китайской Народной Республике, где работала в Пекинском университете преподавателем русского языка, обучая китайских преподавателей филологического факультета.

С 1949 по 1976 годы работала в Институте судебной психиатрии им. Сербского в качестве эксперта. Участник «Съезда невропатологов и психиатров РСФСР» в 1962 году в Ленинграде.

Умерла 18 июля 1983 года.

Награждена медалями «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.», «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.», «За трудовое отличие», «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

МОЕ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

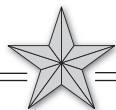
Бутрина Татьяна Ивановна, 70 лет,
научный сотрудник
Государственного музея Г.К. Жукова,
г. Жуков Московской области

Калужская область, Угодско-Заводской (ныне Жуковский) район. В 5-ти километрах от райцентра, в зеленом лесном массиве, на Старой Калужской дороге на солнечной поляне располагалась деревня. И называлась она так же светло и солнечно — Ясная Поляна. Посреди поляны — огромный дуб. Деревенька небольшая — всего несколько домов, барак да баня. От деревеньки до Серпухова шла узкоколейка, по которой вывозили древесину и дрова. И жили в деревеньке лесник,

объездчик и лесозаготовители с семьями. Одной такой семьей и была наша семья Якушкиных. Бабушка Татьяна Васильевна, отец Иван Андреевич, мама Аксинья Дмитриевна да четверо детей. Спокойный налаженный быт рухнул в одну минуту — в самый черный день — 22 июня 1941 года. Глава семьи, только прошедший финскую войну, вновь ушел на фронт. Мама осталась с четырьмя детьми на руках. Старшему сыну 8 лет, младшей дочери чуть больше 4 месяцев. Война стремительно приближалась. 18 ноября 1941 года немецкие солдаты появились на территории нашего района, а уже 21 ноября 1941 года немецкие мотоциклисты появились на улицах райцентра — Угодского Завода. Пришли они и в нашу деревеньку, заняли лучший дом, выгнав из него жителей. Надо сказать, что в деревеньке были уже и беженцы. Немцы отбирали у жителей буквально все: продовольствие, предметы быта, резали скот и птицу и увозили на автомашинах. А люди бежали вслед, плакали и просили оставить хоть что-нибудь. Фашисты смеялись и фотографировали. Особенно зверствовали финны.

Райцентр был оккупирован 72 дня. В районе был организован партизанский отряд, который действовал решительно. И партизанские тропы проходили не遠далеке от деревни Ясная Поляна. Наиболее крупной, вошедшей в историю Великой Отечественной войны, партизанской операцией в период битвы под Москвой стало нападение на штаб 12-го армейского корпуса 4-й полевой армии немцев, находившегося в селе Угодский Завод. Операция проводилась в ночь на 24 ноября 1941 года и прошла успешно, но комиссар отряда Михаил Алексеевич Гурьянов — председатель райисполкома, был ранен, схвачен немцами и после трехдневных жестоких пыток повешен на балконе собственного кабинета. 16 февраля 1942 года посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза.

После этой операции немцы особенно сильно зверствовали. Стариков и подростков деревни немцы увезли в Угодский Завод. Среди них был и брат моего отца Николай. Бабушка с двумя другими женщинами пошли в райцентр, чтобы узнать о судьбе своих родных, и понесли передачи. Один из встретившихся полицаев спросил, откуда они, и, узнав, что из Ясной Поляны, сказал: идите обратно, вас поехали жечь. Жители деревни уже были согнаны в барак, все плакали. В руках немцев были канистры с бензином. Вернувшихся заперли туда же. Бабушка сказала, не плачьте, умрем все вместе. Деревня уже горела. Барак немцы облили бензином и подожгли. И только на просьбы девятиклассницы Нади Богдан оставленный возле барака часовой все-таки открыл дверь. В 40 градусный мороз из горящего барака выкидывали в снег сначала детей, потом выбегали женщины. Люди пошли в соседнюю деревню Боево, в двух километрах от Ясной Поляны. Здесь было очень много беженцев со всех окрестных

сожженных деревень. Но через два дня немцы подожгли и эту деревню. Люди смогли отстоять только один дом, залив его водой из пруда и закидав снегом. Наша семья решила перебраться в деревню Кувшиново, что в 15 км от Ясной Поляны. Наши люди, работавшие в немецкой комендатуре, выписали пропуска. Сначала добрались до Угодского Завода. Нас с сестрой на руках несли мама и бабушка, а восьми- и пятилетние братья в огромных, не по ногам, сапогах, шли, держась за подол старших. Это был труднейший переход. Еще при приближении немцев к Москве мама засушила сухарей и зарыла сундучок с ними в лесу. И вот 19 декабря 1941 года она сквозь немецкие заслоны прошла от Кувшинова до Ясной Поляны (15 км) за этими сухарями и обратно. Одному богу известно сколько и какого страха она натерпелась. Делились сухари, которых было немного, только среди детей, живших с нами в общежитии.

28 декабря 1941 года райцентр был освобожден.

В Кувшинове был лесопильный завод, все женщины работали на лесозаготовках и на заводе. Мы, дети, любили кататься на вагонетках со свеженапиленными досками. Чтобы не умереть от голода, мама ходила весной на колхозные поля собирать замерзший картофель, а брат водил нас собирать клевер, лебеду и другие травы. Из смеси гнилой картошки и травы бабушка пекла лепешки, давала нам по одной, хотя я просила в две руки. Но больше не было возможности. Вкус той лепешки я помню до сих пор. Маме дали очень мелкий картофель и очистки, она их посадила и летом 1942 года уродился такой картофель, какого ни мама, ни бабушка не видели ни до, ни после войны никогда больше. Это нам помогло выжить. Мы, дети, очень боялись почтальонку тетю Варю. Как боялись ее появления и наши мамы. Боялись, что она унесет нас в своей сумке. Мы тогда не понимали, что именно она приносила извещения о гибели родных и близких людей.

Осенью 1945 года вернулся отец, единственный из четырех сыновей моей бабушки, ушедших на войну. Постепенно налаживалась мирная жизнь. Папа стал работать в столярной мастерской и в лесу. Построил дом, где все, даже гвозди из проволоки и кирпичи для печи, дранку для крыши, изготовил своими руками. В 1946 году родился младший брат.

Нет уже в живых моих родителей, но ту любовь к родной земле, к труду, к людям, которую они мне дали, я сохраняю всю мою жизнь и передаю ее детям. Я помню о войне, о людях, завоевавших нам Победу, низко перед ними преклоняюсь. И эту память я передаю подрастающему поколению. Вот поэтому уже 16-й год я и работаю в Государственном музее Г.К. Жукова.

«ВОЙНА ТАКОЙ ВДАВИЛА СЛЕД»

*Бурлачкова Розалия Львовна, 77 лет,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Тула*

70-летний юбилей битвы за Москву и обороны Тулы мы, дети войны, встречаем уже в почтенном возрасте. Нам за семьдесят. Но за эти десятилетия военные события в моем сознании ничуть не потускнели. Они врезались в память почти с фотографической точностью.

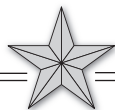
Мой отец, Лев Николаевич, с первого месяца войны и до последнего дня был участником боевых действий. Я помню, как, провожая его из Болоховки до Тулы, мы с мамой плакали. Мама, Вера Андреевна, — медицинская сестра районной больницы поселка Болохово Тульской области (ныне это город) — не смогла уехать в эвакуацию, мы остались в поселке. Она была самой младшей из шести детей бабушки Дуни, которая жила с нами. На маминых руках была я, дошкольница, и бабушка.

Немцы приближались к поселку. Помню бомбежки, я в бомбоубежище и вокруг меня чужие люди — ведь мама постоянно была в больнице. Когда оккупация поселка стала очевидной, мама решила уйти со мной и бабушкой в Новую деревню за несколько километров от Болохово, потому что все в поселке знали отца как коммуниста-активиста.

Мы оказались беженцами. Поселились в первом же доме, где согласились нас принять. Приютили беженцев и другие жители деревни. Первая встреча с немцами запомнилась на всю жизнь.

Рано утром (видимо, это был ноябрь) из домов вышли и местные, и беженцы. Всюду ропот: «Немцы идут!». Запомнился чистый белый-белый, слегка покрывший землю первый снег. Со стороны сгоревшей школы двигались немецкие танки. Из люков были видны фигуры немцев. Народ молча смотрел на самодовольных «победителей». Вскоре начался артобстрел. Мы спрятались в подвале перед домом. В подвале, как положено в деревне, хранились овощи и прочие продовольственные запасы. Я сидела у самого входа в подвал. Около моей головы висел мешок с сухарями. Вдруг открывается дверь и входит немец. Он чиркает спичкой и, как мне тогда показалось, подносит ее к моей голове. Испуганная, я закричала. А он, тыча пальцами в мешок у моей головы, произнес: «Цукер?». Женщины в подвале закричали: «Нет, это сухари!» Видимо, он понял и ушел. И опять около меня, как и в болоховском бомбоубежище, не было мамы. Она в это время принимала роды у кого-то в деревне.

Запомнилось, как нас, беженцев, выгнали из хозяйской горницы, которую облюбовали оккупанты (говорили, что это были румыны и

немцы). Мы теснились в небольшой кухне. У входа в горницу фрицы выставили ружья в форме копны. Сидят в горнице, едят. А мы два месяца не видели хлеба. И вдруг один фриц протягивает мне в дверь из-за этих ружей кусок черного хлеба да еще с маслом. Его лицо с большими черными усами улыбалось. Я потянулась за куском, а он, дразня меня, тут же отдернул свою руку. Это дразнилку он повторил во второй и в третий раз, я слишком подалась за куском вперед и свалила ружья. Грохот. Все повскакали с криками «Партизан?!». Но быстро все выяснилось. Я плакала. Мама меня успокаивала: «Кончится война, и ты будешь есть бутерброд, где хлеб будет тоненький, а масла будет много-много». Бутерброд мне немец так и не дал.

Не знаю, как один из немцев нашел папин строительный планшет, с которым он ходил на работу; до войны папа был прорабом. Немец схватил маму (это она потом мне рассказала) за шиворот со словами «Коммунист, офицер!!!» и повел в штаб. Но на их пути в сенях появилась хозяйка с какой-то посудой, в которой спешила спрятать яйца. Немец бросил маму и обратился к вожделенным яйцам. А маме в это время удалось убежать.

Однажды молодой немец увидел на бабушке Дуне хорошие валенки. Наставив на нее автомат, потребовал жестами отдать ему валенки. Эту сцену я помню, как будто произошло все вчера. Бабушка Дуня была храброй, с чувством собственного достоинства и ответила немцу, что валенки ему не отдаст. Какие слова она ему говорила, а говорила она резко, с вызовом, не знаю, но он, показывая на валенки, наставив на нее автомат говорил: «Пу-пу!» Вошла мама, бросилась плача к ногам бабушки, умоляя ее отдать валенки. Получив в лице мамы «союзницу», немец теперь обращался и к ней: «Пу-пу!»

Бабушка, ругаясь, под давлением мамы сняла валенки.

Это стоило ей жизни. После освобождения от немцев Болоховки, мы возвращались в поселок. Была снежная и очень морозная зима. Шли в декабре (4–5 км), помню огромные сугробы, а из них торчали голые ноги мертвецов, обувь была снята кем-то. Бабушка шла в этот мороз в осенних полуботинках. В результате простудилась, заболела двусторонним воспалением легких и умерла.

В Болоховке шли ожесточенные бои. Многие здания были разрушены. Погибло много наших солдат и офицеров, тому свидетели — братские могилы в поселковом парке. Первое время мы ютились у маминых знакомых. Потом нам дали комнату в квартире, из которой хозяева эвакуировались. Мама с утра и до вечера пропадала на работе. В конце войны ее наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

В 1942 г. я пошла учиться в первый класс. Целыми днями была предоставлена самой себе, но училась хорошо и школу любила. Вся

жизнь поселкового ребенка была связана со школой, она была для нас всем: там мы и учились, и проводили свободное время.

Уже во втором и третьем классе нас вывозили в колхозы на сбор колосков после уборки урожая. Вряд ли современный школьник без объяснения поймет, что такое «сбор колосков». Мы же относились к этому труду очень серьезно, даже иногда соревновались. Понимали, что наш труд способствует увеличению производства хлеба, то есть мы посильно помогали военной экономике. А еще мы в школе помогали фронту тем, что поднимали настроение бойцов, посылая на фронт сделанные своими руками подарки: кисеты для табака, письма, рисунки, связанные родственниками носки шерстяные и варежки.

Школьник военных лет не мог и мечтать о том, что имеет ученик XXI века. У нас не было даже чернильниц. Чернила носили в пузырьках. Писали деревянными ручками с металлическими перьями.

*Лев Николаевич Гутман
(1910–1975 гг.)*

Чернила часто проливались, поэтому руки у первоклашек были в чернилах. А еще мы на спор пили чернила из пузырьков... и что удивительно, при этом не болели.

В комнате, где мы жили, от бывших хозяев остались книги. Мне особенно понравилась хорошо изданная, иллюстрированная толстая книга «Давид Сасунский». Я ее читала с удовольствием, она волновала мое воображение. Теперь я знаю, что читала армянский национальный эпос. Горжусь, что маленькая девочка смогла понять и вдохновиться великой поэзией.

Любимой игрой детей в годы войны была игра в войну. Одни были красными (советскими) — другие белыми (немцами). Белыми никто не хотел быть, поэтому бросали жребий, кто на какой стороне будет играть.

Излюбленным местом игр были стены разбитой снарядами или разбомбленной двухэтажной школы в центре поселка. Мы ловко и смело бегали по широким стенам школы. Зимой без страха прыгали со стен второго этажа в высокие сугробы.

Наш разрушенный поселок после войны восстанавливали в том числе и пленные немцы. Запомнилось отношение наших людей, особенно женщин и детей, к побежденным, которые принесли столько бед

и горя. Это были плохо одетые, всегда голодные, в основном молодые немцы. Всегда с охраной советских солдат понуро бредущие строем на работу и после работы. Они уже не вызывали ненависть, а только жалость. Мы приносили им какую-нибудь еду. Они всегда брали и благодарили. Таков наш народ: широкий и душевный, живущий по принципу: лежачих — не бьют!

В августе 1943 года мне посчастливилось увидеть в Москве первый салют в честь победы на Орловско-Курской дуге. Оказалась я там вместе с папой, который был командирован с фронта на несколько дней в Москву. Он был награжден орденом Красной Звезды и 6-ю боевыми медалями. Я горжусь своим отцом. Как и всем поколением, выигравшим эту тяжелую и святую Победу. Отец был честным, бескорыстным, верившим в идеалы справедливости и добра. Кто бы сегодня смог бросить московскую квартиру и уехать по призыву комсомола на строительство Подмосковского угольного бассейна?! А он оставил квартиру в столице и уехал в маленький шахтерский поселок Болохово!.. А тогда в 1943 году он приехал в Болохово на несколько часов и взял меня в Москву. Вот там я и увидела первый салют в честь победы наших войск. Потом стали салютовать каждой крупной победе на фронте.

Конечно, ярчайшим воспоминанием детства остался День Победы 9 мая. Была солнечная погода, вокруг торжествующая природа словно подготовилась к великому празднику, украсила землю, города и села своим цветением. Сообщение о конце войны, о победе над фашистской Германией было встречено всем народом страны всеобщим ликованием. Все из домов высыпались на улицу. Незнакомые люди обнимались, плакали, целовались, смеялись. Воистину это был «праздник со слезами на глазах», всеобщее единение, общая радость одна на всех! Если шел человек в военной форме, его обязательно «качали», оказывали особые почести. Армия была в небывалом почете. Не знаю события равного Дню Победы. Ну, может, только 12 апреля 1961 года — полет Ю. Гагарина в космос, да и то процентов на 60, не более! Великий День

*Вера Андреевна Бурлачкова
(1912–1953 гг.)*

Победы — событие на века! Самый святой праздник. Как писал мой любимый поэт К. Симонов:

*Война такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что 30 лет, и 40 лет живым
Не верится, что живы...*

Видимо, «война вдавила след» и в мое мировоззрение, всю дальнейшую жизнь. Я стала историком, Великая Отечественная война явилась темой моего научного интереса.

В 1966 г., будучи ассистентом кафедры истории КПСС Тульского политехнического института, мне посчастливилось с заведующим кафедрой, доцентом В.Н. Молчановым участвовать в научно-практической конференции, посвященной 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. Конференция проходила в Москве в Центральном Доме Советской Армии и произвела на меня сильнейшее впечатление.

Пленарное заседание вел Маршал Советского Союза В.Д. Соколовский (пригласительный билет с его автографом бережно храню). Когда пригласили из зала в президиум конференции Маршала Советского Союза, четырежды Героя Советского Союза Г.К. Жукова, зал почтительно встал, как по команде, через мгновение раздались бурные аплодисменты. Никого из членов президиума так не приветствовали. Аплодисменты звучали долго, и зал стоял, пока Георгий Константинович Жуков не поднялся на сцену. И потом не затихали еще некоторое время.

Полководец стоял строгий, подтянутый, с выражением достоинства и уверенности в адекватности реакции зала на его появление. А появление это в зале ЦДСА было символичным. Жуков был не только один из главных организаторов победы под Москвой, но и человек, который в очередной раз вышел из незаслуженной опалы очередного главы партии. Хрущевская опала Г.К. Жукова длилась с 1957 по 1965 гг. Среди участников конференции преобладали офицеры весьма высокого ранга, знавшие истинную ценность таланта и ума Г.К. Жукова, значительность его личности.

И еще одно выступление запало мне в душу — Василия Гавриловича Жаворонкова (1906–1987 гг.), который в годы Великой Отечественной войны был первым секретарем Тульского обкома и горкома ВКП(б), одним из главных организаторов обороны Тулы, председателем Городского комитета обороны, членом военного совета 50-й армии, оборонявшей Тулу. В 70-х годах ему было присвоено звание Героя Советского Союза, он стал почетным гражданином г. Тулы. На конференции В.Г. Жаворонков выступал с докладом «Героическая оборона Тулы».

Второй раз я встретила В.Г. Жаворонкова в конце 70-ых годов в партийном архиве Тульской области. Он работал в архиве с В. Калиновским, одним из его ближайших заместителей по партийной работе в дни обороны Тулы. И я была счастлива от того, что в жизни чуть-чуть соприкоснулась с этой легендарной личностью.

На всю жизнь я запомнила слова о Жаворонкове беспартийного инженера (он был в должности главного механика цеха) Тульского оружейного завода. Мы работали над книгой по истории ТОЗа, сидели в холле второго этажа заводоуправления; из окна был виден памятник Петру I. Когда разговор зашел о роли В.Г. Жаворонкова в эвакуации завода в 1941 году, он, пожилой мужчина, вдруг... заплакал. У меня тоже подступил комок к горлу, я не могла писать (тогда магнитофоны были редкостью). И он сказал, что В.Г. Жаворонков часто бывал у них при проведении эвакуации, сыграл исключительную роль, умел подбодрить, воодушевить, помочь. «И если бы была моя воля, — сказал мой собеседник, — я бы поставил ему памятник рядом с Петром I» (он кивнул головой на окно, за которым был виден этот памятник).

Детские впечатления, судьба семьи в годы войны, а также две исторические личности, с которыми мне довелось соприкоснуться после войны, определили мой научный интерес. Темой моей кандидатской диссертации, которую я защитила в 1972 году, стала деятельность коллективов оборонных заводов г. Тулы по наращиванию производства вооружения в годы войны.

ВРЕЗАЛОСЬ В ПАМЯТЬ НАВСЕГДА

*Пушкина Зинаида Митрофановна, 81 год,
кандидат философских наук, доцент кафедры
социологии и политологии ТулГУ,
Заслуженный работник культуры РСФСР,
г. Тула*

Война

22 июня 1941 года — день начала Великой Отечественной войны — врезался в мою память навсегда. В воскресный день вся наша большая семья была дома, да еще гостила мамина сестра. Около 12 часов объявили, что с важным сообщением выступит нарком иностранных дел В.М. Молотов.

Говорил он размеренно, достаточно спокойно, но все поняли — война. Заплакала тетя — ее муж служил на границе. Жизнь изменилась сразу.

Сейчас этот день определили как день великой скорби. Бесспорно. Но влияние его на последующую жизнь каждого человека, страны, да и всего мира колоссально: принесся великое горе, он объединил людей, выковал протест в борьбе за освобождение, придал осознанность жизни, наполняя ее трудом, ответственностью за себя и других, глубоким пониманием ее ценности. Так мы жили. Не было ни одного праздни-

*Зина, Аня, Михаил Зайцевы.
1947 г.*

ка, семейной встречи, на которой в послевоенное время иначе оценивали бы этот трагический день.

Хотя в первые дни не думали, что война окажется затяжной, жизнь стала кардинально меняться: Михаил, старший брат, закончивший среднюю школу, в свои 17 лет добровольцем отправился на фронт, как и большинство его одноклассников; сестра Аня с группой машиностроительного техникума поехала на сельскохозяйственные работы; отец записался в рабочий батальон, участвовал в обороне Тулы.

Меня отправили на лето к бабушке в деревню, в Чернский район. Бабушка встречала меня на станции Бастыево на лошади ночью. Как сейчас помню, ехали мы лесом, оврагами; кругом таинственная тишина, прохладно. Въехали в деревню.

А через несколько дней показались отступавшие красноармейцы:

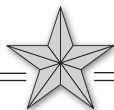
пыльные, усталые, молчаливые. Они жадно пили воду, купали молоко и почти не говорили.

Положение становилось тревожным. Пришлось срочно возвращаться домой. Добиралась до Тулы я одна. Успела.

Удивительно, но ни в первые дни войны, ни в последующие никогда не возникала мысль, что наши могут не победить. Был лишь один вопрос: когда придет победа?

На улицах висели громкоговорители, возле которых останавливались прохожие, когда передавались сводки Совинформбюро. Летом и осенью они были особенно тревожными.

Мы готовили подарки на фронт. Я сшила кiset, шелковый, лиловый, и все думала: кому он достанется? Вечером дежурили во дворе, ходили по улице, проверяли, чтобы свет не пробивался из окон; они крест-накрест заклеивались бумажными полосками, чтобы при бом-

бежке не разлетались стекла. А когда по Чулковскому мосту шли строевым шагом красноармейцы и пели «Священную войну», я не могла сдержать слез:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой,
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.*

Была гордость и вера в защитников, но мне казалось, что все они погибнут, и от этого становилось страшно.

Постепенно привыкали к военному времени. Ввели карточки, почти все родственники — мужчины были мобилизованы. Враг приближался к городу. Однажды в октябре отец пришел домой и сказал, что уезжаем. Собирались быстро, взяли самое необходимое.

Михаил с родителями

Жили тогда все очень скромно, но дружно. До войны мы, дети, устраивали спектакли для взрослых: сценой был полуподвальный сарай под терраской нашей квартиры, а залом — принесенные из дома табуретки, на которых сидели наши родители. До сих пор, встречаясь с бывшими жильцами нашего дома, обязательно вспоминаем наш «театр».

Удивительное было время! Мы устраивали также своеобразные конкурсы, например: чья мама самая добрая, душевная. Чаще всего ею становилась «тетя Мотя Зайцева» — наша мама.

В семье нас было пятеро детей: старшему — 17 лет, а младшему — 2 месяца. Учились мы отлично. «Даже неудобно было, — вспоминала мама. — Только директор Овчаров вручит одну похвальную грамоту,

тут же — другую, третью, четвертую». Перед смертью, когда мы с Анютой, сестрой моей, постоянно были с мамой, она вспоминала, как трудно было нас всех одеть, накормить: «Выйду во двор и думаю: у кого бы на время занять денег». Самое необходимое было, хотя не помню, чтобы ели сливочное масло (обходились подсолнечным), да и пресловутая колбаса не была частым гостем на столе.

В квартирах был свет, вода, канализация, но отопление — печное. В двух комнатах, площадью около 30 кв.м. проживало нас постоянно 7 человек, и редкий случай, когда не было других родственников. Так жило подавляющее большинство семей, и это считалось нормальным. Интересная деталь — в квартирах никогда не закрывались двери. И лишь один раз, уже после войны, какой-то воришка украл из прихожей галоши.

Люди были постоянно заняты: дети учились, родители в большинстве своем работали, — у всех было стремление развиваться. Много читали, у всех были свои идеалы. К примеру, для моего брата им был Павел Власов из романа М. Горького «Мать». Я пристрастилась к чтению уже со второго класса и читала все, что было в доме; очень любила русские народные сказки на украинском языке — великолепно изданную книгу с красочным орнаментом на обложке. Любила ходить в букинистический магазин, находившийся на углу ул. Коммунаров и Менделеевской, там впервые познакомилась с рассказами Леонида Андреева, Алексея Толстого.

Каждый раз, думая о войне, о Победе, возвращаюсь мыслями к тем, без кого она не состоялась бы. О старшем поколении, особенно о ребятах, родившихся в начале 20-х гг. На выпускной фотографии моего старшего брата Михаила, сделанной в июне 1941 г., ученики выглядят красивыми, взрослыми, лица — одухотворенные. Они были крепкими и физически, и нравственно, настоящие патриоты, очень целеустремленные, дружные. После войны не теряли связи друг с другом. В родительской семье были опорой. Наш Михаил вплоть до окончания мною и Анютой вузов всю зарплату отдавал родителям.

В эвакуации

Сейчас не каждый человек может представить себе содержание слова «эвакуация». В годы войны им называлось масштабное перемещение населения, заводов, учреждений из западных районов страны в восточные, подальше от мест военных действий. Какая же огромная организаторская работа потребовалась, чтобы гигантские потоки населения, оборудования обеспечить транспортом! Эвакуированные добирались долго, по крайней мере, мы ехали до нового места жительства почти месяц. При этом переселенцы не знали, где оно будет.

В конце октября, когда немцы приблизились к Туле, наша семья срочно собралась для отъезда и поздним вечером отправилась на Московский вокзал. Меня напугали зенитки, которые громко стреляли, видимо, по вражеским самолетам. Посадили нас в товарные вагоны. Меня подтолкнули в правую от двери сторону, почти до противоположной стены. Народу было много, слышала, как отец звал меня проститься с ним, но выбраться не удалось. Вагон был оборудован тремя этажами полок, в центре находилась железная печка «буржуйка». Нам досталась вторая полка, находящаяся в левой стороне от двери. На первой, помню, расположились весьма упитанные дамы — жены каких-то начальников. Большую часть времени дети проводили у широко открытой двери, наблюдая меняющиеся пейзажи, кстати, очень красивые, особенно уральские горы. Это осталось в памяти.

На остановках в эвакуопунктах давали пищу, помню, что не голодали. Во время одной из остановок под Горьким (теперь Нижний Новгород) ходили смотреть на разбомбленный немцами поезд с мирным населением, видели страшные картины обезображенных людей. Настроение было подавленное — такая участь могла ожидать и нас.

Как сейчас слышу, постоянно плакал младший братишка — ему исполнилось полгода, он был болезненным. Одна из дам возмущалась и даже пригрозила маме, что высадит ее из поезда. Чтобы унять плачущего ребенка, мама все ночи сидела возле печурки, укачивая его. Однажды, задремав, уронила его на раскаленное железо, на лобике появился ожог. Сколько же пришлось пережить маме! В целом же люди понимали общие лишения и трудности, поэтому не помню каких-либо скандалов.

Через месяц высадили нас в Чкаловской области. Запомнилась эта ночь. Поле. Приближается поезд, оглушающие сигналы и я изо всех сил прижимаю к себе братишек, чтобы они не оглохли. Поезд мчится мимо, а я ни жива, ни мертва, но ребятишки не испугались. Через два дня за нами приехали и отвезли в село Банное.

Поселились в хозяйском доме, в такой же многодетной семье. Хозяева — семья Пряхиных — разместила нас в лучшей комнате. В ней была большая кровать, на которой спали четверо: мама, я и братишки; было еще одно место на лежанке, там спала Анюта. Мама и сестра определились на работу. Помню, как 15-летняя Анна, работая на ферме, приходила домой с замерзшими руками, плакала, потому что телята разбегались, корма носить было тяжело (до сих пор она не может спокойно вспоминать то время).

Я целыми днями сидела с братишками, младшего, грудного Сашу постоянно держала на руках. По вечерам ходила за затирухой — так называлось «блюдо», приготовленное из перетертой и заваренной муки (туда даже добавляли масло). Оно было вкусным и сытным. Наливали мне целый трехлитровый чайник.

Главной моей радостью была богатая библиотека. Размещалась она в центре села в каком-то казавшемся мне очень красивом большом деревянном доме посередине большой площади. Столько было прочитано книг! Среди них помню «Человек меняет кожу» Ясенского, «Кто сеет ветер — пожнет бурю» (не помню автора) и много других.

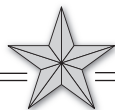
Тяжелый момент пережила я с братишками, когда мама уехала в район за какими-то документами. Река Урал неожиданно разлилась, мы дня три сидели без хлеба, младший брат ослабел и лежал безжизненно на полу. Сестры не было — мобилизовали строить аэродром, а я не знала, что делать. Мама в то время металась на другом берегу, слезно умоляла переправить ее к детям.

Вскоре разыскались родные, жить стало легче. Мама и Анюта, не отказываясь ни от какой работы, смогли заработать пшеницу, часть которой даже переправили в Тулу. Кроме того, Михаил с фронта прислал денежный аттестат, по которому мама получала деньги. Что-то присылал отец, после того, как фашистов разбили под Тулой. Приходили письма, почта работала хорошо. Часто вспоминали довоенную жизнь (особенно праздничные мамины пироги с рисом, с мясом, с яйцами), мечтали о послевоенной жизни.

Письма от отца и брата занимали особое место в нашей жизни. Мама очень дорожила ими. Прошло почти семьдесят лет, а я не могу спокойно читать их до сих пор. Перед самой смертью мама просила меня: «Забери, прошу тебя, письма Михаила и мои из эвакуации, чтобы не пропали они». Не все письма сохранились. Позднее редакция Книги Памяти попросила эти письма, и они были опубликованы [2, с. 795–801]. Удивительно, но первое сохранившееся письмо, адресованное маминей сестре, было мое. Как оно вернулось к нам, не знаю. Но почему-то мама всегда им восхищалась, как оно «умно» написано.

Теперь, когда родителей давно нет с нами, читая мамины письма, я словно вижу ее живой — строгой, самоотверженной, чуткой и мужественной. Обо всем ее письма: о детях, особенно о много болевшем «милом, маленьком нашем сынишке», о том, как разводила огород, который приходилось из-за жаркой погоды поливать каждый день, что хлеба «заработала за эту неделю у колхозников, три дня делала кизяк и два дня мазала избу, дали ...2 ведра с половиной муки и кормили со Славиком обоих», о Наталье, которой надо помочь, с ее малыми детьми — у нее муж погиб на фронте, а дом сожгли немцы, и ей приходится жить в вырытой землянке...

Когда мы с двоюродной сестрой вспоминаем это время, она вспоминает, как во время оккупации немецкие солдаты собирали с себя вшей и бросали на ее сестренку-младенца. Увы, было и такое, хотя сейчас это воспринимается как дикость. Но в то время у нас чувство ненависти к ним было недолгим. Уже после войны, мы таскали вареную

картошку пленным, чинившим крышу в нашем доме, хотя у самих-то этой картошки было немного; с таким трудом выращивали ее на огородах. Такой вот характер у русского человека!

Возвращение

Мысль о возвращении домой была у нас постоянной. Первой вернулась Аня, чтобы продолжить учебу в техникуме. В декабре 1942 г. отправились домой и мы — мама, я и братишки.

Провожали нас очень тепло, пришло много народу, говорили трогательные слова — сжились мы с казачками. Пришел грузовик, поехали в Чкалов, а оттуда на поезде в Тулу. Был конец года, снег подтаял, валенки мои промокли и у меня отнялись ноги. Распухли так, что ходить не могла. Мама была в отчаянии, она рассчитывала на меня, а я из помощницы превратилась в недвижимую, была в полубморочном состоянии. Мама плакала от бессилия: пришлось на несколько дней остаться на вокзале. Там давка, народу — море, шум, крики, воровство. Когда мне стало лучше, кое-как добрались до поезда.

На одной из остановок я побежала с чайником за кипятком (в то время он был на всех станциях), налила его, как вдруг поезд тронулся. Еле-еле смогла уцепиться за поручень подножки последнего вагона, встала на нее коленками, ноги подгибались, но чайник из рук не выпустила. Помню, как железнодорожник, мимо которого прошел поезд, набирая скорость, заорал на меня: «Ноги-то подбери, дура, — отрежет!». А в поезде в это время металась и кричала от ужаса моя мама.

Тула встретила нас холодной, пасмурной погодой, воздух промозглый. Город показался пустынным и мрачным. От заклеенных стекол в окнах мы успели в уральских местах отвыкнуть. В квартире было холодно, книги наши растащили. Очень неудобно.

Отец болел, перенес много операций. Воля к жизни у него была огромная, хотел жить, поэтому страдания переносил терпеливо. Умный, самобытный, честный, талантливый, он был человеком своего времени.

Жизнь в городе постепенно налаживалась. Мы пошли во вновь открывшиеся школы. Обеспечивали себя сами, доставляли в школу дрова, ходили помогать в госпиталь, разговаривали с ранеными, ухаживали за ними. Моим подопечным был бледный офицер, с ампутированной ниже колена ногой, которую он просил массировать. Госпиталь находился в 6-й средней школе на ул. Жуковского.

Помню 7 ноября 1943 г., когда по радио сообщили, что нашими войсками взят город Киев. Двойная радость от этого сообщения была потому, что, как мы догадывались, наш Михаил, находившийся в танковых войсках, участвовал в освобождении столицы Украины.

Но даже в эти дни в нашей школьной жизни были свои радости. Помню, как накануне какого-то праздника был ремонт и чтобы провести в

актовом зале вечер, нужно было навести там чистоту. Мы с таким энтузиазмом поздно вечером скребли и мыли полы, освобождали от побелки, песка, штукатурки зал, что самим на себя приходилось удивляться. На вечера приглашали мальчиков из 4-й мужской средней школы, с которыми дружили. Многие годы потом вспоминали эти вечера. Знакомились, танцевали, общались, спорили о книгах, о жизни, о природе. Одеты были очень скромно, помню, как просила у отца дать мне ремень на вечер как украшение. Танцевали мы под песню «В лесу прифронтовом».

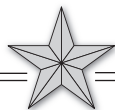
Часто проводили субботники, а в летнее время работали в совхозе «Парники», пололи грядки. Одно время в качестве поощрения нам за работу давали талон на покупку 100 г хлеба. Это было дополнение к тем 300 г, которые выдавались иждивенцам (так назывались неработающие дети и взрослые). Помню профилактические процедуры. Когда возникла опасность появления чесотки, мы в обязательном порядке — и дети, и взрослые — приходили на санитарный пункт, в кабинках натирали все тело какой-то не очень приятно пахнущей жидкостью, потом все смывали. По крайней мере, мы избежали этой напасти, хотя немало было людей, которые расчесывали тело до крови. Была еще одна болезнь — малярия, которой наша семья (взрослые) переболели все.

Запомнился страшный налет на Тулу в августе 1943 г. В доме полетели стекла, опять грохотали зенитки, все побежали в подвалы. Одна из бомб упала на берегу Упы, недалеко от нашего дома.

И чем ближе была победа, тем страшнее становилось от мысли, что кто-то может не дожить до нее. Пугала угроза потерять близких: на фронте был брат, мужья сестер мамы, ее братья. Сильно болел отец.

Брат наш, Михаил Зайцев, семнадцатилетним, после окончания 5-й средней школы Тулы, имея все отличные оценки в аттестате, в числе трех лучших выпускников был направлен на краткосрочные офицерские курсы и воевал уже с весны 1942 года и до самого окончания войны. Неоднократно был ранен (два осколка так и остались в нем на всю жизнь). Участвовал в боях под Ельней, на Орловско-Курской дуге, под Харьковом, освобождал Киев, участвовал в Сандомиро-Силезской операции, брал Берлин, 9 мая вошел в Прагу.

Михаил — наша гордость! После войны он закончил с отличием две военных академии, служил в Кантемировской дивизии, командовал Белорусским военным округом, был главнокомандующим Группой советских войск в Германии, с 1985 по 1989 год — главнокомандующим войсками Южного направления (Закавказье, Средняя Азия, Афганистан). Имел многочисленные советские и зарубежные награды, включая два ордена Ленина. В последний путь проводили Героя Советского Союза 22 января 2009 года, на 86-м году жизни. Во время прощания в Москве, в культурном центре Министерства обороны России, когда

много людей проходило, прощаясь с Михаилом, я с горечью думала, как мало он пожил для себя и своих родных.

Война явилась немыслимым испытанием для нашей армии, для всего советского народа, для нашего общественного строя. Она раскрыла все силы народа, показала, на какой героизм способны люди, как могут они слиться в единое целое, отстаивая свою жизнь, свои идеалы. Особенно если понимают справедливость своей борьбы. День Победы – великий, без преувеличения, всемирно-исторический день. По существу, ныне это единственный общий для всех россиян праздник. Таким он останется для нас навсегда.

Литература

1. Книга памяти жертв политических репрессий в Тульской области. 1917–1987 гг. Т.1. Тула, 1999.
2. Книга Памяти. Двенадцатый том (дополнительный). Тула, 1997.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ В КРАСНОЯРСКЕ

*Константин Алексеевич Вошиков, 76 лет,
Заслуженный артист России, профессор,
г. Красноярск*

Я не знаю почти никого из людей моего поколения, кого бы ни коснулась война. Но, удивительное дело, чем больше лет проходит, тем чаще возвращает память те далекие дни и вновь испытываешь то огромное чувство, которое всех нас тогда переполняло в день Победы. Мне было десять лет и я учился в начальной школе. Этот день так прочно вошел в память, что я до мелочей могу припомнить огромную радость, громкие крики восторга на улицах нашего тогда очень маленького города Красноярска, песни, объятия, поцелуи, открытые лица, чувство единства всех от мала до велика. Так было несколько недель до конца победного мая и весь последующий июнь, а потом стали возвращаться с фронта те, кто воевал. И каждое возвращение было новым поводом для горячий, всеобщей радости.

Но это был праздник не для всех. Я, вместе с другими сверстниками, тоже был полон ожидания, хотя прекрасно знал, что отец никогда не вернется. Это был 1945 год, а похоронка пришла в конце июля 1942. Я помню, как плакала мать, как перешептывались соседи,

показывая на меня и горестно качая головами. Помню, как мой друг детства, Юрка Березин, который всегда за меня заступался во дворе, сказал пацанам: «Не смейте его трогать, у него отца убили».

Вспоминаю, как отец пришел домой после окончания финской кампании, и я впервые увидел его в военной форме. Это было необычно, потому что с самого раннего детства я привык видеть отца в простом костюме в светлом кабинете, куда я к нему забегал и видел его за большим столом, сплошь заваленным деловыми бумагами. Отец был бухгалтером в тресте Севполярлес и, конечно, никогда не носил военной формы. Мы жили на тихой улице почти в центре Красноярска в маленькой двухкомнатной квартире, и отец ходил на работу пешком. Когда я увидел его в военной форме, он показался мне очень красивым и гораздо выше ростом, чем раньше. Помню еще, как мы переехали в новую квартиру, в большую комнату с застекленной верандой и двумя широкими лестничными маршами, ведущими в большой светлый коридор, минуя просторную лестничную площадку. Помню также начало Великой Отечественной, чью-то длинную речь по громкоговорителю, прозрачные летние дни и праздничный день военных учений под громкую музыку в военном городке, где мы все любовались, как наши отцы скакали верхом на конях. Они размахивали шашками, скача по длинной дороге, обсаженной с двух сторон невысокими тополями, дружно и как-то задорно рубили вершины этих тополей на скаку. Все это было очень красиво и запомнилось так ясно, как будто это произошло совсем недавно. А потом помню, как отец в своей новенькой военной форме поднялся на второй этаж, простился с матерью и со мной, потом вышел в коридор и стал быстро спускаться и в знак прощания помахал мне рукой, поправил пилотку и бегом по ступенькам спустился к выходу. Это были последние мгновения, когда я видел его живым.

В детском саду, который работает до сих пор и находится недалеко от нашего дома, воспитательница однажды читала нам, малышам, письма с фронта. Однажды она попросила меня: «Костя, ты хорошо умеешь читать стихи, пожалуйста, прочитай всей группе вот это стихотворение». И протянула мне газету. Как сейчас помню, это был номер «Красноярского Рабочего». Стихотворение называлось «Егоркина елка» и было написано нашим известным красноярским поэтом Игнатием Рождественским. Я тогда прочитал его в первый раз, а потом мне пришлось еще много раз читать его перед всеми группами ребят из нашего детского сада. Возможно, именно это обстоятельство было первым толчком к выбору моего дальнейшего профессионального пути, я стал актером. А после этого воспитательница прочитала несколько писем с фронта. Одно из них было написано отцом и предназначалось всем ребятам нашего сада и, конечно, мне. Отец писал: «Мне сообщили о пожелании моего сына поскорее разбить фашист-

ских захватчиков и приехать домой, потому что они с мамой очень скучают. Сын, спасибо, если ты так сказал, то я горжусь тобой и конечно скоро приеду, но, похоже, что война еще продлится, так что скоро вы с мамой меня не ждите. Будь здоров, слушайся маму, постарайся учиться хорошо. Папа. Я послал тебе альбом репродукций на тему русской истории. Я купил его в Москве и тогда же и отправил. Если ты его еще не получил, то конечно скоро получишь. Помни обо мне. Твой отец». Альбом, конечно, до сих пор у меня, хотя многие репродукции подпорчены временем. Но надпись сохранилась хорошо. А летом сорок второго года почтальон принес проклятую похоронку. С тех пор мать плакала каждый день, а я никак не мог поверить в то, что все случившееся правда, и я больше не увижу отца. И мама, и я много раз пытались найти очевидцев последних минут жизни отца, но это было очень трудно, так как свидетелей, вероятно, не было, и только через несколько лет один из вернувшихся фронтовиков рассказал некоторые подробности, которые заставили поверить в то, что произошло. Он рассказал, что в машину, везшую раненых с фронта в тыл под сильным немецким обстрелом, прямым попаданием угодил немецкий снаряд, так что найти что-либо не представлялось тогда возможным. Это произошло 5 июля 1942 года в Калининской области, недалеко от города Белый. Это же сообщение слово в слово прочитал мне в Интернете в год 70-летия начала войны мой внук: «Техник-интендант 2 ранга Вощиков Алексей Константинович погиб 5 июля 1942 под городом Белым» (obd memorial).

Между тем город стремительно менялся на наших глазах. Это было связано с тем, что с запада в Красноярск приезжали целые эшелоны с заводским оборудованием и, конечно, новыми людьми. Строились новые предприятия, особенно на правом берегу Енисея. Лепились друг к другу целые массивы жилых домов, особенно, конечно, бараков. На улицах появилось много людей на костылях, инвалидов с поводьями. Вообще много разного люда из других городков края, из пригородов и со всей нашей страны. Было очень много эвакуированных, с запада из города Брянска перевезли целый завод, который стал называться Сибирским заводом тяжелого машиностроения. Так случилось, что среди всех этих людей приехала из Брянска в Красноярск маленькая, как и я, шестилетняя девочка, которая через много лет стала моей женой — Дрейшева Маргарита. Она рассказала мне потом, как теплым летним днем она со своей мамой стояла возле дома, а к ним подбежал ее отец и взволнованным голосом сказал: «Маруся, война!». Она рассказала о том, как ее родители решили эвакуироваться вместе с заводом и собрали все вещи за один день. Как на перроне перед отправлением поезда потерялся ее старший брат — Игорь и нашелся в самый последний момент, как они ехали три недели, не зная

точно — куда, и попали в Красноярск, где все было совсем не похоже на прежнюю жизнь.

КРАСН. КРАЙ Дек. 1947 г. РЗ Карт. на ХЛЕБ Годовая норма 700 г. при угле не ввозб.	
31 дек 1947 ХЛЕБ 500	31 дек 1947 ХЛЕБ 200
30 дек 1947 ХЛЕБ 500	30 дек 1947 ХЛЕБ 200
29 дек 1947 ХЛЕБ 500	29 дек 1947 ХЛЕБ 200
28 дек 1947 ХЛЕБ 500	28 дек 1947 ХЛЕБ 200
27 дек 1947 ХЛЕБ 500	27 дек 1947 ХЛЕБ 200
26 дек 1947 ХЛЕБ 500	26 дек 1947 ХЛЕБ 200
25 дек 1947 ХЛЕБ 500	25 дек 1947 ХЛЕБ 200
24 дек 1947 ХЛЕБ 500	24 дек 1947 ХЛЕБ 200
23 дек 1947 ХЛЕБ 500	23 дек 1947 ХЛЕБ 200
22 дек 1947 ХЛЕБ 500	22 дек 1947 ХЛЕБ 200
21 дек 1947 ХЛЕБ 500	21 дек 1947 ХЛЕБ 200

Хлебные
карточки

Ее мама стала работать учительницей начальных классов, как и в Брянске, папа пошел работать на завод Сибтяжмаш, брат начал снова учиться. Ее, шестилетнюю девочку, оставляли дома одну заниматься «хозяйством» и чистить картошку для всей семьи. Чтобы было веселее, Риточка расставляла картошку в линейчку, как в строй, и одну за другой, почистив, бросала в кастрюлю. Хлеб давали по карточкам, у нас сохранились эти карточки, но только за 1947 год, когда до отмены карточек оставалось совсем немного времени. Почти всегда голодные, а чувство голода во время войны никогда не проходило, мы старались учиться хорошо. В нашей семье сохранилась грамота, выданная Дрейшевой Маргарите за школьные успехи.

В первом классе мой близкий приятель, Алька Капустин, как-то спросил меня: «Как ты думаешь, к нам немцы в Красноярск придут?» — «Я думаю, конечно, нет, — ответил я, — их сюда просто не пустят». — «Жалко, — ответил Алька». — «Почему?» — «Так... я бы им устроил партизанскую войну, они б меня хорошо запомнили». Мне кажется, что подобные мысли были у многих ребят. Все тогда хотели на фронт, даже самые маленькие.

А другой мой товарищ, школьный товарищ, Эдик Королев просто-напросто сел в поезд и ночью тайно уехал из Красноярска. Он собирался на фронт, но по дороге его изловили, кажется на станции Ачинск, и в сопровождении милиционера вернули домой. Эдька плакал и злился, и мы хорошо его понимали. Вот такие настроения характеризовали тогдашних мальчишек-школьников.

Насколько я помню, эти мысли «дойдут — не дойдут» не давали покоя и кое-кому из взрослых, но в целом настроение было решительное — все верили в победу.

Однажды я попал на привокзальную площадь и сразу был потрясен тем, что на ней не было ни одной свободной скамейки, буквально ни одного незанятого места на ступеньках и всей привокзальной площади. То были раненые, не успевшие попасть по назначению в госпитали. Подходили машины, автобусы и развозили раненых по больницам. Дом, где мы жили, так же оборудовали под госпиталь. Мама начала работать медсестрой и целыми

днями ухаживала за ранеными, увечными и больными. Вообще жизнь круто изменилась. Из тихого провинциального города Красноярск быстро превратился в шумный, резкий, очень неблагоустроенный город с очередями на улицах, с переполненным транспортом, с большим коли-

*Учительница М.М. Дрейшева с отличниками
4 класса, г. Бежица, Брянской области. 1941 год*

чеством нищих. Таким он остался на много лет и после войны. Вспоминаю стихи Майи Борисовой, известной ленинградской поэтессы, побывавшей в Красноярске, наиболее точно выразившей впечатления от тех далеких незабываемых времен:

*Всем знакомым было известно,
И теперь душой не кривлю,
Я всегда говорила честно:
Этот город я не люблю,
Не люблю унылой пылищи
Палисадников без травы,
Не люблю назойливых нищих
На расхлябанных мостовых...*

Да, таким оставался мой родной город до конца войны и на несколько лет позже. И лишь в пятидесятые годы, по моему мнению, ему удалось превратиться в крупный промышленный и культурный центр и стать главным городом Красноярского края. Но в это время я уже окончил среднюю школу и вознамерился на дерзкий шаг: поехать в Москву и поступить в самое лучшее театральное учебное заведение советской страны — Училище им. Б.В. Шукина при театре имени Евгения Вахтангова, в любимую мою «Щукинку», которая и остается для меня любимым теплым домом навсегда.

ОДИН ИЗ БЛОКАДНИКОВ

*Мякишев Юрий Борисович, 77 лет,
актер, режиссер, заместитель руководителя
секции блокадников Ленинграда
при городском Совете ветеранов.
Записала Рачкова К. Ю., 20 лет,
студентка 4 курса Пермского филиала РГТЭУ,
г. Пермь*

«До войны у меня было обычное детство, как у всей детворы в то время. В 1941 году мне было 6 лет. В то лето я был в детском лагере под Ленинградом. Когда началась война, нас срочно вывезли из лагеря в город, потом началась блокада. Я помню, как горели Бадаевские склады, где хранились стратегические запасы продовольствия. И началось самое страшное — голод. В муку, из которой пекли хлеб добавляли все, что возможно. Хлеб получался тяжелый и липкий. Но даже его давали сначала по 250 граммов, а потом этот паек дошел до 125 граммов. Чтобы не умереть от голода, люди варили обои, потому что до войны их приклеивали на картофельный клейстер. Особенно страшно было зимой. Стояли холода. Водопровод не работал. Воду брали из Невы и каналов. Голодные люди брели по городу с санками, на которых стояли ведра или бидоны, просто с бидонами. Многие до дома не доходили, умирали прямо на улицах. Это было страшно... И еще постоянные бомбежки, обстрелы, ночные налеты... Дети постарше помогали тушить зажигалки: бросали их в воду или засыпали песком, а нас, 8–9-летних, на крышу не допускали. Потом я пошел в школу, и было очень страшно, когда учитель объявлял о смерти или гибели одноклассников. И все-таки самое главное, что осталось в памяти, — чувство голода. Мне казалось, что оно никогда не пройдет. В 1943 году, когда блокада была прервана, и в Ленинград стали ходить поезда, нас, детей, эвакуировали в тыл, в Омск, где мы и жили до снятия блокады. Однако блокада еще долго напоминала о себе. Ребята находили разные «блестящие штучки» — патроны и снаряды, играли ими, а они взрывались и калечили детей.

После войны я закончил школу и пошел учиться в «Школу юнг» в Выборге. Очень уж мне форма нравилась! Затем окончил военноморское училище и ходил в плавания, служил на Каспийском море. Потом решил сменить профессию, захотел стать актером и поступил в ГИТИС.

Работал во многих театрах страны. И однажды попал в Пермь. Гастроли прошли отлично, город театральный и очень мне понравился. Мне предложили здесь работу, и я остался. С техникумом советской

торговли связал свою жизнь лет 20 назад, создавал, а затем руководил театром политической драмы, который за спектакли «Интервью в Буэнос-Айресе» и «Ее сыновья» о Великой Отечественной войне получал звание лауреата. Сотрудничаю я с этим учебным заведением (Пермский институт (филиал) РГТЭУ) и в настоящее время.

Я продолжаю концертную деятельность: выступаю с концертно-лекционной программой по произведениям К. Симонова «Любовь, верность и мужество на дорогах войны». Поскольку в городе на сегодняшний день 190 жителей блокадного Ленинграда, я работаю в городской секции блокадников при городском Совете ветеранов и являюсь членом Совета ветеранов Мотовилихинского района. Мы организуем встречи ветеранов с молодежью, участвуем в подготовке к выпуску «Книги памяти» о блокадниках Ленинграда, встречаемся в день снятия блокады, так что «покой нам только снится»!

МОЙ ХОЛОКОСТ

*Гутман Любовь Яковлевна,
ветеран труда,
г. Москва*

Я очень часто думаю, что для меня Холокост? Это не только гибель моих родственников, не просто физическое уничтожение шести миллионов евреев в концлагерях и гетто. Это попытка стереть с лица земли целую нацию, цивилизацию с высочайшей культурой!

Моя мама, Любовь Исаевна Кугель (в девичестве Меламед), выросла в большом селе Деньгубовка Дубровского района Брянской области. По образованию мама была педагогом дошкольного образования, какое-то время работала заведующей детским садом. Отец, Яков Захарович Кугель, — уроженец города Рославля Смоленской области. Там наша семья жила до 1936 года. Затем мы переехали в поселок Дубровка Брянской области, где у наших родственников был большой дом.

Папа был потомственным сапожником, образования не имел вовсе, ведь ему пришлось трудиться с двенадцати лет: кроме него в семье было еще 12 детей. Мой отец погиб в 1940 году, на финской войне. Мы с матерью получили похоронку, где говорилось, что папа нашел последний приют в братской могиле в финском городе Питкоранта. Уже будучи взрослым, мой сын ездил в те места; искал могилу деда, но так и не нашел...

Кроме меня, в семье был еще брат Савелий. Его судьба сложилась очень трагично. В 1941 году Сава уехал к родственникам в Крым, а спустя некоторое время те места оккупировали немцы. Он не смог выбраться из оккупации. 24 сентября 1942 года мой родной брат был заживо сожжен в городе Саки Крымской области. В этот город немцы пришли 23 сентября. И уже на следующий день фашистские изверги под предлогом общего собрания согнали евреев со всего города в заброшенную кузницу, закрыли их там, облили здание бензином и подпалили. В тот день в кузнице заживо сгорели пятеро членов моей семьи, среди которых был и ребенок...

Когда началась война, мне было всего двенадцать лет. Вроде бы ребенок, но я очень многое запомнила о тех страшных годах. Мое детство прошло среди боли и слез, в постоянном страхе и ужасе, ведь каждый день для мамы и меня мог стать последним...

По соседству с нашим домом в Дубровке жила семья, с которой мы очень дружили. Сосед, поговорив с мамой, предложил нам уехать из поселка в соседнюю деревню Бочары, где жили его родственники. Отказываться от этой помощи было бессмысленно — вокруг шли бои, оставаться в Дубровке дальше было небезопасно. В итоге мама согласилась на переезд.

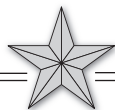
Дубровка пылала в огне, шел бой, когда мы, наспех собрав нехитрый скарб, отправились в путь. То и дело по дороге нам встречались фашисты, но сосед каким-то чудом выправил у фрицев пропуск на свободное перемещение своей семьи по территории района. И каждый раз, встречая фашистов, он, рискуя своей жизнью, выдавал нас за свою семью.

На новом месте нас ждали испытания и постоянный страх — то и дело в деревню за продовольствием приезжали немцы, нам приходилось скрываться, но сердобольные местные жители нас не выдавали.

Все так бы и шло, если бы не один случай. Однажды мама вместе со своей сестрой и племянником того самого соседа отправились в лес за дровами. Где-то в чаще они случайно наткнулись на раненого советского офицера. С того дня они стали носить этому человеку еду и лекарства. Так продолжалось до тех пор, пока офицер не поправился и не смог уйти из этих мест.

Об этом узнал тот самый сосед, который спасал нас, но к тому времени уже перешел на сторону фашистов. Он велел нашей семье в двадцать четыре часа убираться из деревни, в противном случае обещал доложить властям о том, что в деревне живут евреи, которые спасли от смерти советского военного.

Я часто размышляю о том горьком случае. Что заставило этого человека в один миг сменить милость на гнев? Может, сосед опасался за

свою жизнь и жизнь своих близких, а может, это было обычным предательством, замешанном на трусости?..

Тогда же делать было нечего — и мы отправились за сорок километров в Деньгубовку, на родину мамы. Но не успели мы прийти на новое место, как весть о том, что в деревню вернулась еврейская семья, разлетелась по округе. Я до сих пор удивляюсь, тогда же не было ни телефонов, ни радио! В тот раз спастись от верной смерти нашей семье помог русский переводчик. Неизвестно, что он говорил и правильно ли переводил мамины слова, но нас отпустили.

Немцы пробыли в Деньгубовке несколько месяцев, а потом ушли. Какое-то время мы жили на улице, так как нас никто не пускал к себе даже переночевать. Это и понятно — все опасались за свою жизнь, а потом над нами сжалился один старик, взял на постой. Вскоре немцы стали лютовать — сгонять молодых парней из деревень и расстреливать, появились карательные отряды, уничтожавшие русских и евреев. Но одновременно развилось партизанское движение, и мы ушли жить в лес.

В январе 1942 года умерла двоюродная сестра матери, а у нее осталось двое маленьких детей-сирот, и маме пришлось взять заботу о малышах на себя. Устроились мы в лесу в заброшенной сторожке лесника. Круглый год топили буржуйку, кормились тем, что соберем да заготовим впрок, бывало от голода и ежей ели... Пришлось, конечно, туго, но нам удалось сохранить жизнь. Как только до нас доносились звуки выстрелов и крики, мама, собрав нас, уходила вглубь леса.

Много чего пришлось пережить в те страшные годы, всего и не расскажешь. Но одно знаю — воспоминания о войне не сотрутся из моей памяти никогда. Та война унесла жизни почти трех миллионов советских евреев, а еще 120 моих единоверцев стали Героями Советского Союза, свыше 200 — высшими военачальниками...

После освобождения Брянщины от фашистского ига мы с матерью вернулись в Дубровку. Я устроилась в райисполком уборщицей, а мама — туда же, истопницей. Закончив девять классов, я стала трудиться машинисткой. А в 1949 в мою жизнь пришла любовь... Впрочем, и тут не все было легко. Жизнь сложилась так, что долгие 16 лет я прожила вдали от любимого супруга, одна воспитывала сына, пока отец мальчика работал в Иванове. А потом родные души воссоединились. Мы поженились с Владиленом только в 1977 году, а 14 января 2003 года его не стало. Мой супруг был удивительный человек, очень внимательный и заботливый, мне его очень не хватает. Знаете, это очень тяжело: возвращаться в пустую квартиру...

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

*Сенько Дмитрий Андреевич, 74 года,
полковник в отставке, председатель Белорусского отделения
Международного общественного фонда им. полководца Г.К. Жукова,
г. Минск, Республика Беларусь*

Я родился 15 октября 1937 года в д. Приозерная Барановичского района Брестской области. Несмотря на то, что 22 июня 1941 года мне было всего лишь три года, этот день запомнился мне на всю жизнь.

В своей книге «Воспоминания и размышления» Г.К. Жуков написал, что в 03 часа 17 минут 22 июня 1941 года позвонил по ВЧ командующий Черноморского флота адмирал Ф.С. Октябрьский и сообщил: «Системы ВНОС флота докладывают о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов. Флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний». Было принято решение встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота. В 04 часа адмирал Октябрьский Ф.С. доложил, что вражеский налет отбит. Попытка удара по нашим кораблям сорвана, но в городе есть разрушения.

В 04 часа 10 минут Западный и Прибалтийский особые округа доложили о начале боевых действий немецких войск на сухопутных участках округов в 04 часа [1, с. 247–248].

Немцы бомбили наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике.

Я сам явился очевидцем бомбежки в городе Барановичи. Помню, как проснулся ночью от жуткого рева и грохота. Испугался страшно. Схватил попавшую под руки железяку и начал колотить ею по двери и плакать. Мать услышала мой плач, открыла дверь и унесла меня в блиндаж, сооруженный в саду перед войной. Вот так я встретил первый день войны.

Я также помню, как мать однажды спрятала в сарае, в соломе, двух раненных красноармейцев, которые отступали от наступающих немецких войск. Войдя в наш двор, немцы стали проверять в доме, сарае и других постройках, нет ли где наших солдат. Даже вилами тыкали в солому. Но солдаты не подали ни звука. И только когда немцы ушли, мать перевязала им раны, и они отправились в лес.

Запомнилось также, как в соседнем доме немцы устраивали танцы под аккордеон. Веселились они здорово.

Наша семья оказывала помощь партизанам продуктами питания, отдавала лошадь и телегу. Партизаны подрывали немецкие поезда с военной техникой и личным составом. Мой отец был путевым обходчиком на железной дороге, тоже выполнял задания партизан и своего начальства.

Мне хорошо запомнилось, как после освобождения нашей земли плененные немцы трудились на железной дороге по восстановлению путей. Мы, мальчишки, ходили с хлебом к ним и обменивали его на изготовленные ими деревянные пистолеты. Для нас это было очень интересно. Мы приспособились спичечную серу закладывать под боек, чтобы был хлопок. Вот так проходило наше детство.

Родители нас не баловали. Мы помогали им или в прополке травы на железной дороге, или по хозяйству: распахивали поле, сеяли, убирали и обмолачивали рожь, ухаживали за скотиной, косили и заготавливали сено на зиму. Поэтому мы такими здоровыми и выросли.

После окончания средней школы в 1956 году я поступил в Ленинградское зенитно-артиллерийское техническое училище (ЛЗАТУ) им. М.В. Фрунзе, где проучился один год, так как курсантов нашего факультета в 1957 году перевели в Сумское артиллерийско-техническое училище. Окончил его с отличием в 1959 году. Был назначен на должность старшего техника группы в РТВ.

В 1962 году поступила команда готовиться в длительную служебную командировку. В июле мы погрузились в эшелоны и взяли курс на г. Николаев. В Николаеве личный состав и технику погрузили на теплоход «Академик Курчатов». Прошли Босфор, Гибралтар и взяли курс на Атлантику. Никто не знал конечного пункта назначения. И только посередине Атлантического океана, вскрыв третий пакет, нам сообщили, что плывем на о. Куба.

На 15-е сутки «Академик Курчатов» пришвартовался в порту Мариель. Колонной ночью мы двигались к своему месту расположения в сторону Пинар-дель-Рио (примерно в 150 км от Гаваны). Кубинцы встретили нас доброжелательно. Даже ночью жители населенных пунктов, которые мы проходили, встречали нас с кофе в маленьких чашечках. После того, как мы свернули с основной трассы, и некоторые наши машины не могли подниматься по скользкой глинистой дороге, на помощь приходили кубинские машины (т.е. американские студбекеры).

Разместились мы на открытой, заросшей травой поляне. Первые дни спали под открытым небом, потом построили палатки. В палатках нас донимали москиты, скорпионы и фаланги. Несколько человек, заболевших тропической малярией, пришлось похоронить.

На о. Куба были доставлены и установлены ракеты.

Самым напряженным периодом этих событий были дни с 23 по 28 октября 1962 года, когда Соединенными Штатами Америки была объявлена блокада о. Куба. Кубинские войска по указанию Фиделя Кастро были приведены в полную боевую готовность. Морская авиация США приступила к использованию и применению глубинных бомб против наших четырех подводных лодок, которые предназначались

для сопровождения наших кораблей. Американские разведывательные самолеты **F-106** ежедневно парами утром и вечером делали облет наших боевых позиций на высоте 100–150 м.

25 октября Фидель Кастро отдал приказ — всех нарушителей воздушного пространства Кубы сбивать. 27 октября на высоте 21 тыс. км нашей зенитной ракетой комплекса С-75 был сбит американский разведывательный самолет U-2, а над нашими боевыми позициями с помощью счетверенных чешских 37-мм зенитных установок кубинцами был сбит самолет F-106. Мы были в полной боевой готовности к ведению боевых действий. И только благоразумие Н.С. Хрущева и Джона Кеннеди спасли мир от ядерной катастрофы. Они три дня и три ночи вели переговоры о скорейшем урегулировании надвигающегося конфликта. Поставленные Н.С. Хрущевым условия снятия кризисной ситуации Джон Кеннеди принял. И только тогда нам было доверено (это было 30 октября 1962 года) приступить к демонтажу ракет и отправке их в Советский Союз. К 10 ноября эта задача была завершена. А в конце ноября часть личного состава, в том числе и я, на теплоходе «Грузия» отправились в Советский Союз.

К своей семье я вернулся 25 декабря 1962 года. Моей дочери к тому времени было уже три месяца. После возвращения в свою часть в 1963 году я поступил в Ленинградскую академию им. А.Ф. Можайского, которую закончил в 1968 году.

За время службы в армии и учебы в академии я стал кандидатом в мастера спорта по борьбе самбо, имел второй разряд по лыжам, по штанге, по легкой атлетике (метание диска и молота), по кроссу. Боролся с призером европейского чемпионата мастером спорта СССР Соломатиным В.С.

После окончания академии в 1968 году был назначен на должность инженера группы в ракетный полк Тейковской дивизии, который через год стал на боевое дежурство с ракетным комплексом 8К84. Основной моей задачей была подготовка боевых расчетов к несению боевого дежурства. За подготовкой расчета наблюдал сам командир дивизии (в то время генерал-майор Шиловский Владимир Петрович, который впоследствии стал командующим Владимирской ракетной армией). В 2012 году генерал-полковнику В.П. Шиловскому исполняется 85 лет.

Затем я продолжил службу в РТБ: сначала командиром группы, затем заместителем начальника сборочной бригады и с 1977 по 1983 годы — начальником штаба части. 3 ноября 1983 года был подписан приказ Главкома РВСН о моем увольнении в запас.

После получения приказа я уехал в г. Минск. Вместе с основной работой (начальник 2-го отдела Мингорисполкома) вел большую общественную работу. В течение многих лет (с 1996 года по настоящее время) я руковожу ветеранской организацией Мингорисполкома. С 1997 воз-

главляю Белорусское отделение Международного общественного фонда имени полководца Г.К. Жукова.

По инициативе фонда в мае 2007 года в г. Минске установлен памятник Г.К. Жукову. В строительство памятника внесли свою лепту ветеранские организации всей республики. А также большую помощь в строительстве памятника оказал Минский горисполком и его председатель Павлов Михаил Яковлевич. Кроме установки памятника было произведено благоустройство сквера, который стал именоваться «Сквер имени Г.К. Жукова». Это также стало возможным при помощи бывшего мэра г. Минска М.Я. Павлова, к сожалению, ушедшего из жизни в 2010 году. Он очень чтит память о Г.К. Жукове, а при встрече шутливо спрашивал у меня: «Товарищ Жуков, как наши дела?». И я охотно докладывал о ходе строительства памятника и благоустройстве сквера.

В 2010 году в честь 65-летия Победы по моему сценарию был выпущен хроникально-документальный фильм «Георгий Жуков. Война и мир Маршала Победы», в съемках которого активное участие приняли дочери Г.К. Жукова Эра Георгиевна и Мария Георгиевна.

В 1998 году в Москве по инициативе ветеранов воинов-интернационалистов «кубинцев» создана Межрегиональная общественная организация ветеранов, воинов-интернационалистов «кубинцев» (МООВВИК), членом правления которого я являюсь. Она проводит большую воспитательную работу среди молодежи. В своем составе объединяет более 40 организаций. С 2000 года я возглавляю Белорусское объединение МООВВИК.

Награжден 21 медалью, орденом Красной Звезды, Кубинской медалью.

Глава 5. Наши отцы воевали и деды

ДУМА

**о двух родных братьях-казаках,
двух отцах, дедах наших — двух фронтовиках:
Пашко Игнатию Васильевиче и Пашко Федоре Васильевиче**

*Пашко Борис Игнатъевич, 71 год,
Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации,
помощник сенатора, действительный член
Академии философии хозяйства*

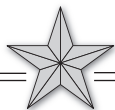
*Пашко Игнатий Борисович, 37 лет,
экономист*

*...Чия правда, чия кривда і чий ми діти.
Тарас Шевченко*

Фамилия Пашко происходит из юго-западных земель древнерусского государства и входит в число старинных украинско-белорусских семейных наименований, образование которых относится к XV веку. Фамилия открывает интересные страницы жизни и быта наших предков [1–3].

Историки запорожских казаков определили, что Запорожская Сечь состояла из 38 куреней. Все они носили названия, большей частью заимствованные от атаманов — основателей их, или от городов, откуда вышли первые запорожцы. Названия этих куреней сохранялись в середине 1714 года в разных бумагах сичевого архива и на могильных крестах запорожских казаков. Везде на первом месте указывается «Пашковский курень» [4; 5].

После ликвидации в 1755 году Запорожской Сечи младшее поколение казаков основало в дельте Дуная Задунайскую Сечь. Потомки этих казаков стали основателями Черноморского (Кубанского) Войска. Кстати, под г. Краснодаром до сих пор живет и здравствует станица «Пашковская» — одна из 38 станиц, разбросанных по Кубанской земле, сохраняя названия запорожских куреней. «Казацкому роду нет переводу»! У запорожских казаков слово «курень» употребляется в двояком смысле: и в смысле жилья, и в смысле «полка, сотни, самостоятельной части войска, всегда мобилизованной, поставленной на походную ногу».

Летом 1648 года запорожские казаки избрали своим гетманом Богдана Хмельницкого. В период 1649–1657 годов особым гетманским полком командовал Пашко Игнат. Деятельность этой войсковой части была связана, говоря современным языком, с мероприятиями внешней разведки, контрразведки, охранными вопросами безопасности на неспокойной Украине.

Работы историков Д.И. Яворницкого, Павла Загребельного, Н.С. Рыбака, И.Л. Ле дают яркое представление о жизни, борьбе людей в те далеко ушедшие от нас времена. Но мы продолжаем поиски сведений в архиве о корнях — веточках нашего рода.

В 1654–1659 годах кошевым атаманом Войска Запорожского был Пашко Савва, доставлявший Богдану Хмельницкому важные сведения о передвижении не только ногайских орд, но и державший украинские границы на запоре.

В Игнате Васильевиче и Федоре Васильевиче мудрая генетика сохранила черты натуры, характера наших предков: Запорожские казаки были добрыми друзьями, верными товарищами, истинными братьями в отношениях друг к другу. Светлую сторону характера запорожских казаков составляли — их благополучие, нестяжательность, щедрость, бескорыстие, постоянство в дружбе. Кроме того, яркими чертами их были — высокая любовь к личной свободе, глубокое уважение к старейшим и заслуженным казакам, истинно «лыцарское отношение к женщинам», простота, умеренность и изобретательность [6–8].

На войне запорожский казак отличался всегда умом, хитростью, умением у неприятеля «выиграть выгоды, скоропостижно на него напасть и нечаянно заманить». Казак изумлял врага большою отвагой, храбростью, удалью, терпением и редкой способностью пережить крайние лишения [9].

Врожденным качеством наших родных отцов—дедов было умение мастерски рассказывать, подмечать смешные стороны у других и передавать их в шутливом, но ни для кого не обидном тоне. Любили побалагурить, заинтересованно послушать рассказы других. В душе поэты и мечтатели предавались тихим думам и возвышенным размышлениям. Будучи высокими ценителями народных сердечных песен, оперной классики, мечтали, чтобы и дети, внуки не чурались прекрасного.

22 июня 1941 года, воскресенье

Старшему брату исполнилось 35 лет, младшему — 28 лет. Оба брата ринулись в свои воинские части. И начались долгие, долгие дни и ночи Великой Отечественной войны. Каждый из братьев-фронтовиков оказался верным военной присяге: «Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно,

умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами».

Воевали родители на многих фронтах Отечественной войны. Сколько страшных отметин от все отдалявшегося прошлого в их сердцах и душах возвращалось в нескончаемых послевоенных сновидениях, жутких криках во сне.

Очень-очень трудно было им найти в себе силы вернуться в свое боевое прошлое, чтобы хоть что-нибудь рассказать, не бередя ран, не вызывая к жизни видений прошлого-пережитого, не раскрывая их тайн вечного хранения. «Все для фронта, все для победы!»

Старший брат

1941 год Прифронтовая Москва. В 20-х числах сентября 1941 г. (сразу же после захвата немцами г. Киева) стало известно о намечен-

И.В. Пашко

ном наступлении немецких войск на Москву. 6 сентября Гитлер подписал директиву № 35, которая получила кодовое наименование «Тайфун». Наступающие войска должны были, как тайфун, смести все на своем пути к Москве. 12 октября 1941 г. появилось совершенно секретное постановление Государственного Комитета Обороны № 675 «Об охране Московской зоны». 15 октября было принято постановление Государственного Комитета Обороны «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы», а 19 октября — «О введении с 20 октября в г. Москве и прилегающих к городу районах осадного положения» (№ 813). Весь офицерский корпус, на-

ходившийся в городе, был призван к незамедлительному выполнению чрезвычайных боевых задач.

Старшего брата задействовали в дни решающих событий битвы под Москвой в системе деятельности Особой группы (2-го отдела) НКВД, созданного 3 октября 1941 г.

5 октября 1941 г. в 17.30 комендант Малоярославецкого укрепрайона (комбриг Елисеев) сообщил члену Военного Совета Московского военного округа генералу К.Ф. Телегину о том, что немцами взят г. Юхнов. Танки и мотопехота идут на г. Подольск. По хорошему шоссе — 2 часа и Москва.

Для проверки этого страшного сообщения командующий ВВС округа (полковник Сбытов) несколько раз высылал опытных летчиков. Среди этих отчаянных ребят был и младший брат. Разведка велась на малых высотах. Летчики отчетливо видели немецкие кресты на военной технике. Но, тем не менее, их информации не поверили ни в Генштабе РККА, ни в НКВД, ни даже сам И.В. Сталин. Офицеров

посчитали трусами и паникерами. После «качественного разбора полетов» младший брат отправился по приказу командования перегонять под Москву с авиазаводов новую технику.

В военной биографии старшего брата далее было очень многое: и Карельский фронт, и сплошные спецкомандировки, и Венгрия, и Австрия, и, наконец, Германия — 1945 г., год Величественной Победы. И собственный «салют Победы» из личного офицерского оружия. А после — беспробудный многочасовой сон с друзьями-побратимами в парковой зоне в санитарном автобусе в сорока километрах от г. Вены.

Простая ли человеческая удача офицера-чекиста, судьба, Божий промысел ли сопутствовали старшему брату и его побратимам, но на послевоенных путях-дорожках жизненных не роняли они чести и достоинства солдата Родины.

Младший брат

«Сталинские соколы», как и все советские офицеры, не знали покоя ни минуты, даже когда писали письма с фронта. «Фронтовые треугольнички», наполненные любовью к родным и близким, искренне убежденной верой в Победу, успокаивали, подбадривали, вселяли надежду на возвращение.

Ни больше, ни меньше! А ответные письма:

«Ты не горюй обо мне, ты не грусти обо мне. Защищай край родной, любимый мой!!!»

На солдатскую долю младшего выпало более, чем достаточно, если командование полка представило его на награждение званием Героя Советского Союза, которое он так и не получил. (Бог им — тем военным чинушам, которые «замотали» наградные листы — судия!)

Далее — небольшая повесть о настоящем человеке.

1942 год: отряд № Б-7 Особой Западной авиagrуппы СНК-СССР.

1943 год: 15-й авиационный полк НКО СССР 213-й ночной бомбардировочной авиадивизии.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 года награжден медалью «За оборону Москвы». (К 60-летию битвы за Москву вручен соответствующий Памятный знак).

Офицерские будни летчика-фронтовика — это нескончаемые полеты. А цели их вкладываются в три простых слова — «для выполнения спецзадания» или «для выполнения боевого задания». Сейчас их можно кратко расшифровать: выполнение секретных заданий по линии органов государственной безопасности, вывоз детей из партизанских районов, разбрасывание листовок, доставка окруженным армейским частям, пар-

Ф.В. Пашко

тизанским отрядам оружия, медикаментов. Летали на всем, что только могло летать. Бомбили всем, чем можно было уничтожить врага.

При выполнении очередного спецзадания был неожиданно атакован и подбит. «Бак пробит, но машина летит на честном слове и на одном крыле» (слова из армейской песни военных лет). Страх не было. Было только неукротимое желание долететь. Любой ценой долететь до своих. Очень уж хотелось полетать над Берлином и сбросить вниз чучело фюрера, сидящего на горшке, с соответствующими словами для установления в Рейхсканцелярии.

После возвращения из госпиталя началась новая битва — битва за жизнь. В трудные послевоенные дни офицер-фронтовик держал на своих плечах семью. Но была у него еще одна война — война с фантомными болями. Мучительными, ежедневными болями. Битва в жизни за жизнь. Практически младший оставался с ней один на один. И он доказал, что и один может быть великим воином на своем поле битвы.

И еще было одно, не дававшее ни сердцу, ни душе покоя. Как поется в старинной народной русской песне: «Горе-горькое по свету шлялося и на нас невзначай набрело...». Он частенько пел эту песню.

Отдельное из мучительно-тягостных размышлений летчика-фронтовика и его товарищей:

«Нам было по 25–30 лет. Защищали свою страну, свою Родину, своих родных, близких от немецко-фашистских орд. За всю войну многое повидали. Но не смогли и подумать, что придется думать, как защитить себя и своих близких от современных 20-ти — 30-ти летних, своих соотечественников — не иностранцев. За что они «заказывают» своих родных на смерть: за квартиру, за нищенскую пенсию, за... За что?!»

«Неужто мы сражались за то, чтобы стать рабами, бессловесными тварями для собственных богатеев. Неужто ночные клубы, бордели могли прийти нам в голову, когда фашисты были у нас на прицеле?!»

«На что, на какую светлую, радостную жизнь обрекаются наши мальчишки и девчонки, наши внуки-правнуки, наши внучки-правнучки?!»

«Мы шли во время Великой Отечественной войны на защиту Родины ради того, чтобы собственные наследники любого возраста презирали нашу юность, жертвы, принесенные ею, так что ли?! Наши однополчане гибли за то, чтобы породить «россиянское» безумие?!»

«Здравствуй племя незнакомое, младое!»

«Русь, куда несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа». Хорошие слова вложил Н.В. Гоголь в уста Тараса Бульбы:

«Постойте же, придет время, узнаете вы, что такое православная вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: поднимается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!»

«Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!».

Литература

1. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных имен. СПб., 1903.
2. Веселовский С.В. Ономастикон. М., 1974.
3. Рибегдун Б.О. Русские фамилии. М., 1998.
4. Яворницький Д.І. Історія Запорозьких козаків, у трьох томах. Київ: Наукова думка, 1990.
5. Народная память о казачестве. Запорожье: Интербук, 1991.
6. Гордеев А.А. История казачества. М.: Вече, 2006.
7. Шамбаров Б. Казачество. История вольной Руси. М.: Алгоритм, Эксмо, 2007.
8. Супруненко В.П. Запорожская вольница. М.: Вече, 2007.
9. Агафонов О. Казачьи войска Российской империи. Пантеон течественной Славы. М.: Русская книга, 1995.

ГОДЫ, ЛЮДИ, СУДЬБЫ...

*Якутин Юрий Васильевич, 56 лет,
вице-президент Вольного экономического общества России
научный руководитель издательского дома «Экономическая
газета», действительный член Академии философии
хозяйства, доктор экономических наук, профессор,
г. Москва*

Чем больше отдаляются от нас годы военного лихолетья, тем величественнее наши представления о подвиге советского народа, защитившего Отчизну от немецких захватчиков, победившего фашизм, освободившего от тяжелого рабства не только собственную страну, но и всю Европу. Для меня лично и 22 июня, и 9 мая — святыне даты. В День Победы всегда стараюсь собрать детей, внуков, родных, друзей, чтобы отметить великий праздник, послушать рассказы гостей, поделиться и своими воспоминаниями. В нашей семье многие воевали, не только на передовой, но и отдавая все свои силы в тылу, где, конечно же, тоже было совсем несладко, где тоже была война. Бабушка, отправив мужа на фронт, осталась дома с пятью детьми. Валюшка — младшая, только что родилась, грудничок, Витюшка, Лидушка, Надюшка (Наденка) и мама моя, Катюшка или Катенка. Валюшка, Лидушка, Витюшка... — это от бабушки. Это она так называла своих детей. И Коля, брат мой, которого она потом с дедом возьмет на воспитание, чтобы помочь моей маме, сразу же стал у нее Колюшкой. А тогда, в 41-м, маме моей, как старшей из детей (ей

не было еще и 14 лет), пришлось стать бабушке главной помощницей. Все заботы по дому легли на ее хрупкие плечи: присмотреть за детьми, накормить как-то, протопить печку, наносить дров, огород... В 41-м еще была и корова, и какая-то другая скотинка...

Бабушку же определили на лесозаготовки — «Все для фронта, все для победы». Возвращалась домой уже поздно, еле держась на ногах. Скинет

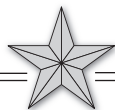

Павел Семенович Любов

обувь, а какая там обувь — резиновые галоши, сядет на стул, распустит волосы и сидит так пять минут, десять — приходит в себя. Потом, силясь, встает. Развяжет узелок, в нем ее дневной заработок — полбуханки черного хлеба — живи как сможешь. Перекрестится, отрежет всем по кусочку и принимается за дела, которых в деревенском доме всякому на век хватит. А если и хозяина нет, забрали на фронт, то и совсем беда. Лесозаготовки и несчастные галоши эти аукнутся потом ей — от простуды в лесу, от галош постоянно потом будет мучить кашель и ноги опухнут и откажутся ходить, а тут не только ходить — работать пришлось чуть не до самой смерти, чтобы хоть какая-то пенсия. Ни работа в войну, ни долгая

работа в колхозе — все оказалось не в счет. Когда вынужденно сбежали после войны из колхоза — ей уж к пятидесяти, стаж в колхозе огромный, а для пенсии — никакой. Вот и впрягайся снова, тяни. Впряглась и тянула, теперь уже на заводе. Вытянула 40 рублей. Дед, когда умер (тоже до конца жизни работал), только на эти 40 рублей несчастные и жила, не жалуясь. Ноги растирала какой-то аптечной мазью, а от глухого кашля спасалась известной всем тогда процедурой: сварив в кастрюльке картошку, дышала над ней, накрывшись с головой телогрейкой...

Дед был крепкий, не помню, чтобы болел когда-то. Высокий, худой, но силы — необыкновенной. Хвалился, что с семью человеками справится, и были случаи, что справлялся. Ладонь большая, тяжелая, кулак — как молот. Столяр был, кожаный фартук, карандаш за ухом, инструмент нехитрый: рубанок, стамески, молотки, пилы, клей варил в баночке, а диван, комод по тогдашней моде, гардероб соорудит, этажерку, стулья, табуретки — милое дело, любо взглянуть! Мебели в магазинах почти никакой не было — так что много приходилось чего мастерить — детей своих пятеро и другим родственникам... Развозил

сам. Помню, маме моей привез комод. До поезда и с поезда — на спине, поддерживая веревкой, сам как-то и закинет за спину... И всегда так. Закинет на горб и тащит. Раз привез железо, чтобы крышу на дачке у мамы покрыть. Свернул в рулон, обвязал — и на спину. Дома у нас кто не пробовал поднять — не смогли, а он и не задохнулся. Как смог донести? Диву даешься!

На войну ушел в 1941 году. Призывали из Москвы, где работал, а ведь и домой к семье успел заскочить. Деревня Родионово Владимирской области. Провожали на станцию всей семьей. Валюшку, родившуюся в феврале, нес на руках сам, не выпуская до самого поезда. О чем думал тогда — не знаю, но, видно, переживал. Не за одну Валюшку, за всю семью — а ну как не вернется, что будет с ними. Как-то Бог спас. Все четыре года в строю. В авиационных войсках, но не летчиком, а в обслуге. Аэродромы, самолеты, машины. Работы и здесь было много по всякой мужицкой, плотницкой части.

Дошел до Кенигсберга. Весной 45-го там было настоящее пекло! Народу полегло — тьма.. Коммунист, ленинец, он, бывало, ругался после войны на жену свою «за отсталость», что в церковь ходит: «Опять попу три рубля снесла». А может, ее молитвами и вернулся живой? Бомба, снаряд ли, он не любил об этом рассказывать, буквально в машину их попала. Полный кузов людей. Взрыв страшный, лежит в яме, голова в крови, землей засыпанный, признаков жизни никаких... Как не бросили к мертвым? Они тогда не один рядом с другим, а один на другом. Из тех, кто ехал с ним, мертвые все, в живых только двое, дед мой и еще кто-то. Подобрали их. У товарища что — не знаю, а у деда — контузия страшная. Слух потерял чуть ли не напрочь. Какой-то жуткий слуховой аппарат одевал в праздники и на партийные собрания, на которых часто выступал с критикой начальства. Неумение работать, бестолковые приказания страшно его раздражали. Он начинал нервничать, волноваться, и я теперь думаю, что эти горячность и нервность тоже были следствием тяжелой контузии.

К слуховому аппарату дед так и не привык. Врывавшиеся со всех сторон в голову забытые звуки быстро утомляли его, и, придя с собрания домой, он быстро снимал аппарат и укладывал его в коробочку. Чтобы он расслышал хоть что-то, приходилось громко кричать и прямо в повернутое им ухо. Нередко и досадовали, что вот ведь, в третий раз уже прокричали, а все равное не расслышал. Вернуть бы все, и без малейшей уже тени досады крикнул бы тогда и пять, и шестнадцать раз. И все бы тогда им! Победителям! И от нас, и от власти. И квартиры, и санатории, и приплаты за инвалидность. Он не дожил ни до чего. Умирал уже — так больничный лист даже не дали, не видим, мол, ничего, здоров, говорили врачи.

Маме моей, прядильщице, пришедшей с сестрой Надей на фабрику, едва война кончилась, когда уходила с работы на пенсию, за доблест-

ный труд подарили... чайник! Ему и бабушке — ничего! Фронтовик, инвалид, герой, с 41-го вся война за спиной, и страшное отступление, с боями под Смоленском, где в первый раз ранило и где три дня лесами в одиночку выбирался к своим; и бои под Москвой; и тяжелые 42, 43, 44-й годы; и Кенигсберг... И ничего! Почему-то не принято было тогда чествовать ветеранов. Денег не было или потому, что все тогда были ветеранами? Сам День Победы-то начали праздновать только в 60-х. Так что ничего ему. Сказать разве «спасибо», что еще вернулся живой и что «не загремел под фанфары».

Второго деда моего, Якутина Ивана Алексеевича, тишайшего человека, мухи никогда не обидел, того посадили благополучно. Сын его, дядя мой Иван Иванович, тоже фронтовик, рассказывал, что служил тогда в чекистских (пограничных) войсках кинемехаником. Узнав, что отца его посадили, бросился по начальству — и помогите, и отпустите, и не виноват совсем, и докажу, и они отпустят. Но начальство у дяди, спасибо ему, оказалось смышленным. Не только не отпустили, но еще и продержали сколько-то времени под арестом, чтобы одумался: «Не только, мол, отца не отпустят, но и тебя, дурака, к нему же определят»...

Ивана Алексеевича посадили за то, что как-то выразился в адрес уполномоченного по сельхоззаготовкам. Зная деда, с уверенностью скажу, что даже не матерно. В один какой-то год зарезал скотинку и пожелал сдать государству мясо сразу за этот и за следующий год: «Можно?».

— Конечно, можно! — воодушевился уполномоченный.

Год спустя тот же уполномоченный вызывает деда моего в контору: «Почему тянешь? Яйца, молоко — тут норма. А мясо... тут ничего!».

— Да, но я же сдал в прошлом году, вы же сказали, что можно, вот и справка. А нынче мне и некого резать...

— Когда, говоришь, сдал?

— В прошлом году!

— Ну вот, в прошлом! А в этом что ж?

— Но мы же договаривались...

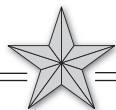
— Когда?

— В прошлом году!

— Ну вот, в прошлом! А где же в этом?...

Тихий, тишайший был человек Иван Алексеевич, слова не вытянешь, а тут с этой сказкой про сданного бычка не выдержал, то ли по столу кулаком ударил, что, зная его, скажу, вещь все-таки маловероятная, то ли слово какое у него все же вырвалось. Ну и пришлось посидеть. Слава Богу, не так долго...

Павел Семенович тоже бы «загремел под фанфары», и тут, думаю, не обошлось бы малыми сроками. Тут «преступление» было не лич-

ным, а, страшно сказать, государственным. Чуть ли не подрыв строя! Вернувшегося с войны, его, как коммуниста, прославившегося героя, выдвинули в председатели колхоза. Урожай собрали хороший, выполнили план по поставкам, раздали крохи колхозникам — плату за трудодни, выделили что положено и на семена — под будущий урожай. Не так уж и много после того осталось, а ведь и осталось. Раздай колхозникам, так хоть вздохнут. И нельзя было, это как руку в государственную казну сунуть, а дед раздал. Видел, как живут те же немцы, даже в войну, и мог сравнить. А тут настоящий голод все военные годы, сын его с другими его детьми так даже ходили по соседям, где что дадут, какую картофелину, крупы горсть, так что же — и после войны голодать? Раздал! А вечером звонок из района, друг фронтовик не продал, не предал: «Сроку тебе, говорит, до завтрашнего утра. Завтра приедут и заберут». И тут уж, в вечер, бросили все, раздав за бесценок, взяв только то, что в руках унесешь. Печать под рукой, может, пришлось воспользоваться и ею для какой надо справки, чтобы не высадили из поезда и там, куда едут, не выгнали...

Справились до утра. А утром в поезд. Адресок был от родственника одного — в подмосковской Балашихе завод строится, берут всех... И с того дня о сельской жизни у всей родни моей — одни лишь воспоминания. Светлые картинки — это только из детства. Речка, луг, лес... А взрослую жизнь, что ее вспоминать? Работу, рабский колхозный труд, который и не признавался государством работой? Холод и голод? В войну бабушка наткнулась на не израсходованную дедом бутылку с олифой. Голодали к тому времени уже страшно. Из еды лишь мороженная картошка с колхозного поля и очистки, которые бабушка давно уже не выбрасывала — хранила на печке. Растереть бы все это на терке, заправить крапивой и сделать драники, но на чем жарить? И вот эта олифа! Боясь отравить детей, бабушка отведала ее первой. Выждала время — ничего, жива! И тогда пустили в ход и олифу, благо делали ее тогда не из нефти, а из льняного масла.

В городе по сравнению с той деревенской жизнь казалась чуть ли не райской. Бабушка, помню, все удивлялась, как это в городе печь не надо топить и вода из газовой колонки всегда горячая? И молоко в магазине 22 копейки и хлеб — 13. И из всех подорожаний за долгие годы — мясо как-то не на очень много и молоко, всегда сползавшее весной с 28 коп. на 22, раз как-то так и застряло на 28. Так что и 40 пенсионных рублей бабушке хватало.

Деду, до конца жизни работавшему, хватало и на рюмку: пенсия 57 рублей и зарплата, пусть и совсем небольшая. Минимум тогда был 60 рублей, потом его подняли до 70. Голоса особого не было и слуха тоже, а петь любил. Вытягивая строчку, всегда подпускал дрожь в середине. Фронтowych песен совсем не пел, больше из того, что до войны

слышал. Из всегдашнего репертуара: «Ты отдай, колдунья, мои деньги» и «Загудели, заиграли провода, вы такого не видали никогда». Эта последняя — довольно известная, мне не так трудно было ее найти, а с колдуньей я помучился, пока нашел. Давал слушать детям, но, кажется, их уже трудно чем-то подобным увлечь. Покивают головой: «Ну да, ну да...», — и снова к своим делам. Почему-то они кажутся им более важными. Потом будут жалеть, как и мы, что не договорили со своими отцами и дедами, не дослушали.

Дед говорил по-владимирски — окая, неторопливо. Приезжая к нам, садился за стол, выпивал фронтовую стопку и собирал нас, детей. Спрашивал об учебе и, не до конца расслышав ответа, хвалил. Или, деланно присвистывал от удивления: надо же, мол, какие молодцы, или, было еще, погладит тяжелой рукой по голове. Палец один не разгибается, тоже с войны — ранение. О себе говорил не так много, но хочу рассказать о том, что запомнилось.

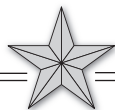
Еще до войны деда взяли на работу в Военную академию им. Фрунзе. Семья в деревне, а он в Москве. В выходные — к жене, детям, с чемоданом, двумя: подарки! Конфетки, баранки, платица, ботиночки — сыну и дочкам, платочек — жене... Что-то всегда и тяжелое привезет: сахар, консервы, керосин, гвозди...

Раз во время войны или до появился в доме у них и трехколесный велосипед. В деревне эта вещь произвела тогда настоящий фурор. Заграничный автомобиль теперь не вызовет такого же восхищения.

Рассказывая о войне, дед связывал военные неудачи в ее начале с нашей к ней подготовкой. Работая в академии и служа затем в авиационных войсках, он, конечно же, ясно себе представлял, насколько сильно мы отставали и в организации дела, и в вооружении от практичных немцев, у которых все было рассчитано до мелочей. Видел он, не мог не видеть, какой урон нанесли армии и репрессии в предвоенные годы. Среди арестованных было много известных ему по академии военачальников, и потому дед всегда говорил о репрессиях с нескрываемой горечью...

С началом войны первое время он еще не обвыкся убивать, и какой-то особой жгучей ненависти к противнику у него не было. Так, он мог закричать немецкому солдату: «Эй! Куда ползешь, фриц? Разве не видишь, я здесь сижу», и предупрежденный немец уползал. Но прошло время, и отношение к фашистам у него резко изменилось. Стало очевидным, что это жестокие, беспощадные захватчики, о жалости к которым и речи быть не могло.

Хороший столяр — отличный же и плотник. В войну, чтобы хорошо воевать, нужно было не только взрывать, но и строить, и ремонтировать — мосты, дороги, самолеты, машины. В жесточайшие сроки, в жесточайших условиях. В холод, дождь, стоя по колено в воде, среди

падающих с неба бомб и снарядов, под матерные команды вечно торопящего начальства. И чуть что не так — найдется работа для особистов, которых, понятное дело, не сильно в войсках любили.

Первый раз я именно от деда услышал о том, что в армии в особистов, представителей НКВД, контрразведки могли стрелять в спину и свои. Но во время войны они все же вели себя не так, как в довоенное время. Особисты понимали, что за их неправильные действия они могут получить от своих же пулю. И такое случалось, если они издевались над солдатами и офицерами. «Было это, было. От этого никуда не денешься», — говорил дед. Для меня такие признания тогда звучали откровением. «Ну как же, — говорил я. — Ведь это же наши бойцы, враг для всех был один...»

Запомнились и его слова о том, что когда наши войска стали освобождать от немцев европейские страны, когда воевали в Германии, то бывали случаи мародерства и грабежей. В советское время не принято было вспоминать о подобных происшествиях, советский солдат всегда изображался бескорыстным, великодушным, всегда защищал справедливость. Но, возвращаясь с войны, и офицеры, и солдаты везли домой и трофеи. Дед мой в память о войне привез домой лишь две перины, одна из них достанется моей матери, и чемодан с инструментом, подаренным ему частью. «Я в жизни, — говорил он, — ничего чужого не брал, стыдно. Может, потому на войне и выжил. А тех, кто зарился на чужое, их-то нередко пуля в числе первых и находила!»

Как и всякий другой русский человек, дед сильно огорчился, когда видел несправедливость. За чужих заступаться легче, но дважды ему пришлось обращаться к московскому начальству за помощью и для своей собственной семьи. Первый раз, когда посадили в тюрьму за опоздание на работу всего-то на 15 минут по известному закону пятнадцатилетнюю дочь Надю. Второй раз, когда его самого мытарил с инвалидностью, заставляя проходить ежегодные врачебные комиссии. Оба раза дед писал письма Швернику, первый раз еще при жизни Сталина, когда Шверник занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, второй раз в правление Хрущева, когда Шверник стал Председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. И по первому, и по второму обращению деда Шверником, спасибо ему, были приняты положительные решения...

У каждого, конечно, война своя. По рассказам деда я составил о войне такое представление, что для солдат это — прежде всего огромный, тяжелый труд, изнуряющая работа. В своих рассказах нам, внукам, о войне, рассказах с присущим ему незлобным смешком, юмором, иногда и матерком, дед всегда как-то ненавязчиво, но постоянно подводил нас к выводу о том, как важна была для нас победа, каких больших усилий, страданий, потерь она потребовала. И об этом нельзя

забывать, надо помнить и о перенесенных испытаниях, и о радости победных дней, надо хранить память и о погибших, которые были почти в каждой советской семье. У деда на войне погибли трое братьев, из детей большой дедовой семьи остались в живых лишь он да сестра.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ

*Алтунина Людмила Дмитриевна, 59 лет,
корреспондент Тульского государственного университета,
ветеран труда, член союза журналистов РФ,
г. Тула*

Память о войне. Она крепко живет в душе российского человека. Почему? Видимо, потому, что нет почти ни одной семьи в родном Отечестве, которой бы не коснулась Великая Отечественная, потому что жива еще боль этой самой кровопролитной в истории человечества войны, живы солдатские вдовы, по сей день не выплакавшие горе потерь, живы дети тех, кто сложил головы на полях сражений. Главное — живы сами участники битв, последний миллион солдат Великой войны. Память о ней у русского человека — это генная память, не дающая покоя нам, родившимся спустя годы и десятилетия после того, как отгремели победные салюты.

Мне как журналисту, посчастливилось встречаться со многими фронтовиками, записывать их воспоминания, публиковать о них материалы на страницах «Университетской газеты» Тульского госуниверситета, где работаю много лет, и в других изданиях. Журналистская стезя сводит с очень разными людьми, среди которых, по сути, нет ни одной неинтересной судьбы, потому что каждая связана с историей страны и всего нашего народа и так или иначе преломляет и отражает самые значительные ее вехи.

Накрыла своим черным крылом война и нашу семью. На фронте погибли четыре моих дяди — три маминых брата и брат отца. Воевал и мой отец. А мой муж оказался также из семьи фронтовиков, к счастью, вернувшихся с войны живыми. Моя свекровь, Алтунина Вера Филипповна, заменившая мне родную мать, умершую, когда я еще была студенткой-первокурсницей, ушла на фронт добровольно семнадцатилетней девушкой. Окончив школу, она приехала в июне 1941 года в Тулу из деревни Игнатьево Белевского района Тульской области поступать в институт, но грянула война. И юная девушка вме-

сто учебников взяла в руки лопату и рыла вместе с другими комсомольцами оборонительные рвы под Тулой и Москвой, а потом подала заявление с просьбой отправить ее на фронт. Прошла тяжелыми фронтовыми путями-дорогами всю войну с первого ее дня до последнего, от стен древнего Белева и до Берлина. Расписывалась на поверженном Рейхстаге. Была награждена фронтовыми наградами, в том числе медалью «За взятие Берлина».

Свекор, Василий Васильевич Алтунин, студент Тульского пединститута, сначала добровольно ушел на Финскую войну, а вскоре и — на Великую Отечественную. Раненый, попал в плен и более двух лет провел в концлагере Маутхаузен. Когда истязали генерала Карбышева, рассказывал, всех военнопленных вывели смотреть на эти пытки, на то, как нестигаемого генерала обливали на морозе ледяной водой, били, но фашистские изверги не выбили из него ни слова.

...Мое детство прошло в Сибири, в далеком Горном Алтае. И мы, дети и взрослые, охотно смотрели военные фильмы, можно сказать, воспитывались на них, впитывая патриотический дух наших героических воинов.

Когда я была еще десятилетней девочкой, отец как-то сказал:

— В кинотеатре «Катунь», говорят, хороший фильм о войне идет — «Живые и мертвые». Завтра пойдем смотреть...

Мы, ребятишки шестидесятых годов, очень любили фильмы про войну, не пропускали ни одного. Да и показывали их тогда нередко. По воскресеньям ходили на один и тот же фильм на несколько дневных сеансов всего по пять копеек. А вот посмотреть кино всей семьей удавалось не так-то часто, поскольку отец с геологоразведочной экспедицией все время был в отъездах, исходил весь Горный Алтай, Саяны и Восточный Казахстан. Но отлично помню, что всей семьей всегда ходили на военные кинофильмы: «Тайна двух океанов», «Тишина», «Без вести пропавший», «Я пережил свою смерть...», «Улица Володи Дубинина», «Повесть о настоящем человеке», «Молодая гвардия», «Балтийское небо», «Чистое небо», «Машенька», «Живые и мертвые» и другие. Тогда не только наша семья, но многие семьи старались попасть на такие фильмы. Наверное, потому что сами прошли фронт, и почти в каждой семье, несмотря на то, что Сибирь в годы войны оставалась глубоким тылом, были фронтовики.

Мой отец, Дмитрий Алексеевич Егуев, участвовал в халхингольских событиях. Младший брат отца, Василий Егуев, пропал без вести на фронте в 1942 году. У него осталась жена с малолетней дочерью. Его имя высечено на обелиске в парке Победы в республиканском городе Горно-Алтайске. Трое маминых братьев: Сидор, Дмитрий и Павел Леонтьевы, старшему из которых было 35 лет, а младшему — 18, тоже погибли на фронте.

В похоронках сообщалось коротко и страшно: «Пропал без вести». Только про младшего Пашу говорилось, что умер от ран в 1943 году; последнее письмо пришло от него из-под Сталинграда. А дома, не веря черным этим сообщениям, их продолжали ждать и с надеждой поглядывали на дорогу. Так всю жизнь и прождали родители, жены, дети. У всех остались вдовы с детьми мал-мала меньше. У жены старшего, Сидора, Ульяны на руках было шестеро детей. Самая младшая, Тина, родилась как раз накануне войны, весной 41-го. У тети Даши с Митей — двое, дочки Аня и Валя. Валя родилась тоже в 1941-м году — отец ее даже не увидел. Только у молоденького Паши с Зоей их единственный сын Юра умер. Они поженились накануне призыва Паши в Красную армию, а вскоре грянула война. Своего сына он тоже так и не увидел... Все дети дружили между собой, даже ссор между ними не было.

У моих дедушки и бабушки по материнской линии родилось четырнадцать детей, но до взрослого возраста дожили только восемь, да и то троих отняла война.

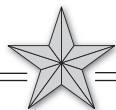
Ни одна из вдов в нашей родне больше не вышла замуж, на всю жизнь так и остались солдатками, а ведь овдовели все молодыми. Тетя Даша стала вдовой в 23 годочка. Она жила в селе Онгудай в Горном Алтае, умерла недавно почти в девяностолетнем возрасте. Как-то однажды, рассматривая ее фотографии, на которых она снята молоденькой, я спросила ее:

— Тетя Даша, а почему ты всю жизнь одна прожила, ведь такая красивая, статная была?

— Не одна — с детьми, — тихо отозвалась она. — Да и как же я могла другой раз замуж выйти, когда, провожая Митю на фронт, обещала быть ему верной, хоть живому, хоть мертвому. Он ведь не по своей воле головушку сложил, даже не знаю, где его косточки. Некуда пойти поклониться праху его...

И сколько таких женщин в Отчизне нашей, хранящих верность павшим воинам до последних дней своих!

А те из мужчин, кто остался в тылу, трудились, не покладая рук, на благо Родины. Дед мой по матери, Григорий Яковлевич Леонтьев — участник Русско-японской войны 1904–1905 годов и Первой мировой войны, Великую Отечественную встретил уже немолодым. Но и в тылу ему было оказано особое доверие — всю войну и первые послевоенные годы он был председателем сибирского колхоза в Инегене. Должность в те времена сопоставимая по степени риска и ответственности разве что с командиром полка, только воевать пришлось не на полях боевых сражений, а на колхозных полях, да фермах. Глубокий тыл днем и ночью работал для фронта, для Победы. Необходимо было так организовать народ, чтобы каждый приносил максимальную пользу,

трудился с наибольшей отдачей. Все мужское население призвали на фронт, в тылу работали старики, подростки и женщины, проводившие мужей на фронт, среди которых была и моя многочисленная родня. Род Леонтьевых в то время был большим, крепким и уважаемым в сибирской округе. Председательская родня во всех трудных делах шла первой, показывая пример другим. А моя молоденькая мама, певунья и плясунья, с сестрами и в делах, и в отдыхе — заводилами. Сельские жители, помимо работы на полях, току и фермах, заготавливали продукты, шерсть, вязали рукавицы, валяли валенки, шили овчинные полушубки для воинов Красной армии, посылали на фронт посылки и письма. А плюс к тому — непомерные налоги с каждого крестьянского двора. Государству сдавали муку, яйца, масло, молоко, мед, мясо, шерсть, пеньку и сырые шкуры крупного рогатого скота и овец. Выращивали скот, пахали и засеивали колхозные земли. Кстати, на единственном в колхозе тракторе, самом первом в горном алтайском селе, трактористом работала юная Зоя, жена Паши, младшего из погибших на фронте братьев Леонтьевых. А чтобы трактор ничуть не простаивал впустую, малолетние ребятишки леонтьевской родни бесперебойно подносили сухие березовые чурочки, которыми он протапливался.

Спрос за все был с председателя. За каждую недоимку он нес ответственность лично по всей строгости военного времени. А когда после войны собес назначил ему пенсию всего 30 рублей — по 10 рублей за каждого погибшего сына — получать ее он отказался:

— За погибших сынов ради Отечества деньги брать не стану!

Война прошла через нашу семью, как и через тысячи других семей, черной полосой, полной лишений и тяжелого труда, горя и стремления отомстить врагу, победить, которое объединяло тогда всю страну. Вот почему смотреть вместе военные фильмы для нашей семьи было особенным событием.

В семье о войне говорили постоянно, все время вспоминали погибших; какими они были, как жили, что делали. И, если по телевидению показывали военную хронику о Великой Отечественной, мама бросала все дела и жадно впивалась глазами в экран: все надеялась, вдруг где-то мелькнут ее братья, пропавшие без вести. Так до конца в родне никто и не верил, что их нет в живых, все надеялись, что жив хоть кто-то из них и непременно должен вернуться.

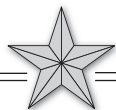
Моя мама и старшая сестра Валя часто вспоминали проводы мужчин на фронт. На нескольких колхозных подводах сидели мужья, сыновья, братья, отцы. Было торжественно, но вместе с тем тревожно и грустно, хотя все говорили о скорой победе над врагом. Но женщины плакали в голос. Мужчины спешили, их озорная веселость и шутки в потоке этих женских слез вызывали в сердце маленькой девочки — моей сестры, интуитивно чувствовавшей какую-то большую общую

беду, ликование, смешанное с непонятной тревогой. И оттого короткое слово «война!» пугало ее своей неясностью, непостижимостью и казалось зловещим. Она играла с мальчишками в «белых» и «красных», но та «война» никак не связывалось в ее детском сознании с тревогой, бедой.

На первой подводе, где сидели два наших дяди, Сидор и Дмитрий, вился красный флаг. Дядя Сидор, которого все любили за веселый характер, за шутки и фокусы, которые он показывал, играл на гармошке и озорно пел частушку с грустными словами: «Не бывать мне у родной матушки, не едать мне у нее шанежки...», видно, душою чувствовал, что не вернется домой уже никогда. Потом, когда лошади тронулись, поднимая раскаленную солнцем горячую пыль, женский плач слился в один разрывающий душу рев и стон. Сидор, высокий, крепкий, жилистый, в фуражке, лихо сдвинутой на бок, встал во весь рост на подводе, рывком растянул меха гармошки и громко, бодро запел: «Ты добычи не дождешься, черный ворон, я не твой...» Песню подхватили мужчины на других подводах и с этой песней под флагом, огненным пламенем бившимся под ярким солнцем, вереница подвод скрылась за поворотом, огибающим ельник, оставляя позади себя медленно оседающие на землю клубы пыли, плачущих женщин и детей. Ребятишки еще долго бежали за подводами. Утомившись, отстали, но, стоя сиротливой стайкой в сизой пыли среди дороги, долго махали руками вслед своим отцам и братьям, выкрикивая: «Возвращайтесь скорее с победой!..»

Старушки-матери, вытянув сухонькие руки в сторону удалявшихся, крестили воздух и шептали: «Господи, сохрани и помилуй, дай Бог, вернуться живыми-здоровыми...» Но почти никто из ушедших не вернулся с войны. Пришел лишь с фронта домой израненный, прихрамывающий на одну ногу Нестор Ощепков, доводившийся зятем нашему деду. За ним замужем была одна из его сестер. Похоронки шли и шли в Инегень. Завидев издали почтальона, женщины и дети со страхом и надеждой в глубоком молчании поджидали его у ворот. И все уже знали, что, если у чьих-то ворот начинали голосить и причитать — пришла похоронка. Те же, которых на этот раз миновало горе, крестились и шептали про себя: «Слава Богу. Пресвятая Богородица, сохрани и помилуй моего Гришу» или Ваню...

Моя бабушка (мама стара, называли мы, по-сибирски, бабушку) тоже подолгу молилась и просила Богородицу-Заступницу за троих своих сыновей, Сидора, Дмитрия и Павла. Просила сохранить им жизнь, не зная, что в сельсовете на всех троих уже лежат похоронки. В дом их принесли все разом — заодно, видимо, решили там. Получив похоронки на трех своих сыновей, бабушка все плакала и плакала. А сестре Вале, как самой маленькой в семье и всеобщей любимице,

наказали не спускать с мамы стары глаз, не оставлять ее одну, отвлекать от грустных дум. Однажды Валя с мамой старой пошли в тайгу за малиной. Обычно в тайге мама стара громко пела песни, время от времени покрикивая: «Эй-эй, медведушка, не пужай нас, не трожь, мы твоего не возьмем, гуляй себе мимо...», — и постукивала о дно железного подойника — так она отпугивала медведей. Один раз они с медведем в малиннике встретились так близко, что страшно перепугались, но мама стара не растерялась, стала громко покрикивать и стучать в железное ведро. Медведь убежал в чащу. В этот же раз мама стара не пела, все шла и шла молча, будто и забыла, зачем они пришли. Когда вышли на полянку, она села на пенек, уткнула лицо в фартук и громко начала рыдать и причитать, покачиваясь из стороны в сторону: «Сыночки мои, голубочки мои, соколики, уж не слетитесь вы к родной матушке, не увидите и родного тятеньку...» Валя стояла поодаль и, пораженная видом этого горя, плакала тоже, не решаясь подойти. Причитала мама стара долго и горько, а потом повалилась в траву и долго лежала без движения. Валя напугалась, подумала, что мама стара умерла, подбежала к ней и стала трясти ее: «Мама стара, миленькая моя, любимая, не умирай, только не умирай!...» Отлежавшись, бабушка встала и, взяв Валю за руку, молча побрела домой.

В этот же день она слегла. Лежала, не вставая с постели несколько дней, а ведь она пекла хлеба на весь колхоз. Ее умелые руки стряпчей были крайне нужны колхозникам, нужны они были и ее большущей семье с многочисленными внуками — детьми погибших сыновей. А она смотрела каким-то пустым взглядом в потолок, не обращая внимания ни на кого, и все повторяла тихим шепотом: «Сыночки мои, Сидорущка, Митенька, Пашенька, соколики мои ясноглазые...», и слезинки из ее глубоких темно-карих, почти черных глаз одна за другой скапывались по щекам. Она ничего не ела, только изредка пригубливала стакан с водой. Ее парализовало. Она перестала говорить и двигаться. От свалившегося на семью горя и опасения за жизнь хозяйки многочисленного семейства в доме все как-то притихли, говорили мало и полупшепотом. Казалось, и сам большой дом глубоко опечалился, затих и потемнел, даже окна его в красивых резных наличниках смотрели с бесконечной грустью и какой-то укоризной.

Валя не отходила от своей любимой мамы стары, расчесывала ей волосы и щебетала над ее ухом, как веселая птичка, словно желая перелить в ее обессиленное тело свою неумную, несмотря на все беды, детскую энергию, стремление жить и радоваться. Постепенно бабушка отошла, стала двигаться, говорить и вскоре снова впряглась в работу. После этого случая Валя уже ни на минуту от нее не отходила. Все время крутилась возле, развлекая маму стару разговорами, расспрашивала ее то о том, то о другом, пела для нее, приплясывая, песни. А чуть

заметит, что та задумается, запечалится, подбегает к ней со словами: «Мама стара, давай я тебе в голове поищу». И, примостившись рядом на табуреточке, начинала перебирать бабушкины волосы, то и дело прищелкивая ногтями, словно давит вшей. Маленькая Валя почему-то считала, что, если она так будет делать, то все внимание бабушки сосредоточится на том, что у нее от горя завелись вши, и поэтому ей будет уже не до того, чтобы тосковать и плакать.

Глава семейства виду не подавал, крепился, работал, руководил большим колхозом и семьей, будто ничего и не случилось. И никто не догадывался, что творилось в мыслях и сердце его. Один раз Валя с дедом возвращались с покоса. Вечерело, солнце садилось. Они вдвоем ехали на лошади, пятилетняя девочка сидела сзади. Вдруг папа старый круто остановил лошадь, проворно соскочил и, раскинув руки, кинулся к дереву, стоящему одиноко на поляне, обхватил его со словами: «Пашенька, сыночек, вернулся, родимый! Я же знал, что не может Господь отнять всех троих разом...» Валя сидела на лошади ни жива, ни мертва, наблюдая за дедом. А тот молча постоял еще немного, уткнувшись лбом в ствол, потом как ни в чем не бывало вернулся назад, сел на лошадь. И они поехали дальше. Больше ничего такого внучка за дедом не замечала.

В годы войны наша мама дома бывала редко. Ее, как наиболее грамотную, общительную, умеющую находить контакты с людьми любого ранга, посылали учиться в областной центр — город Горно-Алтайск то на заведующую детскими яслями, то на садовода, то на зоотехника. И все время бросали на прорыв, на освоение нового, и туда, где возникали наибольшие трудности. Выучившись на садовода, она уехала вместе с представителями известного ученого-садовода Лисовенко, работавшего тогда в Горном Алтае, закладывать фруктовые сады в село Яломан. Эти сады, хоть и запущенные ныне, до сих пор стоят среди алтайских гор. А работая зоотехником, все время ездила по отарам овец. В последний военный и первый послевоенный год был их сильный падеж. В одной из таких поездок, в марте 1946 года, она ближе познакомилась с Дмитрием Алексеевичем Егуековым. Он работал директором школы и преподавал военное дело. «Такой холод, мы верхом на лошадях, а на Дмитриии Алексеевиче кожаная тужурка и кепка. Жалко его стало. Сняла с себя пуховую шаль, накидываю ему на плечи, а он так смотрит мне в глаза, а у самого от холода зуб на зуб не попадает, так промерз...», — вспоминала мама. Так она сблизилась с моим отцом. Первого ее мужа, от которого и родилась моя старшая сестра Валя, забрали по линии НКВД в 1937 году. И он сгинул, хотя моя мама прождала его почти десять лет. А потом вышла замуж за нашего отца.

...И когда я с родителями и старшим братом Володей, в 60-х годах прошлого века только мечтавшим стать военным летчиком, а сейчас

полковником Военно-воздушных сил, кандидатом военных наук, смотрели кино про войну, было такое чувство, что мы пережили ее сами. Мы как бы сливались с тем, что было на экране или в книгах. О войне мы тогда читали тоже очень много: брат зачитывался рассказами о летчиках-ассах, Героях Советского Союза — Кожедубе, Покрышкине, Девятаеве, Маресьеве, а моими любимыми были книги о войне «Девочка из Сталинграда» и «Дети Ивана Соколова». Трудно было сдерживать слезы во время чтения, часто книги читали вслух с подругами, переживали и плакали вместе...

...Так же плакал весь зрительный зал, когда смотрели фильм «Живые и мертвые». В кино, на военные фильмы, многие приходили тогда с орденами и медалями на выходных своих пиджаках. И все — фронтовики, женщины, дети, не скрывая своих слез, комкали платочки у глаз, когда смотрели сцену трагичного для наших летчиков воздушного боя и героические сражения солдат генерала Серпилина. Этот образ, гениально сыгранный талантливым артистом Анатолием Папановым, никого не оставил равнодушным. И в мою память он врезался на всю жизнь.

Выходя из зрительного зала с заплаканными лицами, фронтовики говорили друг другу:

— Хорошая кинолента — вся правда о войне. Надо еще раз посмотреть. А Серпилин! Какие люди были, какие люди!

Наши мальчишки после этого фильма играли «в генерала Серпилина». Отрыв в высоких сугробах длиннющие, запутанные ходы, простиравшиеся на весь громадный огород, соорудив блиндажи, изображали те сцены боя, которые видели в «Живых и мертвых». Быть Серпилиным у них считалось верхом всего. Далеко не каждому мальчишке доставалась эта роль, а только самому смелому, самому достойному из них.

Мы тогда и не знали, что прототипом генерала Серпилина был реальный человек — полковник Кутепов с Тульщины. И могло ли мне в ту пору вообще прийти в голову, что судьба сведет меня с его сыном! С детства мечтая стать журналистом, я и подумать не могла, что когда-то буду писать о человеке-легенде, С.Ф. Кутепова, чей прообраз так восхитил жителей далекого сибирского села Майма.

Тема войны, как и малой родины мне очень близка. Такое ощущение, что я сама была на фронте, столь глубоко с раннего детства вместе со взрослыми переживала я горечь невозвратных утрат в семье и так много была наслышана от родных о войне. Наверное, где-то глубоко в подсознании меня побуждает писать о ней, о фронтовиках и чувство долга перед четырьмя моими дядями, павшими на войне.

Мне очень хотелось бы, чтобы этот очерк, адресованный широкому кругу читателей, дошел прежде всего до молодых, чтобы современная

молодежь больше узнала бы о героическом прошлом их отцов и дедов, заинтересовалась бы недавней, еще живой, историей, связанной с Великой Отечественной.

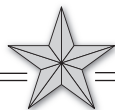
...Спустя десятилетия, в канун 65-й годовщины Великой Победы, мне удалось в Интернете, в «Мемориале» отыскать информацию о четырех моих погибших дядях. Скупая сводная информация гласит: «Егучев Василий Алексеевич. Дата рождения 1917. Место рождения — Алтайский край, Эликмонарский район, с. Чепош (там же родился и мой отец). Дата и место призыва — 17.07.1941, Горно-Алтайский ГВК, Алтайский край, г. Горно-Алтайск. Воинское звание — рядовой. Должность, специальность — стрелок. Причина выбытия — пропал без вести. Дата выбытия: ?_09.1942. Когда прекратилась письменная связь — в июне 1942 г. Когда и по какой причине выбыл — неизвестно. Где похоронен — неизвестно. Название источника информации: ЦАМО и т. д.

Такая же скупая сводная информация — и на трех маминых братьев: Леонтьев Сидор Григорьевич, род. 1906, с. Инегень. Русский. Призван 13.09.41. Рядовой. Пропал без вести в марте 1942; Леонтьев Дмитрий Григорьевич, род. 1915, с. Н-Каянча, Алтайского р-на, Алтайского края. Русский. Призван в 1942. Рядовой. Пропал без вести в августе 1942; Леонтьев Павел Григорьевич, род. 1923, Алтайский край, Ойротская АО. Русский. Место призыва — Онгудайский РВК, Ойротская АО. Последнее место службы — 232 с. д. Воинское звание — сержант. Причина выбытия — умер от ран. Дата выбытия 07.04.1943. Вот такая грустная, трагическая арифметика. А их все ждали, ждали, ждали...

О ТЕХ, КТО ВСЕГДА С НАМИ

*Жигунов Константин Викторович, 38 лет,
кандидат технических наук, доцент кафедры физики
Тульского государственного университета,
г. Тула*

Я лет до семи-восьми не знал, что мой дедушка был офицером. Когда я родился, он уже давно был в запасе. Но однажды военный комиссар попросил его выступить перед призывниками и дед надел военную форму с орденами и медалями. Он как-то изменился, сразу стал другим, таким я его не знал. Его обычно доброе лицо стало строгим и сосредоточенным. Когда он вернулся, я, рассматривая ордена,

спрашивал, как называется каждый из них и за что им награждали. Дед не очень любил рассказывать о войне и тем более о себе. Больше о дедушке и бабушке, которая тоже была на войне, уйдя на фронт добровольцем в 17 лет, я узнал, когда они, перебирая старые фотографии, вспоминали своих родственников, боевых друзей. Что я запомнил и что позднее прочел о деде, который, как мне кажется, был типичным представителем поколения, на которое выпало такое трудное испытание, как Великая Отечественная война, мне и хочется рассказать.

Мой дед, Жигунов Владимир Романович, родился 9 апреля 1920 года в деревне Нашковичи Мстиславльского района Могилевской области в крестьянской семье. Его родители, Роман Лукич и Марфа Кузьминична Жигуновы, имели большую семью. Дедушка был младшим шестым ребенком в ней. Закончив среднюю школу, он переехал из Белоруссии в Подмоскowie к сестре. Работал чертежником на оборонном заводе в городе Балашиха. Иногда, как рассказывал дед, важные решения человек принимает как бы случайно. Например, мечта

В.Р. Жигунов, 1951 г.

стать летчиком зародилась у него после просмотра художественного фильма «Истребители». Он поступил в аэроклуб. Одновременно работать и учиться было трудно. Но после того как он первый раз поднялся на учебном самолете в небо, он понял, что ни какие трудности не помешают ему стать пилотом. Старый опытный летчик — инструктор аэроклуба, быстро понял, что у молодого парня были способности к пилотированию самолетов, поэтому он рекомендовал его для поступления в авиационное училище.

В мае 1941 г. поступил в Одесскую военную авиационную школу пилотов, которую закончил в 1942 году как летчик-истребитель. В связи с большими потерями в личном составе штурмовой авиации он был направлен в запасной штурмовой авиационный полк, где прошел курс обучения для полетов на самолете Ил-2.

Самолет Ил-2 имел тяжелое вооружение: две 37 мм пушки, реактивные снаряды и бомбы. Для поражения танков использовались специальные противотанковые бомбы. Само название типа самолета — штурмовик — говорило о том, что основное его предназначение состояло в уничтожении живой силы и техники противника. Эффективность их боевого применения подтверждается тем, что в фашистской Германии

была учреждена специальная медаль за сбитый штурмовик. В то же время существенным недостатком штурмовика Ил-2 была его сравнительно низкая скорость, почти в два раза меньше скорости немецких истребителей. Особенно тяжело приходилось летчикам-штурмовикам в первые годы войны, когда самолет был одноместным. Редко кто из летчиков мог совершить более десяти вылетов. К началу 1943 года на фронт поступали самолеты, в которых было два члена экипажа: летчик и стрелок. Стрелок был вооружен крупнокалиберным пулеметом и защищал самолет с задней полусферы. Потери сократились, но, по-прежнему, были весьма высоки.

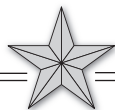

Штурмовики над Берлином, 1945 г.

На фронтах Великой Отечественной войны мой дед был с июля 1943 года. Он участвовал в боях на Курской дуге, в составе Степного и 1-го Украинского фронтов, освобождал Харьков, Полтаву, Кировоград, Кривой Рог, Львов, содействовал войскам в успешном форсировании рек Днепр, Днестр, Прут, обеспечивал прорыв обороны противника на Сандомирском плацдарме в Польше, участвовал в Корсунь-Шевченковской и Яссо-Кишиневской операциях.

К январю 1945 года дед, являясь командиром звена 140-го гвардейского Киевского Краснознаменного ордена Богдана Хмельницкого штурмового авиационного полка, совершил 109 боевых вылетов на штурмовку железнодорожных эшелонов, аэродромов, скоплений войск противника.

Дед о себе говорил мало, охотнее рассказывал о своих боевых друзьях, например, о лейтенанте И.Г. Драченко, — единственном летчике, который одновременно был Героем Советского Союза и кавалером трех степеней ордена Славы. Из его рассказов я запомнил, что этот летчик 14 августа 1943 года в районе Харькова, спасая командира полка, на Ил-2 таранил истребитель противника. При

таране самолет получил серьезные повреждения. Драченко И.Г., несмотря на полученные ранения, смог выпрыгнуть с парашютом из горящего самолета. Приземлился он за линией фронта и был взят в плен. В лагере военнопленных ему сделали операцию по удалению правого глаза. В сентябре 1943 года Драченко бежал из плена. После лечения в московском госпитале он добился разрешения летать. В составе 140-го гвардейского штурмового авиационного полка он провоевал до конца войны.

Чтобы больше узнать о дедушке, я через Интернет нашел в архиве Министерства обороны представление гвардии лейтенанта В.Р. Жигунова к присвоению ему звания Героя Советского Союза. В нем написано, что на его личном боевом счету было 9 уничтоженных танков, три артиллерийские батареи, 28 автомашин с войсками и грузами, два взорванных склада с боеприпасами и один с горюче-смазочными материалами, один уничтоженный железнодорожный эшелон, один подожженный пакгауз, два сбитых самолета и до двух взводов уничтоженной пехоты противника.

За время боев летный состав полка сменился трижды. В основном погибали молодые летчики, которым не хватало опыта. Однако гибли и ветераны полка, которые добровольно шли на выполнение самых сложных и опасных заданий. Именно в последние дни войны погибли друзья дедушки и бабушки Герои Советского Союза командир первой эскадрильи Н.А. Евсюков и туляк А.М. Кобзев.

Я помню, как друг и однополчанин деда Герой Советского Союза Полукаров Н.Т., будучи у нас в гостях, рассказывал, как они отличились в боях за Берлин, подавив под сильным зенитным огнем артиллерийскую батарею на юго-западной его окраине, но потеряли при этом несколько летчиков своей эскадрильи.

Последний из 194 боевых вылетов был совершен дедом 10 мая 1945 г. на штурмовку немецко-фашистских войск в окрестностях Праги. За успешный ракетно-бомбовый удар по живой силе и технике противника мой дедушка был награжден Чехословацким Военным крестом.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1945 года за образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом мужество и героизм, гвардии лейтенанту Жигунову Владимиру Романовичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением медали «Золотая Звезда». Он также был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Отечественной войны 2-й степени, орденом Красной Звезды и медалями.

Кроме боевых наград мой дедушка удостоился 13 благодарностей Верховного Главнокомандующего маршала И.В. Сталина, трех благодарностей командующего 1-м Украинским фронтом маршала И.С. Конева.

После войны он продолжал службу в армии. Летал на самолетах Ил-10 и МиГ-15. В 1955 году окончил Краснознаменную Военно-воздушную академию и командовал истребительно-бомбардировочным авиационным полком. С 1960 года гвардии полковник В.Р. Жигунов — в запасе. Работал старшим инженером в научно-исследовательском институте.

Часто дед приглашали в Воронежское военное авиационное училище, куда иногда он брал с собой меня. Он рассказывал курсантам о том, каким должен быть офицер, командир. Дед любил повторять курсантам: «Вы будущие офицеры и на вас будут равняться ваши подчиненные. Поэтому вы должны всегда и во всем показывать им личный пример, особенно в боевой обстановке». На часто задаваемый вопрос: «Было ли страшно перед боем?» — он отвечал, что все летчики перед полетами волновались, но как только звучала команда: «По машинам!», — волнение исчезало, и их мысли были направлены только на выполнение поставленной перед ними боевой задачи.

9 мая 2000 года дед, которому исполнилось уже 80 лет, последний раз принял участие в военном параде на Красной площади в строю ветеранов 1-го Украинского фронта. 16 мая 2002 года его не стало.

Вспоминая его простые слова о друзьях, о войне, как о тяжелой и опасной работе, о долге перед Родиной, я и решил написать о нем и таких как он.

Вечная им память.

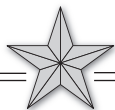
ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ

*Белов Александр Георгиевич, 63 года,
научный сотрудник ГУК «Музей военной истории
Тульского края», кандидат экономических наук,
г. Тула*

Нет семьи, которой бы война не коснулась своим острием, не опалила бы огнем, не укусила ядовитым жалом. Миллионы погибших на полях сражений, миллионы сожженных в крематориях гитлеровских концлагерей, миллионы умерших от ран, голода и холода.

Не обошла она стороной и нашу большую семью. Родной брат бабушки, выпускник Тульского оружейно-технического училища, новоиспеченный лейтенант 24-го гаубичного артиллерийского полка Александр Иванович Шапров пропал без вести уже в начале войны, в ноябре 1941 года.

Три старших брата моего отца Георгия Андреевича Белова, о котором впереди разговор особый, сложили свои головы в огненном

пекле 1943 года. Моя мама Нина Васильевна Захарова в шестнадцать лет строила оборонительные укрепления на ближайших подходах к Туле.

Мать моей жены Александра Михайловна Бузунова на Белорусском фронте была и санитаркой, и поваром, и парикмахером при одной из авиационных частей. Ее старшая сестра Анна Михайловна Елизарова, став зенитчицей в годы войны, немного потеряла слух, ее муж Семен погиб, а младший брат Николай Михайлович Бубнов, будучи танкистом, попал в плен.

Выходит, что все они вместе, и каждый в отдельности внесли свою лепту в нашу общую победу. Увы, никого из них сегодня уже нет в живых. А сколько бы они могли рассказать!..

Первая война — с финнами

Особенно мой отец, который прошел и финскую, и Великую Отечественную войну, как говорится, от звонка до звонка. Он родился в тяжелое время разрухи, лишений и бед голодного двадцатого года и был девятым по счету ртом в большой крестьянской семье безлошадника и голодранца Андрея Белова. Голубоглазого блондина Жорку нарекли так в честь великомученика Георгия Победоносца, покровителя святого воинства, день памяти которого промыслительно отмечается как раз накануне Дня Великой Победы — 6 мая.

Но прежде чем стать воистину Победоносцем, достойным своего великого ангела-хранителя, пришлось испытать ему все тяготы мученичества. Восьми месяцев от роду лишился он матери, а затем, еще до его совершеннолетия трагически погиб и отец, убитый сбежавшим из тюрьмы бандитом.

Совсем зеленым несмышленишем самый младший из многочисленного семейства Беловых вслед за своими старшими братьями покинул родную деревню Крюково. Надо было зарабатывать на хлеб, и призыв о смычке города и деревни в четырнадцать мальчишеских лет привел его в Тулу, где в 55-й зареченской школе в середине тридцатых Георгий окончил семилетку.

А.И. Шапров

Стране, вступившей на путь индустриализации, очень нужны были рабочие руки, и он стал слесарничать в местной артели «Специалист». Хотя и мал был росточком — едва с подставкой до станка доставал — но в деле показал недюжинную смекалку. А в неполные девятнадцать — уже начальник отдела технического контроля и секретарь комсомольской организации, заслуживший доверие «комсы»

Отец Георгий Андреевич

за честность, прямоту и обостренное чувство справедливости. Трудно сказать, как сложилась бы его дальнейшая судьба, если бы не война, оставившая неизгладимый след.

Когда осенью тридцать девятого года началась Вторая мировая война, его неожиданно вызвали в Зареченский райком комсомола. Там только поинтересовались: «Говорят, на лыжах неплохо ходишь», и он, не раздумывая, принял решение идти добровольцем на фронт против белофиннов. В составе Тульского добровольческого лыжного батальона прошел вместе с земляками не одну сотню километров, не один раз вплотную сталкиваясь с коварным, хорошо подготовленным врагом.

В той «неизвестной» и «незنامه- нитой» войне, продолжавшейся немногим более ста дней, мы потеряли

около семидесяти тысяч убитыми, вдвое больше — ранеными и обмороженными. Ежедневно выходили из строя по две тысячи человек. Наши танки утопали в высоких снегах, а меткие снайперы, прозванные «кукушками», безнаказанно лупили с деревьев по беззащитной пехоте.

Из последних сил его стрелковая рота в составе 25-й моторизованной дивизии совершила на лыжах отчаянный марш-бросок на Петрозаводском направлении вперед навстречу невидимому врагу. И вдруг раздались взрывы гранат, и начался ожесточенный бой. Увидев сбоку двух финнов, стрелок Белов сделал выстрел из винтовки, но перезарядить ее не успел. Пулеметная очередь скосила его, пробила каску, вспорола белый маскхалат, оставив на нем багровые пятна крови. Это случилось 9 марта 1940 года, за три дня до подписания мирного договора с Финляндией. Очнулся он в госпитале: ранение в голову надолго выбило его из строя.

Через полгода, уже по призыву, Жору направили в Ленинградский учебный отряд подводного плавания имени С.М. Кирова, располагавшийся на Васильевском острове. Выучившись на торпедиста, в мае сорок первого он был назначен на подводную лодку «Щ-306» Балтийского флота.

Вторая война — с немцами

Когда той же осенью над городом на Неве нависла смертельная опасность, матросы, покинув свои боевые корабли, влились в состав морской пехоты. Они дали торжественную клятву: «Пока бьется сердце, пока видят глаза, пока руки держат оружие, — не бывать фашистской сволочи в городе!» И балтийцы свято сдержали свое слово. Яростные атаки морских пехотинцев наводили ужас на немецкие полчища, которые окрестили их «черной смертью». В бескозырках и бушлатах, полосатых матросских тельняшках, с ППП наперевес, они шли во весь рост под пулями на врага. И побеждали, подтверждая, что два моряка — взвод, три — рота, четыре моряка — батальон.

В чудом сохранившейся, пожелтевшей от времени фронтовой газете «Красный Балтийский флот» за 1942 год сказано: «Краснофлотцы Белов, Прилипко и Серов увидели осторожно пробирающуюся по лесной тропе группу немецких солдат. Разведчики, свернув в лес, ударили из автоматов и сразу убили трех немцев. Затем Серов метнул гранату, раздался взрыв, послышались крики фрицев. Когда дым рассеялся, наши разведчики увидели двух оставшихся в живых немцев, стоявших с поднятыми руками».

И подобного рода боевых вылазок не счесть. В составе первого лыжного батальона моряков им. Жданова разведчик Белов совершил десятки рейдов на Ленинградском фронте по заснеженной глади Финского залива. Как в калейдоскопе, мелькали острова с причудливыми напевными названиями: Сескар, Лавенсари, Большой Тютерс... Но эти лыжные переходы совсем не были похожи на увеселительную загородную прогулку. Смертельная опасность подстерегала бойцов-краснофлотцев на каждом шагу. И на каждом шагу проявлялись лучшие качества

Мать Нина Васильевна

балтийцев: стойкость, смелость и неукротимая воля к победе. «В боях с немецкими оккупантами под деревней Петровской и горой Колокольня заместитель политрука особой роты Белов проявил мужество и героизм. Под минометно-пулеметным огнем противника разминировал минное поле и прорезал проволочное заграждение, обеспечив выполнение задачи другим подразделениям. В бою вел себя смело, был все время впереди и храбро под ураганным огнем противника вынес с поля боя девятнадцать раненых бойцов», — записано в представлении к награждению краснофлотца Г.А. Белова орденом Красного Знамени.

Но в ту лихую годину награда не нашла героя. В начале января 1943 года с группой разведки он шел на Калгапню и, прокладывая дорогу другим, подорвался на минном поле. Чудом остался жив, благодаря искусству военврачей-хирургов да своей неиссякаемой жажде жизни. После длительного, почти восьмимесячного пребывания в разных госпиталях, не раз умирая на операционных столах, он все-таки выжил. А затем вновь стал служить торпедистом на подводной лодке, только теперь уже «К-52».

*А.М. Бузунова в столовой
с полковым комиссаром Фокиным*

Именно в это время вошли в строй крейсерские подводные лодки длиной сто метров, которые могли погружаться на такую же глубину и находиться под водой около двух суток. Они имели на вооружении десять торпедных аппаратов и брали с собой не менее двух десятков торпед.

Работа торпедиста на лодке чрезвычайно важная: один меткий залп — и целый полк, а то и дивизия фашистов идет ко дну. Цена каждого затопленного транспорта велика, но чем измерить цену и как вытеснить из сердца несмолкающую боль за трех старших братьев, погибших в тот период на фронтах войны. И только тверже сжимаются

пересохшие, потрескавшиеся губы да наливаются яростной силой мозолистые жилистые руки.

Особенно памятным стал для членов экипажа «К-52» знаменательный день 22 апреля сорок пятого, когда после семичасового преследования вражеских сторожевиков, сбросивших более ста глубинных бомб, в полночь пришла радиограмма, которая заставила всех забыть об усталости. Военный Совет Балтийского флота сообщил о награждении родного крейсера орденом Красного Знамени, а командира — Ивана Васильевича Травкина — высоким званием Героя Советского Союза. И было за что: ведь на его боевом счету семь затопленных вражеских транспортов, а также сторожевой корабль.

Краснознаменный экипаж не словом, а делом следовал девизу подводников: «Пусть знает вражья сила, что в Балтике ее могила». И на переднем краю атаки всегда находился старший торпедист Белов. Выпущенные его рукой торпеды с надписями «За Родину!», «За погибших товарищей!», «За братьев и сестер!» точно ложились в цель. Войну старшина 1-й статьи Георгий Белов закончил кавалером ордена Красной Звезды с двумя медалями «За боевые заслуги», а также «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

Долгожданный День Победы встречал вместе с однополчанами в Кронштадте. Эта неприступная крепость — гордость российских моряков, куда еще ни разу не ступала нога иноземца. Нелегко было сразу расстаться с родной «Катюшей», как любовно называли свою лодку подводники. Все они гордились принадлежностью к краснофлотскому братству. Крепкая фронтовая дружба связывала Георгия Белова со многими товарищами по оружию, особенно с замполитом капитан-лейтенантом Николаем Ивановичем Пенькиным, с которым неоднократно ходил в операции и топил немецкий транспорт с живой силой и техникой противника: «Каждый поход требовал от экипажа огромного напряжения физических сил, безупречной боевой выучки, железного самообладания в минуты смертельной опасности. Не раз форсируя минные поля, мы слышали как скрежещут мины о корпус лодки, не раз получали повреждения и вели борьбу за ее живучесть».

А.М. Елизарова с погибшим мужем

Третья война — с огнем

Отец оказался в действующей армии за полтора года до начала Великой Отечественной, а демобилизовали его почти через два года после ее окончания. Самые лучшие восемь лет жизни были отданы суровой военной службе в условиях военного и послевоенного времени.

Кстати, красноармеец Георгий Андреевич Белов доньше числится пропавшим без вести в июле 1941 года в областной Книге Памяти, и только недавно он был внесен в восьмой (дополнительный) том книги «Солдаты Победы. 1941–1945 гг.».

Вернувшись домой, отец занял место на передовой другого фронта, где верным его другом по-прежнему оставалась вода, а вечным врагом, как и прежде, — огонь. Свыше трех десятков лет отдано им борьбе с пожарами. Это было словно на роду написано: ведь он родился в День пожарной охраны. Сколько бессонных ночей, сколько спасенных жизней и сбереженного народного добра на его счету. Он тушил и торфяные, и лесные пожары, где его самоотверженные действия в сложных ситуациях служили наглядным образцом для подчиненных.

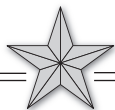
Отец спас в свое время и мою жизнь, когда в конце пятидесятых в нашем доме произошел пожар. Будучи тогда начальником караула, в ту зимнюю ночь он дежурил, по вызову приехал быстро и, четко руководя расчетом, своевременно потушил огонь без особых материальных потерь.

Три войны закалили, как сталь, его характер, но всерьез подточили здоровье. В середине восьмидесятых с ним неожиданно случился инсульт, и в канун очередной годовщины Вооруженных Сил, не дожив до сорокалетия Победы, он скончался. Трагическую роль, которая значительно сократила время его пребывания на брэнной земле, сыграло ранение головы. Так что старые раны делают свое черное дело, напоминая нам о былых подвигах наших отцов.

ОБ ОТЦЕ

*Макаров Николай Алексеевич, 63 года,
военный врач воздушно-десантных войск,
гвардии майор медицинской службы в отставке,
писатель, лауреат Всероссийской литературной
премии «Левша» имени Н.С. Лескова (2010),
г. Тула*

Где-то прочитал в детском возрасте, не помню у кого: «дети, будьте осторожны при выборе своих родителей».

Какая, может быть осторожность, если на улице декабрьские под сорок (заканчивался сорок седьмой, аж прошлого века), а у матери тоже под сорок и более только с противоположным знаком. И тифозный мужской барак, куда свозили со всего Мичуринска и окрестностей умирать, а кому посчастливится, то и выжить, послевоенных бедолаг. Мать в тифозном бараке рожала. Я в тифозном бараке родился. Мать и я выжили. Как выжил в сорок втором и мой отец — Макаров Алексей Дмитриевич. Хотя по всем канонам медицины выжить не должен был.

...Группу разведчиков (фронтовых разведчиков), только что вернувшихся из рейда по немецким тылам, бросили на прорвавшиеся вражеские танки.

Штаб фронта отошел — совершил отступающий маневр. Танки встали, подорванные гранатами разведчиков. Сами разведчики погибли в февральском мелкоколесье. Через три дня эта местность была, хоть и неглубоким, но вражеским тылом. И через три дня этим февральским мелкоколесьем, мимо подбитых танков, мимо павших бойцов, возвращалась к своим уже другая группа разведчиков. И присела, прячась от ветра, у одного подбитого танка перекурить перед последним броском к линии фронта. Покурили. И увидели. Увидели, что у одного нашего «трупа» на губах тает снег. У мертвых снег на губах не тает.

Живой! Наш! Потасили. Падая от усталости, потасили еле дышащее, полумертвое, обмороженное тело к своим. Через линию фронта. Он же — наш! Ну, и что — безымянный. Он — наш!

И дотасили. С обмороженными ногами. С осколками в этих ногах. С осколками в позвоночнике. Дотасили!

Было отцу в ту пору восемнадцать лет и полтора месяца. А до этого, в декабре сорок первого (и восемнадцати не было — пацан пацаном) получил он орден — Красное Знамя за номером 236283... (Правда, не наградили отца в сорок первом, а только представили к награде, а орден ему вручили только в сорок шестом). Кому в сорок первом давали такие награды? Что надо было совершить?

Макаров Алексей Дмитриевич

Летом 1998 года (через 9 лет после смерти отца) в «Мичуринской правде» напечатали о нем в канун даты начала войны. Порывшись в семейном архиве, я нашел эту статью. Вот она.

Мичуринский Маресьев

Около тысячи мичуринских школьников испытали волнующие минуты первого выпускного вечера. И так уж получилось, что последний день уходящего детства совпал в нашей истории с тем роковым далеким утром 1941-го, круто изменившим судьбы, планы, стремления миллионов мальчишек и девчонок.

Сегодня, накануне 57-й годовщины начала Великой Отечественной войны, обращаясь к трагическим событиям тех далеких лет, мы отдаем дань уважения всем выпускникам первого военного года, прямо со школьной парты ушедшим на фронт и отстаившим свободу и независимость нашей Родины.

20 июня 1941 года в школах Мичуринска сдавали последний экзамен. Вечером того же дня учителя каллиграфическим почерком делали последние записи в аттестатах зрелости. На последнем педсовете выпускной был назначен на субботний вечер 21 июня.

В музее истории школы № 18 хранятся интересные воспоминания выпускника 1941 года А.Д. Макарова. «...Танцевали мы всю ночь, а утром, следуя давней школьной традиции, отправились встречать рассвет в рощу...».

Там, на Конской горе, открылись дивные виды на окрестности еще не проснувшегося города. Там, в прохладе зарождавшегося утра, вздыхала гармошка, раздавался девичий смех, пелись знакомые песни.

«Если завтра война, если завтра в поход», — пели они, пели и всем не знали, что это «завтра» уже наступило, и в эти чистые минуты звенящей, предрассветной тишины фашистская авиация вовсю бомбила наши города: Житомир, Киев, Севастополь, Каунас.

«Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, — голосом Молотова чеканило радио, — без объявления войны, германские войска напали на нашу страну».

«Я, признаться, боялся, что не смогу принять участие в борьбе с фашистами, — вспоминал Алексей Дмитриевич. — Я ведь 1924 года рождения, призываться должен только в 1942-м. К тому же с девятого класса я уже носил очки. Как тяжело было сознавать, что все обойдется без меня, что немцев скоро разобьют».

«И на вражьей земле мы врага разобьем малой кровью, могучим ударом...», — пелось в популярной песне предвоенных лет. Не разбили. И когда осенью 1941 года горком комсомола бросил клич: «Комсомольцы — в тыл врага», Алексей Макаров был в числе первых записавшихся добровольцев.

После кратковременного обучения в спецшколе № 2 Брянского фронта, группу, в которую входил Алексей, переправили в тыл врага. Скороспелые курсы сразу же дали о себе знать: из 36 человек линию фронта перешли лишь 18, через несколько дней пятеро попали в плен и были повешены. Оставшимся 13 бойцам предстояло вести диверсионную работу за всех погибших товарищей.

Спустя много лет после Победы, Алексей Дмитриевич напишет:

*Мы в бой вступили в сорок первом:
Семнадцать было нам тогда,
Но с первым выстрелом, наверно,
У нас прибавились года.
Мы как-то сразу повзрослели,
Когда у леса на шоссе
Упали вдруг под град ирапнели
И поднялись потом не все...
Не все дошли мы до Берлина,
Не все увидели Рейхстаг,
Но все, и те, что спят в могилах,
Подняли вверх победы флаг.*

Шел 1942 год. Алексей Макаров уже служил в разведотделе Брянского фронта: получал задания, ходил в тыл врага, участвовал в разведке боем. 18 февраля под деревушкой Кривцово во время ночного сражения был тяжело ранен. Очнулся, как позже узнал, утром, пролежал под открытым небом более трех суток. Проходившие мимо бойцы слышали стоны и, погрузив его на волокуши, по почерневшему от пороховой гари снегу дотащили до медсанбата.

Состояние разведчика было критическим. Многочисленные переломы, поврежденный позвоночник, осколки в обмороженных ногах не оставляли Алексею практически ни малейшего шанса. Вопросом жизни стала предстоящая ампутация обеих конечностей... И он остался без ног.

Зачем были госпитали Тамбовской, Пензенской, Челябинской областей, новые испытания и новые операции. Алексей заново учился ходить, отстаивая свое человеческое право на полноценную жизнь. Там, в тыловых госпиталях, он начал писать стихи, которые впоследствии определили его дальнейшую судьбу.

Подвиг

Вернувшись в родной Мичуринск, в сентябре 1942 года, Алексей решает поступать на литературный факультет Учительского института.

«В 1943 году начал учебу, — вспоминал Алексей Дмитриевич, — за два года занятий не пропустил ни одного дня. Мама говорила: «Учеба

и девочки выучили тебя снова ходить!» Заново учился танцевать. Конечно, танцев с присядкой не было, но танго, вальс и даже фокстрот танцевал с удовольствием».

Здесь, в родном институте, Алексей познакомился со своей будущей женой — Татьяной Петровой, студенткой математического факультета. Осенью сорок шестого сыграли скромную, но веселую свадьбу.

Все последующие годы Алексей Дмитриевич учительствовал в Новотарбеевской школе. Был завучем, директором, продолжал писать стихи, изредка публикуя их в местной печати. Наивысшей оценкой его творчества стало присланное под Новый, 1959-й год, письмо С.Я. Маршака.

«Дорогой товарищ Макаров, — писал Самуил Маршак, — в стихах Ваших есть душевная теплота, но выбрать для печати можно было только два: «Качели» и «Спать» (в них больше своеобразия, чем в других). Я передал эти стихи редакции журнала «Мурзилка». Обещали напечатать и послать вам номер. От всей души желаю Вам сил, здоровья, бодрости. Когда будут новые стихи, пришлите мне...». Всю свою жизнь Алексей Дмитриевич хранил это письмо как самую дорогую реликвию.

«Поэтом можешь ты не быть, Но гражданином быть обязан», — вывел в середине девятнадцатого века формулу жизненной позиции Н.А. Некрасов. В своей повседневной жизни Алексею Макарову удалось совместить оба этих понятия. Поэзия пришла к нему на помощь в тяжелые минуты, помогла обрести душевные силы, победить недуг. Переплетаясь с обширной педагогической практикой, его поэзия воина, героя, победителя стала поэзией для детей, поэзией о детях.

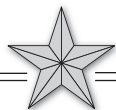
«Мичуринский Маресьев», — говорили о нем. Не секрет, что писатель Борис Полевой, создавая собирательный образ своего литературного героя, брал за образец героев вполне реальных. Алексей Макаров мог стать одним из таких прототипов.

Бегут годы... Вот уже несколько лет нет с нами А.Д. Макарова, как и многих выпускников далекого сорок первого. Вам, выпускникам девяносто восьмого, вам, поколению третьего тысячелетия, создавать своих поэтов, своих героев. Хотелось бы, чтобы на это всегда вдохновлял мужественный образ наших героических дедов и прадедов.

А еще раньше об отце, средняя сестра, Татьяна (окончившая в свое время вместе с мужем Сергеем Садошенко журфак МГУ им. Ломоносова) написала в Волгодонскую газету «Атоммаш», где Сергей работал специальным корреспондентом газеты «Социалистическая индустрия». Вот и это небольшое воспоминание об отце.

«Расскажи о дедушке, мама...»

— просит сын. И хотя уже много раз он слушал этот рассказ, но вечерами мы говорим с ним о моем отце. А перед моими глазами одна и та же картина. 9 мая 1965 года. По-летнему жаркий день. К братской

могиле идет поток людей. И мы среди них. Отец в парадном костюме, с орденом и медалями, тяжело опирается на палку. Скрипят при ходьбе новые протезы. Мама и мы с сестрой в нарядных платьях, с цветами. Люди расступаются, давая нам дорогу...

В этом городе не было боев. В братской могиле похоронены воины, которые умерли от ран в госпиталях. Они не дожили до Победы. Отец дожил, но какой ценой!

...Ночь с 21 на 22 июня сорок первого года. Их десятый класс встречал рассвет на берегу реки. Школа позади, впереди — вся жизнь. Тогда никто из них не знал, что прощаются они не только с детством...

В военкомате разговор был коротким. Рано им на фронт — вчерашним семнадцатилетним школьникам. Но приходили снова и снова. Осенью сорок первого отца взяли добровольцем в разведывательно-диверсионную группу. Ускоренный курс обучения — и первый вылет за линию фронта.

Отец совершил их немного. И рассказывает чаще всего о последнем. Возле одной российской деревушки группа напоролась на фашистские танки. Наши приняли неравный бой. В живых их осталось несколько человек. Отец, раненный в ноги, сутки пролежал в февральском снегу, пока его не нашли и не вынесли с поля боя. Был сорок второй год. Незадолго до ранения отцу исполнилось восемнадцать лет...

Потом врачи говорили, что снег спас ему жизнь. Но спасти ноги не мог никто. В госпитале, в далеком от фронта уральском городе, их отрезали по колено. Отпилили пилой. Но и после операции ему казалось, что простреленные ноги болят. Говорят, так бывает.

А еще потом он учился ходить заново, на протезах, стирая в кровь то, что осталось от быстрых ног лучшего танцора школы. И было долгое возвращение в родной город, через полстраны, в тесных переполненных вагонах. Он уже ходил самостоятельно, но быстро уставал, и под рукой на первых порах — костыли. И были слезы матери, и слово «инвалид», которое ранило в восемнадцать лет тяжелее, чем пулеметная очередь. И было отчаяние, о котором невозможно рассказать словами.

С девушкой, которая стала нашей матерью, он познакомился на институтском вечере. Он снова танцевал, не так хорошо, как прежде, но все-таки это был вальс. В эти минуты он забывал о боли в ногах, о палке, которая сиротливо стояла в углу. Он был молод, вышел живым из страшной войны, значит — надо жить!

В институте в 1944 году отец стал коммунистом. Коренные горожане, они с мамой уехали по распределению в село. Тридцать четыре года проработали в сельской школе. На выпускном вечере десятиклассники обычно приглашали отца на вальс. Он всегда танцевал его.

А мне с детства знаком запах бинтов, пропитанных мазью Вишневского — бывали дни, когда отец не мог надеть протезы. И нас не удивляло, почему даже в самый сильный мороз он ходит в пальто

нараспашку. Однажды отец рассказал нам, что до сих пор с каждым шагом его прошибает пот.

Ходил он много. С учениками на колхозные поля, по сельским улицам (бессменный депутат), даже на охоту и на рыбалку. Как будто все время доказывал свое право на нормальную жизнь. У него и песня любимая — «Пока я ходить умею, я буду идти вперед...».

Наши дети, папины внуки, любят играть с его палкой. Лихо скачут по двору на воображаемом коне, «сражаются» с врагами. Отец смеется, глядя на них. А мне кажется, что сердце его сжимается от страха за их маленькие жизни, за жизнь человеческую вообще. Слишком дорого мы заплатили за нее. И с годами цена не уменьшается ни на йоту...

Т. Садошенко

А еще, еще раньше, в начале семидесятых я вскользь упомянул о нем, в насквозь идеализированной заметке (а как было иначе в эпоху расцвета и процветания «застоя») в Томской областной молодежной газете «Молодой Ленинец». Не могу не привести и эту маленькую заметку.

Урок жизни

«В сорок первом ему было семнадцать. И он мечтал стать врачом. Но он стал разведчиком.

Вместо того, чтобы взять скальпель, он взял автомат. Вместо того, чтобы лечить людей, он стал убивать...».

Это о моем отце. Именно о нем я говорил, когда накануне полувекового юбилея со дня произнесения речи В.И. Ленина на III съезде комсомола, мы, будущие военные медики, в рамках Ленинского урока провели собрание, основной темой которого был разговор «Почему я хочу стать военным врачом». Перед нами сразу встала большая нравственная проблема: врач — самая гуманная профессия на земле, и война — это противоестественное состояние общества...

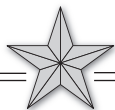
Профессия военного врача опасна. Но быть членом Ленинского комсомола — значит, невзирая ни на какие опасности и трудности, добиваться победы.

Только победы. Победы в операционной и победы в бою. И я хочу, чтобы лет там через двадцать мои дети сказали:

— Если бы потребовалось, он взял в руки автомат, как его отец... в сорок первом...

Но ему больше повезло. Он хотел, и он стал врачом, военным врачом и всю жизнь держал в руках только скальпель...

Н. Макаров, слушатель
военно-медицинского факультета

P.S.

В 1985 году в Приокском книжном издательстве вышел сборник стихов «Мы шли дорогами Войны». В этом сборнике напечатаны и стихи моего отца, к тому времени жившему в Туле.

Алексей Макаров

Мы разбили миф немецкий,
Ложь фашистских главарей
Наступлением советским,
Гулом мощных батарей.

Фрицы пели песню эту:
«Отступаем мы зимой,
Наступаем жарким летом:
Не в мороз, а в летний зной».

Что ж случилось в сорок третьем?
Не в июльский же мороз
Вдруг под Курском немцев встретил,
За Орел их вдруг отнес?

Дело тут не в том, что лето,
Что зима или весна,
Не в немецких дело сплетнях —
Бой за жизнь ведет страна.

Август 1943 г.

Мы — в строю

Когда ж это время нам плечи согнуло?
Когда ж побелела у нас голова?
Мальчишками были, сражаясь под
Тулой. Ни шагу назад: ведь за Тулой — Москва.

Как будто вчера отбивали атаки.
Одну за другою — двенадцать подряд!
Как будто вчера полыхал, словно факел,
Тот танк, остановленный связкой гранат.

Трещал пулемет, автоматы строчили,
Снаряды и мины, и бомбовый шквал.

Мы в памяти этот рубеж сохранили,
Солдат, офицер, медсестра, генерал.

Как будто вчера поднялись в Подмоскowie
В атаку: «За Родину, братцы! Ура!».
И гнали врага, обливаясь кровью,
Как будто бы было все это вчера.

Когда ж это время согнуло нам плечи?
Когда ж голова побелела у нас?
Нас меньше становится с каждой встречей.
Но все же, как прежде, в строю мы сейчас.

Про игры

Отец играл в Чапаева,
В Папанина играл.
«Сражался» он отчаянно
И «полюс» покорял.

Был Шмидтом он и Чкаловым,
В атаку с Павкой шел.
Держал он знамя алое
У речки Халхин-Гол.

Когда война нагрянула —
Отцу пятнадцать лет.
Пожарища багряные —
И детства нет, как нет.

Чтоб бить врага заклятого,
Надел шинель отец.
И в мае сорок пятого
Сказал: «Войне конец!».

Портрет

На стене висит портрет.
Мне сказали: «Это дед».
Мамин папа — дед родной.
Я смотрю: он молодой.

Дед бывает с бородой.
Обязательно седой.
На портрете нет усов,
Много разных орденов.

Под пилоткой кудри вьются.
А глаза — глаза смеются;
Молодой он, он не дед,
Не обманывай, портрет.

Я его люблю такого:
Не седого, молодого.
Больше всех его люблю:
Он... за Родину... в бою...

Где-то около Берлина,
Мне сказали, есть могила.
Там такой же есть портрет:
Молодой, а мне он дед.

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

*Журавлев Юрий Владимирович, 63 года,
инженер, предприниматель,
Лос-Анджелес, США*

*Когда приходит почта полевая,
солдат теплом далеким обогрет*
Н. Лабковский

1999 год, 23 декабря. Я шел в окружении людей, подавленный мыслью о случившемся. Вдруг похоронная процессия замерла. Что-то не так. Оглянувшись, понял. Задерживается катафалк. Случайно встречаюсь глазами с Романом (моим племянником): он понял все без слов. Через минуту военный ЗИЛ взвода почетного караула и военного оркестра стоял впереди траурной процессии. В последний путь провожали на военной машине, как и полагается солдату Родины. Потом были речи, троекратный салют. И все... Ушел из жизни мой отец — Владимир Валентинович, последний из старшего поколения большой семьи Журавлевых. До своего 87-летия он не дожил всего несколько дней.

Их было пять братьев и две сестры родом из старинного города Богородицка Тульской области: братья Лев (погиб на Халхин-Голе), Вячеслав (капитан НКВД), Борис (капитан 1 ранга), Евгений (интендант) и сестры Нина и Вера. Я их помню всегда веселых, оптимистичных, с развитым чувством юмора. Когда собирались вместе, хохот стоял невообразимый. Отец часто вспоминал свое босоное детство, про футбол с тряпичным мячом, игру в бабки (кости), чижика, лапту. Но детство закончилось рано — в 12 лет отец пошел на работу. Обладая большой силой от природы, он наравне со взрослыми забивал сваи при строительстве плотины и чуть было не стал инвалидом — получил опущение желудка. Доктора запретили ему работать с тяжестями до совершеннолетия. И отец стал работать в местном отделении связи, что на долгие годы определило его судьбу.

Вармии закончил радио-телеграфную школу, служил телеграфистом-морзистом в пограничных войсках под г. Хабаровском.

В 1940 г. Наркомат связи направил его с женой в г. Сартовала Карело-Финской АССР для организации отделения связи на новой советской территории. Моя мать ждала своего первенца, мою сестру Светлану. Она родилась 27 мая 1941 года. И все было радостно и счастливо. Но вот война...

В.В. Журавлев, 1941 г.

26 июня 1941 г. старший лейтенант В.В. Журавлев по приказу Сартавальского РВК КФСР был призван в Красную армию и направлен в 168-ю стрелковую дивизию на должность начальника 187-й военно-полевой связи дивизии. Отец вспоминал: «Время было страшно тяжелое. Я не успел попрощаться с семьей, а когда появилась такая возможность, я их уже не застал дома. Моя жена и крохотная месячная дочка уже уехали. Дом был пуст. Война разлучила нас, лишила вестей друг о

друге надолго. Дуся (так отец называл мою мать) с малышкой добирались до родительского дома в г. Малоярославец более двух с половиной месяцев. Об их судьбе я не знал более полугода».

Мать никогда не рассказывала нам, детям, какой ужас и страдания она пережила за эти 2,5 месяца. Можно только догадываться об этом. Но она выдержала, выстояла, сохранила жизнь ребенку, себе, обеспе-

чив будущее нам, послевоенным детям — моей сестре Галине и мне, а также внукам Мише и Дине и правнукам Егору и Полине.

Летом 1941 г. 168-я дивизия вела непрерывные бои с финскими частями. Весь личный состав был задействован для удержания позиций. Финны, чувствуя свое превосходство, устраивали бесконечные вылазки против наших. Они любили «поохотиться» на наших бойцов с помощью снайперов и самолетов. Однажды (кажется в конце июля 1941 г.) командир дивизии П.А. Зайцев отдал подразделению моего отца личный приказ о незамедлительной доставке с «большой земли» свежей корреспонденции на боевые позиции дивизии. Надо отметить, что в тот период положение дивизии было критическим. Все силы и средства были брошены на недопущение окружения. Поставка боеприпасов осуществлялась в первую очередь. Разъясняя важность выполнения приказа, комиссар дивизии подчеркивал, что он стоит наравне с приказом о боеприпасах. «Красноармейцы не имеют вестей от родных и близких, не знают об их судьбе. От этого падает их боевой дух. Это недопустимо».

Германия. На берегу Шпрее, 1946 г.

«С полной груженой машиной, мы возвращались в дивизию, — вспоминал отец. — Ехали по открытому полю. Внезапно над нами на бреющем полете пролетел немецкий самолет, затем он развернулся и начал “охоту” на нас. Укрыться было негде. Положение было критическим, но сознание работало четко. Надо не дать поджечь машину (о себе тогда и мысли не было), погубить бесценный груз, ведь его так ждут! Может, и для меня есть весточка? И мы с водителем Мишиным приняли игру “охотника”. Я крикнул: “Дима, гони”. Машину бросало, как в шторме, четыре раза заходил самолет для атаки. Водитель демонстрировал такие чудеса вождения и такое чутье, что в конце

концов вражеский ас сдался. Беспорядочно разбросав боеприпасы, он, качнув крыльями (очевидно в знак уважения к мужеству русского солдата), улетел. Мы остановились, вышли, осмотрели машину — она была вся в осколочно-пулевых пробоинах, включая кабину, чего мы даже не заметили во время сражения. Потом мы долго ехали, молча переживая случившееся.

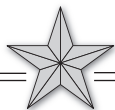
Добрались до дивизии, получили лаконичное «спасибо» от комиссара. А потом я видел дрожащие руки солдат, получивших эти долгожданные весточки, шевелящиеся губы, перечитывающие желанные строчки, скупые слезы, улыбки и обретаемое на глазах спокойствие и уверенность в себе. «Меня ждут! В меня верят! Я обязан их спасти! Я обязан победить!».

Для меня это был самый счастливый день с самого начала войны».

Невский пятачок, Ораниенбаумский плацдарм... Об этих исторических местах сражений 168 дивизии я много слышал от отца. Дивизия входила в состав Ленинградского фронта и держала оборону Ленинграда вплоть до снятия блокады в 1944 г. Я хорошо помню, как в 1985 г. на День Победы, когда вся страна праздновала ее 40-летие, отец, я, мой сын Миша и моя сестра Галина, посетили эти героические места боевой славы. Я помню, с каким глубоким волнением отец собирался на встречу с ветеранами своей дивизии. Был большой праздник-парад, оркестры, цветы, объятия, слезы, смех. А когда собрались самые близкие фронтовые друзья, те с кем отец прошел все долгие годы войны, я смотрел на них и не мог понять — они как-то все сразу изменились, стали какими-то особенными в разговоре, в жестах, взглядах, манерах. Они как-то и фронтовые 100 граммов выпили по-особенному, со смыслом, понятным только им одним. И вдруг я понял — да они же сейчас все там, в том далеком военном времени, только платья и костюмы на них гражданские, да головы поседевшие.

Весть о Победе застала отца в Курляндии (Латвия), где наши войска добивали Курляндскую группировку немецких войск. Но на этом его военная служба не закончилась. В течение еще 1,5 лет он находился в Германии в составе резервной группы войск и был уволен в запас в январе 1947 г. И впереди еще было 52 года жизни. Но это была другая, мирная жизнь. И только память, пожелтевшие фотографии, боевые награды, да многочисленные обелиски напоминают о тех суровых, далеких годах.

...Сейчас я живу в Лос-Анджелесе. 8 мая 2005 г. здесь состоялась церемония открытия памятника советским ветеранам Второй мировой войны. Как сообщалось в американской прессе, более семи лет понадобилось, чтобы подготовить общественное мнение и добиться разрешения местных властей на возведение этого мемориала. Работа

по его созданию велась при активной поддержке Совета русскоговорящей общины — официальной организации при правительстве города Западный Голливуд — и Лос-Анджелесской ассоциации русскоязычных ветеранов Второй мировой войны. На семитонном треугольном обелиске высотой в 2,5 м изображены летящие журавли и приведены строки из стихотворения Расула Гамзатова. Когда 9 Мая мы приходим сюда, я вспоминаю отца, как мы вместе любили послушать «Журавлей» в исполнении Марка Бернеса, частенько и сами пели...

*Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.*

*Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?*

ОН О ВОЙНЕ НЕ ЛЮБИЛ ВСПОМИНАТЬ...

*Гончарова Оксана Владимировна, 38 лет,
кандидат биологических наук,
доцент Омского филиала РГТЭУ,
г. Омск*

Эта работа — дань памяти о любимом отце и деде, бывшем солдате, недавно ушедшем от нас, который сполна выполнил свой долг перед Родиной в самые тяжелые для нее годы.

Гончаров Василий Петрович — мой дедушка, бывший старшина, механик-водитель танка принадлежал к числу фронтовиков — участников важнейших сражений Великой Отечественной войны, от исхода которых зависела судьба нашей страны и мира в целом).

Вехами его военной биографии были оборона Москвы, Орловско-Курская битва, освобождение Белоруссии и Прибалтики. Находясь в гуще этих значимых, рубежных событий, он в полной мере испытал и осознал жестокую, реальность войны: гибель миллионов людей, невиданные человеческие страдания, массовое разрушение культурных ценностей.

Нам, его детям и внукам, казалось, что накопленные им за годы войны впечатления должны бы вылиться в воспоминания о своих ге-

Гончаров Василий Петрович
(20.10.1922–16.05.2009)

роических подвигах, одержанных победах и многом другом, чем по праву гордилось немало представителей его поколения. Однако участник грандиозных военных сражений, кавалер высших солдатских наград не любил делиться даже с близкими людьми воспоминаниями о войне и обо всем, что с ней было связано. Он решительно отказывался выступать перед школьниками, говорить на митингах, обсуждать эту тему даже с бывшими фронтовиками. Возможно, тем самым он оберегал себя и свое окружение от пережитых им душевных и физических травм и не хотел, чтобы война напоминала ему о пережитых им ужасах и жестокостях.

*Мой дедушка — простой крестьянин,
Спокойный, мирный, старый человек.
Он пьет чаек, пошучивает с нами
И не ругает наступивший век.
Шутливо он воспринимает все «приколы»,
Умеет DVD включать,
Но на беседы не приходит в школу
И о войне не любит вспоминать.
Он только говорит: «Не дай вам Бог, ребята,
Из дома отправляться на войну.
Обязаны отдать вы долг солдата
И научиться защищать страну.
Но только в мире жить и не хотеть чужого,
Окопов не копать и в танке не гореть,
Не закрывать глаза у друга дорогого
И на седые головы смотреть».
Медали дедушки хранятся в патефоне,
Он ветеранских льгот не признает,*

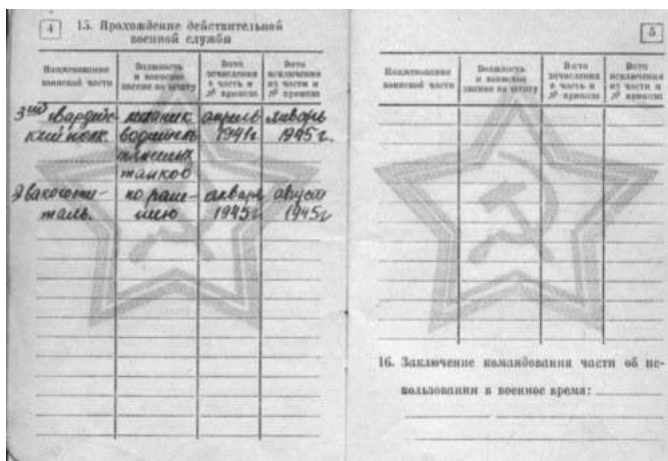

*Но в День Победы будет при «фасоне»
И песню фронтовую запоем!*

Это стихотворение написано шестнадцатилетней школьницей Пакулевой Татьяной (Енисейский район, с. Потапово) о ее дедушке, но оно точно передает состояние души моего деда Гончарова Василия Петровича.

Сохранившиеся, по его воспоминаниям, сведения о воинском пути во многом носят фрагментарный характер и лишь частично отражают его нелегкую биографию и тяжелый путь к победе.

Он родился 20 октября 1922 г. в селе Старо-Юрковичи Климовского района Орловской губернии в обычной семье крестьянина-хлебороба. В начале 1930-х годов из-за голода, во многом вызванного последствиями коллективизации, его родители перебрались в Сибирь. Короткое нелегкое детство прошло в селе Дубровка Москаленского района Омской области. Из-за материальных трудностей, переживаемых многочисленной семьей, он вынужден был оставить учебу и после окончания пяти классов начать трудовую деятельность. Затем были курсы трактористов-комбайнеров при Москаленской МТС и нелегкая работа на колхозных полях.

Страницы военного билета Гончарова Василия Петровича

В апреле 1941 г. он, как и другие его сверстники, был призван в ряды Красной армии.

Благодаря технической подготовке был направлен в танковую учебную часть на Южный Урал. Здесь он успешно овладел специальностью механика-водителя тяжелого танка КВ «Клим Ворошилов».

К этому моменту немецко-фашистские захватчики вплотную подошли к Москве. Танковые батальоны резерва Ставки из Челябинска, в состав которых входил экипаж В.П. Гончарова, были срочно

переброшены на защиту столицы. Танкистам его танка, вошедшего в 3 Гвардейский танковый полк, довелось участвовать в знаменитом параде 7 ноября 1941 г. По его словам, шествие военной техники по Красной площади было коротким, но ярким и запоминающимся. Речь Сталина, призвавшего воинов Красной армии и весь советский народ к победе над врагом, экипаж не слышал, так как люки приказано было держать закрытыми. Но впечатление об этом событии оставило у 19-летнего юноши глубокий след и сохранилось на всю жизнь.

После завершения парада их колонна была направлена на усиление Брянского фронта, ведущего упорные и кровопролитные бои за столицу.

Василий Петрович Гончаров

11 марта 1943 г.

На обороте надпись

*«Фотография от сына
на память родителям.*

11.III.1943 г.»

Экипажу В.П. Гончарова пришлось иметь дело с сильным и опытным противником — танковыми соединениями Гудериана, прошедшими победной поступью по всей Европе. Ценой огромных усилий и стойкости частей Красной армии, в которых отличились сибирские и дальневосточные дивизии, враг был разгромлен и отброшен от Москвы. В одном из сражений на Московском направлении его танк был подбит, в результате — первое ранение и первая награда — медаль «За отвагу».

После непродолжительного лечения вновь вернулся в строй. Экипажу был доверен новый, более совершенный танк — знаменитая «тридцатьчетверка», которую даже враги признавали лучшим танком Второй мировой войны. На нем экипаж прошел с боями путь от Москвы до Курска. На Курском выступе их ожидало новое испытание на прочность и стойкость. 12 июля 1943 г. у деревни Прохоровка танкисты вступили в бой, который стал самым крупным в истории танковых сражений. С обеих сторон в нем участвовало более 1200 танков. Хотя немцы использовали в нем свои лучшие танки «Тигр», «Пантера» и самоходные орудия «Фердинанд», они не смогли прорвать хорошо подготовленную оборону наших войск.

Уже в первый день боев фашисты потеряли 400 машин и 10 тысяч солдат. Но и советские соединения несли немалые потери. В результате прямого попадания танк В.П. Гончарова загорелся — экипаж вы-

нужден был его покинуть. Тяжелораненого водителя с трудом вынесла из боя хрупкая девчушка — санитарка, память о которой он сохранил на всю жизнь. За героизм, проявленный в этом сражении, ему был вручен орден Славы I степени.

После выздоровления он вновь прибыл в родную часть для выполнения новых боевых задач. Летом 1944 г. экипаж новой «тридцатьчетверки» в составе 3-го Гвардейского танкового полка 3-го Белорусского фронта участвовал в мощной наступательной операции «Багратион». В ходе ее осуществления была освобождена вся Белоруссия и обеспечен выход к границам Германии–Восточной Пруссии. Примечательно, что в ней были окончательно разгромлены танковые соединения группы армии «Центр», с которыми ему уже довелось сражаться под Москвой. За проявленную доблесть в боях за Белоруссию В.П. Гончаров был награжден вторым орденом Славы.

Свое третье ранение — самое тяжелое — он получил под Ригой в январе победоносного 1945 года. Более полугода находился в эвакогоспитале на лечении. Врачи с трудом спасли ему правую ногу, изрешеченную осколками снаряда. Осколки потом выходили всю жизнь.

К моменту выписки его из госпиталя война с Германией завершилась, а вместе с ней и военная служба старшины — танкиста Гончарова. Он был награжден медалью «За победу над Германией».

После досрочной демобилизации из-за ранения он вернулся в родное село.

Здесь его всю войну ждали родственники. Вскоре он женился на Нине Сасько, девушке из соседнего села. Сохранявший до конца своих дней чувство юмора, бывший танкист нередко вспоминал, как приезжал свататься к ее родственникам, «будучи хромым на хромой кобыле».

Несмотря на тяжелое ранение, он вел активный образ жизни. Продолжительное время работал заведующим животноводческой фермой. Пользовался авторитетом среди односельчан. Несмотря на свою беспартийность, неоднократно избирался членом важных советских и партийных структур. Являлся членом правления Ивановского сельского совета депутатов трудящихся Москаленского района Омской области.

*Свадебная фотография
Гончаровых Василия Петровича
и Нины Алексеевны*

Освоил разные профессии — от матроса катера (г. Николаевск-на-Амуре) до плотника (г. Омск, кирпичный завод № 8).

За добросовестный труд неоднократно награждался медалями и другими наградами, а в год 40-летия Победы — орденом Отечественной войны. К сожалению, главные его награды — ордена Славы — были переданы в музей школы № 24 и затем утеряны.

Война оставила тяжелый след в его жизни, но не изменила внутренний мир и характер. Его всегда отличал оптимизм, особое жизненное, общительное, верное семье — лучшие человеческие качества.

*Семья Гончарова Василия Петровича
на его Дне рождения*

Своей лучшей наградой считал любимых детей, внуков и правнуков, всегда гордился их успехами и достижениями.

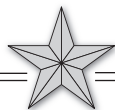
В семейные праздники любил напевать: «Колокольчики, бубенчики звенят. Про любовь и про измену говорят. Как люди женятся и как они живут, колокольчики-бубенчики споют...».

Имя В.П. Гончарова внесено в книгу «Солдаты Победы» [1, с. 225]

К сожалению, два года не дожил до 70-летия битвы под Москвой, но память о нем — Победителе этой войны — будет жить вечно.

Литература

1. Солдаты Победы. Т. I. Омск, 2000.

ЛЕТЧИК-ИСТРЕБИТЕЛЬ БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ МУХИН

*Колоколина Татьяна Борисовна, 66 лет,
пенсионерка, учительница математики,
г. Елец Липецкой области*

Я — счастливый человек: всю мою жизнь рядом были и есть любящие меня и любимые мною люди.

Мой отец, Мухин Борис Александрович, — кадровый военный. Он с детских лет мечтал стать летчиком и стал им. Он участвовал в войне с самого начала и до победного конца. Всю блокаду мой отец воевал с немецкими асами в небе над Ленинградом и первый орден «Красной звезды» он получил, защищая город на Неве и его жителей. Закончил войну папа в Кенигсберге.

Мама, Мухина Антонина Михайловна, — тоже участница войны. Для нее война началась в тот день, когда в школе отшумел выпускной бал. Сначала она работала санитаркой в эвакогоспитале, а потом, окончив краткосрочные курсы, стала перевязочной медсестрой по первичной обработке раненых.

А родились мои родители в городе Вышний Волочек Тверской области, жили рядом, вместе росли, дружили. В декабре 1945 года они поженились. У мамы началась «кочевая жизнь» жены военного. В 1946 году в Кенигсберге родилась я. Потом были Калинин, Кимры, Кижы и другие места, где служил папа. Мама всегда была рядом. В 1949 году в Калининне родилась моя сестра Лида.

Отец во всем любил порядок. Иногда, нам девчонкам было трудно смириться с армейской дисциплиной в семье, и мама всегда старалась сгладить строгость отца. Но сейчас, уже прожив жизнь, мы очень благодарны своим родителям «за науку». Папа научил нас держать слово, понимать людей, быть ответственными, бескорыстными, трудолюбивыми. Мама своей добротой, любовью и вниманием делала нашу жизнь спокойной и счастливой.

Б.А. Мухин

Сестра Лидия окончила Воронежский медицинский институт по специальности «стоматолог». У нее хорошая и дружная семья: муж, сын, невестка и двое внуков.

Для всех нас папа — наша гордость и пример! И уже своим внукам мы рассказываем его биографию.

Боря Мухин родился в семье рабочего 26 августа 1921 года. Рос, как все мальчишки того времени: играл в лапту, бегал купаться на реку Цна, ходил в лес за грибами и ягодами. Но еще в раннем детстве появилась у него мечта стать летчиком. В 10 лет он спрыгнул с крыши на старом бабушкином зонтике. Разбил голову, но был счастлив оттого, что все-таки преодолел себя и прыгнул, не испугался, не струсил.

*Б. Мухин, Миронов и А. Клименко (слева направо)
4 сентября 1941 г.*

После 9-го класса Борис Мухин поступил в аэроклуб, а затем в летную школу. И с этого момента вся его жизнь связана с авиацией и с армией. После окончания Ворошиловградской военной авиационной школы пилотов в 1940 году Борис Александрович освоил полеты практически на всех военных самолетах того времени.

И вот страшный 1941 год. Для летчика Мухина война началась на авиабазе станции Сиверск Ленинградской области. Он воевал на Ленинградском, Воронежском, Северо-Западном, Калининградском и Прибалтийском фронтах. Борис Александрович пережил блокаду вместе с ленинградцами: видел гибель людей, голод, разруху.

Многое пришлось пережить за годы войны. Будучи раненым, Борис Мухин сажал свой подбитый самолет на «пузо», в основном же бил врага в родном небе, чтобы не лезли на чужую землю.

Однажды эскадрилья, в которой воевал Б.А. Мухин, возвращалась на базу после выполнения боевого задания. Над аэродромом встрети-

лись восемь «Мессершмиттов» и пять советских истребителей. Наши летчики могли бы избежать боя с превосходящим по силе противником, но самоотверженно вступили в бой. В результате было сбито четыре немецких самолета и взято в плен три фашистских летчика. Командование наградило группу летчиков-истребителей орденами Красной Звезды. Это был второй орден Красной Звезды летчика Мухина.

*Участники воздушного боя (слева направо):
правый ведомый — ст. лейтенант Мухин,
командир звена — ст. лейтенант Карпухин,
левый ведомый — ст. лейтенант Аtxанадзе*

За годы войны отец совершил 428 боевых вылетов, сбил 15 самолетов врага. За боевые заслуги награжден дважды орденом Красного Знамени, орденом Александра Невского, дважды орденом Отечественной войны (I и II степени) и многими медалями.

После окончания войны он остался в рядах Советской армии, воевал в Корее, служил военным советником в Чехословакии. Летчик первого класса, Мухин одним из первых в стране освоил несколько типов реактивных самолетов, дал дорогу в небо около сотни военных летчиков. Борис Александрович прошел путь от рядового летчика до командира авиационной дивизии в городе Ельце.

Демобилизовался отец в звании гвардии полковника в 1960 году в возрасте 39 лет. Я хорошо помню, как он тяжело переживал свой уход из армейских рядов. Он вынужден был уйти в отставку по состоянию здоровья — давнее ранение в голову привело к частичной потере слуха.

Молодой, сильный, здоровый (если не считать проблем со слухом) человек остался без любимого дела. Гражданской специальности у него не было. И что же предпринял фронтовик, расставшись с самолетами, с небом?

Он начал жизнь заново. Сначала получил аттестат о среднем образовании. Это был самый добросовестный ученик, которого я встречала в своей жизни. Несмотря на огромный перерыв в учебе, он окончил вечернюю школу с серебряной медалью. Затем поступил в Елецкий пединститут на заочный физико-математический факультет. В том же 1963 году в ЕГПИ на физмат поступила и я. Этот вуз стал для нашей семьи вторым домом.

Служивцы, г. Елец, Красные Казармы

Шесть лет упорного труда. Получив диплом об окончании ВУЗа, военный опыт и закалка берут свое — папа идет работать военруком в Техническом училище № 2 города Ельца. В это же время полковник ведет активную военно-патриотическую работу среди молодежи, являясь членом Совета Ветеранов Фронта.

Папа был жизнерадостным, отзывчивым, надежным человеком. Он всегда откликался на беду людей, старался помочь, поддержать. Его жизненный и боевой путь являются эталоном гражданского подвига для всех нас, ныне живущих. Не стало папы 26 апреля 1999 года.

Его боевой товарищ Овсянников Порфирий Борисович, который прошел с Мухиным всю войну и потом долгие годы служил с ним в одном полку, неоднократно посвящал ему свои стихи, написанные уже после войны. Полтора года не дожидаясь 65-летия Великой Победы Порфирий Борисович. Он умер 17 января 2009 года.

Ленинградцы заклиняют

*Дорогому боевому командиру
от вездомого Овсянникова П.Б.*

Никогда не забыть Ленинграду
900 черных дней и ночей,

Артобстрелов, бомбежек, блокаду
И тот ужас, что связан был с ней.

Не забыть нам заснеженных улиц
И трамваев, застывших в пути,
Как к Неве ленинградцы тянулись,
Чтоб воды хоть чуть-чуть принести

Не забыть нам разрушенных зданий,
И развалин музейных дворцов,
Не забыть тяжких мук и рыданий
На могилах детей и отцов.

Не забудем, как дети страдали
Той голодной, холодной порой
И тех слов, что они написали
Коченеющей детской рукой:

— Нашу школу враги разбомбили.
— Подожгли продовольственный склад.
— Норму хлеба опять сократили.
— Во дворе разорвался снаряд.

— Моя мама совсем похудела
И паек свой мне весь отдает,
Говорит: на работе поела,
А я плачу, наверно, умрет.

— Зябнут руки, «буржуйка» остыла,
В ней нечему больше гореть.
Мне страшно одной. Маму я схоронила...
Холодно. Скорей бы и мне...

Не окончена фраза в той старой тетрадке,
И причина тому нам предельно ясна —
Еще одну жизнь молодой ленинградки
Оборвала жестоко в блокаде война.

Люди планеты! Вы только поймите:
Время не властно, чтоб это забыть.
Мы вас заклинаем — войну отвратите,
Чтоб Детство и Жизнь на земле сохранить!

06.06.1985 г.

Защитникам Невской твердыни

*На память ведущему Борису Мухину
от вedomого Овсянникова П.Б.*

Там, где больше двух лет грохотали бои,
Где кровью людскою багровели ручьи,
Где ветер свинцовый живое сметал,
Там памятник Славы над городом встал.

Теперь там в граните и бронзе стоят
Те, кто в боях отстоял Ленинград,
Кто холод и голод, бомбежку, обстрел,
Все пересилить в блокаде сумел

Кто все превозмог, но врага не пустил
В город, где Ленин работал и жил.

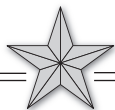
В атаке застыли фигуры бойцов,
Женщин, сменивших мужчин у станков.
Рабочий с винтовкой, пилот и танкист,
Балтийский матрос, партизан и связист.

Мальчишка с блокадным пайком в кулаке,
Который влез в детскую руку.

В них узнаем мы отцов и детей,
Братьев, сестер, матерей и друзей.
Всех, кто принял на себя этот бой
И тех, кто погиб и остался живой.

Помнит героев вся наша страна,
Вписавшая в летопись их имена.
Пусть вечно потомкам гранит говорит:
«Ничто не забыто, никто не забыт!»

06.06.1985 г.

«ПОЗАДИ МОСКВА, ОТСТУПАТЬ НЕКУДА»

Юдина Тамара Николаевна, 58 лет,
*доктор экономических наук, доцент факультета
государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова,
действительный член Академии философии хозяйства,*

Юдин Александр Анатольевич, 29 лет,
*IT — специалист банка «Русский Стандарт»,
г. Москва*

*Проблемы, связанные с победой,
гораздо более приятны,
чем проблемы, связанные с поражением,
но они неизмеримо сложнее.*

У. Черчилль

Осенью 1941 г. немецко-фашистские войска рвались к Москве, одержимые гитлеровским блицкригом. Фашисты вели ожесточенные разрушительные бои на подступах к Москве, имея по всем материальным показателям преимущества. Но не было у них духовного преимущества. Бог (ПРАВДА) был на стороне Красной армии. Мы, потомки героев битвы под Москвой, помним знаменитые слова Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского: «Не в силе Бог, а в Правде». Однако и тогда в 1941 г., и сейчас грех клятвопреступления народа российского на вечную верность царскому роду Романовых не искуплен. По-прежнему этот грех лежит на народе российском.

А тогда наша «огромная страна» встала на смертный бой с «фашистской силой темною, с проклятою ордой».

В первые же дни войны в июне 1941 года наш папа и дедушка Юдин Николай Васильевич был призван в ряды Красной армии. После трехмесячного обучения в полковой школе он был направлен на Западный фронт под Москву помощником командира взвода, 1-ым номером расчета станкового пулемета «Максим». Так уралец в возрасте 31 года, тогда еще сержант Юдин, оставив мирный труд сельского учителя, свою семью, оказался в окопах под Москвой, у деревни Крюково. Здесь он принял первое боевое крещение. Об участии Николая Васильевича в подмосковных жестоких боях нам, его потомкам, напоминает медаль «За отвагу», полученная им из рук командира 133-й стрелковой дивизии, ставшей затем 18-й гвардейской Инстербургской Краснознаменной ордена Суворова второй степени. Бережно храним мы также медаль «За оборону Москвы».

Бой у деревни Крюково был воистину смертельный. «Родина или смерть» — другой альтернативы не было. Задача взвода, в котором

состоял наш папа и дедушка — сержант Н.В. Юдин,— была не пропустить через свою позицию врага. Вражеские снаряды ложились справа и слева от расчета. Заметив огневую точку, немцы пристреливались. Друг папы, молодой командир этого взвода, не послушав совета сержанта Юдина сменить позицию, героически погиб: очередное попадание снаряда было почти прямым. Николая Васильевича Юдина с пулеметом отбросило в сторону, погибли и остальные бойцы из расчета «Максима». Сейчас мы уверены, что Н.В. Юдина хранила всегда молитва его мамы — Елизаветы Григорьевны Юдиной — нашей бабушки и прабабушки.

Н.В. и Н.Т. Юдины, 1948 г.

Двенадцать дней боев за Москву для Н.В. Юдина закончились его ранением. Его подобрали санитары. Одну из санитарок звали Тамарой (ее именем назвали впоследствии меня). Перед отправкой в тыл командир В.И. Швецов зашел в укрытие, где лежали раненные; поблагодарив за мужество и стойкость, вручил боевые награды.

Много крови потерял в том страшном бою отец. Его привезли в госпиталь, но там не оказалось донорской крови. Тогда хирург направил раненого сержанта в другой госпиталь, опасаясь, что его могут не довезти. И, когда машина с ранеными бойцами уже двинулась в путь, медсестра побежала вслед, крича, что кровь только-только доставили! Потом тот же хирург сказал отцу:

— Счастливый ты, сержант Юдин! Видно, в «рубашке родился».

И потом добавил:

— Если второй раз родился, так до ста лет доживешь.

Так оно и получилось: папа, действительно, почти дожил до 100 лет. Он умер за 87 дней до своего 100-летнего юбилея.

...По словам папы, много было героев в Великую Отечественную войну, известных и неизвестных; много было также и глупости, бахвальства и даже неграмотности командиров. Но Красная армия одержала победу под Москвой.

Что же такое победа?

Хочется согласиться с рассуждением Ю.М. Осипова: «Беда — естество Руси — России, неперемнная спутница ее не слишком праведного по общечеловеческим меркам бытия. Вот почему у русских не виктория, а победа — по — беда, как раз то, что сразу после беды, если, конечно, ум и руки к изгнанию беды бывают старательно и самоотверженно приложены» [1, с. 358].

По — беда ... Победа! С того памятного 1941-го и по 23 апреля 2009 года (день кончины папы) уже капитан Н.В. Юдин часто вспоминал те ожесточенные бои за нашу столицу. Одним из его предсмертных наставлений было решение все ордена и медали передать своему внуку — тогда еще 27-летнему Александру, чтобы в дальнейшем тот смог сохранить их для своих детей.

Внук капитана Н.В. Юдина Александр говорит:

«Если дедушке удалось в пехоте дослужиться до капитана, то значит, он много фашистов убил».

Наверно, много. Сколько? Эту тайну гвардейский капитан Н.В. Юдин унес с собой. Однако он плакал о тех, кого убил как врагов своего Отечества. Всю последнюю неделю своей жизни он молил Бога: «Господи, помилуй».

Такова русская душа — любящая, всепрощающая, кающаяся.

Литература

1. Осипов Ю.М. Обретение. М.: ТЕИС, 2011.

ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

*Рожин Вячеслав Алексеевич, 51 год,
историк, искусствовед, главный специалист
Государственного музея обороны Москвы,
г. Москва*

Иллюзии

Тогда мы не понимали, что жили при «коммунизме». В переносном смысле, не в прямую как по официальным документам — от каждого по способностям, каждому по потребностям. Легче всего из этой формулы

по доступности давалась беззаботность. Ее можно было получить здесь и сейчас без военного сверхнапряжения, из которого постепенно выходили народы СССР. Как дети, мы беспечно отдались во власть беззаботности.

Жизнь послевоенных лет несла на себе отпечаток иллюзии, невозможности новой войны. Люди не верили, что после только что отгремевших боев, невероятных страданий, лишений, тягот, словом, всего противного природе человека кто-то осмелится зажечь фитиль военного пожара. Довольно значительная часть участников войны была дееспособна и все помнила. Они были в разных странах, пережившие этот апокалипсис. Его ужасы не отпускали по ночам. Долгие десятилетия во снах они воевали, шли в атаку, погибали. Утром, по пробуждении, садились за письменные столы, брали нотные тетради, кисти и холсты, шли в киномонтажные и щедро воплощали впечатления военной поры в слова, звуки, образы. Они невольно продолжали жить войной в духе фронтового братства и взаимопомощи.

Именно в этой атмосфере, пропитанной трепетом несмелой мирной жизни росли мы. (Разумеется, в то время никто представить себе не мог, как изменится жизнь. До невозможности с точки зрения наблюдателя того времени...) Казалось, позитив будет бесконечным и с течением времени только укрепится. В мыслях виделась огромная единая страна, благополучно и уверенно держащая курс ко всеобщему для нас счастью в житейском океане стран, обделенных и обездоленных. Солнце светило ласково и щедро только для нас, а весь мир, затаив дыхание, ждал и надеялся: когда же и для него наступит благоденствие, как в этой отдельно взятой стране! Мы были победителями!

Генетическая память источает дух непобедимости отгремевшей войны. Дети играли в войну, и все стремились играть за «русских», и никто не хотел за «немцев». Для того, чтобы все было по-честному, менялись, и тот кто становился «немцем», на следующем этапе игры как-то съезжился и делал все, чтобы скорее быть «убитым» с тем, чтобы вновь стать «русским».

Война

В июне 41-го в числе молодых ребят, закончивших среднее образование, мой отец по повестке прибыл в военкомат и стал писать заявление о зачислении в рядовой состав. В это время к нему подошел седовласый майор и спросил:

— Что вы пишете?

— Как все, заявление о зачислении в солдаты, — ответил он.

— Почему не о зачислении в военное училище, — продолжил кадровый военный.

— Потому что война скоро закончится, демобилизуюсь и успею подать документы на поступление в автодорожный институт. Офицер же обязан дальше служить — бодро ответил юноша.

Седовласый пристально взгляделся в глаза новобранцу и, не отводя взгляда, проговорил:

— Никто не знает когда эта война закончится, у Вас десять классов пишите заявление о зачислении в военное училище.

Наша пропаганда в ту пору говорила о мощи Красной армии, о скоротечности войны проходящей, обязательно, на территории противника...

Потом, много раз приходилось мне вспоминать этот сюжет из далекого грозного года, в разных обстоятельствах уже своей судьбы и поражаться промыслительности поведенного мальчику. Рассказы отца о войне были скупы на эмоциональность. Они сопровождались огромной внутренней работой по отбору нужных слов и состояний для передачи живого опыта того или иного события, либо непринужденной спонтанностью. Меня всегда поражал контраст, свободного повествования приглашенных в школу, на соответствующие праздники, ветеранов и отточенная лапидарность изложения воспоминаний отцом. В конце концов до меня дошло. Каждый раз воскрешать в памяти, уступая моим просьбам, образы близких друзей, с которыми мгновения назад делил все тяготы и лишения фронтовой жизни, и видеть их горячий бег с изуродованной осколком головой было мучительно больно....

Сейчас я не помню ни одного слова из торжественных ежегодных праздников по случаю нашей Победы с цветами и поздравлениями и, наоборот, давя подступающий комок в горле, как только подумаю военный опыт родителя!

Теперь мы знаем о законе сохранения информации, о том, как все перетекает из одного в другое. Тогда же этот закон мы — сыновья своих отцов — могли прочувствовать на своей жизни в преемственности военной карьеры и почетности этого пути для сына, прошедшего войну отца. Более того, выбрав военную карьеру, мы были уверены в неминучести скорого ядерного конфликта, и каждый стремился попасть в род войск, который сохранится после атомной войны..., никто не хотел умирать! В обозримом будущем 70-х годов прошлого века в уме мы проигрывали разные сценарии глобальной катастрофы, которая непременно разразится в 1985 году! Это было предметом довольно горячих обсуждений в курсантском кругу в часы сампо (самоподготовки). Тогда «надежды юношей» подпитывали слова старших товарищей: «Наш меч всегда, должен быть чуть-чуть длиннее американского!» Действительно, увиденное на практиках после учебного года, всегда поражало воображение масштабом, мощью оружия, врученного нам Отечеством нашим. Потрясение было столь велико, что душа юношеской война в мгновение ока перековывала нас в самых последовательных в мире пацифистов!

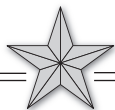
Итак, заявление о зачислении в военное училище было написано. Из тех, кто его написал, сформировали эшелон и отправили по просторам России в различные города, где находились танковые, летные учебные заведения. Неоднократно состав разворачивали и направляли в другое место, так как где-то все разбомбили, где-то набор уже завершён. В конце-концов повезли на Урал в зенитное училище.

Июль 1941 г., второй слева — мой отец

На фотографии — вчерашние мальчишки, переодетые в военную форму, безотчетно позируют перед фотокамерой. Как непредсказуема жизнь! Нельзя предсказать значение события полностью в его конечной завершенности. Вот и эти ребята приняли груз ответственности за себя, за страну в нелегкую годину испытаний и совсем не знают, как сложится их жизнь. Ведь истинное горе всегда молчаливо, и этот клочок бумаги через десятилетия несет свет торжественной тишины их лиц, покой безмолвия взгляда.

Мне пришлось испытать состояние, когда человек поднимается над обыденностью текущей действительности на неведомую высоту духа перед лицом возможной гибели. В ту пору мне было на один год больше, чем моему отцу в июле 41-го. Перегрузка активной зоны реактора атомной подводной лодки — ответственная и непредсказуемая операция. В момент подрыва крышки реактора могут быть различные «сюрпризы» с фатальными последствиями не только для тех, кто непосредственно находится в реакторном отсеке... Нервы напряжены до предела, ведь открывается ящик Пандоры. В голове звучат слова механика корабля: «Чем сложнее обстановка, тем выше должен быть порог покоя!» Его инструктаж перед «операцией раз» офицеры внимали с тщательностью ювелира, знающего себе цену. Важно знать себя, на что ты способен, поэтому внутренний покой — путеводная звезда в пространствах генетической памяти.

Особенно важно в наше время сохранить и приумножить прививку духа непобедимости, завоеванную нам нашими отцами и дедами в ту войну. Не убить в себе мальчишку интернационального военного городка, воскресавшего каждый раз в игре, чтобы вновь и вновь стать русским! Действительно, никто не знает, когда ЭТА война закончится.

СУДЬБА АРТИСТА В ГОДЫ ВОЙНЫ

*Половинкина Людмила Алексеевна, 81 год,
пенсионерка, работала завучем школы,
преподавала русский язык и литературу,
г. Нижний Новгород*

Родители мои — Клавдия Ивановна Антонова-Троянова (1910–1994) и Алексей Леонтьевич Антонов (1912–1995), как, впрочем, и многие люди того времени, были настоящими патриотами и немножко романтиками. Поехать на фронт с бригадой артистов, оставив дома с бабушкой двух маленьких детей, было своеобразным подвигом. Но маме казалось, что она должна как-то помочь нашим воинам, а значит и отцу. И у нее была уверенность, что она встретит мужа. Этой уверенностью она заразила и нас. И мы «отпустили» ее на фронт с надеждой, что она встретит отца и победу. Так и случилось.

К 50-летию Победы Нижегородская областная организация Союза писателей России проводила конкурс стихов и прозы о Великой Отечественной войне. Моя мама, Клавдия Ивановна, участвовала в этом конкурсе. Вот ее рассказ...

I

В июне 1941 года коллектив нашего драматического театра направлялся из Читы в Китай на гастроли. Поезд стремительно уносил меня и моих друзей к Маньчжурской границе. Через открытую дверь в тамбур вагона проникал свежий ветер, напоенный ароматом прибайкальских трав. Я так же как и большинство артистов театра испытывала в этот день сильное волнение перед предстоящей встречей со зрителями Китая.

Вдруг поезд резко остановился. У небольшого вокзального здания собралось много народа. В гул толпы врывались передаваемые по радио непривычные в это время звуки бравурного марша. Потом наступила тишина.

Военные, находившиеся в вагоне, молча спешно одевались, группировались и о чем-то тихо-тихо говорили между собой.

Затем из репродуктора зазвучал сильный всем знакомый голос диктора Левитана из Москвы: «От Советского информбюро...» и страшная весть: на нашу страну без объявления войны внезапно напал враг. Паники не было, но все, кто был в вагоне поезда, сосредоточенно готовились к чему-то очень страшному, думая о ближайшем будущем и о своих семьях.

Поезд снова тронулся, но пошел не к границе, а в обратном направлении — в Читу.

На время войны решено было оставить наш театр в городе.

Нам с мужем, как ведущим артистам, выдали бронь, но мы, не раздумывая, оставили работу в театре и выехали в родной город Самару, где находилась наша семья — дети и мама.

С большими трудностями мы добрались до дома по железной дороге, забитой поездами, идущими на запад с военной техникой и вооруженными людьми.

II

Как только мы приехали домой, мой муж, Алексей Антонов, пошел в военкомат и записался добровольцем. Через несколько дней его отправили в городок Инзу, где формировалась артиллерийская часть, а затем на фронт. Я же и еще несколько моих товарищей по театру обратились в областное управление искусств с просьбой, чтобы нас направили одной бригадой на фронт, давать концерты в воинских частях. Но нам сказали, что сейчас мы нужнее в тылу.

Шли дни и месяцы с затяжными боями и огромными потерями с нашей стороны. Начиная с первой же военной зимы, в течение двух лет мы с бригадой артистов выезжали с концертами в колхозы области. Это были изматывающие переезды из деревни в деревню в мороз и непогоду по бездорожью, с выступлениями в нетопленых помещениях и ночевками в дальних деревнях. Но я чувствовала, что выбивающиеся из сил одинокие сельские женщины и мы, артисты, в эти трагические военные дни нуждались друг в друге и что наши встречи помогают нам перенести лишения войны.

В начале 1944 года руководство филармонии предложило мне войти в бригаду, которая выезжала на фронт. Я посоветовалась со старенькой мамой и маленькими детками. Они меня благословили словами: «Если встретишь папу, то поезжай!»

И вот я в Москве, где отбирали, проверяя репертуар, бригады артистов и давали направления в войска.

В конце этого же года, сдав программу, мы вместе с товарищами выехали на центральный фронт.

Вначале мы давали концерты в войсках ПВО, и первый город на нашем пути был Гродно. Потом нам выделили грузовые автомашины, и в сопровождении военных мы двинулись через границу дальше на запад, выступая в городах, селах и просто на открытом воздухе. Мы чувствовали, как эти концерты необходимы войнам, и не жалели своих сил.

Начиная с первого же дня поездки я писала мужу на его № п/п, но из-за того, что наши переезды были очень частыми, я не имела никаких известий ни от него, ни из дома. Моя надежда на встречу с ним отодвигалась все дальше в будущее и представлялась неисполнимой мечтой.

Но однажды случилось то, что казалось невозможным. В апреле 1944 года мы прибыли в Варшаву. Город весь был в развалинах и едва затухших пожарищах. Нас разместили в чудом уцелевшем среди разрухи одноэтажном домике в форте «Бема» на городской окраине. К этому дню усталость накопилась сверх меры, и командование разрешило нам немного отдохнуть, привести себя в порядок и просто отоспаться.

Быстро пролетел день отдыха. Занимаясь бытовыми делами, я не заметила, как открылась входная дверь. Когда я оглянулась, то увидела, что... на меня из открывшейся двери смотрит капитан-артиллерист, мой муж, мой Алеша. В тот миг мне нужно было собраться с силами, чтобы от радости не потерять сознание. Мы бросились друг другу в объятия и несколько минут не могли сказать ни слова из-за нахлынувшего счастья.

*Фотография с фронта,
подписанная Алексеем
Леонтьевичем: «Любимой жене
и детям на память. 4.01.44.
Фронт. Алексей Антонов»*

III

Как мой муж сумел найти меня в развалинах Варшавы — это отдельная история. Вот что он рассказывал об этом.

«Пришла полевая почта. Почтальон громко называл фамилии счастливиц, и среди них я услышал свою. Письмо от Клавушки! Как оно было вовремя! Предстоит бой за Берлин, и мне казалось, что письмо от любимой поможет мне выйти живым из боя.

Волнуясь, я читаю письмо, а в нем самое главное: «...Я иду по твоим фронтовым дорогам, сейчас с бригадой артистов нахожусь в...», а

дальше все зачеркнуто военной цензурой черной тушью. Необходимо прочитав, отгадать, что это за город. С фронтовым другом Иваном Осташенко пытаемся отмыть и проявить на пламени свечи это слово. И прочли: «Варш...». Это же Варшава!

Держа в руках письмо самого дорогого для меня человека, решаю ехать в Варшаву, найти ее там. Загадываю: «Если найду ее, то буду жив. Если найду, пойдем вместе до конца войны!»

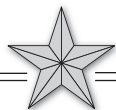
Фотография, сделанная в день встречи Клавдии Ивановны и Алексея Леонтьевича в Варшаве 12 апреля 1945 года

Докладываю командиру дивизии просьбу разрешить поездку в Варшаву. Генерал-майор Снегуров понял мое желание и, с сочувствием глядя на меня, разрешил, предупредив, что догонять дивизию обязательно в любых условиях. Мой дорогой друг Осташенко, командир автомобильного дивизиона, выделил грузовую полуторку, залил бочку бензина, добавил трофеи в подарок для жены и выписал проездные документы, путевки от Кюстрина до Кутно и далее в Варшаву — в тыл фронта.

Не дожидаясь утра, в ночь на 8 апреля, вместе с боевым шофером Василием мы отправились в путь. Он повел машину на восток, ловко маневрируя во встречном непрерывном потоке идущих к фронту машин. Готовилось грандиозное наступление. Я видел орудия всех калибров на спе-

циальных прицепах и легендарные «Катюши», а думал о том, как в огромном городе мне найти мою Клавушку.

И вдруг все чуть не сорвалось. Дорога повернула вправо, и на открывшемся высоком просторе я увидел частично разрушенный город Кутно — границу наступающего фронта. Совсем близко у окраины города перед моей машиной как из-под земли встали два регулировщика с красными флажками в руках и с карабинами за плечами. С удивлением я разглядел в регулировщиках двух девушек, которые настойчиво потребовали от меня остановиться. «Ваши документы!» — строго спросила одна из них с сержантскими лычками на погонах и сразу задала еще вопрос: «Что везете?» Другая скинула с плеча карабин и взяла на изготовку, как будто готовилась в атаку на меня. Я не слишком уверенным голосом рассказал придуманную заранее легенду о по-

ездке в Кутно с особым поручением. «Здесь граница фронта, в Кутно въезд разрешен только по особым документам», — сказала сержант и добавила: «Капитан, что драпаешь?»

Обида за такие слова мгновенно обожгла меня, ибо я за всю войну и в мыслях не допускал, чтобы уклоняться от боя. Я был в отчаянии и, не помня себя, подскочил в кузов машины и стал выбрасывать все подарки, которые вез для встречи с женой к ногам девушек. Они затихли, а когда зазвенела разбитая о дорогу бутылка какого-то дорогого вина, приблизились ко мне. Я сел на крыло машины, зажал виски головы руками и скорее простонал, нежели проговорил: «Девушки, я еду в Варшаву встретить жену! Вот ее письмо!», а затем все говорил и говорил, какая у меня жена, что она актриса, и нет на свете человека, мне дороже и роднее ее, что у меня в Самаре двое детей: дочка и сын и еще многое говорил о предстоящих боях за Берлин и о необходимости увидеть родную жену перед возможной гибелью. Подумав, я сказал и об этом.

«Капитан, поезжай, если ты не врешь, да быстро, чтобы не нарваться на возможный патруль» — неожиданно для меня произнесла сержант.

Как во сне бросился я к Василию в кабину машины и только всего и сказал: «Пошел!».

IV

Ранним апрельским утром 1945 года на грузовой машине мы с мужем выехали из Варшавы на шоссе, ведущее к городу Кюстрин на реке Одер. Но на старом месте дивизии не оказалось. Наши войска, наступая, шли так быстро, что догнали мы их только к вечеру 3-го дня. Очень тепло встретили нас однополчане мужа и по неписаным законам фронтовой солидарности радовались вместе с нами.

Прибыли мы в часть своевременно: на следующее утро все пришло в движение, и началось наступление на Берлин. Я, насколько это было возможно, старалась не отходить от мужа, боясь потерять его снова. Немцы были сломлены, по-настоящему сильное сопротивление они оказали лишь у Зееловских высот, и то недолго: 22 апреля 1945 года была передана команда «По Берлину — огонь!», и начались первые артиллерийские удары по «Логову зверя», как тогда называли столицу фашистской Германии.

Наступление приостановилось лишь 30 апреля, когда шли переговоры с осажденными. И в этот перерыв командование нашего 4-го артиллерийского корпуса направило концертную бригаду к артиллеристам, воевавшим на переднем крае. Добраться до места концерта было непросто: кварталы домов горели и рушились, создавая на пути непреодолимые завалы, и наша машина в любое время могла быть обстреляна скрывавшимися в развалинах обреченными фашистами-

одиночками. Но несмотря на это грузовая машина «Студебеккер», наполненная артистами, под командованием мужа быстро домчалась к центру города Берлина, где среди развалин в укрытии была подготовлена концертная площадка на двух грузовиках с откинутыми бортами.

*Фотография Клавдии Ивановны
Антоновой-Трояновой на сцене
в послевоенные годы*

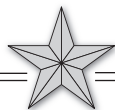
Прибыв на место будущего концерта (а оно было совсем близко от Рейхстага), мы оказались в окружении большой массы вооруженных, опаленных боями воинов. Открывая концерт, я волновалась, как никогда раньше и чувствовала, что такое же волнение испытывали все мои товарищи. Этот концерт прошел с редким успехом. Нас долго не отпускали и вызывали на сцену снова и снова.

В ночь на 2 мая бои затихли. Было тревожно на душе: казалось, враг замышляет новое жестокое контрнаступление. Но утром мы узнали о том, что гарнизон Берлина сдался безоговорочно, и это было для меня концом войны.

А 4 мая стало для нас историческим днем. Мы с мужем вошли в здание Рейхстага и высоко на стене 2-го этажа, там, где еще оставалось место, взобравшись на несколько ящиков из-под снарядов, написали: «Здесь были из Самары К.И. и А.Л. Антоновы 04.05.45 г.» И в последующие майские дни 1945 года мы, артисты, давали в день по два и более концерта, разделяя с бойцами наших войск радость Великой Победы.

Послесловие

После войны мы с мужем хотели вернуться к своей артистической деятельности в России, но военное командование решило иначе. Еще два года мы работали в частях и соединениях группы Советских войск в Германии, где мой муж стал начальником военного театра, что и определило нашу судьбу на всю дальнейшую жизнь. Потом муж работал в Горьком, руководил театром на Сахалине, наконец, Центральным Театром Советской Армии в Москве. В 1991 году мы снова вернулись в Нижний Новгород (Горький), чтобы жить вместе с детьми и внуками.

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение губернатора

Тульской области В.С. Груздева к читателю 5

Вместо предисловия. 7

Осипов Ю.М. 1941-й — год лихолетья 7

Калинин Н.В. О том, как создавалась наша книга 9

Ростовцева Л.И. О подвиге и связи поколений, или Правда о войне . . 10

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ О ВОЙНЕ ИЗ ПЕРВЫХ УСТ

Глава 1. Чтобы живые помнили

Мединский В.Р. Феномен массового героизма 15

Родович Ю.В. Историография Второй мировой
и Великой Отечественной войны. 29

Жукова Э.Г. «Легких путей в жизни нет...» 43

Жаворонков А.В. Возвращение книги «Разгром немецких войск
под Москвой» 52

Жаворонков В.Г. Оборона Тулы (Из личного архива
В.Г. Жаворонкова) 63

Боть В.И. Навечно в памяти 90

Королева Л.И. Помним, чтим, гордимся! 95

Возбранный В.В. Щит и меч России 101

Макарова Н.Н. Конструктор Макаров 111

Стечкин В.И. Записки о Стечкине Игоре Яковлевиче 115

Грязев М.В. Отец. Конструктор. Человек 123

Долгарев А.В. Из золотых запасов памяти 129

Глаголев В.Н. Сотворение знака Победы в Битве народов. 139

Ашихмин В.П. Моя малая Родина. 146

Шафран Я.Н. За будущее наших детей! 149

Глава 2. В первые дни и месяцы войны

Губаренко В.В. Брестская крепость в рисунках детей 153

Кутепов В.С. Героическая оборона Днепровского рубежа
и города Могилева. 158

<i>Крюкова Н.И.</i> Не подлежит забвению	164
<i>Придонов М.П.</i> Так начиналась война...	174
<i>Жукова Т.Г., Никитина А.А.</i> «Есть память, которой не будет забвенья, и слава, которой не будет конца!»	183
<i>Лейкин З.Л.</i> Начало беды	188
<i>Супроненко Т.В., Никуткина А.А.</i> Партизанский доктор Иосиф Абрамович Айбиндеров	199
<i>Трубицына Т.Г.</i> Эпизод войны из июля-августа 1941-го	204
<i>Чугунова Н.В.</i> Охрана тыла в деятельности Тульского городского комитета обороны	206
<i>Сердюкова А.М.</i> Мне снится война (Записал А. Энгель)	215
<i>Нестерова Н.С.</i> Тульский железнодорожник	218
<i>Князева Л.В.</i> Маме еще семнадцати не было...	220

Глава 3. По дорогам войны

<i>Котельников П.П.</i> Малолетний защитник Брестской крепости . . .	224
<i>Бушин В.С.</i> Павшие в сорок первом	230
<i>Ковалев С.Н.</i> Трудными военными дорогами	239
<i>Ремизов К.С.</i> На подступах к Москве	247
<i>Сукачева К.В.</i> Склоним головы...	252
<i>Пономарев Ю.И.</i> История солдата	259
<i>Головин А.С.</i> Моя семья	276
<i>Бабичева Е.Б.</i> Солдат Иванов	289
<i>Коротков Е.Н.</i> Какое это счастье — жить	292

Глава 4. Мое военное детство

<i>Яковец Ю.В.</i> Опаленные и закаленные войной	300
<i>Тощенко Ж.Т.</i> Фантомные боли моего военного детства	309
<i>Евсеев Ф.П.</i> Туда нас память позвала	314
<i>Шипунов А.Г.</i> Я родом из военных лет	319
<i>Юрманова Н.П.</i> Стихи на войне	329
<i>Рагозин Ю.С.</i> В те далекие дни	335
<i>Никоноров А.В.</i> Незабываемое	340
<i>Белянова А.М.</i> Из глубин памяти	362
<i>Осипова Т.М.</i> Мамины руки	368
<i>Бутрина Т.И.</i> Мое военное детство	375
<i>Бурлачкова Р.Л.</i> «Война такой вдавила след»	378
<i>Пушкина З.М.</i> Врезалось в память навсегда	383
<i>Вощиков К.А.</i> Воспоминания о военном детстве в Красноярске . . .	391
<i>Мякишев Ю.Б.</i> Один из блокадников (Записала К.Ю. Рачкова) . . .	396

<i>Гутман Л.Я. Мой Холокост</i>	<i>397</i>
<i>Сенько Д.А. Жизненный путь</i>	<i>400</i>

Глава 5. Наши отцы воевали и деды

<i>Пашко Б. И., Пашко И.Б. Дума о двух родных братьях-казаках, двух отцах, дедах наших — двух фронтовиках:</i>	
<i>Пашко Игнатии Васильевиче и Пашко Федоре Васильевиче.</i>	<i>404</i>
<i>Якутин Ю.В. Годы, люди, судьбы...</i>	<i>409</i>
<i>Алтунина Л.Д. Без вести пропавшие.</i>	<i>416</i>
<i>Жигунов К.В. О тех, кто всегда с нами.</i>	<i>424</i>
<i>Белов А.Г. Георгий Победоносец</i>	<i>428</i>
<i>Макаров Н.А. Об отце</i>	<i>434</i>
<i>Журавлев Ю.В. Самый счастливый день войны.</i>	<i>443</i>
<i>Гончарова О.В. Он о войне не любил вспоминать.</i>	<i>447</i>
<i>Колоколина Т.Б. Летчик-истребитель Борис Александрович Мухин.</i>	<i>453</i>
<i>Юдина Т.Н., Юдин А.А. «Позади Москва, отступать некуда»</i>	<i>459</i>
<i>Рожин В.А. Иллюзии и реальность</i>	<i>461</i>
<i>Половинкина Л.А. Судьба артиста в годы войны</i>	<i>465</i>

МЫ ПОМНИМ...

Книга воспоминаний
и размышлений
поколений

1941

Часть 1

**Авторы проекта,
редакторы-составители
Ю.М. Осипов, Л.И. Ростовцева**

Авторы проекта и редакторы-составители выражают благодарность за организационную и консультативную помощь генеральному директору Н.Б. Немовой и сотрудникам ГУК ТО «Объединение “Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей”»; исполнительному директору Международного общественного фонда имени полководца Г.К. Жукова В.В. Якунину; директору районного краеведческого музея г. Юхнова В.В. Шленской, директору ГБУК УО «Государственный музей Г.К. Жукова» М.А. Федоровой.

Художественное оформление: *Гиндин М.Б., Волков В.Ю.*

Редактор: *Романов С.М.*

Компьютерная верстка: *Колабин Е.В.*

Корректоры: *Токарева О.Е., Скоробогатова О.М.*

Научно-организаторская работа: *Цехмистренко И.Н., Мясоедова Н.А.*

Научно-вспомогательная работа: *Мирошина Е.Ю.*

В оформлении использованы фотографии из семейных архивов.

*Письма, дневниковые записи и др. архивные документы
приведены в авторской редакции.*

Формат 70х100/16. Печ. л. 29,75.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 300 экз. Заказ № 449А.

ЗАО «Гриф и К»

300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.

Тел.: +7 (4872) 47-08-71, тел./факс: +7 (4872) 49-76-96

grif-tula@mail.ru, www.grif-tula.ru

